

УС СЪЗ ДЗСА СЪС СКАП
СЪСЪ БЪНА СЪС АЗНА

КИРНОС С.В.

ДОРОГОЙ СКОРБИ:

КРУШЕНИЕ ОРДЕНА

18+

Степан Витальевич Кирнос

Дорогой скорби: крушение Ордена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39484859

SelfPub; 2021

Аннотация

Тамриэль. Время правления династии Септимов. Страну медленно изнутри начинают терзать противоречия, а внутреннее напряжение продолжает постепенно тревожить сердца граждан. Молодой император, в поисках выхода из проблем, всё чаще обращает свои взгляды и амбиции далеко на восток. В это же время практически никому не известный, древний и покрытый вуалью тайн Орден продолжает неустанно наблюдать за Тамриэлем и его жителями, преследуя по всей стране тех, кто связал себя губительным союзом с тёмными силами. Однако над ним самим навис клинок зловещего рока и не ясно, справятся ли его слуги с бременем, что выпало на их долю. В трудный для Империи и Ордена час начинаются страшные события, что явят миру новую угрозу, до этой поры не ведомую никому. Ужасная партия только готова начаться, силы уже расставлены, ходы просчитаны и кто остановит неистовый шквал грядущего зла?

Степан Кирнос

Дорогой скорби: крушение Ордена

«Изиди Пожиратель Мира. Словами, чьи кости старше чем твои, мы лишаем тебя места в этой эпохе и изгоняем тебя!»

– Фелдир при битве на Глотке Мира

«Победа в сражении – это самая незначительная победа. Победа без сражения – вот высочайшее мастерство».

– Цурин Арктус

«Первое значение всегда скрыто».

– Вивек

Том 2. Орден

Часть первая. Начало начал

Глава 1. Заря

Южный Тамриэль. Валенвуд. Третья эра, двести семьдесят восьмой год.

Рассветает. Солнце плавно начинает путь с востока, озаряя землю и разгоняя оставшиеся тени сумрака, плавно идя по земле и развивая ночной мрак. Хлад ночи стал постепенно сменяться утренним потеплением. В этой части света утро начинается с лёгкой прохлады, улучшенной умеренным морским бризом, который рвётся ласковыми воздушными потоками с юга, что превращает каждый солнечный день в череду приятных моментов.

На городок опустился свет, отгоняющий мрак и в каждый дом, каждое окно устремились лучи утреннего солнца, развеивая полуночную прохладу. Яркий свет мягко проникает и в окна старого дома, поставленного практически у края поселения, заставляя молодого жильца понять, что ночь скинула с города мрачный покров, и пришло великолепное утро.

Юноша, потирая глаза и через зѐв, стал медленно и лениво просыпаться, скидывая вуаль сна.

Эфемерное, лёгкое полотнище ткани, служившее одеялом, отброшено прочь и свет пал на желтоватую кожу. Житель дома стал подниматься, лениво откидывая светло-золотистые волосы и протирая глаза. Его лицо, вытянутое, с отточено-заострёнными чертами лица обернулось к окну, и нефритовые очи впились в образы того, как небольшой куст бьётся листьями о стекло. Он поднялся с деревянной кровати, смягчённой кусками ткани и набитым пухом чехлом, выступающим в роли подушки. Рубаха, белая как облака, повисла на стройном теле и слегка трясётся с каждым шагом.

Затёкшие от сна конечности несколько сковывают движения, но всё же рвение и бодрость заставляют скинуть ночную сонливость. Под ногами он сразу чувствует холодную шероховатую поверхность, трущуюся о стопы. Это оказался пол, сделанный из досок южносибирского дуба и едва ошкуренный.

Утончённые губы юноши раскрылись, исторгая слова, произносимые чуть грубым голосом:

– Ох, Азариэль, наконец-то наступил этот день – пронеслась на весь небольшой дом мысль, наполненная ощущением грядущего счастья. – Так, а куда я положил свою одежду?

Для юноши это не совсем обычная заря, не такая, как сотни предыдущих, ибо после этой для него наступит иная жизнь, наполненная светом и блистательным долгом, как ему

кажется. Это утро, в мечтаниях парня, ключ к его будущей жизни, которая по его представлению круто поменяется. И он действительно прав – сегодняшний рассвет изменит его жизнь. Радикально.

Он, не тратя времени на все обычные утренние процедуры, кинулся в сторону, в гостиную, где под грузным белым потолком, на столе лежит его одежда. Юноша мгновенно натянул на себя брюки из кожи северного оленя, зиявшие белыми пятнами и потёртостями, кожаный жилет и лёгкие сапоги под колено.

Через секунду Азариэль за пару шагов переместился из просторного зала в тесную кухоньку. Её стены голы, за исключением мест, прикрытых парой шкафов. Из единственного источника света льются солнечные лучи, озаряя кухню. Взгляд нефритовых глаз пал в окно и дальше – на улицу. Парень едва на стол не залез, лишь бы увидеть, кто идёт по улице.

– Ну, где же ты... где? – нервно вопрошает сам у себя парень и отошёл от подоконника, вернувшись в комнату, расстроено приговаривая, усаживаясь за стул за комнатным столом. – Уже должна бы вроде прийти.

«Боги, дайте мне сил», – молвит про себя Азариэль. Юноша думает, что его будущее служение, праведное предназначение, которому он послужит, станет залогом покровительства Девяти к нему. Он надеется, что милосердные боги спасут его от всякой проказы, нечисти и всякого несчастья.

«Милосердная Мара, дай мне своей любви, Талос, укрепи дух мой, Акатош, помоги мне», – молится про себя тихо юноша, однако его душа не чувствует тепла, и как бы его молитва не была сильна, ему кажется, что она не слышима.

Томные ожидания берут верх над Азариэлем, так как день, момент сегодняшний очень важен и не в силах сидеть на месте парень срывается со стула, подходя к стене. Золотистый палец коснулся деревянной балки дома, не покрытой известью, ощутив, как шероховатая поверхность трёт конечность. И тут, целой вереницей на него нахлынули старые, мрачные воспоминания, связанные с ранним детством, проведённым в этом самом доме.

– Ох, отец, если бы только здесь был... если бы ты видел, – тяжело выговорил Азариэль. – Что б этот проклятый...

Но раздался стук, и слова завязли в горле, так и не покинув уст, оставшись только мыслью. Азариэль ринулся к двери и распахнул её. Перед глазами возникла невысокая фигура, торс её утянут светло-красным парчовым жакетом, а ноги скрыты под брюками из сиродильского шёлка, стопы же покрыты чёрными туфлями северной работы, смотря в которые можно узреть черты своего лица.

– Здравствуйте, – раздался низкий сиплый голос и Азариэль окинул взглядом лик незнакомца. – Это вы дали объявление о продаже дома?

Смотря на впавшие тёмные глаза, на ужасный шрам, перекосивший лицо слева направо, на исхудавшее лицо, похо-

же на обтянутый кожей череп без жизни, Азариэль с трудом вспомнил, что искал покупателя дома.

«Что же тебя так сильно потрепало?» – задался вопросом юноша, поняв, как его дух холодеет при виде изуродованного лица. Он почувствовал, как странное щекотливое ощущение охватило его грудь.

– Да... я... – выдавил из себя Азариэль.

– Ах, – незнакомец коснулся шрама. – Я вас понимаю. Старая травма, и ничего больше. Меня боятся из неё, и я могу понять таких. Но всё же! – встрепенулся босмер. – Давайте перейдём к коммерции.

– Хорошо. Можете пройти.

– А вы быстро нашли возможного покупателя, – заговорил босмер, входя в дом. – И говорили в нашем местном центре жизни.

– Вы про таверну?

– Да, про неё любимую. И даже объявление на доске давали... я удивлён, как её ещё на доски не разобрали.

– Я просто спешу его продать, – Азариэль закрыл дверь и устремился в комнату, вытянув руку и указав на круглый грубый дубовый столик, что встал посредине. – Вот, присаживайтесь.

– Спасибо, – лесной эльф коснулся стула и отодвинул его, занимая место за столом. – А вы собственно не местный?

– Почему вы так решили?

– У вас дом странный... не вписывается в обычную архи-

тектуру этой провинции. Да и ветхий он какой-то снаружи.

– Извольте, – Азариэль сел напротив, за второй стул. – Меня долго не было дома. Слишком долго.

– А где же вы были, позвольте уточнить. – Босмер попытался улыбнуться, но у него получился лишь отвратительный хищный оскал.

– В имперском доме сирот, что в Сиродиле. В шесть лет меня забрали. Десяток лет я там провёл. Слава Аркею, там хоть учителя были нормальные... а то всякое бывает в Империи. Мне повезло.

Мрачное прошлое спровадило юношу из валенвудских земель, оставив дом на волю имперской власти, чьи законы о собственности требуют заботиться и сохранять дом, пока жилец отбыл из него по приказу государства. Именно в этом доме в свои ранние годы он рос и начинал радоваться жизни, но это начало было омрачено трагедией.

– Позвольте тогда узнать, что же с вами случилось? – вкрадчиво спросил босмер, а его чёрные глаза отразили странный отблеск. – Я, конечно, понимаю, что у вас есть нечто личное, но я может, смогу помочь.

– Всё как обычно, всё банально до невозможности. Что получается на стыке войны и политике? Грабёж и бандитизм.

– Простите?

– Своей матери я не помню, отец о ней ничего не рассказывал. Я жил вместе с ним в этом доме.

– А кто был ваш отец?

– Он был распорядителем ресурсов.

– Это из тех, что являются одним из служащих невероятно огромной бюрократической имперской машины, насчитывающих неисчислимое количество чиновников самых разных рангов?

– Да-да,

– А-а, начальник отдела имперского правительства?

– Нет-нет, – поднял руки Азариэль. – он не был одним из членов высшего эшелона этой машины.

– А я понял. Он был простым серым чиновником, выполняющим свою незначительную работу, которая давала ему Империя.

– Именно. Жениться он не успел, поэтому дом после его смерти достался мне. Только на днях подписал наследственную.

– Так что же с ним случилось? – вопрос гостя практически не слышим за пеленой воспоминаний о прошлом.

Юноша не любил вспоминать, как отец оставил его в возрасте шести лет, уйдя по поручению на работе, так и не вернувшись. События тех дней лежат тяжким грузом в сознании юноши, временами заставляя его проваливаться в пропасть меланхолии каждый раз, когда ему кто-нибудь напомнит об этом и в особенности боль доставляют последние слова отца – «Подожди, приду, и я сыграю с тобой, работы сейчас много. Я обещаю. Ты только дождись меня». Они ввергают молодого парня в печаль и рождая тернии у сердца. Тяжёлые

времена, отмеченные дланью серости, медленно освещаются зарей нового дня, и Азариэль чувствует это, уже не ощущая прежнего ликования.

– Его убили, – скудно отвечает хозяин дома.

– Он был хорошим?

– Ладно, нам нечего думать о прошлом, – отведя пальцы от полированной поверхности крышки стола, сказал Азариэль.

– Хорошо. А убийцы хоть наказаны?

– Мой отец погиб от рук местной повстанческой группировки «Сыны Лесов», когда из-за задержки конвоя с повозками решил самостоятельно отнести отчетности по работе в город – Сердце Леса, один из штабов имперской бюрократии на родине лесных эльфов. Как думаете?

– Ну да, они – хитрые воины.

– Проклятая Империя, – выругался юноша и с пущей яростью продолжил, исказив прекрасные черты лица в гримасе гнева. – Проклятые «Сыны» ...

– Да ладно вам, – гость откинулся на спинку стула, сложив руки на груди. – Где ещё встретишь таких воинов? Бьют как «Дикая Охота», а скрываются будто призраки.

Разум Азариэля невольно выволок всё, что знает об убийцах отца. Парень чуть подался вперёд, а его уста выдали речь в которой промелькнули искорки злобы:

– Согласен, «Сыны Лесов» это вам не какая-то расфуфыренная бандитская группировка, хотящая получить власть в

Гринхарте и его местности и желавшей как можно больше нахапать и уйти в тень от имперского правосудия. У этих кокл имеются свои мелкие политические мотивы, выросшие на какой-то непонятной и безумной философии... мудрецы недоделанные. Они мечтают о создании вольной местности, где нет государства, где все решается сообща в соответствии традициям... долбаные мечтатели, нанюхавшиеся лунного сахара.

– Да, и для этого, они считают, государство необходимо уничтожить, начиная с его марионеток и деятелей, вроде мелких служащих. Романтика абсолютной свободы, – в голосе гостя пробежал намёк на восхищение группировкой.

– Но это так считается, ибо под самыми благородными мотивами обычно скрываются более прозаичные, алчные и жестокие желания, раздуваемые похотью, гордыней и жадностью богатства. Они как любой клан вырождков мечтают о власти и наживе, а идеи свободы насаждали для низших слоёв клана, что б просто получить фанатичных и бездумных последователей, готовых пойти на всё, ради столь сладких идей.

– Но тогда ради чего всё ими творится?

– Как всегда, – пожав плечами, гостю говорит юноша. – Безумие, жадность, похоть и жестокость, прикрытые благородными «народными» мотивами.

– Откуда такая начитанность и познание? – удивился гость.

– Научили так, – скоротечно ответил Азариэль, вспомнив,

что его воспитывали в доме сирот при отделении военного имперского колледжа. – Хорошие учителя были.

– Но ведь сражаются, же за справедливость, не так ли?

– Они «во имя справедливости» грабили и убивали. – Гневно парирует Азариэль. – Сколько жертвами их идей стало? Какое количество безобидных людей и эльфов, которые просто шли через лес без стражи? – напористо прозвучал вопрос.

– Ну, хотя бы, их удары были одинаково жестоки, беспощадны и столь же коварны, молниеносны. Выжженные мелкие, без следов «Сынов», селения и развороченные караваны – ничего не могло скрыться от лесных «благородных разбойников».

– Вы в этом находите прелесть? – смутился Азариэль. – Простите, но ведь это противно.

– Нет-нет, что вы... я просто удивлён их военным мастерством. По крайней мере цели их благородны. Они действительно желают свободы от имперского правительства.

Азариэль пропустил этот выпад, за который гость может сесть в тюрьму, не обратив на крамольные слова внимания. Его разум поглощён спором, жадной доказать правоту. Он, сотрясая воздух жестикуляцией рук, продолжается напористую риторику:

– Хотя они и говорят о благородных целях, но картина ими содеянного совсем иная, показывая их истинное лицо. Они ведут себя как обычные разбойники, не на йоту боль-

ше, лишь подретушировав свою деятельность красивой идеей лживых, но, как им кажется, священных аспектов новой жизни.

Гость с Азариэлем погрузились в дискуссию. Азариэль стоял на позициях того, что они бандиты и место им на виселице, а Босмер пытался их как-то обелить. Они говорили и том, что «Сынов Лесов» так никто и не мог поймать, как не пытались, так как любая операция их поимки превращалась в погоню за теньями. Ни местная стража, ни имперский легион, ведомый самыми лучшими полководцами, не смогли их загнать в угол или истребить. В последние моменты, перед появлением стражи или регулярных войск они скрывались в тени леса, оставляя лишь после себя сожженные дома, убитых граждан и ореол непонятности, вкупе с кровавым безумием.

Босмер указывал, что они воодушевляют на борьбу всё больше и больше молодых эльфов, и людей. Сыны лесов, силой пламенного слова и красотой удивительной идеологии, распространили влияние практически среди бандитов от Старого Корня до Гринхарта, превратившись в одну из самых опасных местных сил, чьё присутствие от остальных провинций Империя старалась скрыть.

Азариэль парировал тем, что эта группировка сама себе противоречит. Как сказано в одной книге: «Но что есть государство, или иная организация, без собственного устройства?». Их структура крайне интересна и необычна, идя

вразрез с декларируемыми идеями. Местность, находящаяся под их контролем, делится на «Вольные Директории». И каждой «Директорией» управляет «Великое Совещание» – собрание всех взрослых членов этой территории, что принимало все решения сообща. Но это только на словах, ибо над всей Директорией стоит узкий круг людей и эльфов, по сути, они и есть истинная власть этой шайки-лейки. В него входят и идеологические лидеры, главные сепаратисты региона, и главы бандитских группировок. Негласно, порой в полушёпот, их называли «Кругом Сильнейших», который и старался протолкнуть свою волю на «Великих Совещаниях».

Они вспомнили, что от каждой Директории выделялся представитель, и он направляется в штаб «Сынов», где и заседает так называемый «Директориальный Совет», который управлял всей повстанческой организацией и решал основные проблемы. Но, не смотря на их вольные идеалы, во главе совета стоит председатель, который занимается изданием доктрин и созданием новых вербовочных пунктов. Это и является главной издёвкой и двуличием, ибо, как те, кто заявляют о полном уничтожении диктата одной личности, имеют во главе собственного движения даже не группу лиц, а единоличного и харизматического лидера.

– Знаете, – вкрадчиво и аккуратно полилась речь. – У меня был один друг-данмер. Я его даже мог назвать братом, и он придерживался таких же идей что и вы.

– Расскажите о нём.

– Да говорить особо нечего. Тихий, загадочный, но умный и верный идеалам, которым служил. Впрочем, из-за этого мы и разошлись во мнениях... по одной ситуации. Я верю, что мы когда-нибудь снова станем друзьями, но политических идей я менять не собираюсь.

– Политика... к даэдра её! – пронеслось с уст парня, отбрасывая размышления о недобитых повстанцах.

– Согласен. – Одобрительно кивнул гость и перешёл к другому вопросу. – А вы, я так понимаю, решили покинуть эти места.

Воспоминания Азариэля об отце постепенно стали рассеиваться, уступая место сладким мечтаниям о новой жизни, в которую он готовился вступить, и которая была дана немногим.

– Да, я собираюсь покинуть эти славные места.

– А куда, если не секрет?

– Знаете, в раннем детстве я с восхищением смотрел на прекрасных рыцарей в блестящих на солнце доспехах, что были довольно частыми гостями в этом городке, хоть их присутствие, как и само существование не афишировалось имперскими властями, а порой даже и скрывалось, – воспоминания о благородных воинов отбросили мрак с лица парня, оно стало более живым. – Но народную молву так просто не заткнёшь и сказания о могучих воителях передавались из уст в уста, из деревни в деревню, становясь легендарными преданиями.

Азаризель по юному наивно о них размышлял и всегда хотел встать в один ряд с этими благородными воинами, чьи миссии покрыты мраком, а сами воители практически ничего не говорят о целях прибытия. О них мало кто болтал, о них практически никто не ничего знал и после себя они оставляли лишь шлейф неясности и тайн, покрытых сумраком секретов, что и вызывало, сначала у ребёнка, а потом у юноши неистовое желание к ним когда-нибудь присоединиться. Юноша знает и верит, что вся их жизнь наполнена приключениями и славой, которые так и манят пламенный подростковый дух.

Но его мечта начала осуществляться только когда, он смог выйти из дома сирот и, что стало очень редкой удачей – поступить в список кандидатов в Орден. Его мечтания уже заполняли сцены о новой и славной жизни в огромной цитадели Ордена, грандиозные битвы и та вящая слава, которую он получит в них. И, так как он решил перебираться в новое место, было принято решение продать этот дом, юноша практически сразу нашел покупателя для этого дома.

– И вы я так понимаю, уже поступили в кандидаты Ордена? – спросил гость, указав на куртку из чёрной кожи, которая отмечена нашивкой, вместившей изображение клинка на фоне раскрытой книги.

– А откуда вы знаете? – лицо накрыла тень смущения.

– Вон, – гость повернулся и указал на куртку. – Символ Ордена. Таким образом, им помечают тех, кто зачислен в

кандидаты.

– Э-м, даже боюсь спросить...

– Вы не бойтесь! Спрашивайте. Хотя, – босмер устрася улыбно, – я знаю, что вы спросите. Поверьте, долгие годы наблюдение позволили мне учесть некоторые особенности Ордена.

Хозяин дома вспомнил о времени и его нефритовые глаза посмотрели на часы, данмерской работы, отделанные эбонитом и окрашенные в чёрные цвета, на циферблате которых выгравированы сплетения, образующие символ дома Редоран. Он вспомнил, что за ним должна была давно зайти его знакомая, с которой он и намеревался отправиться в путь к Ордену.

– Проклятье, – прошептал Азариэль, выдав лёгкое недовольство.

– Что-то не так? – удивился покупатель.

– Нет-нет.

– Тогда давайте перейдём непосредственно к коммерции, – гость поднялся с места. – Я пройду?

– Конечно, ходите, осматривайте, – осторожно начал Азариэль. – Как кстати вас зовут, а то нам так и не удалось познакомиться.

– Ох, вы правы, – сокрушённо принял покупатель. – Прошу простить меня за то моё поведение, я просто был сильно занят. Меня зовут Фиотрэль эль Анарх. – Ответил покупатель и принялся гулять туда-сюда, расхаживая из одного

края дома в другой.

Несмотря на вольность действия, походка гостя выдаёт в нём осторожность и напряжённость. Он будто заведённый обнюхивает каждый сантиметр дома. Всё время касается стен, будто они мёдом намазаны. У окон минут десять провёл, смотря, как на них выходит улица.

«Вот же собака... вынюхивает каждый дюйм» – озлобленно усмехнулся Азариэль, желая как можно быстрее закончить эту сделку и не вытерпев, раздражённо выдаёт:

– Вы всё, окончили?

– Да, – поднял опустошённый взгляд Фиотрэль, – можно обсудить цену.

– Хорошо, – они оба прошли и вновь сели за стол, став сверлить взглядом друг друга; юноша заметил, что его гость так и не спешил расслабляться, все, так и оставаясь в напряжении.

– Ну, и какую цену вы бы назвали? – спросил хозяин, готовясь к долгим и нудным торгам, которые обычно разводят на эльсвейрском рынке.

На лице Фиотрэля неожиданно скользнула искривленная, странная и зловещая улыбка, больше напоминающая оскал дикого зверя. Он осмотрелся и стал вслух оценивающе рассуждать:

– Одноэтажный дом в целом в хорошем состоянии и показывает умение мастеров и надёжную простоту. Крепкие стены сделаны на славу и могли выдержать не одну бурю или

дерзкое нападение.

– Ах-хах, – рассмеялся Азариэль. – И поверьте, он выдержал.

– Приличный, не прогнивший, не просевший, а твёрдый пол под ногами и не собирался проваливаться и простоит не одно поколение, прежде чем рухнет под тяжестью лет.

– Да-а, сейчас качество – это роскошь, – Азариэль положил подбородок на руки, упарившиеся локтями о стол.

– В доме было прибрано и уютно, хотя не роскошно и богато. Через целые и чистые окна прекрасно видны городские пейзажи, а крепкая рама не позволит им выпасть во время порывистых ветров или даже бурь.

– Истинно! – послышался хлопок в ладоши. – Крыша не пропускает не единой капли во время пасмурной погоды и сделана отличным мастером просто на славу.

– А мебель! Какая мебель! Вы только посмотрите! Я ведь вам его вместе с имуществом отдаю! – юноша простёр руки в стороны, указывая на диван и пару шкафов.

– Мебель годная, дом выглядит крепко, стены в лучшем состоянии, только старовато все немного. Да и роскошью здесь не пахнет. Такое ощущение, что это монастырская келья. – Пытаясь пошутить, закончил гость.

– Да, но какая разница? Тебе нужен дом, мне нужны деньги, – напористо протараторил юноша, желая, как можно быстрее продать этот дом странному босмеру.

Покупатель бросил осторожный и холодный взгляд на

высшего эльфа. Этот взгляд был настолько пронзительный и холодный, как ветер моря Призраков, что Азариэль почувствовал дискомфорт в душе, как его сердце леденит. Он поёрзал на стуле, пытаясь отогнать это чувство, но всё тщетно.

– Как какая разница? – медленной сиплой речью прозвучал вопрос. – Надо всегда знать с кем ведёшь дело, – хладно ответил гость, продолжая буравить своим взглядом Азариэля. – Это же один из принципов свободного рынка.

«Радикал что ли... один из тех, кто за свободу что ли?» – вкралась мысль к Азариэлю, но он мгновенно её отменяет и возвращается к исторически древнему процессу торговли:

– Этот принцип работает по обе стороны коммерции, – парировал юноша, стараясь не выглядеть невежественным.

– Правильно, – Неожиданно для юноши и для крепких стен этого дома мрачно сказал гость, отчего он стал выглядеть ещё страннее. – А ты сообразительный, из тебя бы вышел приличный мелкий торговец на рынке или бюрократ. – Отвесил холодно странную и двусмысленную похвалу Фиотрэль.

– Надеюсь, ты платить мне будешь не комплементами. – Усмехнулся хозяин, подогреваемый желанием как можно быстрее избавиться от этого дома.

– Конечно, ты прав. Я сам не имею привычки торговаться. Считаю это пороком. – Похвалялся покупатель, неожиданно после этих слов замолчав, но уже через мгновение твёрдо и без следов гордыни сказал. – Моя цена это четыре тыся-

чи золотых септимов. – И после этих слов, Фиотрэль достал несколько кожаных мешочков с золотыми звонкими монетами и денежный звон сотряс пространство, а кожа мешком тяжёлым грузом легла на крышку стола. И его жакет перестал оттягивать, принимая более нормальный вид.

– Вот так вот, даже торговаться не будем? – сделав довольную ухмылку, спросил юноша.

– Мне нужен дом, тебе нужны деньги. Холодно ответил покупатель, при этом искажив гримасу, попытался натужно и неестественно улыбнуться.

Азариэль пытался понять своего гостя, но это ему не удаётся. Фиотрэль постоянно меняет поведение, отчего делался слишком странным – то он заботливый коммерсант, то бездушный рационалист. Рядом с ним юноше неудобно. Постоянно душу знобит странным холодком, как будто он сидит рядом с маньяком или преступником, у которого с разумом не всё в порядке, но Азариэль отгонял всякие мрачные мысли, ибо чувствует, что ему уже пора.

Руки юноши простёрлись в сторону, будто он хочет заключить в объятия гостя, но это всего лишь жест приличия. Звонкий голос сию секунду раздался и заполнил дом:

– Что ж, добро пожаловать, как говорится! Дом теперь полностью ваш, только сходите в местное представительство имперской канцелярии и подтвердите, что владеете им, – при этом Азариэль прихватил деньги со стола и положив бумагу, подтверждающий право собственности, нарисованное

на веленованной бумаге.

После чего он пошел к сумке, лежащей у входа, куда вбито всё необходимое, кинул туда деньги, вскинул её на плечо и, окинув взглядом свой старый дом, поспешил покинуть уже не свою собственность.

Новый хозяин дома тщательно осматривал помещение, в котором он находился, с явной осторожностью и нетерпимостью, будто ожидая, когда Азариэль уйдёт.

– Прощай, – кинул юноша, вскинув руку, после чего открыл дверь и вышел из дома, ускорив шаг, желая, как можно быстрее попасть на остров.

– Прощай. – Холодно сказал ему вслед Фиотрэль и скрылся во мраке помещения за дверью.

Вот так, с рассветной зари, с самого раннего утра и необычной продажи старого дома начинается история, превратившаяся в долгий полёт длиною в целую жизнь, не раз решившая судьбу целого мира, который множество раз оказывался на краю гибели, хотя и сам этого не знал. Так началась история, «по милости» императора оставшаяся за гранью забвения и сгинувшая в веках.

Глава 2. Трудный путь

Полдень.

Утро давно минуло и солнце во всём своём величии си-

яет в зените, одаряя валенвудские земли ласковым тропическим теплом, дарующим чарующую погоду. В лицо дует теплый, не жаркий, мягкий и спокойный ветер, обволакивая лик и заставляя трепыхаться каждую волосинку на голове. Жара практически не ощущается, её почти нет, разве только гнетущая теплота едва даёт знать о том, что юг, ибо старанием морских ветров, воздух не становится горячим и сухим. Листья деревьев спокойно шелестят, одаривая пространство изумительным звучанием лестного шороха, словно бы это музыка, звучание живой природы, которое так дорого всем босмерам. Всё спокойно и не предвещает ничего особенного.

Город абсолютно тих, лишь могли встретиться пара людей или эльфов без дела слоняющихся по немногочисленным улочкам небольшого селения. Но в основном в городе ни души, все его жители, то ли работали, кто-то пил в местной таверне, ставшей после поместья управителя центром жизни, а некоторые отдыхали дома.

Невысокие ворота остаются позади юноши, облачённого в куртку из кожи и он, минует небольшую защитную стену – чистый декор, не способный защитить от разумного нападения. Обшарпанные, изъятые временем ворота остаются за спиной молодого высокого эльфа, который медленной походкой выходит под своды лесной чащобы. Отовсюду слышится стрекотание птиц и доносится щебетание экзотических пернатых, создающих причудливую лесную симфонию.

Нефритовые глаза на подтянутом лице обращаются обратно, в сторону города, лежащего подле высоких лесов. Парень чувствует некую тяжесть, странный груз, повисший на душе и омрачавший столь солнечный день.

– Боги, дайте мне сил, – слабый голос срывается с уст и Азариэль снова хотел бы взмолиться божествам, только его прошения всегда отдавались на алтарь нечто холодного, несуществующего.

Кандидату в неофиты Ордена тяжело покидать эти спокойные места. Такого бремени не было даже, когда он выходил из дома сирот, не было, когда он и дом продавал, но сейчас тяжёлые цепи печали ложатся на шею. Хоть он здесь провёл не столь много времени в своей жизни, но здесь прошло его раннее детство, первые шаги им сделаны были тоже здесь, и слово первое в этом городке парнем было сказано. Место, где началась его жизнь, тяжким грузом воспоминаний давит на душу молодого эльфа и уход ложится тяжким бременем на сердце юноши.

– О Акатош, – взмолился Азариэль, наивно полагая, что боги ему помогут. – Сколько времени утекло... милосердная Мара, даруй мне покой. Талос, укрепи душу мою, Зеннитар, дай мудрости.

Но, решив скинуть пелену уныния и подумав о будущей жизни, о новых, как он грезил, великих свершениях, и о том, что он уже стал кандидатом в ряды Ордена, Азариэль попытался унять горечь расставания с родным местом. Юноша

истинно думает, что его ждёт новая жизнь, полная славных и прекрасных моментов и с собой он должен брать не печаль и апатию, а рвение к необычному пути. Он устремляет взгляд в тень лесной чащобы и холод печали его чуть отпускает, уступая место манящему зову из прекрасного будущего.

Взглянув на городок с уже практически сокрытой в закромах сердца печалью, он пошёл прочь от него, оставив за плечами и своё раннее детство и тех немногих знакомых в этом городке, которые ему помогали встать на ноги.

«Теперь всё будет по-новому» – Твердит Азариэль себе, наставляя на славное путешествие.

Его путь пролегает через лес к лазурному берегу океана Падомейк. Юноша, оставив город позади, начал идти по старому пути, ведущим сквозь лесную чащу к полусгнившей и давно заброшенной пристани, у которой стоит не менее развалившаяся лодка, что доставит его южнее материка – на остров где и располагается Цитадель столь славного и полускрытого Ордена.

Он начинает путь в полном одиночестве, как в древних сказаниях о забытых странниках, в одиночке прошедших все дороги в Тамриэле и изведавших его уголки. Юноша один вступил на старую дорогу, и никого в этот момент рядом с ним не было, даже самых близких знакомых, которых тоже зачислили в кандидаты Ордена.

Но прежде чем углубится под своды огромного леса, парень свернул направо от дорожки и направился в приземи-

стое одноэтажное здание, скрытое под тенью от кроны деревьев. Сколоченная из старых досок постройка темна и не покрашена, едва покосилась, чем вызывает впечатление, что тут старая заброшка. Но это не так, поскольку у старой двери прибита покошенная и исчернённая косыми царапинами вывеска, на которой написано «Старый Великан».

Ладонь Азариэля коснулась двери, и со скрипом кусок старого скайримского дуба со скрипом отворился, давая гостю войти вовнутрь. Сразу же с порога нос парня пленили ароматы жаренного мяса вкупе с нотками душистого хмеля, кружащие голову. Эльф пошёл дальше, проходя через порог и ступая аккуратно по ступеням. Он бросил взгляд налево и увидел парочку местных пьянчуг, усевшихся за грубыми пошатанными столами и стульями, которые после нехитрой работы проводят досуг и пропивают заработанное. Свечи и факелы, хаотично расставленные по всему помещению, вечером создают томную атмосферу заведения, но сейчас освещение исходит от солнечных лучей, пробивающихся через узкие окна слева.

– «Старый Великан», ты никогда не меняешься, – с легко проскользнувшей улыбкой сказал юноша.

Двери этого всегда были открыты для всех, и он готов был принять любого, будь то усталого путника, рабочего после тяжёлого труда или алчного наёмника, ищущего временный приют.

Местный бард, голосистый лесной орк в пышно-выцвет-

ших одеждах, горланит во всё горло, испытывая струны лютни на крепость и вот он снова поёт:

– Песня о паладине, – прохрипел полупьяный менестрель и запел:

Коли же буден труден, жесток и горек мой путь,
Коли же лютует на тропе разбойник иль монстр лесной –

Не убоюсь я дороги своей, уйдёт из души ужаса суть,
Не знаком мне страх, покуда святость со мной!

Грозный ветер будет мне нипочём, и беды минуют меня,
Доселе я верен доброму делу и слову святому.

Служителя нечисти, бандита иль монстра лихого примет
земля,

Когда встречусь я ними и предам мечу золотому.

В строках песни, рождённой из мелодичного хрипа орка, Азариэль нашёл особое вдохновение. Ему кажется, что эти строки именно про него и его славное дело. Он молча смакует каждое слово песни, рисуя великолепные картины того, как сложится его жизнь в Ордене.

– Ну, здорова, Азариэл! – торжественный возглас вернул юношу из размышлений в таверну.

Взгляд очей юноши метнулся вправо, и он увидел чело-

века, прокричавшего радостно его имя. Это высокий лысоватый нордлинг с широким округлым лицом, нацепивший на себя старый фартук из плотной ткани. Его серая рубашка покрыта пятнами алкоголя и жира, брюки почти не сходятся на большом животе, возвращенном на пиве. Голубые глаза, исполненные добродушием, смотрят на юношу, а широкие ладони распротёрлись в стремлениях заключить парня в объятиях.

– Приветствую, Ульффрик! – Отсалютовал с улыбкой альтмер и позволил себя обнять мужчине; несмотря на высокий рост эльфа этот нордлинг оказался намного выше, и юноша чуть было не утонул в его тёплых объятиях.

– Ты как, в порядке? Не забыл того, что тебе было говорено?

Приятное чувство объяло душу Азариэля и ему вновь тягостно прощаться с домом. Ну как можно бросить всё, если тут такие друзья, которые могут его поддержать, могут помочь.

– Да, – отступил Азариэль и вышел из-за барной стойки, встав напротив владельца таверны, – всё помню, что ты говорил. Остерегаться «Сынов» и не вступать с ними в конфликт.

– И то верно. Только осторожничай, а то тех аспидов как тараканов развелось.

Азариэль положил ладонь на барную тряпку, давай её подбрасывать над деревянной поверхностью, забавляя себя и попутно разбавляя тишину вопросом:

– Что ты можешь мне рассказать?

– Всё, что душеньке угодно-то. От новостей в имперской политике до последних сплетней в городишке-то.

– И какие изменения в политической обстановке?

– Да ничего особенного-то. Ох, а ты слышал, что собираются на север швырнуть два отделения? Мне наш начальник стражи шепнул.

– У нас и так воинов не хватает на борьбу с лестной чумой, а они ещё у нас солдат забирают. Скоро нас всех тут перебьют недобитки лесные, – выпалил Азариэль с мрачным лицом, хлопнув по столу. – Ну ладно, хватит о них разговора. Ты не знаешь, когда мои ушли?

– Да конечно знаю-то, – потирая стакан, стал отвечать корчмарь, – они отправились ещё утром. Только вот меня вопрос изводит – что ж ты с ними не пошёл?

– А я покупателя ждал. Вчера у таверны его представитель сказал, что всё тот объявится днём и поэтому...

– Полно, – поднял руку трактирщик, остановив Азариэля, – понимаю. Как там, кстати, новый Имперский Управитель? Не слишком тиранит-то?

– Ты же лучше знаешь. Я не особо погружён в вопросы денег. Да и первый налог кто за меня заплатил? Сам помнишь, без твоей помощи мне тяжко пришлось бы.

– Да-а-а, беда с тобой-то. Ну, тогда с тебя прилично взяли. Вот же шельмец. Крохобор!

– Странно это слышать от старого легионера, – усмехнул-

ся Азариэль, сев за стул у стойки. – А как же служебные годы и лояльность?

– Ой, – отмахнулся Ульффрик, – что с этой лояльности-то? Ну, служил в легионе, так знаешь, сколько я повидал таких кровососов, которые за септим удавятся?

– Верю-верю. Много.

– Но ладно, чего зашёл? Собрался всё-таки в Орден? Знаешь, и это правильно, – Ульффрик скрылся под стойкой и поднялся вновь с двумя коричневыми рюмками и бутылкой, внутри которой болталась мутная жидкость. – Вот станешь рыцарем или кем там... да произведёшь эту чуму лестную. Народ честной только спасибо тебе скажет.

– Согласен, – прошептал Азариэль смотря на то, как Ульффрик разливает в глиняные чарки мутную жидкость.

– Ну, – протянул Ульффрик парню рюмку, – помянем-то твоего отца, Наафара. Хороший был мужик.

Азариэль поднял вместе с корчмарём чарку и поднёс её к губам. По горлу потекла тёплая, но не обжигающая жидкость, отразившаяся душевной лёгкостью и ощущением свободы.

– Что это?

– Вино из Скингарда. Только вчера привезли, – Ульффрик вытер большой палец о живот и снова заговорил. – Вот жалко твоего отца. Всегда готов был помочь, однажды меня выручил, когда была эта чёртова проверка. Эх, думал точно трактир отберут бюрократы поганые, но Наафар выручил.

– Да-а... я к сожалению, его почти не помню.

– Ну, ничего, – тяжёлая ладонь Ульффрика легла на плечо Азариэля. – Он сейчас в лучшем мире. Храни его Аркей, но нам нужно думать о живых.

– Это точно.

– Как там дедушка Рафаль? Пережил твой отъезд... он же тебя ещё малого помнил, и полдетства с тобой просидел. Ох, как он радовался, когда ты вернулся из дома сирот-то, как радовался-то!

– Всё в порядке. Он даже подкинул мне денег на дорогу вместе с напутствием: «Не спусти жизнь в отходное место, как первое Нордское Королевство – могущество».

– Ох, и тонко же подтрунивает наш дед... не каждый-то поймёт. Ты кстати, как сам? Готов отправляться?

– Ух, – с грустью вздохнул юноша и его лик сделался мрачнее пасмурного неба. – Трудно конечно, тут и Рафаль и ты, да и ещё пара знакомых найдётся. Но что поделаться? Такова жизнь и все мы рано или поздно должны решиться на поступок, который изменит нашу жизнь. Потом всё будет нормально.

– Э-э-э, только не думай, что всё будет так легко. Тебя ждёт трудная жизненная дорога.

– Это я понимаю, – склонил в кивке голову Азариэль, – кстати, а ты не видел Аквилу? Мы договорились с ней встретиться у тебя.

– Она ушла утром, вместе с остальными. Я их видел-то и

могу точно сказать – она отчалила.

Азариэль ощутил лёгкий укол обиды у сердца. Его бросило и в жар, и в холод одновременно, а в груди почувствовалось некое давление. Обида, замешанная на унынии. Его, несомненно, опечалила эта новость, ведь он её так давно ждал и хотел, чтобы они вместе пошли к Цитадели. Но больше всего его пугает мысль о том, что она может встретить кого-нибудь из «Сынов Леса», хотя эта дорога под усиленным патрулем и редко на ней можно увидеть даже лесных тварей, нежели разбойничье отребье.

– Да ладно тебе, – пихнул по плечу Азариэля корчмарь, – и какой резон в том, что она твоя хорошая знакомая? Ну, подумаешь, она первая, кто с тобою сдружилась? Всё будет в порядке, она же под присмотром вашего рыцаря. А он стоит десяток лесных скотин. Так что всё в порядке.

Угрюмой улыбкой ответил Азариэль и с его уст сошли медленные слова, как у охваченного меланхолией эльфа:

– Я понимаю. Но всё-таки... я знал её ещё до того, как меня забрали в дом для сирот. Она первая, кто меня встретил.

– Да полно тебе будет. Ничего смертельного не случилось-то. Вот когда я на службе попал в окружение маркартских ричменов, этих кровожадных оборванцев, вот тогда самое-то было так грустить как ты.

Слова не дошли до ушей Азариэля, потерялись среди бури мыслей, и корчмарь опустилс я вновь под барную стойку и вновь разогнулся, держась на этот раз за спину, ворчливо

приговаривая:

– Ох-о-ох, моя бедная спина. Старость не радость.

Эльфийский взор привлёк длинный вытянутый свёрток, и юноша незамедлительно спросил:

– Что это?

– Знаешь, ты парень хороший, умный, смелый, – грубым голосом говорит владелец таверны, и тёплое ощущение от похвалы берёт дух юноши. – Я хочу отдать тебе оружие. Мне оно не зачем, но тебе точно понадобится-то. – Завидев грядущий протест гостя, корчмарь строго, но с лёгкой толикой веселья упредил. – Так, и не думай отказаться от него. Это, как там его... от чистого нордского сердца тебе.

Буквально пара лёгких движений рукой и перед юношей лежит длинный вытянутый предмет, покрытый немногочленными пятнами ржавчины и в свете солнца едва поблёскивающий.

– Э-э-это клинок? Древний артефакт? – Азариэль тут же метнулся к оружию, став его пристально разглядывать.

– Можно и так сказать.

Перед глазами друзей лежит сверкающий, почти отчищенный от ржавчины полторный клинок строго прямой формы, с крупным фальшлезвием, отчего меч чем-то становился похож на фальшион, но и сохраняет черты палаша. По-видимому, это была попытка совместить суровый стиль древних нордов с дизайном хартлендских эльфов. Азариэль коснулся лезвия, и странный кусачий холод до боли впился в

его пальцы сию секунду, пробежав по руке крупнейшим морозом.

– Ай! – потряс тут же ладонью юноши, оттянув руку от лезвия.

На навершии клинка сияет камень, напоминавший старый фиолетовый аметист весьма грубой работы, будто его несурово били тесаком. Но камень странно сверкает, как будто из него шёл эфемерный, потусторонний свет. Лезвие клинка покрыто странной и непонятной гравировкой, изображавшей растительный орнамент, вкупе с чем-то холодным и зимним, как метель.

– А откуда у тебя этот меч? – Азариэль поднял взгляд на грубое лицо корчмаря. – Такой клинок может быть только работы северных народов древности. Не из кургана ты ли его утащил? – подкалывая, прозвучал вопрос.

– Почему сразу утащил-то? – Ульффрик оглянулся и полущёпотом продолжил. – Мёртвым оружие ни к чему. Я его просто нашёл. Позаимствовал у далёких предков, храни Талос их души.

– Так как всё было?

– В своё время я служил в славном имперском легионе, и проходили они свою службу в самой северной провинции – в Скайримере.

Ульффрик поведал Азариэлю, что их отправили в ночной патруль по границам донстарского холда, блюсти порядок и выискивать бандитские лагеря, что могли близко располо-

житься к городу, ожидая момента, когда можно будет поживиться и в патруле они наткнулись на древнюю нордскую крипту. Она не была столь огромна как Саартал или Лабиринтиан. Это было низкое куполообразное возвышение над землей с дверцей у входа. Так как один из сослуживцев смог вскрыть дверь в крипту они проникли в старую и древнюю гробницу. В крипте ничего не оказалось, похоже, это была обычная гробница, приспособленная для не богатых особ или же маленький семейный курган. Солдаты там нашли всего несколько вещей, вещей домашнего быта. Но в одном из сундуков, будущий корчмарь сумел найти этот клинок. Когда он достал его из сундука меч был запылённым, старым и покрытым ржавчиной, но этот камень всё так, же эфемерно и мистически светился, по словам Ульфрика.

– А сослуживцы? – спросил Азариэль среди рассказа.

– А они что? Нашли значит-то всякой меди в виде колец да браслетов. А у меня был тот самый меч. Не пофартило им тогда с имуществом – разве что пара серебряных монет чего-то стоили.

– И что было дальше? – заинтересовался Азариэль, положив подбородок на ладонь и упарившись локтём в барную стойку.

– А что дальше?! – Ульфрик развёл ладони в стороны. – Полный капец дальше, вот что! Представь себе, когда ночью в старых руинах, где пахнет как в отходнике, слышится крик-тение и топот. А затем ещё и появляется житель гробницы,

у-у-х, страшный как сморщенный зад, а глаза пылают синим пламенем.

– Другр!?

– Да, и вот этот другор кинулся на нас, размахивая топором. Мы его кромсали в капусту, а ему пофигу! Он на нас пёр как пьяный тролль, и думали, что всё, конец нам. Хонрику даже руку эта сволочась рассекла.

– И как же вы его победили.

– Кочан отрубили. И тварь рухнула. У-ух, не хотел бы я больше встретиться-то с этой сволочью.

Рассказ заворожил Азариэля и даже вдохнул в него часть солдатского романтизма, не осквернённого военной хозяйственной рутинной. Он никогда не встречался ни с кем в настоящем бою и тем более с жуткими созданиями Тамриэля. Верх его боевого опыта составляли постановочные сражения на деревянных мечах, устраиваемые стражей.

– Держи, этот клинок теперь твой, – протянув меч, вымолвил корчмарь.

Юноша не стал отказываться от такого подарка, лишь поблагодарил своего знакомого.

– Я рад принять подарок, честно. Такое оружие... я не забуду этого. – Выдержав паузу, Азариэль решил попросить ещё кое-что. – Можно какой-нибудь еды? С собой. Я просто не знаю, как всё может сложиться.

– Конечно. Хлеба и сыра, думаю достаточно. – Заворачивая в платок еду, согласился трактирщик и подал свёрток

парню.

– Спасибо тебе огромное, за доброту, – еда тут же оказалась заброшена в сумку. – Храни тебя Акатош. Прощай.

– Эн-нет, – Ульффрик вышел из-за барной стойки и крикнул куда-то в противоположную часть зала. – Мортифайнэ, посмотришь-то за «Великаном»? Я скоро ворочусь.

– Хорошо! – с поднятой кружкой послышался ответ от какого-то местного высшего эльфа, в старых поношенных одеждах чёрного цвета, помогающего Ульффрику в трактире.

– Ты куда? – поинтересовался Азариэль.

– Провожу тебя. А то боязно мне, – прихватив старый железный топор, с лезвием в форме полумесяца, местами покрытый оранжевыми пятнами, Ульффрик покинул «Великана» вместе с парнем.

Сразу за трактиром лежит лишь глухой лес и старая, практически заросшая тропа, через которую и лежит его путь. Юноша, войдя в зелёную чащобу, представленную растительной стеной, всё дальше шёл в лес по старому пути, медленно пробираясь сквозь дебри. Под сводами старого леса несколько боязно и страшно, но Азариэль без страха, со щекотливым ощущением неизвестности встал на неведомую стезю, которая постепенно пропадает в лесной чащобе.

– Спасибо тебе, Ульффрик, – говорит Азариэль, входя в прохладные объятия леса. – Мне приятно, что ты решил помочь.

– Я рад помочь, только идём молча, дабы не привлечь по-

гань лесную.

В древнем и густом лесу для Азариэля было что-то пугающее и одновременно веющее надеждой... он походит на преддверье к новой жизни. Все помнили, что надо, держатся старого пути, ведь все леса в этом регионе просто кишат бандитами и сепаратистами всех мастей, как ночная кухня тараканами.

Лес, несмотря на привлекающую таинственность, спокоен и прекрасен. В воздухе витает приятный запах коры деревьев, полностью наполнявший лёгкие свежестью и душистым ароматом. Звонкие трели птиц, что прекрасным пением заполняют ухо, наполняют пространство изумительным лесным перезвоном. Спокойно играют пернатые, напевая звонкие мелодии, и интересной и необычайной и интересной игрой завораживают слух. Солнечные лучи, смиренно и приятно падают через кроны деревьев, гармонично поливая рассеянным светом лес. Повсюду, где только можно было, подобно дорожному ковру, расстилалась лесная зелень и мхи, аромат от которой приятен и обворожителен.

Азариэль уже более уверенно шагает по древнему пути и становился менее напряжённым, ведь рядом с ним по земле шуршит большой защитник, с которым не так боязно идти сквозь дебри. Его нос ловит странные, но в то же время прекрасные ароматы. Сладость и душистость рвётся ему в ноздри, заставляя восхищаться благоуханиями этого леса. Вся мягкая и приятная обстановка леса, что своим разнооб-

разием и красотой ласкает душу, успокаивает нервы парня, даря ему прекрасные лесные пейзажи.

Азариэль хрусти ветками и сотрясает листву подошвами сапог, думая, какова будет его будущая жизнь. Слава и похвала правителей само собой часть будущего. Богатства и достаток? Да, оно тоже будет, так как слава влечёт за собой и могущественных покровителей, от имперской аристократии до легатов и промышленников. Он перешёл от грёз и сладострастных мечтаний к собственным воспоминаниям, повествующих о том моменте, когда он действительно сделал первый шаг на пути в Орден.

Это было таким же солнечным днём. В том самом маленьком селении, где и было его детство, Азариэль с друзьями прогуливались по городишку, весело обсуждая все, что только можно было, когда грянула радостная и тяжёлая новость. Тут размеренное и непроницаемое городское спокойствие разорвал громкий звон горна, возвестивший о важности события.

Ребята сразу ринулись к источнику пронзительного звона, скинувший покров привычного спокойствия. В горн трубил один из рыцарей-глашатаев, и, прибежав, юноша увидел, что на нём были прекрасные латные доспехи, выполненные из митрила и эбонита, блестящие под ярким солнцем. В сверкающих латных перчатках был сжат свиток белоснежной бумаги.

Люди, подошедшие к нему, выражали своё восхищение

совершенным воином, и постепенно возле рыцаря собралась целая толпа. Когда большинство людей столпилось возле великолепного воителя, рыцарь лёгким жестом развернул свой свиток и стал читать, сотрясая пространство глубоким и выразительным голосом:

– По великой милости Регента Ордена, засим объявляется, что наступил час для жатвы новой крови и наша воля требует, чтобы наследники правящего поколения принесли кровавые и клятвенные печати, присягая на верность стражам мирового порядка. – И убрав свиток, он стал разъяснять собравшимся, зачем он пришёл сюда. – Я принёс вам благую весть. Нашим славным и великим Орденом проводится набор в неофиты и вестник, который отберёт достойнейших, чтобы подобрать сильных телом, здравых умом и крепких духом юношей, и девушек, для того, чтобы они хранили этот мир.

И началось. Тот рыцарь был всего лишь глашатаем, ведомым приказом своего господина. За ним, буквально через час прибыла целая коллегия из магов, орденских учёных или профессоров и других рыцарей. Так же, как и клинок испытывают огнём и холодом их три дня пытались сломить самыми различными приёмами и проверками, что должны были отсеять слабых, недостойных и выявить наиболее подходящих. На их выбор были самые различные испытания: от долгого бега до проверки в осведомлённости в самых разных науках. И на третий день, на фоне кровавого заката, те, кто

смог превозмочь первую ступень на пути к славе стояли на коленях и праздно устало произносили речь – клятву кандидата. Когда последние слова присяги были сказаны и губы сомкнулись, то тогда один из магов их благословил на посещение Великой Цитадели, а рыцарь приказывал им явиться через неделю в обиталище Ордена, что станет финальным испытанием, пускай им и велено идти с одним из воителей. И после всего этого, никто из рыцарей или магов больше не появлялся в городке. Они исчезли словно тени, растаяли подобно миражу, оставив за собой лишь неясность.

Азариэль шёл и всё время размышлял, не считаясь со временем, что мысленно и сокращало его путь. И по мере размышлений путь через лес близился к своему завершению, уже сквозь более редкие деревья виднелись лазурные воды океана Падомейк.

Но не всё оказалось так хорошо, как хотелось бы. «Милосердные» боги решили напомнить парню, что это мир вечных войн, опасностей и горестей, а то всё добро, которое творится в нём не столь долговечно и быстро сменяемое на битву и скорбь.

Внезапно смолкли птицы, и в лесу установилась абсолютная тишина, а где-то в стороне послышался хруст веток, что отозвалось в душе юношу резким холодком. Рука парня инстинктивно, подражая воинскому навыку, метнулась к клинку, висевшему на поясе. А Ульфрик поднял топор, встав в боевую стойку и ожидая врага.

Из тени леса, с обнаженным наперевес клинком, сиявшим стальной лентой у бедра, вышел высокий человек, по телосложению наверняка нордлинг, а может и рослый имперец. На нём красуется крепкая кожаная куртка зелёного цвета, стопы и голени обтягивают короткие сапоги, а лицо, как и злые намерения, скрывает капюшон и маска, из-под которых только сияет нездоровый блеск карих глаз. У него странная внешность, будто он носил некую форму, присущую целой организации, сразу стало понятно, что это был определённо один из «Сынов леса».

– Ох, ещё одни марионетки Империи. Ну, сейчас польётся ваша кровь – с угрозой вышел человек.

– Пошёл прочь, лесной пёс! – гаркнул Ульффрик.

– Кто ты? Давай разойдёмся миром, – дрожа голосом, предложил юноша, не желая вступать в бой с повстанцем.

– Ха, миром?! – неожиданно вскрикнул сепаратист. – Между свободой и тиранией не может быть мира! Вы всего лишь рабы государства, скоро ваш родной городок будет сожжён нами до своего основания. – Желая испугать парня, с нетеатральной угрозой твердил бандит. – А теперь, рабы, вы отдаёте мне все, что есть, на благо народного движения, или умрёте. – Угрожая клинком, сказал «Сын».

– Иди к даэдра, психопат несчастный!

– Ты безумец. Пойми это. Твои идеи не принесут добра, – по простоте душевной пытается переубедить юноша бандита, но в ответ лишь зловещее молчание.

Юноша только сейчас понял, что всякие разговоры с ним бесполезны, ибо этот сепаратист всего лишь один из обычных бандитов, которые хорошо обработаны лживой идеей «свободы», а оттого они становились ещё опаснее, ибо переставали видеть всё остальное. Ему было бесполезно, что-либо говорить.

Но Азариэль даже и не думал, что время испытания его умений, момент первой настоящей битвы наступит так скоро. Его сковывает самый настоящий страх – ноги не хотят двигаться, словно по венам разлился свинец, а руки немеют, мысли предательски путаются, отходя на второй план и давая волю инстинктам. Он знает, что выживет либо отступник, либо они. Но мир, где царят войны, где за гранью реальности таятся полчища демонов, сдерживаемых только драконьими огнями, не знает мягкотелости и милосердия. Азариэль понимает, что нужно делать, словно готовился к этому, рука эльфа робко коснулась рукояти интересного меча и дрожащими пальцами попыталась обжечь его. А Ульффрик тем временем занёс топор на коротком древке для атаки, приготовившись к битве.

– Ну что ж, – грозно прорычал бандит, и его пальцы сжимаются на деревянной рукояти длинного клинка. – Вы сами выбрали свою участь. – И сомкнув уста, быстрой походкой пошёл к юноше, готовясь нанести свой удар.

Но путь преградил Ульффрик, с диким рёвом бросившийся на врага. Его топор рассекает воздух, но не попадает во

врага и метнулся обратно, чтобы совершить рубящий удар. Противник отпрыгивает назад, и его рука опускается за пазуху. Через секунду левая ладонь бандита ослепила ярким сиянием, окутавшим её морозным вихрем. Ещё секунду назад в пальцах был зажат бумажный свиток, но воля заклинателя неумолима, и он рассеялся, уступая место сокрытой в нём магии. Ульфрик попытался отступить, но сию секунду поток сверхбыстрой холодной энергии сорвался с пальцев и кулаком напористого ветра отшвырнул норда прочь.

– Аха-ха! – зловеще расхохотался мятежник и указал на эльфа острием меча. – А теперь ты!

Парень ощутил невероятный страх, ужас, который стнет в жилах. Азариэль помнит несколько приёмов, которыми его обучил знакомый стражник, ещё он припоминает советы старого легионера, а также он научился нескольким финтам, которые смог увидеть у рыцарей в те дни. Но всё же юноша слишком молод и неопытен для того, чтобы стать равным фехтовальщиком даже для городской стражи.

Страх битвы отпустил Азариэля перед самым моментом удара, когда сталь понеслась к нему, желая напиться крови, уступая место инстинкту самосохранения. Первым нанёс удар сепаратист. Юноша умело ушёл от стального блика, ушедшего в землю, потом сделал выпад, но его удар был отбит резко поставленным блоком. Нордлинг нанёс колющий удар, но после того как его укол встретился с прохладным лезвием древнего фальшиона, он отпрыгивает, хрустя ветка-

ми и листвой. Выйдя в стойку он в прыжке атакует. Азариэль ощутил всю силу удара, которая его едва не опрокинула и пятится назад, пытаясь ударить, и его лезвие уходит в сторону, открывая торс. Бандит это видит и плотным мечом отстегает попытку закрыться мечом, попутно впечатав своё плечо в грудь эльфа.

Азариэль падает на землю, ощутив резкую боль, подминая листья и шурша ими, хрустя ветками, ползёт назад. Бандит начал подходить к лежащему альтмеру, готовясь его добить и обобрать во имя «благородных» целей, смакуя каждую секунду. Но юноша, неожиданно для противника, сумел нанести упреждающий удар в плечо, который выполнен просто инстинктивно, уже за гранью понимания действий.

Эффект оказался не предсказуем. После того как кончик клинка погрузился в плечо, камень на навершии мистически сверкнул, и место, где хладная острая сталь вошла в плоть покрылась инеем, область вокруг раны мгновенно побелела, словно её пронзил дикий и неестественный холод.

Юноша тут же всё понял, быстро проведя в своём уме логический ряд: рана, холод – зачарование.

Магия, нанесённая на клинок, нанесла страшное увечье: порез возле места прокола начал отмораживаться, превращая некогда тёплую плоть в безжизненный лёд. Кожа потрескалась вместе с плотью, что нашло отражение в неистовой боли, пробежавшей волной по всему телу.

– А-а-а-а! – проорал мятежник, сжав раненое плечо.

Азариэль выдернул клинок, не окропив землю кровью, ибо она стала льдом и от уровня адреналина, резко подскочил, занимая боевую стойку, снова готовясь к бою.

Нордлинг, постанывая и держась за рану, медленно попытался назад, но на его пути оказывается камень, незначительный булыжник. Бандит споткнулся, выронив своё оружие из рук. Азариэль, увидев, как непонятный камень дал ему шанс на победу быстрой молнией метнулся к противнику.

Острие клинка вознесено над лежащим «Сыном Леса» и перед тем как нанести последний удар мрачные думы окутали разум Азариэля, стянув волю к действию. Это были обычные мысли того, кто ещё не наносил добывающий удар... умерщвляющее действие. Рука нордлинга уже нащупала клинок, пальцы сжимаются постепенно на рукояти и вот-вот он покончит с парнем. Юноша понимает, что сейчас решается его судьба... или он или повстанец.

Но тут в его разум неконтролируемым потоком, словно по желанию неизвестных сил, пробрались старые воспоминания, которые решили исход боя. Вспомнив отца, вспомнив прошлое, подумав о будущем, Азариэль сжал так крепко обеими руками меч, что ощутил, как в его золотистые пальцы впивается рисунок и ржавчина рукояти. Острие меча рвануло вниз и прорезало плоть, впилось в тело, прошив его в области сердца и насадив его как кусок мяса на шампур.

Хруст костей, треск расползающегося льда и стенания

нордлинга ужасной агонией души донесли до души юноши, ознаменовав победу в своём первом бою. И первой мыслью пришла пустота... слишком много свершённого для такого молодого возраста.

– Олаф! – тут из-за деревьев вынырнул другой повстанец, ниже ростом, скорее всего босмер, облачённый в такие же одежды, только в его руках покоится композитный лук.

Заметив, как меч Азариэля торчит из тела друга, мятежник истошно завопил:

– Я убью тебя падаль дрянная! – враг за мгновение ока положил стрелу на тетиву и приготовился выстрелить; сердце Азариэля сжалось, а лучника окружила тёмная вуаль, ноги вот-вот подкосятся от больно-трепетного чувства скорой смерти, которая ещё секунда и принесётся со стрелой.

Но спасение пришло в самый последний момент. Из-за спины мятежника появился Ульффрик, рассекающий топором тетиву лука. Нить лопнула и стрела пала на землю, избавив Азариэля от неминуемой гибели. Нордлинг мгновенным ударом локтя заставил врага пошатнуться, а затем размашистым ударом топорща рассёк «Сыну» ключицу. Ещё удар и лезвие грубого оружия выбило душу из повстанца ударом по голове, отчего тот спустя секунду рухнул на землю, расплывшись и его капюшон спал, обнажая острые уши.

– Вот холера лесная! – разразился криком Ульффрик.

Азариэль ощутил удар по голове, но, то не холодное прикосновение оружие, а нечто иное, рождённое в нём самом.

Ноги самовольно подкосились, боле не подчиняясь парню, перед глазами всё поплыло и очертания чумазого образа трактирщика рассеялись, смешались в единую картину с природой.

Пальцы Азариэля сжались на мече, когда он рухнул на труп повстанца, чтобы не дать себе упасть в обморок. «Всё это, всё это происходит не со мной. Этого не может быть» – завопил разум эльфа в тот момент, когда чувство пролитой крови ударило в голову похлеще угольного вина.

– Эй, парень, ты чего. – Ульффрик моментально подбежал к Азариэлю, но тот не ощутил, как трактирщик к нему прикоснулся.

Юноша ушёл полностью в себя, практически потеряв связь с внешним миром – он не чувствует, как его держит друг, как воздух наполняется железными ароматами крови, которые были бы так милы любому вампиру.

– Ты только дыши! – кричит корчмарь, но звуки смешались в единый поток, отошедший на третий план сознания, оставив место потоку мыслей – «Всё это не со мной. Это не реально».

Спустя пару минут тяжёлых вздохов и борьбы с состоянием на грани обморока Азариэль шевеля отяжеленными губами, хрипло вымолвил:

– Я... я... не думал... что путь... такой трудный... будет, – бешено продыхаясь выдал слово за словом Азариэль.

– Тебе нужен покой. Отдохни. Тебе кровь ударила в голо-

ву.

Корчмарь, старый легионер оказался прав. Спустя десять минут вернулась насыщенность красок и полнота звуков, Азариэль уже вытирал клинок, осмотрел труп своего поверженного врага, взяв из вещей убитого врага только необходимое – пара монет, да старый серебряный медальон с растительным орнаментом. Ржавое оружие повстанца осталось лежать рядом с ним. Азариэль взял помимо вещей и посеребрённый кинжал, на котором сияла красивая гравировка: три дерева, а под ними подпись на тамриэлике – «верные дети».

– Ты как? – Азариэль поднял взгляд нефритовых очей на человека и увидел утёртое от грязи и крови лицо друга, который продолжал говорить. – Ничего, в первый раз бывает тяжело. Всё будет хорошо.

Азариэль не стал задумываться о том, что сделал. Он знает, что это естественное состояние после первого убийства живого мыслящего существа. Но тот человек был обычным бандитом, не знавший пощады, и заслуживал такую судьбу, с первого взгляда.

– Не осуждай себя, – всё продолжает Ульффрик, встав напротив юноши и говоря, стараясь быть не громче трели лесных птиц. – Ты всё сделал правильно. Просто живи дальше.

– Поскуды, – тяжело вымолвил Азариэль. – Тварь лесная.

– Соглашусь с тобой – говорит корчмарь. – Да, все они лихой народец-то, и всех их должна ждть плаха.

– Ну, давай тогда прощается.

Ульффрик прижал к себе Азариэля, и его кожаная куртка закрипела, а сам юноша вновь чуть не утонул в объятиях нордлинга.

– Храни себя, Азариэль.

– И ты не пропади, Ульффрик.

Парень развернулся и пошёл, слыша, как позади хрустят ветки и шуршат листья. Приняв суровую правду как должное, юноша продолжил свой путь, на который и так потратил значительное количество времени.

Азариэль спустя пару мгновений уже шёл по песку, раскидывая сапогами песок и чувствуя его мягкость, ощущая, как лёгкий ветер обволакивает приятной прохладой его лицо, а мелодия прибоя ласковым шумом нежит ухо. Но юноша решил не проводить пары минут в наслаждениях райской обстановкой пляжа, ибо видит впереди только остров, на котором раскинулась Цитадель. Он видит очертания деревянных досок, сколоченных в лодку.

Стоило только приблизиться к лодке, как тут же отдало сыростью и дурным амбре сгнившей рыбы, однако для эльфа это не стало преградой. Юноша, со всех сил налегая на хрупкие вёсла, пересёк водную гладь, не отвлекаясь на время. Толчок на вёсла, ещё один и ещё... и так, пока днище не пристанет к золотистому песку иного берега. Вода в океане тепла и приятна, самое то для купания или отдыха. Стоит полный бриз и, смотря на небо, становилось очевидно, что

солнце уже вышло из своего зенита, и земля скоро начнёт остывать.

Во время плавания он постоянно думал, о том, что случилось в лесу, не в силах избавиться от прилипшего потока навязчивых хмурых мыслей. Это было некое ощущение, лишённое осознания. Странное. Мутное. Оно вызывает дискомфорт в душе, заставляя вечно думать и рассуждать о содеянном поступке, но через какое-то время Азариэль отмахнулся от мыслей, как от надоедливой мошки, и продолжил путь, выкинув их центра внимания.

Юноша через пару часов гребли доплыл на старой лодке и шагнул на остров – его лёгкий сапог, сшитый из лёгкой тонкой ткани, погрузился в песчаные берега. Всё золотистое побережье острова покрыто песком и интересными ракушками, которые хрустят под ногами с каждым шагом.

– Одна тропа и столько... безумия, – бормочет себе под нос Азариэль.

Вечернее время вот-вот начнётся Главная башня цитадели, возвышавшаяся над всем островом и видневшаяся над кронами деревьев, облицованная плитами чёрного мрамора, «полыхает» и тонет огне уходящих лучей. Однако резкий мужской голос оборвал созерцание на главное строение Ордена, и чувство неожиданности дрогнуло парня.

– Ну, наконец, ты здесь. – Послышался низкий мужской голос, переполненный сдержанностью и строгостью. – Почему так долго!?

Азариэль оглянулся и его лик, приковало зрелое и мужественное лицо рыцаря, чей доспех сияет в лучах скорого заката и являет произведение воинского искусства. Юноша с бессилием смог вымолвить лишь одно слово, ибо слишком тяжёл оказался его путь:

– Ремиил...

Глава 3. Дела в Ордене

Этим временем. Цитадель Ордена.

Глубокий тяжёлый вдох predetermined не менее каторжную реплику, несомую с угловатых уст высокого нордлинга, сказанную голосом крепким:

– Вы же понимаете, мы не сможем этого сделать, госпожа Архимаг. Вся разведка под контролем Совета Владык, а для него нужды рыцарей – приоритетные.

В небольшом кабинете две фигуры. В свете небольшого прямоугольного окна у письменного стола высится прекрасная девушка и, кажется, что её белые одежды сотканы из золотых лучей солнца. Худое тело окутано свободным нарядом – мантией белого цвета, на которой переплетаются листьями и стеблями золотые узоры растений. Длинные золотистые волосы, сквозь которые пробиваются остроконечные уши, аккуратно ложатся на хрупкие плечи. Отточенные утончённые и вытянутые черты лица, вкупе с восхитительными свет-

лыми очами, делают даму по истине прекрасной.

– Ариан, – мягко заговорила девушка, опустив руки к бу-
мажкам на столе. – Ты же понимаешь, что Магическому Ан-
клаву необходимо узнать положение тех масок, которые но-
сили ересиархи драконьих культов.

У створчатых светло-синих дверей на девушку смот-
рит мужчина глазами широкими, смахивающими на тём-
ные-тёмные топазы. Его волнистый волос ниспускается до
шеи, окаймляя суровое трапециевидное лицо. Подбородок
украшен чёрной бородкой, а на «живых» щеках прогляды-
вается старая ссадина. Чёрная усиленная короткая кожаная
куртка, под которой белая рубаша, облегает стройное тело
вместе с штанами из кожи и сапогами до колен.

– Моя госпожа, я рад вам помочь, но у меня банально свя-
заны руки. Вся орденская разведка служит рыцарским нуж-
дам. Я, конечно, сегодня могу рассказать о ваших требова-
ниях представителям Совета, но не более того.

Девушка тяжело оглянулась. Её кабинет – небольшое по-
мещение, где по углам распаханы диковины со всего Тамри-
эля – двумерские механические часы в одном, в другом
планетарная схема Нирна, третий полон полкой с магиче-
скими светильниками; у стен за столом расположились два
книжных шкафа, набитых редкими томами, на стенах карты
континента и отдельных его частей, располосованных свет-
ло-алыми пометками.

У самого входа на кресле, обтянутом чёрной кожей рас-

положился высокий черноволосый человек, защищённый крепкой изукрашенной золотом серебристой пластиной, под которой выются насыщенные синие одеяния. Он смотрит исподлобья и взгляд его тяжел и вселяет уныние.

– Айк’Аран, оставь нас, пожалуйста.

В ответ человек мгновенно поднялся, отдал кроткий поклон и поспешил на выход со словами:

– Как скажите, госпожа Архимаг. Да и пора мне на собрание.

Как только створчатые двери характерно стукнули, обозначив закрытие, мужчина спросил:

– Как ему новые обязанности Главы Магического Круга? Да и с его прошлым...

– Пока присматривается, – спокойно ответила девушка. – Мне не важно, кем он был, но очень приятно, кем стал. Не совсем легко управляться с двадцаткой лучших чародеев, но он справится. Он хоть и человек, но у него получится.

– Расскажи, – присаживаясь за кресло, и наблюдая за тем как, альтмерка садится за трон у стола, заговорил мужчина. – Как обстоят дела в Анклаве?

– Ох, не так хорошо, как бы хотелось, честно, признаться.

– А что же случилось? – с еле заметной толикой душевности прозвучал вопрос. – Не скрывай, поведай.

– Сенат Анклава требует от меня, чтобы я дала ресурсы и попросила выделить пару рыцарей на поиски масок жрецов драконьих. Ты даже не представляешь, какая сила кроется в

этих артефактах.

– А ты?

– Мне нечего им сказать. Все ресурсы в руках Владык, право отправить рыцарей на задание тоже ими контролируется.

– То есть твоё «неофициальное» задание по поиску информации о масках было зря? – наиграно обиделся Ариан. – То есть всё, что я добыл, останется просто каракулями на пергаменте?

– Можем мы ещё что-нибудь придумаем. Думаю, Совет Владык будет снисходителен к требованиям Сената Анклава. По крайней мере, я представитель интересов Сената и ко мне прислушаются, – без дрожи в голосе высказала эльфийка.

Ариан позволил себе сдержанную усмешку.

– Скажи, кто утвердил тебя в чине Архимага? Совет или Сенат?

– Волею Совета.

– Владыки имеют над тобой больше власти чем Сенат, и ты больше служишь их интересам, чем нуждам Сената и всего Анклава, – отчеканил Ариан и встал с кресла. – Или ты скажешь, что это ни так?

Архимаг лишь кратко кивнула в знак согласия.

– Алитиа, ты умная эльфийка, ты должна понимать и смириться, какой цели служит Орден.

– То-то от тебя добром смирением несло, Совет не дал

добро нам добыть то кольцо Сокрытия.

– Ой, забыли про это! – наигранно завозмутился Ариан, отмахиваясь. – Не было этого. Подумаешь, хотел получить артефакт, с кем не бывает.

– Ариан, – края утончённых губ искривились в лёгкой милой улыбке. – А где твоя вечная маска сдержанности?

Ариан улыбнулся, скинув покров вечной суровости. Он подошёл к картам на стене и обратил взор тёмных глаз на западный регион, где пески стали ковром для нескончаемых караванов, а в южном городе-страже творятся чудеса.

– Помнишь Хаммефрелл? – шепнул мужчина. – Как всё было в Сентинеле?

– Да, – спокойствие на лице девушки уступило место умилению. – Там было прекрасно.

Ариан провёл подушечкой пальцев по металлической стрелке часов и приблизился к девушке. В его ладони блеснуло что-то оттенком золота и ярким светом драгоценного камня. Он трепетно поднял руку эльфийки, тепло, объяв её ладонью, и надел украшение на левый мизинец и в свете солнца заблестало рубиновое сердце в оправе золотого саммерсетского витиеватого кольца.

– Спасибо Ариан, – обрадовалась Алитиа и её счастье отозвалось теплотой в сердце и светом в очах. – Ты где его обрёл?

– Я купил его в Алиноре у тамошних ювелиров. Говорят, что для эльфов кольца с их родины таят особую силу.

– Это сказки и ты, как Префектор Агентуры Ордена, должен это знать.

Ариан хоть и был достаточно ловок, не смог или не хотел заметить, как альтмерка прильнула к нему, и ощутил, как теплота её тела, её души греет его. Он готов утонуть в приятной атмосфере момента, продолжить её обнимать и соприкоснуться поцелуем.

– Не нужно, – отстранился Ариан, делая шаг назад и мрачной тенью выскальзывая из объятий дамы, что вызвало у него самого колкую холодную сердечную боль. – Ты же понимаешь.

– Да, – неимоверная тяжесть бьёт из каждой буквы. – Кодекс Ордена запрещает.

В душах обоих будто померк свет нахлынувшей волной печали. Молчание, неловкое и болезненное окутало разумы двух душ, и чтобы его развеять мужчина спрашивает:

– Что ещё нового в Анклаве?

– Регент требует, чтобы нужды рыцарей обеспечивались без очереди, а также Совет закрепил право Магистра Рыцарей на личный суд любого брата или сестры. – Спокойный плавный голос девушки дрогнул от недовольства. – Работа Магического Анклава издревле была союзной рыцарям, но теперь нас попросту подминают. Наша сила в гармонии «Путей Служения», так почему же «Путь» рыцарства хочет себя возвысить?

– Тише, Алитиа, – забеспокоился Ариан. – Ты же знаешь,

что сила Ордена в единстве, так не будем же причиной раздора. Ладно, мне пора идти.

– Ступай, собрание тебя ждёт. И... береги себя.

– Спасибо. Ты тоже себя береги.

Раздался хлопок створчатых дверей. Ариан один в длинном коридоре, уложенным пёстрым ковром, а на потолке маленькие люстры, концы которых увенчаны сиянием магического пламени.

Мужчина пошёл вперёд, забежав взглядом по дверям, которыми усеяны стены коридора. Он находится в Академии, месте сосредоточения магической силы Ордена, но это место напоминает ему какую-нибудь имперскую канцелярию, набитую чиновниками. И всё же здесь есть прекрасные лаборатории и маленькие дендрарии, небольшие питомники с диковинными тварями и библиотеки, в которых полки ломятся от древних томов и новых изданий. Но большая часть немаленького здания отдана кабинетам для обучения неофитов Ордена и личной работы множества чародеев. Некоторые кабинеты в одно время и комнаты, в которых живут братья и сестры по магии.

Ариан сжал от недовольства губы. Сенат Анклава и подчинённый ему Магический Круг делают всё, чтобы сгубить дело магов прошлого, потворствуя безумным требованиям Совета Владык. Но в то же время Ариан успокаивает себя мыслью – «Единство Ордена и защита Тамриэля важнее личных мотивов. Если так нужно Ордену, значит, так тому и

быть».

Мужчина проходит все этажи и оказывается на высоких ступенях Академиона. Позади него высится огромное прямоугольное здание, с которого свисают и колышутся стяги Ордена – золотое геральдическое солнце на багровом полотне. Три шпиля, исходящие от Академиона венчаются острой крышей, словно утыкающиеся в небеса.

Перед Арианом открывается просторный широкий внутренний двор, сжатый высокими исполинскими стенами, что толще даже великих укреплений Солитьюда и Имперского Города. Огромные стенные бастионы образуют прямоугольник, углы которого венчаются массивными Донжонами, смахивающими на отдалённую меньшую копию башней столицы Скайрима. Внутренний двор умощён длинными каменными дорогами, рассекающими море подстриженной зелени, а в центре, посредине внутреннего двора, раскинулся огромное фонтанное изваяние искусства. Даже обычный фонтан воплощает богатство Ордена. Памятник роскоши сделан из дорогого мрамора, начищенного до блеска и похож на свечение луны, а золотая и серебряная отделка сверкают подобием обликов далёких звёзд. Грозные изваяния четырёх грифонов напоминают о долге, чести и благородстве Ордена. От фонтана исходят четыре дороги, ведущие в разные стороны Цитадели и ставшие обозначением сторон света, символизируя крест.

– Ох, Орден.

Ум мужчины на секунду обратился к памяти и истории. Орден... это действительно старый и древний Орден, корни которого, к сожалению, потеряны в бесконечной круговерти исторических событий. Мало кто знает о нём, ещё меньше известно об его истории, ибо даже никаких свидетельств о его существовании в первую эру не найдено... официально. Хотя считается, что история Ордена уходила корнями именно во вторую эру, когда впервые стали поговаривать о странных воинах с неизвестным предназначением, приходящих, как рассвет и растворяющихся в сумраке мира, как утренние тени. Говорят, что его создал один из товарищей Пелинала Вайтстрейка, как память о великом рыцаре, желая продолжить дело соратника по защите рода людского от возможности стать рабами тёмных сил. Но имя создателя неизвестно, однако приближённые к императору учёные говорят, что этот Орден был создан ещё первыми людьми в Тамриэле со времён прихода нордов с Атморы, по указанию лидеров древних переселенцев.

Ариан шагнул вперёд, стуча каблуком по камню ступеней и переходя во двор. Его путь пролегает в Арсенальные Палаты. Его глаз выхватил образы всех зданий понемногу. Слева от Великого Шпиля раскинулся ряд – Академион, Кельи Неофитов и Кухонные Залы. Место жительства новичков Ордена выглядит неброско и даже скупое – огромная трёхэтажная постройка, выполненная в северном имперском стиле – холодный серый камень возводится в толстые стены

с простыми окнами, над которыми поставлена черепичная тёмная крыша.

Мужчина идёт дальше и перенимает взгляд на то, что по правую сторону от Великого Шпиля. Ромбовидная двухэтажная постройка, с шестью гранями. Она построена из массивных белых мраморных блоков, отравленных насыщенной зеленью, а окна представлены рамами тёмного латунного матового плетёного металла. Вход видится небольшим арочным проёмом, сдавленным массивными стенами. Ариан вспомнил, что за такой простотой, оттеняющий айлейдским стилем, кроется могущество и невероятная сила. Это – Зал Трофеев, за стенами которого собраны все добытые за годы поисков артефакты, и столько, что любой начальник хранилища оружия Империи лопнул бы от зависти. Но явление этого здания скорее вызвало в душе Префектора отторжение и неприязнь, нежели радость. Они – защитники Тамриэля от всякой скверны, а не коллекционеры. Слуги Ордена неустанно бродят по всему континенту в поисках неисчислимого множества реликвий и мощи познания, которые могут не просто оказаться не в самых добрых руках, но повлиять на ход истории или качнуть весы не в сторону Империи. В душе Ариан понимает, что эти артефакты и трофеи помогают лучше узнать сущность великого врага, а также многим вещам просто не следует оставаться в миру, но всё же он хотел бы, чтобы сундуки, набитые кольцами и ожерельями, ящики с мечами и бронёй были отданы прочь.

Вся мелочь, скопленная за долгое время войны против губительных сил, оседает в подвалах Зала Трофеев.

Ариан проходит мимо Великого Шпиля. Его великолепие нельзя выразить обычными словами, ибо они скудны, а величие неопишимо, это самое настоящее произведение искусства, заточённое в камне и роскоши. Он, грозно возвышается над всеми остальными сооружениями, как фанатичный стражник, несущий караул, показывая, где находится власть. Но Ариан не замечает его изящества и стиля, которому подражают практически все постройки, исполненные в неполном айлейдском стиле, как в Имперском Городе, ибо Великая Цитадель отстроена на месте старой разрушенной крепости саличей, как говорят сами учёные Империи, которых попросили рассказать о тех местах... неофициально. Для мужчины это обыденность, и он лениво смотрит дальше, примечая Горячие Кузницы. Четыре этажа омрачённого салатной зеленью белоснежного великолепия, на котором красуется симметричный растительный орнамент. Окна намного шире и больше, радуя глаз широкими арками, укрытыми растительными переплетениями латуни, покрывшими решётками стекло. Оттуда доносится звон молотов и наковален, давая понять, что именно тут собраны лучшие мастера, днём и ночью исполняющие повинность службы у кузницы и верстака. Горячие Кузницы стали цехом по производству оружия и брони для Ордена, аппетиты которого стали непомерны.

Но Ариану нет дела до других зданий, поскольку за три

десяток лет службы их вид стал привычен. Его взгляд прикован только к одному изваянию. Пятиэтажное огромное здание, изогнутое в форме полумесяца и достойное зваться дворцом. Центр первого этажа исчез, сменяясь на широкий сквозной проход, где громоздятся два ряда колонн, ведущий прямо к угловому Донжону, образуя с ним своеобразный задний двор. Это и есть Арсенальные Палаты, где четыре этажа это помещения, где собраны лучшие достижения мастерства Ордена. Броня и оружие стали главным украшением полок и витрин Палат, а подвалы набиты множеством экземпляров всего необходимого, чтобы можно моментально заменить утраченную или разбитую вещь.

Ариан не идёт поглазеть на результаты доброго исполнения повинности Ордена. Он подходит по правую сторону к воротам, распложенным и слева и справа от большого прохода. Моментально он находит лестницу среди мраморно-бледных коридоров, сияющих развешанным оружейным изяществом.

В конце своего пути, на пятом этаже, Ариан находит здоровое свободное квадратной формы помещение. Его стены чисто-голубы как светлые небеса Тамриэля, а в воздухе витает приятное ощущение фимиама. Каблук стучит о чёрные плиты гранита в которых Ариан видит отражения себя и обстановки вокруг. Два длинных резных стола, отполированных до такого блеска, что на их крышках слабо виднеются очертания оконных рам, поставлены параллельно друг дру-

гу. В конце линии столов, посредине них, сидя на роскошном троне, выбитым из розового мрамора сидит данмер. Его чёрные волосы убраны в хвост.

– Проходите, – раздался шершавый голос тёмного эльфа.

– Да, мой лорд, – поклонился Ариан и занял место за столом, где сидят восемь членов Ордена, чей высший статус в Ордене подтверждает кроваво-алая мантия с большим капюшоном.

На другой стороне расположились главы Ордена в разношёрстном одеянии, численностью в шесть душ. Ариан цепким взглядом выхватывает и Айк'Арана, которого он видел в кабинете Архимага. Следом за ним глаза выцепили мужчину бретонских кровей в зелёном, как луга Сиродила, парчовом дублете, налегающим на расшитые серебряными нитями свободные штаны, покрывающие хорошие туфли.

– Мы можем начинать? – нетерпеливо спросил мужчина в зелёном костюме, устремив взор медовых очей на данмера и искривив черты прямоугольного лица в слабо выразимом недовольстве. – Господин Регент.

– Подождите, мы скоро начнём, Беритор.

Глава ордена только что ответил представителю интересов мастеров Ордена, служащих «Кузнечной Повинности», а именно представителю тамошнего Директората – органа управления всем мастерским сообществом, состоящим из трёх лучших кузнецов. Ариан окинул снисходительным взглядом Беритора, считая его нетерпеливым гордецом, веч-

но желающим что-нибудь вытянуть из Совета Владык.

– Я понимаю, мы ждём ещё одного, но извольте, милорд, семеро одного не ждут, а нас здесь уже шестнадцать!

– Тише Беритор Анжуа, – Регент немного поднял голос. – Ожидайте.

– Воно оно как, – возмущённо заговорил коренастый кучерявый русоволосый нордлинг в светло-жёлтой плотной рубахе, усиленных штанах и грубых сапогах. – Значится ему просто немотствовать, а мне мзду выписали в иной раз.

Ариан кинул взгляд на говорящего человека. Его взгляд отразил в сознании образы Старосты Деревни, которая простерлась за пределами Цитадели. На северо-западе острова раскинулись уголья ферм и хозяйств, снабжающих Орден провиантом, и над маленьким селением поставлен Регентом Староста, который управляет от его имени.

– Вы, Фрокки, в прошлый раз стали бранью облили Комтура Прислуги.

– Так это дело не срамное! – на эти слова было хотел возмутиться Комтур – плюгавый мужчина с чёрной нечёсаной копной волос, и большими яркими глазами, добавляющими жалости к образу высшего эльфа. Под одежду он выбрал серые мешковатые штаны, выцветшую рубаху, утянутую ляжками.

– Тише, а то снова выпишу штраф, – и обратив взгляд на Комтура глава Ордена продолжил. – Можете быть спокойным, Нильфааро.

Грядущий спор и возмущения оборвали приближающиеся звуки стука подошв. Комтур оставил выпад Старосты без ответа, поскольку погрузил разум в дела прислуги, которой он заведует. Ариан же мельком вспомнил, что под власть Комтура попадает все души, призванные обеспечивать ежедневную хозяйственную сущность Ордена. Работники и уборщики, повара и посудомойки, а также прочие – все они тоже отдают долг Ордену, и Комтур следит за тем, чтобы это делалось добросовестно, а их нужды удовлетворялись как можно быстрее.

Ариану пришлось отвлечься от Комтура, переведя взгляд на того, кто входит. Перед Регентом стоит прекрасного образа воин – его лицо отражение красоты. Изящные утончённые черты лица скрашены чёрным густым волнистым волосом, а на собрание смотрят чистые, как слёзы неба, глаза, сияющие меркнувшим васильком. Пластинчатая броня переливается благородными оттенками пурпура, окружающим золото геральдического солнца. Толстые мифриловые перчатки и сапоги так же украшены фиолетовым пурпуром и отделаны золотистой окантовкой мерклого металла двумеров. Воротник же покрыт ярким пёстрым мехом белоснежной скайримской лисицы, переходя в плащ из шкуры северного медведя. На бедре слабый лязг издаёт клинок, закованный в ножны и видно лишь его рукоять, увенчанную рубином.

– Брат Люций! – безрадостно обратился Регент. – Как ваше задание в Морровинде?

Прекрасный воитель отдал глубокий, наполненный смыслом, поклон и, выпрямившись, ответил. С полно-живых губ, налитых алым, губ понеслась насыщенная мелодичная речь:

– Всё исполнено мой лорд. Почитатели еретического культа были уничтожены, а вместе с этим и достигнуто спокойствие в Шигораде.

– Позвольте! – встал Аик'Аран, подняв руку. – Мой лорд, я не хочу ставить под сомнение вашу светлую волю, но зачем было нападать на тот культ? Конечно, я не против... утопить в крови какую-нибудь богопротивную секту, но на этот раз...

– К чему ты клонишь, чародей? Объяснись, живо! – напал один мужчина, объятый в красную мантию.

– Владыко Иерарх, те данмеры поклонялись Святой Магии, если верить донесениям, и нападать на них не было никакой нужды. Да, в то же время, они сильно мешали Трибуналу в распространении веры, – высокая стойкая речь мага сменилась на обвинительный подкол. – Вы решили забрать хлеб у тамошней инквизиции?

– Это не ваше дело, Архонт Магического Круга, – надменно шипит Иерарх. – Задания – это дело Совета Владык. Мы делаем всё во имя блага Ордена!

– Наш Орден занимается войной с истинной тьмой, с великим врагом! Мы не можем позволить себе гоняться по пустошам за всякой шушерой, как цепные псы! – Ариан перевёл взгляд на человека, поднявшего волну возмущения, и с почтением отпустил лёгкий кивок его словам; это Магистр

Рыцарей, на его плечи ложится простая бежевая тканевая накидка, скрывшая рубаху и простые штаны, с сапогами; его лицо имеет очертания треугольника, выточенного из камня, украшено золотистыми волосами, а глаза сияют как два янтаря.

– Господин Аларих, а вам то, что беспокоится? – язвительно заявил один из Иерархов. – Вы Магистр Рыцарского Крыла и ваше дело направлять души воителей и вести их в битву.

– Уважаемые Владыки, я не имею ничего против вашей светлой воли и истинно верю, что она ведёт наш Орден, но почему мы занимаемся обслуживанием интересов провинциальных властей и Империи? Культы, мятежники... почему мы всё реже выходим против тьмы. Рыцари начинают роптать.

– Так напомни об их долге! – рявкнул Иерарх. – Они – рыцари и обязаны служить Ордену в его миссиях.

– Тиш-тише! – потребовал Регент, отстранённо смотря на рыцаря. – Мы собрались здесь не для взаимных упрёков. Отвечая на ваш вопрос, Аларих, вчера к нам явился курьер от канонрива Скайвотча. Там объявилась секта каких дагонопоклонников.

– Лорд Регент, – прозвучала речь, полная осторожности от Иерарха. – Я хочу напомнить, что задания утверждаются Советом Владык... и вами конечно. Коллегиально. Так что повременим.

– Так! Давайте вернёмся к делам, – отстранился Регент от Иерарха, переведя внимание на покорно стоящего воина. – Рыцарь Люций Лирион, вы были приглашены на Малое Собрание Двуглавого Совета для прослушивания ваших требований касательно создания некой Ложи. Вы можете объяснить свои требования? Да и, Совет Владык, где Лорд-Коммандер стражи? Он же вам подчиняется, так скажите, где он ныне пребывает?

Рыцарь покорно поклонился в сторону «Левой Головы» Совета – восемь Иерархов, и подчинённая им разведка в лице Префектора, приняли его поклон. Совет Владык курирует всю агентурную сеть Ордена, дабы более мудро и ответственно подходить к самой главной миссии и смысла существования – распределение ресурсов в Ордене. В его руках всё – получение материальной помощи от Империи и провинций, взимание натурального оброка с крестьян, управление вещами, которые вышли из-под молотка мастеров и созданные в кропотливых трудах чародеев и учёных. В их исключительной компетенции заключение разовых торговых договоров, управление островом, издание Циркуляров, регулирующих внутренний быт, а также осуществление правосудия.

Люций клонится в сторону шестерых членов Ордена, образующих «Правую голову». Эти души призваны представлять интересы разных «Путей Повинности» внутри Ордена. «Кузня», «Доблесть» и «Знание» – вот три истребователя, чьи нужды должны удовлетворяться Иерархами. Им в ве-

дение Кодексом отдано ведение операций по искоренению тьмы в Тамриэле, объявление времени жатвы, воспитание неофитов, управление «Повинностями» в своей компетенции.

Ариан заметил, как рыцарь проскользнул неодобрительным взглядом по черноволосому высокому крупному мужчине, чьё лицо отражает суровость самой тяжёлой повинности Ордена. В своё время Гранд-Паладин, вождь двенадцати самых сильных рыцарей, нарекаемых паладинами, холодно ответил взглядом карих глаз.

В конце концов, Люций поклонился Регенту. Ариан с печалью отметил в памяти, что тот, кого называют главой Ордена, слаб в полномочиях. Да, он – живой символ Ордена, воплощение его идеалов и славы, но реальной сильной власти, достойной королей и императоров у него нет. Регент ответственен за связи с внешним миром, председательствует в Совете Владык, где обладает приоритетным голосом. Общая координация действий, а в особых случаях и полномочия верховного главнокомандующего. Для Ариана, человека служащего интересам Совета, больно видеть слабый пост регентства, ибо он должен быть символом могущества Ордена, а не его податливости.

– Благородные господа, мой лорд, я пришёл к вам, чтобы изложить светлые идеи, которые собирался предоставить ещё до похода в Морровинд. Так вот, моя цель – объединить все «повинности» Ордена в единой воле и святом ра-

венстве, – гордо задрав подбородок заявил рыцарь.

– Вы желаете, чтобы мы и наши нужды были равны нуждам неофитов, крестьян и прислуги? – прозвучал надутый вопрос от низкорослого седого мужчины с вольными образами лица, на котором красуется имперская туника цвета малины, такие же распрекрасные штаны и туфли. – Чтобы мы – учёные были равны в потребностях слугам?

– Нет-нет, господин Комрат, речь идёт совершенно не о них. Я говорю о создании некоего сообщества... Ложи, где неофиты и рыцари, маги и учёные, мастера теряли бы командные статусы и привилегии «Повинностей».

– А к чему нам это? – спросил Магистр.

– Да затем, что Крыло Рыцарей уже достало! – вспыхнул представитель Директората. – Я ничего не имею против рыцарей, но позвольте. Почему мы без продыху куём и куём, а вся слава труда достаётся рыцарству? Почему рыцари могут использовать труд мастеров без должного благодарствования и почтения? Почему к нашим требованиям не относятся так серьёзно, а рыцарские нужды стали перед Владыками приоритетными?

– Нам нужно быть сдержаннее, – заговорил Айк'Аран. – Не давайте недовольству пускать трещины на нашем равенстве. Но всё же, возмущения мастеров не лишены оснований, ибо даже магам приходится ощущать на себе тяжесть.

– Но это наши обязанности, – встал высокий человек, с которым Люций встретился взглядом, поправляя чёрную, как

сажа рясу. – Мы должны их нести с честью, и преодолевая.

– Господин Гранд-Паладин Йорик, мы бы рады, да только мастера ропщут, – надавил Айк'Аран. – Да, я не спорю, что единство – это наша сила и мудрость в том, чтобы хранить мир между братьями и сёстрами.

– И?

– Я и мой брат по Академиону – Комрат, могут вам рассказать, как нужды магов и учёных остаются неудовлетворёнными. Оборудование, магические одеяния, вещества, реагенты, боевые рясы – и ещё многого нам недостаёт. – Мужчина опустил орлиный нос к полу, собираясь мыслями, и вот снова голосом глубоким говорит. – Не требуйте от нас невозможного. Мы не можем сопровождать рыцарей в их походах, варить зелья и проводить исследования, ибо не, потому что у нас нет желания, а в силу того, что мы не обеспечены.

– Но больше всего изматывают привилегии рыцарского сообщества, – взял надменное слово Комрат. – Не думаю, что учёные Ордена долго будут терпеть эту ситуацию.

– Какую? – тягостно выдохнул Регент. – Почему же раньше никого это не беспокоило?

– Какие привилегии? – нахмурился Комрат. – Примат на исполнение требований, примат на получение награды, примат на первоочередное обслуживание. Мне ещё назвать привилегии?

– Рыцари призваны служить Тамриэлю мечом и доблестью, а не заниматься милосердсвоанием внутри Ордена! –

по зале раздался смачный хлопок ладони Магистра об стол. – Мы – оружие с душой, а посему всё, что сложилось в Ордене необходимо для рыцарства, как хорошему клинку угод.

– Тише братья, – спешит тихой речью призвать к спокойствию всех Торуг. – Не дадим злобе и соперничеству нас поглотить.

– Призвание... рыцари... – усмехнулся Комрат. – Сколько заданий вы выполнили против тьмы за последний месяц? Пять? Десять? А может Магистр нам расскажет, сколько по воле Совета было исполнено прошений от имперского правительства и провинциальных властей по ликвидации угрозы их правлению?

– Ты о чём, брат?

– О том, Аларих, что наш Орден теряет своё праведное предназначение, изложенное мудростью предков, – ответил Айк'Аран. – Орден Святого Магнуса создан нашими далёкими предками для войны против мрака, великого врага или шестнадцати ересей – называйте их, как хотите, важности в сем нет разницы. Но что мы делаем сейчас? Мы сражаемся во имя интереса власть имущих, и святой долг вскоре станет второстепенен.

– Всё делается во благо Ордена. – Слышится заявление Иерарха.

– Вот видите! – приторно воскликнул Люций, широко разведя руками. – Вы слышите себя! Почему все «Пути Повинности» готовы поесть друг друга как тля листья? Да, вы ска-

жите, что я утрирую. Пускай будет так, добрые господа. Я же стремлюсь к тому, чтобы наши новые братья и сестры из числа неофитов избежали будущих ссор... большинства из них. Моё желание – создать место, где каждый мог без привилегий и чинов быть свободным и свободно общаться с братьями и сестрами. Мой лорд, уважаемый Регент, дайте мне такую возможность, и я погашу все конфликты внутри Ордена и сделаю его крепким, как сталлгрим или мы повторим события прошлого, что прогремели шестьдесят лет назад.

Ариан внимательно наблюдает за ситуацией, молча и не высываясь. Он уподобился тени, дабы не выказывать себя и сосредоточенно взирает на Регента. Вид главы Ордена вселяет в сердце грусть и меланхолию, а осознание тяжести его бремени обуревают дух грузом тяжести долга. Он скован цепями кратких полномочий, но это не самая страшная причина, из-за которой можно предаваться унынию, которое нашло маску безнадёги на лице Регента. Распри, споры и накипевшие упрёки, рождённый из глубины души, потерявшей смысл, стали обыденностью для Ордена и в тёмное время, когда брат спорит с братом, Регенту выдалось править. Раньше огромное количество угроз и вечные войны, жертвы и дух братства скрепляли ряды Ордена, а теперь же они больше прозябают в диспутах и политиканстве.

И в стремлении хоть что-то сделать, дабы сохранить Орден на долгие лета его глава идёт на шаг, предложенный рыцарем. Он готов пожертвовать и временем, и ресурсами ра-

ди будущего Ордена, хотя Ариан находит его шаг слишком опрометчивым. И вот Регент раскрывает уста, неся речь шороховатую и тихую, как напев пепельных бурь кимерита:

– Я как председатель Совета Владык, с одобрения Совета, заявляю о том, что ныне выносятся следующий Вердикт: Ложь быть. Её ресурсное обеспечение мы обсудим завтра после приёма неофитов. Всё, собрание окончено.

Глава 4. Пришествие

Тот же день. Закат.

Вокруг царит полная гармония, способная ввести человека в состояние покоя и медитативной сосредоточенности. Мягкий шум прибоя ласково играет с шелестом изумрудной листвы целой гряды высоких деревьев, раскинувшихся практически у пляжа. Песок золотистым берегом устилается на самом краю острова, столь мягкий будто кажется, что это перина. Цветовое разнообразие этого славного места красивейшей картиной врывается в разум, будто здесь сотворена некая магическая иллюзия, от которой солнце не слепит глаз, а все гаммы и оттенки стали мягче и приятней.

Но грубый низкий тенор сотрясает пространство и акустическая целостность, создаваемая прибоем, листвой и пением птиц, разлетается ту же секунду, уступая холоду мужского голоса:

– Ты где так долго был? Я тебя жду здесь несколько часов.

На песке стоят две фигуры, разбавляя пляжный пейзаж. Первая – высокая, в куртке из кожи, чьи светло-золотистые волосы едва развиваются на мягком ветру. Широкими скосами глазами он взирает на человека. Белокожий мужчина, с серым волосом и лёгкой щетиной, устремил взгляд глаз, схожих с двумя озерцами серебра, на юношу. Его лицо сурово, словно выточено из каменной породы, с квадратными очертаниями.

– Я два десятка лет служу Ордену, и такое случается редко, – снова доносится шероховатый голос человека, нашедший отражение в чувстве стыда у эльфа. – Как мне рыцарю на это реагировать, а Азариэль?

Юноша поднял повинный взгляд и ощутил, как отблеск доспеха саданул ему лёгкой болью по глазам. Прекрасные доспехи рыцаря отражают яркий свет, ловя на себе массы лучей постепенно уходящего солнца. Цельный нагрудник изукрашен золотистым символом геральдического солнца, безумно пылающим ослепительным огнём. К торсовой части брони прикреплена короткая доспешная юбка, сделанная из пластин металла. Сапоги, поножи, перчатки: всё блестит на солнце, словно начищенное серебро. Броня отделана дорогим эбонитовым орнаментом, с наплечников, через нагрудник и до поножей покрывавший доспех, расчертив чёрными линиями его серебристый покров. Но больше всего внимание привлекают качающиеся на ветру ленты веленовой бу-

маги, печатями прикреплённые к доспеху.

– Простите господин Ремиил, – с трудом открыл уста парень, извинительно заговорив, – сначала задержался в таверне, а потом... там... проблемы в лесу. – С нескрываемой подавленностью ответил юноша. – В лесу... там...

Ремиил кинул возмущённый взгляд на своего будущего неофита, сверлящий укором. Ему не понравился такой мягкий и невнятный ответ, и он хотел знать подробности, заставляя отчитаться парня, как рядового:

– Что случилось? Выражайся яснее, – с твёрдостью потребовал рыцарь. – Ты не тряпка, а кандидат в ряды Ордена, так будь достоин этого звания.

Сначала Азариэль молча взирает на великолепного высокого воина, чей только один вид мог предать воодушевления или подавить волю, испугав, но потом всё же более мрачно и опустошённо даёт медленный ответ:

– В лесу я нарвался на бандита. Между нами завязался бой. Это меня несколько и задержало.

Ответ, лишённый эмоций, перечисление фактов, несколько ни удивил Ремиила. Он множество раз видел подобное состояние, и не в какой-то мере рад, что Азариэль его испытал сейчас, а не во время первой вылазки. Ремиил окинул взглядом юношу и увидел, что в ножнах покоится меч с неумело затёртыми следами крови. Он склонил голову в каком-то принятии причины опоздания, и его широкие сухие уста донесли не скрашенный эмоциями голос:

– Что ж, прими моё поздравление. Лучше раньше, чем позже. Я тебя понимаю парень, – несколько по-отечески заговорил рыцарь, пытаясь в голосе имитировать сожаление, хотя речь всё так же груба.

– Да ладно. Он был обычным бандитом. Он заслужил смерть, – пытаясь до конца выдавить сожаление за содеянное, хладно вымолвил Азариэль.

Тяжёлая рука рыцаря легла на плечо юноши, чуть сжимая его и сильное прикосновение облачённых в сталь кончиков пальцев, отдалось неприязненным чувством.

– Да ладно тебе. Конечно, убить кого-то для некоторых это как комара прихлопнуть, но тебя я вижу это... выбило из себя. Соберись парень! – воскликнул рыцарь и его звонкий вскрик встряхнул до секундной дрожи Азариэля, а всякий шум прибоя стал не слышим за таким ором. – То была тварь лесная, заслужившая смерти. А теперь пошли, а то только тебя не хватает, чтобы завершить акт Пришествия. – Договорил Ремиил и устремился прочь с берега, направившись в лесные кущи, зелёным кольцом взявшие в окружение обиталище Ордена.

– Акт Пришествия? – спросил Азариэль и побежал за Ремиилом. – Что это?

Входя в зелёную зону и оставляя за спиной светлые песчаные берега, рыцарь дал ответ:

– Между кандидатом и неофитом есть несколько стадий. Клятва крови, которую вы давали на закате – первая. Акт

Пришествия – это вторая стадия, когда все кандидаты приходят в Цитадель. И третья будет завтра.

Услышав всё, что можно от немногословного рыцаря Азариэль продолжил путь рядом с воителем в полной тишине и видом поникшей фигуры.

Ремиил бросил краткий взгляд на юношу, который плетётся прямо за ним по узкое поросшей дорожке. Он всё ещё видит в парне печаль и растерянность от произошедшего неожиданного боя, первой пролитой крови, а это всегда оставляет отпечаток тяжести на сердце.

«Ох, какое же слабое нынче поколение вышло. Совсем изнежились», – стал ворчать про себя рыцарь, не желая смотреть на то, как юношу с аппетитом поедает апатия этого вечера, постепенно растворяя его душу в яде уныния и слабости. Ремиил хочет видеть перед собой юношу, которого не грызёт чувство унижения, ибо сам вид такого парня отвратителен для старого воина.

«Что же ему такое сказать, чтобы поднять духом. О Мара милосердная помоги мне!» – взмолился рыцарь. – «О точно. Он же после клятвы так и просил».

– Да, кстати, – сказавив полные исцарапанные губы, толи в неприятии мягкости, то ли в улыбке заговорил Ремиил. – Я встретил и проводил твою знакомую через лес как ты и просил, можешь, не беспокоится. С ней всё в порядке.

– Спасибо вам, я этого не забуду, – с некоторой толикой покорности и благоговейности вымолвил юноша.

– Заплатишь, и будем в расчёте.

– Что? Как так? – обеспокоился Азариэль.

– Успокойся, – улыбнулся Ремиил. – Ты ничего никому не должен. Я же не Иерарх какой-то, чтобы с тебя драть монеты.

– А вы платите что-то?

– Мы ничего не платим, согласно Кодексу. Да, в Ордене есть сборы вроде «имущественного» с жалованья с мастеров, магов и учёных, но у рыцарей привилегия – мы освобождены от этого. Ну ладно, пойдём уже.

Для Азариэля новость о том, что его старая знакомая, подруга детства добралась без пришествий, это отрадные вести. Тягость крови отлегла от сердца и даже дышаться стало полегче, прежняя меланхолия стала отступать, приводя юношу в нормальное состояние.

Путь до ворот прекрасен. Мягкий и непринуждённый шелест зелёных листьев приятно гармонирует, смешиваясь с прекрасными и неповторимыми трелями лесных беззаботных птиц, что распевают песни дни напролёт, будто бы это праздные гимны. Этот замечательный оркестр наполняет ухо, заставляя забыть обо всех тягостях брэнного мира, унося своей гармонией звуков в далёкий мир мечтаний, который в это время разгорался в душе любого, кто ступит на эту землю. Азариэль слышал мелодии птиц и раньше, и в Сиродиле и на юге Валенвуда – всюду их щебетание красиво, однако не способно заморозить ухо. Но здесь, на этом острове всё иначе – симфонии сокрытых под ветками лесных музы-

кантов столь прекрасны, что Азариэль чувствует, будто вот-вот поплывёт. Он не видит дороги и идёт куда-то в сторону, полностью погружившись в напев, и только жёсткий хват рыцаря выбил его из музыкального плена:

– Соберись! Мы уже сегодня пару кандидатов едва не потеряли из-за птиц.

– Простите господин, – голос Азариэля полон потерянно-го воодушевления, – но эти песни... так прекрасны. Ничего нет лучше в подлунном мире.

– Это магия сынок. Наши чародеи специально создают такие иллюзии, чтобы обезвредить всякий сброд. Соберись, ты же кандидат!

Азариэль взял себя в руки и упёрся взглядом только в протоптанную неширокую дорогу, рассекающую лес светло-жёлтой витиеватой полосой, стараясь больше не слушать коварное пение.

Лес вокруг Цитадели приятен и прекрасен, наполняя глаз десятками наполненных колоритом и насыщенностью оттенков деревьев, кустов, листьев и множества трав. Лесистая местность, взращённая на острове перед Великой Цитаделью, стала бы настоящим прибежищем для людей искусства, что непременно хотели бы отразить это природное великолепие на холстах и повесить произведения искусства в имперских галереях, дабы они радовали глаза граждан империи. А музыканты с жалким подобием пытались бы повторить те звуки и природную песнь, что неповторимым кон-

цертом каждый день пленила бы сотни имперских граждан, так пристрастных к искусству.

По пути Ремиил ещё раз пояснил юноше, который опять начал восторгаться лживым великолепием, что фантасмагория красоты создана искуснейшими профессорами, сотворившими специальные зелья для земли и магами, поработавшими здесь с иллюзией, создав такую обстановку, пленившую разум слабовольного представителя любой расы Тамриэля, будь это последний гоблин из грязных пещер Сиродила.

Солнце уже постепенно начинает садиться, завершая дневной путь и оставляя небосвод, уступая место надвигающемуся фиолетовому и тёмно-синему мраку, который заботливо и нежно окутает земли, пока его вновь не разорвёт первый брезжащий светом луч. Но вот уже показали огромные деревянные резные ворота цитадели, знаменовавшие могущество и стойкость, возле которых собрались несколько так приятно и сильно знакомых лиц юноше.

– Что вы здесь делаете?! – возмущённо криком спросил Ремиил и, не остужая своей гневной и напорной риторики, продолжал. – По Кодексу и специальным указам Регента вы должны сейчас находиться в своих казармах и не совать носу отсюда до завтрашнего утра. Кто вам позволил выйти?!

Ребята, ошеломлённые, взирали на надвигающуюся из леса грозную и высокую закованную в блестящие и прекрасные доспехи фигуру, не в силах что-либо ответить, ибо такой напор и неожиданный нападок рыцаря сковал их язык.

– Ну, где внятный ответ, будущее Ордена? – не убавляя пыла и напора, буквально допрашивая парней, продолжал Ремиил.

– Мой господин, – послышался зов со стороны и через мгновение перед всеми возник среднего роста эльф, чья кожа цвета тёмного вулканического пепла, а глаза сияют багряными углями Роковой Горы, облачённый в обычную железную броню стражи с несколькими повязанными на наплечнике алыми лентами. – Они соизволили такое ярое и чистое желание встретить своего друга, что прим-чародей Бальтазар разрешил им под мою ответственность остаться здесь. – Спокойно пояснил стражник.

– Вы должны помнить, что только рыцарство Ордена имеет право отдавать подобные приказы. Ни маги, ни учёные, ни мастера, а только рыцари.

– Но...

– Кастелян Башни, они, как представители Ордена должны сами учиться отвечать на вопросы, заданные им старшими. Это понятно? – риторика Ремиила не убавляла в грозности.

– Да, мой господин, – почтенно согласился эльф.

– Прекрасно, а теперь, Кастелян, можете возвращаться к своим обязанностям.

– Есть, мой господин.

После чего Ремиил развернулся к ребятам и укоризненно бросил взгляд, порицательно и расстроено цокая, качает

головой, при этом, всё же дав им возможность пообщаться, кинув скудную фразу:

– Не более пяти минут.

Все поняли, чего от них требовал грозный рыцарь, отошедший в сторону не желая видеть или слышать их разговора, в котором нет места воинской суровости или почитанию традиций рыцарства.

Юноша окинул взглядом тех, кто пришёл, чтобы его встретить. Приятелей Азариэль встретил в разные периоды жизни, став им верным другом и отличным товарищем. И они в нём увидели вовсе не наполненного самолюбием и гордыней высокого эльфа, какими было большинство представителей этой расы, а прекрасного приятеля, готового прийти на помощь и выручку.

– Ну, здравствуй Ахмат, – Азариэль крепко сжал смуглую руку высокого и жилистого редгарда, с отточенными чертами лица и глазами цвета ржавчины, на котором повис жилет из толстой ткани, рубаха и чёрные штаны, утянутые короткими сапогами.

– И тебя рад видеть, друг мой. – На худом лице, на тонких губах проступила тёплая улыбка. – Долго же ты сюда добрался!

– Ничего, добрался же!

Азариэль вспомнил, что этого человека встретил совсем недавно на одном из праздников, где им пришлось поучаствовать в кабачных картёжных играх, что и объединило их.

А затем они вдвоём стали одними из участников орденской «Жатвы» и вместе прошли.

Ахмат отступил в сторону, давая юноше поздороваться с остальными.

– Приветствую, Готфрид! – Азариэль озорно ударил ладонью по предплечью, облачённому в ткань.

– Привет, – малословно ответил рукопожатием высокий и светловолосый нордлинг, который знал Азариэля ещё с детства, поглядывая на эльфа взором ледяных глаз. – Ты как?

– Я в порядке. Спасибо.

Нордлинг, чьей первой родиной стал старый и могучий город Брума, а после переезда семьи Гринхарт, знаком с парнем очень давно. Однако лучше всего Азариэль с ним познакомился во время того, когда городская стража искала себе помощников в возможной обороне городка от сепаратистов. Капитан стражи зачастую проводил тренировки населения, и во время этих обучений двое юношей смогли друг друга лучше узнать.

– Тебя тоже рад здесь видеть! – доносится возглас от невысокого короткостриженого черноволосого парня, в серых бесцветных свободных одеждах, повязнувших мешком на человеке.

На этот раз поздоровался Азариэль с низкорослым имперцем, с простым овальным лицом, переселившийся в эти края с одной деревне в западном Сиродиле. Этого имперца зовут Тиберием. С ним юноша познакомился во время од-

ного из культурных вечеров в их маленьком и неприметном городке.

– Ну, здоров. Как же приятно тебя встретить, – два товарища едва приобнялись и с хитрецей в тёмно-синих глазах Тиберий отступил, пропуская Азариэля.

Спустя пару секунд раздался приятный голос девушки:

– А вы, видимо, Азариэль?

Юноша обернулся, не зная, кто его окликнул, отчего сердце слабо дрогнуло. После мгновения он увидел, как из-за Готфрида чёрным обликом промелькнула высокая фигура. Азариэлю показалось странным, что на девушке чёрная ряса, подпоясанная кожаным ремнём.

– Ох, боюсь, я не знаю вас, – с волнением заговорил Азариэль, смотря на то, как к нему царственной походкой подходит высокая девушка, с осиной талией и длинным чёрным волосом, развивающимся на лёгком ветру прекрасными локонами. Её лицо, с треугольно-вытянутыми очертаниями – отражение изящества. Они встретились взглядами, и парень испытал неловкость, мимолётное замешательство от того, что смотрит прямо в широкие очаровательные тёмно-синие глаза. Они такие же холодные как Море Призраков и такие же пленительные.

Дама приблизилась, и нос Азариэля уловил явные, кружащие голову, ароматы духов розы.

– Мне о тебе рассказал Тиберий, – смущённо говорит девушка.

– Тиберий, – повернулся к юноше Азариэль. – Кто это?

– Это Лира, – ответил Тиберий, пока Азариэль и девушка вцепились друг в друга взглядами. – Моя подруга из Марброка. Тоже попала в ряды Ордена.

– Приятно познакомится, – Азариэль решил выказать себя перед девушкой и поднял её бледную ладонь, слегка приложившись губами. – Лира из Марброка.

– Полегче Азариэль, – усмехнулся Тиберий. – Не смущай нас.

– Ой, ох, – замешкалась Лира, видимо от непривычки подобного поведения, а её мраморно-чистое лицо покрылось приятным багрянцем. – Не нужно было.

– Ничего страшного, – отпустил руку Азариэль. – Ты, Лира, слишком приятный человек, чтобы такого не, не сделать.

От таких слов девушка смутилась и припустила взгляд к земле, а Азариэль шагнул дальше.

Последней, кого он знал, последней, кто был ему другом, оказалась невысокая бретонка. Азариэль в огромной толпе мог заметить её прекрасные золотистые волосы и необычайные округло-острые черты лица, со светло-голубыми, как небесная лазурь глазами, взгляд которых завораживает душу. Её одежды – чёрное тряпичное платье, с курткой поверх.

– Как же я счастлив тебя видеть, Аквила, – улыбнулся Азариэль. – Ты нормально добралась?

– Конечно, – чуть полноватые уста раскрылись, неся чуть грубоватый женский голос. – Всё было хорошо? Ты дом свой

продал?

– Да продал.

– Как там Ульффрик? Всё торгует разведённым пивом?

– Ладно тебе, каждый выживает, как может. А он не самый плохой человек... не самый плохой... чудесный, я бы сказал.

– Это так...

– Кстати, спасибо тебе, что вчера сходила со мной к отцу. – Отягощено вспомнил день прежний юноша.

– Не за что. Он был хорошим эльфом. – Аквила еле-еле усмехнулась. – Помню, как в детстве он нас с тобой кормил эльсвейрскими конфетами с апельсиновыми дольками.

– А помнишь, как он подарил тебе котёнка?

– Конечно, помню, – радостно заговорила девушка. – Я его тогда Гюнтером назвала.

– Да. Я на следующий день помогал его тебе с дерева снять.

– Эй! – напомнил о себе Тиберий, уперев кулаки в бока и наиграв недовольный вид на лице. – Мы тут тоже есть!

Азариэль и Аквила едва-едва рассмеялись, увидев напыщенный вид своего товарища. Все друзья знают друг друга, ибо всегда поддерживали общение и жили в одном городке. И когда во время «жатвы» все попали в Орден, их радости не было предела, потому что и всю оставшуюся жизнь, если конечно её ничто не оборвёт, они будут вместе.

Парни и девушки несколько минут стояли вместе и тепло переговаривались, при этом так активно пустились в об-

суждение, что неволью привлекали внимание стражи кто-нибудь с высоких стен да норовил взглянуть вниз и посмотреть, откуда такой пространный галдёж. Говорили они буквально обо всём, что произошло за последние дни и в особенности как добрались до Цитадели Ордена.

Всё это время рыцарь нервно посматривал на них, понимая, что этим общением они нарушают одно из старых правил Ордена – акт Пришествия должен был уже быть выполненным. Однако сию секундно старого рыцаря посетили тёплые воспоминания молодости, когда он сам ещё был неофитом. «Эх, сколько же я тогда правил нарушил? И как меня не выставили?» – подумал Ремиил, обуздывая чувство пунктуальности и ворчливости. Однако всё же время неуклонно шло, закон есть закон, а ночь уже готовилась вступить в свои полноценные права, а значит, больше ждать нельзя.

– Но ладно, хватит! Нам пора в ваше будущее жилище. Давайте за мною, – строго потребовал Ремиил, оборвав весёлые разговоры.

Все беспрекословно послушались грозного приказа старого рыцаря и молча, последовали за ним, идя в Цитадель, за который их ждёт новая жизнь. Они буквально за пару мгновений приблизились к огромным, не вмещавшим взгляд вратам, исполинским и гротескным, тяжёлым и монументальным. Главные ворота сделаны из нескольких сортов дорогого дерева, усиленные стальными укреплениями, украшены красивой и искусной резьбой – растительным орнаментом,

с серебряной окантовкой, отчего на солнце они истошно сияют, ослепляя взгляд. Но некоторые части врат исчерчены странными словами на непонятном языке и один взгляд на удивительные символы угнетает разум и режет глаз. А надвратное помещение исписано красивыми литаниями, призывающие к силе, выдержке, вере и мужеству, как и заповедывают догматы Ордена, так и требуют от его слуг.

– Стража, открывайте ворота! – запрокинув голову, крикнул Ремиил. – Живее!

Через несколько секунд копошения наверху старые механизмы издали металлический стон и звонкие кряхтенья. Через пару мгновений огромные ворота распахнулись, а массивная решётка, выкованная из закалённой стали, расположившаяся за ними, без скрипа поднялась и впустила гостей.

Ребята впервые вступают за массивные и неприступные стены Великой Цитадели славного Ордена и чувство достоинства, и предвкушение славы грядущих дней сладким тёплым ощущением разлилось по душе. От представшей красоты и сияющего великолепия у вошедших неискушённых парней захватило дух.

Яркие серебряные звёзды уже начинали сиять на тёмно-фиолетовом небосклоне, став глашатаями скорой ночи. Огромный и внушительный нефритовый купол главной башни устремлялся в звёздное полотно, постепенно теряясь в нём, и производится впечатление, что массивный шпиль подпирает саму небесную твердь. Главная башня настолько

огромна, что казалось, будто она просто обязана проломиться под своим весом и уйти под землю, но земля держит её, не давая сокрушиться такому великолепию.

Здания и постройки Цитадели поистине изумительны и прекрасны, став воплощением красоты и могущества, что воплощена в нефрите и камне мастерством древних зодчих – стены, отполированные до блеска, штандарты и знамёна, свисающие у входов, отделка из золота, блистающая дороговизной и роскошью Ордена.

В основном все постройки, в том числе и главная башня, собраны у южной стены, будто показывая сплочённость всех звеньев Ордена и доказывая их неразрывную взаимосвязь, которая на протяжении многих лет вела к процветанию и славе. А так же это позволяет создать пространство для огромного внутреннего двора, масштабы которого заставляют потонуть в пустоте и красоте его. И практически в каждом окне горит свет, знаменуя, что это место живо и ведёт свою беспрестанную работу по защите всех жителей Тамриэля.

Где-то ходит прислуга, исполняющая свои бесконечные обязанности по поддержанию жизни Ордена и функционирования Великой Цитадели – уборка, стирка, готовка и многое другое, с виду обыденное, но рутинно важное. Все рабочие и слуги одеты в обычные старые выцветшие одежды, с множеством заплаток и швов, как и подобает обычным рабочим, не искушённым в праздных нарядах.

По внутреннему двору Цитадели ходили и немногочисленные высокие рыцари, облачённые в безупречные сияющие доспехи которых свисают клятвы на веленовой бумаге, а на самих начищенных доспехах написаны славные литании и катехизисы. Но большинство грузных фигур, чьи образы схожи с рыцарскими, облачены в бежевые лёгкие туники, утянутые кожаными поясами. Не всё же время ходить в тяжелой броне.

На стенах вечное бдение несут стойкие и неразговорчивые стражники, чьи невзрачные доспехи и серые лики отражали долгие годы тягостной службы на стенах и полях одних из самых страшных неведомых сражений всего Тамриэля. Хоть это, и обычные стражники с не самой лучшей бронёй и искусным оружием, но когда этого требовала обстановка, они вставали плечом к плечу вместе с магами, рыцарями и паладинами лицом к лицу встречая самые отвратительные и ужасные кошмары, таившиеся даже за пределами обыденного понимания.

Но, несмотря на вечное движение и работу всех членов великого Ордена всё источало определённое и необычное спокойствие и медитативное сосредоточение. Отполированные до блеска нефритовые стены являют нечто гипнотическое, вкуче с размеренно покачивающимися знамёнами, что как маятники – туда-сюда. Ароматы благовоний – душистые и сладкие, забиваются в нос и расстилаются по организму, даруя умиротворение. Посматривая на меланхоличные знамё-

на, врожаящий блеск стен и ощущая, как с каждым вздохом его тело перестаёт гудеть от усталости и наполняется мотивами лёгкости и воздушности.

«Иллюзия» – подумал про себя Азариэль, но его размышления и созерцания великолепием обстановки были прерваны грубым голосом:

– Это ваш новый дом, неофиты. Теперь вам в нём провести остаток всей своей жизни, что очевидно, я думаю. – Разбавив свой голос вдохновлённостью, высказался Ремиил и добавил. – А теперь пройдёмте в казарму. Вас там, наверное, уже ждут.

Кандидаты вместе с рыцарем пошли сквозь весь двор Ордена. Благоговение и трепет наполняли молодые души юношей и девушки, и особенно размышления о том, как они станут рыцарями или могущественными чародеями, как переберутся жить в шпиль и как им доверят священный меч. Они с восхищением и надеждою взирали на великолепные и монументальные здания Ордена, зная, что в каждом из них скрывается их будущая судьба или славные деяния.

Они подошли к огромному двухэтажному зданию, ставшему жильём для десятков поколений учеников и неофитов, беззаветно преданных Ордену. Раздаётся лёгкий, практический не слышимый скрип и отворив крепкую деревянную дверь, окантованную холодным железом.

– Вот, – тяжело выдохнув начал Ремиил. – Раньше здесь могло расположиться две целых роты. А сейчас вас здесь

чуть более шестидесяти... эх, вырождается ваше племя. Скоро вообще будет некого брать.

Азариэль почувствовал, как ностальгия прорывается в голосе своего будущего наставника и, похоже, ест его. В словах Ремиила явно и ощутимо просачивалась тоска по былым временам, когда неофитов было больше. Рыцарь тяжело выдохнул и сказал последнюю фразу на сегодня:

– Отдыхайте, завтра будет много дел. Отдыхайте.

После того как слова, обременённые тяжестью были сказаны Ремиил покинул казарму неофитов, плотно закрыв дверь.

Ребята оказались в весьма скудном на обстановку здании. Стены из серого камня, полы из тёмных досок и больше ничего, кроме кроватей да тумб для личного пользования. Внутри вид полностью контрастирует по сравнению с тем, какое великолепие снаружи. «Величие на показ, внутри – аскеты» – подумал Азариэль, пытаясь разгадать загадку контраста, но его внимание было привлечено иным.

В помещении повисла странная и неловкая тишина, сдавившая сердца. На вошедших юношей и девушку пристально смотрели ещё пятьдесят семь будущих верных служителей Ордена, пришедших сюда намного раньше.

Азариэль оглянулся и увидел, что большинство кроватей и мест никем не заняты, а второй этаж вообще пустует. Похоже, что во время этого набора, нашлось очень мало готовых собой жертвовать ради мира или крепких, умных и ловких представителей рас Тамриэля. Теперь он понимает ту тя-

жесть и ностальгию в голосе рыцаря, хотя даже и не представляет её глубину.

На них смотрели пристально, будто на каких-то пришельцев, которые нарушили священный покой этого места.

– Что встали как вкопанные, проходите, будем знакомиться. – Развеив тишину, прозвучал чей-то звонкий и задорный женский голос.

Парни, Лира и Аквила быстро заняли свободные места, разложили пару собственных вещей и принялись знакомиться с остальными, кто прибыл сюда ранее.

Все быстро скучковались в одном углу постройки и стали слушать долгие и занятные истории как они помогли Ордену, или с какой доблестью и оценками прошли коварные испытания. Многие рассказывали, как сложно им было, но они превозмогали и выдержали все свои нагрузки. В этих рассказах просачивается столько похвальбы и гордыни, что рыцари, услышавшие это, возмущённо бы прервали этот концерт самовозвеличивания.

Глава 5. Место для клятвы

Следующее утро.

Тишина и спокойствие опустились вместе с ночью на южные края Тамриэля, но зиждется заря нового дня, а значит, наступает и время для новых свершений. Цитадель Ордена

– чреда величественных строений, сокрытая под покровом сумрака, медленно выступает из ночной вуали, являя себя миру. Миру, который должен будет отдан скоро на защиту юного поколения, если на, то появится воля Владык.

Всю ночь юные ребята проговорили о будущей жизни в Ордене, наполненной, как им казалось, приключениями и подвигами, которые будут отражены во всех летописях Империи и воспеваться менестрелями Сиродила или бардами Скайрима. Каждый поделился своим виденьем будущего своей жизни в Ордене, преждевременно наполняя её массой элементов, в которых читалась ребяческая гордыня и бравада,двигающая молодым поколением. И это было понятно, ибо каждый хочет достичь вершин славы и величия вкупе с невероятным могуществом, ибо такова природа большинства рас Тамриэля. Но никто не знал, что все эти чувства в буквальном смысле слова с пристрастием выбиваются в Ордене, потому что враг может смутить любого его пороками, а наиболее могущественные создания способны были страсти против самой Империи, что естественно нежелательно.

Так как они ещё не пребывали в статусе полноценных неофитов, то они могли хоть до утра не спать. Но, всё же вняв внутреннему благоразумию, они отошли ко сну посреди глубокой ночи в два часа и поэтому сейчас никто из них даже не спешит вставать, пребывая в объятиях сна.

Солнечный диск медленно встаёт, начиная верный и неизменный испокон веков путь по небосводу и разгоняя ночной

сумрак, который покорно уступал место свету и будущему дню.

Тёплые и игривые лучи яркого и брезжащего солнца осторожно, можно сказать с опаской, проникают в Казармы кандидатов Ордена, развеивая полуночный мрак и прохладу здесь стоявшую и безгранично властвовавшую. В воздухе витает ещё ночная и сырость, и странная прохлада, но они стали медленно прогреваться.

Все мирно прибывали во сне и видели приятные сновидения о своей будущей жизни и воплотившихся в надеждах и несбыточных грёзах. Кто-то даже дико сопел, но это не мешало ребятам приятно проводить время во сне в своих тёплых постелях. Никто не ожидал и тем более не хотел подниматься со своих нагретых мест.

Старая, но надёжная и испытанная временами дверь со стоном металлических петель отворилась, и вместе со звуком скрипа в Кельи проник свежий прохладный воздух, пронёсшийся по Казармам Неофитов. Лёгкое касание уличного холодка пробежалось по коже каждого спящего в этом месте.

На пороге казарм показался невысокий, чуть выше среднего роста человек, вошедший сюда уверенно, будто бы делал это каждый день. Его лицо перекошено глубоким шрамом, проходившим от левой части лба через нос и сходявший к губам, пересекавшим всё лицо, став подобием печати, знаменующей деяния воина и говорящие о тяжести победы. А его тёмно-седые волосы на затылке завязаны в хвост

и скинуты на спину, чтобы не мешали.

Он тяжёлым взглядом окидывает помещение, посмотрев на мирно спящих будущих неофитов Ордена. И никто не мог углядеть той ностальгии и тяжести в глазах рыцаря, которая легла мрачным грузом на его душу. «Как же мало вас стало» – с печалью подумал рыцарь. Но быстро сбросив с себя медленно подступающие оковы непотребного чувства, и спрятав глубже воспоминания, он приступил к исполнению порученного ему задания.

В помещение подались ещё два человека – воина, облачённых в доспехи из тёмной кожи и несущие огромные тарелки, переливающиеся светом золотистой латуни.

– Подъём! – Во всё горло крикнул вошедший рыцарь и отмахнулся, чтобы воины ударили в инструменты. – Вставайте, живее!

Дикий звон страшным эхом пронёсся по всей казарме, а слова вырвали всех из своих приятных сновидений, став лучше утреннего бодрящего ведра холодной воды.

– Убрать свои места. Живо! – кричал вошедший рыцарь. – Шевелитесь сонные мухи!

После того как грозные и внезапные приказы рыцаря прозвенели подобно грому в месяце Восхода Солнца (феврале) – все повыпрыгивали со своих мест, стараясь как можно быстрее их убрать. Мешканий было не избежать, ибо сон до конца не развеялся, что весьма сильно сказывалось, так как юноши и девушки постоянно путались в своих действиях и вели

себя, как туча мошек.

Азариэль, прежде чем сумел дотянуться до одежды и ощутил напористое тёплое прикосновение, оттолкнувшее его от тумбы. Нордлинг пронёсся возле него, будто экипаж и едва не снёс парня, но юноша устоял на ногах и, несмотря на шум канители, и переговоров смог призывы рыцаря:

– Живее! Живее!

После того, как места, представленные кроватью и личным шкафчиком, были убраны, на всю казарму, если не Цитадель, раскатом грома прозвучали следующие команды:

– Что встали как стадо!?! Одевайтесь в свои лохмотья! Живо!

Азариэль кинулся к одежде, которую он кинул на кровать. В обще суматохе и карусели лиц он пытался попутно выискивать лики друзей, но всё тщетно. Юноша оставил попытки найти товарищей и принялся натягивать одежды. В конце концов, все кто здесь находятся рано или поздно станут ему приятелями.

Стоило большинству облачиться в разношёрстные наряды, в которых вчера пришли кандидаты, так рыцарь, разворачиваясь и устремляясь к выходу, громогласно кинул:

– Как только оденетесь, выходите на улицу!

Взгляд Азариэля метнулся к выходу и, определив, куда идти, сам поспешил выйти из казармы. Он вышмыгнул из широкого дверного проёма и занял место напротив грозно смотрящего воина с обезображенным лицом, почувствовав,

как холодок страха пробежал по спине при виде человека. Оливковые глаза рыцаря, в которых читается глубокая какая-то тоска, разглядывают выбегающих на улицу. Грубое холодное лицо обращено к казарме. Недельная щетина покрывает отягощённые морщинами щёки рыцаря.

Многие ребята боялись поднять голову на рыцаря, покорно склонив их к груди, а те, кто всё ж смотрели на слугу Ордена, увидели, что он одет не в прекрасные и сияющие доспехи, как подобает благородному воителю, а его одежаниями стали потрёпанные кожаные сапоги и тканевые одежды зелёных выцветших цветов.

– Я приветствую вас, – с лёгким хрипом заговорил рыцарь. – Вот так вот теперь будет начинаться каждый ваш день, только намного... намного раньше. То, как вы сегодня встали, меня не порадовало. Вы были как стадо сонных баранов. Вы должны быть быстрыми и собранными, если хотите здесь остаться. Я, ясно выражаюсь? – Закончив выражать недовольство, грозно спросил рыцарь.

– Да господин, – хором монотонно и слабо послышался ответ.

– Я не слышу!

– Да господин! – Уже более чётко и громко ответили кандидаты.

– Вот и славно, – речь рыцаря не изменилась, оставаясь такой сухой и безжизненной; он занёс руки за спину, оставив их у поясницы. – Моё имя – Туриил. Завтра всё уже будет

по-другому, по-иному, чем вы можете представить. То, что вы прошли Жатву говорит о том, что вы всего лишь пригодный материал. Вам ещё предстоит стать теми, кто станет защищать этот мир. И я приложу все усилия, чтобы либо выкинуть слабых, либо сделать из вас достойных братьев и сестёр. Прежняя жизнь окончена! Ясно?

– Да, господин Туриил! – послышался хоральный ответ.

– Да и на будущее. Юноши будут спать на втором этаже, а девушки на первом. Сие приказ понятен?!

– Да, господин!

Вне Келий по коже Азариэля сразу пробежала утренняя прохлада, вконец развеявшая все остатки сонного состояния. Юноша направил взгляд чуть дальше, за пределы лица Туриила и взору предстаёт прислуга, исполняющая нескончаемые обязанности, рыцари, спешащие на тренировки и новые задания, переданные командирами, и стража, ставшая навсегда щитом Ордена, неусыпно бдящая за порядком. Распорядок жизни мало чем это отличается от имперского форта.

– Встать в два ряда! Живо! – неожиданноскомандовал Туриил и Азариэль замешкался в исполнении приказа.

Ребята на удивление не растерялись и быстро встали спинами к своим казармам, приготовившись к исполнению новых приказов.

Туриил окинул холодным строгим взглядом шестьдесят кандидатов. Выражение его взгляда напоминает то, как

смотрит опытный воитель на новобранца – видя в нём своего будущего соратника, которого нужно добыть из новопривычного пушечного мяса.

– Завтра вы подниметесь ещё раньше, чтобы смогли умыться и привести себя в порядок, а то нам здесь ещё чумы не хватало. Теперь вам придётся походить за мной, чтобы уяснить, что и где находится. – И совершив лёгкий кивок, Туриил хрипло сказал. – В арсенал.

Им пришлось идти через всю Цитадель, топчась по её умящённым камнем широкими дорогами, рассекающими весь внутренний двор.

– Азариэль, – сквозь строй юноша услышал обращение и сделал пару шагов назад, оказавшись в самом его конце.

– Да, Лира, ты звала меня?

Возле Азариэля идёт милая статная девушка, с изумительно красивым лицом. Всё та же чёрная ряса не идёт Лире и Азариэль сказал бы ей это, но только смущается от одной мысли, что его слова могут обидеть эту девушку, а поэтому просто, сам не зная почему, радостно смотрит на пышный чёрный волос Лире и её гордую статью.

– Азариэль, а что это вчера было? – с прорывающимся ропотом прозвучал вопрос. – Я н-никогда такого не встречала.

– Это такое приветствие, Лира, – улыбнулся Азариэль. – А как ты жила до Ордена, что ни разу ни встречала подобного?

– Да я была помощницей при местном чарошее в Марброке. Матушка и отец работали в таверне, а меня отдали обу-

чаться, потому что я магией владела.

– То есть ты маг?

– Нет, – сохраняя странную мало ощутимую дрожь, говорит девушка. – Я только учусь, хотя мне это помогло попасть в Орден.

– И что же ты делала у него?

– Всякое разное. Приготовление простейших микстур, несложное колдовство и уход.

– За кем?

– У него был такой хороший пушистый зверёк. Он его звал маленьким злокрысом и говорил, что на севере они больше бывают.

– Ох, – удивился юноша. – Кстати, раз мы в одном Ордене, скажешь, чем увлекаешься? Что тебя интересовало до... Ордена?

– Ну... как сказать...

– Говори, как есть, я тебя пойму.

– Я очень любила книги про Маннимарко, но ты не пойми меня не правильно. Я не поддерживаю его речей и мнения.

– Я тебя понял. Тебе просто нравится искусство некромантии.

– Да, что-то из подобной темы, но я не практикую подобного.

– Может быть, мы с тобой Лира ещё поговорим об этом. В более подходящей обстановке.

– Правда? – прозвучала удивлённая радость.

– Азариэль, – вмешалась Аквила. – Тише, а то мы скоро подойдём.

– То п-подруга? – трепетно спросила Лира. – Или...

– Хорошая подруга, – успокоил девушку Азариэль.

Приближение к Горячим Кузням ознаменовал плотный запах раскалённой добела стали и аромат горящих углей в кузнях и плавильнях. И через некоторое время они подошли к прекрасной постройке бледно-зеленоватого оттенка.

Уши Азариэля поймали звон ударов молотов и отзвуки наковален, превращавшихся в единую кузнечную мелодию.

Туриил приложившись плечом, отворил массивную чугунную дверь, и всех обдала густая волна запаха пота и металла, вкупе с невероятным жаром, ударившим напористым потоком в лицо, словно это проход в план «Мёртвые Земли». Многие от того неожиданного сочетания даже поморщились, но всё же пошли за рыцарем в арсенальные «печи».

Первый этаж оказался вытянутым широким помещением, с полом выложенным плитами камня, где очень мало наковален и печей. Вместо них на стенах, облицованных белоснежным мрамором на полках и витринах висит оружие. Взгляд Азариэля приковали ряды ятаганов и мечей, скиммитаров и топоров, причудливых копий и алебард, которые слабо мерцали в десятках оттенков цветов. Кузнечная магия вкупе с зачарованием колдунов окутывает достижение мастеров еле зримой аурой.

Азариэль вместе со всеми заглянул в пластины доспехов

и щитов. На ребят тут же посмотрели их же отражения, переполненные восхищением и удивлением, в начищенных до блеска, прекрасно и красиво выполненных латах.

Оружие и броня сделана так, что могло пройти сотню битв, но вряд ли затупится или сломается. Конкуренцию этому оружию и броне могло составить только даедрическая экипировка, скованная чёрными кузнецами самого пламенного и жестокого из планов Обливиона.

Но ещё большее впечатление на неофитов произвели крупные коренастые представители всех рас, чья кожа блестит от пота, отражая огоньки пылающих углей в кузницах. Волосы каждого мастера коротко подстрижены, а бороды абсолютно сбриты, ибо даже малейший волос в кузне мог подпалиться и провалить процесс создания совершенного оружия.

– Здравствуй, Тури, – все поспеши посмотреть на хозяина реплики, и увидели, как далеко со второго этажа по винтовой лестнице спускается крупный лысый орк, в одежде из кожи; его торс скрыл толстый фартук, ноги покрыты брюками и сапогами.

– Здравствуй, Мор-гро-Локир. – Дождавшись, пока орси-мер подойдёт, отсалютовал Туриил, встав напротив мастера, который оказался на голову выше рыцаря.

– Что тебе понадобилось здесь? Опять со стенами воевал и повредил меч? – широкие клыки орка чуть отступили, а губы изобразили подобие улыбки.

– Эх-х, когда это было? Года четыре назад... а ты мне всё припоминаешь, – рыцарь поднял руку и указал пальцем на тёмно-зелёное лицо орка. – Лучше вспомни, как ты морозную соль с обычной перепутал. Я думал, твой язык будет уже не спасти.

– Ой, да ладно, – широкой рукой отмахнулся Мор-гро-Локир и повернул широкие тёмные глаза на ребят. – Я смотрю, вы молодняком обзавелись.

– Да и мне нужны доспехи.

– Пройди. Они лежат под тем столом. Только вчера их подлатал лично. – Подняв полностью руку, туго вытянув её, и молотом, что был в руке, указав на верстак, рядом стоящий, под которым покоились деревянные ящики.

– Спасибо. Буду должен.

– Кстати, ты, когда мне вернёшь тридцать монет? Ты неделю назад мне обещал их отдать, – потребовал мастер, прекрасно зная, что есть дружеский долг. – Я жду с нетерпением. Да и прошу, не нужно вспоминать про рыцарскую привилегию.

– Точно, по Кодексу – «каждый член ордена не из рыцарства должен рыцарю простить долг менее в сто пятьдесят септимов, если рыцарь того попросит».

– Мы же друзья и давай без этого, – губы орка разошлись в тёплой улыбке, оскалив крупные клыки. – Вот вас за эти привилегии и не особо любят в Ордене.

– Да верну, не бойся. Давай, мне некогда. Мне нужно уло-

житься в срок. – Быстро и уже отходя от своего друга, прощался Туриил.

Эта ситуация весьма насмешила Азариэля, но только своей радости он не подал, постаравшись как можно быстрее её подавить и сохранить серьёзность на лице.

Тем временем рыцарь достал несколько больших сундуков, сколоченных из светлой древесины, с металлической окантовкой и тут же открыл их, предоставив на свет несколько комплектов брони.

– Вот, молодая кровь, в этих доспехах обучались и тренировались несколько поколений до вас. Разбираем по размеру. Не брезгаем. Хотя они и пролежали в этих сундуках несколько десятилетий, вон мастер говорит, что их починил и подлатал. Надеюсь, что они не развалятся после первой тренировки на полосе препятствий.

– Господин Туриил? – прозвучало обращение от одного из будущих неофитов.

– Я порошу прислугу отослать вам ящики. Сегодня вечером сможете всё осмотреть.

Азариэль внимательно всмотрелся в броню. Доспехи представляют собой полный комплект крепкого кожаного тряпья, скомканного и обмотанного вокруг сапог. Да, эта была серая крепкая кожаная куртка, одеваемая поверх старой серой рубахи, бесцветные штанные из грубой мешковины и кожаные сапоги с низким берцем. На доспехах не одного железного элемента ни было, не говоря уже о крепких пласти-

нах.

Азариэля удивил этот контраст. Всюду висели прекрасно выполненные доспехи из самых дорогих материалов со всего континента, а они первые годы отслужат в неброской, выцветшей и серой экипировке, едва ли способной выдержать удар кухонного ножа. Вся антитеза отразилась в душе парня неким стыдом, будто он в рваной одежде стоит посреди императорского дворца, собравшись просить милостыню. Но он быстро, буквально за несколько свыкнулся с тем, что ему несколько лет придётся проходить в этой броне и смирился с обстановкой.

– Мор-гро-Локир! – крикнул через Горячие Кузни Ремиил и ткнул на одежду кандидатов. – Тебе нужно, что подобрать в печи или кузни для жара? Можешь использовать это тряпьё.

Слова, брошенные с иронией, вызвали глубокое негодование в душах ребят, постепенно готовое вылезти наружу. Но рыцарь почувствовал напряжение, ощутил его душой, бурлящее в душах будущих неофитов, и в одно мгновение решил пресечь его:

– А теперь запоминаем! – рявкнул Туриил, сделав своё и без этого мрачное лицо ещё серьёзнее. – Как сказано в кодексе: «Неофит должен с честью и мужеством превозмогать каждое лишение и утрату, даже самую незначительную или несоизмеримо огромную». Это я к чему? – Задал неожиданно риторически вопрос рыцарь и тут же сам на него отве-

тил. – Ваши вещи – это памятники прошлой жизни, которые вы оставили за стенами и к которой никогда не вернётесь. Они сгорят, так же как и ваша старая жизнь. Привыкайте к лишениям, которые вас ждут, – приостановись, осмотрел стоящих перед собой неофитов и напоследок кинул. – Вам выдадут новую одежду. А теперь за мной.

Чувство обиды или оскорбления не тронуло души Азариэля. «Если таков путь к будущей славе, то я выдержу его» – подумал юноша. После преподанного урока и лекции о силе воли они быстрым шагом направились к прекрасному зданию, окутанному странным, но прекрасным голубым сиянием. Перемахнув стройной колонной через двор, они попали в высокое здание, где уши молодого высокого эльфа наполнились странным гулом, похожим на мелодичное пение.

Это Академион, от крыши которого ввысь бросались три высокие острые башни, которые подобно стрелам устремились к небосводу, стараясь оторваться от земли и покорить небесную твердь. Чем-то он напоминает сказочный замок, в котором должна жить некая миловидная особа, но действительность иная – тут собраны страшные знания и одни из самых сильнейших магов.

Неофиты с осторожностью зашли в Академион, ставший сосредоточением необычайной мудрости и удивительного состояния спокойствия, поселявшиеся в душах от странного, но приятного запаха зажженных благовоний. Потом им пояснили, что маги являются виновниками этого свечения

и прекрасного спокойного состояния. Но помимо ароматов благовоний в прекрасных помещениях стеной витал запах алхимических ингредиентов.

Синие стены Академиона отделаны серебром во многих местах, а там, где не было благородного металла, красотой и изумлением блистают прекрасно исполненные фрески, повествующие о долгой истории Ордена, уходящей в неизвестность.

Туриил привёл неофитов в небольшую, но уютную на все возможные ощущения аудиторию, выкрашенную в синие и голубые цвета. В ней все цветовые схемы приятно гармонировали не вызывая неуютного для глаза контраста. Любое ощущение на коже становилось настолько приятным, что любой порез в этой комнате мог показаться лишь лёгким поглаживанием пера. Все запахи стали жутко желанными для носа, вечно ищущего идеального аромата. Звуки стали не громкими, заботливо ласкающие ушную раковину мягко проникая в голову. Здесь можно слушать любого часами, даже самого неграмотного и тупого гоблина, который пытался бы выговаривать слова на эльфийском, причём скрипя своим голосом как гвоздь по стеклу.

– Это... такое ощущение, что мы в Этериусе... – Ошеломлённо говорила одна из девушек.

– Нет. Это всего лишь иллюзия, в сочетании с ароматами некоторых трав, что действуют на мозг, – раздался грубый мужской голос, внезапно возникшего за спинами высокого

человека в синем балахоне, который тут же провёл рукой, объятый зеленоватым сиянием. После того, как сияющая рука мага закончила свой путь многие из приятных ощущений просто спали, прекратив обманывать все органы чувств.

В душе Азариеля повисла некоторая тоска, вызванная несколько таким наглым обманом чувств, сколько тем, что эта прекрасная иллюзия спала, оставив пустыми, все пять органов. А из-под тёмно синего капюшона продолжила идти речь:

– Видите, как легко было ввести вас в смятение. Ваш враг непременно попытается воспользоваться вашими слабостями в душе и тем более страстями. Вы должны быть подготовлены к любой иллюзии и тем более, всегда с опаской, достойной параноика относиться ко всему приятному для ваших чувств. – Вновь заговорил маг, поняв то смятение, в которое впали неофиты. – Но это ладно, а сейчас поговорим об основном.

После чего, в аудиторию зашли несколько аккуратно одетых в дорогие и роскошные, какие только носит аристократия Сиродила, костюмы профессоров и таинственно облачённых в синие балахоны магов.

С ними была долгая беседа, ибо представители Академии пытались вложить крупицу того света, которым сами обладали в души новичков, наставляя их на истинный путь, и стараясь предотвратить возможное падение во мрак.

Они не стали говорить обо всём, как можно сильнее кон-

центрируя внимание и время на духовном костяке Ордена. Нескончаемый разговор шёл о главных доктринах и догмах организации, в которую пришли ребята. Беседа была о верности, чести, вере, силе, воли и справедливости, которую пытались вложить самые мудрые представители всех рас со всего Тамриэля.

Но сколько медленно не текло время, пришёл момент пойти туда, где будут произнесены самые важные слова в жизни молодых кандидатов и принесены самые крепкие и нерушимые клятвы.

Туриил двинул всех в главную башню Ордена, именуемую «Пик Света», что стала сосредоточением силы и власти, неустанно охранявшей от зла весь континент. Ворота башни поражают красотой, что ещё сильнее воплощается в совершенстве, предоставляя себя сияющему лику солнца. Прекрасная резьба и искусно выполненные резные фрески на массивных воротах производили впечатление, и показывали богатство Ордена. Врата усеяны недорогими, но красиво гранёными драгоценными камнями: гранатами, топазами и аметистами, образующие незамысловатые рисунки или просто инкрустированные для красоты.

Старый рыцарь провёл вовнутрь башни, в Великий Шпиль, и неофиты обомлели от красоты, что во всём великолепии предстала перед ними в виде неимоверно огромного помещения. Азариэль узрел, что всюду стоят огромные золотые канделябры, сделанные в стиле замысловатых

и мистических растений. Отовсюду исходит мягкий потрескивающий звук горящих свечей на канделябрах. Внутри стены были сделаны из дорогого чёрного мрамора, начищенного до поразительного блеска, отчего он стал подобен зеркалам, в которых смогли увидеть свои изумлённые лица ребята. Плиты чёрного, как обсидиан, мрамора отделаны дорогой позолотой, усеянные уже драгоценными камнями: сапфирами, изумрудами и бриллиантами, которыми были образованы сложные и красивые символы.

Местные музыканты из прислуги исполняли могучую органную музыку, что своим безумным хоралом придаёт этому месту ещё большее могущество, завораживающее сердца, вкупе с наигранной грозностью.

В башне витает запах дорогих благовоний, завезённых сюда с самых дальних краёв Тамриэля. И эти благовония буквально дыму наполняли всё помещение башни, словно это храм, который окурило множество жрецов.

Холл, разделённый на два яруса, великой башни потрясающ: настолько огромный и просторный, что в нём без труда могли поместиться несколько сотен воинов Императора. Ровно по центру холла начинался второй ярус, на который ведут две лестницы, что примыкали, прям к стенам башни и образовывали полукруг. В самом конце холла, что был, практически не видим, по бокам, ближе к самой дальней задней стене, виднелись две двери, выводящие на винтовые лестницы, позволявшие перемещается по этажам монументального

Пика.

На втором ярусе посреди, у возвышающейся на полметра трибуны, стоявшей у самого края, их ожидает странная высокая фигура. Азариэль смог узреть только светло-пепельный лик существа, который возвышается на втором ярусе и его утончённое треугольной формы лицо. Рядом с ним возвышается целая череда фигур в совершенных доспехах, сияющих ртутным сиянием, чьи черты Азариэль не в силах различить.

– Рыцарь Туриил, – прозвучало помпезное обращение от высокой фигуры. – Ты привёл к нам новообращённых?!

– Да, господин Регент!

– Так пускай же они преклонят колени в почтении перед великим будущим! Пусть склонятся перед днями грядущей службы!

– Кандидаты! – скомандовал Туриил и его голос разнёсся эхом по всем уголкам огромного холла. – Преклоните левое колено!

Азариэль, склоняясь, сумел осмотреть того, кто стоит на вершине и понял, что это и есть руководитель всего здесь. По его приказу они прошли Горячие Кузни и Академион, что является частью ритуала, в конце которого они преклоняют колени. Для главы Ордена это обыденность, простая процедура инициации, но не для парней и девушек, впервые узревших такую пышность и помпезность наряду с величественностью.

Вид славного предводителя Ордена внушает покорность, робость и в тоже время невероятно вдохновляет, вселяет в молодые души светлые чувства. На нём красуется безупречный доспех – панцирь-нагрудник, украшенный на котором раскинулись солнечные лучи геральдического символа, выполненные из лунного камня; плечи закрыты широкими наплечниками, ноги закрываются пластинчатой бронёй и сапогами и весь комплект доспех выкован из блистающего мифрила. Броня отражает практически все огоньки свечей и блеск драгоценных камней, на котором прикреплены не менее шести литаний и клятв, краска чьих букв впилась в веленевую бумагу. И он отражал такое большое множество огней, что складывалось впечатление, что Регент сияет неземным светом, льющим из самого Этериуса, и делало невозможным рассмотреть его доспех более детально.

Лицо самого Регента скрыто за мраком поднятого забрала тяжёлого барбюта, а на вершине шлема покачивается прекрасный красный плюмаж из дорогих перьев.

Рядом с Регентом возвышается знамя – кроваво-алое полотнище, на котором покоится изображение солнца. Древко изрисовано аэдрическими символами и удерживается в сиятельной латной перчатке регента.

– Господа рыцари и чародеи, мастера и профессора, сей души прошли испытания Жатвы, так достойны ли они стать младшими братьями и сёстрами великого Ордена!?

Азариэль только сейчас смог разглядеть, что по бокам от

него, в паре сотне метров есть две возвышенные трибуны с противоположных сторон. За ними на толпу будущих неофитов смотрят четыре представителя главных повинностей Ордена.

– Да, славный лорд и Регент Ордена! – с трибун послышались одобрительные реплики. – Мы рады принять новую кровь в наши ряды! Пусть их души и сердца укрепятся и бьются в унисон! Пусть высшие силы сохраняют их дух от развращения на праведном пути! Пусть их разум не погрязнет во мраке и всегда будет полон света! Орден приветствует их!

– Мои братья-неофиты, – вдохновенно и сотрясая пространство радостью в голосе, праздным позывом, обратился Регент. – Вы сегодня вступаете в новую жизнь, которая свяжет вас навсегда с Орденом. Теперь вы – воплощение того света, что выжигает мрак по всему Тамриэлю, бережно охраняя его народы. Сегодня вы примете ту клятву, которую не имеете права нарушить. Орден теперь это ваша жизнь и никакой иной жизни у вас больше нет. Отныне вы воплощение нашего вечного девиза, что вёл нас сквозь самые мрачные века нашей истории. Так будьте достойны этого девиза! – Торжественно воскликнул Регент. – А теперь преклонитесь, чтобы стать связанными клятвой.

Четыре фигуры, чьи тела окутаны шёлком красных балахонов, вышли из-за Регента и достали молитвенные свитки. С их уст, невидимых из-за тени капюшона на весь зал раздались слова клятвы, которые благословенным хоралом раз-

летелись по всему холлу и тронули душу каждого юноши ли девушки:

– Во имя сотен народов Тамриэля и Ордена я клянусь не ступать с выбранного пути.

Азариэль громогласно вместе со всеми повторил слова, чувствуя как тепло величия и сопричастности к нечто великому, ласкает его дух.

– Мы самолично и беззаветно присоединяемся к священному воинству Ордена и, давая суровую клятву, обещаем хранить обет добровольного и строгого послушания, верности, доблести, честности и прямоты.

В едином порыве и глубоком душевном трепете все повторили слова.

– Коим обетом мы показываем твёрдое и несомненное желание посвятить любое мастерство на благо Тамриэля и не против него. Обязуюсь любить и защищать моих братьев и сестёр до самой смерти и клянусь сражаться со всеми возможными угрозами народам всего Нирна.

Губы больше полусотен юношей и девушек исторгают слова, сказанные в унисон, которыми навсегда приковывают себя к Ордену.

– Клянусь не приносить иных обетов более не одному другому обществу, магами или рыцарям, что не служат Ордену. Клянусь не присягать на верность ни одному государству или культуре, в верности оставаясь лишь перед Орденom.

Азариэль с товарищами вторит тому, что сказали иерархи

и с пением в сердце повторяет священное слово.

– Пусть континент разорвут тысячи государств, я обещаю обнажить свой меч и обратить разум против тех, что станут нести мрак тьмы и станут угрозой неисчислимым народом Тамриэля. Обещаю лицом к лицу встретить самые отвратительные кошмары и не устрашиться их. В этом перед всеми, на этом собрании присутствующими, громко клянусь чтить данное обещание! Если я нарушу эту клятву, то пускай меня, постигнет справедливый и суровый суд Ордена!

Все с душевным трепетом и состоянием величайшего духовного возбуждения в душе благоговейно повторяли слова, проговорив клятву, подобно боевой литании, отчего зал будто наполнился молитвенным звучанием.

– Встаньте! Подниметесь с колен! – обратился Регент. – Вы больше не кандидаты, вы неофиты Ордена! Вы – молодая кровь, вы его будущая сила, слава и воля. Радуйтесь, ибо сам Акатош смотрит на вас сейчас!

Азариэль ухватил взглядом как четыре иерарха отошли назад, а их место заняли три другие фигуры.

– Вы будете не одиноки в своём просвещении. За сим я назначаю вам четырёх господ, которые поведут вас через тернии к славе.

Первый шаг сделал высокий подтянутый человек, чьи черты лица отражали сглаженный многоугольник, а глаза небесно-голубой расцветки. Его тело стянуто кольчугой, выкованной из посеребрённого мифрила и укутано в пурпурный

плащ. Регент отклонил правую руку и произнёс:

– Господин Люций!

За ним шаг вперёд сделал высокий нордлинг с седыми волосами и закованный в прекрасный доспех, что Азариэль видел ранее:

– Господин Ремиил!

После него в сторону неофитов шагнул тёмный эльф, тело которого скрыто под кожаной плотной курткой, сияющих светло-ледяными пластинами сталгрима.

– Господин Охтхере! – назвал последнего Регент и продолжил. – Они ваша путеводная звезда, что укажет правильный, верный путь, если вы собьётесь с него! Отныне они – ваша опора и господа, ответственная за вас. Главные командиры, начальники и отцы! Так ступайте же с ними на первые испытания!

После сказанных речей наставники повели своих неофитов на учебный плац, что располагался в восточной части острова. Плац представлял собой огромную, практически не вмещающую взгляд тщательно отчищенную площадку, где одна треть занята учебными боевыми манекенами и расчищенной землёй, а две трети предназначены для полосы препятствий, где предстают перед взором самые различные преграды: от окопов, до двухметровых стен. Для неофитов настало время для их первой тренировки.

Из прямоугольного окна небольшого помещения, расположившегося в структуре высоченной башни, и неофиты, и

их наставники выглядят как муравьи. С высоты птичьего полёта пара глаз смотрит за тем, как юноши и девушки неумело проходят полосу препятствий под строгим взглядом командиров.

– Зачем мы всё это делаем? – вопрос ниспал с прямых губ данмера, одетого в чёрный балахон, утянутый кожаным ремнём. Он стоит прямо у окна и устремил взгляд вдаль. – Через десяток лет кто-то из этих юношей и девушек станет рыцарем, магом, мастером или учёным, всё зависит от способностей. Ну, а кто по слабее, в стражу уйдёт с наёмниками напополам. Но не проще ли сразу собирать наёмников или армию Империи для решения проблем? Это ведь быстрее.

– Вы глава одного из древнейшего и могущественного сообщества. – Раздался позади голос рослого человека, лицо которого светло и отмечено татуировкой дракона, а щёки и подборок ниспускают белую бороду. – Вам лучше знать.

– Ну, ты только посмотри на них, – пепельно светлая ладонь указала на тренирующихся неофитов. – Посмотри, они даже не знают, с чем им предстоит встретиться.

– Мы – слуги Императора и нас не волнует во имя каких высоких идеалов биться. Если он приказывает, значит, так тому и быть.

– Вы то да.

– Почему вы спросили. А как же клятва? Та, которую дали вы. Дали новообращённые. Разве она ничего не стоит?

– Слишком тяжкое бремя, который не каждый выдержи-

вает.

– А-а-а... вы им не сказали, что место клятвы не сказывается о её качестве? Печальнее всего, когда те, кто должен быть выше всех падают так низко, что аж становится страшно. Ну ладно, давайте обсудим, что предлагает наш император.

Глава 6. Первое задание

Спустя четыре дня. Двенадцать часов дня.

– Во имя долга и Тамриэля, во имя света и супротив тьмы мы обнажим наше оружие! Мы будем верными Ордену и станем другом каждому, кто пойдёт против сил тьмы! – такими словами начали говорить шесть десятков парней и девушек, преклонив колена и принимая участие в орденской мессе.

Азариэль, выставив перед собой длинной простой меч, сжав его рукоять в ладони, и стоя на одном колене покорно читает слова молитвы. Над ним возвышается сводчатый потолок, нависший над неофитами в десяти метрах и цепляющий на себе причудливую многоярусную люстру с сотней маленьких свечей, ныне не зажжённых. Сладкий запах ладана бьётся в нос юноши, окутывая лёгкий пути приятным ароматом сильных благовоний.

Губы юноши едва дёрнулись в уколе боли. Он и ещё шесть десятков товарищей пришли в орденскую капеллу после тя-

жёлтой тренировки и мышцы слабо постанывают да ломаются. Его тело скрыто под кожаным доспехом – панцирь, поножи и сапоги до колен скрывают под собой бело тканые рубаху и штаны. Сапоги защищают ноги прямиком до колен, а высокий накладной кольчужный горжет скрыл светло-золотистую кожу горла. Отточенное и удлинённо-треугольное лицо парня уставлено в пол, в знак почтения и преклонения перед святыми словами, розными паладином-капелланом.

– Именем Акатоша мы благословим себя на великие подвиги! – ребята повторили эти слова за паладином.

Азариэль едва приподнял глаза и заметил, что капеллан стоит далеко от него, у небольшой деревянной трибуны, вставшей на ярусном малом возвышении. Он выбрал под одежду ритуальный стихарь цвета ночи, перед ним на трибуне раскрыт молитвенник имперского культа, а в руках зажата цепь, на конце которого небольшой золотистый горшочек, чьё горлышко выливает клубы сладкого дыма. Кадило капеллана постоянно содрогается, выпуская облачко за облачком и всё сильнее наполняя большущее помещение сладостным пьянящим ароматом.

– Пускай Мара нам даст милость, а Стенндар подарит милосердие в борьбе тварями тьмы.

Юноша монотонно шевелит губами и проговаривает слова молитвы, отвлекаясь на образ стен. Они выполнены из серого и холодного камня, как и вся капелла «Яркого Света».

– Во имя мира и сохранения Тамриэля от скверны мы от-

вергаем шестнадцать страшных ересей, имя которым – даэдра.

Слова сказаны Азариэлем, и он вновь вернулся к созерцанию стиля капеллы. Храм выполнен в смешанном стиле сурового Скайрима и более мягкого Сиродила. От северной провинции он взял серость, простоту и монументальность, а культура сердца Империи подарила ему образ, черты внутреннего устройства.

– Слава павшим воинам в битве со страшной скверной! Слава паладинам и рыцарям, слава воинам и неофитам, отдавшим свои жизни на алтарь жизни!

На этот раз слова сказаны не паладином, а голосом тяжёлым, грубым, порывистым и чуть хриплым. Азариэль увидел, что рядом с капелланом стоят два помощника из числа наставников юных неофитов. Их одежды – такие же ритуальные стихари, только чёрного цвета, а лица скрыты под масками-черепами.

Азариэль узнал того, кто говорил слова. Это наставник Ремиил. За то недолгое время, что юноша провёл в Ордене он смог узнать рыцаря лучше. Мужчина прекрасно знает все аспекты жизни Ордена и отличается требовательностью, странно сочетающейся с независимостью. Уходя на мелкие одиночные задания, он мог пропасть на месяцы из Цитадели, странствуя по Империи и помогая всем нуждающимся, из-за чего несколько раз объявляли погибшим, но потом привыкли к этому поведению. Юноша усмехнулся про себя, когда

вспомнил, что Регент дал ему задачу по надзору за молодым человеком, надеясь, что это хоть как-то усмирит независимость и свободолюбие Ремиила, за которое Регент не раз грозился понизить рыцаря в стражники.

– Слава мёртвым последователям науки и магии, не отдавшим души на растерзание тьме! Мы славим их имена и подвиги. Прими Аркей их во царствии своём!

Следующий наставник имеет такую же одежду, что и Ремиил. Азариэль по наполненному дрожью и силой голосу узнал мага Охтхере, тёмного эльфа. Тот, раскрывая тайну своего неэльфического имени, говорил, что воспитан нордами. Он отличался отменным познанием в магических науках и часто помогал фермерам на полях, меняя погоду, однако, по его мнению, это были лёгкие фокусы. Перед неофитами он показал силу, когда показательно сжёг пиратский галеон, столь опрометчиво заплывший в окрестные воды.

– Так помянем же тех, кто сейчас в царстве Аркея и ушёл, туда исполняя святой долг! Вечная слава павшим! – громогласно объявил капеллан и отступил назад, давая помощникам вынести две больших золотых чаши и поставить их на каменный стол, который стоит перед кафедрой.

За спинами помощников и капеллана, за трибуной распахнулись двери, которые несут на себе символику золотистую дракона. Оттуда вышли два иерарха, несущих на платах чистый белоснежный хлеб. Через секунду они положили душистое сдобное изделие на алтарь перед кафедрой и скры-

лись за дверями, закрыв их.

Тем временем помощники капеллана разожгли пламя в фонарях, и повесели их на шесты, устремившись в сторону. Свет, льющийся из узких, но длинных окон падает прямым на серединную линию храма, словно разделяя его пополам. Из-за этого дальние стены капеллы, её углы остаются во мраке, но помощники рассеяли его, встав туда с фонарями на древке, уподобившись безмолвным стражам, оберегающим храм от всякого сумрака.

Капеллан принёс большую латунную кастрюлю и выставил её на середину алтаря. Пронзительный звон прикосновение металла и камня словили уши Азариэля в тот момент, когда нефритовые глаза уставлены в пол. Юноша понял, что месса подходит к завершению и его сердце наполнилось трепетанием от священности действия.

– Это – душа бытия! Они наполнит сосуды ваши жизнью, когда тело ваше ослабнет от хворей или ранений! – сверкнув ослепительным золотом чаш, высоко поднял капеллан ритуальную посуду и резко перевернул; по стенам кастрюли кроваво-красным отблеском расплескалась жидкость и заполнила её.

– И мы изопьём её! – благоговейно воскликнули неофиты.

– Это – сущность бытия! Она наполнит мышцы и тело ваше силой, когда усталость или хандра коснётся туловища вашего! – в пальцах паладина быстро исчезли просфоры, став мякишем и размешавшись с жидкостью в кастрюле.

– И мы изведем его! – радостно воспели юноши и девушки.

– Так подойдите и наполните чарки ваши, дабы плоть и кровь бытия были с вами в самый нужный момент!

Азаризель поднялся. Он чувствует, как его душу переполняет гордость и пьянящее ощущение возвышенности, явившиеся то ли от участия в мессе Наполнения то ли от благоговений. Он с лёгкостью и одухотворённым выражением лика протягивает сосуд – небольшой цилиндрический флакончик, куда тут же капеллан налил зелья. Прежде чем забрать его паладин потянул Азаризелю золотую статую дракона, к которой юноша приложился устами. В тот момент, когда золотисто-бледные губы коснулись благородного металла, парень ощутил тепло, небывалое ощущение приятности на душе.

Как только флакон наполнился, для парня обряд окончен, и он поспешил покинуть капеллу. Его шаг размашист и лёгок, а длинный волос трепещется при быстрой походке. Через пару мгновений он преодолел толпу неофитов, желавших получить свою порцию напитка, десятки метров, отделявшие его от входа, и оказался на крыльце. Юноша согнулся в лёгком поклоне, отдавая почтение богам.

Алхимики из Академиона битый час вываривали зелье и пекли хлеб из чудных ингредиентов, чтобы потом всё это было освещено и соединено в храме на мессе Наполнения. Во второй раз Азаризель участвует в таком таинстве, посвящён-

ном Акатошу и его дарам, каждый раз молодой эльф чувствовал гордость и светлую радость от таинства.

Юноша посмотрел на небо и обрадовался, увидев, что ни тучки, ни облачка на светлом лазурном полотне нет. Лишь солнце продолжает поливать этот мир светом и теплом.

– Вот зараза, – на крыльцо вместе с ним вышел низкорослый едва кучерявый имперец в такой же броне, что и высокий эльф. – Как же мне это осточертело, – скривив овальное лицо в гримасе недовольства, прошипел юноша. – Ну почему в Академионе нельзя всё это сделать. Без глупых ритуалов?

Азариэль усмехнулся, постаравшись скрыть полученный укол от обидных слов друга и попытался его убедить в обратном:

– Тиберий, ты – неофит Ордена и должен отдаваться всем его традициям. Эта капелла построена специально для обрядов и в её таинствах мы едины. А без единства никак.

– Не люблю я это, – буркнул Тиберий, убирая бутылку с зельем в кисет на поясе, старательно пихая поглубже. – Я не желаю находиться на глупых и бесполезных ритуалах. От них пользы, как от автоматона милосердия. Я – воин, и не вижу смысла в глупых и надоедливых махах руками.

– Без веры мы все пропадём, друг мой, – еле-еле тень улыбки коснулась губ Азариэля, – без неё нам всем наступит конец. Я сам не чувствую... силы в тех обрядах, но надеюсь, что боги мне помогут её почувствовать. Ей отведена роль цемента, который скрепит наше братство. Помнишь, как на

недавней мессе говорил сам Регент?

На крыльцо поспешили выйти другие ребята, и Тиберию пришлось чуть помяться, обождать, пока они спустятся с двадцати ступеней и дадут юноше выговориться.

– Эту капеллу, – имперец небрежно ткнул рукой в строе-ние позади себя, – возвели не так давно, а сколько религиоз-ного бреда успело с нами свершиться. И ради каких бредо-вых идолов четыре дня назад её открыли?

– Ой, всё в порядке и не так плохо, как ты думаешь. Я ду-маю, что её открытие в день нашего прибытия – это знак, с воодушевлением произнёс высокий эльф, чем вызвал гнев-ный укор товарища. – Всё во имя веры.

– А что мне это вера? Разве я, самодостаточный человек, нуждаюсь в подражании тем, кого не видел? Я не нуждаюсь в поклонении Девяти.

– Ну, ты же в нашем городке говорил, что природе стоит отдавать поклоны, не так ли? – Усмехнулся юноша, похлопав друга по плечу. – Или ты забыл, как спорил с одним клири-ком? О Мара, бедный бретон. Я думал ты его за природу пор-вёшь на части прям на площади.

– Ну а что он? – пожал плечами Тиберий. – Мне удалось видеть сприггана... воплощение духов природы. Я его ви-дел... своими глазами... дух природы. И поэтому я верю в её силу. Или ты скажешь, что культ босмеров – брехня?

Азариэль на секунду вспомнил, что культ Девяти Орденом был принят после воцарения Тайбера Септима и его вознесе-

ния, как говорили им историки. До этих пор в Ордене исповедовались монотеистические доктрины Единого Бога, перенятые у Алессианского ордена, но забытые Орденем, который стал всё больше сближаться с властями Империи. Удивительно, но с той поры Орден становился всё более привязан к... Империи и её интересам.

– Ну а чем вера в Девять хуже культа природы босмеров? – поразмыслив, спросил альтмер.

– Она ослепляет. Мы – платим дань церкви Империи и ради чего? Чтобы нам за септимы продавали молитвы и фокусы?

Снова на крыльце оказалась толпа неофитов и один из них, светловолосый и низкорослый, прежде чем сойти с последней ступени лестницы, окликнул Азариэля:

– Азри, нам сейчас куда?

Юноша машинально выдал ответ:

– Никуда.

– То есть?

– Сейчас время дневного личного отдыха. У нас ещё минут двадцать есть до рукопашной.

– Хорошо, спасибо.

– Вернёмся к теме, – напомнил о себе Тиберий, пихая худой рукой высокого эльфа в бок, – я не думаю, что Девять вообще существуют. Мы молимся Акатошу... которого вообще может и не быть. Наша задача – сражаться, а не верить.

– Согласен, – в спор вступил новый человек, золотоко-

жий эльф обернулся и увидел позади себя высокого смуглого парня, с широкими квадратными чертами лица и короткой стрижкой. – Этот мир... вообще мог быть рождён из газа и пыли и нет основательных доказательств существования высших сил.

«Ахмат», – сокрушается в мыслях юноша, – «опять умничаешь».

– Но в сражении без веры никуда. – Парирует Азариэль, приложив ладонь к подбородку. – Без мысли, что тебя не ждёт пустота, без мысли, что все твои свершения во имя высшего мы – обречены. Нам нужна опора в форме веры, так же как и Тамриэлю Империя.

– А ладно, – отмахнулся Тиберий, смотря уходящему вдаль редгарду. – Нам не нужна опора, а тебе свободы не понять. Вот чует моё сердце наступит время, когда не будет ни Империи, ни церквей, и все мы станем свободны.

Такие слова показались Азариэлю странными и даже бунтарскими. Юноша понимает, что Тиберий ходит на обряды Ордена только лишь, чтобы не отхватить по голове от Ремиила.

– Только тише, а то тобой не только Туриил займётся, а ещё и имперские агенты безопасности.

– Ладно, буду ждать тебя на плацу. – Начиная сходить по лестнице, заговорил имперец. – Не опаздывай.

Смотря уходящему Тиберию под ноги, альтмер с печалью понимал, что его противность идеалам Ордена может при-

вести к чему-то плохому. Выгонят из Ордена или накажут – мелочи по сравнению с тем, что может ожидать Тиберия при встрече с губительными силами.

– Эх, Тиберий-Тиберий, – шепчет Азариэль.

Как ни странно, но имперец отличается странными и протестными для Империи Септимов мыслями, что не помешало ему встать на путь неофитов. Идеи его наполненными призраком мимолётной свободы и некоего духовного бунта, против всех постулатов Империи. Его можно сравнить с сепаратной группировкой, действующей в клочке Валенвуда, только с одной оглядкой, что он умело, скрывает от руководства ордена идеи бунтарства.

«Ну, ничего, тренировки и молитвы со временем выбьют из тебя эту маленькую скверну» – думает Азариэль, надеясь на то, что это не более чем юношеский максимализм, тщетное желание изменить жизнь, выросшее из неопытности.

– Ну что пойдём? – позади раздался низкий женский голос и альтмер повернул голову.

Рядом с ним стоит невысокая девушка, в таком же доспехе, что и он. Её светлый волос едва трепещется под порывами слабого ветра, а сапфировые глаза уставлены на Азариэля. Отточенный белоснежный лик с очертаниями вытянутого треугольника получил царапину на щеке. Последствие позавчерашней тренировки.

– И куда мы пойдём, подруга?

– Как куда? На плац конечно. – Тонкие бледные губы де-

вушки расступились в улыбке. – Куда ещё?

– Ну, пошли.

– Пойдёмте уже, – на крыльцо вышла неофитка, и мгновенно её чёрный волос был подхвачен потоками ветра, голос же был красив и певуч, а нос юноши ощутил приятный аромат розы. – Я н-не думаю, что вы будите возражать, если я пойду с вами.

– Ох, Лира, – обрадовался Азариэль. – Конечно же, присоединяйся к нам.

– А она с нами? – с тенью недовольства спросила Аквила.

– Пускай, Аквила. Все мы братья и сестры по Ордену.

Парень и девушки спустились с крыльца капеллы и пошагали в сторону плаца, возле которого и стоит храм, бросая тень и на рядом поставленный госпиталь. Азариэль посмотрел мельком на двухэтажное здание, представляющее собой монументальное строение из холодного тёмно-серого камня, с крышей из светлой черепицы. Парень не видел в нём ничего особенного, хотя каждый раз посматривая на постройку, его берёт желание не приближаться к ней и упаси Акатош, когда-либо туда попасть. В госпиталь по своей воле не привозят.

Они прошли высокий забор, выросший грядой чёрных двухметровых пик, и обувь ступила с брусчатки на землю, на короткую зелёную траву. Азариэль уже видел очертание тренировочного плаца, его преграды и ряды манекенов для боя, а за ним проглядывались далёкие образы деревеньки,

фермерских хозяйств, снабжающих Орден пищей и некоторыми ингредиентами.

– Азариэль, к-как тебе книга, которую я тебе дала? – робко спросила Лира. – Скажи, же что она хороша?

– Очень мрачная, – неловко ответил Азариэль. – Лира, у тебя странный вкус на литературу.

Девушка только поджала губы, то ли от неприязни, то ли от горечи ответа и опустила взгляд к земле.

– Я думала, тебе понравится.

Азариэль почувствовав неловкость момента, решил приободрить девушку:

– Нет, не подумай, что я как-то критикую, но мне нравится что-то жизнерадостное, а то описание смертей и некромантских ритуалов не очень вдохновляет.

– Так бы сразу и сказал. У меня есть ещё одна, я вчера в библиотеке взяла и она про что-то хорошее. Обложка уж точно жизнеутверждающая.

– Я смотрю, ты любишь книги, – утвердительно речью вклинилась Аквила.

– Очень люблю. В книгах есть какая-то завораживающая черта. Изюминка. А ещё я люблю цветы.

– Тогда, – Азариэль потянулся к кисету на поясе и опосля секунду в его ладони скромной красотой блекнет красный цветочек. – Я хотел показать его нашим учёным-алхимикам, но подарю тебе, Лира.

– Ой, спасибо, это так мило, – приняла цветок Лира. –

Азариэль...

– Эй, а как тебе первые дни, Азариэль? – неожиданно вопрошает девушка, перебивая Лиру, на что черноволосая леди незаметный шаг в сторону, будто отстраняясь от компании.

– Неплохо, Аквила, неплохо. – Сухо отвечает парень и грузно продолжает, коснувшись собственного плеча. – Только трудновато. Кажется, мышцы потянул.

– Ничего страшного. Это поправимо.

– Понимаю. Кстати, как щека, не болит?

– Нет, – Аквила коснулась длинными худыми пальцами кожи на лице, проведя по месту ранения. – Теперь всё в порядке.

– Я думал, тебе гвоздём кожу сдерёт, когда ты упала с преграды. Слава Маре, всё в порядке.

– Да... слава ей. А как, кстати, как рёбра? Не слишком болят?

– Знаешь, что удивительно – всё не так плохо, как я думал. Заклинания, – вдумчиво начал Азариэль, – кто бы мог подумать, что магия неوفита окажется такой сильной.

– Ты уж меня прости, если что. Я даже не думала, что воздушный удар будет таким мощным.

– Это даже хорошо. Ремиил говорил, что у тебя есть задатки к магии. И он даже надеется, что у тебя всё получится в Академионе, – пнув небольшой камешек, сказал Азариэль.

– Ты с ним общаешься? – удивилась девушка. – Я думала,

он к себе никого не подпускает.

– Да. Он – хороший человек, открытый, но суровый. Вчера отправил меня к Сафраксу. Никогда от Кодекса меня ещё так сильно не тошнило. Да и у нас, по-моему, только один закрытый. Туриил.

– О да! Он-то уж точно. А что Ремиил, кстати говорил обо мне?

– Да всякое. Что ты хорошо колдуешь, что у тебя отменные успехи в магии разрушения. Я ему так же рассказал про тот случай. Помнишь, как ты подпалила ножки стула у управителя? Ну же, тогда был ещё праздник и он со своим троном выперся на площадь. Как он тогда грохнулся!

– Зачем? Ты же знаешь, что я не люблю этого. Азариэль, – в наигранной обиде покосился голос дамы, и она с отпечатком незначительной улыбки продолжила, – не нужно про меня рассказывать такое!

– Это же так прекрасно. Не каждый может похвастаться таким талантом... и способностью испортить отдых имперскому чиновнику.

– Я тогда несмышлёной была.

– Это было месяц назад. Когда я только вернулся из дома сирот, – с ехидством произнёс парень и, выдохнув, закончил. – Зато есть, что вспомнить.

Они почти подошли к плацу, но их остановило обращение, прозвучавшее подобно грому. Азариэль с Аквиллой не дошли пару десятков метров, смотря на линии окопов и воз-

вышенных, сделанных на расчищенном участке земли. Они и видели ровный строй ребят, в такой же броне, как и они, готовившийся получить задание на рукопашную тренировку. Выдержанные лица парней и девушек со всего Тамриэля, отмеченные усталостью и блестящие от пота.

– Неофиты! Азариэль и Аквила! Ну, и Лира.

Юноша моментально обернулся, содрогнувшись душой, когда услышал грубый громкий возглас. Два воина предстали перед ним, а позади пары виднеется фигура, укутанная в водно-синие облачения. Два человека – один светловолосый, с едва видимой просединой, а другой с волосом цвета тёмного-тёмного пепла. Их доспехи так же различны – первый в блистательной броне, с ярким символом солнца на нагруднике, второй же предпочёл угольно-чёрные доспехи, с высоким горжетом, который прикрывал края шрама, прошедшего через лицо.

– Да господин Ремиил, да господин Туриил? – почтено, преклонив колена, обратились Азариэль, Лира и Аквила.

Между тем, Азариэль испытал прикосновение холодка на душе при виде Ремиила. Старый рыцарь ему кажется грозным, холодным и неотзывчивым, помешанным только на правилах Ордена.

– Встаньте, будущее Ордена, – потребовал рыцарь в светлой броне, – побыстрее.

– Ремиил, – низким хриплым голосом прозвучало обращение. – Ты уверен? Они пока ещё просто мясо. Не больше,

чем приманка.

– Да уверен, – хладно ответил воитель и обратился к паре. – У вас есть возможность отправиться с нами на задание. В Валенвуде, в одном из селений всплыл артефакт и мы должны его изъять. Всё осложняется тем, что селение было атаковано, но я не думаю, что это нечто страшное.

– Да их даже громовые жуки изжарят. Рано ещё.

– Тише Туриил, – гаркнул рыцарь. – Там пара насекомых и это не так страшно, – и обратив взор светло-стальных очей на Азариэля, Лиру и Аквилу, воитель сказал. – Я желаю вас взять, что бы вы посмотрели, как работают рыцари.

– А почему мы? – удивился Азариэль, тепло ощущающая возможность поучаствовать в операции.

– Вы – первые кто нам попались. – Сухо и как-то неприязненно ответил Туриил.

– Неважно, – заговорил Ремиил. – Так вы согласны?

– Да господа, – Азариэль, Лира и Аквила склонили в почтении головы, и их души накрыла волна радости и гордости за себя, но в то же время дух подтачивает и ощущение страха перед неизвестным.

– Вот и славно, – кивнул Ремиил и отступил назад, приказывая. – Все в круг. Приготовьтесь, в первый раз это бывает неприятно.

Азариэль хотел уточнить, что сейчас будет неприятным, но не успел. Чародей провёл пару взмахов руками, которые объяла тёмно-синяя энергия и последнее, что успел выхва-

тить парень, так это недовольные лица своих товарищей, подаваемых завистью и неприязнью... ведь им ещё до упаду тренироваться.

Остров, зелёные луга и плац – всё в один момент растаяло и смешалось в дурной поток красок, фантазмагория изображений каруселью встала перед глазами Азариэля. Его мозг стала покалывать острая боль и с неприязненным ощущением он засвербел. Юноша зажмурился, что есть сил. Жгучее болезненное пламя возникло в желудке, и ком тошноты подкрался к горлу, что вкупе с болью сильно ударило по голове. Азариэль не чувствовал тверди под ногами, его руки и ноги плыли в воздухе, но так было не долго. Через секунды пять путешествия они очутились на мягком земляном покрове подле высокого древа.

– Вот скотство! – выругался альтмер, когда очутился на земле.

Парня и девушку опрокинуло наземь, на четвереньки. Они не в силах были даже подняться, словно по голове ударили дубиной. Аквила подняла ладонь, и её худые пальцы, измазанные в грязи, сию секунду окутались в ласковое свечение, подобное слабому сиянию солнца, прикосновению света. Лира проделала тоже самое, дабы избавиться себя от головокружения. Азариэль же был вынужден самостоятельно справиться с последствиями грубого телепорта. Он за что-то ухватился и со всех сил потянулся, в попытке встать. В ушах раздаётся жуткий треск, перед глазами всё плывёт, а

свет... он пропал, только пелена мрака пленила взор. Эльф попытался сделать шаг вперёд, но ноги самопроизвольно подкосились и он буквально повис на ладони, закованной в сверкающую сталь.

– Да, – сотрясая головой, захрипел Туриил. – Что-то сегодня он грубовато сработал. Ну, ничего... я с ним сегодня поговорю. Сапог по самое ни хочу...

– Тише. – Оборвал Ремиил рыцаря и ставя на ноги Азариэля. – Всякое бывает. Ты просил побыстрее нас перенести, вот и получи.

«Вот это пол-полный капец» – думает гневно Азариэль, пытаясь сохранить равновесие, и что-нибудь разглядеть. Мучения высокого эльфа были недолгими. Бретонка и нордка провели одновременно рукой возле головы Азариэля, и парень ощутил прикосновение тепла, как его тело наполняют новые силы и мрак отходит, как чувства к нему возвращаются и он ощущает прохладу дикого леса.

– Аквила, Лира, – держась за голову, тяжело молвит эльф. – Спасибо вам огромное.

– Я всегда рада тебе помочь, – щегольнула Лира.

– А девочки справляются, – довольно отметил Туриил. – Может они не так...

– Идёмте, – сурово прервал Ремиил.

Лира, Азариэль и Аквила заняли позицию позади рыцарей, дав возможность воителям, первыми встретится с возможной угрозой.

– Спасибо, Акви... я не забуду. – Благодарно произнёс парень, чем вызвал укоризненный взгляд Лиры.

– Всё в порядке, Азри.

Их путь лежит через лес. Всюду и везде стелется лес, кроны которого переплетутся в плотный потолок из веток и листьев, слабо пропускающий лучи света. Оттого тут так темно и прохладно. Деревья – гигантские исполины, столбы, удерживающие своды леса, которые и дарят этой части Валенвуда томную обстановку полумрака.

Азариэль аккуратно ступает по земле, лишь изредка хрустя ветками, да с шуршанием ступая на низкую поросль, побаиваясь того, что может быть дальше. Они крадутся в низких растениях, в небольшом подлеске, стараясь быть как можно тише и незаметнее, только шум металла о растение едва доносится до уха. Ремиил и Туриил держат полторные клинки, охваченные слабым пожаром, да внутренним свечением, как будто сама структура металла воспылала солнечным светом. Огненное и святое зачарование, наложенные на оружие делают оружие рыцарей лучше, мощнее, эффективнее. У Азариэля и Аквилы обычные мечи из железа, простые и надёжные.

Группа миновала маленький ручеёк, журчание которого скрыло их приближение к пяти огромным и широченным деревьям, образовавшим круг, с диаметром метров двадцать.

– Чувствуете тонкий запах? – втянул ароматы леса Туриил, ощутив, как привкуса металла стал поигрывать на его

языке.

– Кровь... – прорычал Ремиил.

Группа прошла через круг, и представшему ужасу не было описания. Рыцари ощутили неладное, когда впервые нос уловил нотки железа в запахе лесной свежести и приготовились к худшему, а неофиты оказались не готовы.

– О Мара! – в страхе воскликнула Аквила. – Где же твоё милосердие?!

– Заткнись! – рявкнул Туриил.

Кровавое месиво тошнотворной пастой покрывает подножья деревьев, которые оказались домом для босмеров. Лесные эльфы порой селятся в деревьях и эта деревушка была бы отличным олицетворением их быта, если бы не страшное пришествие. Азариэль с оцепенением, смотрит на рассечённые тела эльфов, одежда которых неразличима – она изрублена и залита кровью, измарав подножье деревьев багровыми тонами. Двери, некогда скрывающие вход в дома, валяются разбитые, окроплённые алой жидкостью.

Посреди небольшой площади валяется разбитое дерева, суда по всему, это был какой-то идол.

– Смотрите, – прошептал Азариэль, держа руку у носа, и серебряное лезвие его клинка уткнулось острием на голову статуи, смахивающую на лик бородатого мужчины. – Символ И'ффере.

– Что мальчики и девочки, – заметив, как юноша и девушки зажмурились, заехидничал Туриил. – Кровь в нос удари-

ла?

– Здесь поработал настоящий мясник. – Констатировал Ремиил, обхвативший меч в две руки.

– Это сделали громовые жуки? – язвительно кинул Турил и обвёл рукой неофитов. – Если сегодня они станут колбасой, сам будешь отвечать перед Регентом.

– Что-то тут не так, – на руках Аквилы образовался огонь, жаркое боевое пламя, готовое пуститься в пляс в любой момент, – почему И'ффере разбит? – склонившись перед деревяшкой, замазанной в крови, которая раньше была элементом руки, девушка неуверенно сказала. – Похоже... похоже статуя что-то держала.

– Ты это только заметила? – в руках Лиры вспыхнуло электричество, разрядный огонь, способное прожарить любого врага. – Тут был либо оборотень, либо...

– Вы не это ищите!?! – мертвенно-мрачный голос донёсся из-за одного дерева.

Из-за ствола вышел кровавый охотник, чья бытность – совершать противные мессы во имя лорда Бала. В его когтистых пальцах сжата верёвка, кончающаяся слегка покачивающимся амулетом. Его одежда – рваные потрёпанные рубашка и штаны, цвета ледяных пустынь, стали нечистыми, багрово-коричневыми, впитав в себя кровь и грязь от земли.

– Вот холера! – выругался Азариэль, сделав шаг назад; парень ощущал, как сердце стало колотиться чаще, как стук стал слышим в ушах, как начинает бурлить кровь и, посмот-

рев на подругу, он понял, что она испытывает точно такое же чувство.

Амулет – медный диск, на котором вырисована пентаграмма кроваво-красными красками. Само существо – низкого роста, с мертвенно-бледной кожей рук и лица. Острые уши верный знак эльфийского происхождения. Осунувшееся лицо, прикрытое длинными заляпанными в крови волосами, рот измаранный багровой густой влагой и бездонно-пустые глубоко впавшие глаза – вот признаки, увидев который, Ремиил хладно сказал:

– Это вампир. – Широкие глаза мужчины сощурились, и он смог рассмотреть искомый артефакт. – А-а-а, ты убил всех ради амулета скорости?

– Нет! – голодный рык раздался из окровавленной пасти твари. – Я был голоден. Сильно голоден!

Азариэль понял, что это вампир из клана Кирилт, когда тело существо распалось, перестало существовать, а на его месте возник пар, дымчатое белое облако. Удивительный штамм вируса Сангванаре Вампирис дал твари растаять и превратиться в облачную массу, которая за долю секунду сплотилась у Туриила.

Рыцарь попытался отбить удар лапы, но и без того не медленные рефлексy, скорость вампира многократно усилились от амулета, и когтистая ладонь расчертила броню полосами, рука с дикой силой отшвырнула рыцаря. Туриил рухнул прямо в кучу сваленных жителей, которые приняли его в свои

холодные мертвенные объятия, и рыцарю пришлось приложить усилие, чтобы подняться.

Нежить бросилась к первой жертве. Молнии устремились быстрой стрелой с рук Лиры, но враг умело увернулся от первой, подставив тело для второй, которая не причинила никого вреда. Монстр перешёл в прыжок, и его окровавленные когти вот-вот вопьются в девушку, а зубы припадут к аппетитным венам на шее.

– А-а! – вскрикнула Лира, снова высекая из воздуха молнию за молнией.

Азариэль инстинктивно бросился на помощь. Тварь была у девушки, оставалось всего пара сантиметров, и оно изорвёт Лиру на части. Плечом Азариэль ощутил плоть, а носом страшную вонь от существа, но это его не остановило. Он отпихнул вампира от Лир и тварь, не долетев, упала в кровавую кашу под ногами, истошно прорычав.

– Я убью тебя! – рыкнул кровосос.

Вампир настолько быстр, что Азариэлю, кажется, будто он перемещается сквозь пространство, прыгает с места на место. Страх и паника сковали юношу, и он беспомощно смотрит за тем, как Ремиил рассекает воздух, оставляя черту пламени в бесполезных попытках убить вампира. Когти впились в броню нагрудника, а зубы уткнулись в руку, с силой сжимая и до скрежета металла продавливая пластины, но доспех крепок и вампир в один шаг метнулся назад, оставив клык в пластине брони, так и не прокусив её.

Тварь была опрометчива и встала спиной к неофитам, на расстоянии удара. Азариэль неумело рассёк железным полотном воздух, и лезвие впилося в ключицу кровососа, но крови не потекло. Вампир одним резким движением провернулся и невероятной силой опрокинул Азариэля.

Альтмер оказался на земле. Его светлый волос покрылся алой влагой от покрова площади, а тело буквально вжимается в землю. Сердце бьётся бешеной птицей в ожидании скорой смерти, руки беспомощно елозят по земле, утопая в останках лесных эльфов. Пасть смерти разинула жуткие объятия пред ликом юноши, и он с болью в сердце, обидой от скорого поражения ждёт, что единственный клык вот-вот пронзит его кожу. Кровавые холодные слюни падают на лицо Азариэля, марая его и заливая глаза дурно пахнувшей жижей.

Лёд. Холодное ледяное копьё пронзило мёртвую плоть, и тварь отпрыгнула от Азариэля. С ладоней Аквилы сорвались ещё копыя, пробившие брюхо и грудь монстра, а затем раздалась реплика, боевой клич:

– Заклинаю тебе Аркеем, уйди! Святое пламя испепелит тебя!

У тебя нет силы! И он нам ничего не сделает, ибо он есть ложное божество! – порычал монстр. – У Того, кто раньше давал покров вашему Ордену есть сила нас изгонять, но вы Его забыли, – сказала тварь и бросился на девушку, которая едва-едва успела произнести заклятье. Поток сверхгорячего пламени ярким жарким потоком обласкал кожу мертвеца.

Верёвка, на которой держался амулет, испепелилась, и медный диск приземлился под ноги, в лужу крови.

Ощувив скорую окончательную смерть, тварь бросилась наутёк. Её одежда горит, кожа чернеет, и раны дают о себе знать. Теперь, когда амулета нет, она медлительней, слабее и уязвимее.

Азариэль, желая поквитаться с врагом за практически нанесённое поражение, сделал единственное, что ему казалось возможным – он метнул клинок. Железное оружие, явившись секундной матово-металлической лентой, преодолело расстояние и рукоятью промяло затылок. Кровосос не удержался и рухнул наземь, его ноги покосились, а нос с лицом впечатался в кору дерева.

Пронзительный жалобный рык был последним, что сумело издать существо, прежде чем удар пылающего клинка Туриила не рассёк мёртвую плоть и не пробил безжизненное сердце, в ту же секунду расчертив воздух огненным порезом у головы, отсекая вместилище безумного рассудка.

На весь лес раздавалось тяжёлое дыхание Лиры, Азариэля и Аквилы.

– Аз-аз-Азариэль, – не веря тому, что выжила, как-то отстранённо начала Лира. – С-с-спасибо тебе.

Девушка смотрит на парня так, как никто не смотрел раньше. Её взволнованный взгляд направлен к Азариэлю и может показаться, что там за тревогой горит что-то томное, приятное. Азариэль лишь с измученной натянутой улыбкой

кивает и поворачивается к другой девушке.

– Ты-ты... спасла меня, – держась за грудь, ошарашенно выдал юноша. – Я по гроб жизни тебе обязан.

– Ни-ничего... страшного, – Аквила, обессиленная, от большого для неё, выданного количества магической энергии, сплюнула на землю, продолжая. – Мы же... фу-у-х... друзья. Уверена, ты поступил бы также.

– Вы молодцы, для первого раза, – отпустил холодную похвалу Ремиил и его клинок раздался звоном лязга о стены ножен у правого бедра.

– Доставай свитки обратной телепортации, – поднимая с земли медный амулет, требовательно попросил Туриил.

– И всегда так будет? – слова, сказанные Азариэлем, наполнены усталостью.

– Что ж, это только начало вашего пути.

В стороне раздался низкий хриплый голос Туриила:

– Весьма неплохое начало для вас. Даже никто не умер.

Часть вторая. Жизнь изнутри

Глава 7. Команда

Спустя два года. Сиродил. Середина дня.

Волосы медленно, постепенно лишаются жизни, теряя золотистый оттенок и приобретая расцветку пепла похожего на тот, которым посыпает Красная Гора склоны Вварденфелла. Каждая волосинка утрачивает расцветку, которой хвалятся многие из рода альтмеров, становясь похожими на старушечью капну.

Причина резкой потери цвета волос далеко не в бегу лет и не в страшной болезни, она более приближена к реалиям Тамриэля. Магия – вот причина бед, чародейство – неиссякаемый источник, как и чудес, так и соблазна получить могущество. Только за манящей тягой стать сильнее, величественнее, могут стоять твари, которые только рады дать эльфу или человеку, аргонианину или катжиту мощи. Но цена порой бывает слишком высока, непомерна и оплачивается одной лишь валютой – душой.

И сейчас, в этот момент решается судьба одного из тех, кто продался холодной голодной тьме за одну лишь мечту стать могущественным. Ярро-фиолетовое свечение озари-

ло стены ослепительной вспышкой, и молния некро-энергии снова окутала тёмным вихрем воителя. Его волосы становятся светлыми, с каждой секундой седея всё сильнее и сильнее. По мышцам пробежала болезненная усталость, и он готов рухнуть наземь от хвори, что вот-вот проломит его суставы.

Но заточив позывы сдаться в железной клетке воли, он приближается. Неумолимо, беспрестанно и хладно парень, облачённый в крепкий толстый жилет из кожи, сияющий пластинами чёрного металла, идёт навстречу смерти. Его крепкие тёмно-коричневые штаны и длинные сапоги испачканы в зловонном ихоре и гное, рукава белоснежной рубашки превратились в окровавленные лохмотья.

– Умри! Умри! Умри! – возопила жертва и с её рук слетела вспышка, поток чёрной энергии, проникший в одно из тел, лежащих у ног мерзавца.

В идеально прямоугольном помещении старого имперского форта раздалось пронзительное воздыхание. Вздувшиеся уста раскрылись, выдавая хриплый крик, а разбухшее прикрытое серо-тленными домоткаными одеждами тело, покачиваясь, двинулось на противника. Воля заклинателя такова, что мёртвый человек идёт воевать, его единственное оружие при этом – чёрные потрескавшиеся ногти.

В помещении ещё много трупов и страшный жуткий смрад забивается в нос, отчего становится дурно. Некромант отступает назад в жалкой попытке спасти свою никчёмную жизнь, оживляя всё больше и больше тел.

Но воителя не остановить. Его оружие – посеребрённый двуручный меч, выкованный по типу клейморы. Этим клинком Азариэль крушит врагов, вознося и опуская оружие, совершая вихревые, почти не пританцовачные пируэты и выпады, отгоняя одну волну нежити за другой, едва ли не задыхаясь в смердящем помещении.

– Тебе всех не убить! – рычит некромант и заносит руку, чтобы приготовить заклятье.

Снова тёмная сущность магии берёт борца за справедливость в фиолетовый кокон и слабость, чёрная болезненность сжимает конечности, а волос ещё сильнее окрашивается в тона благородной седины.

Парень опускает руку, и его пальцы ухватываются за горлышко маленького цилиндрического флакона. Через мгновение в руках сжимается тара с красной жидкостью. Пробка отлетает, и парень отступает к противоположному краю, чтобы восполнить силы. Нежить медлительна и тупа, а поэтому воин успевает опустошить бутылку с зельем и восполнить силы.

– Почему вы меня преследуете? – спросил чародей.

– По закону, – флегматичный голос доносится до ушей некроманта, чем вызывает вспышку гнева.

– И каков же твой закон, падла?!

– Мой меч – закон!

– Так сдохни ради жалкого закона, пёс Ордена! Я выше тебя!

Воин перешёл в наступление. Его клинок разрезал горло первой твари и отбросил кусок мёртвого мяса в изодранном платье. Второй удар пробил череп существу и мертвец в лохмотьях пал ниц, а затем воитель снова отошёл назад, заводя руку к поясу и вытаскивая бумажный свиток. Магия, заключённая в бумаге такова, что в руках заклинателя расщепляет материю, высвобождая убийственный потенциал.

– Ты не смо...

Некромант не успел договорить слово. В комнате будто загорелось второе солнце, когда эльф пустил в бой заклинание – энергия восстановления, потоки избавления от нежизни коснулась рукой жизни несчастных существ, превращая их кожу в пепел. Мертвенная-зелёная, желтоватая и фиолетово-багровая кожа стала терять цвет, становясь серой и осыпаясь кучами пепла под ноги. Твари зашатались, теряя магический заряд, который их удерживал и стали падать, одна за другим, пока между некромантом и воином Ордена не стало пусто, лишь тени, отбрасываемые эльфом и человеком, заполняли помещением. Пламя четырёх факелов ровно пылает, отчего и тени слабо танцуют.

– Попробуй-ка вот это отрази!

Некромант поднял в руки копьё. Одно движение и палка, с металлическим, наконечником уже летит в парня. Он приготовился увернуться и только его мышцы готовы сорвать тело с места как волна огня, плотная струя ударила справа по оружию и копьё отлетело в стену. Следующим в альтмера

полетела магия – огромный огненный шар за секунду преодолел расстояние и врезался в цель.

Взрыв, оглушительный возглас смерти магического шара, окутал место, где стоял эльф, и враг уже ликовал в предвкушении, что смог улизнуть. Но стоит пламени развеяться, как вся радость некроманта сменяется болью и разочарованием. Прозрачный щит, исторгаемый из рук молодой девушки-нордки, остановил смертоносный болид в сантиметрах от парня.

– Ты как Азариэль? В помощи не нуждаешься?

Магия рассеяла вражеское ударное заклинание, защитив парня и обернувшись, он увидел распрекрасную черноволосую девушку с широкими синими глазами и безупречным ликом. Стойки сладкий запах аромат розы пробился сквозь гнильцу. В чёрной выглаженной рясе, где каждая нить пропитана чародейской силой, сапогах и перчатках стоит леди и готовится молнией снести голову некроманту.

– Спасибо, Лира.

– Попробуйте это! – рассвирепел некромаг и швырнул сноп острых ледяных осколков, нацеленных в сердца двух.

Но лёд разбился об ещё один магический блок, выставленный уже другой девушкой.

– Всё хорошо, Лира? Ты справляешься?

Опуская клинок к полу, высший эльф с мрачной улыбкой на губах, покрытых царапиной, ответил:

– Мы только беседовать начали, Аквила.

Азаризель посмотрел на напарницу. В тусклом свете факелов видно, что её одеждой стала не броня, а лёгкие одеяния магов. Тканевые серые штаны у голени уходят под северные сапоги, цвета угля. Торс укрыт под туникой, ткань которой пропитана потоками магии, многократно усиливая возможности носителя, а всё тело окутано светло-синим сиянием, защищающим от клинков, магии и стрел.

Они сменили походный доспех не так давно, чтобы их умения лучше сочетались с экипировкой, но даже сейчас броня и оружие идеально вписались в динамку недолгой битвы.

– Давайте... поговорите с ним.

– Лира, а что ты не поговоришь, – ухмыльнулась Аквила. – Как-никак собрат по делу. Ты же у нас большой любитель учений некромантских, так вот посмотришь, к чему это ведёт.

– Я не практикую некромантию! – подняла робкий голос Лира. – Изучаю, но не практикую. Не нужно меня ровнять с этими гадами, – указала на поверженного мага девушка.

– Тише Лира, – Высший эльф перехватил руку девушки, ласково её, сжав, чтобы она случайно не устроила магический переполох, – я прошу тебя, успокойся. Мы все братья и сестры. Аквила просто не так выразилась.

Почувствовав тепло и приятный трепет у сердца, Лира успокоилась, много выдохнув и глубоко вздохнув.

– Я посторожу дверь. Снаружи, – буркнула Лира и вышла

из помещения.

Двое направились к врагу.

– Можешь позвать сюда Туриила? – попросил Азариэль, став заходить на некроманта справа, вознеся меч перед собой.

– А тебе зачем? – аккуратно спросила Аквила, подходя к чародею слева, в её полусжатых ладонь зловеще трепещет пламя.

– Думаю, он будет рад находке, – всё ближе приближаясь к врагу, сказал юноша.

– Он там был занят, когда отправил меня к тебе. Весь форт, полный нежити. Туриил, скорее всего, занят.

– Ну, кто ж знал, что этот маг-некрофил пол кладбища выкопал, да ходил, трупы по деревьям собирал. Вот и набит форт этим дерьмом, как и его душонка, – показав острием меча на некроманта, выпалил парень.

Маг пятится и пятится назад, пока ткань рваного балахона и спина не коснулись холодного шершавого камня. Лысый череп уткнулся в непреодолимую преграду, и идти дальше некуда. Это тупик.

– Что-что ва-вам ну-нужно? Кто вы-вы такие? – заикаясь от страха, пролепетал некромант.

– Нам нужно кольцо магии, которые ты спёр у жены графа. Теперь мы берём его под свою юрисдикцию.

– Я вам его не отдам, сволочи. Оно – моё! – возопил чародей и плюнул в лицо Азариэлю, парень утёр молочно-белую

владу и зловеще тихим голосом вымолвил:

– А кто тебя спрашивать будет...

Некромант прикрывал лицо ладонями, потакая нужде защищаться и прятаться. Лезвие клейморя лихо рассекло воздух у головы человека и конечности, от подушечек пальцев до середины кисти рухнули наземь, а руки залила багровая кровь.

– Что будем с ним делать? – спокойно спросил Азариэль и его голос едва не потонул в криках и стенаниях мага.

На что золотоволосая девушка убрала волос, выстриженный под каре, назад и спокойно ответила:

– Законы Империи, Сиродила и местечковое право Чейденхола гласит, что за некромантию и разорение могил, убийство и воровство у аристократии, действия против власти может быть только одно наказание...

– Понятно.

Резко, только сверкнув серебристым полотном, клеймора опустилась на врага. Её заточенное лезвие с лихвой рассекло чёрную ткань, и впилося в тело, выдав острием дождь каменной крошки и оставив глубокую царапину на стене. Неудержимый натиск оружия таков, что лезвие погрузилось глубоко, рассекая грудь, напиваясь крови противника. Ещё одно движение и меч отведён назад, а некромант сполз по стене, лишившись жизни, оставляя кровавый маранный след.

Тем временем леди сумела найти в обрубке, на указательном пальце правой руки золотистое колечко и стянула его,

ловко забросив в кисет на поясе. Уходя от места последней битвы, Азариэль вытянул левую руку, выставив ладонь вверх. Тут же помещение наполнилось звуком хлопка ладонь об ладонь.

– Ой, а кто тебя так? – раздался вопрос голосом низким, женским, но с достаточной заботой. – Что у тебя с рукавами? Почему ты изранен?

– А-а-а, тот урод. Швырнул в меня кучу ледяных частиц, а они, твари, как стекло оказались. Вот и порезался.

– Давай я тебе помогу. Сейчас, обожди.

– Стой, – взял девушку за запястье юноша, прежде чем она стала творить магию. – Спасибо, но не трать силы на меня.

– Как пожелаешь.

Азариэль коснулся ручки двери, и они покинули строго прямоугольное помещение, в котором раньше был арсенал. Ночная прохлада приятным холодком тронула тело эльфа, и он ощутил лёгкость, а грудь наполнилась чистым свежим воздухом, выбрасывая из памяти неприятную вонь мёртвых. На кровавых мазках доспеха и на полированных пластинах брони отразилось свечение двух лун, переливаясь в формах.

– Ты... ты посидел! – воскликнула Аквила. – Как же так?!

На что парень с задором ответил, касаясь длинного, скрывающего остроконечные уши, волоса:

– А колечко-то с сюрпризом оказалось! Вон, какой магией наделяет.

– Да, – к ним присоединилась и Лири, выйдя из форта. –

Я читала о таком некромантском эффекте в одном редком издании. Кольцо дало магу возможность старить живых существ вместе с высасыванием жизни.

– И теперь мне нужно будет сбривать волосы к черту.

– Азариэль, тебе так даже идёт больше, – вступилась за новый цвет волос Лира и малость улыбнулась. – Придаёт... особый шарм.

Азариэль бросил усталый взгляд на широкий внутренний двор форта, сжимаемый древними покосившимися башнями и порушенными стенами. Всюду валяются рассечённые тела мертвецов и разбросанные кости скелетов, которые некогда жили, поддерживаемые нечистой магией. Азариэль вспомнил, что пока Туриил на себя отвлекал внимание, они и Аквила оперативно зашли сзади и разметали орды нежити, дав юноше возможность проскользнуть в арсенал.

– Мы же лучше в триаде работаем. – Кивая, говорит юноша и проводит рукой по заросшему травой двору. – Ты посмотри, как хорошо повоевали сегодня.

– Это та-а-ак, – хрипло протянула слово Аквила, – об этом даже Ремиил говорил.

– А, так это после того задания в борделе Хаммерфелла? – усмехнулся Азариэль. – Так мы с тобой и актёры ещё неплохие. Как в принципе и в Скайриме, когда нам пришлось играть роли крестьян, чтобы попасть в ту чёртову секту... эх, если бы не Орден, пошёл в бы театр.

– Только смотри, что бы тебя Туриил не услышал. А то он

устроит тебе представление в трёх частях вместе со шваброй – Кухонные Залы, Кельи и туалеты.

– Ах-аха! – тихо просмеялся юноша. – Точно.

– Что завтра делать собираешься, в личное время вечером?

– Собирались встретиться в Научном Обществе.

– Может, как-нибудь зайдёшь к нам? Ну, в Ложу? – услышав это Азариэль опечаленно насторожился, ибо ему не нравилось новое увлечение многих неофитов.

– Не знаю. Как-то подозрительно всё это, – мрачно бросил парень.

– Знаешь, ничего страшного в этом нет. Свободные члены Ордена общаются на свободные темы. Мы там обретаем истинное братство.

– Вот это мне и страшно.

– Ты против, чтобы я туда ходила?

– Нет, что ты нет, – запротестовал Азариэль, опечаленно добавив. – Я просто не хочу, чтобы наша команда развалилась.

– Лира, – задорно обратилась Аквила. – Что ты в стороне всё молчишь да молчишь.

И в действительности. Азариэлю даже неловко стало от того, что девушка, с которой он сдружился за последние годы, стоит где-то в стороне, как чужая.

– Вам и без меня хорошо. Да и мне, боюсь, не о чем с вами говорить. Я же... некромантка.

– Да ладно тебе будет! – повернулся в сторону Лиры, Азариэль. – Иди к нам. Расскажи про что-нибудь.

– Раз ты просишь, – улыбнулась Лира и подошла к ребятам. – А что вам рассказывать?

– Я кстати дочитал ту книгу, которую ты мне дала?

– И как она тебе? – с волнением прозвучал вопрос, и Лира устала взгляд прямо в глаза юноше. – Азариэль?

– Чудесно. Очень хорошее описание ритуалов древних нордов.

– Я знала, что тебе понравится, – обрадовалась Лира. – Если захочешь, я помогу тебе достать ещё книг.

– Спасибо Лира, ты так добра.

С левой стороны послышался грузный шаг, шелест травы об металл. Азариэль понял, кто это идёт, а поэтому привстал, чтобы поприветствовать человека, полностью закованного в чёрную угловатую броню, с орнаментом серой астры на высоком горжете.

– Господин Туриил, – склонились ребята в почтении, – миссия выполнена. Кольцо наше.

– Чудесно, просто чудесно. Теперь вы хоть и ломаный септим стоите, но расслабляться рано, – в сухой манере принизил достижение неофитов Туриил и требовательно запросил. – Так ребятки, собралось! Мы отправляемся обратно, – и прежде чем Лира вознесла руки и сотворила заклинание телепортации, старый рыцарь сипло и слабо выдавил из себя каплю бездушный ностальгии. – Как же вы изменились...

Глава 8. Бремя тени долга

Цитадель Ордена. Следующий день. Ближе к вечеру. После занятий.

Палящее солнце постепенно уходит небосклона, уступая место прекрасной вечерней прохладе, что готовится ласково укутать Цитадель Ордена холодным покрывом. В некоторых местах на небосводе даже проступали маленькие серебристые звёзды, ставшие вестниками скорой ночи. Ещё немного и серебристо-золотистый песок усеет тёмно-синее, сумрачно-фиолетовое небесное полотно богатой россыпью.

Воздух пропитался приятными ароматами цветов и благовоний, смешавшись с раскалённым амбре горячего металла из Горячих Кузней, но фантазмагории запахов практически никто не замечает, ибо нос столько раз сделал вдохов здешнего воздуха, что он стал обыденностью, незаметным атрибутом Цитадели. Ветра практически не ощущается, лишь лёгкое, эфемерное дуновение коснётся кожного покрова дланью слабой прохлады. По расположению природы эти места посетила приятная тёплая вечерняя погода, свойственная для южного Тамриэля.

Время тянется к вечеру, а поэтому большинство обитателей Цитадели либо заняты своими личными делами, либо исполняют обязанности по приготовлению по подготов-

ке Цитадели к ночи. С центра внутреннего двора, где ровные струи воды нашли выход из медных трубок среди мраморного ансамбля, чудесно видно происходящее. Как прислуга в мешковатых одеждах ходит туда-сюда, носится с мётлами, инструментами или горшками, исполняя бесконечные обязанности по поддержанию порядка. Неофиты в панцире кожаного доспеха-формы шныряют по внутреннему двору. Кто-то из них занят выполнением поручения орденской власти, а кто-то просто гуляет, отдыхая после тяжёлого дня.

– Седой!

– Да что тебе нужно, Мартин?! – ответил высокий юноша с пепельной шевелюрой, поджавшись вперёд, в сторону выкрикнувшего плотного невысокого парня с тёмно-коричневым волосом.

– Как тебя так угораздило, Азариэль? Чай врага испугался?

– Иди, давай!

Присев на высокую толстую, в полметра шириной, круглую перегородку ложи фонтана, высокий эльф наблюдает за Цитаделью, сложив руки на груди. На исхудалых сухих губах, отмеченных трещинками, проступила эфемерная, рождённая из натуги, улыбка. Слабый ветер принёс к носу тонкие приятные ароматы шикарной розы.

– Лира, дорогая моя, ты ли идёшь? – спросил юноша, слегка обернувшись.

– К-как ты понял?

Повернувшись, Азариэль обомлел от узренной иконы красоты. Ветер треплет чуть закрученные волнистые локоны смольных волос; чуть бледное лицо треугольной формы покрыто лёгким слоем пудры, а выразительные глаза подчёркнуты угольной тушью. Юноша до глубины души потрясён тем, что Лира решила сменить чёрную магическую рясу на простое, но весьма красивое лиловое нибениейское платье, подчеркнувшую её осиную талию. В руках Лире зажаты пару книг, с чёрной обложкой.

– От тебя пахнет твоими духами, – с перехваченным духом от вида дамы, говорит Азариэль. – Ли-Лира, как ты их делаешь и зачем?

– В Академионе. Я всегда любила аромат розы и мне позволили из неё делать духи.

– Т-ты прекрасн..., нет по-царски выглядишь. Если бы я не знал, кто ты, то подумал, что передо мной знатная леди или даже... посланник богов.

– Спасибо, – смутилась Лира.

– Кстати, а откуда у тебя платье? Где ты его взяла?

– Подарили в Академионе. Одна из учёных. Историк.

– Какой роскошный подарок. А-а-а, это Миробела?

– Да, она сказала, что ей оно больше не нужно, и я могу забрать его.

Азариэль обрадовался появлению Лире. Как-никак за время службы в Ордене они успели немного сдружиться и стать хорошими приятелями, хотя в глубине души высший

эльф догадывается, что девушка питает к нему далеко не товарищеские чувства. Но что поделать – Кодекс Ордена запрещает, значит, так тому и быть.

– Лира, – с обращением Азариэль встал. – Ты так похорошела за годы в Ордене.

– Спасибо. Т-ты тоже... возмужал, – язык Лиры при виде и разговоре с Азариэлем невольно тяжелел и слова вязли. – Годы в Ордене текут незаметно.

– Это так. Но с другой стороны, тем лучше. Время пройдёт быстрее, и мы будем теми, кем хотим. Ты – магом, а я, возможно, рыцарем.

– Да почему «возможно»? Ты только вспомни, как того некроманта отделал. А три дня назад? Азариэль, кто ещё мог так рой скампов истребить?

– Ну, давай будем справедливы. Если бы не твоя помощь с барьером, от меня горстка пепла бы осталась.

– Ой, это так... почти и не помощь.

– А что за книги? – перевёл тему юноша, сложив руки на груди. – Опять по мёртвым?

– Нет. На этот раз я взяла почитать «Оккультные практики сект Нактюрнал». Очень интересные тома.

– Если тебе нравится, прекрасно. Мне даже приятно, что ты нашла то, что тебе по душе. Скажи, почему при мне ты... оживлённая. А на учениях и в тренировке поникшая?

– Давай лучше сядем, – дрогнув, предложила девушка.

Азариэль и Лира уселись на перегородку фонтана, и де-

вушка упёрлась в юношу чуть ли не впритык. Ещё секунда и её рука ладонь касается золотистой щеки юноши. Прикосновение бархатной кожи Лиры, тёплой руки, понудило юношу содрогнуться, и он поёрзал.

– У тебя просто была... м-м... перинка. Я её и убрала, – словно оправдываясь, сказала Лира, молниеносно сведя разговор от «перинки». – Помнишь, как полгода назад мы в Саммерсете под Алинором сражались против культов даэдра? – томно спросила Лира. – Помнишь, как ты меня спас? Ты помнишь, как меня почти не убила визжавшая тварь? А ты? – сердце леди дрогнуло. – Я не забуду, как ты рассёк ту гадину.

– Но прежде ты помогла мне, Лира, – вздохнул Азариэль. – Я думал, умру, когда меня охватила сумасшедшая тревога. Я думал, у меня лопнет сердце и выпрыгнет душа. Проклятое заклятье, – с подавленной ненавистью выдавил Азариэль и моментально успокоился. – Помнишь сам Алинор?

– Да. Там было красиво. Ох, вот бы там нам остаться. Хоть на пару дней. Жалко, что Орден запрещает... ты понял, – упаднически прозвучали слова, и Лира склонила голову от нахлынувшей печали.

– Почему?

На вопрос Азариэль получил странный ответ вместе с печальным взглядом красивейших глаз:

– Очень печально.

Приятный дружеский разговор прервала надменность од-

ного из неофитов:

– О, некроматка и седой. Как же вы дополняете друг друга.

– Шагай отсюда, Мартин!

Дальнейших укоров, шуток и выпадов не последовало.

Вместо этого Лира и Азариэль продолжили общение:

– Ты сегодня придёшь? – спросил юноша даму.

– Куда? На ваше собрание? А ты там будешь?

– Да, – улыбнулся эльф. – Я там буду. И ты приходи, мне будет очень приятно. Лира, за два года жизни в Ордене ты мне стала близка, как сестра.

– А Аквила? – нервически прозвучал вопрос. – Она...

– Старая подруга детства, – губы Азариэля расписала лёгкая улыбка, когда он прервал робкую речь Лире. – Она и я из одного города. Да блин, ты же знаешь!

– Конечно, знаю... просто... просто...

– Что просто?

– Неважно, – отмахнулась Лира и повернулась в сторону Келий. – Мне нужно в казармы.

С замешательством на прекрасном лице девушка устранилась, направив шаг к большому холодному зданию, оставив парня одного.

«Седой» – пробежало в мыслях юноши, и он переключил внимание с Лире.

– Как же вы все меня достали, – срывается с уст шёпот.

За то время, пока неофит с последнего задания находится в Цитадели, расспросы и шуточки про седой волос льют-

ся нескончаемым потоком. Каждый норовит по-товарищески подтрунивать над резкой потерей цвета.

Однако подняв взгляд вверх, парень видит не место, где над ним будут шутить, а второй дом. Его лицо обращено к казармам или Кельям, в которых он провёл последние два года.

В его памяти отразились долгие, практически нескончаемые тренировки, переходившие резко в магическую и научную практику. И единственной отдушиной становились редкие миссии, на которые Регент отправляет неофитов, чтобы те набирались опыта. Стена, огромное многометровое возвышение из блоков стало грозной чертой между прошлой, вольной и свободной жизнью и бытием нынешним, наполненным испытаниями и тягостями службы.

– Как же бы хотелось... – грудь Азариэля наполнилась, и раздался тяжёлый выдох, в котором чувствуется горечь печали.

Его съедает желание, берёт страсть вернуться хоть раз домой. Увидеть тот городок вблизи Гринхарта, снова поговорить с Ульффриком или посмотреть на старый дом. Но указами Регента, воспрещено неофитам самовольно покидать Цитадель до их первой инициации в Рыцари, Маги или иную структуру, в которые появится желание пойти.

«Я – воин Ордена, я – исполню долг. Я служу этому миру и не могу нарушить клятвы» – пытается исторгнуть словами долга Азариэль печаль из души, но она волна за волной про-

должает напирать.

Он знает, что всё делается для того, чтобы сберечь души неофитов, оставить их в чистоте и не подвергнуть их искушению зла, ибо никто не желает, чтобы слуга Ордена, покинув Великую Цитадель, совратился дурными идеалами и поставит своё мастерство против бывших братьев и сестёр.

В попытке уйти от печалей по лишению частички прошлого, он прокручивает у себя в голове все, что произошло за долгие дни тяжёлого пребывания в Ордене. Юноша больше не взирает с восхищением на броню и оружие рыцарей. Его не приводит в восторг вид Цитадели и красота природы вокруг, это всё стало настолько приевшимся и привычным, что удостаивать вниманием всю красоту было бы сущей глупостью, которая была не позволительна верному слуге Ордена.

Однако хоть и восхищения более нет, Азариэль с флегматичностью отмечает, что ни одна постройка, ни потеряла шика или красоты, которое было ранее. Он переводит взгляд с величественных каменных Келий, в три этажа на Академион. Высоченное здание, единственное, которое так же царственно устремляется в поднебесье острыми шпилями трёх башен, вырастающих из черепичного покрова крыши. Узкие и маленькие окна шести этажей в дневное время пропускают очень мало света, а башни и вовсе практически без вырезов для лучей солнца. Всё компенсируется чредой магических светильников, беспрестанно озаряющих стены Академиона.

В животе парня раздался звук голода, урчание потревожило его, и Азариэль перевёл взгляд к крайнему строению левой от башни чреды построек. Это кухонные помещения Ордена – два этажа просторных помещений. Широкие больше прямоугольные оконные рамы настолько огромны, что, кажется, будто вся кухня ордена выстроена из стекла и камень положен лишь как формальность.

– Кольцо...

Шёпот, тихий голос стал предтечей приятных мыслей. Разум юноши посетили воспоминания, как сегодня на рассвете он торжественно вознёс кольцо на тёмно-синее полотно одной из витрин, хранящихся в Зале Трофеев. Голова повернулась вместе с частью торса и Азариэль, через пелену водных завихрений фонтана, увидел Зал Трофеев, и его губы украсила улыбка самодовольства. Он и его подруга смогли отбить артефакт у некро-мага, они его убили и принесли мир да покой на земли Чейдинхола. Сам Ремиил назвал их молодцами и призвал удерживать такую же планку.

Но что за этим стоит? Где-то внутри души Азариэль чувствует великую печаль от того, что Тамриэль погружён в вечное кровопролитие и таким останется навсегда и ему придётся нести на себе тяжесть из убиенных чугунным грузом. Эта земля великого стона и горя, которой не хватает чего-то славного и жизнеутверждающего, того, что придало бы смысл бессмысленному существованию всем жителям Нирна. А сейчас? Азариэль сквозь меланхолию осознал, что без

спасительной правды, победившей греховную смерть не ему, не кому-либо из его братьев и сестёр не спастись от зла.

Тем временем Зал Трофеев готовится принять ещё одну реликвию. Его друг – Готфрид смог добыть древний меч данмеров, несущий в себе страшную чуму. И четыре этажа, смахивающих на гротескное здание Имперского Города, обзаведутся ещё одной реликвией.

– Вот молодец, – отметил своего друга парень и с лёгким уколом вспомнил, что жизнь в Ордене накладывает свои особенности на старое общение с друзьями.

Азариэль помнит, отлично помнит, что всё началось с первой тренировки, когда валясь с ног и умывшись потом, он с остальными прошёл три раза полосу препятствий, а потом выслушивал гневные поучения от Ремиила, яростно убеждавшего, что их результаты худшие. А потом Азариэль попал, словно в безумно кружащийся водоворот событий, что захлестнул его на два года, что практически полностью вырвало его из старого образа общения с друзьями. Магические практики, уроки истории и риторики, бесконечные дуэли на деревянных мечах и топорах и изматывающие тренировки, и несколько километровые пробежки по плацу каждый день слились в один единый вихрь событий, из которого было трудно что-то вычленишь. Для общения, тёплого задушевного, оставались лишь краткие вечера, которые тратились на отдых и подготовку ко дню следующему.

Ладонь Азариэля опустилась под воду фонтана, тёкшую

из ртов грифонов, образующих крест. Прозрачная, чистая журчащая жидкость наполнила ладонь юноши, переливаясь тусклыми отблесками уходящего светила. Он попытался её превратить в кусочек льда, но всё тщетно и бесполезно, как бы он не направлял ментальную силу, вода остаётся водой.

– Вот проклятье, – обида резко вырвалась с губ юноши, который вновь и вновь тужится сотворить лёд из воды с помощью магии, но жидкость лишь стекает слабым ручейком сквозь светлые пальцы. – Да это скотство какое-то! – выругался Азариэль и нервно потряс ладонью.

На удивление чародеев Ордена, несмотря даже на своё происхождение Азариэль почему-то стал абсолютным профаном в искусствах тонких энергий, показав, что виртуозным магом ему никогда не быть. Но это не помешало ему занять достойное положение в научной организации Академиона, который занимался независимой научной деятельностью, главной целью которого было наставление неофитов в их самостоятельном занятии самыми различными науками.

– Азариэль! – снова обращение радостным голосом раздаётся откуда-то со стороны кухонь.

– Люсия, рад вас видеть! – отсалютовал юноша, потирая мокрую руку, в сторону высокой черноволосой девушки в сером платье.

Ещё одним прекрасным моментом в жизни парня было то, что он сумел найти общий язык с некоторыми слугами Ордена, став приятелем и обычной обслуге. У него появи-

лись прекрасные знакомые среди крестьян и прислуги Цитадели, что весьма радует парня, ведь у него появились новые собеседники из числа простых обитателей Ордена, с которыми можно поговорить не только об алхимических формулах и строении магического посоха.

Хоть жизнь в Ордене не была лунным сахаром, став воплощением тяжелейших невзгод и лишений, помешанных на изматывающих физических подготовках и труднейшем обучении, Азариэль понимает, что всё это только к лучшему. Тренировки и испытания, операция и ограничения поставлены не только для улучшения тела. Долгое время назад его вела в Орден мысль о славе и почёте, о том, что его озарит свет лавр великого воина, и в его честь будут петь победные гимны. Сейчас такой мысли нет. Он понимает, что Орден сражается в тени, остаётся неизвестным для многих и о славе придётся забыть. Он готов к этому, его обучили здесь, приготовили к вечному забытию. Он будущий страж Тамриэля, защитник от тёмных сил и свет почёта ему ни к чему. Хмурым грузом ответственности эта мысль отягощает разум молодого эльфа, но он с безнадёжной радостью встречает её.

Азариэль настолько погрузился в мысли, что не слышал, как рядом журчит фонтан и переговаривают люди. Все его мысли направлены к одному – о тяжести того долга, который он понесёт. Многие рыцари и чародеи до него приняли его с честью, с достоинством...

«Не сломлюсь ли я?» – сам себя спрашивает Азариэль,

стоило его только посетить бедственной мысли. Его седая прядь лишь начало испытаний и изменений, которые предстоит вытерпеть, кольцо – тот маленький незначительный артефакт, который он добыл по долгу, а дружба и тягости – вуаль эмоций и чувств, что низойдёт со временем.

«А что останется? – спросил про себя Азариэль и его разум находит единственный ответ. – «Долг. Один лишь долг».

– Салют! – приветствие раздалось подобно грому в Винтерхолде зимой, и Азариэль от неожиданности едва не опозорился – его спина резко подалась назад, а пальцы соскользнули с мрамора и вес потянул юношу назад.

– Эй-эй! – ухватив друга за шиворот белой рубашки и потянув на себя, забеспокоился товарищ. – Только ещё не хватает, чтобы ты в фонтан рухнул. Что, так сильно напугал?

Азариэль привстал, сделав шаг от фонтана и коснувшись седого волоса, решил ответить шуткой:

– Ты же видишь, что я уже запуганный. Хочешь, чтобы меня инфаркт хватил?

Смуглое лицо высокого юноши обращено прямо на Азариэля. Его черты со временем стали более отточенные, высушенные на солнце долгими испытаниями. А на щёках проступила едва заметная щетина чёрного цвета.

– Опять размышляешь о жизни?

– Да. А что ещё тут я могу делать, а Ахмат? – легко ответил вопросом на вопрос ему Азариэль, тоже исказив губы в эфирной улыбке. – Я смотрю, ты хочешь, чтобы моя жизнь

оборвалась. Утопить меня вздумал?

– Нет, что ты... только искупать решил. Ты уж в следующий рад будь внимательней.

– Прости я... я задумался.

– Снова об Ордене?

– Да... как-то всё становится минорно. А я даже не рыцарь, – затянул печалью Азариэль и в эту же секунду встряхнул себя, перейдя на другие темы. – Но ладно, что ты хотел?

– Ты, когда ты собираешься доделать доклад по доимперской истории? Завтра же? – заинтересованно спросил Ахмат, на что альтмер ответил сарказмом:

– Списать хочешь?

– Да что ты, – возмущённо ответил ему редгард, но неожиданно вкрадчиво продолжил. – Всего лишь хотел взглянуть на основные положения.

– Хах, – негромко усмехнулся эльф. – Не знаю, у меня ещё проблемы с магической теорией, не говоря уже о практике, так, что тебе самому придётся основные положения делать, – сухо ответил на скрытый намёк Ахмата Азариэль. – А доклад я всегда успею сделать.

– Это бравада или гордыня? – наигранно начал друг. – Разве ты не помнишь слов дядюшки Гюнтера. – «Гордость есть поганое чувство, способное погубить вас в схватке с самыми отвратными слугами тёмных сил, что потянут за эту ниточку и размотают вас как клубок ниток», – и после момента театрально-шуточного воспроизведения одного из

профессоров бесстрастно констатировал. – Мда, а с историей у тебя всё было хорошо, я бы сказал прекрасно.

– Прощу, хватит этой сухой лести, – исказив лицо в гримасе секундного отвращения, парень решил сменить тему. – Лучше скажи, ты сегодня идёшь на наше философское обсуждение?

– Не знаю, у меня много дел, – немного с толикой печали в голосе ответил редгард.

– Да у тебя всегда много дел, и не все они важные, – возмущённо начал юноша. – Не забывай, ты в нижнем научном совете Академиона. И ты должен был хотя бы участвовать в его делах

– Не забуду, как туда попал. – Сказал Ахмат, стараясь уйти с неудобной для себя темы.

– Ты туда попал лишь по счастливому стечению обстоятельств, так что не обольщайся насчёт этого и не смей уходить с темы, – поняв мотивы своего друга, грозно и напористо стал говорить Азариэль, желая получить внятный и чёткий ответ, за что его бы и похвалил Ремиил. – Так ты идёшь сегодня на философское обсуждение?

– Не знаю. – Последовал недовольный ответ. – Говорю же, много дел. Да и к тому же самому придётся делать доклад.

– Ничего. Может из тебя что-то хорее выйдет, – саркастично заключил Азариэль.

– Ох, лучше вспомни свою вчерашнюю боевую подготовку, перед тем, как Туриил тебя на миссию выхватил. То-то

ты был не столь празднословен, – с толикой обиды, но стараясь всего лишь по-дружески поддеть парня, сказал Ахмат.

– Конечно, как такое забыть, когда тебя на дуэль вызывает сам паладин. Ладно бы это был простой рыцарь, но натренированный до совершенства воин, владеющий с неповторимым мастерством клинком, это был явный перебор. – Недовольно, потирая бок, высказался Азариэль.

– Да ладно тебе, – праздно начал Ахмат. – Первые секунд десять ты явно доминировал. Но потом...ну подумаешь, он перекинул тебя через плечо, предварительно выбив меч. Каждый бы проиграл паладину.

– Но из-за поражения Охтхере заставил меня преодолеть полосу препятствий два раза. Чтобы я: «стал более устойчив и силён, раз слаб в магии».

– Вот вы где! – прервала разговор друзей яростная реплика, наполненная гневом и нетерпимостью. – Нечего прохлаждаться у фонтана. Нужна помощь в архивах. Ахмат займись этим, – не унимая гневного тона, приказал рыцарь, чьё тело прикрыто чёрной развивающейся волнами туникой.

– Да, господин Сафракс.– Покорно и с толикой повинности отведя взгляд от зелёных глаз рыцаря, ответил Редгард, не желая даже смотреть в лицо приказчика.

– Давай-давай! Не оскорби статей кодекса неповиновением!

В сию секунду редгард обернулся к другу и его уста что-то проговорили, не слышимое рыцарю, как казалось самому

парню.

– И, да я всё-таки возможно приду на вечернее обсуждение, – тихо вымолвил Ахмат, стараясь, чтобы высокий черноволосый бледнокожий нордлинг с острыми чертами лица его не услышал.

– Давай, вперёд, недофилософ! – громко и с недовольством гаркнул Сафракс, стараясь как можно быстрее неофита пристроить к делу. – Теперь ты, – указав пальцем уже более спокойно начал рыцарь. – Ты уберёшь трапезную.

– Один? – удивлённо спросил Азариэль и выполнил шаг назад, едва не споткнувшись о перегородку ложи фонтана.

– Конечно же, нет, тебе помогут сестра-швабра, и брат-веник, – с гневным сарказмом пояснил Сафракс, однако, более вкрадчиво продолжил. – Но это потом, а теперь ответь мне на очень важный вопрос.

– Какой, господин? – Азариэль, со страху, почтения или неприязни уставил лицо вниз, рассматривая каменную брусчатку под ногами, образующую средь зелёного моря травы внутреннего двора белый квадрат.

– Что ты знаешь о таком внутреннем обществе в нашем Ордене, как Ложа? – при этом голос рыцаря стал более жёстким и суровым, смешанным с хладностью, а в его глазах читается решимость узнать правду вкупе с пламенной праведной яростью.

После того, как вопрос прозвучал, сердце Азариэля сжалось от страха, тяжесть и щекотливое ощущение одновре-

менно сдавили грудь, дышать стало намного труднее. Он просто не знает, что ответить – соврать или изложить правду.

– Ну?! – голос рыцаря раздался на весь внутренний двор.

Юноша знал, что Ложу создали его знакомые и друзья под руководством какого-то рыцаря, причём поддерживаемы кем-то сверху, что пугает альтмера. Азариэль знает, что ими руководит юношеский максимализм и ярое желание привнести что-то новое, как всегда и бывает с молодыми, но они ничего крамольного не замышляют. И эта Ложа стала воплощением тех амбиций, которые так сильно старались подавить рыцари, учёные и маги Ордена, называя их губительными. Однако Регент пошёл на уступку, и не многие воители и чародеи, профессора и мастера выразили неприязнь к объединению юношей и девушек, назвав его «игрушечным». Да и разве сопротивление горстки консерваторов Ордена остановит подростковый душевный жар, если за них большая часть? Их дух прожигает пламенная жажда, что вызывает к свежим преобразованиям, которые создадут что-то новое, уникальное и непохожее на старые схемы и механизмы.

– Ладно... что ты знаешь о её структуре? – на плечо Азариэля легла широкая ладонь рыцаря, чуть сжав пальцы, порождая незначительную боль, как аргумент вопроса. – Как она называется полностью?

– Ложе нет ни званий, ни иерархии, ибо там все объявлялись «равными братьями и сёстрами», что общаются и существуют на равных.

– Ещё!

– Да ничего особенного, – Азариэль сжал губы от боли в плече, которая с каждой секундой усиливается давлением пальцев Сафракса, – знаю лишь, то, что в неё может войти любой желающий. Что в ней неофиты делятся своими мыслями идеями, что различия в рангах между нами исчезают, что там витает дух равенства, – с непрекращающейся дрожью в голосе ответил юноша.

– Я понимаю, – рыцарь убрал ладонь с плеча, расцепив хватку, – молодая и горячая кровь, охота реформаторства и всего прочего, мы порой даже готовы поддержать ваши инициативы, – неожиданно выразив нотку лояльности и пойдя на встречу, сказал рыцарь. – Но вы должны понимать, что многие вещи подрывают дисциплину в Ордене, ставя его на грань распада. – Поучительно и важно заключил Сафракс.

– Они всего лишь хотят усилить наши узы братства, чтобы нас навсегда связала нерушимая дружба, – с осторожностью пояснил юноша.

– Вы найдёте своё братство в первом совместном бою, и единство почерпнёте в кодексе и медитациях, вот истина. – Не повышая голоса с фанатичными нотами, благоговейно сказал рыцарь.

– Мы...

– Вы должны свято следовать Кодексу, – перебил Сафракс Азариэля и добавил. – Вы даже на своих собраниях Ложи должны его чтить!

Однако, по воле богов или просто счастливо «выпала карта» в разговор со стороны вмешивается низкий мужской голос:

– Сафракс, иди тебя ждёт бронник, забери у него перчатки, которые ты повредил в последнем бою. – Послышался голос Ремиила, который подошёл как раз вовремя, чему и ликовал Азариэль, отчего на его губах проступила лёгкая улыбка.

– Хорошо, но знай, юноша, мы с тобой этот разговор ещё продолжим когда-нибудь. – Несколько хладно сказал рыцарь и бросает напоследок. – Чти Кодекс и дисциплину, это тебе и укажет путь во тьме.

Азариэль стоит ошеломлённый, от такого поведения фанатичного напора рыцаря, который выпытывал из него информацию, а всё узнав, просто приказал следовать кодексу как какому-то культу. Взгляд его нефритовых очей сделался углубленным, потерянным и уставился в землю. В то же время Азариэль мгновенно развеял нотки хладности слабого страха, которые его охватили при виде Ремиила, поскольку альтмер два года в Ордена всё ещё не привык к «машинности» старого рыцаря.

Подошедший рыцарь заметил это недоумение на лице юноши и решил хоть немного его развеять и вернуть к происходящему:

– Прости его, но чтение догм Ордена для него – это всё, – сказал юноше, подошедший Ремиил. – Он у нас что-то вроде

глубокого духовного ориентира, моралист чистой воды...

– О, Акатош, как он меня достал.

– И не только тебя. У рыцарей есть одна из привилегий – привлекать к суду без специального указа Совета Владык. Маги, учёные, мастера – все его недолюбливают за то, что он пол Ордена по судам затащил за несоблюдение Кодекса.

Парень обратил внимание на своего неожиданно спасителя, что уберёт юношу от праведного фанатизма Сафракса. Сам рыцарь стоит без своих наполированных до блеска доспехов, будучи облачённым в простые серые одежды – балахон да сапоги. Серые волосы Ремиила снисходили до плеч, как водопад, будто бы сливаясь с одеждой. За последнее время частого пребывания в стенах цитадели и став как можно выходить на миссии рыцарь несколько набрал в весе, отчего его исхудавшие черты лица стали более «живыми». Но закончив разглядывать своего наставника всё же не теряя удивлённого голоса, решил озвучить своё мнение юноша:

– Я не понимаю, насколько сильно нужно чтить кодекс, чтобы преклоняться ему подобно сакральной книге культуры? – возмущённо спросил Азариэль.

– У него была трудная жизненная ситуация, когда его привели в Орден, – тяжело стал объяснять историю Ремиил. – Его нашли на улице Скингарда, одинокого и голодного. После вступления в Орден он стал искать свои ответы в кодексе, стараясь прояснить некоторые вопросы на жизнь, и почему так несправедливо с ним поступили.

– А как же друзья? – снова присев на перегородку фонтана и сложив руки на груди, спросил Азариэль.

– Да среди неофитов тех времён у него практически не было друзей. – Мрачно проговорил Ремиил. – Вот со временем он и дошёл до этого, оставшись практически в одиночестве один на один с кодексом. Он просто искал свой смысл жизни, вот он его и нашёл... в кодексе, слившись с ним. – Окончив тяжёлый краткий рассказ о жизни Сафракса, рыцарь более жизнерадостно закончил. – Кстати, можешь не идти убирать трапезные, я отослал туда прислугу. Пусть займётся работой.

– Спасибо. Кстати, я слышал от самого Сафракса, что он из тех счастливых, которые выжили, в бытность неофитом. Я знаю, что вам говорить об этом не положено, но всё же что там случилось? – заинтересованно спросил Азариэль. – Мы спрашивали, он лишь становился ещё мрачнее и заканчивал разговор на эту тему, отправляя нас чистить... – лицо скривилось в неприязни юноша. – Отходники.

– Ох, это очень давняя история, – груз и свинцовая тяжесть в словах собеседника поразили Азариэля, но в то же время пробудили интерес. – Это было лет десять назад, когда перед вступлением на следующую ступень Ордена, а большинство тогда метило в рыцарство, должны были пройти испытание. Обычно Регент отправляет на лёгкие задания, где нужно всего лишь подтвердить свои навыки. Это зачистка небольших руин от бандитов или уничтожение мелких кове-

нов. И тогда практически всех кандидатов в рыцари он отправил в Скайрим на зачистку одного из старых фортов, где по слухам был небольшой магический конклав отступников из Гильдии Магов и Коллегии Винтерхолда.

– Так понимаю, это был не самый обычный ковен. Ты был с ними?

– Да. Я, вместе ещё с двумя магами под командованием паладина был назначен надсмотрщиком на задании. Мы тогда расположились в километре от форта и стали ждать возвращения неофитов, чтобы объявить их прошедшими испытание. Всё началось как обычно: мы в семь часов утра прибыли, разбили лагерь и отправили на задание неофитов. Прошёл час, два, пять, а они не возвращались.

– А почему вы не проверили их сразу? Может сейчас Сафракс был бы нормальным человеком, а не фанатиком.

– Мы не имели права. Это было их задание и только их. Уже под вечер мы обязаны были пойти и посмотреть, почему их столько времени нет. Когда мы пришли на место, даже бывалого паладина поразило произошедшее. Сначала нас обдало мерзким запахом жжёной плоти, от которого могло стошнить. Потом возле форта мы увидели лужи талой воды и столбы пара, который укутал всё место подобно савану, хотя в Скайрime была зима. Мы поняли, что нужно спешить и когда мы прибежали к месту задания, то встретили одного Сафракса. Вся его броня было опалена и изодрана в клочья.

– Мара милосердная. – Беспокойно вымолвил Азариэль,

но Ремиил не заметил этого и продолжил.

– Как сейчас его помню. Кожа местами пузырилась от ожогов, а часть волос на виске была выжжена. Все его лицо было в саже, пропитанной кровью и потом. Но страшнее всего было смотреть в его опустевшие глаза, из которых пропала вся жизнь. Мы осмотрели форт. Оказалось, он уходил, на несколько уровней в землю, но поразило не это.

– А что?

– По всему форту были разбросаны разрубленные трупы магов вместе с изуродованными и сгоревшими телами неофитов. Мы стали расспрашивать у бедного парня, что случилось. Он нам, сквозь дрожь, постоянно прерываясь и пояснял, что здесь собралась самая крупная секта огнепоклонников-пиромантов, желавшая захватить один из городов Скай-рима и создать своё королевство.

– Он сорвал эти планы, – покачивая головой, медленно сказал альтмер.

– Ты прав. Неожиданное появление слуг Ордена сорвало эту задачу. Но здесь их тут ожидал самый настоящий ад. От массивов огня, которые против них обратили, буквально вскипал снег и плавился камень на стенах форта. Против них кинули самые страшные призванные существа огненной стихии, которые только могло вызвать могущество мастера-призывателя. Только потом мы увидели, что Сафракс плотно сжимает какой-то непонятный амулет в руках.

– И что он вам рассказал?

– Он нам поведал, что сорвал его с главного жреца культа. Оказалось, что этот амулет дарует практически неограниченные возможности по отношению магического применения огня. – И уже начиная клонить к концу, Ремиил сделал ностальгический оттенок в своём голосе. – Вот так вот Сафракс добыл свой первый артефакт и потерял всех своих знакомых, хотя особо ни с кем и не дружил. И эти воспоминания стали для него отличным уроком того, что сначала нужно проверять местность, а потом уже идти в бой. Хоть паладин его похвалил за отвагу, но Регент выразил недовольство, что он пренебрёг некоторыми статьями кодекса.

– Поэтому он его так и чтит?

– Именно! – воскликнул рыцарь. – Эти воспоминания стали для него болезненной иглой, что заставила почитать его кодекс на уровне священных книг.

От услышанного в душе юноши поселилась печаль и уныние, а ещё от тех чувств, что он питал к рыцарю-параноику, помешанному на кодексе. Эльф осознал, что воспоминания для Сафракса стали такой ношей, такой гирей на душе, что лучше было заплатить за них цену фанатизмом и забыть про случившееся. Негодование мгновенно сменилось жалостью, которое он решил разгонять, перейдя на другую тему:

– Как ваш поход в болота Чернотопья? – создав заинтересованность, спросил юноша.

– Было трудно, но мы справились. – Бровадно начал Ремиил. – Тот проклятый амулет, повышающий устойчивость

к физическому урону, делая кожу практически как камень, оказалось в ковене некромантов, что как ты, верно, подметил, находился на юге Чернотопья, прям посреди болота.

– А это кто?

– Они были одни из самых могущественных некромантов, в своей местности, естественно. Их вроде...пятеро, и они как раз решили опробовать новое заклинание подъёма мертвых... но не по одному, а массами. Зашли мы в пещеру и её виды нас не впечатлили.

– А что так? – попытался высказать иронию, произнёс Азариэль. – Вам попалась не первоклассная пещера?

– Далеко не первый класс. Покрывшиеся плесенью стены, и стухшая вода под ногами испускали такое амбре, что дышать было невозможно – завтрак лез обратно. С потолка постоянно капала вода, что и рассекало зловещую тишину.

– Жуть.

– Нам на встречу выбежали два некроманта, одетых в обычные тканевые чёрные одежды, тряпье, одним словом. Они решили встретить дорогих гостей, посмотреть, кто к ним без стука явился.

– И как вы с ним?

– В первого полетел болт из арбалета, уложивший его на месте, второй успел произнести слова заклятье и в нас полетел шар белого пламени, столкнувшийся с незримой преградой в нескольких сантиметрах от меня. Наш маг успел произнести заклинание оберега, после чего с его рук соскольз-

нула ослепляющая молния и испепелила некроманта.

– Туда ему и дорога.

– Подвигаясь, дальше, вглубь пещеры, попадалось всё больше мёртвых и гниющих тел, отчего запах становился ну вообще невыносимым. Этих трупов было неисчислимое количество. Похоже, некроманты долго готовились к этому дню. В конце пещеры оказался большой жертвенник, на котором лежали два некроманта, с пробитой грудью, похоже не ожидавшие, что их товарищ принесёт в жертву, а третий читал над ними заклинание.

– Предал товарищей, чтобы спасти шкуру... благородно.

– Это некроманты же! Они не лучше крыс. Тот чародей вроде облачился в обычный чёрный балахон, но на груди виднелся амулет, сделанный в двумерском стиле. Были прочтены последние слова, и губы некроманта сомкнулись. Мёртвые встали. Сафракс кинулся к убегающему некроманту и сокрылся в глубине пещеры.

– Я так понимаю, вам пришлось не сладко?

– Ещё как. Сволочи. Встали все: пастухи, крестьяне, неудачливые наёмники, мёртвые городские стражники. И нам ничего не оставалось, обороняться от мёртвых. Звон клинков, хруст рассекаемых костей и смрад мёртвой плоти заполнили пещеру, смешавшись в один единый водоворот боя. Мертвецы одного рыцаря повалили, сломали ему руку и пытались вскрыть доспех, чтобы полакомиться свежей плотью, но волна огня остановила их. Нас естественно теснили.

Мы сужали круг всё сильнее и сильнее, заставляя за каждый шаг назад платить своей нежизнью любого упыря, что приблизится слишком близко.

– И как же вы вышли из этой битвы?

– Мертвецы продолжали наступать, теряя своих «братьев по нежизни». Нескольким рыцарям повредили броню, а кого-то вообще повалили на землю и пытались вскрыть их броню. Но тут маг произнёс заклятье, от которого он сам жутко взмок и ослабел, а мертвецы изнутри вспыхнули лазурным, солнечным пламенем. Через секунду от мертвецов остались только горящие останки. И тут из темноты вышел Сафракс. Клинок его был сломан, а перчатки разбиты. Он рассказал, что амулет сделал кожу некроманта как камень, что клинок об него он сломал и не найдя способа лучше, попросту до смерти забил некроманта, а побрякушку уже снял с трупа. – Слабо усмехнулся рыцарь. – Вот так вот мы и добыли этот амулет, пройдя через живое кладбище.

– Да... интересная у вас жизнь. – Сразу констатировал Азариэль.

– Мы другой жизни и не желаем, – твёрдо ответил ему Ремиил, продолжив наставление. – Сам посуди, для чего мы воспитаны и возвращены как не для этого? Честь и доблесть у нас в крови. Если этого нет, то и мы не достойны, быть в этом Ордене. – И явно стараясь закончить разговор, спросил, намекая на то, что Азариэлю пора. – Ты кстати не опоздаешь на свой философский диспут? А то время уже.

– Ты там будешь? – с лёгкой улыбкой проронил вопрос юноша. – А то у нас не хватает достойных собеседников.

– Нет, у меня дела в трофейном зале, – последовал ответ, после которого оба тепло попрощались и Азариэль поспешил в Академион, чего столь долго и желанно лелеял.

Глава 9. Бал вольности

Тот же день. Глубокий вечер.

Солнце практически село за горизонт, уступая место всё наплывающей синеве и мелькающим в высоте звёздам, что начинали усеивать вечерние небеса прекрасной серебристой россыпью. Небосвод становится действительно чудесным – золотой закат ещё полыхает всеми красками жара и огня, а на этом же небе уже разливается алый цвет и сиреневые мотивы, будто бы над Тамриэлем треснула реальность и вот-вот в мир прорвутся потусторонние силы.

Вечерний ветер всегда слаб и не напорист, несмотря на близость к морю, но от него всегда защищает крепостная стена, а такая лёгкость и не порывистость одаривают каждого, кто гуляет приятными ощущениями лёгкости и свежести.

Но истинным оплотом всех иллюзий, в том числе и по наведению спокойствия стал Академион. Его три башни, украшенные цветастыми знамёнами и мистическим свечением всё так же монументальны и грандиозны. Резные узкие окна

с орнаментом и рисунки на стене перемежаются с текстами, что только украшает постройку. Но суть великолепия внутри здания.

Поначалу в Академионе стояла непроницаемая тишина, только редкий учёный или маг перемолвится с коллегой словом. Всё помещение источало необычное спокойствие, что просто прекрасно помогало в обучении или, когда необходима была максимальная концентрация над важными опытами.

Один из залов, бывший одним из помещений для «антиквариата», на первом этаже был переделан под обсуждения и диспуты различного рода, как и просили многие из неофитов. Кабинет представлен небольшим прямоугольным помещением, в котором спокойно могло уместиться не много участников обсуждения или спора. Не более того.

В зале спокойно и плавно горит свет, исходящий от множества свечей, магических светильников и небольшой люстры. Посреди всего зала стоит один большой круглый стол, возле которого были аккуратно расставлены стулья. В зале имелось три арочных окна, чрез которых и льётся свет в дневное время суток.

В помещении имеется несколько экзотических, завезённых с самых дальних уголков Империи декоративных растений, расставленных по углам. Но особый аромат в этом помещении всё-таки передают не растения, а разжигаемые палочки с благовониями.

Стены, в отличие всего остального Академиона, тут окра-

шены в белоснежный матовый цвет, что довольно странно и необычно.

Вообще, в начале, это было место, куда свозили весь хлам и барахло со всего Академиона, чтобы он здесь прозябал дни и ждал участи – переработка или уничтожение. И так длилось десятилетиями, это место постепенно превращалось в старую сырую кладовку, ставшую сокровищницей мусора и ненужного для Ордена пылящегося хлама. Это стало единственное место во всей цитадели, отражавшее не блеск и могущество Ордена, а то, чем оно достигается.

Но потом неофитам этого созыва захотелось чего большего, нежели изнурительные тренировки и бесконечная научная деятельность в Академионе. Их грыз жар научных исследований и желание оспорить существующие порядки, без открытого мятежа.

Те новоизбранные Ордена, что состояли в Нижнем Научном Совете, попросили от своих наставников и учителей в Верхнем Научном Совете, чтобы те, ввели «необходимые для развития дискуссионных и аналитических способностей специальных обсуждений для неофитов, дабы они сумели показать и развить собственные знания». И по специальному «Циркуляру Двуглавого Совета Ордена», что был принят после двух заседаний в Академионе, при Общем Научном Совете создавался так называемый «Стол обсуждений», где каждый мог высказаться на заранее определённую тему или даже устроить диспут с оппонентом, вынеся его на суд рыца-

рей, учёных и магов. Иначе говоря, Орден сделал всё, чтобы от него отвязалась молодёжь, дав себе продолжить спокойную работу.

Прошения о созыве «Стола обсуждений» подавалось напрямую в Верхний Научный Совет, в котором и давалось одобрение на собрание. Повестка обсуждения формировалась Верхним Научным Советом, что по своей прозорливости указывал только на темы, которые необходимо укрепить неопитам в своём обучении и, не давая тем ударятся в ненужные и подчас крамольные обсуждения

Сам же Верхний Научный Совет предполагал собрание умнейших профессоров и магов, которые заинтересованы в более углублённых познаниях неопитов и развитии их способностей. Нижний же совет предполагал собрание неофитов, которые осуществляли деятельность познания и помогали в организации научных мероприятий.

Учёные и маги всегда приготавливали всё, что нужно, для комфортного и приятного проведения этого мероприятия: дополнительные стулья, некоторые учебные материалы на пару листках и безалкогольные напитки с закусками для того, чтобы снять напряжение и создать более тёплую обстановку. Обычная уловка лояльности, о которой попросили Иерархи, чтобы создать образ тепла для неопитов, чтобы не дать молодому поколению расплыться или сорваться в злобу. Всё это напоминало больше некий клуб по интересам, а не структуру самого сильного Ордена во всём Тамриэле, от-

чего некоторые рыцари говорили, что Регент размяк.

Вот зал уже стал понемногу, медленно, но верно наполняться полноправными членами, и неофитами Ордена. Первыми зашли сюда несколько друзей Азариэля, после него самого.

Готфрид, немногословный светловолосый нордлинг. С ним Азариэль больше всего общался, после тренировок и занятий в Академионе. Но лаконичный норд больше всего слушал и говорил зачастую всего короткими несложными фразами, предпочитая хранить молчание.

Тиберий, экстраординарный имперец, способный повергнуть в шок любого профессора своими взглядами на мораль, но очень способный в некоторых науках. Его воззрения радикальны, не иначе, и больше похожи на идеи некоего нигилиста, но всё же прилежное исполнение заданий и просвещённость не позволяли лидерам Ордена выкинуть его за ворота.

С течением времени зал постепенно стал заполняться ребятами, пришедшими сюда посмотреть на рассуждения других неофитов и самими высказаться. Обстановка становилась всё теплее, как в старой таверне в какой-нибудь праздник.

Буквально через несколько минут в помещение без своих доспех в обычных кремовых одеяниях пришло ещё несколько рыцарей, которые были порой частыми гостями на этих заседаниях, ибо они поставлены следить за тем, как проте-

кает духовное развитие неофитов и обстановка на этих «столах».

– Господин Туриил, прошу сюда, – прозвучал голос, полный покорности, учёные-историки, который примерил на себя тёмный костюм сиродильской аристократии.

И в зал зашёл рыцарь, одетый не в доспех и даже не в кремовые одежды, а в лёгкую имперскую одежду: свободная рубашка, подпоясанную верёвкой, лёгкие брюки и кожаные сапоги.

– Господин Туриил, расскажите, пожалуйста, для неофитов, что было в северном Сиродиле, как ваше задание по получению старого фолианта, – поинтересовался профессор по истории. – Расскажите новоизбранным Ордена про вашу истинную службу Тамриэлю.

– Мне из-за этой книжки чуть не пробили грудь, – немного всплыв и с нотками нападения в голосе, приступил к рассказу рыцарь. – Проклятый старый фолиант оказался в лагере бандитов, что мило расположился у Брумы. – И дальше голосом, полного возмущения заявил. – Под самым её боком. Городскую стражу в этом городе нужно распускать. – И успокоившись, продолжил. – Они свои рваные палатки кинули на возвышении, это был какой-то холм в лесу у большой речки. Красиво расположившись прямо под носом у городской стражи они ждали покупателя этой книжки. Как оказалось, позже, это некий старый маг. У меня броня была вся в снегу, как и всё вокруг, но ведь это север. Так вот, их было

восемь человек.

– Мало, Туриил. В отчёте значится же больше, – ввязался в разговор некий рыцарь, лесной эльф, сидевший напротив белой стены.

– Об этом позже, Анкан. Так вот. Двое находились в патруле. Как только они отошли чуть дальше от лагеря, пришлось действовать. Одного из них я пристрелил из арбалета, когда он решил справить нужду. Второго получил нож в шею, когда поспешил ему на помощь. В лагере осталось шестеро. Когда они меня заметили, их было четверо.

– Что с остальными? – поинтересовался чародей, ставший у деревянной тёмной двери.

– Двух других я отправил навстречу богам более традиционным способом: они отправились к праотцам посредством содействия моего меча. – Гордо и с бравадой взирая на неофитов, заявил Туриил. – Первых троих было достаточно легко одолеть, ибо они не умели даже меч держать с нужной стороны. Это оказались обычные грязные варвары, одетые в обычные меховые лохмотья, чтобы не замёрзнуть, что сидят по норам и ямам. Они были обычными бродягами и бандитами, каких ходит сотни, по дорогам Тамриэля.

– Но не следующий, я так понимаю? – спросил рыцарь.

– Ты прав. Вот четвёртый был несколько по-другому одет. На других были обычные меховые лохмотья, а у этого была тяжёлая стальная и дорогая броня, отделанная в некоторых местах узорами из меди. У него так же имелась хорошая и

красивая булава, сделанная из орихалка.

– Орк?

– Да, это оказался чёртов орк, очень большой и широкий орк. Бой становился всё интереснее. Он сразу кинулся на меня, но я успел отразить атаку и решил контратаковать, но мой клинок тут же столкнулся о его булаву. Он сделал ей молниеносный удар наотмашь, нацеленный в грудь.

– Сколько бравадных деталей, – перешёл на сарказм чародей у двери, дёрнув капюшон.

– Так, тихо. Скорость его удара была просто велика, что мне не удалось уйти из-под удара, он попал мне по запястью и выбил клинок. После чего ударил плечом и надавил всем весом, повалив меня своей огромной массой на землю.

– И как же вы выпутались из этого, мастер Туриил? – прозвучал вопрос от одного из неофитов, когда рыцарь приостановил рассказ.

– Я вспомнил, что у меня есть свиток, я его достал из-за пазухи, произнёс заклятье, и в него со скоростью молнии полетела огненная стрела. Но его доспех странно вспыхнул и мгновенно погасил огонь. Зачарование стойкости к огню, эта броня была уж очень дорога. Однако пока он гордился способностями своей брони, мне хватило времени дотянуться до клинка и ударить его в сочленение доспеха на колене. Он взревел и заверещал, как свинья и рухнул на одно колено. Я уже занёс клинок для последнего удара, как мне в грудь прилетел огненный шар, практический пробивший нагруд-

ник доспеха своим жаром и силой удара. Я его успел заметить только в самый последний момент и сумел повернуться, иначе сила магического удара оторвала бы мне руку.

– И как же ты вышел из схватки, несчастный? – вопрошает чародей.

– Не сейчас. Жди. Это оказался тот самый покупатель книги. Какой-то старый маг пришёл за своей книжонкой. Старик был одет в обычный синий балахон, на ногах изношенные сапоги, имел грязную бороду, маленькие свинные впавшие глаза и морщинистое лицо. Похоже, он все, что у него, было, копил для этого фолианта и все деньги которые этому гаду удалось собрать принёс сюда.

– Какой учтивый и... скупой оказался покупатель. Как он хоть выглядел? Подетальнее?

– Разглядеть больше этого старика мне не удалось, маг. Тут, орк мгновенно встал и нанёс удар булавой в проплавленный нагрудник доспеха и пробил, без того практически разбившуюся броню. Меня повалило наземь. У меня уже жутко болели рёбра, и плохо сжималась ладонь, он сломал мне запястье.

– И тут по жанру и статистике тебе должен был прийти конец. – Сыронизировал чародей, подбросивший в воздух монету.

– Но я смог дотянуться до арбалета и выстрелить в орка. Болт ему пробил доспех у груди, но не убил, ибо завяз в той стали. Маг уже начинал произносить заклятье, как внезап-

но послышался свист стрелы и тут же из его шеи брызнула кровь. Слава Акатошу вышел человек, одетый в старую кожаную броню. Оказалось, старый охотник следил за мной от самой Брумы.

– Вот это неожиданный поворот.

– В это время, я успел дотянуться до клинка и нанести удар в шею моему главному оппоненту, который засмотрелся на истекающего кровью покупателя. И орк, и маг упали замертво практически одновременно. Всё было кончено. Я подошёл к охотнику. Его лицо было скрыто за капюшоном, выступала только посохшая зрелая нижняя часть лица.

«О Акатош, сколько же деталей» – взмолился Азариэль. – «Быстрее бы».

– Охотник мне рассказал мне историю, что этот орк раньше был странствующим рыцарем, но потом стал обычным наёмником – бандитом, так, же нашёл шайку бродяг и начал грабить окрестности Брумы.

– Вот это я понимаю – поменял радикально ориентацию, – и, словив всеобщий взгляд негодования чародей, поправив синий балахон добавил. – Профессиональную.

– А в ответ на мой вопрос – почему он мне раньше не помог он с сарказмом и упрёком ответил: «Ты думаешь, что этих бандитов было восемь? Эта банда насчитывала чуть более двадцати человек. Уж прости, пока ты там кувырчался с главарём и наиболее приближенными, я сумел отыскать их нижний лагерь и обеспечить тебе спокойные развлечения,

чтоб тебя больше никто не побеспокоил».

– Господин Туриил, а что это был за фолиант? – Спросил Тиберий, после того, как рыцарь умолк.

– Это была книга по «основам призыва с внешних миров» я так, и понять в ней ничего не смог, там был неизвестный мне язык. – Спокойно ответил Туриил.

– Господин Туриил, так этот охотник убил более десяти человек один? – крайне удивлённо спросил Готфрид.

– Нет, он сказал, что он всего лишь охотник, но разбирающийся в травах. Там в лагере была бочка мёда для их постоянной попойки, но после добавления в неё экстракта паслёна с эссенцией мухомора и парой не совсем безопасных трав, вкус медовухи стал больше терпкий и неприятный. Только бандиты это почувствовали слишком поздно. – С усмешкой ответил рыцарь.

Мысли о смысле жизни в Ордене нахлынули на Азариэля. Рассказ Туриила напрямую говорит, что смысл их существования до самой смерти – это истязать любого врага, что посмеет обратить против Тамриэля силы. Их смысл – умереть ради других, но готовы ли они на это? Сам Азариэль ощущает, что ещё не может ответить на этот вопрос. Возможно служение, истинное прямое, в роли рыцаря даст ему силу вынести тяжкую ношу столько, сколько от него потребуют боги, как думает сам парень.

– Да, однако, какой философский разговор, – неожиданно заговорил, вошедший член верхнего двуликого совета.

Иерархи приставлены к этим обсуждениям, дабы внимательно следить за тем как идёт процесс и насколько он соответствует идеалам и постулатам Ордена, нашедшими своё отражение в Кодексе. Они вольны выделять определённые ресурсы на проведение мероприятия, а могли и вообще оставить этот «стол» без поддержки, но владыки Ордена будто прониклись всей ситуации, всячески помогая ребятам на их собрании. Так по прошению иерархов прислугой и мастерами был сделан этот круглый стол. Крестьяне во время обсуждений должны были наскрести в своих подвалах и предоставить немного продуктов на мероприятия. Очень странным находит этот жест небывалой щедрости Азариэль.

Иерарх одет в обычные лёгкие одежды, красного цвета, больше напоминающие одеяния священника Культа Девяти. Лицо Иерарха отдавало серо–пепельным цветом, было чуть вытянутым с пылающими красными глазами, остроконечными ушами и чёрными цвета смолы длинными волосами, которые убраны в форме хвоста.

– Господин Велот Редоран, – произнёс голосом полного покорности рыцарь, встал и начал клонится в знак уважения.

– Рыцарь Туриил, можете сидеть. Это необязательно, – махнул рукой Иерарх с мягкостью в голосе и уже чуть более грозно добавил. – А вот юные члены Ордена должны проявлять уважение к своим иерархам. – Обратился он к присутствующим неофитам, и они покорно встали и поклонились.

– Ну, я думаю можно начинать, практически все в сборе, –

предложил учёный, осмотрев помещение.

– Как, без меня? – послышалось удивлённо со стороны входа, перемешиваясь со скрипом поржавевших петель на что естественно мгновенно все обратили своё внимание и практически синхронно повернули голову.

В помещении мгновенно наступила непроницаемая тишина, прерываемая лишь тяжёлым дыханием Туриила. Но мгновенно все одновременно стали срываться со своих мест, чтобы встать на колени перед предводителем Ордена и проявить к нему почтение и уважение, но внезапно сам Регент молниеносно вздел правую руку вверх, призывая, чтобы все сидели на своём месте.

Появление предводителя Ордена на публике было более чем странным, ибо он всегда проводил всё своё время в башне в своих покоях, работая, практически не отрываясь от дел, которых ему приходилось разрешать десятками.

Регент одет в дорогие имперские одеяния графов Сиродила, причём тёмных лиловых оттенков, что необычно переливались в свете множества свечей, подобно тому как играет сиянием драгоценный камень. Его лицо отмечено несколькими малыми шрамами, но своего великолепия оно не теряет. Серые медленно седеющие волосы лились серебро к плечам, а смольные глаза отражали всю глубину души. Регент оказался тёмным эльфом, который вот уже несколько десятков лет своей мудростью, правит всем Орденом и направляет его сквозь мрак сгущающихся над Тамриэлем туч.

Но сразу за Регентом зашла скромная девушка, привлёкшая внимание Азариэля на много больше, чем сам глава Ордена. Эту девушку родители нарекли длинным именем, сложенным из даэдрического алфавита. Когда один из паладинов произносил её имя, то несколько раз сбивался и плюнул на это дело, дав ей новое имя, при этом узнав, как её называли друзья – Аквила.

До её плеч, облачённых в тёмную ткань длинного платья, плавно, подобно лились, снисходили светлые волосы, ставшие воплощением изливающегося золота, как видит себе парень. Аккуратные губы чем-то отражали аристократические черты бретонских феодалов, что правили провинцией от имени Империи Септимов и самого императора. Девушка низкого роста, что в глазах юноши предавало ей больше красоты и уникальности. У девушки прекрасные голубые глаза, схожие на два прекрасных сиятельных сапфира, чья таинственность и красота могли поспорить с небесной лазурью или синевой великолепного океана Падомейк. Худошавое телосложение только предаёт ей женственности и нежности.

– Здравствуй Аквила, – скоротечно бросил Азариэль в сторону садившейся к нему подруги.

– И тебе привет. О, какая у тебя шикарная шевелюра, – отпустила иронию девушка. – К цирюльнику чай ходил?

– Мы вместе к нему ходили, не помнишь. Пока я новый покрас для причёски делал, ты его «клиентов» держала.

– Чуть тише, брат, – толкнув Азариэля локтем, пытаюсь подколоть друга, в лицо спросил Готфрид. – Сейчас бал вольностей начнётся.

Азариэль с мрачной улыбкой отметил, то насколько прав оказался его друг. Иерархи и рыцари, профессора и маги – все подсуетились, что создать приятную обстановку для неофитов, чтобы новообращённые смогли вольно выговориться. Странно это было для Азариэля, и червь сомнений резвится в его душе. Он искренне не понимает, почему Орден пошёл на то, чтобы молодому, неопытному поколению дать возможность свободно рассуждать, если это может привести к подрыву дисциплине.

«Зачем? Почему? Кто же им помог всё это устроить и зачем?» – ряд мыслей потревожил разум юноши, став буравить его, изводить нерешёнными загадками.

За Аквиллой в помещение вошла ещё одна особа и комната мгновенно наполнилась приятным и сахаренным ароматом пышущей розы.

– Лира, – прошептал Азариэль.

Девушка появилась в таком же платье, что и прежде. Её лицо всё так же бледно, но на этот раз губы украсила яркая выразительная помада, выделившая губы. Она, поглядывая на Азариэля, не найдя возле юноши свободного места, села возле одного из Иерархов, предварительно отдав ему поклон.

– Ну, теперь я думаю можно начинать. – Осмотрев весь зал и увидев, что больше свободных мест нет, предложил Регент

и снисходительно обратился к залу. – Ну, о чём сегодня юные дарования решили поговорить?

В голосе, в словах главы Ордена промелькнуло некое презрение к происходящему, как будто он во всём этом видит не более чем театральное ничего не значащий сход молодняка, решившего поговорить о жизни. Эти слова колющей обидой ударили по Тиберию и он, застёгивая последнюю пуговицу вороной рубашки, гордо заявил:

– О свободе!

– И что же вы хотите сказать о свободах, уважаемый неофит Тиберий Грация? – вопрос взял учёный.

– Её очень мало, господин профессор. Будь-то в имперской политике или же провинциальном строе.

– И как это выражается?

– Институты народной власти страдают, причём очень сильно, – спесиво заявил Тиберий, перекрестив руки на столе. – Неприкосновенность частной жизни попирается государством.

– Народной власти, – презрительно вторит Регент. – И что же это вообще такое? Где вы это вычитали?

– Неважно. Я пользуюсь свободными источниками информации, и я вам скажу, господин Регент, что Империя ныне это оплот деспотизма и диктатуры.

– Ох, если бы он вас слышал...

– Вы боитесь, что мои слова окажутся оскорбительными для его величества?

– Да как вам будет угодно! – хлопнул в ладоши Туриил. – Ордену плевать на политику Империи. А я вот боюсь спросить – и что же нужно делать императору, чтобы стать отражением идейки свободы?

– Ликвидировать диктат! – развёл руки Тиберий, сказав, как ему казалось очевидную истину. – Мы должны дать народам Империи полную власть на своей территории. Ликвидировать единоначалие власти и утвердить народные органы власти.

– Мы?! – недовольно гаркнул Туриил.

– Ой, простите господу, я оговорился.

– А оговорился ли... – прошептал Азариэль, рождая в уме домысел за домыслом.

– Тише, Азри, – слегка толкнула Аквила в бок юношу, – смотри как интересно. Тиберий, кажется, всё правильно говорит.

– А как же верное служение своему сюзерену? – в вопросе склонил голову Регент. – В нём же есть сила.

– Сила быть рабом?

Как-то жутко стало от всего происходящего Азариэлю, рука холодного страха коснулась его сердца. Он стал замечать, вычленять детали – то неофит сочинит шутку про рыцаря, то кто-то не отдаст поклон иерархам, а сейчас прямое противопоставление себя власти Ордена. Всё происходит как-то неожиданно, плавно. Его товарищи такие же верные Ордену, как и раньше, так же блюдут все его законы, но прошлое

рвание сильно опостыло. И эти выпады Тиберия стали всё острее, попахивая откровенной дерзостью и в любой другой момент его бы отсчитали по полной, но не за «Столом».

– Да это прям бал вольностей каких-то! – заявил негодуяще Регент.

– Я думаю, молодой человек, предполагал несколько иное, – со стороны входа послышался мягкий, приторный голос рыцаря, чьё тело исчезло под покровом кольчужной брони.

Азариэль видел этого рыцаря раньше и сейчас не рад его появлению, хотя этот воин – легенда. Чёрная шевелюра прекрасных волос на голове идеально сочетается с округлым лицом, обладающим приятным румянцем. Метнувшись юркой змеёй, и встав возле стены воитель, речью беззлобной и мягкой, совершив полуреверанс, пошевелил полными насыщенно-алыми устами:

– Продолжаем.

На что Тиберий вдохновенно и почтенно вскрикнул, явно ставя личность этого человека выше власти Ордена:

– Да почтенный господин Люций!

Губы Люция расплылись в улыбке, а горло выдало прекрасный мелодичный голос, а сам рыцарь стал расхаживать подле стен:

– Давайте поговорим о нечто приятном. Давайте поговорим о любви.

Лики собравшихся членов Ордена разукрасили самые

различные эмоции. От глубокого негодования, вплоть смущённой радости.

– А что о ней говорить, – с нотой угрюмости начала разговор Лиры, положив голову на ладонь. – Как мы можем говорить о том, чего нет... в Ордене, естественно.

В её словах Азариэль смог поймать странный тон обиды, как будто она питает неприязнь из-за этого правила ко всему Ордену. Изящно-голубые глаза отразили внутреннюю душевную печаль и огонь, который нашёл выход в сорванных речах:

– Нет её, а значит, нечего и говорить. Если в Ордене и возможна любовь, то равно тому, как жизнь и некромантских ритуалах.

– То есть? – возмутился Туриил.

– Как в трупe жизнь. Эффектно, но фальшиво, – неожиданно для Азариэля и собравшихся ответила Лира, вцепившись зрением на альтмере, но тут же поняла ошибку и смягчила тон. – Господин, я хотела сказать, нош великий Орден не для этого создан.

– Именно.

Азариэль, не вставая с места, сухо изложил своё виденье вопроса:

– Я не согласен. А как же братская любовь друг к другу? Разве мы все не братья и сестры?

– Но я не понимаю, почему это запрещено? – рвётся сокрытый огонь в речах Лире. – Зачем запрещать столь восхи-

тительное и великое чувство? Я понимаю, Кодекс и долгие учения паладинов капелле нам говорили, что это скверна, отравляющая разум чистого стражника Тамриэля. Но всё-таки...

– А затем, что любовь и романтические отношения – дары сангвиновы, – вклинился в разговор один Иерарх.

– Лира, поймите, так будет лучше для Ордена и Тамриэля, – оппонирует девушке Азариэль. – Это одна из основ Ордена.

– Уваж-жаемый Аз-зариэль, – голос девушки дёрнулся. – Но ведь оно позволяет стать сильнее. Вы же не будите отрицать, что это так.

– Не спорю Лира, не спорю. Но Орден... это совершенно иное. Нам отведена особая роль в решении судеб этого мира. Мы – защита для народа Империи от козней тёмных сил.

– Как можно унять, пытаться взять под контроль самые незначительные аспекты нашей жизни. Мы же не зомби, чтобы нас контролировал некромаг. Так почему же естественные порывы души должны быть контролируемы? – взволновано твердит леди, постоянно поглядывая на юношу.

– Так или иначе, Кодекс утверждает обратное, Лира.

– Кодекс... будто он знает, что лучше для людей и меров.

– Так, – шероховатой репликой вмешался Регент. – Пора прекращать этот бал вольности, а то так и до сомнений в Кодексе дойти можно. Вернёмся к политике.

– С удовольствием, – напомнил о себе Тиберий.

Глава 10. Шакал среди волчат

Спустя пару часов.

Стоит только поднять голову, чтобы увидеть всё изящество и манящую силу ночного небесного полотна, что протянулось с севера на юг с запада на восток. Нет теперь той множественности цветов, нет золота и пламени, сошедших в яростном танце, нет больше пылающего крови, в которой утопал горизонт. Есть лишь тьма, мрачная непомерная бездна, разинувшая практически чёрную пасть над головами жителей Тамриэля. Но даже сквозь темень сумрачного неба яркими отметинами раскинулись звёзды, тысячи блестящих точек золотисто-серебряной россыпью усеяли поднебесье.

У фонтана, чьим стражем стали безмолвные грифоны, копошится несколько фигур, сокрытых пеленой сумрака даже не смотря на то, что внутренний двор заполнен парящими сгустками магии, одаривающими лунным тусклым светом здешние пространства.

– А он действительно так думает? – вопрос раздался от светловолосой худой девушки, сложившей руки на груди; её платье цвета ночи, а посему сливается с мраком и лишь магический шар, левитирующий над фонтаном поливает холодным свечением её белое отточенное лицо.

– Кто он? – грубый глас сошёл с уст высокого нордлинга,

которому под одежду выдали обычный парчовый жакет да чёрные брюки, с остроносими туфлями; его ладони опустились в журчащий источник воды и наполнились влагой; движение и вода касается светлого лица, отразившись десятками осколков света, исторгаемого магическим светильником.

– Готфрид, я говорила про Тиберия. Как тебе его мысли? И в правду в них есть какая-то глубина.

– Да он чепуху какую-то молол, – бросил норд. – Как его послушать, так у нас не Империя, а царство Дагона. Орден же наш подплясывает императору в стремлении всех и вся поработить.

– Вот и я том же, – теперь в разговор вошёл и Азариэль, чьё тело скрыла шёлковая рубашка цвета, чернея ночи с такими же брюками и сапогами, только седой волос как-то выделяется сквозь пелену густого сумрака. – Он больно странный... будто не знает, что Империя хранит этот мир.

– Да у него ещё и эта больная мания! – забасил Готфрид. – Он везде видит диктат. Власть Империи – диктат, власть королей – диктат, существование церкви Девяти – диктат. Ох, – тяжело выдохнул норд, приложив ладони к лицу.

– Согласен, друг мой. Что-то нашего товарища стало не по-детски плющить. Мне кажется, что скоро он увидит и в нашем Ордене диктат.

Озвученные мысли Азариэля стали лишь небольшой частью к его размышлениям о том, что творится в Ордене. Он помнит тот день, в котором была дана его клятва кандида-

та. Тогда, в те почти беззаботные дни, Тиберий рад был служить Ордену в его защите от Тамриэля от тьмы. Азариэль со скорбью в сердце вспоминает, как его друг гордился тем, что служа Ордену сможет защитить простых, обычных людей из народа. Да, его нелюбовь к Империи была всегда, но теперь она переросла в ненависть, а любовь к людям сменилась на призывы к осуществлению эфемерных идей народовластия.

– Ребята! – радостно воскликнула девушка, явно пытаюсь развеять атмосферу возрастающей неприязни к другу. – Да ладно вам будет. Он хороший человек.

– Я не спорою, – ввязался Азариэль, – но такие мысли до добра не доводят. В своё время, когда я только совершал путь к Ордену, меня один из таких хороших людей едва не убил в лесу.

– Ка-а-ак? – в глазах девушки Азариэль разглядел тень от удивления. – Ты мне никогда не рассказывал.

– Готфрид знает, – махнул в сторону нордлинга, уткнувшего руки в пояса, парень и сокрушённо продолжил. – Меня едва не убили. Если бы не Ульфрик, меня бы растерзали. Ты понимаешь? – речь парня стала более напориста. – Ты – не глупая девочка и должна понимать, к чему приводит всякий дух бунтарства.

– Вы так говорите, потому что не были в Ложе. Если бы ты Азри там побывал, то смог бы понять Тиберия.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Мы вольны выражать свои мысли, мы вольны говорить,

что думаем до тех пор, пока не сотворим зла.

– Акви, но поступки, действия определяются мыслями. Так убийства, кражи, даэдрапоклонство, ересь или призыв нежити уже были заложены в помысел. А милостыня, благодать или исцеление больного определены хорошим умыслом.

– Но свобода мыслей говорит о том, что можно говорить всё, лишь бы это не было оскорбительно, – Аквила подошла к фонтану и слегка прильнула к перегородке ложи, сев. – Разве плохо будет, если крестьяне выразят своим господам протест из-за работы? Если укажут на ошибки господина... рыцаря или тана? А если рабочие станут свободны в своих словах к промышленникам и бюрократам?

– Эдак мысля за мыслью, если рассвободничаться, то и до свержения Императора дойти можно, – к спору вновь подключился Готфрид. – Крестьяне бросят поля и будут без продыху трындеть в тавернах, а рабочие прямо пошлют работу.

– Но как же можно без свободы искусству или книгам? Если бы не законы Империи то творить, создавать культуру, было бы намного легче и проще.

– Ага, я прям-таки представил это искусство... навозом по холсту. Вот это я понимаю, красотища. – Слово взял Готфрид, а за ним его подхватил и Азариэль:

– А как же искушения даэдра? Разве их упоминания в Империи цензурируются? Разве трупы актёров, которые впали в ереси, не подвергаются наказанию за «вольное» искусство?

Разве свобода мыслей, в мире где всюду обитают сектанты разных масти на пару с ренегатами, которые только и ждуть разорвать Империю, может существовать?

Девушка привстала с холодного мрамора и сделала шаг назад, вымолвив лишь одну реплику:

– Я думаю, что Тиберий в чём-то прав.

– Аквила... – в полушёпоте заговорил Азариэль, – ты вольная птица. Это твоя суть и я это уже заметил. Но вспомни, что мы клялись в верности Ордену, а он защищает Империю, чтобы нам не говорили. Да, Регент может нас убеждать, что ему всё равно, но если она распадётся, он понимает – Тамриэль порвёт от приступов проникновений тьмы. Еретики даэдра, поклонники тёмных сил, ревнителю чёрных культов да и просто сумасшедшие станут угрозой, с которой трудно совладать.

– В Ложе всё говорится иначе, – запротестовала девушка.

– Опять эта Ложа! Как будто в ней есть что-то святое. Как будто, – Азариэль приложил ладонь к подбородку, затянув мысль, ощутив, что он напал на нечто важное, и правая часть его лица погрузилась сию секунду во тьму, ибо магический шар потух, уступив место света мраку. – Как будто вас кто-то убедил в этом. Как же я мог не догадываться об этом!

– Азариэль, только не говори, что ты станешь ко мне хуже относиться, если мы разойдёмся с тобой во мнениях о свободе, – речь леди обернулась в тон нарастающей ожесточения.

– Акви, – едва-едва усмехнулся альтмер, – я всегда пом-

ню, как ты тогда... в босмерском селении спасла меня от вампира. Поверь я всегда приду тебе на выручку, даже если против выступят сами шестнадцать во плоти. Но прошу тебя... будь осторожнее... ты, да Готфрид, Ахмат... вы единственные, кто мне другом были до Ордена. Тиберий же... он стал далёким, его больше занимает игрушечная борьба с Империей.

– Да-а. Я постараюсь.

– Мой отец... я... я уже стал забывать те дни, но ясно помню, что ты была для него как дочь. Когда твоя мать уходила на работу ты оставалась у нас дома, и он всегда радовался тому, что у меня была подруга. Ох, Аркей, храни его душу.

– Ой, развели тут мелодраму солитьюдской коллегии, – обстановку разбавил бас Готфрида. – Лучше вспомните, как на прошлой неделе Аквила отрабатывала заклинание шаровой молнии.

– Она же извинилась, Готфрид, – с ноткой веселья в словах заговорил Азариэль, – ну подумаешь, оно оказалось очень сильным. Никто ж не умер.

– А могли. Мне и Дамиру пришлось потом собирать части брони по всему плацу.

– Прости Готфрид, я его от избыточной силы не туда направила. Меня просто развернуло! – извинительно и не унимая улыбки с тонких губ, заговорила бретонка. – Мальчики, лучше скажите, мы же всегда останемся друзьями. Ни смотря, ни на что?

– Останемся, – ответил Готфрид.

– Ни смотря, ни на что, – добавил Азариэль.

Их тёплую дружескую обстановку прервал возглас, тяжёлый пронзительный крик одного из рыцарей, который в белом стихаре идёт у кузниц Ордена:

– Вы чего забыли в такую темень?

– Простите госпожа Фрея!

Рыцарь-девушка, посвящённая в титул не знает, что ребята просто гуляют, так как обсуждение уже давно закончилось и все поспешили разойтись кто куда. Только они втроём решили прогуляться, пока стража не объявит сонный перерыв, возвестив об этом четырьмя ударами в бронзовый колокол. Азариэль знает, что это Фрея одна из тех, кто против, резко против обсуждений и «Столов», и поэтому даже не узнавала, когда и во сколько проходит, с её слов «бесовская сходка вольнодумцев».

– Давайте быстрее! Если до половины одиннадцатого не смоетесь, я вас в фонтане утоплю!

– Предлагаю идти прочь отсюда, – заговорил Готфрид и, мотнув подбородком в сторону рыцаря, проходящего в Великой Башне, иронично добавил. – Вы посмотрите на неё. Утопит ведь и не моргнёт.

– Ну что ж, раз момент расставания пришёл...

Азариэль протянул руку Готфриду и крепко зажал его ладонь в своей, свершая крепкое рукопожатие. Старую подругу он слегка приобнял и тут же она от него отпрянула, ибо

Кодекс Ордена запрещает долгие телесные контакты между парнем и девушкой, дабы «Порча Сангвинова не искусила души слугителей Ордена».

– А ты?

– А я ещё постою, Готфрид, – и втянув полную грудь свежего лёгкого воздуха, на выдохе юноша прошептал. – Хорошо мне тут.

Все разошлись – Готфрид и Аквила миновали море стриженной зелени и попали в Кельи – один на второй этаж, а вторая на первом. Только Азариэль стоял несколько минут у фонтана, внимая прекрасной музыке плескания воды и разглядывая, как древние божественные архитекторы рисовали небо подлунного мира.

Свод небес во всю усеян звёздами, не осквернённый ни единым облаком, чистый и безмятежный. Азариэль, присев на перегородку фонтана, повернул голову влево. Главная башня Цитадели гордо подпирает твердь небес острой пикой, словно споря с ним за превосходство. Она, лазурно и прекрасно переливаясь отблесками лунного диска, устремлялась ввысь, символизируя всё могущество Ордена.

Практически все в Цитадели готовились отойти ко сну. Только стража неустанно блюдёт неустанный свой долг, охраняя покой жителей цитадели.

За спиной послышался шум приближающихся шагов, сначала это было применение травы, а затем стук каблуков по брусчатке. Азариэль молниеносно обернулся и узрел широ-

кое лицо с резкими грубыми чертами лица, где на него смотрят два глубоко посаженных синих ока. Перед ним человек в примерно такой же одежде, что и альтмер, только цвет вместо выжжено-чёрного снежно-белый, как ледяные пустоши Скайрима.

– Ох, Хротгар, это ты, – усталая речь спала с губ.

– Нам пора на совет. Брат, ты сегодня обещал прийти... это ведь первый раз, когда ты спускаешься в «Оплот Ложи»? – грозно, практически в приказном тоне сказал Хротгар, взирая холодным как магический солстхеймский лёд взглядом на высокого эльфа.

– Да, пойдём, – резко поднялся с фонтана Азариэль. – Я давно хотел посмотреть, что вы там вытворяете в конце концов-то.

Они быстро, практически бегом миновали широкий внутренний двор, его половину, и прильнули к лицевой стене Келий, что обращены к фонтану. Хротгар подцепил одну из каменных плит, которыми умощено подножье казарм неофитов и с кряхтением рванул её на себя. Азариэль, по смрадной вони и «методам проникновения» понял, что это один из входов в Оплот Ложи.

– Закроешь за собой, – хладно буркнул Хротгар.

– О, Агатош, и вы тут собираетесь? В этой помойной яме.

Словесный выпад остался без ответа. Азариэль почувствовал, как они упираются в камень, стопа ощущает шероховатую и твёрдую поверхность тоннеля. И прежде чем

скрыться во мраке пещерок юноша затянул плиту из камня за собой, пару раз сплюнув от попавшей на рот каменной крошки.

Под величественной Цитаделью есть не менее огромная сеть множества ходов и пещер, образующих канализационную систему, смежную с разными холлами и ходами. Наибольшим большим пространством или пещерой стал – зал «Оплота», который некогда был просто огромной пещерой. Неофиты Ордена так называемый «Оплот» переоборудовали под свои нужды, поставив там свечи канделябрами, столы и прочую утварь, необходимую для существования их сообщества. Члены «Ложи» использовали эту залу для своих собраний, обсуждений и диспутов, рассуждая на все вольные темы, которые им вздумается.

Тут они могли говорить без рангов, ведь в Ордене, среди неофитов, существовали свои определённые звания, определённые кодексом: Староста, глава группы и два помощника главы.

Азариэль и Хротгар спустились по верёвочной лестнице, минуя ещё один проход, прошмыгнули через несколько пещер, представлявших узкие лазы.

Молодой эльф постоянно ловил перезвон немногих капель, бьющих о камень. Они шли не очень долго, больше трудностей доставляли разбитые полы пещеры, сырость и вонь нечистот, но чем больше они приближались к «Оплоту», тем сильнее в воздухе витал запах благовоний.

«Какая же тут вонь всё-таки» – подумал Азариэль и зажимая пальцами нос. – «Как они могут тут вообще собираться? Это же невозможно».

Но пройдя через недлинный сильно витиеватый лабиринт, они и пришли на собрание «Ложи», что ознаменовал резкий спад «аромата» нечистот.

– Неплохо же вы тут устроились, – Азариэль сказал так тихо, что рядом стоящий Хротгар его даже не услышал.

Повсюду горят свечи, прикреплённые везде, где только это возможно, а порой и за корпуса, вбитые в каменную породу. Стоят деревянные трухлявые столы, образующие почти замкнутый круг, за которыми обычно и сидят члены «Ложи». На столах стоят все те скудные продукты и вещи, которые удавалось нажить своей трудной жизнью неопита. В воздухе витает запах разожженных ароматов, буквально подменяя то зловоние, но действуя примерно так же. Это самые простые и дешёвые благовония, которые буквально били в ноздри своим резким запахом, если не сладким смрадом.

Оплот находится, прямо над фонтаном, что распложался наверху. Посреди залы стоит импровизированная трибуна, возвышающаяся над всеми остальными, взойдя на которую публично мог высказаться любой желающий. Но половину пространства странного оплота занимает подводное озеро, место где расположились неопиты иначе, чем обрывистым берегом не назовёшь. Вода же в озере не питьевая, ибо туда сливались нечистоты, от которых и исходил смрад, отчего

приходилось зажигать сильные благовония, что и удручает. Столько место и занято оно отходами, как бы символизируя положение неофитов, опустившихся до мелкой грызни с Орденем за его спиной.

– Какое почтение, – стеснительно прозвучала реплика, когда зашёл Азариэль, так как все члены «Ложи» тут же встали, дабы поприветствовать своего брата, который спустился сегодня к ним.

Лики, полные вдохновения и радости тошнотворной чередой уставились на юношу, и в них парень не видит крепких друзей, ибо «Оплот» медленно, но верно становится точкой расхода в идеалах. Азариэль тут же заметил, что у всех здесь присутствующих была одинаковая черта отличия на платьях, жакетах – белая ленточка, вплетённая в одежду.

– Тиберий, Велерий и Камилла, – чуть поднял руку Азариэль в приветствии, рассматривая тех из неофитов, кто поддерживал создание Ложи.

– И тебя рады видеть, – мягко поприветствовала Камилла парня, коснувшись чёрного длинного и объёмного волоса, обрамляющего полное округлое лицо, с которого смотрят широкие ореховые глаза.

Азариэль вспомнил, как началась жизнь Ложи, и при этом его кольнуло ощущение жжения в животе, от неприязни. После того, как со своими рассказами об «истинном братстве и сестринстве» часть самых рьяных неофитов пошла к главе Ордена, чтобы требовать у него создания организации, где

можно было бы быть полностью равными по статусу.

Но не неофиты впечатлили Регента, не их сладкие рассказы о свободе и единстве. Один из числа рыцарей, из самых лучших воителей, разглядел в неофитах огонь и пыл, которого не было в прежних созывах. Он принёс новые присяги и клятвы главе Ордена, что создаст из этого единства воинство достойное умом и духом славы предков. Рыцарь, конечно же, согласился и дал клятву, что свободная деятельность, воля мысли, их малая часть, ничтожная частичка, поможет сделать Орден сильнее.

«Зачем? Во имя чего ты это сделал?» – спрашивает себя Азариэль, желая найти замысел рыцаря.

Юноша поворачивает голову по дуге и видит некоторых знакомых по научному призванию, которые так же решили развивать пресловутое равенство. Если некоторая часть неофитов Ордена входила в Нижний Научный Совет», то некоторые входили в «Новую ложу», а были и те, кто присоединился к обеим организациям, считая это актом максимального просвещения.

Если Нижний Научный Совет при Академионе учит долгу, дисциплине, верности и чести, то Ложа, как ни странно старалась навязать личную свободу и равенство, полагая, что такие идеалы намного лучше древних устоев.

Секунды размышлений отступили. К Азариэлю тут же соскочив со своего места, подошёл Деметр, имперец, крупного телосложения, с чёрными короткими стриженными волосами,

хорошо разбирающийся в магии. Он положил крепкую руку ему на плечо, посмотрел пламенным взглядом янтарных очей прямо чуть ли не в душу юноше и холодно вымолвил:

– Брат, ты должен покинуть Нижний Научный Совет.

– Почему? – удивлённо спросил Азариэль, опешив от такого начала.

Хотя и Азариэль состоит в Совете, он не чтит его идеалов и не разделял идей Глориана, главы самого совета, да и в «Ложе», что собиралась в своём «оплоте», он только сейчас появился, желая всё контролировать лично, а до этого слышал только от друзей об этом собрании.

– Деметр, не так ультимативно, – искривив губы в эфемерной улыбке, высказал Тиберий.

– Ладно, простите меня, – извинился Деметр.

– Так почему, я должен оставить Совет? – Так же удивлённо, как и прежде, спросил юноша.

– Брат, я понимаю: наука, беседы и всё такое, но мы замыслили такое, что тебе потребуется уйти из «научного совета», если ты хочешь с нами, – без лишних эмоций выложил Хротгар.

– Мне это не нравится, – обеспокоено вымолвил Азариэль, ибо задумка Хртогдара его сильно настораживала.

– А тебе и не должно это нравиться, главное, что это нужно, – жёстко сказала вставшая из-за стола девушка.

«Это Понтия» – мрачно в мыслях отметил юноша. Девушка – имперка, с короткой стрижкой и худощавым телосло-

жением, чьей одеждой стало облегающее бежевое платье. Азариэль даже вспомнил, как Понтия иерарху лично в лицо посмела дерзнуть, что их внутренняя свобода подавляется в Ордене, за что он её отправил отходники чистить. И у неё даже были большие споры с профессорами на устройство Ордена, что закончилось первым и последним выговором в её сторону.

– Ты садись и лучше послушай нас, может, чего интересного узнаешь, – на этот раз из горла Хротгара донеслись со словами и нотки гнева.

– Я не понимаю, – развёл руками Азариэль, – эта «Новая Ложа» создавался для свободного разговора, для того что бы мы могли свободно делиться своими мыслями. Я думал, мы братья и сёстры по Ордену, думал, то, что мне не будут с ультиматумом заявлять перенять свои мысли, у нас здесь не совет старейшин, что бы мы друг друга грызли за идеи. – С еле скрываемым отчаянием высказался дрожащим голосом Азариэль.

Ответом стал мягкий женский голос:

– Тебе никто не заставляет перенимать чужие мысли, мы все здесь можем спокойно делиться друг с другом мыслями, мы здесь не занимаемся грызнёй, как ты выразился, тебе просто предлагают сесть и послушать, что тебе скажут, – спокойно произнесла Камилла.

– Ладно, так уж и быть, я послушаю вашу идею, – успокоился юноша и занял своё место, присев аккуратно на старый

трухлявый стул. – Только постарайтесь недолго.

– Брат Люций, предоставь нам, пожалуйста, свои мысли, касаемые Ордена, – воззвал Хротгар.

– Хорошо, мои малые братья и сёстры, – приторно, подобно сладкому льстецу сказал рыцарь, вышедши, из тени.

Люций вышел, что подобно грому среди ясного неба для Азариэля, ибо он вынырнул словно из тени, из подпространства. Азариэль мог поклясться, что не видел его. Всеми почитаемый рыцарь Ордена, один из наставников группы неофитов, не превзойдённый мечник и мастер клинка. Азариэль едва склонил голову в почтении перед таким воителем. Человек великой славы, выполнивший неисчислимое количество миссий, порой очень опасных и рискованных заданий, способных унести жизни не одному десятку воинов разом. Среди всех его подвигов яркой звездой выделялось несколько, что своим светом героизма буквально затмевали остальные. Он в одиночку штурмовал крепость колдунов в горах Джерол и вернул её имперскому легиону. Среди его жертв был один из безымянных жрецов давно ушедшего во мрак истории Драконьего Культа, что овеян мифами и легендами из давно минувших времен. Этот рыцарь один вырезал целый старый город еретиков, что располагался в двумерских развалинах, укутанных в пепел Вварденфелла.

– Не нужно, брат мой, – подняв ладонь и прервав поклон. – Мы равны тут все.

– Но вы – Люций. Вы человек, достойный уважения, –

сколько бы Азарияэль не питал отторжения к рыцарю, он чтит его, уважает за множество подвигов.

Лицо Люция – выражение аристократического благородства, его подвиги принесли мир и покой тысячам жителям Империи, а каждый его поход – подтверждение силы и могущества Ордена. Сам Регент называл его «сиятельной звездой Ордена».

Но один из его подвигов выделяется среди остальных, став легендарным во всём Ордене и воплощением его мастерства. Люций с группой паладинов численностью пять человек перешли из Скайрима в Сиродил, и их заданием было добыть старые костные чётки одного некроманта, способные делать силу мага настолько, что он был способен поднять десятки мертвецов и кинуть их бой. Они хранились в укрепленном старом форте, полном нежити, которая верой и правдой охраняла своего давно мертвого, но воскресшего хозяина. Но Орден был не единственный, кто следил за этим артефактом, ибо это было идеальное оружие для бандитов, что могли с помощью чёток разорять целые деревни. Паладины отправились в Сиродил за перчатками, а Люций встал в Проходе, подготовившись к его обороне. И несколько часов подряд верой, сталью и магией он судил все группировки бандитов южного Скайрима, что отправились в погоню. Он клинком лично обезглавил четверых главарей и сорок отступников из имперского легиона. В вихре стали, огня, ветра и массивов магии он вертелся подобно змее, уходя ударами и тут

же разя неисчислимых противников. И когда на место вернулись паладины, они застали Белый Проход, в буквальном смысле слова залитый кровью и усыпанный трупами бандитов. В воздухе витал смрад сожженных магическим огнём тел. Паладины последней атакой, присоединившись к обессилившему Люцию, отбросили оставшихся бандитов обратно в Скайрим. И перед ними предстал их боевой брат, еле стоявший на ногах, в потрёпанных доспехах, но целых, и окровавленным клинком. И именно после этой битвы ему было сделано предложение стать паладином, но на удивление всех он отказался от славного титула.

И сейчас почитаемей даже среди паладинов лучший рыцарь, участник неисчислимого количества битв, лучший мечник Орден, стоит среди неоперившихся неопитов и направляет их интересы... только в чью пользу? Ордена или свои? Это волк среди щенят, что в глазах Азариэля становится... шакалом.

Люций аккуратно пошёл на трибуну, мягко, практически не слышимо ступая по каменному полу. На нём покачивается чёрный плащ, с капюшоном, скрывавший истинные очертания тела, но когда он его скинул, на нём оказалась прекрасной работы броня. Пурпурно-золотая отделка пластинчатого доспеха игриво переливается цветами под свечами. На его груди ярко блестела золотая эмблема Ордена – геральдическое солнце, служащее маяком для души, а сапоги с высоким щитком, закрыв колени, обитые странным желтоватым ме-

таллом, как и перчатки. Такое ощущение, что это двумерит.

Он неспешно пошёл в сторону высокой кафедры, установленной на одном из столов, размеренно покачивая конечностями. Все вокруг него молчали, никто не смеет разинуть рта или обеспокоенно вздохнуть, раздавался только звук его шагов, который эхом разносился в пещере.

Рыцарь взобрался к трибуне и положил руки на неё – нашёл удобное место для них. И стал так говорить, что его голос стал текуч и прекрасен, словно захватывающее журчание, манящие звуковой калибровкой, явившейся будто из мира иллюзорного, потустороннего:

– Мои дорогие братья и сёстры, сегодня в нашем «Оплоте», здесь, мы собрались для решения важного вопроса, вопроса который требует немедленного разрешения. Вопросы, который должен быть разрешён немедленно. Один из наших братьев, состоит в Нижнем Научном Совете.

– Почему это проблема? Ведь мы не вольны выбирать, где состоять? – послышался голос из-за стола.

– Тише, я же не договорил, – сошёл на мягкость Люций. – Я продолжу. Дело в том, что Нижний Научный Совет попирает идеалы нашей «ложи». Там царствует самодурство и тирания, безделье и прохендейство. Тебе, брат Азариэль, следует уйти из этой выгребной ямы. Я даже буду просить «совет», чтобы его закрыли.

– Ложь! Наглая ложь! – Взревел Глориан. – Вы смеее противиться воле Академиона? Да я на вас доклад составлю!

Азариэль бросил взгляд чуть правее Люция, который стоял у кафедры прямо напротив него. Там он увидел, молодого бретонца, выдающимся просто абсолютным фанатом собственных идей, не способным воспринимать любую критику. Альтмер с неприязнью отметил, что он не раз отличался своими способностями портить отношение со сверстниками, из-за пристрастия к собственным идеям.

– Что вы можете знать, – продолжал Глориан. – О том, чем мы там занимаемся? – Заключил он, с явным недовольством. – Это – сугубое дело Академиона и вам не следует вмешиваться в его священную работу.

– Я – рыцарь Ордена и ничего не имею против Академиона, брат Глориан. Мне даже нравится работать с магами и учёными, только вот Научный Совет к Академиону не имеет никакого отношения. Это всеорденский проект. Я не вижу в нём пользы. – Подняв левую руку и свершив ей краткий жест указа в сторону Азариэля, Люций мягко продолжил. – Мы просто считаем, что такой парень, как Азариэль, с его способностями и рвением, должен быть здесь и посвятить время Ложе.

– Вы – ничего не знаете.

– Зачем нам что-то знать. Мы видим результаты вашей деятельности, а точнее полное их отсутствие, – коварно улыбаясь заявил Люций. – Я хоть и рыцарь, но спокойно тебе заявляю, что никто не видит целесообразности в вашей... деятельности. В том числе и наши братья и сёстры в Академионе.

– Вам и невдомёк, чем мы там занимаемся, вы всего лишь кучка собравшихся свободолюбцев, – речь Глориана наполнена пылающим гневом, а сам юноша едва привстал.

– Помолчи щенок, ты сейчас говоришь с рыцарем. Хоть среди нас и нет званий, ты соблюдай уважение, коли же сюда пришёл, – Люций подался вперёд, угрожающе нависая над кафедрой.

– Вот оно ваше равенство, – напыщенно заявил Глориан. – Я больше не намерен выслушивать эту демагогию.

«Ненадолго его хватило» – ехидно помыслил Азариэль.

После слов, Глориан встал из-за стола и направился к выходу, его ни кто не останавливал или выговаривал ему упрёков, ибо он фанатик идей, и никто кроме него самого их не разделяет. Никому не были интересны идеи полного контроля над всей деятельностью членов учебной организации и отсутствия любой информации о деятельности главы этого «совета», словно он местный князёк. После того как он вышел, все вернулись к прежнему разговору, позабыв о напыщенном индюке.

Люций вышел из-за трибуны, взял с собой странную книгу и пошёл по направлению к Азариэлю, отчего юноше стало не по себе.

– Не беспокойся, брат наш. Меня не нужно страшиться, – поняв беспокойство юноши, лаской попытался его обольстить воин. – Твоё удивление, это чувство... в тебе зажигается свет истин новых, в которые не каждый может быть

посвящён.

Безупречность его доспехов просто поражала, даже под обычными свечами они ярко переливались цветами. Люций наполнен решительностью, доказывать свою точку зрения и вот безупречный рыцарь подошёл к неофиту, положил руку на плечо и змеино-ласково прошептал:

– Брат, теперь ты видишь, почему ты должен быть с нами, в том «научном совете» сидят «велеречивые» свиньи, занятые только своими идеями.

– Ты ведь помнишь, как ты на днях поссорился с Глорианом, ты ведь поссорился с ним из-за идей, связанных с «нижним советом»? – спросила одна девушка, сидя за столом.

И действительно, Азариэль помнил как он на днях, жутко поругался с Глорианом, по поводу воззрений, связанных с «научным советом». И как бы Азариэль не доказывал свою точку зрения, Глориан ни за что её не принимал, что привело к ссоре, которую пресекли профессора.

– Я...я не знаю, – растерялся юноша, не зная, что ему ответить и сколько придётся разводить театральщину волнений и переживаний.

Тут, из-за стола встаёт девушка. Лёгкость и изящность её движений поражает, она столь легка и воздушна в своих движениях, что завораживает взгляды, будто бы ветер материализовался в человеке и идёт мимо. Её карие глаза манят глубоким сиянием, как яркий и светящийся топаз. Мягкие и прекрасные волосы девушки спокойно развиваются, что

придаёт ей ещё больше воздушности. Её прекрасная фигура и мраморная кожа могли приковать взгляд на несколько минут необычной аристократичностью и бледной благородностью.

– Да Камилла, – прошипел Люций. – Что ты хотела мне сказать?

Она подошла к Люцию и ласково шепнула ему, что-то на ухо, её слабый голос прошёл лёгким шумом возле ушей юноши.

Люций её внимательно послушал, мягко и буквально с сожалением взглянув, на Азариэля сказал:

– Брат, для тебя печальные новости, когда после вашего философского обсуждения вы ушли, Глориан пожаловался в Верхний Научный Совет. Он сказал, что от тебя нет пользы, что ты не разделяешь идеалов Ордена. И теперь тебя хотят исключить из «нижнего совета», и вынести этот вопрос на всеобщее на обсуждение, – Азариэль ощутил печаль в речи Люция, но так же и на подсознательном уровне ощутил фальшь в его речах.

«Совет», которым Азариэль занимался с начала своей службы в Ордене и в который он вложил частицу души, в котором юноша провёл необозримое количество часов собирается выкинуть его как половую тряпку. Хотя Азариэль понимает, что ценность слов товарищей потеряна, что его могут обмануть. Что он сейчас увидел, больше напоминает плохо поставленный карнавал, где вокруг него пляшут, как возле

деревца. Негодование и неприязнь от присутствия здесь Азариэль еле как скрывает, оттого и выглядит подавленно.

– «Верхний научный совет» предал нашего брата! Они прислушались к словам, какого-то выскочки, который не способен прислушиваться к чужому мнению! – яростно обозначил несправедливость Тиберий.

– И всё же, – продолжает сомневаться Азариэль, отстранённо поглядывая на каменистую залу и желая поскорее уйти отсюда.

Люций нахмурился и пустил в ход последнюю карту убеждения, которая как ему кажется, должна сыграть. Он размашисто повернулся и куда-то в тёмные, не занятые тусклым светлом, места, сказал:

– Может, ты попробуешь его убедить.

Из тени, сочившейся сквозь сталактиты, сталагмиты и толстые сталагматы, образующие небольшой лесок каменистых наростов, шагнула девушка, столь знакомая парню.

– Азариэль, – налитые жизнью губы разошлись в улыбке. – Как же я рада, что ты пришёл в Ложу.

– Лира? – не выказывая стойкого удивления, спросил юноша. – Это ты?

– Да, это я, – «сестра» по Ордену уверенно шагает к Азариэлю, но слова всё же выдают волнение прекрасной особы. – По-поверь, Ложа действительно никому не желает зла.

– И что же Ложа тебе пообещала? Что она тебе дала такого, что ты примкнула к ней?

– Ничего, – Лира максимально близко приблизилась к юноше, и они оказались нос к носу; от такой близости у Азариэля бешено забилося сердце, а ладони и спина моментально взмокли, отчего юноша ощутил себя страшно неловко; встретились глаза в глаза. – Я всего лишь хочу свободного обсуждения, как и все здесь. Вспомни, как меня прервали на вашем собрании.

– По-моему, ты не этого хочешь.

– Дд-аа в-всё ра-равно, – продолжая напирать, робко и срываясь на дрожь заикание, говорит Лира. – Просто покинь «Совет». Он тебя н-не дос-достоин.

– И что же, – попытался сделать назад шаг Азариэль, но его пяткой он почувствовал кусок сталагмита и остановился, дабы не упасть, – ты будешь тут делать?

– Не уходи о-от темы. Л-ложка предлагает намного б-больше, че-чем ты м-можешь представить.

На секунду юноша задумался, как может использовать эту ситуацию. Его посетила мысль, идея, как можно поубавить пыл Леры к себе. Он хоть и уважает эту голубоглазую брюнетку, но заветы Ордена чтит больше. Ему, высшему эльфу, непонятны эмоции девушки, хотя он понимает, что два года общения только сблизили их на немного, вскармливали её эмоции. Он знает, что со временем это пройдёт и превратится в источник смешных историй, но всё-таки его одолевает желание привести дух и плоть в порядок как можно быстрее.

– Я покину «Совет», – заявил Азариэль, припав к уху де-

вушки. – Но только если мы будем только друзьями. И не более того.

– Азариэль, откуда...

– Это видно, Лира, – юноша не испытывает и толики радости от того, что ему приходится возвращать леди к догмам Ордена. – Два года было видно.

– Азариэль, умоляю тебя, не так, – глаза девушки блеснули от боли в груди, голову вскружило.

– Лира, – Азариэль коснулся печального лица и максимально аккуратно утёр слезу, пока она не расчертила бледную кожу чёрной дорожкой мокрой туши. – Я это делаю ради тебя и только тебя. Люций много тебе обещал, очень, но в его силе и власти исполнить обещанное.

– Но...

Азариэль удивлён до глубины души и не может найти ответа, почему Лира только сейчас решилась попытаться заявить Азариэлю о терзаниях внутри, хоть так неумело и наивно.

– Орден обрекает нас на эту жертву, – говорит твёрдо юноша.

Губы девушки распахнулись и в безумном стремлении помутнённого рассудка прошептали первое, что пришло на ум:

– Империя...

– Император обрекает.

Лира отступила и сдержала порыв эмоционального штурма, терзавший разгорячённую душу. К счастью она отнес-

лась со всей серьёзностью к правилам Ордена и обстановке, в которую попала. «Главное перетерпеть» – так она говорила себе два года, так говорит и сейчас. Её невысокий каблук застучал по всей пещере, рассеивая неловкое молчание.

Азариэль несколько секунд собирался с мыслями, примирившись с мнимым предательством, делая вид расстройства, которое нельзя было ни ожидать, ни готовиться к нему. Он посмотрел на Лиру, которая всё так же замороженно на него взирала и мысленно кивает ему. И вспомнив скудные знания в театральной постановке, юноша обратился:

– Братья, сёстры сегодня я с вами. Я добровольно покину «нижний научный совет». – Подавленно, делая вид сомнения в своих словах, твердил Азариэль, ибо его давило чувство, что этого говорить не следовало, но он по чьей-то воле всё-таки произнёс это.

После этих слов, Азариэля ещё долго гложет мнимое разочарование, боль за предательство, ведь ему ещё завтра идти в Верхний Научный Совет и говорить им о своём решении, которое далось ему крайне непросто. Именно он это и пытается показать перед собравшимися, вводя в заблуждение весь сброд.

«Ну, отвяжитесь же вы уже от меня» – бурная мысль коснулась рассудка Азариэля.

В зале раздались восторженные голоса и крики, все яро приветствовали это, как присутствующим казалось, правильное решение. Люций с взглядом победителя убрал ру-

ку с плеча юноши и сказал, прошептал полуголосом, только: «Правильный выбор».

Многие сели и начали, есть, и говорить на различные темы, которые только придут в голову. Кто-то говорил на тему жизни в Ордене, кто-то брал темы более высокие, кто-то твердил на темы более личные. Люций же с Камиллой довольно ушёл обратно в тень.

Его никто не заметил, кроме Лиры. Про Азариэля все запомнили, словно он выполнил миссию, ради которой его звали, а теперь о нём можно и забыть, только Лира до последнего смотрела за ним, пока он не уйдёт. Это видно и Азариэль почувствовал фальш во всех действиях Ложи. Альтмер же со всеми быстро и спешно попрощался и отправился в Келью, чтобы больше не видеть тех, кто здесь присутствует.

– Как он нам так быстро поверил? – тем временем Камилла задала вопрос Люцию, который всё продолжает стоять у кафедры и с восхищением взирать на пещерную широкую залу, полную ребят.

– Его было легко обмануть, ибо те силы, которые за мною стоят и стремятся к изменениям, способны больше, чем на иное, – с гордостью и напыщенностью вымолвил рыцарь.

– А зачем он нам вообще нужен?

– Ох, Камилла, – будто с пренебрежением взирая на девушку, как на жертвенную козу, заговорил рыцарь. – Я спасаю его душу от прозябания в невежестве. Сам Регент мне поручил привести нашу Ложу к высшим результатам. А для

этого я призову всех, кого необходимо.

За пеленой ласкового взгляда Люция никто не увидел змеино-го взира, который стал олицетворением его души. На миг, на совершенно одну секунду его глаза вспыхнули нечистым, чёрным пламенем, заполнив тьмой всё око от века до века. На момент его взор превратился в чёрно-гранатовый отблеск, прежде чем стать нормальным, но никто этого не заметил, поскольку всех поглотила идея лживой свободы, истинного бунтарства, ради которой они собрались.

Глава 11. Глашатай Ложи

Спустя два дня. Тренировочный плац.

Солнце, яркое палящее светило взгромоздилось на пьедестал небес, беспрестанно поливая светом Тамриэль. Солнечный диск единственный на лазурном холсте небесной тверди, нет ни единого белоснежного облачка или тучки. До самого горизонта всё чисто и безмятежно, что обрадует всякого любителя хорошей погоды. Всех, кроме тех, кто вынужден сейчас с полной отдачей сил посвящать себя таинствам боевого искусства, преодолевая жару.

– Запомните будущие братья и сёстры, – раздался холодный низкий мужской голос, – вы можете быть плохими чародеями, но стать хорошими воителями есть ваша святая обязанность!

Азариэль выполнил удар – его меч рассёк деревянную «плоть» манекена на лице, отрабатывая один из приёмов. Он не видит наставника сегодняшней тренировки. Рослый широкоплечий воитель, одна из легенд Ордена, укутанный в небесно-голубой стихарь, ходит среди неофитов и наставляет их на верное исполнение упражнений. Его грубый низкий голос наполнен одухотворённостью и силой, а каждое слово подобно молитвенному призыванию.

– Вы – будущее Ордена, вы его сила и мудрость, а клинок не только продолжение вашей руки. Если магия – это сущность души, её продолжение, то клинок есть устремление вашей воли, ваших идеалов!

Рука альтмера взметнулась и ударила, снова и снова, отрабатывая движение до автоматизма. Каждый его выпад, каждый финт или взмах мечом должен быть чётким, как у двимерских автоматов. А поэтому он выполнит всё, чтобы изгнать из плоти слабость и продолжить тренироваться.

– Отриньте усталость, юные воины, отриньте слабость тела вашего и бейтесь, так же как и бились со злом.

Тут так жарко, что Азариэль облился потом. По его желтоватому лицу бегут ручьи влаги, а рубашка под кожаным панцирем полностью вымокла. Его нос ощущает запахи пота, несущиеся отовсюду. Его окружает ещё шесть десятков братьев и сестёр, которые отрабатывают такое же упражнение, что и он, а они вымокли, так же как и он.

– Выбросьте из разума своего все мысли и бранные вос-

поминания, что помешают вам, как и сейчас, так и на тренировке! Будьте сильны ментально, что бы твари из планов тёмного зла не могли вас сломить! Соберитесь!

Мысли юноши направлены только на бой. Он сосредоточен и его отточенное длинное лицо выражает полную собранность на том задании, которое было дано. Его больше не беспокоят мысли, изъедавшие утром. Ложа... научный совет... Люций – всё это осталось в пределах Келий, когда он покидал их. Сейчас ему нет дела до вчерашнего цирка, истинного театра, который развернул спесивый рыцарь, затеявший незнамо что. Самый лучший, самый опытный и искусный он зачем-то взял опеку над вольнодумными неофицитами Ордена. Но нет сейчас этому месту в голове Азариэля, и его меч снова устремляется к манекену, оставляя на нём хорошую царапину.

– Орден – ваша семья, Орден – ваша слава, Орден – ваш дом. Так сделайте всё на поле брани, чтобы прославить свою семью и дом!

«Семья... Орден...» – печальной вереницей слов вспыхнула мысль в голове юноши. Он не может понять, что происходит с его друзьями – одних тянет в Ложу, другие остаются верными научному свету при Академионе, а третьи просто наблюдают за всем этим, оставаясь безучастными.

– Вам пять минут на отдых!

Радость, ощущение счастья коснулась Азариэля. Его мышцы напряжены до предела, ноги идут еле как, вздымая

клубы песка кожаными подошвам. Голова вот-вот лопнет от напряжения и перегрева адским ярким солнцем.

– Азри, – волнительно, с дрожью в голосе к юноше обратилась золотоволосая девушка, в такой же броне, что и он. – Ты как? Ты совсем какой-то мрачный.

– Да ты посмотри, – рукой Азариэль обвёл всю площадку – огромная расчищенная местность посреди плаца, на которой установлены манекены для тренировок, по которой шагают от усталости неофиты. – Да как уж тут быть в норме? Как тут... фу-у-у-ух, – на тяжёлый выдох сорвался парень, – что-то я подустал.

– Секундочку, – правая ладонь девушки увенчалась морозным маленьким вихрем, белоснежно-воздушными потоками увенчавший её руки, а левую конечность объяло солнечное тёплое не обжигающее пламя. – Вот, сейчас тебе станет лучше. – оба заклинания Аквила применила на юноше, одновременно его обдал лёгкий холодок словно он попал на зимнее поле, а тёплый свет магии исторгнул из него усталость вместе с головной болью.

– Спасибо... спасибо тебе. – Покачал головой Азариэль и вдохнул во всю, набирая в грудь воздух, и чувствуя, как его по его лёгкие раскалились от горячих раскалённых масс. – Ты делаешь успехи в магии. Уже два заклинания одним разом. Ты будешь хорошим магом.

– Спасибо Азри. Кстати, слышала, что ты вчера был в Оплоте Ложи. Это так?

Азариэль заглянув в сапфировые, глубокие голубые очи девушки, услышав тон вопроса, его силу и напористость понял, что она от него желает.

– Да, Акви. Я вчера там побывал.

– И как? Ты понял, что с нами намного лучше?

– Нет... нет. – Твёрдо заключил Азариэль.

– Почему? Там же так хорошо, так задушевно и чудесно.

Почему тебе не понравилось?

– Акви, – осторожно заговорил Азариэль, не желая портить отношения со старой подругой. – Не понравилось, потому что это не моё. Это ты можешь говорить обо всём, что нравится. Это ты кипишь желанием что-то изменить или принести новое. Во мне этого нет.

– Седой! – прозвучало на половину площадки воззвание от крупного тёмного эльфа, с широким полным лицом и огненными глазами.

– Да, Нерелот?

– Скажи, вот что у тебя стало с головой, птичка ты наша?

– Тебе ли есть дело? – за Азариэля вступилась Аквила. –

Лучше на себя посмотри, гуар недоделанный.

– Послушай, бретонка, тебе бы лучше замолчать. Собака даггерфольская!

– Вот Нерелот, сколько тебя знаю, – Азариэль сделал осторожный шаг назад, – а ты всё такое же задирчивое хамло. Тебе не хватило в прошлый раз поучений от рыцарей? Так ты их получишь от меня, в самой доступной форме! – заступил-

ся Азариэль за Аквилу, встав перед ней и загоротив спиной.

– Ох-ох! У нас тут завёлся смельчак. Может, ты помнишь, как я тебя едва не отделал? Повторить?

– Так закончи дело!

Азариэль помнит, из-за чего началась их короткая вражда. Ведь это должны были поставить Нерелота в операцию по добыче кольца, а не Азариэля, но мастер Туриил решил иначе. И теперь из-за этого высокомерный данмер не даёт ему житья из-за уязвлённой гордости, считая, что Азариэль отобрал у него почётную славу добыть свой первый артефакт.

Альтмер уже встал в боевую стойку и тёмный эльф приблизился на расстояние удара, так близко, что хорошо просматривается старая ссадина над правой бровью данмера, но грядущую драку оборвал резкий возглас:

– Прекратить это безобразие!

Азариэль ощутил, как напряжение перед неминуемой дракой отступило, сменяясь на щекотливое чувство впереди. В его планы на сегодня не входило драться, но и говорить с паладином о дисциплине тоже нет желания.

Между ними встал высокий, подтянутый и широкоплечий нордлинг. Азариэль, несмотря на свой двухметровый рост опирается в шею носом могучему воителю с грубым чуть загорелым трапецевидным лицом.

– Прошу простить, господин паладин, – в один голос извинились парни.

– Соблюдайте чистоту рассудка и будьте осторожны во

фразах. Вы – семья, вы братья, а поэтому держите гнев в себе, иначе он вас сгубит, – на мгновение паладин загадочно примолк. – Само собой вы получите в наказание наряд по кухням вне очереди, в добавку к ментальному истязанию. Но ждать здесь...

После этих слов воин развернулся и пошёл куда-то в сторону ряда сундуков, стоявших небольшой изгородью у края площадки для боёв.

– Я тебя ещё достану, – гневно кинул данмер и только собирался уйти, как пространство наполнил иной, другой голос, мягкий и ласковый, но по мужскому крепкий:

– Тише-тише, мои юные братья и сёстры! – речь послышалась откуда-то сзади из-за кольца неофитов, собравшихся посмотреть на драку двух знакомых.

В середину импровизированного круга вышел человек, чей волос, чёрная шевелюра слабо покачивается при каждом шаге. Плоть воителя надёжно защищена толстым кольчужным доспехом, на который ложится белоснежное полотно ткани с вышитым на нём солнцем.

«Как же ты ещё не скончался от солнца» – раскинул мыслями Азариэль и тут же вспомнил, что под кольчужгой дополнительно фуфайка, но сей мгновение его посетил иной вопрос – «А зачем тебе два комплекта брони?».

– Господин Люций, – почтенно обратился к человеку, с ростом которого, юноша.

Приклонившись к альтмеру, к его уху, воин положил на

него ладонь тихо и томно прошептал:

– Ложа тебе поможет. Доверься.

После сказанного Люций протянул руку в сторону задирчатого данмера и мягко заговорил:

– Скажи, Нерелот, что тебе так не понравилось во всём этом? Разве тебе не хватает крови в битвах? Разве ты не выпускаешь пыл свой в поединках? К чему тебе ещё одна драка?

– Я не люблю выскочек, господин, – грозно дал ответ Нерелот.

– Ах, – худые губы Люция увенчала коварная улыбка, а голова чуть пригнулась. – Ты всё о том... Тогда ладно, я предлагаю тебе успокоится и принять – момент твоего подвига грядёт. А теперь не будь выскочкой среди неофитов.

– Как в поганой Ложе? Не высовываться? – речь Нерелота запылала гневом. – Я слышал, что она проповедует долбанное равенство независимо от всего. Это же бред!

– А ты приходи к ней на собрание и узнаешь, что именно там происходит, а потом расскажешь. – Азариэль заметил в словах Люция какой-то яд, странную и убийственную ласку. – Ложа это один из проектов Регента, который должен объединить Орден. Сделать сильнее. Пока членство в ней – необязательно, но поверь, сам Регент скоро заметит её... плоды... понимание и мир, истинное братство и сестренство... а не гильдейство.

– Господин Люций!

– Да, мастер Арнольд, – Люций чуть поклонился паладину, который вошёл в импровизированный круг, брэнча железным цельным панцирем, покрывшим его грудь и живот поверх стихаря.

– Оставьте нравоучения мне, – и демонстративно оттолкнув рыцаря, паладин указал на Азариэля и Нерелота, грозно выпалив. – В стойку! Если хотите драться, я вам это устрою.

– Без деревянных мечей? – удивился Азариэль.

– Обещаю, я вас не покалечу, – обнадёжил Арнольд.

Все мгновенно разошлись и только данмер и альтмер остались на площадке, заставленной манекенами. Азариэль только успел вознести меч, как паладин атаковал и оставалось только отпрыгнуть назад. Головой он ощутил как впечатался в один из манекенов, но времени разглядывать это нет. Юноша метнулся вперёд, но попал только в пустоту, паладин ушёл в сторону. Нерелот пытается ударить, но Арнольд отбивает выпад и ногой бьёт у колена данмера. Тёмный эльф подкосился, но внимание паладина на себя приковал Азариэль, неуклюже ударивший и рассёкший воздух, а Арнольд сделал шаг назад, пропуская острие у носа, и с лязгом блокирует выпад данмера, мгновенно переходя в наступление. Ещё шаг и паладин перехватывает правую руку Нерелота в замахе и с силой бьёт его кулаком в щёку, поваливая на землю. Азариэль выстоял не дольше – его удар отбили, а затем моментально пришёл сокрушительный шлепок, оплеуха по уху и юноша, ощутив, как его голова разрывается от гула и

боли рухнул на пыльную землю.

– Ну как, драться ещё есть желание? – хладно пробурчал Арнольд, смотря на то как неофиты медленно и тяжело поднимаются, а данмер ещё и нащупывает распухшую щёку.

– Ох, Арнольд, вы горазды только биться с неофитом, чтобы выбить из него пыл? – выступает Люций вперёд, похлопывая в ладоши. – Так может, мы вдвоём покажем, как сражаются истинные рыцари?

– А ты со своей Ложей не размяк, чтобы биться? – нежданно паладин выказал недовольство собратом, что моментально приковало внимание неофитов. – А то носишься ты с ней, как грифон с яйцами. Стал от миссий отказываться, мотивируя тем, что тебе нужно заниматься проектом Регента. Вон, даже вчера не стал помогать Архирису в очищении форта от скверны. О Акатош, что с тобой происходит, брат?

– Со мной всё в порядке, брат, – спокойно ответил Люций. – Я просто занимаюсь заданием и всё.

– Оно тебя губит. Ты не бережёшь душу, увлекаясь мелочным, бранным и жалким. Регент скоро поймёт, что это пустая затея. Брат, вразумись.

– Ложа... она не так жалка, как ты думаешь, брат. Она, её сущность нужна Ордену, чтобы скрепить узы братства и сестринства. Может, тебе напомнить историю? Может, вспомнишь, что нам говорил Регент, и что едва не привело нас, – Люций умно замолчал, смакуя прикованные взгляды шести десятков неофитов, чем привлёк максимальное вни-

мание не к тому, что было сказано, а к тому, что было не произнесено.

– Тише, брат, нам не нужно это. Как и твоя Ложа. Она пятое колесо в телеге.

– Разве ты не хочешь, что бы Орден жил, – мягко надавил Люций, заведя руки за спину. – Разве ты не слуга Ордена?

– Я – паладин, я готов служить Ордену до гроба и после, если на то будет воля богов. Перед моими глазами открывался такой ад, что им неведом, – паладин обвёл ребят острием меча. – Они должны в первую очередь чтить Орден, Кодекс и веру, чтобы не впасть в ересь или сломиться.

– Брат, пойми, Ложа может спасти Орден и продлить его жизнь на долгие-долгие годы. И она может это сделать.

«Он что его специально злит?» – задался вопросом Азариэль, – «Зачем ему выставить свою Ложу как защиту для нуждающихся. К чему ему это бахвальство о Ложе? Боги, к чему же катится наша жизнь в Ордене?» – вопросом, переполненным беспокойством, задался парень, с волнением наблюдая за спором.

– Что ж, – паладин встал в боевую стойку, – раз ты хочешь показать спарринг, достойный рыцаря, я тебе не откажу.

– Братья и сестры, – будто глашатай обратился ко всем Люций и вознёс две руки к небу, объятые мрачно-синим светом, льющим из центра ладоней. – Смотрите на нас и помните, если вы ищете утешения и понимания... Ложа вам поможет.

Паладин атаковал без предупреждения, Люций только успел схватиться за рукоять двуручного меча, сотканного из эфемерных тканей чужой реальности. Рыцарь оттолкнул паладина ногой, но был вынужден уйти от выпада полуторного простенького меча. Сверкнув в пространстве очертаниями мечей из кузниц Дагона, оружие Люция юркой змеёй метнулось к паладину, но рассекло пустое место.

– Арггх! – прорывав, сплюнул паладин и, выполнив кувырок, сбоку зашёл на Люция, желая рассечь его кольчугу по правую сторону, и только стоило его мечу устремиться к вражьей броне, как противник моментально ушёл вперёд и широко замахнулся.

Арнольд знал, что удар таким мечом ему не отбить, а поэтому ушёл назад, открывая широкое пространство. Люций привёл оружие в привычное положение и отбросил его в сторону, дав очертаниям большого меча, его нереальной материи исчезнуть. В его руках оказался короткий имперский гладиус и скайримский кинжал из тёмно-золотистого двимерского металла.

– Ты как брат, ещё не устал?! – проведя долем клинка у носа, мрачно спросил Арнольд.

– Ничего страшного... в Ложе отдохну.

Люций прыгнул неожиданно, только пыль на песке поднялась. Его скорость и сила таковы, что кажется будто он сейчас убьёт Арнольда за идею Ложи, отчего некоторым ребятам становилось не по себе.

Паладин встретил врага лицом к лицу, свершив широкую дугу, но Люций подсел и следующий удар блокировал кинжалом, удерживая руку с мечом. Широкий взмах гладиусом был обречён – острое в миллиметрах пронеслось у железного нагрудника, и Арнольд воспользовался моментом; он дождался блока, и с силой оттолкнул Люция в сторону, ударив его ногой по спине.

В ответ Люций только вытянулся, встав ровно, снова готовясь к атаке. Его было не остановить, ибо душа воина преисполнена доказать, что мастерство члена Ложи не хуже того, кто в ней не состоит, а её последователи не размякшие куски хлеба.

Гладиус метнулся вперёд, кончики пальцев отпустили рукоять и оружие полетело. Паладин моментально отбил летящий в него клинок, за которым последовала фигура Люция. Он перехватил меч паладина, но тот оказался сильнее и через мгновение рыцарь ощутил, как кожа его горла холодеет от прикосновения лезвия.

– Ну что скажешь? – самодовольно спросил Арнольд.

– Ничья.

После единственного слова паладин с болью в сердце, разочарованием у горла, почувствовал, как ему в затылок упирается что-то острое и холодное. Он понял, что приём Люция с гладием был обманкой, пылью в глаза.

– Ну что ж, – отходя от Люция, тяжело дыша заговорил Арнольд. – Неплохой бой.

– Согласен, думаю, неофиты что-то уяснили из этой битвы, – убирая нож и меч в ножны, мягко проговорил рыцарь.

Азаризель в шоке. Он бросил взгляд вправо и увидел, как те неофиты, что в Ложе... ликуют и радуются практически победе Люция. Их лица искажены в больной гримасе злорадства над почти поверженным паладином. Он два года служит Ордену, два долгих года сражался и учился, ел и спал вместе с этими неофитами и не видел такого. Они раньше были преисполнены почтением к мастерам Ордена, а теперь их души заполонил гнев, неуважение.

«Что же тут происходит?» – словно пьяный юноша спрашивает сам у себя, чувствуя, что этот бой между рыцарем и паладином может быть тенью грядущей беды. Он знает, что после сегодняшнего спарринга в Ложу придёт ещё больше неофитов, а значит к Люцию и его «секточке» примкнут ещё неофиты. Альтмер заметил, как вырисовываются очертания призрачных частиц плана Люция и видит, что для того, чтобы они были исполнены ему нужно утопить неофитов в буйстве идейного безумства. – «Но зачем?».

– Я хочу вступить в Ложу, господин, – дрожащим голосом обратился Нерелот к гордо взирающему рыцарю, сложившим руки на груди. – Ложа, она же будет?

– Оу, не бойся мой милый брат, – приторно зазвучал голос рыцаря. – У меня есть среди Иерархов – друзья и поэтому вам не, о чем беспокоиться. Ложа – неприкосновенна ни для чародеев, ни для рыцарей... ни для паладинов. Не бойся и

вступай.

Глава 12. Конец начала

Цитадель ордена. Следующий день.

Утренний рассвет ознаменовался не ярким солнечным светом, а тусклым и даже мрачным освещением, грянувшим с небес. Кельи неофитов ордена не наполнятся яркими лучами солнца, не ласкаются лучами небесного светила. Всё серо и невыразительно. Окна казарм открыты нараспашку, отчего вовнутрь прорывается с ветерком прохладный ветер, доносящий до неофитов уличную свежесть.

Азариэль ещё находится в глубоком сне, а посему не может ощутить свежести утреннего ветра, он не способен сквозь сон разглядеть мрачности начала дня. Дурные сновидения всю ночь брали рассудок юноши. Вестники воли Вермины испытывали разум парня всем чем только можно. Разрушенный и сожженный до тла дом, что был уничтожен почему-то по вине юноши, и он не смог этому помешать. Сон, переполненный позора, который вызван был изгнанием из Ордена. Но больше всего его душу потрепал не сон, увязанный с домом или изгнанием, но с уничтожением, великим поражением Ордена в битве с самим собой.

«Нет!» – пытался закричать во сне Азариэль, когда перед его взором нефритовых глаз, наполненных слезами и горе-

чью, представляли образы Цитадели, объятый языками пламени. Братья и сёстры, сцепившиеся насмерть за идеалы, которые не стоили пожарищ сотен костров, кровь друзей, льющаяся рекой и горы трупов, завалившие остров.

Вермина не поскупилась на детали дурного сновидения, раз за разом захлёстывая рассудок Азариэля мерзкими и противными картинками будущего, которого молодой высокий эльф страшится.

Но сколько бы Азариэля не испытывала потусторонняя тварь, он всё-таки смог нормально уснуть под конец ночи. Его рассудок устал, а душа истерзана вопросами: «Что происходит с Орденом?» «Что будет дальше?» «Почему всё это происходит?». Медленно, но верно эти вопросы рождают болезненное ощущение паники, глубокое чувство беспомощности.

Спящий юноша не услышал, как легко и неслышимо, практически не издавая скрипа, открылась дверь в Казармы Неофитов, хоть и его кровать с тумбочкой стоят практически у входа.

Ещё вчера он думал, что его сегодня ждёт обычный для неофита Ордена день. Первыми будет занятие в Академионе, проводимое ранним утром, с первыми лучами солнца. Занятия в Академионе часто всего были недолгими и направлены скорее на выявление более одарённых в магии неофитов. Потом же будет боевая подготовка, сосредоточенная на укреплении тела и духа неофитов. Вновь бесконечная по-

лоса препятствий, превращающаяся под палящим солнцем в марш жажды и опять боевая тренировка, после которой трещат кости. Далее, обычно после тренировки, следовало вольное время, когда каждый мог заняться, чем хотел. Кто-то шёл тренироваться к рыцарям или профессорам, кто-нибудь к магам. Но вольное время было не таким уж и долгим, не более получаса и новый круг тренировок, испытаний и совершенствования, который под конец дня просто выматывал, а потом вечерняя тренировка и осмотры, которые добивали под конец. Ночь и круг запускается вновь. Таков почти каждый день Азариэля, разбавляемый только молитвами и общением с друзьями.

В Келью тихим и крадущимся шагом прошёл человек. Глазами цвета серебряного озера он осмотрел казармы неофитов и с довольной улыбкой отметил в мыслях, что хорошее к ним вчера вечером поступило пополнение. Ещё пятьдесят юношей и девушек до двадцати пяти лет привели с собой вернувшиеся из странствий и операций рыцари, паладины и маги. Воитель радуется тому, что Орден медленно пополняется новыми служителями, однако сейчас не время воздавать хвалу богам за такой подарок. Его ждёт миссия.

Мужская рука коснулась едва плеча альтмера и потормошила его, тихо, на ухо приговаривая:

– Азариэль. Подъём. – Негромко, стараясь более никого не разбудить, призвал отойти ото сна Ремиил.

Юноша тяжело открыл глаза, сквозь пелену увидев рядом

наставника. Серебряные светлые очи первыми ударились в сознание, собрав образ человека. Альтмер быстро, через лёгкую боль в мышцах, принял сидячее положение, тихо, хрипловатым голосом спросив:

– Да, господин Ремиил, вам, что от меня нужно? – сонно и тяжело вымолвил юноша, добавив. – До общего подъёма ещё же вроде десять минут должно быть.

– Азариэль, очень важное дело. Тебя ждёт господин Регент, – тихо, практически шепча, но в то же время как можно понятнее донёс Ремиил сонному Азариэлю. – Важная миссия, мой друг, время пришло.

– Хорошо, можно я только оденусь? – спросил юноша, осмотрев Казармам Неофитов и тут же добавив недостающие слова. – Господин Ремиил.

– Только быстрее, – чуть грозно и требовательно согласился Ремиил.

Юноша стал быстро искать свою одежду, открыв тумбочку, её как можно быстрее вытащил и принялся облачаться в скудные одежды.

Азариэль поспешно стал одеваться, стараясь как можно быстрее облачиться в стандартные одеяния неофитов и выйти к Ремиилу. Подвязавшись лёгким поясом оливкового цвета, утянув белую рубаху, юноша удручённо кинул взгляд на одну из коек, но у Ремиила оказался острый взгляд, и он тоже всё увидел, куда был устремлён печальный взгляд юноши. И тут же старый рыцарь что-то прошептал и слова, слетевшие

с губ наставника, всего лишь слегка коснулись уха Азариэля.

– Что, господин Ремиил? – спросил юноша, подумав, что шёпот был обращён к нему.

– Ничего, – обрывисто кинул рыцарь и в приказном тоне вкупе с лёгкой грозностью сказал. – Я смотрю, ты уже оделся, так значит пойдём.

После чего Азариэль встал с кровати и пошёл за Ремиилом, они тихо и мирно покинули Кельи неофитов, без скрипа досок выйдя за пределы казармы.

Азариэль осмотрел небесную твердь и удивился, что сегодня скорее всего будет дождь. Его обрадовала перспектива не ощущать хоть какое-то время жуткой выматывающей жары, но в то же время он представил, как будет проходить на тренировках полосу – погрязнув с пят до головы в грязи.

К казармам, размашисто, уже направляется рыцарь Туриил, который должен будить неофитов и готовить их к новым испытаниям. Наставник юноши всего лишь кратким кивком поздоровался с собратом рыцарем, не став задерживать того.

Ремиил и Азариэль быстрым шагом направились к Башне, стараясь как можно скорее туда попасть. И по пути, переходя с дороги на дорогу, у фонтана, Ремиил смягченно посмотрев на Азариэля, спросил его:

– Юноша, что у тебя творится? – с недовольством спросил Ремиил. – Не следует плевать на священные постулаты Ордена.

– Вы о чём, господин? – с удивлением в голосе, переспро-

сил Азариэль.

– Я знаю, почему и куда ты смотрел, когда проснулся. Я хоть и старею, но глаза у меня ещё видят, да и тем более, после моих долгих наблюдений за тобой, я могу сказать, что знаю, что творится в твоей душе.

Можно сказать, Азариэль понял значение слов и то, что хотел сказать Ремиил, отчего сам сильно удивился и не на шутку испугался. Его взгляд неправильно поняли, и противное мерзкое чувство холодной рукой взяло парня за горло, от чего он тут же попытался избавиться:

– Я... я... не то...

– Азариэль, – грозно прервал рыцарь неофита. – Почему ты замямлил? Почему я читаю в твоём голосе сомнения? – и уже более спокойно, будто поучая юношу, рыцарь продолжил. – Вот видишь. Эту слабость могут использовать твои враги. Чувством ты можешь поставить несколько операцию, сколько сам Орден под угрозу.

– Вы не о том подумали! – яро воспротивился Азариэль. – Мы просто друзья и ничего больше. Я читал и чту постулаты Кодекса.

– Тогда что было там? – надавил Ремиил.

– Там? – переспросил юноша, взглянув на развивающиеся флаги перед Академионом. – Она мне хороший друг, но я беспокоен за неё. Она попала в Ложу и думает, та творит только добро и несёт свет единства.

– Ничего, – проходя последний стяг Академиона, тяжело

выдохнул Ремиил. – Всё будет в порядке. А ты помни, да другим припоминай, что если они попрут постулаты Кодекса, то поставят сам Орден под вопрос существования.

– А были ли такие случаи, господин? – сухо спросил Альтмер. – Когда Орден едва не падал из-за глупости своих братьев и сестёр?

– Азариэль, – Ремиил сделал голос грубее и напористей, – даже если бы я хотел рассказать, чтобы научить вас чему-нибудь, я не могу, потому что не было этого. Никогда. Нет и всё.

Альтмер, подступающий к Великой Башне, ощутил, что Ремиил ему что-то недоговаривает. Он понимает, что статус и возраст таковы, что Ремиил ничего не может раскрыть, но всё же молодой эльф сердцем чувствует, что его наставник скрывает что-то. Вчера на вторичной тренировке он их заставил учить Кодекс и дополнительные указы иерархов не хуже, чем бы это сделал Сафракс, где говорилось о верности Ордену и поругании предателей.

«Если не было предательств или угроз раскола, то почему все носятся с этими Кодексами и чистотой Ордена?» – попытался найти ответ Азариэль и тут же понял, что причина может крыться в ином, а его домыслы... всего лишь домыслы.

– Скажите, господин Ремиил, у вас хоть, когда-то, выдавался шанс уйти с кем-нибудь из Ордена? – с еле заметной улыбкой на лице спросил Азариэль.

Рыцарь тут же обратился к парню яростный и осуждаю-

щий взгляд, переполненный еле сдерживаемого желания выругать неофита, отчего у юноши, внутри всё помутнело и захотелось съёжиться.

– В своё время, юный неофит... да, была. Но я выбрал Орден, я выбрал служение Тамриэлю в отчистке его от скверны, – бездушно выдавил из себя рыцарь и чуть припустил голову, а после вынул из кармана какую-то скомканную бумажонку и протянул её Азариэлю вместе со строгими словами. – Вот, держи, считаешь позже, и моя просьба больше не говорить на эту тему.

– Хорошо. – Согласился Азариэль и свернул письмо у себя в кармане, поняв, что на эту тему лучше со своим наставником не разговаривать.

– Отлично, а теперь быстрее пошли к Регенту, – строго кинул Ремиил и ускорил шаг.

И через несколько минут ходьбы через огромное поле они подошли к огромной башне Великой Цитадели, в тени которой они казались муравьями. Азариэль уже два года в Ордене, но каждый раз, когда ему удаётся оказаться подле главной обители Ордена, его дух захватывает. Он ощущает, как его грудь сжимается, а сердце стало биться сильнее, как тёплое чувство трепета проникает в его душу и выбрасывает оттуда тёмные мысли.

Ремиил легко толкнул массивные ворота, обитые медью и изрисованные фресками, на которых изображены гряды го- тических рыцарей под красивейшим геральдическим солн-

цем. Азариэль тут же метнулся за своим наставником по множественным ступеням и ощутил, как его лёгкие преисполняются ароматами благовоний, как в нос забиваются запахи спокойствия и сосредоточения. Он шагнул на черно-мраморный пол, и эхо разлетелось по огромному холлу главной башни от входа и до самых уголков.

Внутри так же прекрасна, как и прежде. Юноша обратил в восхищении лик вниз и увидел, что в начищенном чёрном мраморе можно разглядеть собственное отражение. На рыцаря и неопита смотрят прекрасные витражи, с которых устремился взор рыцарей древности, отлично выделанные фрески, красочные картины и отдельные трофеи: всё это появилось относительно недавно, когда Регент решил сделать некоторую реставрацию своей башни.

Они вошли в зал, в котором играет органная музыка, так любимая Регентом, создавая ещё большую грозность и монументальность этого места, вызывая праведное благоговение перед могуществом Ордена.

Ремиил и Азариэль прошли через трибуну, на которой когда-то стоял Регент Ордена, в сторону винтовых лестниц.

Чувство радости и трепета захлестнуло Азариэля, и как можно быстрее поднявшись по винтовым лестницам, облицованных розоватым мрамором, они зашли в коридоры, в огромные широкие залы, внутри которых большое множество резных тёмных дверей.

– Мы где? Не в...

– Да, – прервал удивленно-восторженную речь юноши рыцарь. – Ты шагнул в наш дом. Возможно, он когда-нибудь станет и твоим домом. Мы в Палатах Рыцарей.

Азариэль ощутил, как его дух связывает и возвышает предчувствие благодати, святость и мерность пленят рассудок парня, и он готов преклонить колено перед этим местом. Тут царит медитативное спокойствие и благоговение, которое возможно издавали сами стены, облицованные белым мрамором. Повсюду весят стяги и огромные полотна с липаниями и котехзисами, читая которые любой мог испытать благой трепет. Повсюду со стен смотрят прекрасные картины и некоторые трофеи, которые давались в награду за успешную миссию. Искусно выполненные художниками Империи полотна изображают подвиги рыцарей, магов и любого, кто проявил себя и помог Ордену в его вечной миссии служению Тамриэлю. Среди трофеев здесь Азариэль видит самое необычное оружие со всего Тамриэля – хаммерфельские закривлённые катары висят на пару с трёхлезвийными секирами аргонии, что делят место с удивительными кинжалами из Валенвуда. Огромные молоты северных великанов внушают ропот и страх, усиливающийся, если вспомнить, что это оружие приспешников тёмных сил.

– Ох, что же дальше? – восторженно вопрошает Азариэль, ступая на новые ступени винтовых лестниц, возносящих в ещё одну часть башни.

– Ничего особенного... Зал Паладинов.

Через несколько минут подъёма рыцарь и неофит проходят небольшую залу. Некоторое расстройство, опустошение от обмана ожиданий объяли грудь Азариэля. Он ожидал встретить ещё более пышную залу, но перед ним предстали стены, выполненные из простого алого гранита, без фресок или картин. Только пьянящие нотки благовоний ласкают лёгкие Азариэля, напоминая ему о Палатах. Он алчуще кидает взгляд из стороны в сторону в поисках найти предмет изящества, но натывается только на железные канделябры.

– А где золото и серебро? – поражённо спрашивает юноша, ступая по каменным плитам на полу.

– Из благородного тут только паладины, – мрачно ответил Ремиил, ускорив шаг.

Азариэль заметил, что двери комнат сделаны из крепкого дуба, они просты и не украшены ничем, кроме символа Ордена. Юноша помнит, что один из паладинов говорил, что у них очень маленькие комнатухи, приспособленные только для сна и отдыха, нежели роскоши и праздности. «Паладину Ордена, пребывавшему постоянно в странствии, следует быть в аскетизме и сдержанности, чтобы не впасть в лапы пороков и Даэдра», вспомнил наставления из Кодекса Азариэль.

Но аромат церковных благоуханий, священного мира тут ещё сильнее, чем в Палатах Рыцарей или даже капелле Ордена. Азариэль и его товарищи каждый день начинали с молитвы в храме, и уже было привыкли к такому запаху, но тут

он ещё сильнее, чётче.

Прежде чем подняться дальше юноша заприметил большие высокие окна, с которых на него смотрят витражные изображения могучих исполинских воителей. И каждый из них одинаково одет – изящная серебристая броня, горшковый шлем скрывает суровые лица, а на металле покоится белая, как снежные поля Данстара, накидка со знаком пылающего ромба на груди.

Они поднялись дальше почёрно-гранитной лестнице, их путь лежит через палаты величественного Двуглавого Совета, где проводились заседания и, по сути, решается судьба Ордена.

– И куда мы сейчас попадём? – вопрошает юноша, оказавшись у широкого порога с распахнутыми настежь обитыми золотом воротами.

– В оплот политиканства и бюрократизма, – холодно бросил Ремиил, проходя через широкие и высокие врата.

Нефритовые глаза Азариэля наполнились светом серебряных канделябр и золотых подставок для свечей. Но больше всего взгляд его очей приковала мистически переливавшаяся люстра, нависавшая грозным каскадом роскоши над всей залой. Её камня – бриллианты и сапфиры, изумруды и рубины выстроились в цветастые ярусы и загадочно отсвечивают от магических светильников, озаряющих сие место.

Перед двумя воинами предстало просторное помещение внутри которого захватывает дух. Азариэль увидел, что к

центру залы, где выстроен огромный полуамфитеатр, тянутся балконы, окружая основное место действия. Юнона вышел из-под массивных балконов и оказался лицом к лицу с Орденским Собором, местом, где заседает Великий Капитулярый.

Напротив юноши, в метрах двадцати, на шахматном чёрно-белом полу, небольшом островке, зажатым меж прудов и частями «Собора». Высокая кафедра, к которой подводят две ступени, откуда вещаются доклады и заявления.

– Что это? – спросил юноша, указав на трибуну.

– Вещательная площадь, – холодно пояснил Ремиил и повёл Азариэля.

Обратив взгляд направо, Азариэль увидел место заседания «Правой Головы». Величественная половина амфитеатра вложена в деревянный высоченный оклад, походя на самую настоящую ложу. Дерево светлое, исписанное золотыми надписями и украшенное изумительной резьбой, передающих моменты истории Ордена. Сам полуамфитеатр вздымается на десять высоких ярусов вверх и едва не касается балконов. Каждая «ступень» обставлена роскошными сидениями, обитыми в чёрную бархатную ткань оттого и походящих на роскошные кресла лордов. У самого подножья половинчатого амфитеатра, окружив небольшой мраморный мости, ведущий к кафедре, плещутся два неглубоких водоёма.

Азариэль оставил скользящим взглядом полуамфитеатр и

перевёл взор в сторону, куда его ведёт рыцарь. Там, в той стороне юноша узрел высокий ярус, к которому от вещательной площади ведёт широкая роскошная лестница, перенесённая сюда, словно из какого-нибудь сказочного дворца. Её ступени отделаны угольно-чёрным базальтом, а толстые перегородки ярко-золотых перил исполнены из белого камня. Там на ступенчатом возвышении, куда ведут лестницы, выставлены девять тронов, по четыре за широкими роскошными тёмно-деревянными столами и один, самый высокий, посередине. Юноша догадался, что девятое, самое роскошное место отдано Регенту Ордена и в тот же момент, практически подойдя к новой лестнице, он смог разглядеть очертания дубовых дверей, скрывших помещение за местом заседания «Левой головы».

Азариэль, ещё раз преодолевая высоту башни, вместе с рыцарем приблизился к обителицу самого важного члена Ордена. Дверь в его комнату массивна, сделанная из обычного простого железа и отделанная серебром, выложенным в несложный узор солнца.

– Мой лорд, – со стуком обратился Ремиил.

– Да! Войдите!

Нордлинг зацепился за ручку, дёрнул дверь на себя, и она легко отварила, впуская гостей. Комната Регента предстала совсем небольшой, размерами резко контрастируя с тем, что юноша увидела ранее. Там висит несколько трофеев, представленных парой клинков и тремя нордскими ком-

плектами доспехов-артефактов. Тут нет пафосно развешанных голов противников и величественных картин, повествующих о подвигах Регента, но в комнате старинные гобелены и полотна, рассказывающие об истории самого Ордена, о тех временах, когда он зарождался. В самом углу стоит простая кровать, а у стены был совсем небольшой буфет. Посередине комнаты лежит шкура белого скайримского медведя.

Регент Ордена сидит на обычном резном нероскошном деревянном кресле спиной к округлому окну, единственному источнику света, если не считать маленькую люстру и пару свечей с одним канделябром. Он сидит за столом, сделанном как ни странно из сиродильского дуба, отделанным джемерским металлом и украшенный узорами из лунного камня.

Сам глава Ордена не производит впечатления могущественного воина или влиятельного политика. Он не облачён в роскошные одеяния лордов севера, ярлов Скайрима или предпринимателей из Восточной Имперской Компании. На нём самая простая одежда, которую только можно было найти здесь: кожаный жилет поверх лёгкой белой рубахи, грубые штаны из синей ткани и потёртые туфли.

Азариэль смог заметить, что самый кончик носа срезан, а на тёмно-пепельной коже лица имеется практически заживший шрам. Его алые глаза обхвачены печалью, а к острому подбородку приложена правая ладонь. Его остроконечные уши спрятаны под тёмной шевелюрой длинных во-

лос, на которых уже начинают сиять первые серебристые волосинки.

Главу Ордена окутывает некая пелена мистики и шарм таинственности. Азариэлю кажется будто он предстал перед древним мастером и мистическим воителем, который сохраняет образ загадочного данмера.

– Рыцарь Ремиил, вы же могли просто телепортироваться? – прозвучал сухой и безжизненный, как пепел Красной Горы, голос. – К чему было тащиться через всю башню?

– Мой лорд, я просто хотел показать неопиту её устройство. Это никогда не будет лишним.

– Хорошо, рыцарь Ремиил, вы можете идти, – речь главы Ордена оказалась удивительно суха и безжизненна, размеренна, как у пронзённого мрачными рассуждениями.

– Да, мой лорд. – Ответил Ремиил и покинул пределы комнаты.

– Азариэль, – тут же обратился Регент к юноше, отчего у парня пробежали мурашки. – Садись за стул.

Азариэль, ощущая лёгкую дрожь в коленях, как его сердце начинает биться чаще, а грудь сжимает волнение, аккуратно присел за стул и, не удержавшись, выпалил вопрос:

– А, что это вон там за дверь, мой лорд, – внезапно заинтересовался Азариэль, увидев массивную металлическую преграду в углу кабинета Регента.

– Разве я тебе разрешал говорить? – безжизненно-сухая речь Регента прошла по душе юноши боязнью с шорохом

песка.

– Простите, мой лорд, – повинно сказал Азариэль.

– Я тебя вызвал для очень важного разговора, неофит. Но для начала я тебя предупреждаю, если хоть кто-то узнает о задании, ты пожалеешь, что на свет родился.

– Да, мой лорд. Я клянусь, что никто не узнает о том, что вы мне поручите. – И закончив клясться, прозвучал вопрос. – И, что это за задание?

Лик Регента сделался ещё мрачнее, чем был, а голос исторгнул холодную меланхолию от которой Азариэлю стало не по себе.

– Нам нужен лазутчик, который бы проник в логово «Сынов Леса» и выкрал одну вещь, а после смог дополнительно расставить «двимерские деструкторы» в нужных точках.

– В-вы хо-хотите, чтобы я-я бы-был диверсантом? – с дрожью в голосе прозвучал вопрос и поняв, что его начинает есть страх, он взял себя в руки.

– Да, неофит. Это твой шанс стать на шаг ближе к почётному титулу.

От услышанного у Азариэля перехватило дух, его желтоватое лицо побледнело, а взгляд нефритовых глаз сделался мрачным. Его душа буквально бурлит от ощущения того, как холодная рука страха берёт его за горло, а сознание так и призывает отказаться от миссии.

– Г... го... господин Регент, я буду горд, выполнить это почётное задание, но почему бы не отравить туда более

опытного рыцаря или отряд паладинов, которые смешают это место с валенвудской грязью?

Не усмешки, не гневного укора не последовало. Регент только сложил руки на груди и спокойным медленным голо- сом ответил:

– Нам не нужен переполох, неофит. Только завидев вои- телей и магов нашего Ордена, вся их элита ретируется прочь, забрав с собой всё то, что нам необходимо. Но не думай, что мы их оставим просто так, ибо как только всё тобой будет выполнено, их накроет наш отряд.

– Мой лорд, почему я? – уже более конкретный вопрос задал парень. – Почему не другой неофит или рыцарь?

– Юноша, – напористо заговорил Регент, – я даю тебе шанс показать себя. Судя по докладам Туриила и Ремиила, ты за два года стал одним из лучших в области скрытного проникновения.

– Мой лорд, простите, – Азариэль в предвкушении вопро- са почувствовал, как его голос вновь стал дрожать. – Н-но в- введь это не единственная причина? Вряд ли Орден отправил одного неофита на такое важное задание.

– Азариэль, твоё дело только выслушать то, что я тебе ска- жу. Ты уже назначен, и я тебя убеждать не стану. Провалишь миссию – опозоришь Орден, выполнишь – возвысишься.

– Да мой лорд, – нехотя и ощущая жжение обиды у сердца, сказал альтмер, – я принимаю это задание. Позвольте ещё вопрос.

– Давай.

– А вы действительно считаете, что Ложа Люция нам чем-то поможет, мой лорд? Зачем она нам вообще нужна?

– Знаешь, неофит, уважаемый мастер Люций в чём-то прав. – Речь главы Ордена превратилась в нечто мрачное. – Его идея, по объединению братства и сестринства через Ложу может нам помочь достичь единства, которого мы не знали.

– Единства? Мой лорд, но Ложа...

– Тише, – чуть поднял руку глава Ордена, перебивая неофита. – Азариэль, ты не знаешь многого, а поэтому не способен оценить решения в достаточной мере. Успокойся и ступай отсюда. Тебя ждёт мастер Ариан для подготовки к заданию.

– Да, мой лорд.

– И там за дверью, сверни налево, чтобы не спускаться.

Азариэль с обидой и непониманием покинул его комнату и по указанию Регента свернул влево. Перед ним предстала небольшая плита, сияющая оттенками тёмно-синего, от которой исходит еле слышимый гул. Юноша встал на круглую площадку и сию секунду его пронзило чувство лёгкости и парения, а серые образы телепортационной комнаты смешались и превратились в широкие пространства внутреннего двора, находящегося под сенью башни.

– Эй, неофит, – тут же прозвучало воззвание высоким мужским голосом и Азариэль, моментально преклонил ко-

лено, чтобы соблюсти этикет диалога с фигурой, облачённой в кроваво-алые одеяния – сутану, поверх которой на плечах и до конца груди лежит непроницаемо-чёрная ткань.

– Да, владыка, – коленопреклоненно сказал юноша, не став разглядывать лик Иерарха, спрятанного за покровом капюшона.

– Встань. Ты ведь идёшь в сторону казарм? Так ведь?

– Да, владыка.

– Отлично, тогда найди мне Люция, который сейчас должен быть там и скажи ему, что я его жду, и ждать его я буду здесь. И кстати, чем быстрее ты его найдёшь, тем лучше для тебя. Понял?

– Да, владыка.

– Ступай, теперь. – С отмашкой кинул фразу высший чин. Азариэль кратко кивнул и пошёл прочь от Иерарха. Он не знал, для чего ему нужен был почтенный рыцарь, и укол неприязни очутился в тот момент, когда юношу посетила мысль, что это возможно из-за позавчерашней ночи. Но парень только отмахнулся от мрачных мыслей и пошёл размашистым шагом вперёд.

Через несколько минут Азариэль отошёл от главной башни и его лёгкие тут же наполняет будто густой, затянутый и тяжёлый воздух.

«Странно всё это» – помыслил юноша, но, не придав этому значения, пошёл по направлению к казармам. На улице уже окончательно рассвело, и ночной мрак отступил за гори-

зонт, только вот солнца увидеть нельзя было, ибо сами небеса были покрыты лёгкой пеленой из облаков, которая затянула небосвод.

Но вот как на счастье и совпадение ему в поле зрения попал имперец, чьей одеждой выступила тёмно-лиловая туника. «Вот вы где» – ехидно отметил Азариэль появление рыцаря и быстрым шагом приблизился к Люцию, не желая ни единой лишней секунды тратить на него.

– Господин Люций! – громко воззвал Азариэль.

– Да, мой друг! – со змеиной приторностью зазвучали слова Люция. – Я внимательно тебя выслушаю.

– Вас ждёт один из Иерархов зале «Двуглавого Совета». – Стараясь как можно быстрее закончить разговор с этим человеком, тараторит Азариэль.

– Я, кстати, уведомил «Верхний Научный Совет», что ты их покинул. – Не снимая лёгкой улыбки с лица, произнес Люций.

– Хорошо. – Слегка притворно подавленно, но, не теряя крепости в голосе, говорит Азариэль.

– Ладно, я тогда пойду к Иерарху, – удовлетворившись ответом, Люций тут же развернулся и пошагал к башне.

Дальше, посчитав миссию иерарха выполненной, юноша пошёл в казармы, прежде чем направиться к Ариану, чтобы приступить к выполнению данной ему миссии. Но ему попала на пути знакомая бретонка, в комплекте из кожаного панциря, рубахи, поножей из мамонтовой кожи и высоких

сапогах, в руках которой зажата стопка книг.

– Привет, Аквила, а ты куда идёшь? – с трепетом и дрожью в голосе, с ощущением эфемерной радости, спросил Азариэль.

– В Академион, меня отправил Туриил за экспертом-иллюзионистом Манкаротом. Нужно отдать ему книги. – Спокойно, но с лёгкой улыбкой ответила Аквила.

– Так пойдём, я тебя провожу.

От казарм, до Академиона идти недолго и Азариэль пристроившись рядом с девушкой

– А ты, куда утром пропал? – встревоженно спросила Аквила. – Мы утром шли на молитву без тебя.

– Да так, – махнул Азариэль, – меня Регент вызывал.

– А зачем? – резко прозвучал вопрос.

– Я... я... я, – замешкался Азариэль. – Я не могу сказать тебе.

– Лучшей подруге? – вопрос проронен с удивлением. – Азри, я тебя не узнаю. Ты вызван Регентом и что же? Уже важничаешь?

– Нет-нет, – повышенным голосом отверг альтмер. – Просто Регент приказал мне ничего не рассказывать. Всё – тайна. Акви, пойми.

– Но как так? – маска возмущения пала на прекрасное лицо бретонки. – Мы все братья и сёстры Ордена же...

– Для нашего блага, для нашего спокойствия они скрывают то, что нас может повергнуть в шок или нанести вред Ор-

дену. Пойми, Акви, так творится политика нашего Ордена, и мы должны ей следовать.

– Вот это плохо, что Регент всё держит в тайне. Вчера в Ложе только говорили об этом.

Нотки гнева проникли в душу Азариэля при упоминании Ложи. Он не понимает, что от неё ждёт Регент, если всё изъело разделение – на тех, кто в Ложе и вне её. А тем временем девушка продолжает:

– Ты понимаешь, даже рыцари с Ложей согласны.

– У вас есть рыцари?

– Да. Их пригласил сам Люций. Они тоже разделяют его идею о единстве всех и вся в Ордене.

– Акви, что там творится в Ложе? О чём вы говорите?

– Обо всём. У нас сообщество вольного рассуждения и свободного общения. Мы не ограничиваем себя рангами. – И дальше пронеслась фраза, которая тронула сердце альтме-ра. – Мы изменим Орден.

«Это конец» – холодное уныние загорелось внутри Азариэля. Всё то, что он сегодня увидел внутри Великой Башни, может измениться. Нет больше тех шестнадцатилетних ребят, кои были в самом начале, так сильно алчущих вступления в Орден... этого больше нет. Всё то, что было в начале – рвение, уважение, почтение: всё это медленно исчезает, выветривается под действием свободолобия Ложи. Что-то намечается, и парень понимает это, а оттого, чтобы успокоить себя, он голосом, проникнутым дрожью, молвит:

– Аквила, дорогая моя, скажи, мы же будем дружны до конца? Нас же не разделят ни Ложа, ни какие-либо идеи? Я... я не хочу, чтобы наша дружба, начавшаяся в детстве, вот так вот оборвалась. Это... это будет очень печально.

– Я понимаю тебя, Азри. Я надеюсь, что мы останемся дружны, – подходя к высоченному зданию Академиона, произнесла Аквила.

– Вот это чудесно. Я боюсь тебя потерять.

– А ты чай не влюбился? – усмехнувшись щегольнула девушка, поднимаясь по ступеням Академиона.

– Да что ты! – с широкой улыбкой отмахнулся юноша, провожая леди глазами.

Азариэль ощутил, как облегчение пронизывает его душу, как мимолётное волнение отпускает, но в ту же секунду всё сменилось, когда раздался пронзительный грубый глас:

– Неофит, соберись. Почему я должен тебя искать? – юноша с волнением резко развернулся и увидел, как позади него возникла фигура, объятая в чёрное; кожаный жакет облегал высокое тело, чуть прикрыв брюки из тёмной оленей кожи, а голень утянут высоким сапогом.

– Простите, господин Ариан.

– Мы не можем быть слабыми, неофит, – грозный голос раздаётся рокотом внутри Азариэля. – Для тебя выпал шанс покончить с начальной ступенью в Ордене. Пойдём, я посвящу тебя в детали операции.

Глава 13. Тёмный пакт

Следующий день.

– Во имя Акатоша и Тамриэля мы идём на битву. – Таково было окончание пламенной молитвы в капелле, донёсшейся до каждого уголка храма.

Трое воинов, облачённых в одинаковую походную броню, встали с колена. Их прекрасный нагрудник, выполненный из мифрила, поймал символом солнца свет, льющийся из окон, и запылал подобно второму светилу. Руки и ноги укрыты в кольчугу, ладони же утянуты длинными перчатками из чёрной кожи, а сапоги выполнены из такого же мифрила и горят ярким сиянием.

Три человека покинули быстрым шагом капеллу, мгновенно очутившись на её высоком крыльце. На коже почувствовалось лёгкое прикосновение ветерка, а в глазах отразилась тёмно-серая небесная гладь, застлавшая небеса от края до края. Высокий светло-русый нордлинг оказался выше всех в группе. Он на голову возвышался над смуглым редгардом, у которого на поясе сверкает гладкое лезвие сабли и на полтора главы вознёсся над светловолосой девушкой, которая на поясе держит золотистый кинжал эльфийской работы. У самого норда за спиной на ремнях крепится и покоится большая двухлезвийная секира из железа сиродильской

работы. Её большое тёмное полотно выглядывает из-за светлой головы норда.

– Неофиты! – громогласный возглас раздался от высокой фигуры, укутанной в тёмно-синий балахон, из-под капюшона которого продолжили звучать слова. – Готфрид, Ахмат и Аквила.

– Да, господин-заклинатель Райнор, – ответили ребята.

– Вы готовы приступить к исполнению задачи? Вы готовы повергнуть врага, посмевшего преступить священные законы бытия?

– Да! – одухотворённо ответили ребята. – Мы низвергнем тьму в небытие во славу Ордена и Тамриэля.

Руки чародея увенчались завитками фиолетовой энергии, поток которой моментально перекинулся на ребят, окутав их вихрями магического сияния и растворяя в пространстве. Через пару секунд на крыльце осталось лишь только пустое место, прогоняемое воздухом.

Готфрид и его товарищи через мгновение очутились в каком-то странном безжизненном месте, сильно контрастирующим с тем, что стояло перед глазами только что. Взгляд больше не различает очертаний острова, вместо него ели, раскинувшие тёмно-зелёные лохматые ветки в стороны. Открытые участки тела не ласкает приятный южный ветер, но ледяное прикосновение северного дуновения впивается в кожу, заставляя её стынуть.

Готфрид затянул в лёгкие воздуха и тут же выдохнул. Из

носа и рта тут же повалили клубы пара. То же

– Мы на месте? – прозвучал вопрос от хрупкой девушки, замороженно рассматривающей высокие монументальные деревья, на ветках которых растут иглы.

– Да, Аквила, мы в Скайримере, – грузно ответил нордлинг и пораскинул, где они могли бы находиться, окинув очами местность.

Отряд чародей телепортировал прямиком в лес. Нордлинг видит, как они оказались посреди огромных исполинских елей, подобных природным колоннам, упирающим небо. Тут нет снега, не идёт и дождя, хотя так же пасмурно, как и на юге Тамриэля. Готфрид чувствует, как его нога упирается в что-то мягкое. Он посмотрел вниз и увидел мох. Подлесок представлен низкорослыми растениями – кустами и ковром изумрудной травы.

– Нас хотя бы в то владение закинули? – слышался едва надменный голос Ахмата.

– Да, мы в Фолкрите. А теперь нам пора идти. – Сурово приказал норд.

Их путь пролегает через лесистую местность, чтобы скрыть приближение отряда карателей к цели. Три тени сущностью ползучего мрака крадутся через лес, периодически прислоняясь к стволам деревьев и кроясь в сумраке подлеска. Только свет зачарованного оружия могло бы выдать их. Секира нордлинга пылает снежно-морозным огнём, жгучим как атмосферная выюга и убийственным как её мороз. Серебри-

стая длинная сабля Ахмата тускло мерцает угольками нереальности, пробиваясь через структуру металла. Пламя этого оружия жжёт как солнце над пустыней Алик'Р. Их приближение давно бы заметили, если бы не мастерство золото-волосой девы, с рук которой сошла магия сокрытия и за пеленой искажения пространства скрылась группа, не выдавая себя.

В глубине леса, в его дебрях местный безжизненный колорит разбавляет небольшой покосившийся одноэтажный домик. Взгляд Нордлинга выхватил знакомые детали строения – соломенная крыша, каменная надёжная кладка стены и простенькое устройство. Строение выполнено в форме буквы «Г», изгибаясь в сторону приближающейся группы людей.

– Ахмат, – прошептал нордлинг, присев у небольшого пня, – давай.

– Да, Готфрид.

У крепкой двери, сколоченной из досок ели, выросли два могучих стражника, явившихся сюда по зову господина. Их броня – проклятый чёрной магией эбонит, отлитый в печах Выжженных Пустошей. Сложно выполненная броня ловит на себе отсветы далёкого неба, рассыпая их на множество частей по неисчислимым граням доспеха. В их руках зажаты громоздкие молоты, внутри которых бьётся сердце чёрной магии. Из оружия прорывается адского тление inferнального огня, в свете которого они вышли.

Ахмат выбежал вперёд, чтобы отвлечь на себя вражью стражу. Огненный след оставило лезвие сабли на одном из доспехов дреморы, но не пробило его. Редгард отвлек на себя внимание двух исполинов – существа с поразительной скоростью обернулись на юркого южанина.

– У-м-м-ри! – проревели твари и кинулись за редгардом.

Тем временем на боле боя вышла Аквила. В её ладонях сфокусировался пучок ледяной убийственной энергии, который с каждой секундой становился всё сильнее. Через мгновение она выпрямила руку и высвободила сущность заточённой магии – острое, как игла, ледяное копьё с ошеломительной скоростью преодолело расстояние, оставляя хвост из частиц льда. Острие копья вошло напрямиком в щель, предательский зазор между панцирем спины и шлемом, прошивая врагу горло. Громоздкий молот рухнул на землю, а колени твари примяли траву. Из горла существа выступает ледышка, окроплённая жаркой кровью. Ещё мгновение и дремора уже придавила животом остаток травы.

Вторая тварь с неистовым рыком рванула от редгарда и на всех скоростях ринулась к девушке. На весь лес раздался самый настоящий бычий рёв, спугнувший птиц, занявших насесты. Он несётся словно мамонт на обидчика. Преодолев расстояние с бешеной скоростью, он вышел в прыжок, вздев молот. Только быстрая реакция Аквилы не позволила ему размазать девушку кровавой пастой по траве. Она приземлилась в какие-то кусты, когда дремора вприпрыжку оказа-

лась над леди, занеся над ней устрашающего размера молот.

– Вот мне и конец, – опечаленно ниспало с губ девушки, когда она взглядом встретилась с острыми зубьями у полотна оружия, на которых угольно-огненным проступили даэдрические глифы.

Но ей повезло. Команда, которая с ней оказалась не хуже того, если рядом был Азариэль. Тычковым ударом навершия секиры норд заставил покачнуться проклятую тварь. Раздался пронзительный звон удара о демонический эбонит.

– Я выпотрошу тебя, а кишки развешу по лесу! – раздался страшный рёв дреморы, когда оно занесло молот.

Готфрид отступил назад, чтобы его не расплющило, а затем рубящим ударом направил острие широкой секиры в ключицу твари. Но что есть железо против такой брони? Секира с металлическим перезвоном отскочила, оросив траву снопом искр, но сила удара такова, что враг пал на колено. Нордлинг со всей яростью ударил по запястью и раздался смачный хруст, а молот выпал из ослабевших пальцев. Отбросив секиру в сторону Готфрид накинулся на врага и нащупав на его шее незащищённый участок надавил, что есть силы, выдавливая разгорячённый воздух из неестественных лёгких. Чтобы задушить дремору нужно много времени, и Готфрид отскакивает назад, когда понимает, что остроконечные перчатки ему сейчас разорвут щёку.

– Сдохни! – с лёту редгард ловко загоняет остриё сабли дреморе прямиком в глазницу; тварь трепыхнулась и

ослабла, соскользнув с клинка Ахмата.

– Ну что ж, – подирая секиру, выдохнул нордлинг, зату-манив лицо едва заметным паром, ощупывая окровавленную щеку. – Начало вроде неплохое. Проклятые дреморы...

Группа приблизилась к двери. Тяжёлая нога сына севера со всей силы ударила по доскам, но они мало того, то не под-дались, но и вспыхнули огнём, обдав искрами «гостя».

– Ай! – зажмурился норд и, подавив гнев, вымолвил. – Я убью его.

– Стой, – девушка протянула худые пальцы к замку и с её ладони к железному механизму проникла ярко вспыхнувший луч. – Она под защитным заклятьем.

Дверь проскрипела, позволяя войти гостям. Три человека миновали вход и заметили, что внутри нет ничего, не единого убора или предмета мебели. Нордлинг глубоко вдохнул и его лёгкие и трахеи обдал горячий жаркий горький воздух, заставивший воителя прокашляться.

– А-а-а, – прохрипел Готфрид.

В центре залы одноэтажного дома взгляды нашли то, что искали. Небольшая статуя, постамент для молитв – четырёх-рукий воин, в каждой его когтистой ладони по мечу. Голову венчает корона из рогов. Из одежды только набедренная повязка, не прикрывающая атлетического торса. Розовый мрамор чудесно передал все аспекты и детали существа, подле которого поклоны совершает кто-то.

– Я видел, как вы подходите, – резким звонким голосом

заговорил незнакомец и его балахон издал шорох, светло-зелёные чешуйчатые ладони коснулись капюшона и откинули его.

Незнакомец повернулся и в свете слабых огней факелов пробежал блеск клыкастой широкой пасти, распахнутой в хищной улыбке. Глаза, чёрные как смола и грузные из-за рожок, безжизненным взором разглядывали пришедших людей.

– Ну что ш-ш-ш, – зашипел аргонианин. – Я слышал, как вы убиваете слуг его! – когтистая лапа указала на статую. – И он очень! Очень недоволен!

– Помолчал бы лучше, – хладно заговорил нордлинг. – Мы сделаем то, что должно и уйдём.

Шурша одеждами и хвостом по полу, ящер поднялся во весь рост, и оказалось, что он выше Готфрида, гораздо выше.

– Может я и мой маленький культ будут прощ-щ-щены... а кто вы? Из Имперского Легиона? Но вы не ряжены, как посудный шкаф...

– Неважно, откуда мы, – Готфрид поднял секиру, готовясь к бою.

– Нет прощения тем, кто заключил договор с тёмными силами! – воскликнул Ахмат, приготовившись пронзить аргонианина.

– Да-а-а, вы знаете... между мной и лордом Дагоном пакт. – Ящер завёл руки за спину и резко их вздёрнул вперёд, прокричав. – Вы сдохните во славу его!

– Аквила! – только и успел прокричать нордлинг.

Никто, даже девушка не могла представить, что сейчас произойдёт. Единственное, что было в её силах, так это сотворить барьер, не более того. Магическая энергия, приняв облик жаркого адского пламени, вырвалась из рук поклонника даэдра. Он захлестала неистовыми волнами, наполняя и наполняя помещение до тех пор, пока ещё одна волна не вырвалась из лап врага. На этот раз руки аргонианина выдали сумасшедший поток, ударивший в пол, в стены, в потолок, превратив солому в чёрный пепел и взметнувшийся громовым сокрушением по всему дому. Каменная кладка поднялась в воздух, вслед за соломой. Только подножье дома осталось на месте, сильно почернев, а всё остальное взметнулось салютом опалённого камня и пепла к небесам над кронами деревьев и упало в лесу.

Аквила держала щит. По её телу пробежала слабость, охватившая тряской и ломкой суставы и мышцы, но она продолжает стоять, пока пламя не исчезло. Из её рук бьёт магический холод, держащий жаркое пламя, однако даже за барьером ощущается, как горячий огонь терзает кожу.

– А-а-ах! – Аквила пала больше не в силах удерживать щит, её магической силы иссякли, забрав с собой и обычную выносливость. Её хрупкое тело с музыкальным перезвоном мифрила пало на не очернённую часть пола. Её мысли забились безнадёгой, что она не смогла удержать щит, что они все сгорят, но напрасно. Она справилась, и это дошло к ней

через вуаль мутнеющего рассудка, когда жар огня не коснулся её.

– Ахмат! – воскликнул нордлинг. – Охраняй её. Дай зелье.

Редгард тем сию секунду припал к девушке, достав колбу с кроваво-алой жидкостью и приподняв её голову заставил усталыми губами втянуть зелье.

Готфрид тем временем осмотрелся, ибо опасности больше ничего не угрожает. Дома больше нет, а даэдрические буквы, которыми были измалёваны стены, исчезли вместе с камнем и теперь вместо них лесные пейзажи, чьё спокойствие нарушено оглушительным взрывом.

– Посмотри, чем ты стал! – нордлинг навис над опалённым телом ящера, опустив секиру к чёрному полу.

– Кхе-кхам, – прокашлялся даэдропоклонник, съёжившись у статуи Мерунеса Дагона.

Розовая «кожа» Дагона осталась такой же, несмотря на страшный огненный шторм. Только вот его последователь представляет сейчас прожаренный кусок мяса, на котором одежда свисает жалкими недогоревшими лохмотьями, оголив участки кожи, ставшие корочкой. В воздухе повис смрад горелой кожи, от которой Ахмата едва не стошнило, но редгард удержался. Аквила поднимаясь, и через ощущение лёгкого головокружения видит, что произошло. С дрожащих губ тихо слетают слова:

– Ун... что-те ст...ую, – выговорив, девушка опала на твёрдую руку Ахмата, ожидая, когда подействует зелье.

– Да-Даг-Дагоне, – взмолился ящер, касаясь обожжёнными лапами и хвостом мистически замерцавшей статуи. – Помоги мн-мн-мне.

Чешуя, которая некогда была черна словно уголь, покрылась магической пеленой и стала регенерироваться. Чешуйка за чешуйкой чернота отступала, становясь здорово-зелёным покровом.

– Да-а-а-г-о-о-он! – зашипел аргонианин, требуя исцелить его.

– Нет уж! – Готфрид яростно взревел и что есть силы, вложил удар в секиру; её окутанное холодом лезвие коснулось жуткой статуи, и мрамор с хрустом покрылся сетью трещин, а затем и рассыпался; оружие срезало голову и правый бок Дагона. – Не будет власти даэдра тут!

– Что ты...

– Я изничтожу каждый постамент твоего нечестивого бога! – криком прервал Готфрид сектанта и ткнул секирой в кучу розового камня, нагромождением развалившегося подле статуи.

Сектант попятился назад, а в чёрных глазах промелькнул блеск страха и отразилось холодное лезвие секиры. Ахмат увидел, что тёмный князь залечил раны последователя, а значит остаётся немного времени, прежде чем сектант использует беспощадное превосходство и вряд ли Аквила поможет.

– Я его достану! – бахвально кинул редгард и кинулся на

врага.

Его сабля снова запылала углём, когда острие коснулось почерневших от сажи травинок. Готфрид не стал вмешиваться, и решил настороженно поглядеть, за тем как его друг будет гоняться за ящером. Аргонианин волок себя по мокрой траве, оставляя шматы черно-сожжённой ткани, пытается встать, но Ахмат с наскока прижал его к земле. Готфрид только смог разглядеть, как у ладони аргонианина полосой огня пронеслось тлеющее лезвие худой сабли и когтистая ладонь опала на траву. Ящер дико взревел, но Ахмат тут же заткнул его клыкастую пасть одним поставленным ударом в челюсть.

– Молодец! Какой молодец! – безрадостно похлопывая в ладоши, флегматично отметил нордлинг победу друга.

– А я смотрю, ты не рад, – с хитрой вызывающей улыбкой сказал Ахмат. – Готфрид, я всегда тебя помню каким-то хмурым. Может, улыбнёшься? Мы же целого сектанта поймали.

– Но мы не выполнили задание, – Готфрид вновь навис над ящером, только поодаль от разрушенного дома; на этот раз сын Аргонии постанывает и держится за обрубленную кисть, полегая на шероховатую кору высокого дерева, его грудь тяжело вздымается, перекатывая странный золотистый шар на цепи.

За ними подтягивалась Аквила. В её мышцы вернулась сила, хоть и не до конца. Немного похрамывая, она идёт за братьями по Ордену, ощущая, как ароматы гари, сменяют-

ся на приятный душистый запах елевого бора. Её мертвенно-бледное лицо выглядит усталым, губы стали белыми, а в сапфировых очах горит усталость. Девушка с сожалением понимает, что только чудом смогла выдержать то огненное неистовство.

– Скажи, за какой из проклятых договоров ты продал душу лорду разрушения? Скажи, какой из твоих наставников-идиотов подсказал тебе так поступить? – в вопросе Ахмата норд уловил намёк высокомерия, а так же заметил, что лезвие сабли редгарда гнетущим жаром парит у шеи еретика.

– Мой лорд, – зашипел житель Аргонии, – владыка разрушения. Да-а-а, между нами есть договор. Он мне даёт поручения, а я могу призвать его слуг.

– И что же ты полнил для него, еретик проклятый?

– О-о-о, сын Хаммерфелла... что ж, я скажу тебе, – в кривой усмешке исказилась пасть врага, а хвост возбуждённо забился по траве. – Вчера я лично выпотрошил и высушил троих редгардов, а кровь их посвятил лорду...

– Аквила! – гаркнул Ахмат. – Какой ему будет вынесен приговор?

– Законы Империи и Скайрима, – тяжело дыша, заговорила девушка, – а так же местное право Фолкрита за убийство нескольких лиц и тёмные ритуалы предусматривают смерть.

– Давай Готфрид, – редгард отошёл в сторону, уступая место брату, который проронил лишь одну реплику:

– Где «Хронолирикон»?

– А, – интенсивно задышал аргонианин, обхватив цепкими пальцами грудь. – Я-я-я не дам его тебе. Я не скажу, где он.

– Что ж, мне кажется, ты не знаешь, что тебе попало. Тебе её твои братья-идиоты по культу просто вручили и сказали хранить, так ведь?

– Заткнись, сын шакала!

Нордлинг увидел, то что им нужно было, то за чем они шли сквозь пространство сюда. Его пальцы, защищённые толстой кожи, сжал цепочку на шее и дёрнули её со всей силы. Кольца украшения тут же разлетелись во все стороны, скрываясь в траве. На ладони у Готфрида под слабым солнцем, на полированной металлической поверхности отразился небосвод. Странный двумерский механизм, смахивающий на обычную матово-золотистую сферу. Увидев, что это тот предмет, который был иском, нордлинг указал рукой на аргонианина и отдал холодную команду:

– Кончай с ним.

– С удовольствием, – сабля Редгарда сверкнуло тусклым пламенем, и приготовилась напиться крови.

– Обожди, – на этот раз с убийством повредила Аквила; девушка сделала неуверенный шаг вперёд и оказалась рядом с сыном топей Чернолесья. – Мне ещё нужен «чёрный договор». Тот, который ты заключил с Дагоном.

– Можешь забрать! – аргонианин гневно швырнул в бретонку нетленную скомканную бумагу, которая та поймала и

мгновенно спрятала в кiset.

В «милость» на исполнение просьбы леди сфокусировала в руках магическую энергию и направила её в ящера. Смерть была быстрой – огромный ледяной шип пронзил чешуйчатую грудь еретика, пробив и сердце. Даэдрапоклонник тяжело вздохнул, хватаясь за воздух, а секундой позже выдохнул и упокоился навсегда.

– Зачем тебе это Аквила. Гордая ты наша, что ты задумала? – скоротечно спросил Ахмат, убирая саблю в ножны на поясе.

– Это дело Ложи, – резко ответила девушка. – Я не желаю на эту тему говорить.

– Ло-о-ожи, – удивился Готфрид. – Вот это уже интересно. И с каких таких пор Ложа выдаёт задания?

– Неважно. Это личное поручение мастера Люция. – Выходя к руинам, яро отвечает девушка. – Я не собираюсь говорить о том, что мне приказывает сам рыцарь!

Готфрид не узнаёт подругу. Раньше он видел её весёлой, снисходительной и она никогда не повысила бы голос на друга. Раньше он мог ещё бы предположить, что так сказалось убийство, но в Ордене их за два года натаскали на то, чтобы они без страха и дрожи могли оборвать жизнь любого преступника. Мягкая дружелюбная девушка за несколько мгновений, пару движений маятника часов превратилась в раздражительную сестру. Готфрид вспомнил, что она не хотела молиться в капелле, не желала отдавать поклон рыцарю, не

состоящему в Ложе, и в личной беседе с бранью жаловалась на Иерархов.

– Я подам рапорт Туриилу, – надавил Готфрид. – Если ты не скажешь, зачем тебе всё это.

– Мне незачем перед тобой отчитываться. Если захочешь, подавай. Мне глубоко плевать.

– Аквила! Ты что-то темнишь.

– Я не Регент и его не лобызатель. Мне нечего темнить... у меня нет тайн перед братьями и сёстрами по Ложе. Если хочешь всё знать, то, пожалуйста, вступиай.

– Тише-тише, – вмешался Ахмат, подбежавший к едва возвышающимся над землёй руинам дома, возле которых и разгорелся спор. – Мы же не будем сориться из-за какой-то бумажки.

– Ахмат прав, – голос девушки из поникшего сделался удивительно здоровым и звонким. – Я не имею против тебя что-либо, Готфрид. Если хочешь всё знать, то я уже сказала тебе, как это сделать.

– Ладно, – отпустил тему Ахмат, поставив подошву ноги на плоский камень, бывший в кладке из-под дома. – Лучше скажи, сын Брумы, почему мы сюда отправлены без рыцарской поддержки?

– Туриил говорил, что все практически рыцари с чародеями на заданиях. И если честно, то я уже давно не зрел множество рыцарского доспеха у нас.

– Ага... и на кой мы гонялись за этой сферой? – спро-

сив, Ахмат притронулся правой ладонью к короткой бороде, чуть её поглаживая. – Ох, чую я, что это не просто двумерский реликт.

– Да, – нордлинг уткнул лезвия секиры в землю и опёрся на наверхие. – Туриил, прежде чем отослан был в Морровинд, сказал, что эта вещь понадобится для одного из наших братьев-неофитов в грядущем задании.

– Согласна, – утирая сажу с брони, сказала Аквила. – Я думаю это то, что нужно Азариэлю. Он рассказывал, что сам Регент отдал ему поручение.

– Что ж, – нордлинг поднял голову к тёмному небосводу и из его носа подались клубы практически незаметного пара. – Думаю, мы сегодня выполнили своё – и артефакт добили и тёмный контракт разорвали. Пора возвращаться.

– Давайте, – Аквила обратилась к сумке за пазухой за свитками, – Сейчас будем дома.

Часть третья. Раскол

Глава 14. Пиршество гибели

Спустя две недели. Глубокий вечер. Цитадель Ордена.

Тут не стоит приятного аромата благовоний или сладкого запаха ладана, как во всей великой крепости славного Ордена. Тут нет священных фонарей или ярких магических шаров, освещающих холодные стены катакомб.

Комната озаряется немногочисленными факелами, от которых исходит слабый-слабый жар. Кожу терзает проклятый холод, въедаясь в неё острыми зубьями пещерной стужи, но больше всего пугает не хлад, а противное ощущение прикосновения страха. Жуткие мурашки, ползут по телу при входе в эти помещения.

Большое просторное прямоугольное помещение, в котором в форме «П» расставлено неисчислимое множество столов. Мастера Ордена значительно, довольно существенно расширили и украсили то, что раньше было просто пещерой. Теперь это свободная зала, которая могла бы сойти на крышу имперского собора, если бы тут хоронили мёртвых. Над головами собравшихся братьев и сестёр громоздятся монументальные своды, среди которых повисли роскошные

трёхъярусные люстры, так же добавляющие света в это царство вечной темноты. Скалистые стены сменились на гладкое серо-зеленоватое покрытие, в котором выточены разные перемежающиеся символы... несколько десятков сигилов, среди которых ясно различимо восходящее солнце, дракон, змей, зажатый в кулаке и рогатая маска. Есть и другие, не такие зловещие, более положительные.

Здесь много посетителей, очень много. Все они пришли из-за резной арки, в сторону которой смотрят два зубца «П»-образной расстановки столов. Тут очень много братьев и сестёр, и вся их одежда разная – сиятельные доспехи, кожаные панцири, добротные жилеты на вычурных одеждах, сдержанные костюмы и даже есть тёмно-синие балахоны, пропитанные магией. Но всех их роднит тёмно-лиловая накидка, знак, символ принадлежности к обществу.

Все они сидят и ждут. Кто-то говорит даже речь, но её не слышно, по крайней мере, для тех, кто погрузился в глубокое возбуждение. Некоторые предвкушают, когда смогут приложиться к яствам. Тут и прекрасное данмерское да бретонское вино, и жареное мясо, и эльсвейрские фрукты. Их пробуждающий болезненный голод, душистый аромат сменял смиренное благоухание священных масел.

Одна фигура возвышается над всеми. В самом конце чреды хороших столов стоит высокий человек, чьи очертания теряются под волнами ткани балахона. Но всё-таки можно заметить, что на нём нет брони, а плоть покрывается вторых

стихарём, такого же цвета. Его прекрасное лицо со всех сторон поливается светом, только прекрасный румянец, что был ранее, ниспал с лика. Теперь это мертвенно-бледная маска, на которой застыло странное выражение холода. В его мутных глазах горит огонь... но это не священное пламя долга, а тёмный пожар безумия, охвативший душу.

Рядом с ним сидит девушка. Бледную кожу кутает ряса, только это не та старая тряпка тёмной ткани. Чёрный бархат и золотая расшивка стали олицетворением роскоши, а пояс в виде широкой ленты ткани, на котором красуется золотой символ Ордена. Правый указательный палец украсило простое золотое кольцо.

– Лира, сестра, а что ты не радостна? – спросил рыцарь, усмотрев, что на лице девушки отразилась сущность этого мира – быть долиною скорби; пока её братья и сестры веселятся, она не может приговорить бокал вина.

– Думаю, вы и сами понимаете, брат Люций, – отстранённо ответила девушка.

– Понимаю, моя милая сестра. Понимаю. Но не бойся, всё ещё будет. Мой великий план изменит твою жизнь... и его. Можешь не сомневаться.

– Я жду этого момента.

– В нём тебе будет выделена особая роль... и Аквиле тоже.

После недолгого разговора, рыцарь поднялся.

– Братья и сёстры, – приторно взывает рыцарь к собравшимся; в бледных его руках зажат золотистый кубок, в кото-

ром плескается вино. – Я рад вас приветствовать на очередном заседании нашей Ложи.

– И мы рады видеть тебя, Люций, заря свободы! – хором ответили все те, кто тут находится.

Если бы кто-то из тех, кого не посвятили в таинства новоиспечённого общества, увидел, что творится на заседании, его бы хватил ужас. Регент Ордена явно не это имел ввиду, когда говорил, что им нужно единство.

– Посмотрите! – рука Люция указывает направо и под его ладонью оказывается среднего роста существо, чья морда вытянута и покрыта мехом, а на собравшихся взирают два кошачьих глаза. – Это Ра’аджир’а – соглядатай Регента, который обязан был следить за нами. Но он проникся идеями нашими, а поэтому присоединился к Ложе. Приветствуйте нового брата.

Катжит чуть приподнялся и отдал небольшой поклон залу, приветствуя собравшихся. Кошачий глаз взирает на тех, кто есть и лёгкая улыбка, сквозь которую промелькнули острые зубы, обозначили радость за количество братьев и сестёр. Но преимущественно здесь именно молодой крови, ибо больше половины неофитов присягнули на верность идее Люция. В ответ его облили волной аплодисментов – каждый тут рад видеть нового адепта, нового собрата с которым можно вкусить все плоды свободы.

– Братья и сёстры! – снова обратился Люций, продолжая нести в массы торжественные речи. – Регент... тот, кого мы

считали командиром и знаменосцем... нашим отцом по Ордену не доверяет нам. – Рыцарь на секунду примолк, выдерживая томительную паузу, чтобы затем более пылко продолжить. – Но это ещё не всё! Вы не можете представить, но он готов распустить нашу Ложу!

Сидящие за столами захлестнулись волной негодования и возмущения, став выкрикивать брань и призывать к непонятному действию. Все моментально успокоились, когда рыцарь поднял руку, призывая к молчанию.

– И что же мы будем делать, Люций? – раздался вопрос из толпы присутствующих голосом женским. – Что нас ждёт?

– Дорогие братья и сёстры, милые соратники и верные сподвижники. Все мы живём одной идеей изменить наш Орден... и Регент этой мыслью жил, но он изменил ей. Мы долго шли к этому – от мелких вольных разговоров и диспутов на все темы, вплоть до широкого клича идеи единства. Мы возьмём то, что нам причитается! Нас, наш великий Орден, ждёт славное будущее! Так давайте выпьем за него!

– Сегодня, мы пьём за наше вольное единство! – прозвучали громкие слова в ответ.

Губы лихого рыцаря коснулись золотистого края и прилепились к алой жидкости и жадно втянули пьянящее вино. Все собравшиеся члены Ордена сделали тоже самое – мастера и чародеи, рыцари и профессора да неофиты припали губами к бокалам и осушили их.

– Вкушайте плоды свободы, – Люций распростёр руки над

мясом и фруктами, самодовольно приговаривая, – я вам позволяю. Орден и его Кодекс запрещали вам вкушать пищу мясную да сладкую в не праздники, но я, как сведущий в свободе, даю вам это право.

И все приникли к мясу и фруктам, погрузив зубы в прожаренную плоть, жадно отрывая и вкушая куски пищи. Кодекс призывает к сдержанности в еде и напитках, запрещая принимать вне праздников Ордена жареное мясо и алкоголь. Правила Ордена наставляют на своеобразный путь вечного поста, но сейчас большим количеством братьев и сестёр он погран.

Мутные глаза, расцветка которых теряется под неестественной тёмной пеленой, взирают на происходящее. В них кроется смакование ещё одной победы, блеск радости от того, что он смог привести своих соратников к ещё одному завоеванию.

Внезапно их взгляд переметнулся к паре. Какой-то высокий тёмный парень и статная рыжеволосая девушка поднялись и, держась за руки, поспешили скрыться в одной из множества комнат, которые находятся по правую сторону от главы торжества.

– Мы уединимся! – крикнули они, пропадая за дверью, выкрашенной в тот же цвет, что и стены, отчего проход сливается с общим скальным массивом.

В ответ последовал лишь краткий кивок одобрения. Люций действительно рад, если брат и сестра по Ордену могут

отбросить все предрассудки и отдаться истинной первобытной страсти, отбрасывая все оковы смущённости и ветхой морали. Таковы мысли самого рыцаря и Регент с ними явно бы не согласился, но его здесь нет, а постулаты Ордена были за два года кропотливого труда растёрты в сознании.

Сам Люций поднялся и встал из-за стола. Никто не стал его окликать или останавливать. Никто не стал призывать его продолжить пиршество. Возбуждённые умы и души настолько погрузились в акт чревоугодия, что не заметили пропажи их лидера. Рыцарь тем временем скрылся за дверью, что стоит прямо за местом, где его стол.

Внутри небольшая комнатуха весьма и весьма тускла. Только пара факелов её освещают, незначительно разгоняя холодный мрак и освещая всё то, что здесь есть. У самой стены есть небольшой письменный стул, а рядом с ним кровать с сундуком. Вот примерно весь нехитрый быт.

Расположившись на деревянном роскошном кресле с высокой спинкой, Люций откинул спину с головой, ощутив затылком, прохладное дерево и тяжело выдохнул. Он не успел погрузиться в мысли, так как петли двери слабо застонали, оторвав воителя от концентрации. К его столу двигается высокая фигура, через тёмно-лиловый балахон которой виднеются кроваво-красные одежды.

– Как тебе пир? – кинул вопрос Люций, поднимая себя со спинки. – Скажи, что всё слишком прелестно.

– Самое настоящее сангвинаво пиршество, – прозвучал

довольный ответ от альтмера, камнем, вставшим у самого стола. – К чему всё это?

– Я хочу получить абсолютную лояльность их. Пусть знают и своих друзей просветят, что если занять мою сторону, сторону Ложи, то всё будет хорошо, – с хитрым оскалом ответил Люций. – Хорошие яства и дарование свободы немало сделали для того, чтобы мы достигли этого дня.

– Да, не спорю. Чудесный ход. Ты так много всего сделал – с каждым вольным сбором всё больше и больше вводил братьев и сестёр в состояние свободы от Кодекса и правил.

– Я просто им показал, что значит быть едиными. Регент слишком слеп, чтобы понять, что творится вокруг него. Он слишком занят политическими играми с Империей и сбором работы для Ордена, чтобы что-то видеть.

– Но он что-то всё-таки подозревает. В Цитадель стали возвращаться всё больше рыцарей и чародеев. Мне кажется, мастер Люций, что он предчувствует ваши намерения по поводу Ложи. Наше притворство не может быть вечным.

– И? – Люций чуть наострился.

– Если наших противников окажется больше, то великий замысел может рухнуть. И планы Ложи Ордена никогда не сбудутся.

– Он может призывать кого угодно. Ты посмотри, сколько братьев и сестёр на нашей стороне. Рыцари и маги, учёные и чародеи. – Люций примолк, таинственно обернувшись по сторонам. – Нас не победить ничем. Скоро мы заявим о сво-

ём. Скоро, ещё немного и мы покажем, что истинное единство и свобода от старых догм приведут Орден к славе и величию.

– Несомненно, мастер, – в почтении едва поклонился альтмер, чьё лицо скрыто под капюшоном.

Рыцарь поднялся с места и обернулся к дальней стенке лицом. Там, на небольшой полочке стоит несколько стареньких книжек, с немного надорванными корешками и затёртыми тёмно-синими обложками. Из уст полилась медленная речь, в которой высокий эльф ощутил дрожащие нотки возбуждения и одухотворённости:

– Мы желаем воплотить поистине нечто славное и великое. За нами, мой друг, стоит славная миссия обеспечить будущее Ордена. Давно, весьма давно, история Ордена знает случай, когда свободные братья и сёстры вознамерились дать отпор дремучим взглядам, но понесли поражение. И теперь мы вновь поднимем священное знамя над Орденом.

– Скажите, мастер, а зачем вы всё это устроили? – в вопросе рыцарь ясно услышал удивление. – Люций, я вас всегда знал, как истинного ревнителя постулатов Ордена, но за два года вы сильно изменились. И никто не знает причины этого.

– Я просто не пойму, что плохого в том, чтобы быть едиными в равном положении. Рыцари и паладины, маги и учёные, профессора – все должны быть братьями и сёстрами не только на страницах Кодекса. Я несу свет зари свободы от

всяких мерзких ограничений.

– Ох, вы говорите, о пище и о требованиях плоти? – возбуждённо спросил альтмер. – Да, тут я с вами согласен, зря мы этого держимся.

– И не только. Оружие и артефакты, созданные лордами Обливиона. Чем они плохи в использовании? Они не более чем инструменты и не несут в себе нечего плохого, если правильно их использовать.

– Соглашусь.

– А вера? Почему я в капелле должен преклоняться перед Драконом? Разве свобода выбора религии не должна почитаться Орденом? – фанатично сказал Люций и его пальцы коснулись небольшой статуэтки, на которой выписываются образы рогатой головы. – Я не желаю следовать Кодексу Ордена в его бестолковых ограничениях.

Люций поднялся с кресла и устремился к небольшой полке с книгами. Он водрузил статуэтку на полочку, и его рука дотянулась до небольшой книжки в чёрном переплёте, на которой красуется небольшой символ серебристой звезды и потянула её на себя, а холодную комнату заполнил взволнованный голос:

– Вот она... в ней мы напишем новую историю Ордена.

– Мастер Люций, а как вам удалось убедить столько братьев и сестёр в своей правоте?

– Я усладил их уши и души тем, что позволил быть такими, какими они желают. Желудки могут питаться тем, чего

захотят, сердца любить того, кого возжелают. Я показал, что Регент и Орден их ограничивают в естественных потребностях, рассказал о страшном диктате. В конце концов, каждый чего-то желает, и я заставил поверить, что если идти за мной, то желания касательно положения в Ордене исполнятся.

– Да, – альтмер сделал шаг назад, готовясь покинуть комнату, – мастер Люций, завтра ранним утром назначена операция.

– Это чудесно, – сквозь кривую улыбку блеснул зловещий оскал. – Сделайте всё к завтрашнему дню. Мы начнём исполнение нашей великой миссии завтра, и пусть Хродгар и Деметр готовятся.

– Есть господин. – Восторженно ответил альтмер и кинул фразу, ставшую противовесом девиза Ордена. – Свобода восторжествует!

Глава 15. Буря перед штормом

Утро следующего дня. Леса Валенвуда. Южнее Лонгвейла.

В зелёных кущах и изумрудных морях, раскинувшихся от пустынной провинции Эльсвейр вплоть до Абиссинского моря, устроилось логово заклятого врага жителей Тамриэля. Небеса над провинцией разразились самым настоящим рыданием, застав землю непроглядной пеленой дождя. Небо-

свод стал мрачно-серым, налитым тяжёлым свинцом и одним своим видом проминающий в душе глубокую яму.

Знаменитые океаны деревьев провинции лесных эльфов невероятно широки и необъятны, трудны для преодоления, но когда их заливают дождём, они становятся, окончательно непроходимы, превращаясь в жуткие места.

Но всё же, несмотря на капризы погоды одному воину необходимо идти через лес, когда он весь вымок, а воздух стал по северному прохладным. Его тёмно-зелёная куртка из мамонтовой кожи, усиленная пластинами из мифрила, слилась с расцветкой подлеска, погружая юношу в состояние малозаметности. Куртка хоть и кожаная, с грубыми швами, но удивительным образом не промокает под дождём и не скрипит. Его нога, утянутая в высокий сапог, облачённый в эбонитовое покрытие, ступает аккуратно на траву, чтобы не производить немного шума, а тело приклонилось к земле, дабы не попасться на глаза врагу. Но обувь ещё и зачарована, а поэтому воин ступает столь тихо, что даже птицы на гнёздах, устроенных в нижней части леса, не шелохнулись. Пальцы, защищённые длинными перчатками из кожи с уплотнёнными щитками из мамонтовой кожи, аккуратно прижимают слишком высокую растительность. Если где-то в стороне раздаётся шорох, то туда тут же метнётся внимательный взгляд нефритовых глаз, выглядывающий из-под полотна капюшона.

Парень тихо, как можно тише, пробирается сквозь море

леса, дабы настичь заветную цель и исполнить возложенную миссию. На поясе висит два подсумка и три кисета, лоя на себе отражение лесистой местности из-за того, что намокли. В них хранится множество вещей, интересных вещей, которые вряд ли можно было сыскать во всём Тамриэле у обычных торговцев. Юноша мысленно обратился к списку важного инвентаря, чтобы убедиться, что всё в порядке. Первое, что он вспомнил так это старую карту, на которой есть отметки о логове заклятого врага и схемы его жилища. Двимерские разрушающие механизмы, сделанные из двимерита и взрывчатых веществ самыми лучшими мастерами и профессорами Ордена, занимают солидное место, но они нужны, чтобы обрушить убийственный гнев на головы врагов народа Тамриэля.

Неожиданно парень ступил на ветку и раздался слабый хруст, отчего сердце ёкнуло. Воин мысленно себя укорил за то, что отозвался от миссии на перечисление вещей.

– Тише, Азариэль, – успокоил себя шёпотом юноша, приостановившись. – Только тише. А то «Сыны» выкупят тебя слишком рано.

Альтмер двинулся дальше, утерев бледные губы и золотистые щёки от воды. Его план довольно прост: Азариэль должен незаметно прокрасться в помещение, где заседает Высший Совет, пройти в кабинет Главного Лидера, вскрыть нужную шкатулку, забрать письмо, установить в слабых местах двимерские разрушающие механизмы и завести на них счёт-

чик, и уйти из помещения, а потом присоединится к штурмовой группе и разбить логово «Сынов» окончательно. Тем, кто состоит в штурмовой группе оставаться лишь добить практически погребённых под обломками рудников. Но всегда проще сказать, нежели сделать.

Две недели его Ариан натаскивал и тренировал, а рыцари и чародеи планировали операцию, ожидая всё больше и больше сведений разведки. Глава агентурной сети научил парня обращаться с двумерскими механизмами, более легко владеть клинком, нежели это делают рыцари, а так же держать себя в руках при встрече с врагом на подлобных операциях. И теперь Регенту да Иерархам остаётся надеяться на молодого воина, которому возложена столь важная миссия.

Азариэль идёт по лесу, который тонул в дождях, с шести утра. Он ступает осторожно, тихо, выверяя каждый шаг, чтобы его не раскрыли патрули врага. Станный пыл, огонь в груди двигает юношей и Азариэль понимает, что помимо долга им движет желание, стремление изничтожить жалких мятежников, которые отобрали у него отца. Но сейчас не время скорбеть по утрате, а посему он направил все мысли к операции.

Так же, мельком, Азариэль позволил себе вспомнить и о письме Ремиила, который он сунул ему две недели назад. Там были строки, признание в чувствах одной бретонки, живущей далеко на севере, из которых альтмер узнал, как целый месяц рыцарь помогал девушке выжить в трудном краю

после миссии и как она ему благодарна за это. На обратной стороне бумаги Ремиил пометил, что не может остаться с бретонкой по имени Бринна, о чём страшно сожалеет, но долг перед Орденом выше чувств. И всё же в письме девушка сказала, что будет ждать его верно и беззаветно, Прочитав строки пятилетней давности, что-то в Азариэле изменилось, теперь он смотрит на своего наставника, как на живого человека, а не на сущее воплощение сухого догматизма.

Юноша медленно подходит к нагорью, обросшему бесконечными лесами, где и находится штаб врага. Азариэль сухо вспомнил, что Сыны Леса не более чем крысы, ибо живут в сети пещер, оставшихся после деятельности множественных горных предприятий. Заброшенные шахты и выработки – вот их дом, жильё для любого сброда, которое скрывает себя от праведного взора Ордена и закона. В горной грязи они устроили себе и кузни и жильё, кухни и дворцы и, принимая это, юноша их находит не более чем грязным зверьём, не достойным помилования.

Но всё же парень позволил себе криво улыбнуться глупости мятежников. «Как же они могли упустить такую мелочь?» – вопрошает у себя Азариэль, вспоминая, что всё же одну шахту они забыли, так и, оставив незаселённой, что выявили разведчики Ордена.

Азариэль постепенно и неумолимо приближается к нагорью, но вдруг чуткое ухо уловило странное наречие и хлюпанье, смешанное с шумом железного доспеха, что сбило с его

губ улыбку. Юноша сразу смекнул, что это патруль. Он быстрым бегом, разметая капли грязи в сторону, рванул в ближайший куст, что мирно притаился за деревом. А патруль тем временем приближался, пока эльф не залёг среди низинного полога зарослей, уподобившись осторожному хищнику, ступающему к жертве, обходя ловушки.

Навострив взгляд, воин попытался разглядеть фигуры, ползущие среди деревьев в метрах двадцати от него. Два босмера явились из зелёного массива, идущих строго вперёд и явно не заметивших юношу. Их тела облачены в тёмно-зелёные накидки, на которых вышиты три дерева тёмно-серой тканью, под которыми виднеются старые разбитые кожаны доспехи, шитые-перешитые, грубые и убогие.

Азариэлю нет дела до деталей брони, ибо его интересуют речи мятежников. Сквозь звучание падения небесных слёз парень смог расслышать диалог двух повстанцев, вставших под сводами крон деревьев:

– Ха! Думаю, сегодня всё сладится славно! – раздался грубый резкий голос. – Нас очень много и проклятые шавки столичного тирана точно свалят из провинции.

– Думаю, будет так, брат, – голос второго более спокоен, – Валенвуд станет свободным.

– Именно! Ха! Да кто вообще посмеет посягнуть на нашу свободу?!

– Империя.

– Она нам не помеха, брат. Сегодня мы возродим наше

славное свободное прошлое! Свободный Валенвуд уже не мечта.

– Согласен, да и сколько новеньких прибыло.

– Это да. Нас больше и больше. Раньше я хоть кого мог запомнить. А теперь!?! Ох, сколько же новых рыл, аж тошно стало, но ради победы я готов терпеть.

«Бред сумасшедшего» – подумал про себя Азариэль, поняв, что большинство из «Сынов» это даже не бандиты, это больные на душу фанатики, способные пойти за своей идеей хоть в Обливион.

– Пойдём отсюда, у нас ещё две точки, которые нужно проверить.

Пока мятежники уходили вдаль, парень пытался осмыслить их слова, пытаясь найти хоть что-то здоровое. Он смог уловить для себя, что сегодня в логове противника будет довольно много новых лиц, а значит, можно будет при случае затеряться в толпе. И приняв к сведению информацию, Азариэль поднял голову, ощутив как холодные капли дождя с лёгкой дрожью касается его кожи. Взгляд устремляется вдаль и юноша увидел, что он практически подошёл к нагорью и вход в заброшенную шахту должен быть практически рядом. Парень подавил душевное волнение и внутреннюю дрожь, став продвигаться дальше. Ему необходимо спешить.

Парень смог незаметным подобраться к нагорью к югу от Лонгвейла и обратился бумаге, расчерченной пометками Ариана, прекрасно осознавая, что ни одна современная кар-

та не покажет того неприметного входа в шахту, который был прямо перед Азариэлем. Пока дождь мочил бумагу, делая её темнее альтмер смог сориентироваться и на его глаза попадает неприметная пещерка, укрытая деревьями, кустарниками и лианами.

– Что ж, – вполголоса заговорил Азариэль. – Вот ты где спряталась от меня. – И проронив слова, юноша устремился внутрь.

Как только он переступил порог, перед ним предстала жуткая картина заброшенности и пустоты. На парня свисают практически разрушенные деревянные балки, надломленные и провисшие под горной массой. Всюду валяются кирки, молотки прочий шахтёрский инструмент, покрытый многолетней едкой пылью, ласково их укутавшей подобно одеялу.

– Так-так...

Глаза Азариэля снова опустились на тёмно-желтоватое-белое полотно бумаги. Помимо плана местности в ней, на обратной стороне, отражены ещё и точные чертежи шахты, изображающие все её рукава и ветки. И заброшенная выработка, как место проникновения, была выбрана не случайно. Хоть она и изолирована от остальной системы, но под местом, где начиналось место обвала, обрезавшее её от стальных веток, есть та самая комната, где и хранится нужное письмо, каким-то чудом выслеженной безмерно уникальной сетью разведки Ордена.

Слуга Ордена подошёл к нужному месту. Он знает, что если использует механизмы, то вызванный силой их взрыва обвал похоронит всю надежду добыть желанную добычу. Но и махать киркой в этом месте было нудно долго, и займёт не менее дня, так как эту порода была горная, не та земля, которую обрабатывают крестьяне.

Но всё же Азариэль нашёл лопату с киркой, которые тут валялись в избытке. Складывалось впечатление, что он собрался копать горную породу, но это не так. Юноша достал из сумки плотно закрытый фиал и откупорил его. В окружающую среду тут же вырвался агрессивный запах, от которого парень поморщился и постарался отдалиться. Альтмер перевернул стекляшку и опустошил зеленоватое содержимое наземь и отбросил флакон. Порода у ног парня зашипела и пошла паром, будто бурлящий бульон, обращаясь в кашу и становясь мягче. Специальная смесь, размягчающая породу, изготовленная учёными Ордена и разбавленная магическими талантами чародеев, что сделали её ещё сильнее, за секунду из горной породы сделала песок или месиво, которое хоть руками перебирай.

Юноша бодро взялся за лопату и будто плодородный чернозём стал отбрасывать шмотья породы. Дойдя до непроработанной породы, он вылил ещё один фиал и так пока последний кусок камней, размягчившись, не провалился уже в комнату. Весь этот нехитрый каскад действий занял не более пяти минут, после чего парень мысленно воздал хвалу своим

наставникам и продолжил проникновение.

– Ну что ж, – отбрасывая лопату, сам с собой заговорил юноша, – пора спускаться.

Благо расстояние между потолком и полом комнаты довольно невелико. Зацепившись пальцами за края дыры, Азарияль тихо и спокойно опустился, к полу и спрыгнул, бесшумно приземлившись. Тут же он метнул быстрый и острожный взгляд в поисках возможных опасностей, но пред ним предстало обычное пещерное помещение, предназначенное для комфортного жилья, как не казалось ранее. Несмотря на все благородные цели бандитского движения, их лидер довольно прекрасно живёт, наплевав на идеи соратников. Помещение хорошо обработано киркой и отёсано, отчего стены можно выкрасить в бежевый цвет, и они покрашены. Несколько прекрасно выполненных тумбочек и подставок, на которых поставлены серебряные подсвечники. Изумительный ковёр из Эльсвейра ложится под ноги мягкой дланью, будто заманивая роскошью, хотя и был испорчен упавшей на него горной породой. Но так же комната забита предметами роскоши, что приводит забравшегося эльфа в ступор, ибо идеи равенства и стяжательства, братства попросту отправлены главой движения в Обливион. С удивлением альтмер смотрит на несколько статуэток из бивня скайримского мамонта, что украшают помещение, показывая достаток лидера и его истинное отношение к союзникам. Искусно выполненная картина «Закат над Сенинелом» украшает сте-

ну, и её свет как будто озаряют небольшое помещение, слишком она яркая. Да ещё покрытый узорами из золота комплект доспехов из Вэйреста добивает своей роскошью. Комната больше напоминает палаты крупного торговца, нежели лидера движения, сетующего на несправедливость. И от этого рождается иная несправедливость о которой сторонники Сынов Леса даже не догадываются...

Азариэль не стал долго рассматривать убранство помещения. Он стал рыскать повсюду в поисках необходимого предмета, вещи за которой его послали. Руки эльфа дотянулись до шкафа и судорожно выкинули оттуда вычурные имперские одежды, затем он разорил тумбочки, выкинув из них записки и украшения.

– Зрза, – занервничал Азариэль. – Где же тебя спрятали.

Но вот в нижней части тумбы он находит её и моментально цепляется пальцами за чёрный мраморный корпус, обитый золотом, и с характерным стуком ставит её наверх тумбочки. Азариэль видит, что на шкатулке, размером с кулак тролля, изображены странные символы и это фалмерский, не даэдрический, не двумерский и даже не айледский язык. Взгляд парня гуляет по символам, похожим на обычные надчеркивания и ощущает резь в глазах, переходящую в странное головокружение. С уст Азариэля слышится болезненный шёпот:

– Что за проклятое создание...

Азариэль обхватил её руками и тут же почувствовал

странное недомогание, будто простудился, а к горлу подошла едкая мокрота, сковавшая холодом гортань. Он понял, что какая-то нечестивая магия проклятьем оберегом висит над шкатулкой, защищая её от магического воздействия.

В ладони Азариэля промелькнул золотисто-матовый предмет, похожий на сферу, который устремился на небольшое углубление, вставленное вместо замка. Двумерский механизм приник к замку, и верхняя часть шкатулки плавно поднялась, давая увидеть, что на бархатном ложе покоится свёрнутый листок, на котором стоит болотно-зелёная печать, от которой исходит мистическое сияние.

Сунув письмо в подсумок, юноша посчитал свою миссию выполненной, парень стал выходить из комнаты, спеша перейти ко второй стадии задания, ощущая, как магия шкатулки его отпустила. Азариэль ринулся в ближний длинный коридор, надеясь принять зелье невидимости и стать призраком, но впереди его одёрнуло тяжёлое звучание металла, клацанье сапог о пол.

Юноша понял, что это повстанец, идущий ему на встречу, видимо услышавший, что что-то происходит в комнате и решивший это проверить и Азариэль спрятался за углом, практически у самого выхода из комнаты лидера, вынул изогнутый кинжал катжитской работы и с будоражащим ощущением приготовился.

Беспечный мятежник уже показался в поле зрения. Парень аккуратно выглянул из-за угла и видит, что воин прак-

тически полностью облачён в железо, поверх которого опус-
калась зелёная накидка с геральдикой бандитов. Альтмер
взял в левую руку кинжал, а в правую свой клинок из древ-
ней нордской крипты и вокруг меча снова заиграл морозец,
окутывая его одеялом магического холода.

Мятежник уже зашёл в комнату лидера с вынутым желез-
ным клинком, как на него обрушился неофит. Его целью ста-
ло горло мятежника – единственное место, не защищённое
доспехом, но реакция повстанца оказалась быстра, и он пе-
рехватил кинжал, зажав руку Азариэля ладонью. Но бандит
не ожидал спрятанного меча в руках парня, за что и поплат-
тился. Альтмер резким движением вперёд направил острие
клинка и тот пробил ржавую кольчужную защиту на шее,
пронзив плоть и войдя в мозг. Ещё движение и высший эльф
отпрянул от врага, позволив ему соскользнуть с меча и рух-
нуть на прохладные доски пола.

Парень практически ничего не понял из предсмертных
кряхтений повстанца, бесстрастно приняв их как хватания за
воздух. Азариэлю больше не бьёт в голову кровь при убий-
стве живого существа. Он вспомнил, как в первый раз обо-
рвал жизнь и на его губах промелькнул мрачный оскал, мало
похожий на улыбку. Парня больше не гложут дурные мыс-
ли, теперь все враги для него не более чем преграда перед
священным долгом. Он без лишних размышлений оттащил
тело в комнату, засунул в шкаф, чтобы раньше времени не
обнаружить себя и вытер меч об имперские одежды. Однако

прежде чем спрятать тело Азариэль стянул с трупа накидку и облачился в символику банды или движения... ему нет дела до того, как их величать.

Высший эльфмысленно воздал хвалу профессорам Ордена, что смогли раскопать старые чертежи в «гномьих» руинах, что на границе Скайрима и Морровинда. Теперь он сможет заняться штабом врага и разнести его двумерскими механизмами.

«Разрушим гнездо паразитов», – с угрюмой мыслью Азариэль тронулся подсумка, в котором спрятаны взрывные устройства и двинулся вперёд, облачаясь в форму мятежников.

Азариэль углубился в шахты, в самые недра, опускаясь на низшие уровни, и с удивлением для себя он открыл новый мир, маленькую страну, живущую отдельной жизнью. Всюду ему встречались босмеры, перемежаясь с высшими эльфами, лесными орками и реже с людьми. Вечный мрак тут отбрасывали факелы и масляные лампы, заливающие огромные пространства тусклым светом, режущим глаз.

Минуя узкие лазы и проходы, он смог выйти на самый низ, где его уши усладил звук журчания подводного озера. Взгляд Азариэля оглядел, что тут есть, кроме небольшой норы позади него, из которой он вынырнул. Свет тут иной, чем в других местах логово – магические светильники и яркие светящиеся шары, парящие под потолком пещеры, затопили это место лунным серебристым холодным светом. Широкое

подводное озеро уходит далеко в глубины земли и его конец теряется во мраке, а поэтому Азариэль посмотрел налево и право. На каменистых берегах нет воинов или злобных разбойников, вместо них женщины и девушки, затеявшие стирку, сами одетые в какие-то лохмотья. Альтмер ощутил, как его сердце и грудь пронзил болезненный укол, а душа буквально застонала, но подавив все приступы голоса морали, он смог незаметно дрожащими руками поставить два механизма на высоких колоннах, держащих потолок.

Затем Азариэль как можно быстрее выбрался с берегов водоёма. «Всё во имя Ордена, во имя Тамриэля» – оправдывает своё деяние альтмер, поднимаясь по тусклым тёмным коридорам выше. Воин Ордена понимает – лес рубят, щепки летят, а поэтому жертвами миссии и его мести станут не только повстанцы, но обычный народ – жёны и дети сепаратистов, живущие тут.

Тяжело дыша, парень поднялся на пару ярусов ввысь, придя в сердце всего штаба «Сынов». Азариэль оказался в довольно просторном и широком помещении, которое похоже на округлую залу. Стены отёсаны и доведены до состояния гладкости по сравнению с остальными ветками и на них пляшет факельное пламя. В центре стоит огромный стол, возле которого расставлены стулья, но он занимает лишь небольшое пространство и большая часть залы это пустые пространства, богато освещаемые жарким огнём множества факелов.

– Эй, брат, – раздался низкий мужской голос, и на плечо Азариэля легла тяжёлая рука, и Азариэль обернулся, увидев, как позади него возвышается грузная фигура в стальных доспехах морровиндской работы.

– Да... брат, – осторожно и топорно вымолвил Азариэль, смотря на широкое светлое лицо с квадратными чертами и лоя на себе взгляд больших водянистых глаз.

– Ох, да тебе лет восемнадцать-девятнадцать. Что ж, радостно видеть, что теперь и молодое поколение взяло в руки оружие, чтобы сбросить гнёт Империи. Кстати как тебя кличут и откуда ты родом?

Азариэль подавил все позывы дрожи, страха и волнения. Он ответил ту легенду, которую они отучили с Арианом, голосом спокойным, смиренным:

– Я Аркаритор из Сердца Леса. Там и дал присягу служить делу освобождения нашей провинции.

– Ты не смотри на меня так. Мне, Гунвару Сердцелесому, скорбно смотреть на то, как молодые умирают в нашей войне. И я просто заметил столь юного ревнителя идей наших и решил тебя спросить, что да как. Ты только взгляни, – массивной рукой высокий человек обвёл всю залу. – Скоро в нашем Сердце Директории соберутся все вожди, и мы сможем выступить единым фронтом. Наши жёны и дети, отцы и матери – все будут ликовать, когда мы загоним стрелу в сердце гнилому императору, укравшему нашу свободу.

– Как же вы попали в «Сыны»?

– Когда-то у меня был брат... кровный. Вместе мы жили на краю Валенвуда у границы с Эльсейвром, были обычными торговцами, перекупавшими вещи. Были обычными простыми людьми. Наше маленькое селение подверглось нападению бандитов.

– Как же вы спаслись?

– Мать меня и брата посадила на лошадь и отправила в лес, где нас спасли Сыны.

– А официальные власти?

– Ты же знаешь... мог бы даже не спрашивать, что сделала Империя. Ничего! Совершенно! – мужчина тяжело выдохнул. – Единственное, что у нас осталось от родителей, так это два амулета с растительным орнаментом. Но брата убили имперские твари и украли у него память о родителях. Ничего святого.

Азариэль с усмешкой вспомнил, что взял старый амулет с собой, поскольку берёт его в каждую операцию как талисман. Юноша не стал говорить, что его брат пытался на вольной прогулке убить его и обобрать, пусть вместо этого пусть мятежник радуется последним мгновениям счастья. Вместо этого он зацепился за железную цепочку в кисете и потянул её на себя, вынимая украшение и говоря:

– Я думаю это твой амулет? Мне его удалось снять с трупа одного имперского солдата.

– Ох, спасибо тебе, – радостно выхватил украшение тут же мужчина. – Как же тебя отблагодарить?

– Ничего страшного. Сочтёмся.

– Ладно. Мне нужно идти, прощай.

– Прощай.

Азариэль распрощался и отстранился от человека. В этой зале его интересуют не разговоры, а слабость всей системы шахт и веток, которую если использовать, то можно будет засыпать большинство мятежников, вместе с их великим сборищем вождей. Он стал ходить у стен и искать расщелины и отверстия, куда можно поместить заряды и расставив всё по местам он поспешил прочь.

Через несколько минут пролетев сквозь все уровни, юноша смог вернуться к тому месту, где совершил проникновение, но застал группу воинов, которые только что вытащили труп «брата» и готовились поднять тревогу.

К Азариэлю направился один из мятежников, желавший получить помощь в поимке врага.

– Брат... – разведя руками в стороны начал, повстанец, как получил кинжал в горло.

– Сдохни! – резко крикнул в сторону рухнувшего мятежника юноша, пальцы которого ещё секунду держали какой-то свиток, а теперь начали тонуть в жарком пламени.

Остальные враги опешили от такого приветствия, но сообщить никому ничего не смогли, так как их окатило волной пламени, сорвавшегося с правой руки Азариэля. Парень быстро вынул клинок и мгновенно расправился со всеми догорающими повстанцами, которые дёргаясь и пытаясь поту-

шить пламя, не смогли отреагировать на юношу. Оросив стены пещеры кровью, он нырнул в тот проход, который и сделал, совсем позабыв про свой кинжал в шее мятежника.

Выбравшись из комнаты, Азариэль устремился к выходу из пещеры, и как только его лицо вновь на себе ощутило ласковое касание хладных капель дождя, он взял ещё один свиток. Магия, выцарапанная на бумаге, соединена мистическим духом с важным элементом в двумерских механизмах, и чтобы их привести в действие, необходимо сотворить магию. Азариэль берёт свиток и тот пропадает, растворяется, уступая место ярко-зеленоватой силе, сокрытой в нём. Пара взмахов ладонью и землю сотряс гром.

Азариэль не оборачивался, а бежал и бежал вперёд. Сзади него раздавалась жуткое громыхание, страшные взрывы и раскаты грома сотрясают пространство, а в поднебесье устремляются тучи пыли и массивы горной крошки. Воину Ордена нет дела до многих сотен смертей, он не думает, что погубил и невинный народ вместе с отребьем. Задача выполнена и это единственное, что он принимает во внимание, а моральный укор старается подавить, забыть о нём, запихнуть куда подальше.

Внимание неопита привлекли блистательные силуэты серебристыми пятнами, проглядывавшие сквозь изумрудные завесы леса. Он стал сближаться с ними, поскольку знает, что это не мятежники и уже через мгновение оказался в окружении будущих собратьев и сестёр по Ордену, в блестя-

щих доспехах которых отразился сам лес. Под нагрудниками, усеянными золотом, что выписывает узор солнца, простираются тёмно-синие ткани, скрывшие ноги.

– Стой, Азариэль, – крикнул маг, вздёрнув руку.

Хоть их лица и были сокрыты под большими капюшонами, которые странной тёмной вуалью покрывают лица магов, юноша всё равно понял по голосу, что к нему обратился глава Магического Круга Ордена, ответственный перед архимагом за боевые вылазки чародеев.

– Да, господин, когда мы наступаем? – без вдохновения спросил Азариэль.

– Ты – никогда, – немного грубо начал маг и уяснив удивление юноши, продолжил. – Ты не идешь в атаку. В городке, похоже, откуда ты родом, что рядом с Гринхартом началось неестественное восстание. Ты с группой рыцарей должен будешь его подавить и вернуться к Регенту. – Сухо, словно зачитывая инструкцию, отчеканил маг.

– Но...

Маг даже не обратил внимания на возражения юноши. Его руки разбавили воздух странными движениями, коснувшейся магической ткани, а губы вторили движению, исторгая магическую сущность заклятья, и парень пропал во вспышке ослепительного света, оставив вместо себя лишь пустоту.

Для юноши это произошло в один миг. В глазах промелькнул свет, заставший его взгляд на пару мгновений, и тут же

он спал, и перед глазами открылись родные виды на старый городок. Азариэль осмотрелся и понял, что оказался у той самой старой таверны, от которой некогда и начинал свой путь и сейчас он вернулся. Волна ностальгии наполнила его разум, однако цели и задачи его возвращают из воспоминания, давая увидеть, что вся местность объята дурно пахнущим резким смогом.

Юноша поднял голову к небу и увидел, что хоть небеса плотно затянуты серой пеленой, ни капли дождя небосвод не роняет. Все, что вокруг, всё является сухим, и только он один стоял в доспехе, с которого стекали капли воды, а на сапогах красуется прилипшая жижа.

Но его отвлёк пронзительный крик, раздавшийся из таверны, и юноша туда моментально бросился. На дорогу выбежала какая-то девушка в тёмно-красном платье и со всех ног ринулась прочь, переступая через тела, усеявшие дорогу в городок. За ней погнались два босмера в лёгкой броне из кожи и, увидев Азариэля, бросились на него.

Первого Азариэль встретил поставленным ударом, рассекая торс мечом, но второй успел кинуться на него, обратив наконечник копья в грудь.

– Неофит! – Азариэль отпрыгнул в сторону и врага с копьем обдал поток пламени, изжаривший тело.

Два врага пали на землю подле прохода разорённой таверны. У двери лежит грузное тело, сжимающее в ладони крепким хватом знакомый топор. Быстро пробежав взгля-

дом юноше показалось, что он где-то видел и фартук, и окровавленное широкое лицо. Юноша приблизился к мертвецу, тяжело наклонился и признал в обезображенном теле старого знакомого.

– Покойся с миром, Ульффрик, – скорбь рвётся с губ Азариэля, сердце которого объято печалью из-за смерти старого друга.

– Неофит.

На воззвание юноша поднял голову и его взгляд выхватил образы невысокого лысого человека, в мешковатых чёрных одеждах, рубаха которого, утянув ремнями с ножами, а на ногах штаны подбирают невысокие сапоги.

– Я Марий, агент Ариана, – донеслась сухая речь от человека. – Он отправил меня проинформировать тебя, насчёт сложившейся ситуации. В маленьком городке вспыхнуло крупное восстание, хотя всё начиналось с малого.

– С чего именно? – взволновался юноша. – Я хочу знать всё.

– Трудно сказать, если честно.

– Ладно, что с хронологией? – востребовал Азариэль.

– Поначалу народ стал выходить на главную площадь перед домом управителя города и начал требовать, чтобы власть оставила свои полномочия и передала их, так называемому «городскому совету», который бы объявил автономию поселения от валенвудской провинции и самой Империи.

– Ещё были требования?

– Больше о мотивах повстанцев нам ничего не известно. Естественно, немногочисленная стража вышла, что бы разогнать бунтующих людей. Что понятно, мятежники это не оценили, и завязался бой.

– И стражники не смогли их остановить?

– У повстанцев каким-то образом оказалось оружие в достаточном количестве. И исход оказался печальным: вся городская стража за первые полчаса боя была перебита. В городке остался только маленький отряд имперских легионеров и двое наших рыцарей, удерживающих позиции у дома управителя поселения. – После этих слов тембр голоса агента усилился и стал более эксцентричным. – Но я чувствую, что у мятежников есть где-то свой командно-координационный пункт, и я даже знаю где. – И немного приостановившись, некрепко схватил Азариэля за плечо и продолжил. – У тебя, неофит есть выбор: ты можешь присоединиться к безумному бою рыцарей и легионеров или же мы можем атаковать центр и отрезать голову этому змею. Так ты с кем?

– А с каких пор Орден лезет в политические дела имперских городов и поселений? – Ответил вопросом на вопрос юноша, сделав смущённый вид.

– Сам Регент направил тебя для этой миссии. У него потом и спросишь. – Уйдя от темы, ответил агент.

Недолго раздумывая, юноша всё же согласился лёгким кивком и направился в полыхающий городок вместе с агентом Ариана, желая узнать, что случилось на его малой роди-

не. Над некогда спокойным и мирным поселением, нашедшим место среди зелёных валенвудских кущ, вьются столбы едкого дыма, и стоит дикий гул и оры, как солдат Империи, так и мятежников. Обе стороны отчаянно сражаются за превосходство на этой земле и даже не думают идти на мир. Только уничтожение либо мятежников, либо имперских солдат приведёт к успокоению в городке.

У входа в поселение расположилось двое мятежников с алебардами наперевес, без опаски расслабившихся. Юноша даже не смог усмотреть, как агент разведки достал два ножа и метнул их вперёд. Азариэль углядел лишь серебряный блеск и затем только торчащие ножи из горл повстанцев, а также струёй бьющую кровь и как два тела, постанывая и кряхтя, пачкая стены алой жидкостью, сползают на землю.

И пройдя за стены города, Азариэль не узнаёт его, как будто это совсем другое место – мрачное и невзрачное, лишённое жизни. Всё что можно – полыхает. Улицы в чёрном крошечном дыму, отчего мало, что можно отчётливо рассмотреть. В нос и лёгкие забиваются клубы едкого дыма и горло начинает першить, вызывая желание прокашляться.

– Куда нам? – мотая клинком и рассекая дым, спросил парень.

– Туда! – крикнул агент и бросился в сторону, где еле-еле различима дорога.

Шпион двигался по городку плавно и быстро, больше напоминая рыбу в воде, скользит как тень, съезжая возле зда-

ний и метая многочисленные ножи в опрометчивых врагов, которые так и не сумели разглядеть «смерти из мглы». И по указаниям агента и пути, который показал альтмер, они через пять минут оказались у одного старого и крепкого дома. Хороший сиродильский брус, хладность и грубость в формах... Азариэль вспомнил это место, эти стены, крышу и окна. Как он играл возле них в детстве и как покидал стены дома. Из-за нахлынувших воспоминаний о своём доме, юноша не смог вовремя сориентироваться и просто несколько мгновений стоял как вкопанный.

Агент заметил, что чердак был открыт нараспашку со стороны улицы. Так же он увидел, что окна заколочены, будто кто-то хотел тщательно скрыть происходящее внутри.

– Помоги мне подняться на крышу, – требовательно попросил шпион.

– Что? – растерянной интонацией, вызванной каскадом воспоминаний, переспросил парень. – Что ты попросил?

– Помоги мне подняться! – уже грозно и с нетерпением повторил агент.

– Хорошо. Сейчас, – прокашлялся Азариэль и мгновенно подсадил агента, давая ему зацепиться за деревянный край и забраться на чердак, а затем уже Марий помог неوفиту подтянуться наверх.

С чердака эльф и человек переместились на первый этаж, в поисках мозгового центра мятежа, и юноша со стенаниями в сердце встретил новые образы своего дома. Юноша чуть

не прослезился от того, что увидел, как стенам мирно показываются гнусные стяги Сынов Леса – зелёные полотнища с изображением трёх деревьев, пересечённых мечом – геральдическое новшество. Повсюду, в хаотичном порядке разбросана домашняя утварь, как после знатной пьянки. Повсюду раскиданы грязные спальные мешки и видно, что на них спал не самый чистоплотный народец. Дом пребывает в полной разрухе, напоминая больше ночлежку для нищих.

В середине комнаты поставлен круглый стол, за которым сидит несколько человек и пара лесных эльфов в накидках «Сынов». Перед ними поднимается высокий катжит и зачитывал свой доклад по восстанию в городе. Видимо это те самые лидеры мятежа в городке, уже предвкушавшие победу. На столе лежит стандартный набор мятежника: карты, ножи, деньги, письма и откупоренная бутылка вина.

Азариэль сдержал в себе волну рокочущего гнева, сжав с силой клинок и наблюдая за тем, как лихой морозец заиграл у лезвия. Тем временем Марий прильнул к стене, обнажая последние ножи.

Открыть кровавый спектакль предпочел агент разведки Ордена. Он быстро, практически неуловимо для глаза, метнул нож в того, кто зачитывал доклад, но попал ему в крепкий нагрудник, не убив мятежника. Второй вышел Азариэль, решивший действовать более красочно. Он быстро подбежал и, вскинув рукой свиток, резким движением метнул его в одного из босмеров, отчего вся тканевая одежда на нём

вспыхнула как костёр, и он начал неистово и истошно кричать, равномерно прогорая. Юноша вновь запустил руку в карман и достаёт последний свиток и с его вытянутой руки срывается ледяной болид, заточенный как копье, и отпускает его в свободный полёт, пронзая эльфа. Грудь снаряд пробивает на раз, разорвав тело, и кровь с ледяного кончика магической сосульки аккуратно закапала на пол, отчего отступник, пошатнувшись, рухнул наземь, догорая окончательно.

Во второго эльфа, который готовился брать длинный лук наизготовку, агент метнул ещё один нож и лезвие уходит точно в шею. Однако противник попадаетея суровый и, ухватившись вынимает нож, и кровь забила ключом, отчего мятежник, кряхтя и размахивая руками, придерживаясь за горло, упал на землю и став ждать смерти.

Оставшиеся повстанцы вышли из ступора и присоединились к спектаклю. Высокий бретонец сумел парировать удар юноши, после чего провёл атаку длинным стальным мечом. Юноша ушёл от града ударов, позволив мечу противника уткнуться в деревянный пол, после чего Азариэль проколол клинком грудь восставшего. Кровь на мече Азариэля тут же застыла и обернулась в лёд, и юноша убрал со своего клинка стенающего повстанца, переходя к следующему врагу.

Выпад, нанесённый четвёртым главарём – крупным коловианцем стал чистой неожиданностью. Юноша успел парировать первый удар, отчего отдача чуть не опрокинула парня на пол. Второй удар, нанесённый мятежником, держа-

щим тяжёлый двуручный мечом орочей работы, сломал клинок Азариэля. Прекрасный древний нордский меч, чей стиль смешался с мастерством эльфов, со звоном разлетелся на части при ударе об грубую работу орков. А мятежник всё продолжал размахивать грубым мечом, разбивая всю мебель и круша всё то, что попадалось на пути его клинка. Но вдруг заточенный нож входит в горло сиро-норда и тот с лязгом роняет оружие, обхватив кровоточащее горло. Азариэль в один прыжок оказывается рядом с врагом и пронзает его броню из кожи обломком клинка, опрокидывая противника наземь.

Конец боя – вся верхушка мелкого бунта лежит перебитая. Азариэль взглядом, исполненным скорбью рассматривает всё происходящее. Он сегодня собственноручно обрушил горные массивы на головы тех, кто не совершил преступления, в вихре непонятого мятежа потерял знакомого, вернувшись домой он не узнаёт места в котором провёл часть детства. Всё в дыму и крови, погрязло в жестоких разборках.

– Азариэль! – обращение выдёргивает юношу из мыслей. – Ты как?

– Нормально. Время уходить отсюда, сейчас сюда придут мятежники за распоряжениями, – с нотками взволнованности сказал Азариэль.

– Ты уходи, у меня здесь ещё будут дела, – дал сухой ответ агент.

– Ты справишься? – для приличия спросил Азариэль, сгораемый от желания покинуть свой осквернённый дом.

– Уходи уже, времени мало!

В руках Азариэля вспыхивает тёмно-лиловое пламя, заключённое в бумагу, и он обращает его к себе. Мгновение и тело высшего эльфа растворяется в потоке магической энергии, что переносит его существо в другое место, преодолевая огромные пространства.

Через мгновение и Азариэль больше не видит обезображенного дома, вид того, как над ним поглумились мятежники, пропал. В нос больше не забивается едкий горький дым, звуки битвы, крики агонии и лязга клинков исчезли. Вместо всего приятный вид комнаты Регента и душистый аромат благовоний.

– Давай сюда письмо, – судорожно отчеканил Регент, одетый в туже одежду, что и прежде, даже не поприветствовав Азариэля.

– Да, мой лорд.

Юноша сделал пару усталых шагов и присел на стул, достав из куртки бумагу и передав Регенту добытое письмо. Глава Ордена, поморщившись от того, что одежда разила гарью, жадно её выхватывает и, ведя ладонью возле письма, прочёл заклинание на странном языке, и свиток легко сверкнул белым светом, рассеяв печать, словно с него слетела некая защита. Регент начал тщательно и внимательно, вчитываясь в каждую строчку читать письмо, и чем больше он читает каракули на бумаге, тем больше в его глазах читается тревога, и тихий ужас будто пожирал его взгляд. После

того как свиток был дочитан глава Ордена просто выронил его из рук на стол. И без того тёмный лик стал темнее ночи и страшнее сумрачного кошмара.

– Этого просто не может быть, – хандра, ослабленная су-хим, как пепел голосом, вырвалось с уст Регента.

– Что мой лорд? – удивлённо спросил юноша. – Чего не может быть? – в Азариэле разыграло любопытство и теперь он желает знать все детали миссии, и сам заглянул в то, что написано на бумаге.

Буквы, которые засияли неестественным омерзительным свечением там, будто врезались ему в глаза, больно ударив по мозгу и душе парня. Его подобно как молотом ударили и проминали саму суть души. Его начало затягивать странное ощущение безумия, показалось, что где-то поодаль доносится зловещий шёпот, идущий из ниоткуда, но тут Регент выхватил письмо из рук парня и снова кинул на стол проклятую бумагу.

– Столько эпох и именно сейчас, – глубокое ошеломление послышалось от Регента, за которым последовало предостережение. – Лучше не старайся понять этих букв. Они ещё зачарованы на безумие.

– Да что случилось, господин Регент? Я ничего не понимаю.

– Разведка не обманывала, случилось, то чего я боялся, – подавленно продолжал Регент, будто не замечая парня. – Всё становится на свои места... проклятье, как же так можно.

– Мой лорд, я всё ещё не пойму, что происходит?

– Эх, неофит, – Регент коснулся лёгкой щетины на подбородке, продолжив меланхолично говорить, – тебе пришлось увидеть Орден в не самые лучшие годы.

– Мой лорд, но Орден, он ведь сколько существует... с ним не может просто так что-то случиться.

– Есть история из нашего давнего прошлого, о которой я могу тебе рассказать. Но если ты о ней поведаешь, хоть одному неполному брату или сестре, тебя ждёт кара, о которой ты представить не можешь.

– Я обещаю, я никому не расскажу, мой лорд. А зачем её вообще мне рассказывать?

– Что бы, ты не впал в отступничество, думая, что от тебя слишком много скрывают.

– Отступничество? – вопрос, преисполненный удивления, срывается с губ Азариэля, который пролетел мимо острых ушей Регента.

– Эта история началась очень давно, ещё до нашего рождения, – ностальгически, впадая в историческую меланхолию, начал Регент, откинувшись на спинку трона. – Никто не знает, откуда берёт истоки наш Орден. Судя по книгам, что у нас есть в библиотеке, его называли древним ещё во времена потентата Версидью-Шайе.

– Мой лорд, разве нет о нашем Ордене нечего?

Усталый взгляд Регента лениво переместился на одну из дверей стола, и чуть наклонившись, он что-то достал. Через

мгновение руки Азариэля обременили от того, что в них покоится тяжёлая книга, в тёмно-багровом переплёте, страницы которой стали жёлтыми и ветхими, а от самой книги разит стариной.

– Есть, – сухо ответил Регент. – Со времён Алессианского Государства было решено, что один из братьев станет летописцем Ордена, и вся жизнь будет отражаться в «Хроникум Темпле».

– И это...

– Да. В твоих руках сейчас книга, датируемая временами, когда произошло великое восстание людей в Сироделе. Там говорится о том, что группа воителей и чародеев, сведущих в различных науках и искусствах войны сражались рядом с людьми за свободу.

– А затем, мой Лорд? – спросил Азариэль, разглядывая страницы, исписанные выцветшими чернилами, на непонятном языке и судя по клинописному характеру символов юноша подумал, что это может быть язык древних нордов.

– Следующие книги говорят, как славное воинство, оставив Сиродил, двинулось на юг, минуя Валенвуд. Они оказались на этом острове, где нашли старые руины.

– А как всё это относится к моей вылазке в Валенвуд, мой лорд?

– Спустя сотню лет, как была возведена крепость, если верить «Хроникум Темпле», произошёл раскол. Регент Самуэль вступил в противостояние со своим повелителем Вер-

ховным Магистром Дунхартом. Второй желал сделать Орден сильнее и могущественнее, обратившись к тёмным силам Даэдра, но у него встал на пути Регент. Завязалась битва и Дунхарт поразил слугу, но против выступили остальные братья, признавшие правителя еретиком. Дунхарту пришлось скрыться.

– А комната, мой лорд? – Азариэль указал на железную дверь у входа.

– Ах, она, – бесстрастно сказал Регент и обратил лик в сторону металлической двери. – Это комната Верховного Магистра и с тех дней ей суждено стоять незанятой, поскольку титула этого нет.

– Почему, мой лорд?

– Решено было, что власть над всем Орденом следует между благородными Иерархами и полноправными братьями да сёстрами.

– Печально, мой лорд, – тихо прошептал Азариэль, сразу же после рассказа. – Печально и в соответствии с древним мировым жанрам жизнеустройства. Ничего не обходится без горя и предательства. Что за мир... как будто его специально создали, чтобы смеяться над тем, как народ режет друг друга ради мелких целей.

– Это ещё не конец, юноша. – Услышав слова Азариэля, с черствым недовольством сказал Регент и продолжил свой рассказ. – Орден тогда решил хранить тайну об этом, неся её сквозь беспокойную историю Тамриэля. Но это был не по-

следний его раскол.

– Как? – удивился Азариэль, сложив руки на груди.

Регент тяжело поднялся, аккуратно убирая длинный седующий волос за уши. Он направился к круглому окну, встав спиной к юноше, и альтмер может видеть только спину Регента, обратную сторону тёмного кожаного жилета, украшенную геральдическим солнцем. Вдруг полился его медленный и бедственный глас, переполненный свинцом бедственности:

– Всё произошло года тридцать два тому назад. Тогда мне пожаловали место в Иерархах, и я покинул рыцарство. Но суть не в этом. Один эльф из рода лесных меров, в должности учёного вознамерился изменить устройство Ордена.

– Мой лорд, может его вели благородные мотивы?

– Нет, юноша, совсем нет. Его вели другие мотивы, пропитанные порчей Сангвина.

– Откуда вы знаете, мой лорд?

– Он был мне другом... хорошим другом. Его поразили недуг, от которого мы бережём каждого брата и сестру в Ордене.

– То есть, мой лорд? – встревожено прозвучал вопрос.

Регент едва развернулся и согнул руку в локте, шершавым голосом ответив:

– Он позволил себе влюбиться. То, что в мирском обычае признаётся благостью Мары и великим даром Дибеллы, тут считается порчей Сангвина. Против нас великий враг может

использовать все слабости и тем более эту, а посему никому в Ордене нельзя иметь отношения подобного характера.

– И что же дальше, мой лорд?

– Его изгнали, но самое худшее, что за него вступилась не менее полсотни братьев и сестёр. Они ушли вместе с ним... без боя и сражений.

Азариэль поморщил губами, искривив их в ощущении неприязни, недовольно приговаривая:

– Почему Ремиил меня обманывал? Он говорил, что не подобного не было.

– Он не имел права говорить об этом, – ответил Регент, сажаясь обратно на трон. – Он тебе соврал, дабы не раскрыть тайн Ордена.

– А почему вы не казнили их? Как Орден со всей его системой воспитания допустил это? Почему, мой лорд? Почему верность Ордену так легко поколебать? – разразился отчаянными вопросами Азариэль.

На град вопросом Регент спокойно ответил, сохраняя такую же неотзывчивость в речи:

– Наши братья и сёстры, возвращаясь с заданий, подвергаются порче Даэдра. Часто её удаётся выявить чародеям-клирикам, но порой она залегает так глубоко, что её не видно. И порча прорастает, давая нечистым духам дёргать за струны души. И порой это приводит к тому, что нам приходится казнить собственных братьев и сестёр, – опечаленно заключил Регент.

– Так почему же тот учёный не был казнён?

– Это моя ошибка. Когда был суд над ним, Иерарх-обвинитель просил смертной казни, и я не смог... он был моим другом, и мне пришлось выступить с защитной речью. Регент и Совет Иерархов решил его изгнать, навсегда.

– А вы не боитесь, что он мог бы выдать часть ваших секретов?

– Ох, кто бы поверил бродяге, который бредит о каком-то Ордене? Да и если бы он стал сильно вопить, его бы заставили замолчать... поверь, от разведки Ордена так просто не скрыться.

– Вы никогда не жалели о том, что не смогли?

– Об этом уже пожалел. – Не радостно сказав, Регент коснулся пропитанной нечестивой магией бумаги на столе. – Ты думаешь, почему я всё это тебе рассказал? Зачем я несколько минут изливал часть истории Ордена? Ты охотился за письмом, которое сводит все линии воедино.

– И что же там сказано? – спросил Азариэль, ощущая, как в нём закипает предчувствие чего-то нехорошего, будоража сердце.

– В письме сказано, что б «верные сыны и сестры начинали подготовку и реализовывали план «Возмездие». Но самое страшное дальше, в строке – «Дунхарт Старейшина шлёт своё благословение Фиотрэлю эль Анарху, преданному сыну Ордена».

Удивление, смешанное с предчувствием гнетущего стра-

ха, овладело Азариэлем. Он ощутил, как ком подкатывает к горлу, вместе с дурными воспоминаниями, а изо рта криком вырываются слова:

– Кому?! Фиотрэлю?

– Да, моему другу-отступнику, – бездушно даёт ответ Регент.

– Я ведь его знаю, эту паскуду. – Азариэль резко встал со стула, став расхаживать из стороны в сторону, нервно продолжая говорить. – Я-я-я, ему дом продал, а эта тварь из него сделала притон для мятежников.

– Сыны Леса не просто мятежники... по крайней мере уже не сейчас. Может раньше они и были бандитами, но с недавнего времени их готовили для войны... войны с нами. Часть их последователей – еретики, дающие поклон кровавым обрядам даэдра. Скорее всего Фиотрэль возглавил Сынов, а Дунхарт нашёл его и усилил культ... хорошо, чято Ариан придумал прочесать весь лес, чтобы их найти, но сейчас не до этого.

– А что это за язык был, на котором написано письмо, мой лорд? – успокоившись, поинтересовался Азариэль и ещё раз посмотрел на бумагу, но моментально отвёл взгляд.

– Это язык нечестивых тварей, что живут на Трассенинском Архипелаге – Слоадов. Но сейчас не об этом...

– Мой лорд, – насторожился Азариэль, когда голос Регента едва-едва дрогнул.

– Пока ты отсутствовал Орден встал на грань раскола. Да

и Сафракс ранен.

– Что?! – глаза Азариэля расширились от удивления, а голос судорожно задрожал. – Ка-как э-э-это сл-случилось!?

– Всё началось с раннего утра, – безумное спокойствие в речах Регента ввело Азариэля в удивление. – Тогда Хродгар и Деметр провинились перед Сафраксом, они не возжелали ему отвечать по Кодексу. Рыцарь был уже готов применить наказание к ним и запереть обоих в карцере, как вступился за них Люций.

– Ещё бы!

– Он попросил, чтобы Сафракс заткнулся, но рыцарь уже настаивал на суде для двух неофитов. В итоге два рыцаря сошлись в битве и по итогу Сафракс теперь в госпитале...

– О Акатош, – с пустым взглядом качает головой Азариэль. – Как такое возможно? Как такое произошло? Этого не может быть... не может.

– Боюсь, это реальность, – Регент прикладывает ладонь к подбородку. – В итоге Люций объявил, что больше не намерен терпеть запреты, несправедливый суд и неравенство в Ордене. Его можно было бы пристрелить из арбалета как рьяного пса, но за него вступились.

– Кто, мой лорд?

– Рыцари, иерархи, маги, профессора и мастера. Все те, кому его идеи показались необходимыми и приятными на глаз. Наши братья и сёстры выступили в Двуглавом Совете с пламенной речью, что Люций – звезда Ордена, которая при-

несёт «свет» всем нам, – в сухом шероховатом голосе Регента промелькнул момент неприязни.

– И они что-то выдвигали, мой лорд? Требования? – Азариэль, поинтересовавшись, чуть подался вперёд, ощутив, как спина затекла и, слушая безрадостный голос повелителя.

– Он объявил, что все свободные братья и сёстры для лучшего устройства Ордена пусть присоединяются к ним в Обители Ложи для разработки плана по улучшению. Мои источники сообщают, что они готовят что-то масштабное и глобальное.

– Простите, – безнадёжно усмехнулся Азариэль, – а как же ваша идея с Ложей? Разве вы не питали надежд, насчёт неё? Почему то, что должно было спасти Орден, его сейчас убивает?

– Я думал, что она сможет сплотить нас, сделать едиными. Чтобы братья и сёстры были верны и доверяли друг другу. Я и Совет Владык вверили Люцию создать то, что свяжет души в Ордене крепче, чем узы единой цели и статьи Кодекса, и он взялся за это задание. Но, кажется, он нас объегорил.

– А как же соглядатаи? Разве вы не знали, что он там творит?

– Боюсь, Люций с нами играл. Получая информацию от кого-то из Иерархов, он вычислил всех наших соглядатаев и перекупил их. Нам поступала дезинформация. И всё, что должно было служить на благо Ордена в этот момент, сейчас его разлагает.

– Так сделайте, что-нибудь! – воскликнул Азариэль, разведя руками. – Вы же Регент!

– Боюсь, не всё так просто... да, я Регент, но не Верховный Магистр. Власть, её основа, не у меня в руках. Совет Владык – он способен был бы подавить это выступление...

– Но...

– В рядах Иерархов есть те, кто отдают симпатии предателю. Похоже, отравы Люция глубоко въелась в наши ряды и души братьев и сестёр.

– И что сейчас происходит в Ордене? – безрадостно роняет вопрос Юноша, тяжело поднимаясь со стула и отряхивая от сажи куртку. – Что нам делать? И как к этому отнеслись главы «Путей Повинностей».

– Усилена стража, чтобы не случилось стычек. Верные Ордену рыцари, маги, учёные и мастера с неофитами собираются в Великой Башне. Странники Люция выставили стражу у казарм неофитов, объявив их территорией Ложи, и собрались в её обители. Было решено собрать Великий Капитулярий сегодня вечером. А главы? Все они понимают, что единство важнее всех претензий, высказанных ранее. Мы защищаем Тамриэль, а не торгуемся на базаре.

– Мой лорд...

– Ступай, неофит, оставь меня, – доселе чёрствый голос Регента дрогнул от напора, а его взгляд сделался недовольным, – Мне нужно подготовиться к Капитулярию. Сдай всё снаряжение Ариану и... займись чем-нибудь.

– Да, мой лорд, – с лёгким поклоном ответил альтмер и поспешил уйти из кабинета.

Юноше тяжело идти, его ноги болят от усталости и ломятся от внутренней хандры, мысли попросту плывут. Он встал у стенки, чтобы не упасть и отдышаться. За последнее несколько часов пронеслось столько событий, что мозг готов вскипеть, а как финал – само существование Ордена поставлено под угрозу, но сейчас ему нужно думать не об этом.

– Акатош, помоги мне сделать выбор, – шёпотом взмолился Азариэль.

Высший эльф не знает, куда примкнуть. Он давал клятву служить Тамриэлю и Ордену. Но всё же... Аквила, девушка, спасшая ему жизнь и проводшая рядом детство. Парень сердцем чувствует, что она с Ложей и понимание этого глохнет его. Поедает изнутри. Азариэль чувствует, как дрожь и сомнения разливаются по жилам вместе с кровью, порождая в нём страх.

Но всё же юноша осознаёт, что всё это предтеча чего-то большего, чего-то очень страшного и жуткого. Не зря Люций два года вынашивал этот спектакль и так быстро он не сдастся. Рыцарь затеял нечто, что перевернёт всю жизнь в Ордене и, беря это во внимание, Азариэль идёт дальше, чтобы найти тех, с кем можно посоветоваться.

Глава 16. Повелитель конфликта

Этим временем.

Высокий светловолосый нордлинг отразил атакующий удар, сжав в руках красивое серебряное блюдо, выполненное в форме круга. Кулак впечатался прямиком в центр и раздался металлический перезвон при соприкосновении плоти и костей с драгоценной посудой. Противник, коим является невысокий черноволосый имперец, облачённый в белую рубаху, чёрные штаны да туфли, попятился назад, потряхивая конечностью.

– Ещё раз нападёшь на меня Тиберий, я тебе челюсть сломаю, – рыкнул нордлинг, ставя блюдо на стол и вытирая правую руку о рукав чёрной рубашки, прикрывающей кожаные штаны.

– Хорошо-хорошо, Готфрид, если ты так желаешь оставаться в тени варварства из которой вышел, то, пожалуйста. Твои родичи, как и жили в пещерах, так и живут. И тебе видно достался от них мозг. Свобода восторжествует!

– Я тебе сейчас сапог в гузно запихаю! – норд ринулся с места, сгорая от желания отделать бывшего друга, но мгновение и его остановил цепкий хват широкоплечего редгарда.

– Стой Готфрид, не марай руки об этого идиота. Остынь!

– Хорошо, Ахмат, – тяжело выдохнув, соглашается норд,

гневым укором провожая Тиберия, который улизнул за дверь.

Воздыхание Готфрида бедственной волной пронеслось на всю палату. Юноша уставил взгляд на белоснежные стены, у которых в небольшом помещении стоят четыре кровати, одна из них занята. Единственный источник света – окно открыто нараспашку и оттуда поступает свежий воздух с холодным бодрящим ветерком.

– О-о-о, – послышался горестный хрип, и ребята подошли к занятой койке; там лежит златовласый воин с голубыми глазами и мужественными чертами лица. У него перебинтован живот и руки и парни знают, что бинты положены оттого, что эти части тела изрезаны.

Только Готфрид и Ахмат выпроводили отсюда сторонника того, кто нанёс эти повреждения. Тиберий приходил не чтобы справиться о здоровье раненного рыцаря, но для издёвок и усмешек, для того, чтобы поглумится над беспомощным человеком и читать ему нотации о том, как хорошо, что есть Ложа, которая всё изменит. Но вот Готфрид не оценил стремлений Тиберий, и их перепалка едва не перешла в драку, что вылилось в порчу блюда.

Двое юношей стоят у кровати и тумбы израненного воителя, склонив над ним головы и ожидая пробуждения.

– Ох, – открыл глаза рыцарь. – Вы тут?

– Да, господин Сафракс, – твёрдо отвечает Ахмат. – Это мы – неофиты.

Оставаясь только в свободных штанах, Сафракс провёл кончиками пальцев по ткани бинта, которая окутывает его торс и попытался приподняться, но боль, пробежав по его телу, заставила мужчину лежать и не подниматься. Угловатые губы, на которых красуется яркая ссадина, распахнулись, неся медленную тихую речь:

– Ох-кхам, что с-с-сейчас происходит в О-о-ордене? Последнее что я п-помню... как на-на меня б-бросился Люций.

– В Ордене? – спросил Ахмат, сложив руки на груди, помяв ткань алого жакета. – Ничего хорошего, господин Сафракс, как по мне, так самый настоящий балаган. Чистое хулиганство.

– Неофит, – грозно прохрипел рыцарь, – выразишься яснее, по Кодексу. Не отступайся от него. – Речь Сафракса стала более твёрдая и уверенная. – Я в порядке. Просто расскажите мне всё... как требует Кодекс.

– Ахмат, – обратился нордлинг, присаживаясь на соседнюю кушетку. – Поведай всё.

– Хорошо, Готфрид, – кивнул редгард и обратился к раненному человеку. – После того, как вы пытались проучить Деметра и Хродгара, и Люций вас... м-м-м... поразил, покатился явный сумбур. Ваш брат решил, что Орден больше не отвечает его высшим идеалам и его пора менять.

– Кто? Люций? Почему его не остановили?

– Слишком много тех, кто вступился за него. От рыцарей

и до неофитов за него поднялся вой.

– Иерархи! – хрипит Сафракс. – За ними последнее слово!

– Так они и решили. Часть иерархов вступились за Люция и постановили провести Великий Капитулярый.

– А-а-ргх, – хрипловатым полурыком выдохнул Сафракс улёгся на кровать, уставив опустошённый взгляд на белый потолок и обессиленно говоря. – Ох, всё это из-за меня. Мне Регент... Туриил... Ремиил говорили, чтобы я был ост..., – неожиданно рыцарь хвастанулся за сердце, его грудь стала быстрее вздыматься, а на лице повисла искривлённая маска боли. – Осторожнее с Кодексом. Ох. Но я не слышал.

– Вам не перед кем держать извинение, – сурово отчеканил нордлинг, поднимаясь с кровати. – Вы делали всё, как велит Кодекс.

– Это так. Кодекс – наше всё, – тихо молвит Сафракс. – Кодекс есть закон, который берёт Орден, но воля богов видимо, направлена супротив нас. Зачем вы присланы?

– Регенту нужно точно знать, что произошло между вами и Люцием. – Ответил Ахмат, доставая из сумки, весившей на ремне у бедра слева, бумагу. – Мы должны отметить всё, что вы скажите.

– А у него никого не нашлось кроме вас?

– Все лояльные полные братья и сёстры при Регенте. Все те, кто ещё не определился, ведут жаркие споры в Зале Мудрого Просветления.

– Ох, ребятки. Мне очень жаль, что всё это случилось. Не

думал я, что стану причиной распада Ордена. Как же больно это осознать.

– Господин, нам нужны ваши разъяснения. Вы готовы их дать?

– Хорошо, – тяжело согласился Сафракс и поведал всё, что помнил.

Ахмат аккуратно и быстро записывал всё, что скажет рыцарь, его рука изящно выводила символы на тамриэлеке. Перо исцарапало чернилами весь лист бумаги, прежде чем рыцарь закончил рассказ, отразив чёрными буквами историю случившегося, отобразив механизм запуска распри.

Как только рыцарь смолк, редгард передал лист нордлингу и оба юношей едва склонились перед воителем, почтенно говоря:

– Спасибо вам, господин Сафракс. Вы нам очень помогли.

– Неофиты, – едва приподняв руку, возвал Сафракс. – Раньше я думал, что Кодекс спасёт Орден. Но теперь я знаю, что не он это сделает. Любовь спасает, не он... и между нами её не было. Соперничество и холод... я надеюсь, вы всё донесёте до тех, кого ещё можно спасти.

– Да, господин.

Готфрид и Ахмат покинули госпиталь, как можно быстрее устремляясь к Цитадели Ордена. Двух парней тут же обдал холодный ветер, дующий с севера и завывающий печальные мелодии гибели. Над островом нависли грозовые тучи, налитые тяжестью, серой дланью застлав небеса от одного края

горизонта до другого.

Но парни не обращали внимания на небо. Их цель – Академион, в котором разгорелись жаркие споры, по поводу присоединения к одной из сторон конфликта.

– Как думаешь, почему начался весь этот сумбур? – спросил Ахмат, подходя к огромным воротам Цитадели.

– Не могу знать, – хладно ответил норд. – Слишком всё это чудно.

– Что именно?

– Люций будто намеренно решился побить Сафракса. Он знал, что за него заступятся, – предположил Готфрид, кинув взгляд на самый верх надвратного помещения, где столпилась стража с арбалетами.

– Проклятье, – нервно выпалил Ахмат. – Будь моя воля, я бы этого шакала лично скинул в жерло Красной Горы. Там ему и место. Политикан несчастный.

– Буду ладен с тобой. Что-то заигрался Люций во власть. Видимо ему не даёт покоя слава бунтарей.

– Только эта собака не знает, что, таких как он вешают на суку, как обычных разбойников.

– Жаль всех наших, кто им обманут.

– Они решили продать себя подороже. Они глупы, раз не понимают, что их действия приведут Орден к смерти. Идиоты.

Двое парней примолкли, когда оказались под сводами врат, чтобы не беспокоить стражу. И Готфрид, и Ахмат не

могут понять, что случилось с их домом, ибо ещё год назад никто и не смел, помышлять выступать против Ордена и его постулатов. А теперь солидная часть братьев и сестёр считает, что пора всё менять, что наступил момент, когда Ордену в том виде в каком он существует сейчас суждено умереть. Их друзья и знакомые оказались заражены чумой Люция, и парням кажется, что они навсегда потеряны в безумстве амбиций опального рыцаря.

Миная ворота, они вышли во внутренний двор. Никого, кроме прислуги, не видно, только справа, у казарм неофитов выставлена стража Ложи. Один рыцарь и три неофита ведут строгое бдение, чтобы никто из лоялистов не проник в их обетованное место приобщение к таинствам свободы.

Путь двух юношей лежит подле Келий, а посему, спрятав отвращение к мятежникам куда поглубже они уверенным шагом пошли к Академиону. Стоило только им приблизиться ко входу в Ложу, как тут же от неофитов, одетых в стандартные кожаные панцири и рубахи, послышались надменные упрёки:

– Ну что, подстилки регентские, готовы к переменам?

Готфрид мельком оглядел тех, кто прокричал оскорбительный выпад. Это чернявый худой парень и тёмная девушка, два лесных эльфа, с чёрными глазами и острыми чертами лица.

– Заткнись, пёс из Ложи! – воскликнул Ахмат.

– Тише, братья и сестра, – заговорил рыцарь в чёрном пла-

стинчатом доспехе скайримской стилия, подтянув большой меч к себе. – Без ссор.

– Они не поддержали Люция, – раздался тонкий голос от низкой девушки с острыми ушами, опасливо положившей стрелу на тетиву лука. – Они шантрапа регентская.

– Ну не надо так, – усмехнулся рыцарь из рода орков, – Элинора, они нам братья. Я понимаю, в семье не без уродов, но мы должны принимать их такими, какие они есть.

Готфрид подавил в себе все гневные позывы, чтобы не броситься на рыцаря. Больше злобы его пробирает удивление, как так получилось, что сторонники Люция всех тех, кто оказался верен старому порядку, готовы смешать с грязью? Разве это высшие идеалы, которые превозносит Люций? Никого уважения и полное равенство в невежестве друг к другу? Или просто этих троих поразила спесь и гордыня, что они отказываются принимать идейных противников как братьев?

– Что здесь происходит?! – злобным рокотом раздался вопрос от командира отряда стражи.

Юноши расступились, уступая место пятнадцати воинам, в тяжёлых железных латах, скрывших их тело с ног до головы и только глаза можно разглядеть через забрало шлемов.

– А ну пойдите отсюда, крысы крепостные! – заявила девушка. – Рыцарь, скажите им, чтобы катились отсюда.

– Отныне, согласно Приказу номер сто два, мы подчиняемся только Регенту, – грозно сказал командир, чей статус

отмечен синим плюмажем на шлеме. – Соблюдайте спокойствие, иначе применим силу.

Готфрид и Ахмат отстранились от стычки и пошли дальше. Их путь лежит в Академион и им нужно оставить все небольшие стычки и перепалки между лоялистами и мятежниками, чтобы успеть на заседания.

Пройдя через высокие листовидные двери юноши, попали за пределы Академиона, где приветствием для них стала пустота и холодное молчание. Длинные витиеватые коридоры, усеянные дверями пусты и мрачны, угнетают повисшим безмолвием. Парни знают, куда нужно идти, а поэтому, быстро взобравшись на второй этаж, и минуя створчатые ворота, за двумя рядами небольших колонн они попадают в Зал Мудрого Просветления.

– О Стенндар милостивый, – в приступе бессилия взмолился Ахмат, понимая, что те, к кому он обращается, едва ли есть его братья и сестры и они скорее порвут его на части, чем выслушают, – смилуйся над нами смертными.

В этот раз им отсалютовали крики и возгласы, наполнившие небольшую залу от края до края. Вчерашние братья и сёстры сцепились в словестной дуэли, выясняя, кто прав, а кто глуп, позабыв про узы духовного орденового родства. Вся зала представляет собой большое прямоугольное вытянутое помещение, с чередой столов у каждой стены. Стяги Ордена, гобелены и картины висят на стенах, радуя глаз, а свет в этом месте пролит изумительной люстрой, выполнен-

ной в виде перевёрнутого корня Нирна. На каждом конце «листа» люстры чародеи зажгли яркий источник света, который с лихвой освещает магическим солнцем Зал Мудрого Просветления.

По левую сторону от входа сидят те, кто готов разделить мнение Люция о переустройстве Ордена. По правую сторону остались те, кто верен Ордену в его доктринах и принципах устройства. Маги и рыцари, надевшие на себя рясы и стихари, учёные и мастера-ремесленники, в дорогих имперских костюмах, да и несколько неофитов – все они сошлись тут, чтобы решить, к кому присоединится окончательно.

А посреди двух схлестнувшихся волн, в самом конце залы на магическом круге стоит высшая эльфийка, чьи светло-золотистые волосы распущены и волнами ложатся на хрупкие плечи, покрытые белоснежной тканью, с множественными вычурными узорами. За ней в тени стоит Префектор разведки, но даже из полутомного сумрака видно, как он вьелся взглядом в эльфийку, и кажется, что всё остальное действие ему всё равно.

– Неофиты! – обратилась к ребятам женщина голосом высоким, звонким.

– Да, госпожа архимаг?

– Подождите, сейчас не время.

Два парня в ответ почтенно кивнули и поспешили отойти к стенам, покрытым белым мрамором с золочеными рисунками, встав возле серебряного канделябра, они продолжи-

ли слушать спор. После раздался голос архимага, эхом отразившийся под потолком:

– Теперь, мы можем перейти к выслушиванию стороны люциитов. Скажите, почему вы готовы принять выступление Люция?

Из стана приверженцев идей Люция поднялся один из чародеев, казалось, защищённый стандартным магическим одеянием, но вот на его плечи ложится чёрный кусок ткани, скрывший грудь и половину спины причудливой накидкой. Это оказался эльф из рода данмеров, с пылающими глазами и короткой стрижкой, ставший вдохновлённо вещать:

– Он – не просто пылающая звезда Ордена!

– Давайте по существу, – зелёные глаза главного мага отразили негодование, а голос выдал напористость. – К делу.

– Хорошо, госпожа архимаг. Люций сегодня выступил против той прогнившей системы управления и почтения, что сложилась в Ордене.

– Что вы хотите этим сказать?

– Все вы знаете, что случилось с неофитами. Они – жертвы самодурства и своеволия, они практически пали в лапы безумства в Ордене, – затянул обвинительную песнь данмер, приковав к себе взгляды собравшихся. – Дело в том, что рыцарь Сафракс просто так решил отправить их в карцер. Без суда, без следствия... наших братьев решил отправить гнить в темнице на потеху себе. Вот это справедливость!

– А рыцарь Люций?

– Он же посмел заступиться за братьев по Ложе, госпожа.

– Значит они из Ложи?

– Да. Очень печально, госпожа, что именно Ложа обеспечила безопасность братьев, а не Орден.

– И что же по этому поводу предлагает Люций? – сдержанно вопрошает архимаг.

– Он желает, чтобы наши братья и сёстры больше не подвергались своевольным наказаниям со стороны рыцарства. Стоит сказать, что это единственные, кто могут заключать в карцер без суда Иерархов. И мы желаем сломить эту систему! Мы хотим, чтобы никто больше без суда не был арестован рыцарями.

– Это все требования Люция, господин Урилен?

– Нет, госпожа. – Прозвучал низкий тембр от полного бретонца, который одет в красно-чёрные аристократические одежды Сиродила. – У мастера Люция есть множество предложений.

– Мы можем перейти к слушаниям следующего выступающего, сторона Регента?

В ответ на вопросы архимага те, кто поддерживают устои Ордена, лишь слегка кивнули, знаменуя своё согласие.

– Хорошо. Что вы можете сказать по этому поводу, господин Бретор?

Полный бретонец кивает и начинает излагать басом то, что приготовил зачинщик конфликта:

– Люций сейчас, с наиболее просвещёнными братьями и

сёстрами, готовит свод новых правил. И всё нововведения будут изложены там.

– А сейчас вы можете что-то назвать? – преспокойно задаёт вопрос архимаг; Ахмат приметил, что на её лице весь процесс не дёрнулась ни одна мускула и он поражён глубокому спокойствию эльфийки.

– Да, могу, госпожа. Он предлагает, чтобы все были равны. Вы же знаете, что рыцарству и иерархам дозволено больше, чем всем остальным. Да вот на днях. Какой-то вшивый мальчик в доспехах посмел отчитать одного моего коллегу-алхимика за то, что тот не сварил скумы рыцарю. Так он ему ещё и лишение жалования на месяц у иерархов потребовал и те согласились!

– Ещё что-то можете сообщить по существу?

– Я могу! – из рядов противников Регента поднялся среднего роста ещё один данмер, на котором красуется магический балахон, только перемотанный у шеи чёрным платком.

Снова архимаг задаёт вопрос стороне защиты старых принципов Ордена и снова получает согласие, предоставляя слово ещё одному чародею:

– Господа и дамы, я прошу внять Люцию. Наш Орден давно прогнил – мастеров обирают, как липку, учёных не слушают, а маги – подручные рыцарства и паладинов. Почему вся слава достаётся только рыцарям и паладинам? Почему им привилегии в виде изъятия любого имущества, заключения в карцер или лучшего обеспечения. Они могут нашими

жизнями распоряжаться, как захотят!

Люцииты потонули в волне аплодисментов, которые адресовали сами себе. Они гордятся тем, что сказали и искренне верят, что несомыи ими идеалы это залог будущего Ордена. Подняв высоко руку, архимаг попросила успокоиться мятежников и спокойно заговорила:

– Предлагаю перейти к заслушиванию объяснений, полученных от рыцаря Сафракса. Возражений нет?

– Есть! – кто-то вышмыгнул из стороны тех, кто готов прикнуть к Люцию. – Как можно доверять рыцарю, если Люций выступает против их привилегий?

– Возражения отклонены.

Ахмат вышел на середину помещения, оказавшись прямоком под люстрой и направив взгляд на архимага. В его руках сжат листок бумаги и он поднимает ладонь, разжимая её, оставляя бумагу свободной. Мгновение и лист уже парит в воздухе, плывёт там, где ничего нет, и приземляется в ладонь архимага. Цепкие длинные пальцы хватаются за край бумаги и разворачивают её к себе, спокойный голос заполняет залу, воспроизводя то, что говорят буквы:

– «Объяснение от рыцаря Сафракса. Сегодняшним числом, поутру, я проводил утренний инструктаж неофитов перед тренировкой, как и велит Кодекс. Хродгар Красный и Деметр Сцилла допустили ошибку – они отказались прочить литанию Талосу «об укреплении тела и сил», мотивируя это тем, что отказываются поклоняться девяти. Мною, в соот-

ветствии с Кодексом, была выбрана мера наказания – три дня заключения в карцере под ограниченный паёк. Затем рыцарь Люций заступился за них, сказав, что они не повинны. Мною ничего не было сказано, как он тут же обнажил меч и напал на меня».

Все внимательно слушали каждое слово от архимага. Кто-то не верил, тому, что написано, а кто-то всё принял серьёзно. Сторонники Люция распевали сладкие памфлеты о том, что сегодня утром Сафракс свершил нечто страшное, что он посмел издеваться над неопитами и просто так подверг их наказанию, потехи ради. Защита тела и души в Ордене – важный элемент подготовки и рыцарь поступил правильно. Сейчас стало яснее, что рассказы люциитов придуманы не более чем для того, что огонь раздора разгорелся ещё сильнее, чтобы Орден сгорел в пламени ссор и стычек.

– Позвольте, – на этот раз голос донёсся от стороны, выступающей в защиту Регента, и приподнялась одна девушка в стандартном балахоне чародеев, без чёрных повязок, получившая одобрение от архимага в виде кивка продолжила говорить. – Мы видим, что Люций просто использует ситуацию, для того, развивать конфликт, чтобы достичь личных целей.

– Ложь! Всё это ложь! – негодование проносится волной со стороны люциитов, перемежаясь со всплеском гнева от того, что часть их сторонников переметнулись в стан лоялистов.

– Я веру Сафраксу! – воскликнул рыцарь обычной простенькой одежде, минуя столы приверженцев старого устройства Ордена. – Он хоть и со своими тараканами, но он мужик честный, врать не будет.

– Тише! – воззвала ко всем архимаг и бурление негодование в зале стремится уняться. – Сегодня мной был получен доклад от Ариана. Он завербовал пару рыцарей, которые составили рапорт о том, что происходило в Ложе и сведения его не слишком обнадёживают. Он пишет о том, что Люций давно готовил выступление. Он натаскивал соратников на бунт.

– Так он прихвостень Регента! – возразила сторона люциитов в лице какого-то имперца. – Ему нельзя верить!

– Я вам спешу напомнить, что разведка подчиняется Иерархам! – парирует архимаг, следя внимательным взглядом зелёных глаз на то, как ещё несколько люциитов переметнулись в стан лоялистов.

– Насчёт скумы для рыцаря, – снова поднялась девушка в синем балахоне, с вольными образами лица и пепельно-седым волосом. – Это не совсем так и Люций породил ложь. На самом деле рыцарю нужна была эссенция скумы для подкупа одного торговца-катжита, чтобы тот выдал информацию касательно некроманта под Хегате, а алхимик не стал готовить, потому что счёл это дело недостойным себя, за что и был наказан.

– Ложь! – режут люцииты. – Этого не может быть!

Вражда сторон могла продолжаться ещё очень долго, если бы не мрачный рыцарь в чёрно-траурном доспехе с потухшим солнцем на эмблеме. Его появление заставило обе стороны смолкнуть и на сущее мгновение в зале повисло блаженное безмолвие. Но тишина ниспала, когда воитель голосом тяжёлым и резким доложил:

– Люций инициировал нападение на капеллу! Шестнадцать его сторонников попытались ворваться вовнутрь и устроить погромы. Он сказал, что этот храм попирает свободы выбора веры!

– Он сражается за нашу свободу! – тут же послышалась поддержка от тающих рядов люциитов. – Долой дремучие предрассудки!

«Зачем он рождает конфликт?» – измученный вопрос рождается в усталой голове Готфрида. Он и Ахмат с ужасом взирают на то, кем и чем стали их братья и сёстры – они готовы выгрызть друг другу глотки, лишь бы доказать свою правоту. Нет больше Ордена и братьев и сестёр, есть лоялисты и люцииты, которых разделяет эфемерная граница, проведённая коварной рукой мастера распрей. «Ради чего всё это? Ради чего Люций затеял эту игру?» – появляются ещё одни вопросы, рождённые в глубоком бессильном исступлении.

– Так вот кто истинный властелин нашего раздора. – С мрачным ехидством констатирует Ахмат, смотря на то, как рыцаря в чёрной броне обливают потоком оскорблений.

Средь всего балагана и выкриков недовольства Готфрид роняет вопрос, который кажется несколько неуместным:

– А где Азариэль?

Ещё около получаса продолжались дебаты, пока каждый не пришёл к своему мнению. Архимаг всех распустила и зала опустела, только стены помещения стали молчаливыми свидетелями разговора эльфийки и человека:

– Алитиа.

– Да, милый?

– Люций... его план. Мы могли бы... больше не прятаться, – с неуверенностью сказал Префектор. – Но я боюсь его замыслов. Уж больно они пахивают чернотой.

– Ты прав, Ариан, – голос Архимага стал тяжелее. – Я тоже об этом думала и даже надеялась поддержать его. Но сейчас мне понятно, что Люций замыслил всё это только для себя.

– А такой хороший шанс был бы.

– Тамриэль превыше, – омрачилась Архимаг. – Даже если нам придётся расстаться, даже если нас раскроют, Ариан, знай – нас этот конфликт не разделит.

– К чёрту этого властелина ссоры, – Ариан быстрым шагом подступил к Алитии, с приятной встретив аромат её духов; он поднял руку эльфийки, ласково огладив, дотронувшись кольца и твёрдо изрёк. – Вместе. Навсегда.

– Вместе, – улыбнулась Алитиа. – Навсегда.

Глава 17. На перепутье

Цитадель ордена. Спустя полчаса.

Посреди прохладных стен капеллы, на которых пляшут тусклые огоньки факелов и свечей, виднеется лишь одна фигура, которая коленопреклонённо склонилась у алтаря в самом конце храма. На него безжизненным взглядом смотрят недавно поставленные изваяния богов, и лишь мёртвый камень стал единственным свидетелем его молитвы.

Тут ещё виднеются следы недавнего нападения люциитов – многие скамьи и лавки разбитыми деревяшками усеяли пол, пошедший множествами трещин. Стёкла выбиты, а дверь вырвана с петлями и теперь ветер свободно гуляет в помещении. Тут некогда стояли горшки с цветами, но теперь от них одни черепки и кучи земли с помятыми растениями, а стены размалёваны краской.

– Орден, который вы защищаете и которому вы покровительствуете, готов низвергнуться в небытие. Я прошу вашего заступничества и вашей милости.

В ответ лишь холодная тишина, которая стелется зловещим покровом в душе парня и тот усиливает обращение к богам:

– Боги, если вы есть, помогите мне, ибо тот Орден, который стоит на защите всего, что вы заповедовали. Без вас и

вашей помощи, он падёт, будет уничтожен. Я сердечно прошу того, чтобы вы вразумили моих братьев и сестёр, пускай они опустят оружие и мятеж закончится.

Душа Азариэля на разрыве. Он неистово молит тех, кому служит Орден, просит их о заступничестве и милостях, но пока его терзает невыносимый хлад, и он зрит голодную ледяную пустоту. Там, где должно быть в сердце место веры, ширится пустота и только куски камня, которым придали форму истуканов, дают Азариэлю надежду на то, что его моления будут услышаны.

– О, великие боги! – поднял руки ввысь Азариэль и неистово взвыл от колющей душевной боли. – Ниспошлите свою милость на нас! Прошу вас, взываю к вам. Орден ваш, наследие ваше рушится на глазах ваших, и вы ничего не делаете? Мы молились вам, давали вам жертвы, а вы молчите, будто вас нет!

Смертельное отчаяние охватило парня, и он только усилием воли подавил боль в груди, едва не вызывали слёзы.

– Акатош, величайший из богов, разве ты не видишь, что творится с этим миром? Разве ты не видишь, что всё сейчас рухнет и Ордена не станет. О, Акатош, величайший из великих, вомни нам и помоги! Как ты можешь оставить слуг своих!?

«А может, богов нет?» – навестила мятежная мысль Азариэль. – «Их молчание – лучшее доказательство того, что их нет».

– Боги, великие боги, помогите нам! Я – Азариэль, ваш слуга покорный, взываю к вам. Помогите и сохраните Орден от распрей и немощей его! Если вы это не сделаете, то мир падёт без защиты нашей!

Азариэль поднял голову и узрел, что на него смотрит ряд изваяний и неожиданно его душу пленил сумасшедший шторм холода и мрака, волнений и паники, отчего парень стал задыхаться. «Орден умирает, мои друзья присягают тьме, а боги ничего не делают, чтобы помочь... их нет. А если нет, то и надежда моя тщетна». Он взывает последний раз к богам, надеясь, получить ответ:

– Боги!!! Помогите нам! Спасите Орден, не дайте ему пасть и да будет он спасён!

И Азариэль получил ответ. Там, за стенами капеллы, где выставлена охрана раздалась лязганья обнажаемых мечей и раздался чёткий девиз, донёсший до души Азариэля неопишемое отчаяние: «Свобода восторжествует!».

– Боги...

В один момент Азариэль понял, что тех, кому он молится – нет, а его вера – мертва. Ему никто не отвечает, а братья да сёстры, что должны были по воле богов, просветлиться, стали ещё радикальнее и спесивее. Его вера, которая подобна надломленной палки, сломалась окончательно, почитание божеств распалось словно разбитое стекло.

Азариэль видит, что его окружают истуканы, за которыми нет силы. Проводя взглядом по Капелле, эльф чувствует, что

единственное живое существо тут, так это он и никаких богов или духов здесь нет. Ещё большей нелепостью, усмешкой, ему кажется, что Орден, служащий воле богов, оказался ими брошен. «Либо они жестоки и желают смерти Тамриэля, либо их нет... и какой смысл тогда им служить?» – гневно помыслил Азариэль.

– Да это какой-то проклятый монолог! – вскрикнул парень и поднялся с колен, сплюнув на пол Капеллы.

Получив «ответ», ставший олицетворением, крушения всех чаяний и надежд на богов, став надломом веры в Девять, Азариэль отправился туда, куда его звали люцииты, чтобы продемонстрировать блеск силы и славы своей и через минут десять он был на месте.

Вдоль длинных коридоров, вырубленных прямым в структуре породы, разносится звук шарканья толстой подошвы о пол удивительной системы. В темноте пещерных катакомб Азариэль идёт на встречу с теми, кого не понимает, но всем сердцем желает осмыслить их безумные затеи. Позади него идут два воина, братья по Ордену, но уже не по духу и идеям. Их тела покрыли стандартные доспехи, предназначенные для неофитов, а руки сжимают тяжёлые палицы. Азариэль же одет в свою обычную одежду – белая рубашка с длинным рукавом, стянутая оливковым поясом, тканевые бежевые штаны и чёрный кожаный сапог под колено. Единственное, что он успел перед тем, как сюда спуститься, так это сдать всё снаряжение Арину и утереть лицо от сажи и

грязи.

Азариэль ступил на скользкий мрачный путь в тоннелях Ложи с гложущим чувством тревоги. Орден разделился, став двумя идейными группировками и каждая из них претендует на истину. Азариэль не знает, кто прав в своих убеждениях, не знает к кому примкнуть в этой борьбе, а посему им движет желание всё разузнать и найти сторону.

«Что они сотворили с этим местом?» – спрашивает Азариэль у себя, смотря на то, во что превратились пещеры.

Им не нужны факелы, чтобы освещать путь, ибо весь коридор усеян подставками для источников пламени, отчего тоннели заполнены размеренным треском пламени и залито тусклым светом. Азариэль видит, что стены коридора отёсаны и превращены в добротные ровные проходы, среди которых есть ответвления под различные комнатки и помещения, о предназначении которых альтмер мог только догадываться. Всюду и везде ему на глаза попадают различные символы и письмена, от молитв свободе на знакомом тамриэлеке вплоть до шокирующих клятв принцам тьмы на кроваво-алых даэдрических глифах.

Они спускаются всё ниже и ниже, приближаясь к центру всей небольшой системы пещер под Орденем. Азариэль, втягивая воздух, больше не ощущает смердящих запахов отходов или пьянящих дурно пахнущих благовоний. Теперь его нос будоражащим хватом щипают ноткипряного вина и едкие ароматы скумы, от которых хочется прокашляться.

Азариэль идёт всё дальше и по мере приближения в Оплот ему всё больше встречается бывших братьев и сестёр, расхаживающих тут как дома. Только теперь они не узнаваемы. Девушки, прекрасные дамы и леди Ордена, среди которых рыцари и неофитки, чародейки и учёные, теперь под одежду выбирают фривольные наряды, больше похожие на облачения служанок Дибеллы или сектантов Нактюрал.

– Что это за одежда? – спросил Азариэль у своих конвоиров, ступая через ещё один свод, пропускающий дальше по тоннелю. – На девушках?

– Нравится, смотрю, – раздался орочий бас позади, – это задумка Люция. Он молвил, зачем блюсти бредовые стандарты мракобесия. Зачем наряжаться как бедняк, если можно подчеркнуть и вынести прелести на обозрения. Ведь от этого никто не пострадает.

Отвлекаясь от свободного вида девушек, Азариэль устремляет взгляд на полотна ткани, развешанные везде, где только можно. Юноша, видит и различные множественные стяги, среди которых большое множество занимает пылающее руническое око на чёрном фоне. Подобные флаги попадаются тут и там, подвешенные за самодельные короткие флагштоки, кажется, что пламенное око смотрит прямоком в душу юноши, отчего холодок страха начинает ползти по душе.

Но сколько бы Азариэль не пытался перевести взгляд на флаги и символику вид бывших братьев и сестёр его удруча-

ет. Пару раз он встретил парней, упивающихся из небольших сосудов какой-то гадостью, и когда Азариэль проходил мимо таких он чутко ловил носом едкую скумную вонь.

Приближение к Оплоту ознаменовали гулкие раскаты вёсёлого эха и усиливающиеся запахи жареного мяса, алкоголя и наркотического вещества, что гонят из лунного сахара.

– Мара и где твоя мудрость и милосердие? Если ты есть, «милосердная», помилуй нас грешников, – взмолился тихо, шёпотом не слышимым, когда увидел, куда спустился.

Верёвочной лестницы, по которой раньше Азариэль спускался, нет. Вместо неё вытянутый некрутой тридцатиступенчатый спуск, окружённый двумя статуями, изображающими рыцарей, опустивших клинок вниз.

Проносьясь взглядом по зале, Азариэль увидел столы, ломящиеся от яств, смог разглядеть своих братьев и сестёр, которые потеряны в угаре свободного реформаторства и представляют собой бунтарскую мешанину. Где-то ближе к центру свода столов собравшиеся люцинты трудятся над каким-то большим листом пергамента. Но Азариэль переводит взгляд на тех, кто раньше был ему братьями и сёстрами – люди и эльфы, аргонинане и катжиты окунулись в таинства Сангвина. Они набивают желудки едой, что запрещена в Ордене, и упиваются напитками, которые строго воспрещены. Юноша с отвращением наблюдал картины того, как некоторые дамы повисли на парнях, заключив их в страстных объятиях, вздыхая и ахая, встретившись губами в жарких по-

целуях. В глазах многих Азариэль смог узреть, как взгляд застлала пелена коварного тумана похоти и чревоугодия, пьянства и дерзкого своеволия.

От наблюдения того, как часть Ордена медленно скатывается в пучину оргии и таинства принца наслаждений и сладострастий, парня оторвал бодрый возглас:

– Добро пожаловать в наш храм свободы!

Со своего золочёного трона в центре поднялся высокий человек, на котором уже нет скромного стихаря. Теперь его тело покрыто красочным ярким и пёстрым костюмом имперской знати – на торс ложится вычурный светло-лиловый камзол, расшитый золотыми нитями, ноги скрыты под широкими лоснящимися атласными штанами, отливающими цвета карминного бриллианта, а также высокими сапогами. Образ завершает большой берет, съехавший на левую сторону и увенчанный несколькими пышными ярко-синими перьями. В утончённых мертвенно-бледных чертах лица, покрытого пудрой, Азариэль с трудом узнал человека, что некогда был славным воином, воюющим за честь и силу Ордена.

– Моё почтение, мастер Люций, – дрожащим голосом поприветствовал юноша рыцаря, спускаясь к середине залы.

– Ты пришёл, чтобы примкнуть к нам?! – бледные губы Люция разошлись в широкой улыбке.

Азариэль оглянулся по сторонам и ощутил боль неприязни от того, что на него наставлены взгляды нескольких сотен пирующих реформаторов. Он удивлён от того, что здесь

смогло собраться такое большое количество людей, но больше всего его шокирует, как такое большое количество братьев и сестёр примерили на себя плащи предательства.

– За что вы стоите? – соскакивает вопрос с губ Азариэля. – Какие ваши мотивы?

– Брат, – не снимая зловещей улыбки, говорит Люций, размахивая золотым кубком в руках. – Мы не можем тебе сказать всё, ибо этому стоит случиться на великом Капитулярии. Доверься нам.

– То есть вы предлагаете мне просто поверить в ваше дело?

– Что бы достичь победы в нашем деле, нужно просто поверить. Свобода, реформаторство, нуждаются в вере, чтобы свершиться и отбросить мракобесие. Но, – Люций слегка вытянул руку с бокалом в сторону Азариэля. – Если ты нуждаешься в строках, маловерный, я дам тебе их.

Голова Люция склонилась в невыразительном кивке и на сигнал среагировала одна девушка. Судя по высокому росту, плотному телосложению, суровому холодному лицу это уроженка северного региона Тамриэля.

– Зачитай, пожалуйста, нашему маловерному то, что можно.

– Да, – гордо ответила девушка и опустила взгляд зелёных глаз на лист пергамента. – Мы желаем, чтобы все братья и сёстры в Ордене обладали полнотой прав и свобод. Мы желаем, чтобы все запреты, касаемые, употребления продук-

тов, отношений между членами Ордена, вероисповедания были отменены. Мы желаем, чтобы часть добытых артефактов, произведённой продукции, продавалась, а деньги распределялись между всеми членами Ордена. Мы желаем, чтобы деньги, которые имперские и провинциальные власти дают Ордену на задания распределялись между всеми братьями и сёстрами. Мы выступаем за отмену привилегий для рыцарей и паладинов Ордена, и полное установление равенства между всеми братьями и сёстрами.

– Полно-полно, – взбудоражено остановил Люций девушку, снова обращаясь к Азариэлю голосом глубоким. – Как видишь, мы не желаем зла Ордену. Мы хотим его процветания и славы, чтобы каждый брат и сестра ощущали себя полноправными членами Ордена. Хотим, чтобы неофиты и чародеи, стражи и крестьяне, учёные и мастера не были прислугой для рыцарства. В Тамриэле существует такое множество пантеонов, но почему именно имперский культ возведён здесь в абсолют? Почему-то, что дают нам мастера и крестьяне, ремесленники, попадает под контроль Совета Владык, вместо того, чтобы справедливо быть распределённым между всеми?

Азариэль глубоко задумался, после того, как Люций смолк. Очевидно, в его словах есть зерно, крупица истины, которая и вспылала ярким и жарким огнём жажды преобразований и изменений в сердцах многих. Когда опальный рыцарь сказал последнее слово, пелена безмолвия повисла

над Оплотом Ложи, и никто не смеет её нарушить. Всхлипывания вином и чавканье едой, страстные охи и вздыхания пар, что сплелись в объятиях страсти, прекратились. Сейчас вся зала сконцентрировалась на нём, сотни взглядов уставлены на одного эльфа, чьё лицо отражает маску спокойного отчаяния, за которым кипит буря раздора.

– Решайся, окупись в сластолюбие свободы, – реальность сотряс мягкий нереальный голос, донесшийся, словно из ниоткуда; Азариэль мог поклясться, что не видел, чтобы кто-то открывал рот и говорил; в конце концов, парень принял это за глюк, рождённый от напряжения в рассудке.

«Может, они действительно правы?» – рождается неожиданный вопрос в измученном рассудке Азариэля. – «Люций желает изменить Орден, привести его к лучшему, чтобы все были равны. Он мечтает о справедливости, такой, какой нет нигде в Империи».

– Азариэль, будь с нами! – кто-то прокричал. – Свобода восторжествует!

– Тише, мой милый брат, – заговорил Люций, прикладываясь к кубку. – Не мешай сделать эльфу правильный свободный выбор.

Азариэль понимает, что мотивы Люция благородны, они полны света справедливости. Но всё же юноша, взирая направо и влево, медленно поворачивая головой, видит, к чему это привело. Орден, погрязший в грызне и распрях, братья и сёстры, потонувшие в пиршестве демона разврата и пресы-

щения, пьянство, скумная наркомания, даэдрапоклонничество. Азариэль не узнаёт чистых разумом и душой знакомых и наставников, их души стали черны, как и знамёна с руническим оком. Теперь их уста не молятся и не произносят литании, а припали к вину и губам других предателей, сменив честь на страсть. Юноша смог разглядеть как возле Люция, сидит рыцарь, облачённый в роскошные сине-зелёные одежды, а на его коленях, обняв мужчину, расселась молодая девушка, судя по всему лесная эльфийка, одна из неофитов. «Ну, вот и чем тогда станет Орден? Таверной? Борделем, где все сношаются со всеми? Это будущее Ордена – прыгнуть с головой в безумную похоть?» – на фоне нахлынувшего отворачивания родились вопросы в разуме Азариэля.

Тяжело вздохнув, ощутил, как тревога отступает, вместо неё дух наполняется праведной уверенностью, и, подавив каждый позыв смущения, и из его горла вырывался голос дрожащий, но наполненный обвинением:

– Скажи Люций! – заговорил Азариэль, широко разведя руками. – А как мы дальше будем сражаться со злом? Или ты забыл, чему мы посвятили наши души? Ты взгляни. – Азариэль описал дугу правой рукой, захватывая всех собравшихся. – Разве Орден не стал похож портовый бордель? Как с душами, что отданы Сангвину, можно сражаться против зла? А «ревнитель свободы», скажи, кому ты продал души моих братьев и сестёр!

Азариэль неуверенно качает головой и делает пару шагов

назад, собираясь уйти. Он слышит, как в ушах бьётся пульс, как у горла клокочет сердцебиение, и волнение с кровью бежит по венам. Он слышит, как в его сторону звучат оскорбления и обвинения, как его гонят и заклинают преступником, как обвиняют в том, что он идёт супротив свободы. Юноша пропускает мимо ушей яростные выкрики, рождённые от крушения ожиданий. Он уверенно разворачивается и только собирается выйти прочь из Оплота, как путь ему перегородила невысокого роста золотоволосая бретонка.

– Аквила, – томно шепнул Азариэль, смотря на то, как перед ним встала девушка в роскошном тёмно-синем платье.

– Азариэль, – так же тихо вымолвила девушка и направила глубокий взгляд сапфировых глаз в очи парня.

Азариэль ощутил, как в нём растут сомнения, как дрогнула душа и этот молящий взгляд глаз, подобных драгоценным камням, сотрясает его дух. Тут он ощутил, как ком колебания подошёл к горлу, становится тяжело дышать и перед глазами всё плывёт. Люций, понимая, что это шанс удержать Азариэля в Ложе срывается с места, и мгновенно преодолев расстояние, змеёй прильнул к юноше, став нашёптывать:

– Азариэль, ты умный парень. Разве ради Регента ты бросишь подругу? Она приняла Ложу и её идеи, приняла наш путь. Неужто ваша дружба измеряется понятиями «С Орденом» или «против него». Азариэль, не дай вашим отношениям так легко рухнуть.

– Не уходи. – Вторит Аквила Люцию.

В нефритовых глазах парня опечаталось невообразимое горе и печаль, а слёзы, расчертившие щёки отразили силуэты помещения и огни, десятки огоньков, став блестеть на бледно-золотой коже. Сердце бьётся бешеным зверем в груди, а душа истошно завопила, разрываясь на части. Низкая, тихая речь девушки тронуло сердце юноши колкой болью в груди:

– Азариэль, прошу тебя. Мы же друзья. Почему мы должны рушить дружбу из-за всего этого?

– Именно, Аквила, – болезненно начал Азариэль. – Давай просто отстранимся от всего этого. Умоляю.

– Я не могу. Ложа – это моя жизнь теперь.

– А как же наша дружба? Ты же говорила, что она выше всяких Лож, выше распрей и противоречий. Давай просто сейчас уйдём отсюда и забудем про весь этот разлад?

– Пойми, прошу тебя. Мы сейчас на пороге новых свершений, которые изменят мир. Я ценю дружбу с тобой, ценю тебя, но пойми, всё, что мы делаем тут, очень важно.

– Не разрывай мне сердце, – Азариэль стал хвататься носом за воздух, чувствуя, как щекотливо-нездоровое чувство сдавливает его грудь и становится трудно, жутко трудно дышать; юноша ощущает, что дыхание перехватывает и каждый вздох вязнет у горла.

– Я этого не делаю. Я... я... просто прошу остаться с нами. Азри, что нам этот Регент? Будь с нами, молю тебя, не оставляй меня.

– Аквила, что нам делать?

– Я не знаю, – голос девушки дрогнул.

– Акви, что случилось с тобой? Что случилось с нами? – речь юноши слаба, бездушна и после чреды вопросов истомленным горьким взглядом Азариэль окинул залу, что утонула в похоти и чревоугодии, и нет никому дела до него, вновь переведя взор на девушку он видит, как и в её глазах заблестели слёзы, но она стоит на своём, не собирается бросить начатое и с губ юноши нисходит единственный вопрос. – Как мы все до этого докатились?

Теперь Аквила не знает, что делать. В её красивых глазах пробежала тень сомнения, промелькнул блик колебания, который тут же узрел Люций. Он тут же встал за девушкой, ласково обняв её за плечи, спокойно говоря:

– Ты решил нашу сестру увести отсюда? Ступай отсюда, лоялист.

Азариэль сделал шаг назад и обида, разочарование, ударило его в голову, заставив её вскружиться, и очертания помещения едва расплылись, но юноша взял себя в руки. Губы распахнулись, неся скорбную, наполненную бременем печали речь, в которой всё умерло:

– Аквила, надеюсь, мы ещё поговорим когда-нибудь. Надеюсь, мы всё ещё выясним, и снова всё будет как прежде. Береги себя и... прости меня, если что было.

– Прощай, – коснувшись длинными пальцами чёрной дорожки растёкшийся туши на белой щеке, горестно молвит девушка и старается отвернуть взгляд, чтобы не видеть, как

парень уходит, лишь вслед шепча. – Мара, дай нам встретиться.

Азариэль уходит, не оборачивая взгляда. Он поднимается по лестнице и идёт дальше, стараясь как можно быстрее выйти на свежий воздух. Дух юноши сотрясает от пожара, охватившего душу, готового его испепелить, и он едва не срывается на пронзительный крик.

– Спокойствие... спокойствие в крови, – сам себе говорит Азариэль, чтобы не сорваться.

Напряжение и злоба, обида и печаль объяли эльфа, который остался верен Ордену, но вот только его не радует исполнение клятвы долга. Как оказалось, это слишком тяжкое бремя, слишком трудный путь, на котором он стал терять друзей. Но больше всего потерять ту подругу, с которой он провёл детство, с которой практически породнился, ту, которая спасала ему несколько раз жизнь. Слишком тяжкая потеря на сегодня, которая рождает пожарище обиды и досады, вспыхнувших ярче звезды. Люций – вот виновник всего того, что происходит в Ордене, он главный зачинщик этого раздора, готовый ввергнуть Орден в пучину войны во имя собственных амбиций.

Но Азариэль не подозревает, что это ещё не конец испытаний, которые для него приготовил Люций. Практически у самой выходной лестницы, в каких-то паре метрах, ему перегородивает путь девушка. Чёрная бархатная длинная одежда в пол, худую талию ужимает широкий пояс с геральдиче-

ским солнцем, а факелы отгоняют мрак с бледно-мертвенного лица. Взгляд глубоких глаз встретился с опечаленными нефритовыми очами Азариэля, и юноша остановился; на плечи же ложатся восхитительные шелковистые волосы цвета вороньего крыла.

– Нет, Лира, я не останусь, – твёрдо, но тяжело сказал юноша. – Можешь даже не пытаться. Я ухожу отсюда.

– Я знаю, Азариэль. Я здесь не чтобы убедить тебя остаться, но чтобы помочь, – сказав, девушка стала быстро сближаться с Азариэлем, пока не подошла к нему вплотную, дрожащей речью продолжив. – Аз-зари-иэль, ты до-должен знать.

– И снова эти духи, – сил не было улыбнуться и слова юноши прозвучали хладно. – Что ты хочешь, Лира? По-моему, мы всё оговорили, когда я был тут в прошлый раз.

– Я понимаю. Н-но я н-не за этим тут.

– Лира, – Азариэля взял девушку за плечи, даря тепло, которое только возможно в подобной ситуации. – Соберись и скажи, что хочешь.

– Люций... о-он хотел, чтобы я плакалась перед тобой и ползала в ногах, как нежить перед некромантом. Но я не Аквила, которая продалась его идеям.

– Лира.

– Прости, я понимаю, как тебе важна её дружба. Просто хочу сказать, что Люций затеял всё, чтобы свергнуть Регента и занять его место. Все, кто за ним идут – безвольные мари-

онетки в руках его.

– Прости, Лира, но это и так было видно. Что-нибудь ещё?

– Азариэль, – девушка коснулась грубой кожи ладоней парня, а меж пальцев появилась скомканная бумажка. – Я просто хочу, чтобы ты был осторожнее. И возьми вот это.

– Почему же ты не бросишь его? – спрашивая, убрал бумагу в карман юноша. – Почему не примкнёшь к идеям Ордена, а не его противников?

В ответ только сумрачное молчание, окутанное покровом таинственности и за которым кроются истинные намерения девушки, запутанные, как клубок нитей судеб в руках неведомых сил и дымные, подобно комнате, где курят. Лира знает, что если Люций победит, то у неё появится призрачный шанс, эфемерная возможность исполнить задуманное. Ей руководит желание показать себя перед Азариэлем с хорошей стороны, дать ему понять, что она готова предать ради него «Великого Освободителя».

– Почему ты мне помогаешь, Лира? Что во мне такого ценного, что ты решила, – Азариэль осмотрелся, чтобы рядом не было вольных «братьев и сестёр», – предать план Люция?

Ответом стало действие, которого Азариэль никак не ожидал. Она неосторожно и торопливо отодвинула локон серебристых волос и потянулась мягкими накрашенными насыщенным алым цветом губами к его устам. Тревожное смятение охватило Азариэля, когда он ощутил на шее и у ушей

тёплые ладони Лиры, сердце же истошно забилося от взволнованности нечто приятного, пронёсшегося буйным вихрем по груди. Теперь Азариэль понял, зачем девушка преградила ему путь и зачем затеяла разговор.

– Прости, Лира, – вырвался юноша из её приятных, но холодно-коварных объятий.

– Азариэль-Азариэль! – сбросив покров невидимости, вышел один из неофитов Ордена, в котором он узнал Нерелота. – Как же мог неофит истинных «догм» Ордена отступить от них?

– Лира! – вскрикнул юноша, оттолкнув даму. – Как ты могла!? Ты обманула меня! Я не хочу тебя видеть!

– Прости, – взмолилась Лира и бросилась к юноше, но нашла лишь пустоту и мгновенно её уста наполнили слова оправдания. – Я очень хочу, чтобы ты был в Ордене, но в изменённом, новом!

– Врёшь!

– Я люблю тебя! – навзрыд крикнула девушка и бросилась ему в объятия, но была оттолкнута.

– Азариэль, ты же понимаешь, что это залёт, – давит Нерелот. – Если ты не примкнёшь к Люцию, то все узнают, что ты тут вытворял с Лирой, и плакало твоё рыцарство. А с нами у тебя есть шансы им стать. Это наш повелитель придумал, – слащавая улыбка расплылась на губах данмера.

Азариэль колебался меньше секунды. В один удар он вложил весь гнев от ситуации и его кулак сокрушил челюсть

Нерелота, выбив россыпь полудюжину белых зубов. Данмер пошатнулся и рухнул от такой стремительной атаки, потеряв равновесие.

– Делайте, что хотите. Мне всё равно, – плюнул на пол юноша, добавив. – Нет в шакале Люции благородства. – Договорив, Азариэль направился прочь, и только Лира продолжала смотреть ему в спину.

Как только парень очутился вне пределов Ложи, он в лёгкие как можно больше втянул свежего воздуха, стараясь успокоить себя и прогнать гнетущее головокружение. Угмонив отчасти душевные терзания, спрятав их куда подальше, он пошёл туда, откуда сможет начать сбор тех, кто ещё не продал души на мимолётное удовольствие, как можно быстрее удаляясь от входа в проклятые пещеры.

– Мальчик мой, как ты? Ты, наверное, голоден? Я сейчас что ни будь, принесу, – прозвучали слова, наполненные мягкостью и заботой в тот момент, когда Азариэль переступил порог кухни Ордена. – Может тебе замесить шоколада с апельсином.

– Здравствуй, Люсия. – Безрадостно тяжело молвит юноша, ступая в довольно обширное помещение, заполненное столами.

Азариэль видит перед собой добродушную и покорную прислугу Ордена, чьей одеждой стало грубое чёрно-серое платье, заляпанное пятнами жира. Он не чурается общения с прислугой и был рад помочь женщине перед собой, когда Ре-

миил назначил ему наряд по кухне и с тех пор эльф сдружился с нордкой-служанкой. А потом... Люсия делала ему любимое лакомство из детства – смешанные шоколад и апельсин, создавая конфеты, которыми кормил его отец.

Её светло-голубые глаза полны добродушия и внутреннего света, а чёрный мягкий волос, на котором медленно начинает проступать седина, только прибавляет шарму к образу.

– Как ты, Азариэль, а то выглядишь совсем угрюмый. И забыла сказать – спасибо тебе за помощь со швабрами позавчера. Вы тогда с Аквиллой хорошо подсобили с чистотой.

– Пожалуйста. Кажется, у нас проблемы.

– Ты о...

– Да, Регент мне рассказал о том, что произошло в Ордене, когда меня не было. И я теперь не знаю, как мне поступить, – поникнув, заключил юноша, кратко добавив. – Я потерян.

– А Аквила? Вы с ней хорошие друзья и она явно совет хороший тебе бы дала.

– Не упоминай о ней, – вырвались сдавленные слова и Азариэль ухватился за грудь, когда сбилось дыхание, и возникла холодная тревога у сердца.

– Настойку из лаванды и голубого горноцвета? Валерианы? – обеспокоилась Люсия, коснувшись плеча юноши. – Ты в порядке?

– Со мной всё хорошо, – помотал головой юноша. – Хорошо. Я спускался в место, которое называют Ложей. Там полный мрак творится. Как у вас на кухнях отнеслись к про-

исшествию?

– Я никому не говорила, но ты парень хороший... короче, кто-то помышляет поддержать того мужика... как его там...

– Люций.

– Именно. И даже у нас полный мышигаз. Азариэль, что происходит?

– Я не знаю. Скажи, Люсия, есть место, где можно обратиться мне и...

– Я поняла, – резко сказала девушка, поворачиваясь в сторону кухни. – Собери всех, с кем хочешь встретиться и приходи ко мне в комнату пятнадцать. Ступай и береги себя. – И совсем отвлекаясь от юноши, она крикнула. – Миранда! Замени меня!

Альтмер быстро вышел из кухни и направился к главным воротам Цитадели, чтобы за её пределами найти тех, кто поддержит его. Юноша обратил голову ввысь, будто бы ища помощи у богов, но небеса были всё так же безлики и поникшие в полнейшей серости, будто говоря о том, что судьба Тамриэля предрешена и неукоснительно закончится роком. Но не единая небесная слеза ещё не пала на эту землю, небо-свод ещё не зарыдал, будто храня плач для развязки.

В воротах, под массивными сводами, юноша встретил человека с тёмно-седыми волосами и блестящем цельном доспехе. Свет брони поник в липком слое крови и сажи, которое запятнало полотно брони, не касаясь яркого солнца на торсе. Глаза, отлитые серебром, сияют радости, а на отме-

ченном сажей и царапание лице мелькает редкая улыбка.

– Рыцарь Ремиил! – поднял руку в поздравлении юноша.

– Здравствуй, Азариэль, – начал вдохновенно Ремиил. –

О той заварушки у Гринхарта...

– Мне нужна будет твоя помощь. – Сразу кинул Азариэль, перебив рыцаря.

– Что случилось? – увидев обеспокоенность на лице парня, спросил Ремиил.

Азариэль ему рассказал обо всём – поведал о том, что случилось здесь несколько часов назад, пока их не было. Рассказал ему о том, что произошло, как Орден оказался на пороге раскола, как среди его рядов нашлись предатели, с которыми методом обычной декапитации не справиться. Рассказал о предателе Люции и о том, что нужно будет прийти в комнаты для прислуги, чтобы решить с кем они и возможно ли предотвратить раскол.

От услышанного откровения старый рыцарь стал бледнее чем драугр из древних нордских крипт. Единственное, что он вымолвил, прежде чем уйти в безмолвии:

– Хорошо, я приду, – тяжело сказал рыцарь и с тяжким видом ушёл в башню.

Юноша распрощался с рыцарем и пошёл дальше, его путь лежит к самому краю острова, где лежит небольшое селение. Азариэль быстрым шагом, срываясь иногда на бег приближается к небольшой магической плите, на которой красуются различные символы аэдрического текста. И в яркой вспышке

света парень растворился, оставив после себя только лишь пустоту.

Азариэля перенесло на самый край острова, где раскинулись сельскохозяйственные угодья. Довольно солидная деревенька утыкается прямо в море, уходя широкими рыболовецкими хозяйствами. По просторным улочкам гуляют крестьяне, свободные от налогового гнёта Империи, но подчинённые Ордену. Давным-давно между Империей, крестьянами и Орденом заключён был пакт – крестьяне не платят налогов в казну, но подчиняются законам страны и удовлетворяют орденские нужды.

Средь деревни скоро передвигается Азариэль. Тут и там ему попадаются дома, преимущественно выполненные в сиродильском стиле, но на глаза попадалась, и архитектура из бретонских деревень и скайримских мелких поселений. Из каких краёв переселенцев было больше, из таких стилей преимущественно и состоят дома, давая знать, какого населения тут больше.

Здесь так множество построек и зданий, что можно было потеряться посреди всех строений, образующих несколько улиц, переплетающихся и заплетающихся, образуя замысловатый лабиринт. В деревни есть и своя торговая площадь, и библиотека, и кузня, и травник и что естественно имеется и самая важная часть жизни – деревенский каба́к. Но посреди всей этой массы выделяется высокая трёхэтажная постройка, сделанная в стиле богатых домов Солитьюда – такая же

сдержанная и серая снаружи, но с богатым антуражем внутри. Это центр управления всем поселением – Дворец Совета Старост, определявший всю жизнь в деревне.

Но самым главным достижением поселения это естественно богатый урожай. Так как климат здесь благополучный, а земля плодородна, постоянно удобряема зельями из цитадели и местного травника, то и урожаи были такими, что можно спокойно прокормить Имперский Город. Здесь выращивали самые различные овощи и пшено почти круглый год. Разводили здесь и самую различную скотину, начиная от курей и заканчивая коровами, а для экзотики вроде гуаров или даже мамонтов Скайрима здесь климат не подходящий.

Но юноша пришёл сюда, не чтобы посидеть в сельском кабаке или за пропитанием для Ордена. Его сейчас волновал в деревушке только один человек, выходец из семьи сиродильских крестьян. В этом поселении живёт его друг – крестьянин по имени Саво.

Азариэль подошёл к хозяйствам и пошёл по той улице, которой необходимо. И через пару минут подошёл к самому обычному сельскому дому – низко посаженному, с соломенной крышей и парой покосившихся окон, к которому примыкает большой участок земли.

– Саво! Выходи! – облокотившись на забор, крикнул Азариэль.

Из дома показался мужичок, лет так сорока, с черным волосом, которые украшала лёгкая серебристая седина, высо-

кого роста, с небольшой щетиной на лице, с пронзительным взглядом карих глаз. Он облачён в простую бесцветную серую рубаху, кожаный жилет, чёрные грубые штаны и тяжёлые рабочие ботинки.

Азариэль всегда вспоминал, как они познакомились, это был один из немногих дождливых дней, когда неофитам дали ещё более редкий выходной. Но не всем. Один из иерархов отправил Азариэля в деревню на помощь одному крестьянину. И этим крестьянином и был Саво. Ему нужно было помочь с починкой забора, но как на зло из хлева на поле выбежали свиньи, которые и парень, и крестьянин побежали ловить. И утопая по колена в огородной грязи, они за полчаса смогли переловить всех скотин и загнать обратно в хлев, а потом и отметили это дело в местном кабаке.

– Здоров! – крикнул ему Саво, развеяв воспоминания юноши, подходя к своему забору и открыв калитку вместо дружеского рукопожатия, они по-дружески обнялись.

– Да, Саво, давно я тебя не видел, – с нотками явной ностальгии начал парень. – Как ты?

– Да всё хорошо, – с явной радостью ответил мужчина. – Недавно сумел крышу починить и сейчас свинью зарезал. Ты хочешь тушёного мяса попробовать? Под вишнёвую наливку естественно, – спросил крестьянин, приглашая парня в дом.

– Спасибо, Саво, но нет, у меня проблема, – бедственно сказал юноша.

– Что случилось? – Удивлённо спросил крестьянин, ожи-

дая подробной истории.

Азариэль ему рассказал о том, что случилось в стенах Цитадели несколько часов назад. Рассказал ему о конфликте, случившемся меж рыцарем и неофитами и о том, что на этом разыграл свою карту Люций. И в конце юноша попросил прийти крестьянина в комнаты прислуги, чтобы помочь определиться в выборе. Азариэль выложил всё с полным спокойствием, ибо такую рану для Ордена трудно будет не скрыть.

– Хорошо, я там буду, вот только оденусь получше, – сочувственно похлопав по плечу парня, сказал Саво.

– Спасибо, мой друг. – Практически шёпотом сказал Азариэль и отправился на поиски следующего своего друга.

Он пошёл обратно в Цитадель, воспользовавшись тем же самым телепортом, он пробежал через ворота и резко свернул в сторону северо–западного донжона, где располагались места для расквартировки стражи.

Донжоны стражников имеют квадратную форму, и они действительно огромны и многозадачны, в своём обхвате равнялись примерно размерам основания великой Башни Белого Золота, хотя высотой не доходили и до половины.

Парень подошёл к донжону, толкнул укреплённую тяжёлую дверь, обитую металлом, и вошёл внутрь. Огромные и просторные помещения башни служат для стражи Ордена всем тем, чем только можно было. Здесь оружейная комната легко сочетается с казармой и складом припасов. Повсюду

стоят ящики с амуницией и ресурсами разного рода, стойки с обычным оружием, учебные манекены, кровати, столы, на которых лежали карты, или изредка стояла бутылка с вином. Но, несмотря на некую независимость стражи от рыцарей Ордена, в донжонах всегда установлен практически идеальный порядок, отражающий суть службы.

Юноша не больше пяти минут взбирался на самый верх сторожевой башни и, поднявшись перед ним, раскинулась прекрасная картина, достойная, чтобы её запечатлели. Со стороны моря, где находился таинственный Падомай – родина маомеров, надвигается могущественный и грандиозный грозовой шквал, готовый массивами дождя обрушиться на весь юг Тамриэля. Чёрные тучи, массивы небес катятся волной громогого страха с юга, готовые обрушиться волной тьмы на Тамриэль. И на весь шквал без страха смотрел единственный стражник, будто бы бросая вызов ужасному потустороннему массиву.

– Андре, – обратился Азариэль и человек, несущий бдение, развернулся.

Среднего роста воин облачён в стандартную броню стражи Ордена – кожаный доспех, на груди усиленный пластиной из лунного камня с выбитой символикой солнца. У стражника светлые стриженные волосы, строгий и суровый взгляд янтарных глаз. Черты лица холодные как камень, словно их вытесали из скалы – острый заострённый подбородок, ямочки на щеках, худые скулы и высокий лоб. Ноги закрывают

кожаные штаны, уходившие под усиленные пластинами стали сапоги.

– Как ты меня нашёл? – без удивления спросил Андре.

– Я же помню твой график. В это время ты здесь несёшь службу.

– Ах да... я же сам его тебе дал. Ты ещё помнишь, как мы лихих завалили?

На губах Азариэля промелькнула мимолётная улыбка, и он вспомнил, как познакомился со стражником. На ум пришли изумительные очертания лазурного берега и большой деревни, которую хотели ограбить налётчики. В уме возникли моменты кровавой битвы, в которой сошлись неофиты со стражей и бандиты, так же память выдала осколки воспоминаний, как Андре защитил альтмера от болта самострела и как эльф прикрыл стражника, когда тот кромсал главаря банды.

– Что понадобилось? – холодным и бесстрастным, как лёд севера, голосом спросил мужчина, вырвав парня из воспоминаний.

– Нужна твоя помощь.

– Это из-за того что произошло сегодня в Ордене? – опережая мысли и просьбы спросил Андре. – Я ведь прав?

– Да, – коротко и поникши, ответил юноша. – Нужно собраться.

– Когда и где?

– Комнаты прислуги. Сегодня. И чем быстрее, тем лучше.

– Понял. – Коротко и бесстрастно ответил стражник и скорым размашистым шагом отправился прочь с донжона.

Азариэль же остался посреди зубчатой башни, устремив печальный взгляд на юго-восток, откуда каскадом чёрных облаков подходит буря. Небосвод и так затянут серой пеленой, ожидая чьей-то воли, чтобы обрушиться на землю дожди. Холодный порывистый ветер ударил в лицо юноши, развивая его длинноватый седой волос. Внутри себя юноша ощущает, как что-то съёжилось, что-то гнетёт и терзает его, и он ловит себя на мысли, что ему следовало бы остаться с Люцием, дабы не терять Аквилу. Вопрос о правильности поступка всё ещё гложет Азариэля, и он подавил в себе каждый выступ чувства вины, чтобы не потонуть в этом чувстве окончательно. Тяжело выдохнув, он тоже ушёл с донжона, устремившись в комнаты для прислуги.

За толстыми стенами Цитадели стоит гнетущая тишина, которая просто изводит нервы отсутствием былого могущества и атмосферы праведности в святом деле. Многие рыцари, маги и учёные сейчас наверняка сошлись в жарких спорах о выборе стороны, а некоторые выслушивали сладкие речи Люция, которые он направлял против Регента.

Азариэль сейчас бы променял бы пол Тамриэля на спокойствие в Цитадели и Ордене. Он с болью в сердце вспоминает те времена, когда ещё не была создана эта треклятая Ложа, времена, когда в стенах Ордена царил порядок и спокойствие. Слуга Ордена не мог понять, что случилось за

последний год. Все те, кого он знал за последнее время стали более радикальны и буквально безумны, вечно рвясь за странными амбициями о власти и могуществе.

От осознания собственной слабости и не способности повернуть события вспять парень гневно сплюнул на коротко подстриженную траву огромного и монументально широкого внутреннего двора и ускорил шаг.

Азариэль подошёл к углу главной башни, что располагался практически у самого её подножья. Там он нашёл тяжёлую деревянную дверь, украшенную посеребрённой резьбой, изображающей пылающие лунным огнём блестящие орнаменты растений и воды. За этой дверью крылись комнаты для прислуги, занимающие просто огромное пространство под башней, уходя вниз на три этажа и заканчиваясь подвальным помещением. Каждый этаж представлен длинным и невообразимо широким коридором, по бокам которого и располагались жилые комнаты, в которых живут те, кто призван стать обслугой Ордена.

Азариэль ступает среди коридоров, облицованных каменными плитами, начищенных до такой степени, что на их поверхности отражаются десятки бликов огоньков от множественных канделябров. Ступая здесь, Азариэль без труда мог разглядеть своё расплывчатое отражение на сменах, идущее вместе с ним.

Войдя в помещения для прислуги, Азариэль быстро сориентировался и практически мгновенно вспомнил, где нахо-

дится комната Люсии и, спустившись на этаж, он встал у нужной двери, незнамо как перебежав через весь длинный коридор. На него смотрит простая дверь, сколоченная из добротных досок, а душу самого парня разрывали тысячи сомнений, насчёт правильности его действий. Но отринув всякие колебания, он гордо отворил в дверь и зашёл в комнату прислуги.

Здесь помещения для жилья весьма просты и не пылают роскошью и вычурностью особняков или постоянных дворов. Обычная квадратная комната с невысоким потолком, где у стены расположилась небольшая кровать, с тумбой и сундуком для вещей, а посередине стоит прямоугольный тёмно-деревянный стол. Внутри свет исходит от нескольких свечей и канделябра, создающих тускло-томную атмосферу подземелья.

Азариэль с трепещущим сердцем переступил порог комнаты, ловя взор тех, кого он собрал в надежде получить верный и правильный совет. Как только Азариэль зашел в комнату, повисла тишина как в усыпальницах Морровинда, хотя все пристально смотрели за тем, кто его сюда пригласил. Суровые глаза Андре, Туриила и Ремиила холодным взором уставлены на юношу. Саво и Люсия смотрят на Азариэля с мягкостью, пониманием и без того напряжения, что проглядывается в очах рыцарей и стражника. Азариэль смотрит дальше и как только взгляд достиг двух парней, сидящих на кровати, голос задрожал от лёгкой вспышки радости:

– Готфрид, Ахмат, – с лёгким выдохом, перебивающим себя на кашель, с радостью вымолвил Азариэль, когда увидел знакомые лица. – Как же вы тут оказались?

– Я их нашёл, – слышалась тихая речь от человека в чёрных мешковатых одеждах, стоявшего напротив у стены. – Мне сообщил Ремиил, что ты ищешь совета.

– Ах, это вы, Марий. – Азариэль присел за круглый стол. – Всё то вы знаете.

– Скажи, – начал Андре, развеивая тишь суровостью голоса. – На кой ты нас собрал? Что ты ждёшь от нас?

– Я хочу знать, что сейчас происходит в Ордене. Хочу знать, куда мы идём, и что нас ждёт. Я хочу определиться, что где кроется чёрный умысел и когда мы свернули с правильного пути, – и, окинув всех взглядом – рыцарей и стражника, что сели рядом с ним за стол, агента, крестьянина и служанку, стоящих у стен и двух неофитов, рассеявшихся на сером покрывале, Азариэль повернул голову вправо. – Ремиил, расскажи, что произошло с операцией?

– Да что тут рассказывать, – безрадостно начал рыцарь, утирая сажу с тусклой брони. – Сыны Лесов практически все добиты в своём логове. Мятеж в городке у Гринхарта подавлен. Ничего особенного. – Голос Ремиила стала более злобен. – Лучше скажите, что учудил этот идиот Люций?

– Кто скажет? – спросил Азариэль, не желая вспоминать об опальном рыцаре.

– Пожалуй, я, – прозвучал тихий голос Мария. – Похоже,

что Люций решился на предательство Ордена. Он заварил всю свистопляску с Ложей и расколом.

– Ты ставишь под сомнение честь рыцаря? – гневно и напористо спросил Туриил, схватившись за изображение солнца на серой кожаной куртке, покрывшей чёрную рубаху. – О боги, но может и Люций не виноват. Не могло рыцарство себя так запятнать. Да это проделки этих чёртовых неофитов-изменников. А я говорил, что их пороть кнутами нужно, чтобы всю дурь выбить!

– Я не хочу говорить о нём плохо, – оправдательно ответил агент, пропуская гневный выпад рыцаря. – Я множество раз незаметно посещал так называемую Ложу и слушал речи Люция. Он натаскивал неофитов на изменения, рассказывая им о том, что при новом устройстве Ордена будет намного лучше. Именно этот рыцарь разогревал в них спесь и гордыню. Я хочу лишь прошу вас задуматься о его роли в этой истории, – и, замолчав агент, посмотрел в глаза Туриила, и, увидев в них всё растущее изнеможение, тихо закончил свою речь. – Я не верю в то, что эта вся ситуация сложилась за два дня.

– Кстати, – обратившись влево начал Азариэль, – Саво, какие ходят настроения у крестьян.

– Я незнамо, о чём ты говоришь? Никто из соседей ни слухом, ни духом о том, что тут какие-то брани, – почесавшись, ответил крестьянин.

– А-а-а, – махнул рукой Андре, – можешь, не беспокоится.

Коммандер дал распоряжение, чтобы всех, кто начнёт нести люциитскую чепуху, выкидывали из деревни.

– А как сами стражники? Какие настроения ходят среди них?

– Стража верна Регенту, – хладно отчеканил Андре.

– Теперь хочу сказать я, – практически мгновенно сказал Туриил, шлёпнув ладонью по столу. – Меня не было в Ордене, когда всё случилось, и я не буду просто так обвинять Люция, основываясь на слухах. Он не мог просто так пойти на предательство, я не верю в это! Это клевета поганой Ложи!

– Кстати, о Ложе и Люции, – с кровати встал Готфрид. – Я только что из Академиона и там говорили, что Люций атаковал капеллу. Он стравил братьев и сестёр в споре, кто прав и, кто виноват.

– Этого не может быть! – взревел Туриил.

Готфрид завёл руку за пазуху и в его руках оказались несколько желтоватых листков, на которых проглядывались чернильные символы, расписавшие полотно бумаги.

– Вот держите, господин, – протянул пять листов Готфрид рыцарю. – Это Акт Собраниа в Зале Мудрого Просветления от сегодняшнего числа. Почитайте.

– Дай сюда! – жадно выхватил рыцарь листы и впился взглядом в строки.

– Кстати, господин, – ввязался в диалог и Ахмат. – Мне пару раз выпадала сомнительная честь участвовать в заседаниях Ложи. Ох, там они такой каламбур творили, прикрыва-

ьясь помпезными речами об общем благе и свободе. И знаете – именно Люций возглавлял заседания, неся речи о том, что Орден нуждается в глубоких изменениях. Именно он изо дня в день натаскивал неофитов на изменения и не только их.

– А как всё безобидно затеивалось, – сыронизировал Готфрид. – Со свободных обсуждений, тем вольных.

– Вот теперь всё сходится – это заговор. Только ради чего всё это устроил Люций? – доносится вопрос от Марии, коснувшегося лысой головы.

– Не может быть... – с уст Туриила снисходит подавленная речь, пальцы слабнут и листы с Актом падают на стол. – Орден... как мы могли... это...

Азариэль видит Туриила, как тень печали ложится на его лицо, а в глазах меркнет прежний свет. Рыцарь итак был не самым весёлым и добродушным человеком, но теперь, кажется, что он пал в самые чёрные глубины отсутствия тяги к жизни. Туриил складывает руки на груди, уставив пустой взгляд в центр стола, лишь сухо твердя:

– У меня нет слов.

– Скажи Азариэль, ты спускался в тот клоповник?

– Да, Андре, – безрадостно дал ответ Азариэль. – Я был в Оплоте Ложи.

– Что ты там видел? Расскажи нам всё.

– Я видел Люция, видел предателей. Несколько сотен – рыцари и маги, учёные и мастера. Неофиты. Видел разврат и пьянство. Те, кого мы считали братьями и сёстрами уже не

на службе у Ордена.

– И что нас ждёт, если его карта сыграет?

– Ничего хорошего. Мне кажется, что Люций проданся Сангвину за удовольствия.

– А Аквила? – спросил Ахмат, – ты её видел там?

– Не вспоминай о ней. Она... она... – замешкался Азариэль, и было ожидал упрёка от Ремиила, но рыцарь с серебристыми глазами лишь понимающе смотрит на юноши, давая тому самому собраться и тяжело выразить задуманное. – Она среди них.

– Как же это всё случилось... – разбито на выдохе твердит Туриил. – Как же мы могли этого не заметить.

– Господин, – хладно и резко обратился Андре, отпив из кружки, – я могу вам сказать, что случилось, это очень быстро. Я помню тот день, когда под Фестхолдом, у мыса Синего Рубежа мы лили кровь. Нашу кровь. Вместе.

– Три года назад? – спросил Ремиил.

– Да, господин. Мне до сих пор сняться кровавые картины того дня. Я помню, как рыцарей потрошили и сжигали магов, как паладины становились изрубленными кусками мяса. До сих пор в ушах стоят крики умирающих и агонии тех, кого резали... до сих пор я чувствую тот жуткий смрад внутренностей и запах горелой кожи. – Андре остановился, умирая дыхания и успокаивая себя. – В тот день меня спас Люций. Из Цитадели отправились шестьдесят воинов и магов, а вернулось меньше трети. Вот тогда мы были едины.

– К чему это?

– Я всего лишь хочу сказать, что мы всегда были едиными, и эта заварушка не родилась из долгого спора. Она кому-то нужна и весь спектакль явно кем-то разыгран. Люцием? А есть ещё кому-то?

– Можно я скажу? – сразу после речей Андре попросил Саво.

– Конечно, крестьянин, – позволил Ремиил.

– Я вырос на этой земле и сейчас на ней живу. Я каждый день вижу стены Цитадели из окна своего дома. Я понимаю, что рыцари здесь будут всегда. Я не понимаю, что есть «Ложя», и я прожил без всяких там Академионов. Но даже я понимаю, что если ты живёшь на земле, на которой ты вырос, и которая тебя взрастила, то за неё нужно держаться, – решил вставить свои пять септимов Саво в общий разговор.

– Спасибо, крестьянин, мудрые слова, – подавленно произнёс Туриил.

Неожиданно раздаётся скрип двери и в комнату заходит, постукивая каблуками высок сапог высокий черноволосый мужчина. Его одежда – единое сплошное чёрное пятно на теле реальности. Прилегающего образа жакет со стойками под самую голову, штаны и сапоги – вся одежда несёт угольно-чёрный оттенок.

– Господин Ариан, – вымолвил Марий, чуть склонив голову в почтении.

– Что вы тут делаете? – спросил Ремиил.

– Меня попросил вас найти Регент, он вызывает вас в зал. И это вам, будет интересно, – сразу с порога, даже никого не поприветствовав, начал глава разведки голосом строгим. – Ложа приготовила Хартию Свобод и Новый Кодекс, которые они хотят преподнести Регенту. И... люцинты готовы применить силу. Похоже, у нас намечился переворот.

– Что?! – прорычал Ремиил и стол сотрясся от удара латной перчаткой. – Да как они посмели!?

– Это ещё не всё. Регент и Иерархи под давлением люцинтов Особым Постановлением ввели возможность участия неофитов в Великом Капитулярии.

– Чтобы этот шальной молодняк, пушечное мясо, решало судьбу Ордена? – возмутился Туриил, сделавшись на взгляд грозно-разочарованным.

– Кажется, нам пора идти, – отойдя от стены, сохраняя удивительное спокойствие, сказал Марий и поспешил покинуть комнату.

– Прислугам и крестьянам права участия в Капитулярии не давали, – напомнил Ариан, поглядывая на Саво и Люсию.

– Ничего страшного, мы останемся здесь. – Согласился Саво. – Чего нам лезть в разборки господ?

– Азариэль, ты решился? Нашёл ответы на вопросы?

– Да, Ахмат, – цепляясь за стол, поднялся с места Азариэль. – Наш Орден не просто болен... он смертельно ранен... больны «реформаторским» сумасшествием все те, кого мы

любим и чтим из стана люциитов, но в этот момент я предпочту остаться с Орденом. До конца.

Глава 18. Великий Капитулярый

Цитадель Ордена. Вечер того же дня.

В небе уже начинают зажигаться первые звёзды, только вот сегодня их никто не увидит. Над Цитаделью Ордена нависла корона грядущей бури – чёрные, как пучины Обливиона, тучи двигаются с юга, штормовой рукой готовясь накрыть весь островок. Но что есть природная буря, если в душах братьев и сестёр бушует самый настоящий ураган, готовый смести Орден и уничтожить всех тех, кто заступится за него.

Пройдя через обитые золотом ворота Ордена, Азариэль попадает в просторную и гротескную залу, в которой страшно душно и накал здесь далеко не из-за того, что все окна закрыты. Сотни братьев и сестёр готовы сойтись в смертельной схватке, что бы доказать свою правоту.

– Заткни пасть, заморыш регентский! – выхватил Азариэль чьи-то возмущения среди всеобщего шума. – Вам не отнять у нас наши свободы!

– Лучше помоли Стенндара за милосердие, иначе я тебя к нему отправлю, люциит поганый! – слышится ответ.

– Свобода восторжествует! – закидывают девизоподобным возгласом люцииты сторонников старого порядка в Ор-

дене.

В громадном и поистине величественном месте, где в центре огромный каскад строений – высокий полуамфитеатр, подле которого плещется вода, окружая вещательную площадь, стоит жуткий невыносимый гул. Все спорят со всеми о правильности своих идей, и кажется, что рану на сердце Ордена уже не залечить.

Азариэль поднял голову вверх и смог разглядеть, как на балконах, что окружают место заседания Двуглавого Совета на деревянных креслах, обитых синей тканью расселись не менее пары сотен фигур в чёрных многослойных одеждах. Из лица и тела скрыты за множеством слоёв чёрной ткани, что таинственным покровом скрыла личины странных гостей.

– Кто они? – спрашивает сам у себя Азариэль, но был оторван разгоревшимся балаганом.

Азариэль оглянулся в оппозиционном переполохе. Он увидел пару стычек между восставшими и лоялистами – крики и ругань ознаменовали короткие дебаты. Увидел, как будто неведомые тени ползут по изящным стенам зала, но стряхнув головой, скинул эти галлюцинации на собственное переутомление, которое медленно начинало брать верх.

За Азариэлем в залу вошли все те, кто с ним был в комнатах прислуги, медленно разойдясь по заполненной зале. Всё это юноше напоминает какое-то безумие, страшный сон, который не должен сбыться. Но оглянувшись ещё раз, Аза-

риэль с печалью осознаёт, что раскол – это неумолимая действительность, отчего в глазах юноши промелькнул мучительный блеск солёной влаги.

Тяжесть и боль сковали грудь Азариэля, делая дыхание изнурённо трудным, отдаваясь у сердца болезненным ощущением. Азариэль вдохнул как можно глубже, пытаясь прогнать волнение, но воздух стал густым и спёртым от напряжения. Смятение и страх ударили в голову, и взгляд Азариэля поплыл, выхватывая размытые силуэты людей и множества огоньков свечей с канделябрами и магических светильников, а люстра отразилась в сознании непонятным ярким пятном. Звуки споров отошли на второй план, став приглушёнными и такими чуждыми. В голове шумели только собственные мысли, вопящие о том, что этого не может быть.

– Парень, – подхватил Азариэля рыцарь, и юноша повис на руке, закованной в броне, на которой имеются слабые отметины сажи. – Держись.

– Я в порядке, – слышится тихая раздавленная речь.

– Оно и видно. Соберись, неофит! – воскликнул Ремиил, приводя Азариэля в чувство, его голос пропал в водовороте криков и воплей.

Спустя мгновение Азариэль стал приходить в себя, и ломающая слабость в конечностях потихоньку начала отступать. Через минуту Азариэль взял себя в руки и уже спокойно следовал за Ремиилом, минуя беснующиеся ряды люциитов.

В ложе полуамфитетра позволили расположиться тем, кто встал на сторону изменений. Разношёрстные ряды мятежников наплывом нескольких сотен сторонников Люция заполнили чёрные кресла, расположившись на них подобно коршунам, что готовы сорваться в любой момент по приказу своего господина. Их лица перекошены то ли в маске злобе, то ли в безумной радости, а в глазах полыхает жаркий огонь страсти изменять и перекраивать. Рыцари и маги в дорогих костюмах, которые может себе позволить либо знать, либо высшие чины Восточной Имперской Компании, сменив скромные робы и стихари на яркость помпезность и пышность. Среди яростных полчищ люциитов, которые тонут в неистовых воплях и кличах, то и дело проносится единственный единый выклик:

– Свобода восторжествует!

Больше всего сердце Азариэля колет огромное количество неофитов, выющихся подле господ-рыцарей, магов, мастеров и учёных и с щенячьей верностью вверив свои души и судьбы в руки тех, кто заклинает себя равными молодняку. Предательство многих братьев и сестёр обвивает сердце юноши тернистой петлёй – в груди разливается боль и обида.

– Кем же вы стали? – сквозь истошный шум помелькает тихий вопрос, который подавил Ремиил, злобно выпалив:

– Фанатиками и безумцами, ревнителями идиотских перемен, что сегодня нарушили клятвы.

Азариэль, поникнув взглядом, продолжает горестное ше-

ствие к высокому ярусу, но тут в сторону парня крикнули и махнули и рукой. Азариэль расслышал голос Тиберия:

– Азариэль, давай к нам, у нас для тебя место! – Радостно кричал Тиберий, ожидая, что Азариэль к ним присоединится. – Давай-давай! Вместе выступим за законные свободы!

Резко обернувшись, юноша смог увидеть, что бывший товарищ сидит прямоком у перегородки, нависнув над водоёмом. С непередаваемой скорбью в нефритовых очах, Азариэль прокричал в ответ и его яростный голос превзошел рокот споров:

– Я клятв не предаю!

Отвернув тяжёлый взгляд от взбешённых рядов мятежников, верный неопит продолжил идти за наставником, в сторону высокого яруса, на котором расставлены столы и троны и к которому от вещательной площади идёт красочная размашистая лестница. В тоже время парень смог разглядеть, что за ярусом распахнуты крепкие дубовые двери, в которых столпились множество лояльных братьев и сестёр.

– А что там? За Ярусом Владык?

– «Ординус Санктум», – хладно ответил Ремиил. – Место вынесения всех решений по собраниям.

Азариэль смог выхватить силуэты многих славных наставников Ордена, оставшихся верными клятвам. Но не только они держат знамя верности и чести в разразившейся борьбе. Рыцари в приглушённых цветом робах и стихарях, неопиты в обыденных кожаных панцирях, чародеи в тёмно-синих ба-

лахонах, иерархи в пёстро-алых церковных одеяниях. Они не сменили формы на помпезные наряды предателей, выкалывая одеждой, что они верны постулатам сдержанности и скромности. Все верные Регенту братья и сёстры собрались именно на Ярусе Владык и подле него, окружая руководителей Ордена.

Азариэль стал медленно и тягостно взбираться по ступеням, подведённым сбоку от яруса и, скользя через столы спешит встать возле Регента, чтобы из центра наблюдать за тем, что происходит в зале.

Немногие люцииты и лоялисты ещё блуждают среди стен роскошной залы, не заняв своего места, схлестнувшись в жарких спорах. Гул стал постепенно утихать по мере того, как стороны конфликта рассаживались. Азариэль заметил, что люцииты заняли полуамфитеатр, а за лоялистами остался Ярус Владык.

– Ты куда идёшь? – грозно спросил один из рыцарей, когда Азариэль проскальзывал у столов, чтобы подойти к Регенту.

– Я... к трону.

– Не дозволено. Мера безопасности, – грозно пресёк мускулистый короткостриженный рыцарь.

– Пропустите его, – послышался шершавый голос главы Ордена, донёсшийся из-за высокой спинки трона.

Подле Регента, на Ярусе Владык семь иерархов в красных одеждах и один в чёрном, чем ознаменовал, что предпочёл

переметнуться на сторону люциитов, став отступником.

– Тише! Тише! Я призываю вас усмириться, и мы начнём заседание Капитулярия! – поднялся один из иерархов и его высокий эльфийский глас раздался на всю залу.

Но его лишь освистали со стороны реформистов и даже послали куда подальше. Исковерканные в гримасе наглости и спеси рожи мятежников издавали дикий гогот и смех, ставшие символом радости от того, что они не могут исполнить элементарную просьбу.

Регент решил вмешаться, чтобы уже начать заседание, и он приподнялся с трона. Лёгкое пальто Регента аккуратно касалось пола, а простая рубашка на месте сердца была украшена древней драконьей клинописью – «Мир арк зин», что переводилось как «Верность и честь».

Он уверенно поднял руку ввысь, согнув в локте и гул в зале затих. Кто-то ещё мешкался, но в основном все обратили внимание на Регента в ожидании начала и тех слов, с которых он и начнёт. Минорный взгляд красных глаз Регента касается всякого предателя – маги, учёные, иерархи или же неофиты с опальными рыцарями. Он с болью в сердце взирает на глазах злобу в мятежных очах и ненависть к себе, понимая, что они готовы его растерзать. Их лицо – апофеоз оппозиционной ненависти, но всё же они те, с кем Регент прожил многие лета и для кого боролся с нечистью и поэтому не может так просто отдать паладинам приказ о декапитации каждого бунтаря. Регент взирает на люциитов, не же-

лая давать отмашку о начале Капитулярия, и он бы продал все сокровища Ордена, чтобы протокол о «Заседании Великого Капитулярий» был бы отложен и остался чистым.

На мгновение, Азариэль в замешательстве Регента узрел жалость, и понял, что сочувствие – это цена, которой является будущее Ордена. Но всё же глава Ордена находит в себе силу и, отверзая уста, будто бы налитые свинцом, Регент обратил к залу речь, переполненную болезненной хандрой:

– Я Регент, председатель Совета Владык, предводитель древнего воинства, знаменосец святого солнца – Тилис из Садрит Мора объявляю о начале заседания Капитулярия в расширенно-специальном составе. Занесите это в Протокол.

Летописец Ордена – пожилой мужчина в тёмно-серой коричневой рясе тут же сделал пометку на пергаменте, вырисовывая на тамриэлеке текст: «Регент открыл заседание. Особым Постановлением введены Неофиты».

– Скажи, тиран, кого-то привёл в наш зал!? – раздалась яростная, преисполненная пылким недовольством реплика.

Азариэль заметил, как среди моря люциитов, в самой середине полуамфитеатра восстала грозная фигура зачинщика раздора, облачённая в режущий глаз противный доспех, будто бы вышедший из-под рук каких-то сумасшедших мастеров. На нагруднике явно изображено вопящее лицо, поножи и перчатки имеют странное шипастое полотно. Его броня выкрашена в кричащий лиловый цвет, граничащий с розовым оттенком, и украшена обвивающими её золотыми це-

почками, на которых, покачиваясь, висят небольшие драгоценные камни.

Среди люциитов раздались крики одобрения и поддержки, частенько перемежаясь с антидевизом Ордена: «Свобода восторжествует!».

Азариэль с холодным ужасом взгляделся в Люция, чувствуя, как отвращение подкатывает к его горлу. На рыцарских руках блестят золотые кольца, а уши проколоты сверкающими золотыми серьгами. Его лицо... оно стало мертвенно-бледным, как у трупа, в глазах повисла неизгладимая пелена мрака, а волосы, роскошная шевелюра... её нет. Рыцарь полностью обрился. В глазах Азариэля это больше не благородный рыцарь, ибо он походит на безумного культиста неведомой секты, продолжающий голосить на всю залу, устремив руку на балконы:

– Кто эти тени?! Кто их пригласил!? Почему всё это решено без ведома свободных братьев и сестёр!? Я требую ответа, проклятые тираны! – раздались гневные требования главы партии перемен.

– Это свободные наблюдатели, – дал ответ Регент, сохраняя подавленное спокойствие. – Я их сюда пригласил.

– Мы протестуем! – заявил Люций. – Протестуем и против того скомороха, который гнездится среди иерархов. Пока нет одобрения свободных, они должны покинуть эти залы!

Азариэль с резким поворотом головы в сторону столов смог увидеть, что среди иерархов расположился чернявый

тщедушный имперец, в тёмно-красном камзоле, орлиным взглядом изумрудных глаз, взирающих на действо распри, который неожиданно сильным голосом обозначил своё положение:

– Я Императорский Спекулятор, приставлен к вам, чтобы проследить, что решение Великого Капитулярия соответствует законам Империи!

– Совет Владык, – обратился Регент, сидя на троне чуть склонив голову, – вынесете решение по этому поводу.

Среди иерархов поднялись пять рук в защиту присутствия гостей, и один из голосующих объявил сущность решения:

– Совет Владык большинством голосом выносит Организационное Постановление об оставлении приглашённых Регентом.

– А-а-а, – махнул Люций в сторону представителя императора, недовольно приговаривая, – оставайся имперский прихлебатель. Так и пометьте в Протоколе – я не удовлетворён приглашением этих кокл.

Вновь наступила секундная тишина, что перебита Регентом, снова поднимающимся и глаголющим:

– Братья и сёстры, – голос предводителя сотен душ по живому задрожал. – Сегодня мы собрались для решения одного важнейшего вопроса, который решит судьбу Ордена. Для занесения в Протокол определена тема: «Изменение организации, введение новых статусов, отмена привилегий и смена системы управления Орденом».

Азаризель безрадостно усмехнулся про себя, в тот момент, когда Регент смолк. Он искренне надеялся на то, что мятежников остановят, приведут в чувство и попросят прекратить раскачивать маховик размолвки. Но теперь всё поздно и на слащаво-отвратительных лицах люциитов видно, что они рады тому, что сейчас происходит, смакуют каждый момент политической свары, ожидая победы.

– Мы можем внести пометку в Протокол о начале заслушивания мнений? – спросил Регент, рассеяв молчание.

– Нет! – взревел Люций. – Мы желаем, чтобы в Протокол внесли тему рассмотрения Великой Хартии Свобод и Нового Кодекса. Без этого теряется весь смысл свободных слушаний!

– Совет Владык, вынесете решение, – сухо обратился Регент.

Три голоса против одного дан и один из иерархов встаёт и объявляет смысл результата:

– Советом вынесено Протокольное Постановление о внесении в Протокол дополнительной темы о рассмотрении Великой Хартии Свобод и Нового Кодекса.

– Вот это чудесно! – яро смакует Люций. – Мои милые братья и сёстры, свобода восторжествует!

Регент угрюмо пропустил радости Люция и без лишних эмоций, стараясь держать себя в руках и не выказывать волнения, голосом безжизненным говорит:

– А теперь предлагаю к рассмотрению устных заявлений

по поводу первой темы. У кого-нибудь есть ходатайства до начала заслушивания речей?

– Да! – снова вопит Люций и с его бледных уст рвётся пламенная речь. – Я ходатайствую о том, чтобы наши ораторы выступали сразу после ваших, поскольку их участие затрагивает наше право на равноценный и справедливый спор!

– Хорошо, – нехотя соглашается Регент, «роняя» голову на правую руку, – я как председатель Совета Владык в единоличном порядке удовлетворяю ходатайство. Претензий нет? Занесите в Протокол.

«Ходатайство Люция Лириона о порядке выступления ораторов удовлетворено». – Появляется короткая запись на пергаменте.

– Кто начнёт?

Из рядов лоялистов подаётся высокий черноволосый нордлинг с правильными чертами лица, облачённый в изумительные доспехи своего положения. Это изящный нагрудник, с рдеющим символом солнца, голова покрыта сапфирово-синим капюшоном, как и руки и ноги, укутанные в магические ткани.

Он проследовал через дорожку у столов, спустился по широкой дворцовой лестнице и подошёл к небольшой трибуне на вещательной площади. Прежде чем заговорить он окинул залу тяжёлым скорбным взглядом.

– Я Айк'Аран, – полился глубокий твёрдый голос. – Глава магического круга, пришедший сюда, чтобы сказать –

сторонники изменений не правы в своих суждениях. Наш Орден, наше славное и великое воинство существует таким уже несколько тысяч лет. И нет смысла что-то менять в нём, поскольку оно без всяких... новаций исправно служит Тамриэлю, а не в этом ли наша миссия, братья и сёстры? Не в служении ли континенту и защите его от богопротивных мерзостей? – чародей остановился, чтобы посмотреть на неодобрительные лица люциитов, а затем рассудительно продолжил. – Подумайте, кем мы станем, если будем преследовать мелкие личные цели? Не более чем тенями своего чудесного и великого прошлого. У меня всё, спасибо за внимание.

Маг-лоялист поспешил занять место среди рядов сторонников Регента, и только стоило ему вступить на первую ступень, как из рядов люциитов поднялся высший эльф, на котором развивается чёрная накидка, смахивающая на балахон. Азариэль с осторожностью наблюдал за тем, как мятежник занимает место на вещательной площади и готовится нести речь. И как только люциит положил руки на трибуну, раздался его надменный звонкий голос:

– Мне, Айкантару Мирилу, выпала великая честь представить интересы всех свободных магов Ордена. Наши братья и сёстры, блуждающие в тени варварского мировоззрения называют нас предателями... но разве они сами не предали ли великие идеи свободы? Что плохого в том, что мы желаем равенства, что мы желаем изменений, что мы жела-

ем справедливости? Глупы те, кто взывают к традициям и долгу, ибо, что есть выше личной свободы? Сегодня, в этот момент, я хочу убедить вас, сторонники диктата, что вам не удастся подавить наше праведное стремление к справедливости, равенству и свободе.

Чародей-люциит спешит уйти с площади и Азариэль печальным взглядом провожает мага. Он не думал, что отторжение к старым идеям Ордена так сильно вьестся в разумы многих братьев и сестёр и сейчас с грустью понимает, что так просто это всё не закончится.

И закончив свою речь, маг предоставил слово другому оратору, который тоже стремился переубедить восставших. К трибуне из стана лоялистов спешит выйти крупный коренастый орсимер. Его одеждой выступает толстый кожаный камзол, опускающийся практический до пят, скудной расцветки, плотные штаны из серой ткани и ботинки. Орк размашистой походкой проследовал к трибуне и тут же сходу стал говорить; его тяжёлая грубая речь пронеслась по зале гулким эхом:

– Я Гарзак-гро-Багол, мастер Директората, и мне суждено говорить от лица мастеров. Мы, такие, какими нас создали наши предки, и измениться не можем. Наша структура и правила это и есть основа Ордена, его стрежень... если его вынуть, всё рухнет. Представьте, что будет, если изменить фундамент дома. Если его разворошить, и на его обломках построить новый фундамент, то, сколько этот дом простоит?

Он развалится после первой бури. Я говорю о том, что ничего менять не нужно, – пытаюсь убедить присутствующих в своей правоте, говорил представитель мастеров. Спасибо, у меня всё.

На место мастера из Ордена спешит занять место крепкий с чёрным длинным волосом нордлинг, на котором сверкают аметисты и топазы, коими обшиты красивые пёстрые одежды светло-фиолетового оттенка. Он размашистой походкой приблизился к трибуне и, окинув взглядом, пылающим ненавистью к лоялистам, низким голосом озвучил доклад:

– Меня зовут Рагнар Тяжёлый Молот, и я говорю от имени свободных мастеров и Директората. Они утверждают, что изменив структуру и сущность Ордена, мы будем сломлены. Это ложь, наглая убогая ложь! – воскликнул Рагнар и его слова задрожали от неприязни, которую он питает к лоялистам. – Вы не давали Ордену развиваться по канонам свободы! Вы не давали ему менять структурную сущность по воле просвещённых братьев и сестёр, заставив структуру нашу заржаветь... покрыться коррозией. А толку-то в клинке, съеденном ржавчиной!?

Азариэлю, кажется, что Люций играет – на каждый аргумент лоялистов он предлагает свой, будто бы отбивая каждый выпад. Молодой последователь старых законов Ордена с горечью вынужден наблюдать за тем, как Орден распался. Но от внутренних размышлений Азариэля оторвал шум лязга брони и нефритовый взгляд приковался к могучему во-

ителю, чьи одеяния представлены панцирным малахитовым доспехом, выполненном в дизайне брони из Хай Рока.

– Теперь я скажу, – раздавался на всю залу могучий голос воина. – Я Йорик Элдерсон, служу главой в рядах паладинов больше десяти лет. За всё время службы я видел, как братья и сёстры проливали кровь... вместе. Я видел, как мы вместе выступали против самых мерзких тварей тьмы, без страха и упрёков. И что же происходит сейчас? Вместо великой цели искоренения нечисти по всему Тамриэля мы впали в мелкую грызню идей... достойно ли это воина? Достойно ли это нашего Ордена? Достойно ли это памяти наших предков и предшественников? Нет, не достойно.

Никто больше не идёт из рядов люциитов. Все сидят и смотрят за тем, как глава паладинов медленно взбирается по лестнице под абсолютное молчание.

– Мы пропустим ваших, – сказал Люций, не поднимаясь с места.

– Хорошо, – зазвучала речь Регента. – Занесите этот момент в Протокол. Кто там ещё?

На этот раз рядом с Азариэлем и Регентом промелькнула высокая фигура, на которой колышется белоснежный стихарь с откинутым капюшоном. Вместе с ней слегка развиваются и длинные волосы, обрамляющие вытянутое треугольное красивое лицо. Её зелёные глаза устремились в полуамфитеатр в поисках разума, но нашли только отторжение и злобу. Через мгновение полился её негромкий, но уверен-

ный и крепкий голос:

– Я архимаг Ордена, Алитиа На’афар и долгие лета мне приходилось наблюдать за тем, как мы меняемся, как приходят новые братья и сёстры... и как они умирают. Все мы рождены и подготовлены для великой цели, для служения Тамриэлю. – Девушка умолкла, собираясь с мыслями, и через пару секунд снова изливает мягкие спокойные речи. – Давайте представим, что будет, если Орден изменится, как того хотят сторонник Люция? Орден, превращённый в какую-то торговую организацию, повязанный не братством, а свободными соглашениями... сможет ли он служить Тамриэлю? Сможет ли Орден нести праведный свет по всему континенту, если в нём всё будет строиться не на иерархии и чести, а на бунтарстве и себялюбии. Мои дорогие братья и сёстры, одумайтесь, пока не поздно, прошу вас. В какой-то момент мы сошли не на ту дорогу и главное нам не утонуть в заблуждениях. Я закончила.

После этих слов, в душе Азариэля, появилась лёгкая, эфемерная надежда на то, что люциты могут отказаться от идей, ибо сейчас своё мудрое слово сказали самые авторитетные члены Ордена, которые словом не раз убеждали остальных в своей правоте. Практически у всех лоялистов появилась надежда на то, что оппозиционеры образумятся, на то, что всё будет как раньше и всё закончится.

И углядев смятение в своих рядах, губы мятежного рыцаря растянулись в неестественно-зловещей ухмылке. Его ужа-

сающая, но в тоже время слащавая улыбка подобна ухмылке злого духа растления и обмана. Люций встаёт, его доспех гремит столкновением кирасы и множества цепочек, ознаменовывав начало второй части того спектакля, который он планировал месяцами, если не годами. Его руки поднимаются и простираются в сторону лоялистов, а речь раздалась громоподобным и торжественным кличем:

– Преданные Орденом... ваш черёд! Свобода восторжествует!

Магические плащи ниспали, и свободные места ложе полуамфитеатра оказались занятыми. Азариэль раньше думал, что пара свободных мест действительно пусты, что их никто не занимал, но это оказалось всего лишь иллюзией. Две фигуры, объятые вуалью незнакомства и плащом недоверия, встали. Азариэль внимательно взгляделся в каждого из тех, кого призвал Люций. Первый – высокий эльф, но только кожа... она будто бы отлита из бледного золота. Да, у Азариэля тоже кожа золотистого оттенка, но у этого существа она ещё ярче и благороднее, только вот цвет её нездоровый, словно отравленный странной тусклостью. На теле развивается чёрного цвета кожаное пальто, скрывшее штаны из ткани цвета ночи и сапоги, укрывающие голень толстым покровом. Его лицо... Азариэль впервые видит, чтобы в глазах горел такой невыразимый голод, очи охвачены пламенем смертельной меланхолии. Лик же стал сухим и подтянутым, словно кожей обтянули кости, исторгнув всю жизнь из плоти.

– Кто это? Кто они такие? – подобным перешёпотом отозвались ряды лоялистов, когда две фигуры неспешной походкой шли к вещательной площади.

Второй же Азариэлю кажется больно знакомым. Это босмер, тело которого утянуто светло-красным парчовым жакетом, а ноги покрывают штаны из сиродильского шёлка, чуть прикрывшие туфли. Юноша взгляделся в чёрные волосы, тёмные впавшие глаза, из которых разит невыразимая тоска, но больше всего взгляд приковывает шрам... страшная рана, пересёкшая всё лицо.

– Как вы сюда попали! – вскричав, поднялся Регент.

– Я их призвал, проклятый тиран и тебе не мешать нам вершить свободу! – спесиво отвечает Люций. – В нашем Оплоте можно всё!

– Люций Лирион, – поднимается кто-то из Совета Владык. – Какое основание привлечение этих граждан к нашему делу? Да, и вы можете назвать, кто они?

– Они помогут нам более полно выразить наши претензии. Назвааать? – таинственно затянул рыцарь. – Конечно. Дунхарт Ла'Фир и Фиотрэль эль Анарх.

Как только имена были названы, зала буквально взорвалась со стороны лоялистов. «Долой предателей!» «Прочь скверных!» «Гоните их прочь» – следовали один из другим ревностные призывы с уст руководителей Ордена и только архимаг с Регентом остаются полностью спокойными, следя за тем, как на вещательную площадь ступают личности, за-

пятнанные предательством и многовековым посрамлением.

– Как же вы низко пали, люцииты, если стали якшаться с таким отребьем, как эти мерзкие еретики! – выкрикнул кто-то из рыцарей.

Странное чувство поселилось в думах Азариэля. Ему кажется, будто бы здесь разыграно театральное представление, где всем дирижирует Люций. Он мог бы давно перейти к заслушиванию статей своей Хартии, но почему-то до сих пор пытается перетянуть на себя одеяло мнений, хотя призыв таких предателей как Дунхарт и Фиотрэль только отвлечёт от него сторонников.

– Хорошо, – нехотя соглашается иерарх. – Вынесите Организационное Определение по поводу внесения в Протокол дополнительных ораторов. Дайте им по одной реплике.

– Спасибо, милостивые подхалимы жалких аэдра и убогих законов, – к трибуне подходит Дунхарт, ряды его зубов сверкнули парой острых клыков в свете ярких светильников, а голос полон рычащего голода. – Я – Дунхарт Ла'Фир, первый последователь свободы в этом Ордене. Ох, я помню те времена, когда эта зала была попроще, и братья тут собирались как равные. Сегодня я обращаюсь ко всем тем, кто жаждет спасения Ордена! – взгляд пылающих зениц пробежались по рядам лоялистов, откуда ответом становятся глаза, исполненные взором отвращения. – Оставьте своих жалких богов, оставьте своё жалкое служение бесполезной миссии! Тамриэлю плевать на вас, Империи плевать на вас и расам

то же плевать!

Слова Дунхарта терялись в голове Азариэля, становясь рычащим отголоском ненависти. Его сердце сокрушено от тяжкого предательства, а рассудок истязается голосом первого мятежника, который искажён то ли в голоде, то ли в страшных духовно-физических мутациях, которые позволили пережить долгие столетия мятежнику. О да, Азариэль с ужасом взирает на его тусклую кожу, на клыки и глаза, отмеченные знаком смерти. Юноша понимает, какую страшную заразу вампиризма подхватил Дунхарт, продолжающий нести в массы свои идеи:

– Я живу множество лет и видел, как становился этот Орден. Я стоял у истоков Ордена, ибо титул мой – Верховный Магистр. – Приостановившись на секунду, что посмаковать смущение в глазах сторонников устоев Ордена, Дунхарт продолжил. – Да, я тот, кому Орден обязан существованию, титул Верховного Магистра – мой по праву. И я вам говорю – отрекитесь от затхлых клятв и придите к истинному освобождению, чтобы мы вместе смогли изменить Орден к лучшему!

Дунхарт отошёл в сторону, давая другому оратору возможность сказать:

– Я служил тут, некогда, – медленной речью начал Фиотрэль. – Меня предали, выкинули лишь за то, что я желал изменений и реформации Ордена, и мне пришлось скитаться. Я буду короток – следуйте зову ваших сердец, творите то,

что пожелает ваша душа.

– Ложь! Убогая ложь! – не выдержал Регент, резко поднявшись с трона. – Дунхарт, мы знаем, что ты предал Орден во имя губительных сил и смотрю, тёмный лорд Бал наградил тебя бессмертием в обмен на душу. Не мерзко ли тебе ходить нежитью?

Дунхарт злобно фыркнул, свершив реверанс в сторону Регента, исторгнув надменную презренную речь:

– Ох уж простите, господин Тилис, я вас забыл спросить о том, как мне распорядиться своей душой. В отличие от вас меня не пленят предрассудки, и я волен продаться любому великому существу!

– Да как смеешь тут вообще стоять, архимятежник!?! Твоя цель не спасти Орден, а его извратить, уничтожить! Ты не имеешь права тут стоять!

– Я – Верховный Магистр Ордена!

– Ты был им до тех пор, пока не предал своих же братьев и сестёр! – Регент стал успокаиваться и сел на место, обратив своё внимание на старого знакомого. – Фиотрэль, а ты? Скажи, мой давний друг, как ты мог предать Орден?

– Ты же помнишь, Тилис, – в зале пронеслись нервные слова Фиотрэля. – Ты помнишь, что её выкинули, и я не мог поступить иначе. Тилис, я не мог бросить её на произвол судьбы и желал, чтобы она смогла вернуться.

– И ради этого ты решил бросить вызов... Ордену? Скажи, какая тёмная сила тебя принудила к таким свершениям?

Во имя, какого губительного принца ты свершил отступничество? – прозвучал вопрос Регента, объятый таким сильным волнением и унынием, что даже Азариэлю стало тяжело на душе.

– Поверь, мой старый друг, лорд Дагон милостив к тем, кто его чтит, льёт кровь во имя него и творит революции во славу имени его! Я был готов преклонить колени перед ним, чтобы спасти её, чтобы вернуть в Орден, и я преклонился ему!

– И что же он потребовал от тебя?

– Всего лишь собрать детей Валенвуда и показать, чего стоит их мятеж. Это была малая цена для спасения её.

– Ты действительно стоишь у истоков Сынов...

– Какие ваши доказательства!? – разведя руками, воспаляет Фиотрэль.

– Если это так, – поднявшись с места, понёс звонкий надменный голос Императорский Спекулятор, – то Фиотрэль эль Анарх должен будет предстать перед судом Империи за организацию вооружённого мятежа и предательство.

– Фиотрэль, – тепло и одновременно сокрушённо обратился Регент. – Если ты раскаешься, то я тебя приму в Ордене. Только попроси этого и думаю, мы сможем для тебя что-нибудь придумать, чтобы вернуть.

– Нет уж, – с надменной усмешкой стал мотать головой, отнекиваясь, босмер. – Я не отдам свободу в обмен на тиранию. Если возвращаться в Орден, то тогда, когда в нём будет

торжествовать свобода.

– Так, – вмешался представитель Совета Владык. – Мы здесь собрались не для разрешения дружеских дилемм, а Председателя Совета я прошу не раздавать обещания, исполнение которых не в его компетенции.

Азариэль тяжело выдохнул. Он не ожидал и никак не представлял, что Великий Капитулярий может в какой-то момент превратиться в выяснение отношений между знакомыми. Высший эльф читал такое же недоумение, что и его в глазах и своих друзей и знакомых, будь то со стороны лоялистов или же люциитов. Азариэль смотрит, как две фигуры покидают вещательную площадь, парень видит, что они прошли мимо водоёмов, отразившись в их тёмном покрове. Он так же смог углядеть и что Регент так же не сводя очей следит за ими, провожая их взглядом, в котором ощущается страшное падение и пожар меланхолии.

– Прежде чем мы перейдём к рассмотрению Великой Орденской Хартии и нового кодекса, у кого-нибудь заявления или ходатайства?

– Есть! – снова дал о себя знать мятежный рыцарь, облачённый в доспехи и цвета безумия. – Перед тем, как наши милые братья и сёстры перейдут к главному, я скажу вам о так называемых преступниках, чтобы вы поняли, зачем нам нужны Кодекс и Хартия. Я был там, когда Сафракс довёл Хротгара до стадии злобы, – и, сказав голос в обвинении, но жутко наигранным, мятежник продолжил. – Сафракс его

оскорблял, унижал и угрожал бедному парню, который всего лишь усомнился в одной из статей Кодекса и заставил его выучить до завтра всю книгу, а Деметр всего лишь поддержал своего брата. И их заперли в карцере по итогу, а справедливо ли это? Справедливо ли, что без суда заперли тех, кто, по сути, и не виноват? Они не преступники, а всего лишь жертвы тирании! – Приостановившись, Люций своим лихорадочным взглядом осмотрел зал, и только потом продолжил. – Они не виноваты вообще, несмотря на то, что Хротгар пихнул рыцаря–садиста, который оскорблял честь бедного паренька. Каждый должен иметь право на защиту своего достоинства! Мои неофиты, – приторно начал Люций, – из тех, кто выбрал не ту сторону, вы действительно желаете, чтобы так поступили и с вами?

Зал, со стороны лоялистов взорвался от негодования, ибо никто не понимал, как можно начать оправдывать преступников, который поставили жизнь рыцаря под угрозу. И многие понимали, что Люций сейчас просто нагло врёт, популизмом и театральной наигранностью склоняя на свою сторону неопытных неофитов из чesла тех, кто стоит подле Регента.

– Не будем впадать в недоумение, ярость и давать себя так легко обмануть, – заговорила архимаг, быстро ступая через толпу к столам иерархов. – Я хочу обратиться к Совету Владык о приложении объяснения от рыцаря Сафракса к Протоколу в том месте, где Люций сделал данные заявления.

– Объяснение принимается, – соглашается иерарх.

– Протестую! Отклонить эту бумажонку!

– Я вам хочу напомнить рыцарь Люций, что это не в ваших полномочиях и не вам указывать Совету Владык!

Пока подле Регента растёт негодование, в полуамфитеатре всё больше поднимались сепаратные настроения, выраженные готовностью ворваться в ряды лоялистов и покрошить их. Восклики одобрения и ярые требования перемен слились в единую и мелодичную песнь раскола. И под это мятежное нарастающее крещендо Люций продолжил с центрального положения ложи:

– Хорошо, давайте тогда рассмотрим наши акты.

За согласием мятежника последовала монотонная речь иерарха:

– Великий Капитулярий переходит к изучению предлагаемых документов, о чём выносится Процессуальное Постановление с занесением в Протокол.

– А теперь, я попрошу представить нашу великую Хартию и Кодекс, что принесёт нам свободу и прогресс! – помпезно воспалил Люций и тут же махнул рукой, на которой сверкнули золотые браслеты.

Тут встала девушка. Азариэль мгновенно приметил колыхание стриженных под каре волос, невысокий рост, худощавое телосложение и немного вытянутое лицо. Азариэль взглянул в её голубые глаза, подобные двум драгоценным камням, и понял, что его знакомая до конца предалась иде-

ям Ложи. Его сердце бешено заколотилось, показалось, будто душа провалилась в Обливион, а ноги одновременно подкосились. Юноше пришлось опереться на трон Регента, чтобы не рухнуть от нахлынувшего каскада чувств.

Девушка мягкой, но быстрой походкой подошла к трибуне. Она облачена в чёрную куртку, покрывшее на ней чёрное шёлковое платье, ловившее на себе блики светил, магических и реальных. Её худые бледноватые пальцы сжимают несколько листов, образовавших маленькую стопку. Она положила листы на трибуну и её тонкие длинные уста отверзлись неся потухшую грубоватую речь, отразившуюся уколом боли в душе Азариэлем:

– Сегодня мы, свободомыслящее общество Ордена, Ложа, представим не просто Хартию со сводами новых правил и декретов. Сегодня мы покажем будущее нашего Ордена, которое изложено в ней, ибо это не просто бумага, а залог нашей справедливости и свободы!

– Уважаемая Аквила, – удивительно преспокойно, исполнив сидя на троне псевдореверанс, обратился Регент. – Не можете ли вы перейти сразу к сути?

– Не давите, уважаемый господин тиран, на девушку, – ёрничает Люций.

– Как Председатель Совета Владык я требую перейти к сути дела, – отчеканил Тилис.

– Теперь к слову о содержании, – мрачно заговорила Аквила и на мгновение Азариэлю показалось, что она не хочет

произносить слов гнусного предательства. – Орден должен стать гильдией с коллегиальной формой правления, которую будет осуществлять Совет Достоянных, состоящий из ста выбранных братьев и сестёр, независимо от их положения. И главнейшими принципами, которые будут жить в Ордене, и определять его судьбу станут: равенство, свобода, справедливость, честный суд, личная неприкосновенность, права на удовольствия, в том числе и на употребление скумы и свободу дибеллианских отношений. Мы хотим упразднить уже отжившие и ненужные для нашей будущей гильдии структуры: регентство, Двуглавый Совети агентурную сеть. Мы преобразуем стражу, введя туда больше чинов и равенности. Так же изменится и Академион, что станет более независимый, и поменяем рыцарское крыло, упразднив их почитание и неприкосновенность, как принципы, не нужные цивилизованному обществу.

Братья и сёстры, что стоит возле Регента на ярусе обрушились волной негодования на девушку. Аквила и Азариэль встретились взглядами, и юноша понял, что сейчас его подруге очень и очень горестно, её сердце терзает сомнение и сумасшедшая тревога, но она вынуждена продолжать:

– Так же Хартия и новый Кодекс предусматривают, что каждый член Ордена будет поклоняться тому, кому возжелает, независимо от сущности культа. Так же привилегии рыцарей и паладинов будут отменены. Часть добытых артефактов, произведённая продукция в Ордене будут продаваться,

а деньги, которые мы получим распределяться между всеми братьями и сёстрами.

Ответом на ещё один ряд предложений стал гул возмущения, который быстро унялся по приказу Регента, дав девушке продолжить:

– Мы введём новые структуры, которые прославят и обогатят наш Орден, сделав его более свободным. Первым нововведением станет Торговая Палата, которая позволит нам вести дела со всем Тамриэлем и торговать добытыми трофеями. Так же мы хотим ввести независимый и вольный суд, который бы стоял на основах свободы и соблюдения закона. Так же у нас будет Конгресс Ордена, ежемесячный, и который сменит Великий Капитулярый. Ах, также мы бы желали ввести новую должность – Почётный Князь Ордена, который бы избирался раз в год и следил за общей обстановкой в Ордене, не нарушая полномочий остальных органов управления.

– Аквила Гарсейн, – прозвучало громогласное обращение от представителя Совета Владык. – Предоставьте Хартию и проект Кодекса нашему предстателю, чтобы они были занесены в Протокол.

Девушка ответила лёгким кивком и двинулась по сказочно-красивой лестнице к Регенту и, вложив ему в руки документы, она вновь устремила мимолётный взгляд на Азариэля. Юношу обдало огнём из плана Мерунеса Дагона и холодом из владений Молага Бала одновременно. Он готов бро-

ситься за ней и перетянуть на свою сторону, но вынужден стоять с каменным лицом и молчаливо наблюдать за тем как умирает Орден... как умирает их дружба.

– И-и-и, – затянула Аквила, стоя на середине лестницы, и на полуобороте нехотя и скомкано выдала фразу. – Свобода восторжествует!

После её пламенных слов полуамфитеатр взорвался одобрительными вызовами и криками. Все мятежники чаяли, что уже сейчас, в этот день, наступит долгожданная свобода и Регент самоустранится, дав больше прав и свобод безумцам. Кто-то аплодировал, кто-то радостно ликовал, кто-то кричал о переменах, выкрикивая не самые спокойные лозунги.

Те, кто стояли рядом с Регентом, просто молчат, храня слово для более важного момента. Никто не сомневается, что мятежников уже не успокоить, не переубедить – раскол в душах окончательно разделил Орден напополам, отчего лица верных старым идеалам стали мрачнее могил. Все прекрасно осознавали, что эта Хартия убьёт Орден, ибо своей гордыней она погребает те духовные стержни, на которых он и существовал. Никто из них не может понять, почему они так хотят разрушить те старые принципы и порядки, на которых жил Орден, доблестно отражая все угрозы Тамриэля. Но люцииты пожелали сожрать и старую структуру Ордена, и все духовные начала, низвергнув тысячелетнее сообщество воинов, профессоров, мастеров и магов во мрак забвения, и никто не знает, как их остановить.

– Хорошо! Очень хорошо! – захолопал и безумно затараторил Люций. – Можешь присесть, моя дорогая. – И после секундной выдержки устремил речь и гневный посыл лоялистам. – Мы явно обозначили свою позицию, что не хотим распада Ордена. Мы хотим справедливости и прогресса. Мы говорим о чём-то новом. И теперь, братья и сестры, выбор только перед вами. Мы не будем свергать тиранию силой оружия, мы предлагаем мирное решение, ибо хотим добровольности, – со слащавой противной дол тошноты, лицемерной и широкой улыбкой заключил Люций.

После слов главы мятежной стороны в зале «Совета» стало тихо как на кладбище, ибо все погрузились в собственные размышления. Единицы перешептывались, старясь не нарушить нависшей густой тишины. Люций уверенно и с вызовом глядел в лицо Регента и во взгляде мятежника читается явный жуткий блеск, происходивший от прокажённой души.

– Мы хотим справедливости, – шепчет Регент так тихо, что его слышит только Азариэль. – Прогресса... печально. – После сказанных слов глава Ордена поднимается с трона.

Его взгляд глубок и пронзителен, всегда был печален, но сейчас он кажется потухшим, угасшим жизнью. В его глазах читается боль и ужас, которые необходимо было перебороть. Он снова пытается найти благоразумие в рядах мятежников, но видит только лики, испорченные злобой и гордыней.

Азариэль ощущает повисшее напряжение, которое только усиливается, когда Регент начинает говорить:

– Совет Владык мы можем перейти к решению?

– Да. Вынесете Определение о начале финальной стадии рассмотрения дела.

У трона остался стоять и Азариэль. Юноша всё осознал и с сокрушённым сердцем готов принять жестокую правду, которая перед ним открылась.

Свечи и магические светильники всё также ровно горят в полном безмолвии оттого и слышится постоянный треск фитилей, пропитанных воском и магическое гудение. В зале стоит густая непроницаемая тишь, ибо все взгляды, всё внимание направлено на Регента.

Но тут же всех охватило неопишное волнение, поскольку Регент должен зачитать «Переход к Голосованию», но он этого не делает. Вместо этого он смотрит влево и вправо и откликом на его взгляд становятся краткие кивки магистра рыцарей, гранд-паладина, архимага и лояльных иерархов. Глава Ордена прибегнул к единственному выходу, который был старимым, но верным приёмом, определявший путь, который и должен был решить судьбу. Нет, он не стал назначать голосования и Азариэль понял почему. Люциитов слишком много и велик риск того, что если дать голосование, то Орден будет извращён, испорчен ересью Люция навеки вечные и Регент прибегает к единственному выходу:

– Работайте, выполняйте то, для чего вас наняли! Время пришло!

Те, кто доныне прятался наверху, на балконах, скрываясь

под мрачными и тёмными тканями и плащами, отбросили покров таинственности и неясности. Удивление, недоумение и злоба перекосили лики мятежников, как только был отдан странный приказ.

Азариэль увидел, как сию секунду арбалеты и луки установились на люциитов угрожающим лесом стрел и болтов. Одновременно по балконам заплясали пересветы магических вспышек, отдающих электрическим треском. Двери позади трона распахнулись и оттуда хлынули толпы вооружённых воителей в разношёрстной броне, начиная от хитина и кончая эбонитом. Всё это дало понять Азариэлю, что это и есть тот самый легион, который не служит государству, оставаясь верными лишь манящему звону монет и щёлканьем драгоценных камней.

Видя, как наёмники окружают и обступают люциитов Азариэль не смог удержаться, ком у горла стоял такой сильный, а напряжение в груди так тяжело, что он позволил себе пустить слезу скорби, расчертившую блестящей полосой его золотистую щеку. Он схватился за сердце, когда его пронзил очередной укол и утёр слёзы скорби по расколу Ордена и окончательной потере Аквилы.

Улыбка с лица предводителя мятежников сразу пропала, сменившись практически демоническим оскалом. Остальные его соратники разразились оскорблениями и бранью, которой обнесли лоялистов.

– Ты лгал! Ты лжец! – кричат Регенту лоялисты, но он

остаётся тих.

Глава Ордена в своём стремлении к старым и верным порядкам и принципам был неуклонен и на то, чтобы Орден остался таковым каким существовал, сознательно пошёл на отступничество от Кодекса. Регент обратился к залу, держа в руках Хартию и громко говоря:

– Мы не можем позволить себе быть слабыми и отказаться от древних и могущественных скреп Ордена. Мы просто не имеем никого морального права реализовывать всякую наивную и молодую мысль, появившуюся в спонтанном чувственном порыве. Мы не можем превратить наш славный и древний Орден, наш дом, в торговый дом или потонуть в политике. Оставьте это дело Империи.

После этих слов раздалось рвущее звучание и все увидели, как несколько листов превращаются в располовиненные куски бумаги, что, пав плавным дождём, тут же оказались под ногами Регента.

– Это не по Кодексу! Как ты мог преступить его?! – обвиняют его люциты. – Тебя самого нужно судить, треклятый тиран!

– Если переступить закон, то ради тамриэльцев, – смиренно отвечает им Регент. – Ради их защиты.

В гневе Люций чуть не зашиб одного из отступников, а его сторонники стали неистово гневно агонизировать от такого поступка Регента. В зале встал такой вой, что Азариэлю закладывало уши, и он приложил руки к голове.

И в этот момент Люций громким, оглушительным как ту'ум из древних легенд, криком, успокоил сторонников перемен, перекричав их разом, выкликнув одно-единственное слово: «Тихо». Такой крик сотряс даже оконные витражи, а Азариэлю показалось, будто бы его оглушили и писк заполнил уши.

После этого он торжественно развёл руками, с которых свисали многочисленные золотые цепочки и ожерелья, и с демоническим оскалом, голосом недовольным, дёрганным заговорил:

– Что ж, вот всё и решено... за нас, – Люций провёл взглядом по рядам наёмного отряда и встретил взглядом блестящие наконечники стрел и болтов, нацеленные ему в грудь. – Нас, наши же «братья и сёстры», лишают долгожданной свободы и права на неё. Для свободных народов это недопустимо. Нам не дают жить, так как мы сами того хотим. Хорошо. Те, кто сегодня встал на сторону тирании не собратья и сестры нам больше! А мы, ведомые госпожой свободой, будем жить сами. Мы уходим из этого проклятого Ордена во имя сохранения зачатков свободы в нас!

Зал умолк, позволив опуститься таинственности тишины. Это конец, как и для Ордена, так и для Великого Капитулярия. Чтобы поскорее закончить этот проклятый день Регент лишь метнул взгляд в сторону Иерархов, который смекнули что к чему и один из их представителей сухо, официально завершил заседание:

– Совет Владык принимает это решение. Отныне часть наших братьев и сестёр отделяются от Ордена, более не являясь его частью. Им приказывается покинуть Великую Цитадель в течение двенадцати часов с личными вещами. Соглашение будет подписано позже.

– Законов Империи это решение не нарушает, – завершает Императорский Спекулятор.

Азариэль тяжело передвигает ногами, будто бы они отлиты свинцом, а в душе такая сильная буря, что его разум штормит. Он не может собрать мысли воедино и рассудок буквально вопит. Он не верит, что всё это случилось, отказывается верить в то, что большинство его друзей уйдут, и больше всего сердце плачется по Аквиле, с которой он больше не встретится. Но как бы сегодня всё не разрешилось, в Протоколе всё отмечено только сие сухими строками, не способными передать всей боли и печали сегодняшнего дня: «Заседание Великого Капитулярия окончено. Итог: стороны договорились о разделении Ордена».

Глава 19. День скорби

Цитадель ордена. Следующий день.

Это утро продавливает душу холодом безысходности, который ядом сотни печалей бежит по жилам, отравляя организм и рассудок энтропией уныния. Настало серое, хмурое и

безликое утро, жутко мрачное и такое холодное, что мышцы берёт тремор. Небосвод укутан в массивы отлитых свинцом, безликих и тяжёлых облаков, которые зарыдали, возвещая о скорби богов по той, что случилось. И завывание сильного порывистого ветра, и шёпот дождя смешались воедино, превратившись в одну мелодичную и тихую песню плача, от которого в рыдание готовы пуститься и души.

Практически весь внутренний двор Ордена залит водными потоками, ибо очистительные стоки уже не справлялись и вода с крыш, с канавок поднимается во внешний двор, который может стать небольшим прудом. Стяги Ордена спущены в знак великого горя и не трепещет больше яркое и бодрое солнце над Цитаделью.

От башни Ордена и до главных ворот, через фонтан, выстроился широкий коридор, состоящий из рыцарей, паладинов, магов всех рангов, учёных, мастеров и неофитов. На металлические доспехи, отмеченные чёрными лентами траура, со звоном падают капли дождя и стекали маленькими ручейками потоки воды, отражая в блестящем покрытии мрачный небосвод. Одежды же остальных промокли практически полностью, став на порядок темнее от впитанной влаги и изрядно тяжелее.

И внутри коридора, сомкнув уста, шагают те, кого нарекли клятвопреступниками и предателями Ордена. Их шаг тяжёл, а лица опущены к земле, но не от стыда, а потому что они не желают видеть лики тех, кого вчера называли братьями

и сёстрами, а на Капитулярии получили такой удар в спину. Все стоят, молча, никто не роняет ни единого слова, лишь играет печальная музыка дождя и ветра, ибо даже инструменты оркестра Регента сегодня предпочли хранить молчание.

Глава Ордена стоит в окружении Света Владык – пятерых братьев и двух сестёр, на которых взмокли алые роскошные одежды. Они возвысились надо всеми, расположившись на балконе, который навис прямо над входом в Башню. Тело и душа Регента отягощены траурным нарядом. Чёрное, как бездна, пальто, развивающееся под напором воздуха подобно флагу; грудь открыта, представлена на растерзание ледяному порывистому Ордену, а ноги под защитой обитых эбонитом поножей и сапог со щитками из этого же материала.

Кто-то смотрит в глаза Регенту в поисках озлобленности на ровный ряд мятежников, но находит лишь болезненную хандру. Его взгляд боле не горит тлеющими углями Красной Горы, как раньше, теперь он сторает от тоски, проедающей главу Ордена. Но он Регент и не может давать себе проявить слабость, а посему он с высоко поднятым подбородком, как и пристало гордым данмерам, взирает на процессию.

– Восславим Девять, восславим каждого из богов! – запело шесть паладинов-капелланов, наполняя внутренний двор могучим хоральным пением, как и причитается согласно Кодексу в подобных ситуациях. – Помилуйте наши души грешные, помилуйте нас, ибо мы слабы в своих поступках, и воля

наша слаба!

Так же в той самой «стене» коридора, образованной из лоялистов, занял место и молодой альтмер, что взирает воочию на печальную процессию клятвопреступников, которым личная свобода оказалась дороже верности. Отринув клятвы, словно их и не было, они спешат к новой жизни и свободе. «Безумцы, проклятые безумцы» – ругает их в мыслях юноша, так желая высказать в харю Люция всю желчь и ненависть из-за того, что он виновен в падении Ордена. Его сердце накрывает жуткой грустью, которая переполняет душу, и парень ощущает, как сердце с болью обливается кровью.

– Пусть печали наши уйдут, и укрепится дух, пусть уймутся раздоры, пусть воцарится мир, и братья снова станут братьями, а сёстры сёстрами. Помилуйте, нас прегрешных, Девять, смилуйтесь и уймите слабости наша! – продолжают напевать капелланы, стоящие подле Регента у самых ступеней, прося от мёртвых богов только благоразумия к отступникам.

И теперь они уходят. Жалеемые и прокливаемые лоялистами, ушедшие по своей воле в забвенье. И их не провожали торжественными фанфарами, громким оркестром или печальной музыкой. Лишь хор капелланов, смешанный с песнью ветра и дождя, обращённый к Девяти.

– Не просим мы славы, не просим мы богатств, не просим мы щедрот земных, дайте нам только милость свою, великие Девять. Мы не желаем зла, не желаем смерти, не желаем за-

бвения тем, кто сегодня уходит. Пусть пути их будут праведны, пусть сердца будут умилены, о Девять, дайте им благодать свою на свершение поступков правильных и да не обратят они не меча, ни магии, ни стрелы супротив братьев и сестёр в прошлом! – последние строки прощальной молитвы ознаменовались громовым раскатом, прокатившимся от запада на восток.

Азариэль смотрит и подавленно радуется тому, что много кто не стал предавать клятв и остался верным Ордену. Но и тех, кто примерили на себя чёрно-лиловые цвета предательства не мало, ибо многие ответили на нечестивый зов Люция, прельстившись словами о свободе и богатстве, которое их ожидала с реорганизацией Ордена. Но они потерпели поражение, а посему должны были отправиться за своим предводителем во мрак, ища столь приглянувшиеся богатство и свободу.

В самом конце длинной процессии тянется серая вереница из множества рас. Азариэль переводит на них взгляд и видит, что они только стали выходить из врат Башни. Он с мрачной усмешкой отмечает глупость прислуги Ордена, которая продалась за эфемерный статус, за призрак лучшего положения. И теперь слабые духом прислужники замыкают колонну отступников.

– Славься Занитар, славься покровитель труда и помилуй нас грешных и слабых! Пусть Девять смилуются над теми, кто служил Ордену мирским трудом! – печально воспели ка-

пелланы.

Азариэль с печалью смотрит дальше и его сердце прокалывает боль от того, что шесть десятков из ста неофитов покидают Цитадель. Молодая кровь Ордена оказалась порченной ересью Люция, осквернённой его лживыми обещаниями о равенстве и свободе. На них покоится разношёрстная одежда, промокшая до нитки, прилипшая к ним, как сдавленное в жалости осуждение.

– Славься Стендар, славься покровитель милосердия и помилуй нас грешных и слабых! Пусть Девять смилятся над теми, кто готов был служить Ордену в будущем! – проносятся печально-обречённые речи капелланов.

Азариэль переводит дальше минорный взор. За неофитами в роскошных и пёстрых нарядах шагают мастера Ордена, вынужденные идти за господином раскола. Тридцать пять из шестидесяти восьми учёных и мастеров плотным маршем идут среди стен «коридора» лоялистов. Люций дал им обещание, что они будут славиться, что станут равными рыцарям, что плоды их трудов будут щедро вознаграждены золотом и серебром, почётом и величием. Но их ставка не сыграла... не будет почёта, не будет славы, не будет и золота... ничего для них теперь не будет.

– Славься Занитар, славься покровитель труда и помилуй нас грешных и слабых! Пусть Девять смилятся над теми, кто служил Ордену тяжёлым и важным трудом! – поникши пропели капелланы.

Сразу за мастерами и учёными идут сорок из ста чароде-ев, которые сменили скромные рясы и долг служения на при-зрачные надежды стать кем-то больше, чем спутниками ры-царей в их службе. Они желали искать могущества и власти там, где были ограничены, стремились познать тайны, за ко-торыми прячется коварство губительных сил. Они выступи-ли на стороне Люция, надеясь урвать кусок лучшей жизни, но стали изгоями.

– Славься Джулианос, славься покровитель разума и по-милуй нас грешных и слабых! Пусть Девять смилуются над теми, кто служил Ордену знанием и магической силой! – снова запели капелланы.

Где-то возле ворот, лязгая доспехами, и стуча сапогами по дорожным плитам, идут те, кто поставил личную выгоду, свободу и жажду славы выше священного и главного долга. Сорок три из ста двадцати рыцарей примкнули к Люцию, от-вернувшись от всего Тамриэля. Они были бы верными за-щитниками народа Тамриэля, вели сражения с самыми тём-ными и опасными существами, рождёнными от зла... но все-му этому ими был предпочтена тень вящей славы и богат-ства.

– Славься Талос, славься покровитель силы и войны и по-милуй нас грешных и слабых! Пусть Девять смилуются над теми, кто служил Ордену острым клинком и боевым умени-ем!

Впереди всей процессии расхаживает сам повелитель раз-

дора, облачённый в свой пурпурный доспех, с которого свисали всевозможные золотые украшения, а сам панцирь усеян безумно блестящими драгоценными камнями. Его лицо довольно осунулось, стало мраморно-мертвенным, а в глаза помутнели, стали отражением чего-то тёмного и безумного.

По Люцию никто не поёт, по зачинателю отступничества никто не откроет уст.

Сколько бы мятежников не уходило, Азариэлю было плевать, сколько было отступников среди всех слоёв Ордена. Его глаза не следят за Люцием или каким-нибудь рыцарем, ибо прикованы к девушке в чёрном парчовом одеянии, сотканном из нитей цвета изумрудного сиродильского леса. Её сапфировые глаза печальны, отражая всю глубину небес «Тазокан», опущены к дороге. Азариэль готов сорваться с места, чтобы вырвать её из рядов люциитов, прижать к себе и избавить от изгнания... он готов сорваться, чтобы спасти подругу от опасной ереси, но он стоит, отчего юноша стал мрачнее бледных статуй в мавзолеях. Единственное, что он может так это произнести слова шёпотом, который потеряется в грустной музыке дождя и ветра:

– Прощай, Аквила.

Азариэль оглянулся и единственное, что его обрадовало, так это что ни один стражник Цитадели не предал Ордена. Все шесть сотен стражей выставлены на стенах и возле «коридора», вместе с наёмниками, дабы люциитам ничего не взбрело в голову.

«Откуда это всё?» – поднимается сдавленный вопрос в голове Азариэля. – «Почему они предали? Чего им не хватало в Ордене?». Юноша с горечью находит вопрос – всё дело в душах бывших друзей и знакомых. Они слишком близко приблизились к «пылающей звезде» Ордена и сгорели, касаясь её.

«Но может, во всём виновата алчность и жажда амбиций?» – снова вопрошает у себя Азариэль. Смотря через пелену дождей на ряды бредущих братьев и сестёр, он находит ещё один ответ и с ужасом понимает, что не прорастёт зерно на неплодородной почве. Сколько бы Люций не пытался совратить Азариэля, но тот отказывался, присягать на верность главе мятежного движения, а рыцари и маги ответили на тёмные посулы радостным согласием. Они пошли за Люцием, когда он попросил, отринули данные клятвы и присяги, меняя их на обещания, пропитанные тщеславием, гордыней, стремлением к богатству.

«А что сам Люций?» – задаётся вопросом Азариэль. – «Как же он мог отринуть святы постулаты Ордена? Во имя каких целей он так легко отказался от идей Ордена? Или же за ним стоит нечто зловещее?».

В конце концов Азариэль понимает единственное – сколько благородны устремления не были, нужно быть осторожными, ибо под светлой маской могут прятаться самые тёмные похоти.

От размышлений Азариэля отвлек момент, когда послед-

ний люциит покинул пределы крепости и только глава мятежа остался у врат. Он горделиво окинул Цитадель, будто бы это его владения и раскрыв тленные уста из его горла вырвался сумасшедший вопль:

– Мы ещё сюда вернёмся! Ты слышишь меня, тиран!?! Вы слышите меня, слуги диктата!?! Мы возьмём своё! Вы ещё пожалеете обо всём этом! – обратился свою гневную реплику Люций ко всем и, прокричав безумное вызов–прощание, предатель скрылся за воротами.

Азариэль знает, что теперь они направятся к недавно выстроенным причалам, где его и остальных отступников ждал нанятый корабль, готовый за достойную плату доставить их в любую точку Мундуса.

И как только отступники покинули Цитадель, ворота за ними зарылись, словно ознаменовав конец старой эпохи целого, сильного и могущественного Ордена. Конечно, кто-то, ещё пребывая в меланхолии и грусти стоял и смотрел за уходящими отступниками со стен, памятуя о тех днях, когда они были братьями и сёстрами. Остальные же поспешили скрыться от дождя в помещениях Ордена или шли к крестьянам, желая утонуть в море дел и забыться или предаться скорби в кабаках деревни.

– Ты как парень? – плечо юноши сжали перчатки, обитые металлом, и Азариэль разглядел в пелене дождя мужчину, одетого в броню стражи Ордена, с которого стекала вода и барабанит дождь. – Тебе там... это помощь не нужно?

– Я вроде в порядке

– Вроде или как? – надавил Андрэ, и его без того суровое лицо стало ещё холоднее и мрачнее. – Ты мне тут кисель не размазывай. Если тебе есть что сказать, я тебя готов послушать и помочь. Только не здесь... говорят, сегодня в деревне подают хороший чёрный эль.

– Почему ты хочешь мне помочь?

– Ты – паренёк не самый дурной. Знаешь, не каждый раз тебя спасают от бандитов. Ты помнишь? Да и вчера... ты поставил моё мнение в ценность, и я благодарен тебе за это. Теперь я хочу тебе помочь, если ты хочешь. В деревню подвезли пару бочонков пива... могу составить компанию, думаю Регент не будет против.

– Спасибо, Андрэ, но я пока хочу отдохнуть... или набить морду одному уроду, только его отпустили.

– Как захочешь. Если желаешь расслабиться, найди меня.

После того как клятвопреступники покинули крепость, и разговора с Андрэ, юноша направился в казармы неофигов, желая ввериться долгожданному отдыху. Но стоило ему только приблизиться к холодному и давящему на душу каскадом мрачных воспоминаний строению, как перед ним возникли две фигуры. Первый человек закован в чёрную броню, отразив на себе всю скорбь и траур по этому дню. Второй мужчина сверкает доспехами, на которых должно сиять геральдическое солнце Ордена, но оно до пронзительной грусти тускло, словно бы выцвело и потухло.

– Господа, – медленно звучит обращение, исходя вместе со слабым клубом пара, и Азариэль складывает руки на кожаном панцире, обмочив манжет белой рубашки.

– Как ты, стоять можешь? – чеканит тяжёлым голосом Туриил. – Я смотрю, тебе не очень-то. Ты совсем продрог.

– Да я в порядке, – подавлено ответил Азариэль. – Тяжко конечно, но терпимо.

– Ты точно в порядке, Азариэль? – Ремиил положил на плечо эльфу, ростом с него, ладонь и слегка потрянул юношу. – Брат, соберись, не раскисай. Нам нельзя сейчас унывать, иначе пропадём в лапах тьмы.

– Всё хорошо, – помотал головой Азариэль, тяжело и глубоко вдохнув, ощущая, как ледяной воздух промораживает лёгкие и дарует секундное спокойствие. – Что вы хотели?

– Вот и чудненько, что ты не раскис, нам потребуется помощь и думаю ты обрадуешься заданию, – заговорил Туриил – Поступил приказ от самого Регента.

– А сам он где? Регент?

– Заперся в своём кабинете, – тут же ответил Ремиил.

– Что от меня требуется? – Всё также бесстрастно продолжал юноша. – Я сейчас готов любым заняться, чтобы отвлечься.

– Нам нужно будет обнести комнату Люция. – Ответил Туриил. – Регент там хочет найти что-нибудь о предателе.

– А там ещё что-то осталось? – звучит отягощённый вопрос Азариэля.

– Наш лорд его выкинул, брат, и даже не позволил забрать личные вещи, чтобы затем разобраться, что к чему. – Ответил Туриил.

– Зачем!?! – сменив безразличие на гнев, выпалил юноша. – Надо просто сжечь вещи этого преступник... проклятый ублюдок.

– Ты видел, что бы те, кто чаял вступления в Орден, так быстро от него отрекался? А может ты видел, чтобы те, кто прослужил ему больше десяти лет, так легко отказывались от клятв? Чтобы все те, кто год назад рад был братству с нами, сегодня нас люто возненавидели? – разразился строгими вопросами Ремиил. – Я хочу во всём разобраться... и это послужит на благо Ордена.

– Азариэль, – прозвучало сиплое обращение Туриила. – Это твой шанс понять, что стало и с Аквиллой. И не начинай шарманы, ваша крепкая дружба была понятна и слепому.

– А почему я?

– Мы подумали, что тебе будет очень интересно полазить в вещах предателя и накопать на него грязи.

– Хорошо, – Азариэль направился вместе с рыцарями в Казармы.

Они направились в Цитадели, что бы в Кельях найти ответы на все вопросы. Быстро минуя главный зал башни и лестницы, они стремглав бегут к источнику улик. Всё вокруг кажется унылым и невзрачным, всё скорбит, всё плачет и Азариэль чувствует, что больше его не прельщают виды холла

или рыцарских палат. Есть лишь цель – найти комнату, обыскать, а если будут хорошие улики – отыскать гниду и зарубить, прикрываясь законом Империи.

В башне всё давит серостью, несмотря на полыхающую вокруг неизменную роскошь. В ней не играет сегодня музыка и не витает ощущение величественности и могущества Ордена. Стены сжимают пространство, смахивая на тюрьму, стяги припущены, а мертвенное безмолвие сводит с ума.

Они быстро нашли комнату предателя по наводкам Ремиила, и нашли её дверь странной, словно бы отторгающей на вид и вызывающей отягощение в горле.

– Вы готовы? – спросил Туриил.

– С рождения, – отвечает Ремиил, вставляя ключи.

– А почему не выбить дверь к чёртовой гарпии? Как мы обычно делаем.

– Регент же выдал ключи, зачем ещё что-то придумывать?

Азариэль простёр руку направо и свиток огненной стрелы исчез, превратившись в поток пламени, зажжённый факел, что озарил сие тёмные места. То, что они там увидели, поразило до глубины души, ибо такого нельзя было увидеть ни в Ордене, оплоте света, чести и веры, ни даже в каких-либо сектах. Каменные стены чернеют от количества иероглифов и глифов, изуродовавших «плоть» Цитадели нечестивы письменами. Подошвы сапог запятнались белизной мела, который оставил вальс причудливых кругов на полу, внутри которых пестреет нечестивая символика.

– Что за чертовщина?

– Господин Туриил, – глубоко вдохнул Азариэль, ощутив, как нос защищали нотки противных благовоний и смрад гнили. – Какой-то здесь странный запах.

Но больше всего привлекли внимание группы пыльные книги, которые расставлены на столе, у кровати.

– Дай мне ту книгу, – приказал Ремиил Азариэлю, указывая пальцем на старый дневник, обтянутый чёрной обложкой. – Чувствую я в этом кроется тайна.

Юноша взялся за странный и практически заплесневевший сноп бумаг, на котором написаны символы, которые Азариэль как-то смог увидеть на недавно добытом письме. Пальцы Азариэля скользнули по чёрной обложке, и в этот же момент он выругался, как только ощутил, что его ноги охватила странная хворь, а к горлу подступила жгучая желчь. Он моментально его швырнул Ремиилу, перехватив рукой грудь, чтобы не стошнило.

– Отлично, – Ремиил хватанул книжку, сухо продолжив. – На слоадском. Но ладно. Вот знакомые слова: «Я Дунхарт...» Хм, Люций, похоже, нашёл где-то дневник старого предателя. Мы даже не знали, что он вообще есть.

Азариэль с удивлением смотрел на рыцаря и удивлялся, почему он не почувствовал той апатии, что расплзалась по телу парня. Может зачарованные доспехи блокировали нечестивую магию? А может, сила духа столь велика?

Но тут, вырвав парня из собственных размышлений, из

дневника подобно осеннему листу аккуратно осела на пол, какая бумажка, с лёгким шорохом повредив грань мела одного из кругов.

– А, что это за листок? Азариэль, дай его мне, – потребовал рыцарь, чему парень неукоснительно последовал.

Азариэль поднял рядом лежащий лист и подал его Реми-илу, который его и спокойно зачитал, ибо текст в листе был написан на тамриэлеке:

– «Молитва всем тёмным силам. Да придёт ко мне сила всех лордов тьмы, поклявшиеся служить хаосу и его неисчислимым силам. Пусть на мой вызов ответят все принцы Даэдра и те, кто служит им. Пусть мне отзовутся те, кто поклялся низвергнуть силы порядка», – и немного обдумав сказанное, недовольно кинул. – Что за чушь?

– Что это за ересь? – возмущённо спросил Азариэль, не понимая, о чём идёт речь в какой-то «молитве». – Он даэдрапоклонник?

– Если так, то как получилось, что наш Орден пал столь низко?

– Что ж, – засипел Туриил. – Теперь мы сможем взять Люция за одно место. Если найдём тут что-нибудь хорошее, то может сам Император нам подсобит.

– Подожди, тут ещё записка, написанная на айлейдском. Ага, судя по тексту, это какой-то призыв: «Гниющий во плоти, посланец тёмных сил, приходи на вызов мой и дай мне совет, ибо наступил час нужды».

– Что это за бред сумасшедшего? – возмутился Туриил.

– Погоди, ты слышал шум в шкафу? – обеспокоился Ремиил и в эту же секунду раздался лязг трёх клинков – двух эльфийских, сиродильского антуража и одного стального морровиндского.

Шкаф, на котором проступили отметины трухлявости и гниения, стоявший у кровати, распахнулся и оттуда в жужжащем облаке мух, выпало какое-то странное существо. Его распухшие руки упёрлись в пол, давая разглядеть шесть когтистых пальцев на каждой ладони. Тело его обтянуто зелено-выцветшей кожей, отражающей на жирной поверхности отблески факельного огня.

«Что за треклятая погань?» – выругался Азариэль, зажимая нос, чтобы избежать вдыхания страшно испорченного воздуха.

Поднявшись на обе разбухшие ноги, оно заговорило тяжёлым булькающим голосом, и Азариэль ощутил отвращение, когда увидел, как вместо языка в сгнившем рту резвится какой-то чёрный паразит, стуча о волдыристые дёсны и дырявые жёлтые зубы.

– Кто вы? – булькающим голосом, будто с литром болезненной мокроты в горле, спросило существо.

– Кто ты, урод!? – Вскрикнул Туриил, обхватив клинок в две руки и принял боевую стойку.

– Кто я? – чёрные, как два бриллианта, глаза неестественно сверкнули. – Я результат союза доброй госпожи Намиры

и справедливого лорда Перияйта. Я верный друг Люция. Его неизменный советник и союзник в развращениях невинных душ, – гордо говорило существо, разводя разбухшими руками в стороны, отчего создавалось впечатление, что эта тварь у себя дома. – Я посланец своих господ. Я дитя разложений и соvrщений, глашатай изменений и перемен, я пилигрим ярости и разрушений.

– Это тебе тут служил Люций? – Вынув свой клинок, с угрозой и злобой спросил Азариэль.

– Да! – Поперхнувшись, ответило существо. – Но я могу и вами заключить договор: души ваших друзей в обмен на власть и силу. – Предложил «демон» и тут же в его руках возник прогнивший пергамент с написанным текстом.

– Очень заманчиво, – заговорил Азариэль. – Но будь добр, запихай его себе в глотку и заткнись.

– Я давал клятву.... Никогда! Я изгоню тебя из этого мира! Сегодня же ты предстанешь перед своими владыками! – взревел Ремиил и ринулся в атаку, стораемый от желания изрубить сгнившую тушу.

Тем временем в руках твари появилась другая бумага, веленевая с гербом рассветного солнца, а Ремиила отбросило в стену потоком нечестивой магии.

– Дагон, пошли слугу мне в помощь! Я призываю силу «чёрного договора»!

Азариэль на подкорке сознания вспомнил, как Готфрид рассказывал, что его подруга, Аквила искала для Ложи ка-

кой-то чёрный договор. «Так вот он зачем тебе понадобился, проклятый поклонник Даэдра». – Злобно вспомнил Азариэль.

Тем временем в комнате становилось тесновато. Из нереальности появился широкоплечий высокий солдат, окованный бронёй из проклятого эбонита, вдыхающий реальную вонь другого даэдра. Рогатый шлем скрыл наполненные жаждой крови глаза, а мощные ладони стянули двуручный меч.

Туриил тут же метнулся к слуге Дагона и, используя скорость и неожиданность, схватился за шиворот дреморы и вышвырнул врага из комнаты. Туриилу нужно преимущество в виде свободного пространства, чтобы во славу Ордена низвергнуть воителя Выжженных Пустошей.

Азариэль и Ремиил атаковали практически одновременно, чтобы не дать твари опомниться. Хотя их удары являются молниеносными, но эта сущность очень быстро уходит от них, что не вязалось с её размерами. И в один момент «демон» расхохотавшись, вознёс руку кверху и в ней возникли образы страшного клинка, объятого зелёным пламенем, исторгнутым из пор, прогрызённых ржавчиной.

И демон атаковал. Рыцарь и Азариэль еле увернулись от быстрых, как валенвудская стрела выпадов, но как только они уклоняются из-под одной атаки, следом следует новый удар. Ремиил оттолкнул Азариэля, желая собственноручно расправиться с монстром, но тот оказался проворнее. Раз-

бухшая конечность впиалась в «солнце» брони и злато-огненный герб рассыпался по полу хлопьями ржавчины, ниспав подобно снегу. А затем демон впиался в наплечник рыцаря, одним сильным движением потянув его назад и опрокинув на пол. Ремиил не смог устоять против такой силы и его ноги поддались. Рыцарь пал.

Азариэль не смог уследить за всеми движениями проклятой сущности, но не убоился идти против даэдра в защиту друга. Они сошлись клинок в клинок. От соприкосновения с нечестивым оружием «Демона» меч юноши пошёл трещинами коррозии и Азариэль отдёргнул оружие, колющим ударом направив его в разбухшее и свисающее брюхо, но как назло меч парня застрял в животе, словно оно из тугого и мягкого металла.

– Аха-ах! – зловеще расхохотался демон, и Азариэля едва не стошнило от дурного запаха, ударившего в лицо зловонным потоком.

– Я низвергну тебя!

Шестипалая остроконечная когтистая лапа схватила лезвие меча Азариэля, и оружие в ту же секунду разлетелось жёлто-алым песком.

– Что бы сдох! – гневно выпалив, отпрянул Азариэль.

Демон со всей силы пихнул лапой юношу в грудь, и тот улетел в стену, отчего Азариэль ощутил, как его рёбра с позвонком затрещали, отдавшись болью в груди. Перед глазами парня всё поплыло, конечности не хотят повиноваться и

начали медленно неметь. И жутко хохоча тварь, занесла клинок для последнего удара. Демонический меч сочился кислотным гноем, и панцирь неофита зашипел; тут же Азариэль ощутил, как его кожа словно загорелась.

Но тут разбухшая тварь опустила свой клинок и бурлящим возбуждённым голосом забасила:

– Какое милое личико. Нужно подправить его, – и со сверкающими черно-бриллиантовыми глазами, монстр приложил ладонь к щеке юноши.

Азариэль дико, надрывая горло, завопил, будто ему приложили пластину раскалённого железа и пытаются всё выжечь до кости.

– Вот так красиво. – Улыбаясь сказала мерзкая тварь, смотря на то, как парню едкий гной разъедает щеку, как ихор прожигает кожные покровы подобно кислоте. – А теперь отправляйся в гниение! – Воскликнул демон и занёс меч для последнего удара.

Азариэль не понимал, зачем ему изуродовали лицо, если сейчас убьют. Грусть и утренняя тоска сменилась диким воём волнения. Его грудь часто вздымается, дыхание ускорилося, а пульс участился в ожидании смерти. Он рад сорваться с места и биться дальше, однако нечестивая аура твари высосала из него силы, и он сквозь темнеющий взгляд вынужден смотреть как над его грудью заносится изогнутое острие. Но внезапно горло демона пронзил длинный ледяной шип, прошивший насквозь кусок гнилой плоти, отчего враг по-

шатнулся.

Окровавленный Туриил, держась за дверь, стоял на пороге с несколькими свитками, прижатыми к дверному косяку ладонью, и готовился нанести ответный удар чудовищу. И в монстра прилетело еще несколько ледяных шипов, заставивших монстра отступить и вертеться, чтобы вытащить их на и тварь ушла несколько шагов от юноши.

– Азариэль! Бери дневник у тебя под рукой! – крикнул рыцарь. – Выбирайся отсюда скорее!

У парня всё плыло перед глазами. Последние силы готовы покинуть его, а место правой щеки невероятно сильно полыхало адским огнём, который инфернальным пламенем бежал по всему телу. Но он смог сориентироваться, взял дневник Дунхарта, одновременно ухватившись на целый кусок доспеха Ремиила, вытягивая из комнаты.

– Пора отчистить келью Люция от дури! – Закричал Туриил, как только Азариэль вынес Ремиила, и вынул свиток более мощный.

Рыцарь взмахнул руками, призвал оставшиеся силы, направив волну ослепляющего и горячего огня в демона, который уже оклемался и шёл в сторону выхода, чтобы завершить начатое.

– Лорды... – спал шёпот с губ твари, прежде чем поглотило пламя.

Громадный массив огня бурей прошёл в комнате предателя, полностью вобрав её вместе с врагом. Вихри пламени

вычистили келью рыцаря от всего, что там было – огонь пожрал всё, что было в комнате и за считанные секунды, превратив это в прах.

Пламя потухло так же быстро, как и появилось, предоставив результаты своего творения. В комнате ничего не осталось. Лишь пепел. Келья Люция стала от сажи чёрная как ночь, но, тем не менее вычищена от всей возможной даэдрической нечисти.

– Вот и исполнилось твоё желание, – саркастично начал старый рыцарь, помогая Ремиилу подняться. – Ты ведь хотел сжечь вещи Люция и «почистить его комнату».

– Ты как? – держа руку на разбитом наплечнике и смотря на рассыпавшееся солнце, спросил у Ремиила Азариэль.

– Сейчас... пару секунд и приду в порядок.

Азариэль опёрся на стену, чтобы не рухнуть. Его тело объято огнём нечестивой усталости и душевной хандры. Этот день, ещё не закончившись, для юноши стал серым маршем уныния. Предатели, потеря старой подруги и развращённость рыцаря Ордена. От всего нахлынувшего каскада юноша едва не рухнул в обморок, но холодное покрытие стены ласково его поддержало.

– Думаю, – чуть ли не падая от хворей, душевных телесных, тяжело дыша, заговорил Азариэль. – На...м всем... нуж...ен отдых. – И сделав шаг Азариэль качнулся, его тело отказало, ноги повели и последнее, что он почувствовал, как его приласкала сталь чьих-то рук...

Глава 20. Горечь посвящения

Неделю спустя. Тундра владения Вайтран.

Клинок сверкнул в свете тусклого морозного скайримского солнца, и тёмное мерцание эбонитовой сабли пронеслось возле толстого древненордского нагрудника противника.

– Сволочь! – выкрикнул высокий и мускулистый нордлинг, через тёмно-металлический рогатый шлем плещется золото его длинных волос, а из глазниц на альтмера взирают два светло-ледяных ока.

Воин в железной броне северно-скайримского антуража, окаймлённой мехом и воротником из лисицы, атаковал. Его меч высек сноп искр о нагрудник противника, после чего враг отступил и нанёс восходящий удар. Двуручный меч едва не убил воина, но тот отпрыгнул и приготовился принять ещё один взмах.

– Андрэ, берегись! – крикнул эльф, привлекая внимание на себя.

Азаризель отпрыгнул, уходя от широкого лезвия массивного двуручного меча, который смородёрили из древних крипт нордов. Его отяжелённый доспех не позволил ему далеко уйти и поэтому это везение, что острое рассекло воздух в считанные сантиметрах от мифриловой кольчуги, прикрытой белым куском ткани. Юноша чувствует гнетущий вес брони,

хоть это всего лишь лёгкий мифриловый доспех, а не тяжёлая броня полного рыцаря.

Стражник занял место Азариэля, схлестнувшись клинок об клинок. Андрэ бьёт изо всех сил по тяжёлому нордлингу, но все попытки пробиться к незакрытым частям тела проваливаются. Враг умело парирует каждый удар и Андрэ вышел в колющий выпад, нацеленный в горло. Простой стальной меч встречает всю ярость врага и со звоном разлетается, усыпав траву блестящим дождём металлических осколков.

– Андрэ, отходи! Крикнул Азариэль и ринулся вперёд.

По листовидным Азариэля наплечникам заплясали солнечные блики во время активного движения – альтмер остановил выпад и тут же с разворота попытался перерубить шею врагу, но нордлинг оказался быстрее и направил массивный клинок вниз, рассекая пластины доспешной юбки. Ощутив боль и давление на ногу, Азариэль отпрянул назад, завершая движение восходящим ударом. Сабля рассекла правую руку ниже локтя, следующий выпад заставил упереться острие сабли в нагрудник и покачнуться врага. Азариэль довершил начатое – направил лезвие по косой и рассёк шею норду.

– Кх-ахх-к? – прохрипел человек, выкинув меч и перехватив шею.

Азариэль краем уха услышал, как где-то в стороне раздался глухой металлический перезвон стука меча о землю. Норд перед ним пытается остановить кровотечение, зажимая порез на шее, размазывая кровь по тёмному нагруднику и со-

тряся воздух предсмертным кряхтением.

Глаза альтмера перевели взгляд к небу. Холодное и ясно-голубое, на востоке утопленное в тёплом золоте солнца зари, на фоне которого слабо виднеются очертания высокого дворца владыки здешних земель – Драконьего Предела. Ложе из гористых массивов окружает холодную голодную тундру, среди которой Азариэль расправился с нордлингом.

Эльф склоняется над умирающим поверженным врагом и хватается за кинжал у него на поясе, срывая его и отбрасывая. Затем он уцепился за квадратный нефритовый амулет, запятнанный кровью, и одним движением сорвал его с норда, приговаривая:

– Ты хоть знаешь, что это? – спросил Азариэль, потрясывая амулетом. – Ты хоть знаешь, какими усилиями была добыта эта вещица? – кровь амулета осталась на обратной стороне ладони, когда парень решил её вытереть об кожу длинных перчаток. – Да откуда тебе знать-то?

– Азариэль, – положил руку на плечо Андрэ. – Не заигрывайся, не то навлечёшь беду, – и на эти слова юноша ответил стряхиванием ладони.

Тем временем нордлинг практически испустил дух, обливаясь кровью, и ему остаются считанные секунды жизни, которые он проведёт, выслушивая тирады неизвестного альтмера.

– Вряд ли ты мне теперь скажешь, почему ты примкнул к Люцию, мародёр, эх вряд ли...

Азариэль поднялся, и амулет скрылся в кисете на поясе, продолжая нести речь умирающему норду:

– Люций тебе видимо не рассказывал, что он последователь опаснейших даэдра? Да и тебе всё равно... служишь тем, кто заплатит.

Азариэль сплюнул и пошёл прочь от места битвы. Люций оказался не просто отступником, но вором, что утянул один из трофейных амулетов Ордена, дабы расплатиться с мародёром. Агентурная сеть Ордена не знает за что именно Люций платил, известно лишь, что это какой-то древний даэдрический артефакт, который мог бы принадлежать Ордену.

– Проклятый сектант, – выругался Азариэль. – Предатель.

Как оказалось, Люцию было выгодно, что взор ока Ордена переместился на внутренние проблемы, оторвавшись от смотра за континентом. Из-под носа Ордена ушли несколько важных реликтов, которые умело захватили послушники принцев Обливиона. И как стало понятно, большинство могущественных вещей, пропитанных тёмными силами, ушли в руки мятежного рыцаря, который так алкал ими пользоваться, желая принести в этот мир славу Даэдра.

– Люций... чего же ты желаешь? – сам у себя спросил Азариэль, желая раскрыть коварный замысел проклятого врага.

Юноша осмотрелся и с лёгкой улыбкой встретил образы Драконьего Предела – огромного возвышенного дворца, откуда правит ярл Вайтрана, города, что превратился в торговое сердце всего Скайрима. И Азариэлю поистине грустно,

если такая сволочь, как Люций сможет добиться того, чего возжелала, ибо своей целью он поставил не просто растрепание братьев и сестёр Ордена, но и строительство новой Империи.

– Азариэль, – насторожился стражник. – Приди в себя. Тут нет Люция и его еретиков. Лучше заверши то, зачем ты пришёл сюда.

– Ты прав Андрэ, – протянул руку юноша, с распахнутой ладонью. – Спасибо, что помог мне. Без тебя я бы навряд ли бы выследили этого урода.

– Ничего, – пожал по-братски руку Андрэ и сдержанно-вдохновлёнными глазами обвёл тундру. – Я рад на пару часов вернуться домой. И держи себя в руках. Не давай ненависти брать верх. Это плохо. Ты сам не заметишь, как можешь начать служить тому, против чего давал клятву.

– Ты сейчас со мной?

– Нет... ещё побуду здесь. Когда удастся вот так выбраться на родину.

– Тогда давай. Только не задерживайся здесь и спасибо, что помог.

– Не за что. Благодарю Регента, что он отправил меня с тобой. Давай, ещё встретимся.

Доставая свиток из кармана, Азариэль вспомнил, как его тогда привели в чувства, когда его приласкала темнота. Ремиил ему поведал, что в сундуке Люция, обнесённого защитными магическими печатями, смогли найти много чего интересного. Карты новой империи и записки с планами, тём-

ные договоры между ним и культистами, а так же удалось выяснить, что он желает отдать этот мир в загребущие лапы тёмных принцев и их шавок. В этот же день Регент отправил Императору письмо, где просил начать преследование Люция, как преступника, желая и покарать отступника, и защитить Тамриэль от скверны.

Азариэль поднял руки к невзрачным небесам Скайрима и бумага, насыщенная магией, исчезла в ладонях юноши, и его тело растворилось, как только яркий мистический свет окропил парня. Жёлтые пожухшие низкорослые травы, стелющиеся нескончаемым ковром по вайтранской равнине, исчезли в один миг и перед Азариэлем возникли образы могучего и просторного холла.

Чёрные стены ловят сотни отражений на зеркальной поверхности, а огромные пространства вдохновляют могуществом. Золото и серебро, предметы искусства и драгоценные камни, великолепная музыка – всё смешалось в сумасшедшем потоке роскоши и величества, которое не меркнет, несмотря на потерянную силу Ордена.

Там впереди, на втором ярусе, он видит фигуру в чёрном камзоле, которую окружили семь иерархов в пунцовых костюмах, напоминающих роскошное одеяние служителей церкви. Азариэль втягивает воздух полной грудью, чувствует, что привычные ароматы дикой тундры пропали, сменяясь на сладкий запах ладана. Тут же он переводит глаза наверх, туда, откуда свисают стяги Ордена и с печалью узрел,

что знамя – золотое геральдическое солнце на багряном фоне чуть изменилось. Теперь полотно разделено на багряную и чёрную половину, в символ прошлой славной жизни и предательства. В тот день, когда Регент принял решение изменить флаги, он отдал приказ о том, чтобы была проведена тотальная проверка всех братьев и сестёр Ордена, по окончании которой выгнали ещё четверых, заподозренных в поклонении Даэдра.

Азариэль откинул размышления о предателях и уверенным шагом направился вперёд, к ярусу, где на него взирают глава и владыки Ордена. Он встал посреди залы и торжественно заявил:

– Я исполнил священный долг, возложенный на меня праведными Владыками Ордена!

От строя фигур отделилась одна в балахоне и плавным шагом направилась к Азариэлю, а на весь холл башни раздался глас:

– Передай нашему брату Терцию.

Юноша протянул нефритовое изваяние на нити, пропитанное магией умения обращения с клинками и его перехватила ладонь, на которую волной накидывается широкий объёмистый рукав.

«Что же будет дальше?» – спрашивает у себя Азариэль, хотя уже знает ответ. Он понимает, что это было не просто очередное задание по добыче артефакта, а скорее нечто сакральное и важное, что подтвердит его право стать полным

братом в Ордене.

– На колени! – звучит громогласный возглас, доносящийся со стороны боковых балконов.

Азариэль с ощущением торжествующего благоговения, очернённого гнетущей тоской, опускается на колени и склоняет голову, в покорности. Он слышит, как к нему подходит кто-то и краем глаза смог разглядеть, что эта фигура всё так же в красных одеждах.

– Сегодня, в этот славный день, мы приветствуем новую душу в нашем братстве! – слышится торжественно-шероховатый голос Регента. – Так пусть девять смилуются над ним и даруют ему жизнь, наполненную светом праведной войны против тьмы!

– Славься Акатоше, славься великий дракон и да направь свой свет супротив мрака и тьмы! – возвышенно запели иерархи.

Дух празднества в Азариэле постепенно угасает, и улыбка на губах готова смениться слезами на щеках. В душе он находит причину такого быстрого возвышения – его приняли не, потому что настало время и не, потому что он овладел мастерством братьев-рыцарей в совершенстве. Он находит причину совершенно в другом.

– Сегодня мы принимаем дух славного воителя в наше барство, и пусть Талос укрепит его руку и закалит душу, подобно клинку! – раздалось слова Магистра Рыцарей.

На седой волос юноши положена рука иерарха, и губы че-

ловека читают какую-то молитву, потерянную в шёпоте.

– Аркей, властелин жизни и смерти, поборник нежити, даю этой молодой душе силы в войне против губительной силы нежизни. И да пребудет его разум в готовности противостоять натиску хаоса! – раздался сдержанный голос архимага.

В душе Азариэля выросло гложущее уныние. Он чувствует... знает, что его приняли от безысходности. Ордену нужны рыцари, которые бы вновь взялись за праведное дело войны с врагом, и Регент пошёл на вынужденную меру пополнить ряды частью неофитов, чтобы было хоть кого-то выставить на поле боя. Регент, основываясь на докладах, лично распорядился о назначении Азариэля в рыцарское крыло, и парень не был против, когда услышал это решение.

– Скажи, – громогласно заговорил иерарх возле Азариэля. – Клянёшься ли ты нести свет рыцарской чести?

– Клянусь! – воскликнул Азариэль, вспоминая заученные вчера слова клятвы. – Во имя Девяти я Азариэль самолично присоединяясь к Праведному Воинству Ордена, даю суровую клятву хранить честь рыцаря.

– Скажи, клянёшься ли ты обнажить меч во имя чести Ордена?!

– Клянусь посвятить меч, силы, жизнь и всё прочее делу благочестия Ордена и рыцарей, его охране и чести!

– Скажи, клянёшься ли ты чтить акты Ордена?!

– Клянусь соблюдать Кодекс Ордена и все его акты и за-

коны!

– Скажи, клянёшься ли ты любить братьев и сестёр!?

– Клянусь любить моих братьев и сестёр, и помогать им мечом, советом, имуществом, деньгами и всегда, и везде без исключения предпочитать их всем непричастным Ордену. заботиться о благочестивых паломниках, беспомощных, служить помощью и утешением пленённым ради благостей веры, больным и нищим!

– Скажи, клянёшься ли ты сражаться во имя праведного света Ордена?!

– Клянусь сражаться с поклонниками тёмных сил своим примером, доблестью, богатством и другими средствами; против неверных и неверующих с мечом к алтарю подступающих обязуюсь обнажать меч!

– Скажи, клянёшься ли ты воздержаться от даров сангвиновых?

– Клянусь сторониться всякого бесстыдства и не участвовать ни в каких мерзких делах плоти и чрева моего!

– Скажи, клянёшься ли ты сохранять постулаты Ордена в провинциях!?

– Клянусь, среди каких б народов Тамриэля я не был, подчиняться праву, законам и обычаям Ордена: для народов же, которые гостеприимно и дружелюбно почитают Орден, выполнять священные обязанности рыцаря!

– Скажи, подтверждаешь ли ты клятвы, данные тобой!

– В этом перед Регентом и Советом Владык, на этом со-

брании присутствующими, громко клянусь, признаю и исповедую единое учение об Ордене!

После торжественного выкрикивания клятв и моментной бодрости духа Азариэль ощутил, как его покрытые серебром волосы облило что-то тягучее и тёплое, как душу обволакивает приятное ощущение величественности. И новоиспечённый рыцарь услышал эти торжественные слова:

– Сим помазываю тебя на великие свершения и сокрытую славу рыцарскую, Ордену присущую. Да примут тебя Девять в объятиях своих и не да не убоишься ты зла, ступая дорогой смертной тени!

– Поднимись! – на это воззвание Азариэль встал в полный рост, гордо задрав голову и устремив взгляд на молвящего Регента. – Эта душа признала и приняла все законы Ордена и вступила на путь рыцарства! Да бут этому свидетели сами боги!

Посвящение окончено. Азариэль отдал земной поклон и двинулся из башни Цитадели, быстро перешагнув за её порог, думая, что за этим посвящением нет никакой силы богов, есть только тщетная надежда на милость тех, кого нет. На ступенях, в доспехах, которые ловят на серебристых листах металла лучи восходящего солнца, юношу встретил старый рыцарь, губы которого за долгое время расписала сдержанная улыбка. Его волосы, отмеченные приближением старости, чуть развиваются на прохладном утреннем ветру.

– Теперь, – Азариэль рад услышать бодрый низкий бас ры-

царя, – ты мой брат-рыцарь. Я... я... очень рад.

– Спасибо, – губы парня разошлись в ответной улыбке. – Ремиил, откуда такое волнение?

В серебряном взоре воителя промелькнула тень скорби, а слова стали на порядок тяжелее:

– После того, как всё произошло, мне трудно принять это. Я прослужил Ордену несколько десятилетий и... я думаю ты понимаешь.

– Понимаю. Кстати, спасибо за текст.

– Пойдём в кузни, – махнул Ремиил, зазывая с собой юношу, начиная отстукивать подошвами по ступеням. – Пора тебе получить настоящий меч рыцаря.

Азариэль устремился за рыцарем. Он не стал смотреть на образы Цитадели, поскольку каждое здание теперь помечено неприятным колким образом нового штандарта Ордена. Для Азариэля они как бельмо и его лицо кривится в неприязни, стоило их только увидеть.

– Ремиил, вы нашли, откуда к нам заявились великие раскольники?

– Да. – Резко и с тембром неприязни ответил воин. – В Оплоте Ложи мы нашли... э-м... телепортационные платформы.

– А как же магические щиты и печати? – удивился Азариэль. – Они разве не должны были защитить нас?

– Похоже, проклятый подонок Люций с помощью тёмной порчи смог пробить бреши в щитах. Погань предательская,

что б её.

– Ремиил, – с дрожью волнения заговорил Азариэль, и его воззвание едва не потонуло в шипении фонтана. – Я же теперь рыцарь... член братства, так сказать. И ты можешь мне рассказать, что за история с Фиотрэлем? Почему у него... столько рассказней о как он... и какая-то девушка?

– Ах, ты о втором отступнике. Что ж, теперь, когда о его существовании известно, могу рассказать об этом поганце. В те времена, одна из неофиток Ордена ударилась в наркоманию... скумой увлекалась.

– Неофитка?

– Да, если верить Судебному Протоколу и Решению Суда Владык, то её звали Лара. Один из учёных решил её защитить, встал на её сторону по нечестивому зову плоти. Но её выгнали, а он решил изменить устройство и Кодекс Ордена, чтобы её вернуть.

– Итог?

– Она умерла. И как написано в рапортах наших агентов от передозировки скумой, хотя Фиотрэль её пытался спасти.

– Как?

– Его дух настолько ослабился, что он обратился к даэдра и ему ответили. Как ты и сам слышал, Дагон пообещал её спасти, но сделал из влюблённого дурака игрушку, марионетку тёмных сил, которая служит чёрному делу революции.

– Вот безумие. Расколы... революции... жажда изменений... неужто благородные мотивы свободы – это только

прикрытие для порчи духа? – возмутился Азариэль. – Почему все извращённые желания неудовлетворённой гордыни или похоти, жажды власти преподносятся как стремление к прогрессу?

– Я рад, что ты это понял, – холодно согласился Ремиил, – а теперь пошли готовиться к заданию. Кажется, мне, что скоро мы ещё услышим о Люции и его банде.

Часть четвёртая. Незримая война

Глава 21. Объявление войны

Цитадель Ордена. Спустя несколько месяцев.

Впереди простираются изумрудные кущи деревьев и травы, что расстилаются ковром природного совершенства вплоть до самого берега, где над золотистым песком возвышаются небольшие строения и в море уходят верфи. Обравив взгляд нефритовых очей наверх молодой альтмер видит, как небесная твердь выкрасилась в светло-оранжевые тона, утопив запад в золоте уходящего солнца, а с востока начинает подступать холодная синева и вот уже зажигаются первые проблески серебра. Лёгкий ветер, несущийся с востока, трепещет длинный распущенный волос, нисходивший до плеч, перекидывая его на левую сторону, одновременно лаская кожу дланью вечерней прохлады. Чёрно-алый балахон лёгкий прикосновением окутывает светло-золотистое тело эльфа, покрывая рубаху, штаны и сапоги.

– Сколько же прошло... – срывается шёпот с утончённых губ эльфа и его отточенное лицо, облекаясь в маску отягощения, опускается вниз.

Азариэль подсчитал, что прошло вот уже пару месяцев, с

тех пор как произошёл инцидент с демоном в кельи Люция, перевернувший Орден с ног на голову. Губы парня украсила зловещая ухмылка, когда он вспомнил – Регент отправил отряд рыцарей на поиски Люция и отступников, поняв какую опасность они теперь несут для всего континента, а император поддержал эту миссию. Поднял на поиски отступников всю сеть и Ариан, пустившись лично на поиски предателя, понимая, чем грозит его спокойное хождение по миру.

– Наконец-то... наконец-то, – захлёбываясь от злобы выдал Азариэль. – Скорее бы расправились с этой мразотой.

– Что ты говоришь?

Азариэль резко обернулся и увидел, как на стену поднялся Ремиил. На рыцаре обычный серый стихарь, скрывший тело до самых сапог, утянутый кожаным ремешком. Его лицо несильно ополнело, едва-едва размывая квадратные очертания, но старого друга Азариэль всё также узнает по светлым серебряным глазам, отлитым в цвет нагнетающей седины, низкому твёрдому голосу, слабой щетине и суровости веры и чести, которой он служит Ордену.

– Ремиил, что ты тут делаешь? – свершив крепкое рукопожатие, с теплотой спросил Азариэль.

– Вышел подышать, – грузно ответил рыцарь, встав почти плечо к плечу. – Ныне слишком тяжко стало.

– Помнишь, как мы тогда получили пояс силы?

– Твоё первое задание в чине рыцаря? Как можно забыть, что тебе пришлось играть жениха ворожеи?

– Там едва не случилось не поправимое. Она мне хотела вереск вставить вместо сердца!

– Ничего, одолели же её. Ничего страшного не случилось.

– Я с нетерпением жду ещё одну вылазку, – нетерпение вызыграло в юноше. – Хоть завтра бы взять и вырваться!

– Ты знаешь, что мы теперь не ходим на задания, – хладно отчеканил Ремиил. – Азариэль, я тоже рад пойти в бой, но ты сам всё понимаешь.

– Конечно, – тяжело выдохнул парень.

Горечь разлилась по душе Азариэля, когда он вспомнил, как раньше братья и сестры Ордена вместе шли в бой против тьмы. Но ныне Регент отдал мрачный приказ «Об усилении рядов», в котором бездушными чернилами излита вся катастрофа Ордена. Теперь Регент озабочен восстановлением численности, а значит, что миссия по защите Тамриэля из первостепенной задачи превращается в одну из важнейших, а всем братьям и сёстрам надлежит оставаться на острове и помогать в воспитании нового поколения. Выход на задания только со специального Приказа Совета Владык и Правой Головы, который выдаётся, если Иерархи и Господа из Правой Головы сочтут задание важным.

– Сколько мы набрали?

– Не больше четырёх десятков.

– Это...

– Я знаю, что это очень мало. Нужно пару лет, чтобы хотя бы мы вернулись к заданиям. Но хоть кто-то нас поддер-

жал... не дав пасть в слабости.

– Кто?

– Самодержец Империи, – на широких губах мелькнула тень мимолётной улыбки. – Государь согласился отправить часть войск на решение дел по добыче артефактов и подарил нам пару кораблей.

– Как с пораженцами.

– Не слабы, мы не повержены, – заголосил рыцарь и в его речи Азариэль уловил озлобленное отчаяние. – Нам нанесли страшную рану, но мы не должны раскисать. Кстати, ты само как? Не размяк как хлеб в эле?

– Нет Ремиил, твоими молитвами да напутствиями я не падаю духом.

Указательный палец коснулся шрама, который пересёк ожоговой линией щёку, потеряв его. Несмотря на усилия врачей и целителей эта рана выводится крайне медленно, став мучительным напоминанием о том, дне, когда все узнали, что Люций – еретик даэдра. Злоба, смешанная с тревогой коснулась сердца молодого рыцаря, когда он вспомнила, что сейчас его подруга находится возле существо, которое продало себя подороже продала тьме. С бессильной злобой, скрашенной призрачной надеждой, он осознаёт – Аквила сейчас в лапах мерзкого культа, который посвятил себя извращением и жертвоприношением, а посему и над ней никто не смилуется, когда Люций решится вздеть над её телом ритуальный стилет. Моментально череда мыслей отразилась

во взгляде юноши убийственной тоской, которую трудно не заметить.

– Опять задумался...

– А? Что? – вздрогнул Азариэль. – Я? Да нет.

– Нет, я вижу, что ты о чём-то скорбишь. Так не будь рохлей и скажи, что к чему.

Однако такое состояние не может быть вечным и со временем пропадает, сменяясь на нечто более странное ощущение пустоты. Дни неумолимо идут, и боль времени постепенно уходит вдаль, всё больше сменяясь безразличием к происходящему.

– Мне больно за Аквилу. Больно знать, что она где-то там, в глубине Тамриэля она в когтях тьмы... мне...

– Я понял, – резко оборвал Ремиил и шероховатым голосом, облечённым в поучение, продолжил. – Соберись духом, Азариэль. Ты – рыцарь Ордена и для тебя больше нет друзей и приятелей вне Ордена. Я понимаю, тебе тяжело, но ты принял клятву и теперь должен сжать зубы и перетерпеть эти посулы. Поверь, всё пройдёт и останется только цель, служение Ордену.

– А ты понаслышке об этом знаешь?

– Нет, не понаслышке. Скажи, чтобы ты делал, если была возможность вольно отправиться в Тамриэль?

– Я? Думаю, ты и сам знаешь.

– Представляю.

Даже сейчас, стоя на стене Цитадели и смотря в сторону

окрестностей, рассматривая прекрасные пейзажи, Азариэль думает о предателях и их мотивах, не в силах отстраниться от этой темы, попав в цикличность мысли. Новый рыцарь никак не может понять доводов ушедших, разве что даэдрическая скверна Люция развратила их души и склонила на сторону мерзкого предателя. Душа юноши измывается от осознания факта, что силы тьмы могут сломать дух и так сильно его извратить.

Азариэль ещё несколько минут вглядывался вдаль, думая о прекрасном явлении природы, растущим подле леса, молча стоя рядом с Ремиилом. Он взирает на цветы, чьей вид ворожит и, отходя от мыслей о предателях, думая, что ещё чуть-чуть, и он отправится по рутинным делам, как между деревьями что-то зашевелилось – мелькнуло странной тенью, отразившись дрожью в душе Азариэля. Что-то чёрное замерцало среди деревьев, постепенно приближаясь к стенам Цитадели, проходя через деревья со странной юркостью. Медленно, но верно какие-то чёрные фигуры, просматриваемые сквозь деревья, не останавливаясь, шли к Цитадели, что не может не беспокоить привратников и стражу.

– Что это, враги или предатели вернулись? – молнией пронеслось подозрение, взглянув на напарника.

Но времени на долгие рассуждения нет, и во весь голос Ремиил заорал и большие пространства внутреннего двора словили голос:

– Стража! Перовая степень готовности!

Азариэль, зная, что необходимо делать, во весь в один голос с Ремиилом поднял тревогу, и стражники, забыв про дела, заработали как единый механизм, вставая в защитные построения.

– Азариэль, – Ремиил толкнул юношу. – Иди готовься к бою.

– А ты? – спросил юноша и его слова едва не потерялись

– Иди! – крикнул Ремиил, схватившись за кинжал на поясе. – Встань за стражей!

Сотни воинов забегали в Донжонах, как муравьи, но никакой суматохи и неразберихи, ибо каждый знает, что должен сделать и что предпринять. Секунды за секунду, сквозь пронзительные крики командиров, стали собираться на стенах и у ворот. Буквально через пару минут на стенах, с луками наперевес стояла сотня стражников, кладя стрелы на тетиву, и ещё несколько сотен выстраивалось возле ворот, готовясь встретиться с противником.

Но не только стража слышала известие о наступающей угрозе. Рыцари, с клинками наперевес и накинув простейшие доспехи, бегом подтягиваются к воротам. Краем глаза Азариэль смог разглядеть, что у ворот формируются чёткие линейные построения стражи, за которыми собираются чародеи и рыцари, готовясь принять бой.

Все в напряжённом предвкушении сражения и Азариэлю, кажется, сам воздух застыл в измученном ожидании. В дали, что-то ещё замелькало, и когда объекты приблизились к во-

ротам. Но на весь внутренний двор раздалось неожиданное, что испепелило чувство скорого сражения в ужасном удивлении.

– Это наши! – доложил стражник с надвратного помещения.

– Опустить луки, поднять ворота! – закричал Ремиил, будто примерев на себя роль начальника обороны. – Живее! Открывайте ворота!

Послышался скрежет механизмов и врата распахнулись, вторя стону железной решётки, пропуская двух человек.

В мужчине, на котором окровавленными тряпками висят лохмотья кожаной куртки, сквозь которые виднеются багряные намотки бинтов, обнёсшие торс вторым покрытием. Этого человека тащит под подмышку второй мужчина, чуть ниже и лысый, на котором перезвоном колец висит опалённая и растерзанная кольчуга, на пару с рдяными тряпками, скрывшими множество ран.

– Марий?! – криком обратился Азариэль. – Что случилось?

– Позовите целителя! – Закричал агент, не обращая внимания на юношу. – Скорее, нам нужен целитель!

Ряды стражи мгновенно расступились, пропуская к раненным чародея, что несётся синей стрелой сквозь воителей.

– Предоставь его мне, – сходу бросился мастер школы Восстановления, шаркая магическими одеяниями. – Бросай его на землю, не бойся.

Все стоят в полном ошеломлении, не понимая, что сейчас происходит и почему глава разведки весь искромсан и изрезан, будто попал в лапы вернвольфа и шёпоток обсуждений, молва уже пошла по толпе стражников. Все смотрят на то, как тёплая энергия обволакивает солнечным покровом израненное тело и раны медленно, но верно рассасываются.

В этот момент сквозь ряды стражников, магов, прислуги и рыцарей протиснулся Регент, облачённый в свои привычные одежды, которых появился на Капитулярии, только вот сапоги сильно испачканы. Перед главой все тут же расступились, пребывая в благоговейном трепете, образовав небольшое пространство возле него.

Регент подал свою руку и помог подняться ослабевшему, но исцелённому Ариану, который уже не надеялся встретить следующий день.

– Что случилось? – Вопросил Регент, и все уставились на главу разведки, от которого ожидали интересного рассказа. – Ты словно с медведем подрался. Расскажи мне всё. Кто это тебя так? Даэдра? Ворожей?

Сердце Азариэля бешено забилося, ибо он знал, что Ариан принес совсем не хорошие вести, которые несут с собой только рок и по виду, по его испачканному лицу, по его волосам, на которых липкое бардовое вещество и ранам Азариэль догадывается, что случилось нечто страшное.

– Меня... нас, – дыша с невообразимой тяжестью, начал Ариан, обводя усталым взглядом всех. – Люций. Почти не

убили. Телепорт. Вовремя.

– Тише-тише, – резко Регент коснулся плеча Ариана. – Отдышись и расскажи всё.

– Я в порядке, господин, – твёрдо вымолвил Ариан и уставил крепкий взгляд на Тилиса. – Нам объявили войну.

– Кто посмел!?! – недовольно воскликнул Регент.

– Те, кто нас предали и кому мы изменили на Капитулярии. На Собрании Тайных, в Сиродиле нас атаковали. Мы искали Люция, но он нашёл нас быстрее и решил перебить всех.

– То есть агентурная сеть обезглавлена?

– Да, – сплюнул Ариан. – Но это ещё не всё. Там, в пылу битвы, среди коридоров и катакомб ныне стёртого с лица земли форта я видел их, – с ужасом выговорил Ариан.

– Кого? – насторожился Регент.

– Их, слуг планов тёмных принцев. Они шли плечом к плечу с люциитами и я не знаю что хуже. Предательство или то, что орды тьмы сильной магией удалось привязать к нашему плану.

Страх и ужас на пару с ненавистью и злобой опутали сердце Азариэля колкой проволокой боли. Он – рыцарь Ордена и не должен знать страха или сочувствия по дням прошедшим, но сейчас его берёт жуткое чувство, заставляющее содрогаться и пылать ненавистью одновременно. Одна мысль, что бывшие братья и сёстры, а вместе с ними и Аквила оказались в лапах тьмы, повергает в печаль и одновременно под-

жигает злобу в Азариэле к Люцию.

– Ты видел Люция?

– Нет, господин Регент, – стирая сажу с лица, хладно ответил Ариан. – Мне выцепить его не удалось.

– Кто-то ещё выжил?

– Нет, господин. Только я и Марий через телепорт успели уйти. Весь Совет перебит.

Регент поник, вместе со всем воинством. Никто не мог представить, что столь скоро придётся встретиться с теми, кому ещё пару месяцев назад руку жал, но на сей раз придётся скрестить клинок.

Азариэль же поник взглядом. Он не находит мыслей или слов, чтобы выразить всего негодования и скорби, бурлящей в нём и взирая на потухший взгляд Ремиила, понимает, что его другом овладело такое же состояние. В серебряных зеницах старого рыцаря одновременно припал прежний свет, и они словно из серебристо-светлых стали тёмно-серыми, являя на себе неописуемую тень мрачности.

– Азариэль, – слышал грубую речь юноша сквозь строй и увидел, как к нему приближается один из стражников.

– Да-а А-анд-рэ, – заплетающийся язык неумело выдал имя, после чего Азариэля собрался. – Что ты хо-хотел?

– Спросить – ты в норме? – убирая меч в ножны, произнёс стражник. – Я знаю, как ты можешь воспринять эту... ситуацию.

– Не очень. Не каждый день приходится слышать о таком

гнусном предательстве.

– Не падай духом, Азариэль. Помни, чего бы дальше не было, ты должен будешь обнажить меч. Они уже не твои братья и сестры. Если не будешь этого делать, пропадёшь чёртовым даэдра. Во имя чего, ты спросишь – во имя Тамриэля и его жителей.

Слова Андрэ немного подняли юношу из бездны, где померкла надежда на призрачное единение бывших братьев и сестёр. Придётся проливать их кровь и это будоражащей мыслью терзает рассудок Азариэля.

– Это – объявление войны! – доносится крик из строя, привравший разговор двух товарищей.

– Тогда, – тяжело выдохнул Регент, подняв голову, собираясь с силами и мыслями; не каждый день главе Ордена приходится отдавать команды, приказы, направленные супротив бывших друзей и братьев по служению. – Мы принимаем вызов! Мы не будем смиренно ждать, пока к нам явятся еретики и перебьют нас. Мы встретим их, как подобает истинным защитникам Тамриэля!

Воинство ответило праведным кличем – сотни голосов торжеством боевого зова поддержали главу Ордена. Десятки глаз уставились на Регента в ожидании приказов и распоряжений, а сердца волнительно забились в преддверии скорой встречи с ратью предателей.

Регент после обращения начал командовать, громогласно повелевая, но Азариэль его не услышал, ибо перевёл внима-

ние, когда ощутил, что его плечо содрогнулось, когда на него упала рука.

– Это война, Азариэль, ты сможешь, если придётся?

– Я давал клятву, Ремиил, – с духом могилы ответил юноша, потерянным взглядом смотря на сотни взбодрённых воителей, из которых обида отступничеством выливается в жажду сражения, после чего сдавленно выдавил ответ. – Смогу, ибо так требует Орден, ибо это война за свет.

Глава 22. На невидимых рубежах

Через два дня. У Чейдинхола.

– Смежная следственная группа готова, господин! – прозвучала речь, наполненная самодовольной напыщенностью.

Шесть фигур укутались в мелкий ледяной дождь, застлавший Нибеней от края до края, даруя его жителям унылое прохладное утро. Светло-золотистое лицо, обрамлённое чёрным покрытием капюшона объёмного кожаного плаща, уставилось на небо, а нефритовые глаза тут же заморгали, когда первые капли небесной влаги коснулись очей. Губы разошлись в выдохе, и перед ликом сей момент образовалось слабое, еле различимое облачко мягкого пара.

– Хорошо, – прозвучало небрежное согласие от высокого смуглого человека, тело которого заковано в тяжёлый доспех Имперского Легиона сиродильского толка, только гребень на

шлеме стал более тёмным от дождя.

– Господин Аббас, – вперёд подался невысокий человек с редким тёмным волосом, округлённым зрелым лицом и водянистыми светло-янтарными глазами, который раньше обращался к легионеру. – А как же Решение?

– Ах, да! – лихо кинул воин, его пальцы, облачённые в сталь, пропали в глубине кисета и тут же появились, а между ними промелькнули жёлтые образы пергамента. – На, держи. Проклятье, Антон, скорее, не видишь, дождь идёт!

– Спасибо, – забирая бумагу, поблагодарил бретонец.

– Вы всё должны выполнить быстро, это понятно? Имперский Суд выдал Решение на шесть часов, и вы должны уложиться. А теперь кыш отсюда, и без вашего расследования проблем хватает.

Все пошли, оставив позади образы прекрасного пышно-го города, исполненного в стиле нибенейского изящества и имперской роскоши, углубляясь в изумрудные моря лесов, раскинувшиеся к югу изящным ковром растительности. Секунда за секундой высокие стены Чейдинхола и его красочные башни удалялись, пропадая и исчезая в кущах леса, становясь невидимыми в покрове сотен веток.

– Азариэль, – юноша тут же посмотрел на человека, который его позвал, завидев, как возле с ним лесистую землю топчет нордлинг, в таком же чёрном плаще из кожи, скрывшим алую рубашку и покрывшим брюки с сапогами. – Ты всё взял с собой для расследования?

Юноша опустил голову в коротком кивке, сохраняя молчание, смотря на человека, что почти одного роста с ним. Его чёрный волнистый волос липнет к худым пропащим щёкам на трапецевидном лице, отмеченным парой свежих шрамов, широкий подбородок и челюсть скрылись за аккуратно выстриженной бородой, окружая полные угловатые уста, со слегка большой нижней губой. В его широких холодных глазах тлеют угли грусти, и Азариэль не сдерживает любопытства, спрашивает:

– Ариан, ты как, в порядке?

Губы мужчины сжались в измученной ухмылке, выдавая внутренний огонь, сжирающий слугу Ордена. Сильнее всего по Ариану ударило даже не гнусное предательство, и не нахождение в паре йот от смерти, но то, что его работу пришлось свернуть. Совет Владык, который собрался для решения о подготовке к войне, рассмотрел дело о первом конфликте. Собрание Тайных, или тридцати агентов Ордена, которым отдана задача по добыче информации со всего Тамриэля, были вероломно перебиты. Совет Владык вынес Специальный Циркуляр, который во имя защиты жизней сотен граждан Империи, верно служащих на благо Ордена, прекращал деятельность сети.

– Я в порядке, – чёрство ответил Ариан. – Сосредоточься на деле.

Азариэль не стал дальше расспрашивать бывшего главу разведки Ордена, не желая его больше терзать его дух. Вме-

сто этого он направил все мысли свои к цели – им необходимо расследовать странное событие, которое произошло возле города и, судя по всему, это как-то связано с Орденом. Именно эфемерная привязь и толкнула Регента отправить Ариана, Ремиила и Азариэля в путь на помощь имперским следователям. Единственное, что знает Азариэль, так это то, что на месте свершения странного акта были найдены медальоны в виде рунического ока. И следуя за тем, что можно выйти на след Люция и опередить его, предугадать планы, Совет Владык отправил их на новые рубежи войны, которой только предстоит начаться.

– Ремиил. – обратился юноша к рыцарю.

– Да, – ответил мужчина, укутавшийся в плащ, такой же, как и у Азариэля, сменив рыцарский доспех на обычные одежды.

– Скажи, это точно могут быть... люциты? – сдавленно спросил молодой эльф, сотрясая голосом прохладные лесные пространства.

– Не знаю... не знаю... но я чувствую, к чему ты клонишь, Азариэль. Не раскисай и соберись, иначе ты не рыцарь, – грубо завершил фразу мужчина.

Юноша принял сказанное и оглянулся по сторонам, чтобы посмотреть ещё раз на тех, с кем он идёт на задание, выданное Регентом и имперскими властями. Справа от него мнут землю леса три фигуры – бретонец, эльфийка и катжит. Первого юноша знает – это Антон, человек, который поставлен

для организации расследования, а вот двух остальных он не упомнит.

– Мда, а ведь сегодня мог быть такой хороший день, – с недовольством начала эльфийка. – А приходится с этими якшаться.

– А что не так-то? – возмущение Азариэля прозвучало едва ли не на весь лес.

– А то, что в свой выходной я должна идти неизвестно куда и неизвестно с кем, даже не с представителями имперской власти! – с напыщенным высокомерием, присущим для её расы, заявила эльфийка. – Кто вы вообще такие!?

Азариэль бросил краткий взгляд на барышню, которая проявила недовольство. Это оказалась чуть ниже него девушка, из рода высших эльфов, облачённая в лёгкие высокие сапоги, прикрывшие до колен плотно прилегающие брюки из светло-серой ткани, тело же укрыла уплотнённая эльфийская куртка из чёрной кожи и расшитая золотыми узорами. Её багрово-рыжие волосы выстрижены в каре, обрамляя прекрасное подтянутое лицо, с которого взирают слегка приуженные глаза цвета бурь.

– А тебе ли есть дело? – хладно говорит Ремиил. – Вас приставили к нам по решению самого Имперского Суда, а до остального вам не должно быть дела.

– Ой, ага, да что ты говоришь, – продолжила ссориться эльфийка. – Вы явно не из Клинков и не из Гильдий. Трудно работать с теми, кого не знаешь и даже не представляешь,

откуда могут быть.

– И как же тебя зовут подозрительная ты наша? – не сдержался Азариэль. – Имя есть или звать тебя госпожой паранойя?

– Ох, какой острый нашёлся, – усмехнулась девушка. – самого как зовут? Или безродный, раз людьми якшаешься?

– Я – Азариэль, приятно познакомиться, – спокойно ответил юноша. – Может, теперь себя назовёшь?

– Хорошо, – небрежно выдохнула девушка. – Можешь называть меня – Гэ'эль.

– Вот и чудно, Гэ'эль, думаю, мы подружимся.

– Тише, – кратко потребовал Антон. – Мы подходим.

Группа, ступая под покровами дикого прохладного леса, медленно приблизилась к небольшому строению. Сквозь стволы деревьев и переплетение веток выглянула приземистая одноэтажная изба, наполовину ушедшая в землю и кренившаяся на правый торец.

Для Азариэля это место показалось странным, немного зловещим и отталкивающим. Около дома кусты и стволы деревьев какие-то не такие, они пожухли, стали мертвенно-зловещими, резко контрастирующими с прелестями природного могущества возле и кажется, что у избы этой что-то нечистое произошло. Сам дом – старый, сруб его сгнивший, а окна давно разбиты и разворочены, дверь же выбита с косяком, напоминая распахнутую пасть мертвеца. Вокруг дома нет ни единого растения кроме кустиков, ставших хо-

рошим сухостоем.

Азариэль глубоко вдохнул и ощутил, как его лёгкие наполнили гнилостны ароматы трупов, на пару со смрадом воючей серы, переливаясь в роскошные ароматы пряного вина. «Что за чертовщина?» – вздумал Азариэль, инстинктивно сжимая ладонь на коротком имперском мече.

– Так, все собрались!?! – откуда-то со стороны пролетела фраза резкая, наполненная бодростью и внутренней силой.

Юноша, сжав ладонь на рукояти ещё сильнее, мотнул голову влево и смог разглядеть, как через лес ступает человек, на котором покачивается базальтово-чёрное пальто, сшитое из крепкой коловианской ткани, покрывшее такого-же цвета брюки, вплоть до колен, которые подпирают сапоги. Зоркий эльфийский взор уловил заметную грузную хромоту среднего роста человека, а трость предопределяла каждый шаг, вминаясь в мокрую землю.

– Господин Александэр, – почтенно склонился Антон, заведя правую руку, укутанную в светло-серый рукав кожаного камзола, и развернулся к группе, с нотками торжественности заговорив. – Я хочу вам представить одного старого знакомого, тоже следователя. Это Александэр Никбард. Я ему уже предоставил все материалы по делу.

– Думаю, мы познакомимся позже, а сейчас доложите о личном составе, Антон, – прозвучало требование. – Сколько нас?

– Шесть человек, не считая вас. Три назначены Решением

Суда, три приставлены тем же актом.

– А они откуда? Клинки? Гильдия Бойцов? Легион? – резкий грубый голос выдал череду вопросов.

Смотря на человека, Азариэль отлично мог разглядеть образ его лица. Его зрелое округлённое лицо, с седой разросшейся щетиной, покрывшей живые щёки и подбородок, с седым коротким волосом на голове полно воли к жизни. На группу смотрят тёмно-синие глаза, сильно расширенные через округлённые квадратные очки и Азариэль находит в них суровость, сдержанность и мудрость.

– Мы приставлены по Ходатайству нашего Регента, – ответил Ариан, протягивая бумагу, укреплённую печатью. – Всё есть в Решении.

– Ладно, кто ведёт Протокол Осмотра?

– Он, – вперёд подался катжит, на светло-серой шерсти которого лежит невзрачная мантия, скрывшая усатую вытянутую кошачью морду за капюшоном, указывая на себя.

Александр кивнул и весьма энергично произнёс:

– Хорошо, ну что ж, работаем! – и как только пронеслась бодрая фраза, левая ладонь, отмеченная признаками немолодого возраста, опустилась в карман, через мгновение являясь с круглыми часами, тускло переливающимися матово-золотистыми оттенками двумерита. – Ох, какой у нас статус дела?

– Первой степени, господин, – ответил Антон. – Его, при возможности, будет рассматривать Императорский Суд.

– О-о-х. У нас в группе есть чародей? – и тут же услышав краткие переговоры катжита и Антона, раздражённо выдал. – Не трепаться!

– Я! – высокомерно заявила эльфийка и сделала шаг вперёд. – Можете звать меня Гэ’эль.

– Ты можешь магически фиксировать наши действия?

– Я могу вызвать дремору и наложить на него заклятье магической съёмки памяти.

– Выполний, – бодро вымолвил Александэр и мгновенно перевёл взгляд на катжита. – Зафиксируй в протоколе, что мы ведём запечатление действий с помощью... э-м... методов колдовской фиксации на, – Александэр чуть наклонился к девушке, ожидая ответа.

– Память дреморы-кайтиф.

– Память дреморы-кайтиф, – вторит следователь.

– Хорошо, – прошипел кот и, приподняв тонкое закапанное стёклышко, вписал в пергамент нужное и сию секунду прикрыл полотно, исчерченное буквами, сохранив его от губительной влаги.

Пространство озарилось неестественным светом и перед эльфийкой из тканей нереальности соткан воитель, которого вырвали из плана чёрного принца Дагона. Только он не бросается и не рвётся в бой, а смиренно наблюдает. Доспехи переливаются бледно-чёрным оттенком, через который рвётся огненная кровь, расчерчивая полотно превосходного доспеха. Конечности защищены толстым слоем металла, конча-

ющимися остроконечным носом сапога и заточенными пальцами проклятых перчаток. Меж набедренных щитков колыхается кроваво-красное полотно ткани, примыкающее к закалённому нагруднику, на котором вырисовываются чёрные символы и пугающие образы кричащих лиц.

Озлобленное и полное ненависти тёмное лицо, украшенное алыми боевыми раскрасками, перекошенное в перманентной природной ярости, бросило взгляд чёрных адских глаз на Александэра, но нашло там только холод и несгибаемую суровость.

– Мы работаем? – без надрыва и смущения спросил следователь у эльфийки.

– Секунду, – пара взмахов длинными утончёнными пальцами и смолёная копна длинных волос, через которые пробиваются рога, увенчалось ярким свечением. – Готово.

Александэр сделал уверенный хромой шаг вперёд, навстречу покошенной хижине, и, не доходя до неё, он остановился, развернувшись к группе и смотря на дремору, заглядывая в холодный мрак его голодных глаз поставленной речью заговорил, обращая взор к часам и слегка жестикулируя:

– Ныне, в девять часов утра пятнадцать минут, проводится следственное действие – осмотр места происшествия с целью обнаружения улик по делу о еретическом поклонении в доме к югу от Чейденхола. Проводится он смежной следственной группой, назначенной Имперским Судом Сиридила. Вчера от Городской Стражи Чейденхола поступила ин-

формация о проведении здесь ритуалов с человеческими и эльфийскими жертвоприношениями.

– На кой чёрт нам этот цирк с дреморой? – шёпотом возмутился Азариэль.

– А потому, что имперскому суду и самому императору нужны веские доказательства, чтобы оказать помощь нам в предстоящей войне, – отчеканил Ариан.

– Азариэль, – небрежно обратился Ремиил. – Будь дальновиднее, ты же рыцарь.

– В осмотре участвует следственная группа, – Гэ’эль мысленно приказала дреморе развернуться и запечатлеть всех участников, а Александэр поставлено продолжил, указывая на каждого объявляемого правой рукой. – Антон Вейтстрайк – организатор группы; Хаа’ра’джир – протоколист от суда; Гэ’эль Галорон – чародей-исследователь преступлений. – Александэр дёрнул рукой, остановившись на рыцаре.

– И три следователя от Ордена, – поддержал глава разведки. – Ариан, Ремиил и Азариэль.

– Ага. Исследование непосредственно производят следователь Антон, при помощи чародея-исследователя преступлений, и глава орденской разведки Ариан Тиро при содействии двух помощников. Так же разъясню, права – вы можете ознакомиться с содержанием протокола, можете вносить правки и замечания, можете задавать вопросы и делать объяснения. Всё будет занесено в протокол.

– Мы начнём, господин?

– Да, Антон. И прежде чем начать осмотр дома я прошу Гэ'эль Галерон провести магическое сканирование местности, на предмет следов колдовского характера.

Эльфийка, под чутким взором призванного существа, кивнула, и с её рук сорвался яркий поток света, расстелившийся подобно ковру во все стороны, обволакивающий магическим теплом каждый сантиметр пространства в радиусе десяти метров.

– Ту-ут... ниче-е-го... нет.

Девушка опустила руки, выговаривая результат исследования:

– Меня тянет к дому. Там, да, именно там есть магия... чёрная, как бездна.

– Ты не ошибаешься?

– Я не могу ошибиться, – самодовольно ответила девушка.

– Ну, хорошо, посмотрим, как ты не ошибаешься, – недовольно проговорил Александэр, продолжив двигаться ко входу, приговаривая. – Запишите магический скан в протокол.

Группа пошла дальше и по мере приближения Азариэль ощутил, как его нос разрывают запахи, сумасшедшие ароматы смерти и пьянства, будоражащие и отталкивающие одновременно, прорывающиеся в сознание сумасбродным потоком образом мертвецов, смакующих серное вино.

«Что это за ересь?» – возмутился юноша.

Александэр ведёт группу дальше и вот уже тёмные про-

странства дома озарились ярким светом магии, разогнавшим непроглядный мрак, через который ничего не видно.

– Исследуйте косяк, – указав на развороченные куски дерева, потребовал Александэр.

– Азариэль, – потребовал Ариан.

– Гэ’эль, – отдал приказ Антон. – Займись этим.

– Ну почему именно я должна работать с ним?

– Отставить разговоры! – прервал недовольство девушки Александэр, расположившись у входа и смотря на работу двух эльфов.

Азариэль с неприязнью принял то, что ему придётся работать с невежественным родичем. Он припал к изломанному и изодранному косяку, грязному и потрёпанному временем, исследуя его. Светло-золотистые пальцы, не касаясь шероховатой деревянной выцветшей поверхности, остановились у замка, переведясь к петлям, на которых время нарисовало причудливые узоры ржавчины и коррозии.

– Дверей тут давно не было, – слышался спокойный голос Азариэля.

– Тут нужно магическое исследование.

– Оно ничего не даст.

– Да что ты говоришь, ты хоть что-то мыслишь в магии? – самодовольно заявила эльфийка.

Азариэль не стал обращать на неё внимания, переводя его на косяк, где в тусклом свете магии блеснул зубец. Кусочек металла глубоко въелся в деревянную «плоть», и чтобы его

достать юноша воспользовался маленькими щипчиками, вытащив его и дав ему в свободном полёте скрыться на дне кожаного мешочка, который отправился в небольшой чемоданчик, несомый Ремиилом.

– Занесите в протокол, что в косяке мы нашли стальной кусок металла, – заговорил Азариэль. – Судя по всему это часть меча.

– Так же занесите, что на косяке я обнаружила следы крови, – сказала Гэ'эль, немедленно сойдя на пародийную иронию. – Магия ничего не даст... ага-ага, глупости сильнее я не слышала.

– Так, идёмте дальше.

В помещении всех томно ждала изумительная обстановка смерти и пира, оргии и разложения, которая измученными образами мерзости ударила по сознанию Азариэля. Там следственная группа нашла ужас извращений, который только доступны даэдропоклонникам-сектантам, еретикам нечестивых сил, познавшим все глубины безумия.

Взгляд парня, проглядывающий через тусклое свечение магических шаров, смог выхватить обстановку торжества безумия – на грязном сгнившем полу, умеренно накренившемся вправо, лежать шесть трупов, возле алтаря, который усыпан бутылками, а где-то в углах догорает странное благовоние, клубящееся слабым дымом серной вони. Едва он это увидел, как омерзение противным комом подступило к горлу, а сердце Азариэля забилось подобно барабанам войны.

– Что есть у входа? – спросил Александр. – Есть какие-нибудь следы?

Бретонец согнулся над полом, мгновенно осмотрев его профессиональным взглядом, выискивая каждую мелочь, каждую деталь, которая дала бы наводку на что-нибудь.

– Да, господин, – бретонец поднялся, а в его пальцах, обтянутых перчатками сверкнул небольшой кусочек металла, вшитый на зелёно-бурое полотно ткани. – Руническое око на гербе Чейденхола.

– Хорошо, внесите это в протокол. Ещё?

– Нет.

– Хорошо.

Группа приблизилась к трупам. Азариэля окатила страшная вонь, вызванная смешением смрадных запахов, и парень едва пошатнулся назад, но смог устоять на ногах, в отличие от сородича, изгнав из сознания помрачение.

Голову Гэ'эль резко вскружило от страшного «аромата» сумасшествия. Девушка сделала неуверенный шаг вперёд, чтобы увидеть тела, но перед глазами всё поплыло, а черты трупов размытой пеленой встали перед глазами, застав взгляд. Её конечности обмякли, одновременно лишились контроля, и девушка ощутила, что только могущественным усилием воли держит себя на ногах.

Азариэль только смог подскочить к эльфийке, когда её ноги размашистыми шагами повели тело вперёд, и схватить, дабы не дать девушки рухнуть в объятия трупов. На креп-

кие руки юноши пала хрупкая девушка лет двадцати шести-тридцати, оставаясь в таком состоянии сознания, что звуки окружающего мира ушли на второй план, уступив место собственным мыслям.

Дремора, ранее спокойно стоявший и взиравший на следственные действия, стал мерцать и пропадать из реальности, готовясь вернуться в объятия мира тёмного. И только единственный человек сориентировался:

– Съём памяти прекращён по важным причинам! – крикнул Александэр, взбудоражено смотря на то как с тонких эльфийских пальцев девушки мелькнуло заклятье, заточившие память существа в некоем камне на поясе.

Как только Азариэль вынес девушку, Александэр не смущаясь, твёрдой поставленной речью, продолжил:

– Мы находимся в помещении разбитой избы, расположенной к югу от Чейдинхола, примерно в километре. Прошу записать в протокол, что обнаружены шесть нагих тел, – следователь приблизился к трупам, рассматривая их внимательно и говоря для протокола. – Запишите – тела лежат на спине, ноги и руки вытянуты в сторону алтаря, образуя шесть ровных лучей.

– А как же съём памяти, господин?

– К чёрту это колдовство. У нас есть протокол, а если что-то пойдёт не так, допросят каждого по отдельности, вот и всё. Продолжаем.

Следователь склонился над телами, лоя обонянием гни-

лостные аккорды разложения, смешанные со спиртовыми парами. Три женщины – все стройные черноволосые имперки и три мужчины – светловолосые мускулистые нордлинги, разбавленные одним данмером.

– Это похоже на ритуал, – вязался Ариан. – Судя по всему, это жертва какому-то даэдрическому богу, – взгляд тёмных глаз мужчина скользнул по статуе, возле которой разложены тела, осматривая проклятый каменный грубо вытесанный образ. – Запишите в протокол, что это изваяние имеет двойкую форму. В его правой паре рук зажаты два клинка, в левых конечностях, бокалы. Голова неразличима.

– Так, давайте осмотрим место вокруг тел, – раздалась грубая речь Александэра.

Тем временем руки, мышцы Азариэля познали тяжесть молодого тела девушки, которая на грани потери сознания. Она длинными ногтями впилась в плащ юноши, чтобы не запрокинуться и удержать себя в кайме мысли, исцарапывая покрытие спины. Пронеся метра два от дома, Азариэль попытался аккуратно её поставить на ноги, опуская наземь и поддерживая, чтобы она вновь не рухнула, одномоментно обратившись к большой сумке на поясе под верхней одеждой. Его правую руку пропала под плащом, представив дождю белую рубашку, и появилась уже с жатым у горлышка маленьким флаконом.

– Вот, сейчас легче будет, – парень поднёс к её носу горлышко небольшого сосуда, откуда вырвались страшные аро-

маты.

Девушка, чьи ноги доселе неустойчиво держались на земле, «ожила» как только резкие ароматы кулаком ударили по сознанию, выбивая её из полубморочного состояния.

– Ох! – воскликнула эльфийка и быстро вырвалась из объятий юноши, скакнув вперёд. – Что за пакость!?

– Укус, – юноша закупорил флакон и убрал обратно.

– Я не нуждалась в твоей помощи, – напыщенно заявила девушка, поправив рыжий волос и уставив взгляд на вход, не желая оборачиваться на юношу. – Всё прошло бы.

– Да ну!

– Если я тебе говорю, прошло, значит прошло бы. Как до тебя не дойдёт!

– Когда бы ты мордой в тела рухнула! – не сдержался Азариэль и в один шаг оказался рядом с девушкой резким движением развернул её и схватил за плечи, слегка потрясывая. – Да пойми ты, мы на работе! Хватит ёрничать, Гэ'эль!

– Отпусти! – стала брыкаться дама.

– Послушай! Либо ты сейчас успокоишься...

– Либо что? Погубишь меня, как и свой Орден!

– Да что ты вообще можешь знать! – в гневе Азариэль отпихнул эльфийку и сделал шаг назад. – Если ты себя продолжишь вести, как горделивая гнида, то, пожалуйста. Только так мы дела не раскроем и работу запорим.... Ты умная красивая девушка, Гэ'эль, так подумай.

Двое эльфов впились друг в друга взглядом, но спустя па-

ру секунд напряжённых гляделок девушка сдаётся.

– Хорошо, – нехотя выдавила из себя эльфийка. – Пойдём обратно.

Азариэль двинулся за сородичем и, следя, за её не до конца выровнявшейся походкой он стал подходить к дому.

– Ты как, в порядке? – сухо спросил Ремиил, как только девушка ступила к порогу дома.

– Ох, горе ты наше, – Азариэль услышал бодрую реплику от Александэра, вытянувшего руку в указательном жесте. – Ладно, постой у входа, когда необходимо, я тебя позову.

Мужчина взялся за рельефную ногу одного трупа, второго, третьего... шестого, сжимая каждую из них, и всякая конечность пружинит, не сгибается до конца. Он перевёл взгляд на спины и на его глаза обнаружили тёмные синие, багровые и фиолетовые пятна на спине.

– Так, занесите в протокол, что у тел хорошо видны трупные пятна и окоченение. Значит, тела тут, наверное, около десяти часов тут лежат. Так же запишите, что следов насильственной смерти не обнаружено.

– Что вы осмотрели, пока нас не было? – спросил Азариэль. – Было что-нибудь интересное?

– Да, – Александэр выпрямился и опёрся на трость. – Мы изъяли пару бутылок для исследования в Гильдии Магов, но даже сейчас могу сказать, что это дешёвое вино. По запаху.

– А тела?

– Скорее всего, их отравили, а потом раздели и разло-

жили. Дальнейшее исследование тел только после вскрытия, нам нужно послать кого-нибудь за носильщиками.

– Это не просто вино, – Азариэль повернулся и увидел, как слабым нетвёрдым шагом эльфийка пытается подойти к телам и юноша подскочил к ней, дав руку, чтобы она не упала, в ответ она одарила парня взглядом благодарности.

– Так! – остановил его Александэр. – На воздух.

Азариэль послушался и помог девушке выйти, где её лёгкие снова жадно вдохнули порцию свежего воздуха.

– Если тебе плохо, ты можешь не ходить. Мы сами проведём осмотр.

– Да, – держа голову, вскружённую состоянием, соглашается дама.

– Что ты там хотела сказать?

– Я почувствовала скуму и честно, я удивлена, что вы её не ощутили. Это не просто вино, а «нищенские благовония».

– Так!

– Их используют для создания галлюцинаций и умерщвления от передозировки.

– Так!

– Пары благовоний всё так же опасны.

– Ага! В целях обеспечения участников следственного действия, я прекращаю осмотр помещения, – и, оказавшись у входа, он резко крикнул. – Все на выход! Отметьте это в протоколе.

Через мгновение вся следственная группа уже собралась

у старого разрушенного дома, покрывшись под изумрудным саваном дикого леса и его дождя.

– Господин.

– Да, Антон?

– Я на плече одного из мужчин нашёл татуировку. Это расписной одноглавый могучий чёрный орёл, – предвосхищающая требование следователя, бретонец с мелькнувшей гордыней заявил. – Я всё потребовал занести в протокол.

– Хорошо. И что же у нас есть? – риторически спросил Александэр, окинув взглядом всех присутствующих. – Шесть тел, возле алтаря то ли Дагона, то ли Сангвина и один человек из Брумы, по всему видимому. Жертвоприношение, скорее всего, произошло в первом, втором часу ночи. И для ритуала они использовали вино со скумой, а из опознавательных знаков у нас только глаз на гербе графства.

– И что же мы будем делать, господин?

– Ремиил и Азариэль отправляются к Капитану Стражи и узнайте о недавно прибывших брумчанах и с кем они могли общаться. Так же... попытайтесь выб., эм-м, добыть информацию о местных нелегальных движениях. Ариан и Гэ'эль, займитесь прошением к Графу о выдаче Разрешения на следствие в своём регионе. Да, так же «попросите» его организовать на этом месте оцепление.

– А вы, господин?

– Я, с тобой Антон, схожу за заготовителем тел при храме, и мы произведём вскрытие, чтобы получить более полную

картину отравления, – раздал задачи Александэр и бодро завершил. – Всё работаем, дальше!

Спустя час. Чейдинхол.

Перед Азариэлем стелется большая и широкая городская дорога, уходящая вглубь города от западных ворот. Она довольно просторна и ограничивается высокими чудесными домами, окружившими её по краям и создав столь размашистую калию. За парнем возвышаются громадные ворота, и в тени линии исполинской зубчатой крепостной стены он выглядит ничтожеством.

Небеса такие же мрачные и холодные, что и прежде, продолжая беспрестанно поливать город и его окрестности ледяной моросью, а жгучий ветер только усиливает неприязненные ощущения.

– Ты не посмеешь! – Ремиил еле как сдерживает себя, чтобы не прибить человека, напротив.

– Я – представитель закона! – самодовольно заявил высокий загорелый мужчина, облачённый в кольчужную броню сиродильской стражи, украшенной тканевой безрукавной накидкой оливкой расцветки с гербом города. – Я имею право!

Азариэлю остаётся только надеяться, что Ремиил, и городской стражник не похвалятся за клинки, как тюремные урки. Он молча переводит взгляд и видит, как за Ремиилом

прячется несчастный старого возраста имперец, обмотанный в какое-то бурое тряпьё, измазанное в грязи. Длинные сальные волосы нищего вкупе с бородой скрыли морщинистое лицо, его пальцы вцепились за пальто рыцаря, сильно оттягивая его на себя.

– Я тебе его не отдам, крохобор треклятый!

– А куда ты денешься, – ехидно умилился стражник. – Либо он мне заплатит сотню септимов медью, либо я ему казённый дом уж обеспечу! Будет у меня баланду жрать раз в день!

– Не надо, – умоляет бедняк.

– Милостивый господин стражник, – вмешался Азариэль, чтобы не довести ситуацию до критического момента. – А что если мы заплатим за нищего? Сколько там? Всего сотню?

– Азариэль, – небрежно начал Ремиил, и холодная суровость его голоса неожиданно сменилась на злобу, и рыцарь отбросил всю прежнюю сдержанность. – Он просто не прав. Мы Судом наделены полномочиями брать горожан и крестьян под свою юрисдикцию, и он обязан подчиниться. Так его нахальная морда требует сто септимов от нищего, а это – нарушение закона!

– Я тебя сейчас прямо тут отделаю, жук навозный! – возмутился стражник. – Да и ребят позову!

– Хорошо-хорошо, – слышалась лёгкая речь Азариэля. – Позови, только Капитана Стражи, иначе я за ним сам схожу.

– Его звать нам ни к чему... он только испортит наш, э-м, наш «танец».

– Я тебя сейчас.

– Ремиил стой, – Азариэль преградил другу путь, выставив правую руку, другой же ладонью протянув кожаный мешочек, слабо побрякивающий перезвоном меди. – Нам не нужны проблемы с городской стражей.

– Вот это чудно, – жадно схватив монеты, заликовал стражник. – Свободны, и можете своего вонючего друга забрать.

Высший эльф и Ремиил собирались уходить, дальше продвигаться в город, как юноша решил задать вопрос:

– Зачем ты решил за него вступиться? – отстранённо поинтересовался Азариэль. – Мы могли бы получить серьёзные проблемы.

– Я понимаю, брат, понимаю, что мы могли сорвать выполнение задания.

– Но?

– Мне как-никак лучше знать, что чувствует нищий, когда над ним глумится стража. Поверь, Азариэль, – подавленно вымолвил рыцарь, сравнившись взглядом мрачной невзрачностью с грозовыми небесами и предвосхищая вопрос, продолжил речь, пропитанную горечью. – Мне самому пришлось всё детство провести на улицах Виндхельма, пока меня не забрали рыцари Ордена.

– Почему?

– Мы всегда были бедной семьёй, – полилась горечь из слов Ремиила, и доселе невозмутимый рыцарь в глазах Азариэля сделался «живым», отчего юноша несколько подивился. – Нам не хватало еды, не было денег на дрова, а поэтому в доме стоял дикий холод. Моих родителей посадили в тюрьму за кражу... ведь это смертельное, непростительное преступление – своровать еду из таверны, – сошёл на зловредную иронию Ремиил.

– А ты?

– Я? Наш «милосердый и гуманный» суд выкинул меня на улицы, конфисковав дом. Ох, сколько же издевательств местных стражников пришлось вытерпеть. Да, были и нормальные мужики, но каких-то хотелось утопить в канализации.

– Да, – Азариэль исполнился удивления. – Даже не знаю, что сказать.

– Ты, наверное, думаешь...

– Ремиил, всё в порядке, – оборвал Азариэль мужчину, оглянувшись на огромные ворота города. – Просто в следующий раз будь сдержаннее, а то нас повяжут.

– Постараюсь.

Двое устранились от разговоров о прошлом и перевели взгляд на человека, который шагает впереди. Вроде бы, такой же доспех, что и у остальных стражников, только голова скрыта под цельнометаллическим стальным шлемом, явно отдающим суровостью работы северян. Уверенным раз-

машистым шагом он направляется к воротам и Азариэлю только и остаётся наблюдать, как в пелене дождя к ним идёт стражник.

– Вы – Капитан Стражи?

– А кто спрашивает? – неприветливо и хрипло кроет вопросом человек, чьи черты лица грубы и отталкивающе.

– Представители следствия, назначенные от Имперского Суда, – в ладони Азариэля появилась бумага, протянутая стражнику, который её схватил и тут же развернул, вчитываясь и смотря на подписи судьи и печати, а юноша продолжил. – Нужно, чтобы вы ответили на пару вопросов.

– Ну, допустим это я, граждане, – неприветливо раскрыл свой статус Капитан. – Что вы хотели?

– Нам нужна информация о вновь прибывших странниках. Кто-нибудь мог быть из Брумы?

– О новых брумчанах, граждане? Я ничего не слышал, разве что недавно работать сюда приезжал Астейр. Он вроде как с севера, похож был, да и татуировка у него была северная.

– Какая и где? – прозвучали взволновано вопросы от Азариэля. – Это орёл?

– Нет. На груди – волчья голова.

– Зрасса, – выругался Ремиил. – Не то.

– Вы можете найти Архама. Он по долгу дела может знать, кто идёт с севера.

– Кого?

– Это наш местный охотник. Он часто встречает путников

с севера. Из Рифта и Брумы как раз.

– А с кем он мог общаться? – спросил Азариэль. – Наиболее плотно.

– Без понятия, граждане.

– Капитан, – осторожно обратился юноша. – У нас есть вопрос касательно сепаратных или культистских организаций. У вас есть подобное.

– Эта информация – строго конфиденциально. Государственная тайна, если говорить правильнее.

– Мы наделены правом доступа, Капитан, – надавил Ремиил. – Мы осуществляем правосудие императора.

– Не могу.

– А если мы доложим графу о противодействии расследования представителей имперского следствия?

– Хорошо, – сдержанно скрепя зубами пошёл на попятную Капитан. – Недавно мы стали обнаруживать тела. Раздетые. Они разложены были, странно. Возле какого-то куска камня шесть тел.

– Политические мотивы?

– Да, пара записок была явно адресована нам. В них так и говорилось – придёт век самобытной свободы и Чейдинхол создаст своё государство.

– Ну, вот и чудно, – позволил себе иронию Ремиил. – Не совсем продажный.

Холодный выдержанный взгляд главы местной стражи остался таким же непреступным, а вот сжатые губы слабо

дёрнулись в эфемерной усмешке:

– Может кто-нибудь в будущем и станет продажной сволочью, но только не я. Не сейчас. При мне пост Капитана Стражи Чейдинхола запятнан не будет. – И тут же рука стражника вытянулась в указательном жесте, показав на мужчину в меховой броне, который идёт подле стены от юга к воротам. – Да, кстати, вот он – Архам!

В тот момент как раздалось громкое воззвание, а отзвук имени достиг зубцов стен и шпилей башни, Азариэль понял, что ошибкой было кричать Капитану имя человека. Имперец тут же крутанулся и рванул, что есть мочи, слегка поскользнувшись на траве. Азариэль что было сил, сорвался с места, помчавшись вперёд, гневно выкрикнув:

– Проклятье!

Адреналин ударил в мышцы, сердце забилося быстрее, и взгляд усилился, концентрируясь на цели. Азариэль со всех ног погнался за низкорослым человеком, пролетая мимо городской стены и сиганув в небольшой переулок. Поднажав, молодой эльф выдавил из себя все силы и пронёсся подобно ветру мимо изгородей серого камня и в один момент оказался на пороге небольшого заднего дворика, поросшего изумрудным ковром, сдавленного высокими строениями.

– Стой поскуда!

– Ща!

Азариэль знает, что не догонит его, чувствует это и видит, что ещё немного, и охотник прошмыгнёт меж зданий,

пока юноша ещё не добежал до колодца. Взревев от возможности поражения, от неприязненного чувства, вскипятившего кровь, альтмер грубым движением сорвал свиток с пояса и направил высвобожденную энергию в охотника. Копьё, окутанное танцующим вихрем ледяных частиц, с сумасшедшей скоростью разрезало пространство и голодно впилося в плоть цели – кончик подался ровно под коленом, окропив мокрую зелень тёплой кровью. Ладонь человека сжалась на выкованной в горнилах магии ледышке, а горло издало дикий вопль:

– А-а-а-а! – взревел Архам и попятился назад, едва не падая, но Азариэль схватил его за грубый капюшон и опрокинул на землю, после чего вторая рука сверкнула увенчанной в ней стальным блеском у тетивы лука, который тут же превратился в гибкую палку, спав со спины.

Азариэль потащил Архама к колодцу, от которого он недалеко убежал и, уложив раненного человека на проржавевшую решётку, юноша хорошо поставленным ударом рассёк бровь охотнику, после чего единым движением сжал ладонь у него на поясе и вырвал с нитей ножны с охотничьим ножом, что тут же отлетел на траву.

– А-а-а! Что тебе нужно!? – возопил бледнокожий человек, на котором шматами липкой ткани и шкур повисли бурые куски меховой брони, грубо сшитые меж собой, отчего парень больше напоминает нищего, нежели охотника.

– Давай поговорим, – спокойно заговорил Азариэль, ма-

рая руки в крови, вынимая ледяной шип и мгновенно прикладывая к ране тепло исцеляющего свитка, который мгновенной из бумаг превратился в животворящую энергию, заставившую плоть расти с сумасшедшей скоростью, а раны затягиваться, будто их и не было.

– Чего тебе надобно от меня, скамп? – охотник явно недоволен и Азариэль, дабы себя обезопасить, лягнул имперским клинком у бедра и упёр лезвие в шею, надавив на кожу.

Широкие глаза охотника, переливающиеся яшмой, сверкнули ярким страхом, гладкие губы сжались от страха, а щетинистое квадратное лицо побледнело от ужаса скорой смерти.

– Я хочу просто поговорить, – клинок Азариэля только сильнее надавил на шею и, кажется – ещё немного и сталь рассечёт тонкую плоть. – О жителях севера.

– Я не знаю никого! Отпусти меня!

Вопли охотника прервали шорохи, создаваемые касанием мокрой кожи о траву и в повороте головы юноша смог узреть высокую приближающуюся фигуру нордлинга.

– Ты где был? – на недовольство Азариэля, Ремиил с холодным спокойствием ответил:

– Кто-то же должен был получить письменные объяснения от Капитана Стражи? Или что мы к протоколу бы приложили?

– Ладно, помоги мне. Тут не хочет колотиться один.

– Азариэль, остынь. Нам его нужно доставить к Капита-

ну, чтобы провести допрос со всеми формальностями и по закону.

– Ой, сейчас соблюдать всю эту формальщину! – повёл лицом юноша, добавив. – Потом всё сделаем в рамках протокола. Обещаю. Сейчас я хочу от него получить информацию.

– Азариэль, – более грузно и глубоко зазвучала речь Ремиила, и юноша ощутил, как ему на плечо улеглась ладонь друга. – Это не мелкий торгош, который укрыл налоги. Мы ведём дело высшего статуса, и мы не можем допустить опрометчивости, иначе нас ждут последствия.

– Какие?! – безвыходно выпалил юноша, ещё сильнее уперев клинок в шею. – Что нам будет? А тем временем враг нас опережает. Это тот враг Ремиил, который готов тебя убить! Тот враг, который забрал у нашего Ордена душу! И ты будешь его щадить!? – образ лика юноши исказился от бессильной злобы и Ремиил знает, что зло на зло ничего хорошего не даст.

– Друг мой, если мы допустим ошибку, если позволим себе быть слабыми, то тот самый враг уйдёт. Ты – рыцарь Ордена, так что будь благоразумен. Сделаем всё по правилам, по закону, сможем заручиться поддержкой Империи.

– Я, просто, хочу, знать, что, он...

– Азариэль, – поднажал Ремиил, оборвав юношу. – Ты и сам понимаешь, что ищешь не справедливости, но мести. Соберись и подави в себе все жестокосердные позывы, ибо это посулы тёмных принцев. Азариэль, если сейчас проявим

слабость – погубим и Орден и Тамриэль.

– Хорошо! – парень отпрянул от человека, подняв отброшенный нож Архама, с мучительным ожиданием готовясь услышать слова Ремиила, который вконец оборвали его Вендетту, перекрывшую долг и клятвы Ордену.

– Стража! Стража!

Через полминуты задний двор многих зданий наполнился воинами в кольчужной броне, покрытой накидками тёмно-оливкового цвета, взявшими под руки охотника. Азариэль и Ремиил направились вместе со стражей в сторону высокого дворца, устремлённого башнями и шпилями в поднебесье, увенчанные гордо реющими стягами города. Подавив мысли и чувства Азариэль сопровождал Архама, вместе со стражей, храня молчание. Обида, смешанная с соромом, поглотила юношу, и он углубился в самопоедание, пытаясь найти причины ярости и стыда. Он лично был готов прибить охотника только по одному подозрению в участии богопротивному ритуале, но всё же причина ярости лежит куда глубже. Азариэль стыдливо сознал, что ради мести, ради воздаяния за потерянную дружбу был готов пролить кровь человека и послать всё следствие куда подальше, отчего его сердце сейчас подъедает червь терзаний совести.

Через пару десятков минут ходьбы сквозь величественный город вся группа оказалась в подземельях дворца и поразительные виды города, укутанного в пелену лёгкой печали, сменились на холод угрюмого подземелья, где не идёт до-

жда и горят огни, но от этого теплее не становится.

В маленькой комнате, где пляшут тени, а мрак продолжает лежать не отбрасываемой тенью и только у круглого стола зиждется свет трёх свечей, собрались четыре фигуры, погружённые в таинственный полумрак.

– Вы привели его сюда для допроса? – прозвучал вопрос от стражника, нависшим над столом, речью грубой и холодной, как и камеры, смотря на человека, который в наручниках сидит на кровати перед ним. – Основания можно?

– Нам его назвал ваш Капитан Стражи, – заговорил Ремиил, не выходя из полусумрака камеры, оставаясь где-то у стены, скрывая своё лицо в плаще тени. – Да и мы как-никак следствие ведём.

– Доказательства? – потребовал стражник, стукнув пером по бумаге, расчертив край чёрной линией. – Мне нужны основания для проведения допроса.

Ремиил лишь бессильно пожал плечами и сказал:

– Проведение расследования – вот основания.

– Подождите, – ввязался Азариэль и вплотную подошёл вплотную к столу, позволив окунуться в слабый свет трёх свечей, отчего черты его золотистого лица сделались хмурыми и зловещими. – Вот! – юноша кинул на стол нож охотника и кожаный мешочек, откуда выпал кусочек ржавой стали, полностью совпадающий с тем, чем должно было быть острием оружия Архама.

– И? – буркнул стражник. – Что это мне должно сказать?

– Мы нашли фрагмент металла на месте массового жертвоприношения. Если хотите подтверждения, можете обратиться к нашему протоколу.

– Хорошо. Начнём допрос, – всё так же без эмоционально заговорил страж, обращаясь к заключённому. – Сейчас будет проведён ваш личный допрос, зафиксированный в Записях Допроса.

В ответ лишь молчание от человека, ни возмущений, ни протестов, не криков обречённости, отчего слышно лишь как стучит металл сапог стражников о каменные полы темницы на пару со стонами десятков преступников, ледящих душу воями безнадёги.

– Вас зовут Архам Максима?

– Да, – брякнув цепями наручников, прозвучал ответ.

– Вы знаете, за что задержаны?

Помедлив пару секунд, Архам не стал отпираться, и съёжено ответил:

– Да.

– Что вы можете пояснить по данному факту:

– Я... я, я не желал их смерти, – прозвучали слова, исполненные потерянною и безнадёжным оправданием. – Я был под дурманом. Последнее, что я помню, как цепляюсь ножом за дверь, чтобы выйти.

– По порядку, гражданин.

– Мне зачтётся это? Ну, то, что я с вами свободно говорю?

– Да, – чуть помедлив, с каменным лицом отвечает страж-

ник.

– Луну назад в окрестностях города объявился какой-то чудной человек.

– Как он выглядел?

– На нём висели какие-то странные доспехи. Цельные. И да – на них было потёрто солнце. На нагруднике. Его пытались вывести.

Услышав это, Азариэль поймал веяние уныния. Судя по описанию, это явно был предатель из Ордена, организовавший ритуальное убийство, а значит, их уже не спасти. Помыслив об этом, парень выбросил мысль, переведя всё сознание на допрос.

– Мужчина или женщина? А по расе?

– Очень высокий бретонец. Мужчина. У него округлое лицо и родимое пятно в виде звезды.

– Рыцарь Андерсон, – помявшись, вымолвил Ремиил. – Что ж, теперь мы знаем, что это акция люциитов.

– Он сказал, что он из Ордена!? – прильнул к столу Азариэль, угрожающе нависнув над охотником, отчего тот поёжился.

– Не мешайте!

– Да. Он говорил, что несёт своду от морали и Империи. Говорил, что создание этих, мать их за ногу, культов, поможет распространить великое учение освобождения.

– Как вы с ним познакомились? – бесстрастно продолжает страж.

– Я его встретил, когда он блуждал около города. А потом он поведал мне, что желает заняться делом. Так я ему и сказал, чтобы он искал работу, а он мне – «хочу помочь жителям города быть свободными» и подсобил меня на создание культа.

– Скажите, культ ещё будет собираться?

– Да, у них сегодня в ночь должно быть собрание. К северу от города.

– Вот и прекрасно, – записав слова охотника и ударив ладонью по столу, чуть повысил голос стражник. – Что ж, теперь этим займётся стража Чейдинхола.

– Эй! – напомнил о себе Ремиил, ступая вперёд и скидывая мрак тени. – Этим занимаемся мы!

В ответ лишь холодная речь воителя, без эмоций, угрозы или самодовольства, лишь серый официоз:

– Из допроса ясно, что это попытка свержения власти графа чейдинхольского, выступление против порядка управления в этом графстве, а значит, дело переходит под юрисдикцию городской стражи. И не путайтесь у нас под ногами.

Двое отстранились, выдав лёгкий поклон, направились к выходу из темниц и по ходу ниспал кроткий вопрос:

– Что мы будем делать, Ремиил?

– Отправимся в таверну, конечно же. Теперь нам нужно всё обдумать и отдохнуть.

Чейдинхол. Глубокий вечер.

Вокруг Азариэля простирается обстановка, где радость с алкоголем льются рекой, а веселье является неотъемлемым аспектом этого места. Таинственная темень в тех местах, куда не проникает тусклый свет свечей и яркогo камина, образует томную обстановку уюта, а будоражащие ароматы еды создают атмосферу чайной радости и потерянного за порогом таверны комфорта.

За небольшим столиком, рассевшись на крепких тёмно-деревянных табуретах, расположились два эльфа, переглядываясь через стебли душистых луговых цветов, поставленных посередине стола, вторящих глазам молодой эльфийки. Одна из фигур – прекрасная девушка, довольно молодая для своей расы, поправляющая багрово-рыжий волос. Её одежда взмокла под дождём, стала темнее, но не золотые узоры на куртке и не внутренний свет прируженных очей, прикованных к собеседнику. Второй же – хмурого вида эльф, на лице которого повисла маска невыразимой печали, усиленная практически зажившим шрамом и бело-седым волосом.

– А ты почему седой? – спросила девушка. – По тебе не скажешь, что ты лет двести бродишь по Тамриэлю.

– Наградили, – медленно ответил юноша. – Один некромаг из рода человеческого.

– Ох, и не повезло же тебе потерять золото волос. Вот что бывает, если повестись с людьми, и ты не мог не знать этого, а это глупость с твоей стороны, – надменно заявила девушка.

– Скажи, почему ты так не любишь людей? – удивился парень. – К чему все эти тирады о людях?

– Как говорила наша великая королева Айренн – людской род слишком молод, им правят страсти, и они губительны. Люди не могут править мудро.

– Айренн, – с усмешкой выдохнул Азариэль, переведя взгляд вглубь таверны. – Гэ’эль, Первый Доминион давно пал, а с ним и все идеи эльфийского превосходства. Да и неужели все твои мотивы сугубо политические?

– Какая разница тебе? – вспыхнула девушка. – Или ты говоришь, что правление людей – достойно?

– Гэ’эль, Война Междуцарствия давно окончена, а вместе с ней миновал и ваш шанс на... вашу власть. Как-никак, но людской император сидит на престоле и управляет всем континентом.

– Очень, очень мудро правит, – прозвучали слова, полные сарказма. – Мятажи, секты, еретики, голод, плодящиеся разбойники на дорогах, да распад вашего Ордена.

– Откуда ты знаешь про Орден? – возмутился парень.

– Ариан поделился. Он хоть и человек, но оказался очень дальновидным, – эльфийка сложила руки на груди. – И знаешь, думаю я права, ибо ваш Люций, подобен отражению всех пороков человеческих, а его безумное стремление к власти, её неистовая жажда – сущность человеческая.

– Мне кажется, что ты единственная из альтмеров, кто так думает, – чуть улыбнулся Азариэль.

– Не только я. И я, и мой друзья и мой брат разделяют эти идеи. Ох, если бы тебе повезло услышать медовые речи Андолемара, ты бы тут же передумал поддерживать людей.

– Ох, кажется мне, если бы была возможность, ты бы радовалась новой войне с людьми.

– Не спорю, – тихо вымолвила девушка, чуть преклонившись к кувшину с цветами. – Да, я чту Войну Междуцарствия, чту за то, что в тот момент мы могли стать истинной властью, могли доказать свою самобытность. За нами – древнее право управления этим миром и людям нечего делать в Тамриэле.

– Тише, Гэ'эль, – забеспокоился Азариэль. – Не охота, что бы тебя взяли под стражу за такие высказывания.

– Будто тебе от этого что-то будет, – тут же губы девушки скосились от лёгкой улыбки. – Или тебе до меня есть дело?

– Гэ'эль, пора успокоиться. Люди силой оружия и могуществом ума доказали своё право на власть всем континентом, а тот, кто их вёл – теперь один из Девяти.

– Он не бог, – лицо девушки скривилось в отвращении. – Это ересь. Однажды, гордая эльфийская раса восстанет против узурпатора и докажет, что она может властвовать, покажет людям, что их вера в Девятого – это ересь.

– Гэ'эль, – на выдохе заговорил парень, скрестив руки на груди. – Я не желаю, чтобы тебя схватили за такие речи, не желаю зла, поэтому давай переведём тему. Да и думаю, что твоя нелюбовь к людям лежит куда глубже, вне банальной

политики.

– Ты больше похож на человека, чем на альтмера, – буркнула девушка. – Эльф с человеческой душой.

– Может и так. А теперь может, что-нибудь расскажешь о себе?

В этот момент Ариан и Ремиил, до этого момента болтавшие с хозяином таверны, развернулись от барной стойки и, шаркая об алый прекрасный ковёр, за пару шагов приблизились к столику, за которым расселись Азариэль и Гэ'эль. Они дотянули две табуретки и присоединились к разговорам, обременив стол четырьмя железными кружками, в которых игриво пенится скайримский эль.

– Ну, так расскажешь? – тихо заговорил Ариан. – Интересно знать, с кем работаешь.

– Хорошо, – согласилась девушка, приложившись утончёнными губами к железу и пьянящему напитку. – Родилась на архипелаге, в Алиноре, но потом с родителями переехала в Имперский Город. Вот и всё детство, о котором я сочту нужным вам рассказать.

– А кем же ты работаешь, что тебя Имперский Суд приставил к следствию? – спросил Ремиил, потягивая эль.

– Чародей при Имперском Легионе по делам, связанными с магической преступностью. Меня выдернули из пекла другого расследования, чтобы помочь вам.

– И чем же ты занимаешься при Легионе? – спросил Азариэль.

– Всё, что связано с преступлениями, в которых использовалась магия. Убийства, кражи, грабежи, нападения – везде, где есть магический след не обойтись без моих знаний.

– И чем ты занималась до нашего дела?

– Нападение на отряд Легиона возле столицы. Там был очень хороший след – кучное положение ожогов на броне и повозках. По всему видимому это были умелые маги, годами использовавшие магию, а значит нить, так или иначе ведёт к беглецам из Гильдии Магов.

Дверь таверны распахнулась и вместе с дождливой прохладой в помещение зашли и три новых посетителя. Один в балахоне, другой в чёрном кожаном камзоле, а не третьем человеке, с тростью, повисло взмокшее пальто. Развернувшись вправо, они неспешным шагом направились к столикам и, подтащив новые табуретки, сели рядом со всеми за столом.

– Вот вы где? – раздался бодрый голос Александэра. – Ну, что узнали?

– Граф выдал нам разрешение на проведение расследования в графстве, – Ариан положил на стол бумагу, отмеченную графской печатью. – Жалко, что Решение потеряло силу, и мы ограничены в полномочиях только одним графством.

– Нам с Ремиилом удалось выяснить, что сегодня к северу от города будет ещё один ритуал, – заговорил Азариэль, допив эль, с недовольством завершая. – Но там будет стража

города. Они хотят перехватить это дело у нас.

– Всё в порядке. Знаешь, их помощь нам даже не помешает, – сказал Александэр.

– А что у вас по вскрытию?

– Удалось разве что установить причину смерти. Храмовый жрец сказал, что из них высосали жизнь, выбили душу.

– У них сильный медиум-заклинатель, – заговорила Гэ'эль. – Знаю, в эту ночь они попытаются вызывать какую-нибудь тварь из Обливиона.

– Нужно им помешать, – забасил Ремиил. – Иначе они вновь совершат убийство.

– Антон.

– Да, господин?

– Отправляйся к начальнику стражи с графским разрешением. Нам нужно будет собраться у западных ворот и вместе выдвигаться к месту.

– Хорошо, – кинул бретонец и мигом выбежал на улицу.

– Что у нас есть сейчас, – вдумчиво заговорил Александэр, прикоснувшись к щетине. – Шесть трупов, ритуально убитых магией, и впереди ещё один ритуал. Нужно идти на задержание даэдропоклонников.

– Это будет хорошо, – сказал Азариэль, с радостью готовый схлестнуться с мятежниками.

– Работаем! – громогласно сказал Александэр и поднялся с табурета.

Вся группа последовала за ним и как можно быстрее, ми-

нуя городские просторы, вышла за западные ворота, где их ждал весьма интересный «подарок». Там, у громадных стен в свете множества факелов, разгоняющих сгущающийся ночной мрак, собрались все, кто мог. Удивлённый взгляд юноши уловил и четырёх воителей из Имперского Легиона в невзрачном доспехе, медленно переходя на насыщенно-синие одеяния Гильдии Магов.

– Та-ак, а что тут происходит? – разразился вопросом Александэр.

Но больше всего его удивляет не стража, легионеры или маги, а пара странных солдат, на которых удивительные доспехи – торс идёт пластинами, лежащими внахлёт, а со шлема сползает позолоченный дракон, защищая нос. На бедрах покоятся странные изогнутые длинные клинки, и не мечи и не сабли, спрятанные в ножнах цвета ночи.

– Вы следственная группа, назначенная Имперским Судом? – отчётливо спросил один из удивительных воинов.

– Да.

– Срок ваших полномочий истёк.

В ответ Ариан протянул бумагу, получившую силу от графской печати, его росписью и слов воли, наделивших группу новыми полномочиями.

– У нас есть право на территории графства.

– Так или иначе, теперь это не в вашей компетенции. Расследование дел, связанных с угрозой империи и императору – юрисдикция Клинков, коими мы и являемся.

– Нападение на Имперский Легион это дело Легиона! – вперёд подался воин, в котором Азариэль узнал Аббаса. – Сектанты атаковали наш патруль.

– Всё, что происходит на территории графства – дело Графа и его стражи! – на этот раз слова донеслись от стража, проводившего допрос.

– Там есть наш маг, который присягнул на службу культуре. Бывшими учениками занимается Гильдия. – Теперь слово взял и маг.

В уме Азариэля возник мучительный вопрос – кто займётся теперь этим делом? Переведя взгляд на Клинка, юноша смог разглядеть в его карих очах неприязнь ситуацией, которая моментально дала о себе знать, излившись в крепкий повышенный голос:

– Заткнулись все! По нашим данным этот культ – осколок ордена Чёрной Ложи, который в своё время откололся от Ордена Святого Магнуса. У меня информация, что они готовят восстание против Империи, а это уже наше дело, – помолчав пару секунд, он снисходительно продолжим. – Что ж и для вас найдётся работа. Нам нужна будет поддержка при атаке.

Никто не стал перечить, никто не посмел что-либо сказать против Клинку, который может прямо на месте распорядиться отправить в тюрьму или на плаху любого, кто посмеет акт неповиновения.

Отряд направился на север, в леса, раскинувшийся до самого озера Аррус, в поисках культа, который обнаружил се-

бя довольно быстро.

В лесу, среди высоких стволов деревьев мелькают фигуры, пляшущие возле огромного костра, озарившего местность подобно маленькому солнцу. Несмотря на идущий дождь, несмотря на влагу и мокроту – пламя мистически ярко горит, будто исторгается из самого Облвиона. Возле кострища устроены палатки и самодельные хижины, готовые расти дальше, вбирая в себя всё больше сторонников тёмных сил.

Пробежавшись быстро сквозь деревья взглядом, Азариэль насчитал не менее тридцати культистов, облачённых в лиловые робы, среди которых возвышается фигура чародея в чёрно-синем балахоне и грузные образы тёмного рыцаря.

– Ну, как заходить будем? – спросил Азариэль.

Клинок остановил отряд одним движением руки и напряжённым голосом отдал приказ:

– Готовьте луки и магию. Поразим их на расстоянии.

– Что по направлениям атаки?

– Маги пусть идут с правого фланга, – шепотливо ответил рыцарь-брат, тихо обнажая катану. – Legionеры слева. Всем готовность – пять минут.

Азариэль стал медленно продвигаться вперёд, на встречу культистам, собравшимся для ритуала под громоздкими сводами леса. За шумом леса и воплей еретиков раздавалось лёгкое шуршание его плаща о растения, характерный кожаный звук, который мог привлечь ненужно внимание.

Пробравшись под покровом ночи и леса по земле, в по-

луприяд, он приблизился к месту проведения ритуала. Он не видел ничего, и это было хорошо, поскольку остальные воины его отделения были здесь же, в считанных метрах от предателей.

Мягкое шуршание позади, оповестило его о приближении той, кто поможет дальше, и только заприметив оттенок рыжего, парень сеновал наострил взгляд на предателей. Азариэль в последний раз мотнул головой по сторонам, удостоверившись, что никто его не увидит и свет не падает на его одежду. Он покрылся сумраком, таким привычным для ночного леса, ставим идеальным места для охоты.

Шаг за шагом, Азариэль и все остальные сжимали кольцо возле позиции культа, входя всё глубже и глубже, ступая в тени подлеска. И как только все оказались на удобных позициях, по лесу прокатился громогласный приказ:

– В атаку!

– В бой! – вторит Аббас.

С руки юноши сорвалась магия, заточённая секундой ранее в бумаге, и стрелой электричества прожгла тело и одежду на еретике. За Азариэлем пронеслись снопы огненных шаров, объяввших пламенем тела врагов, срывающиеся диким рёвом в пальцев девушки.

Вопли и растерянные крики достигли крон леса, охватив толпы культистов паникой. Их тела горят до хруста и пронзаются ледяными иглами, появившимися из зловещей тёмной пустоты, уподобившись гневу духов дикого леса, отчего

воздух стал тошнотворно-пьянящим от железных ароматов крови и терпких запахов горелой плоти.

С той стороны, куда побежали еретики, их накрыл стальной дождь – стража и легионеры окатили залповым огнём культистов, только они попытались убежать. Никому нет спасения – маги и воины истребляют всех без жалости, окропляя землю свежей кровью.

– Наступаем!

Клинок рванул вперёд и в свете костра блеснула серебряная лента катаны, со свистом разрезавшая плоть врага. Слуга императора не воюет, а танцует с оружием – каждый его выпад и удар наполнены таким изяществом и великолепием, что бой с мечом просто завораживает.

Мятежный рыцарь в закопчённых доспехах не стал мирно ждать смерти. Издав дикий рык он бросился на Клинка, когда подручные иссякли. Широкий двуручный меч рассёк ствол маленького деревца, но удивительного доспеха не задел. Воин императора сделал выпад, но катана, не пробив толстой брони, выбив сноп искр там, где раньше было солнце, а мятежник одним ударом едва не перерубил руку Клинку и тот отпрыгнул в сторону.

– Сдайся на милость императору! – выкрикнул Клинок, обведя дугой острием катаны подлесок из которого выходит воинство. – Тебе не победить.

– К чёрту Королей и Императоров! – взревел воитель, показав латной перчаткой на трупы. – Вы убили этих после-

дователей свободы, так будут новые! Вам не сломить великий дух свободы этого города! Мы продолжим дело Виктории Гирьен, и ей ещё будут стоять памятники!

С рук Азариэля сорвалось ревущее пламя, предвосхищая дальнейшие попытки безумного рыцаря сражаться дальше. Огонь, жаркий как пламя ада, окатил рыцаря-предателя, а его сила такова, что ноги не удержали воина, и он рухнул на землю. С дикими воплями, изжарившись у себя в доспехе, выкрасившимися в чёрные погребальные цвета сажи, рыцарь пал.

Все собрались возле последнего живого врага и под светом костра заплясали десятки теней, отразив на земле толпу.

– Всё кончено, – бросил легионер. – Расследование завершено.

– Не совсем, – Клинок потянулся к шлему и сорвал его, являя на обозрение обожжённое изуродованное лицо, лишённое волос и бровей. – Ты нам всё расскажешь, иначе твои мучения продлятся вечность.

– Андерсон, – тяжело заговорил Ремиил, не теряя силы голоса. – Что же с тобой стало?

– Я, обрёл... свободу, брат, – на издыхании твердит погорелый воин. – Я свободен.

Из леса хромой походкой в сопровождении катжиты, отбрасывая вуаль ночи, появился Александэр. Опираясь на трость, он медленно подобрался ко всем, аккуратно обступая хаотично разбросанные тела.

– Что ж, – с ходу начал работу следователь. – Начнём допрос. Где был наш протокол?

– Ваше расследование окончено. – Раздалась угрожающая речь Клинка. – Сдайте всё, и свободны.

– Да как-то? – возмутился Александэр. – Это вроде ещё наше расследование.

– Теперь это дело наше, Клинков. А от вас я требую передать все собранные материалы нам, да молчать о том, что сегодня произошло.

Спорить со слугой императора, на которого возложены колоссальные полномочия? Это чистой воды – безумие, а поэтому все подчинились и поспешили отдать всё, что осталось со следствия и покинуть лес, забыв этот день как что-то чёрное и малоприятное. Александэр распорядился, что всё что имеет отношение к сегодня – камень с памятью, протокол и объяснение, записи допроса и прочее были отданы Клинкам и Азариэль чувствует, мысленно радуясь, что этот день выпадет из жизни города, уйдя в забвение.

– Прощай Гэ’эль, – обратился Азариэль к эльфийке, прежде чем та прокинула лес.

– Прощай Азариэль, – холодно ответила девушка, добавив. – Надеюсь, при следующей нашей встрече ты будешь мало похож на человека.

У костра остались только Клинки, умирающий рыцарь и представители Ордена. Уставшие от сегодняшних событий, загнанные, но готовые добиться правды они обращаются к

мятежнику.

– Свобода, и только она. Сангвин и Дагон... наши владыки! – становится дерзкий ответ на вопросы Клинка.

– Он явно невменяем, кто с ним будет говорить?

Ремиил сделал неуверенный шаг вперёд, склонившись над поверженным рыцарем. Он тяжело выдохнул и заглянул в опалённые глаза бывшего друга, прежде чем начать говорить и исторгнуть непередаваемую скорбь:

– Андерсон, брат, за что ты предал нас?

– За, свободу! – грудь мятежника тяжело вздымается, а в голосе дрожит ощущение скорой смерти, уже идущей за падшим рыцарем.

– А неофиты? – ввязался Азариэль. – Где они и что с ними?

– Неофиты, – сплюнул воин и подпёр локти. – Они теперь – рабы свободы и повелители рабства плоти.

– Прошу тебя, Андерсон, во имя нашей прежней дружбы, расскажи, что планирует Люций.

– Между тиранами и свободолюбцами не может быть братства! – воскликнул Андерсон, став более жадно поглощать воздух. – А-х, ещё немного и свобода примет меня.

Ремиил схватился за наплечники, измарывая плацы сажей, и силой тряхнул безумца, сквозь лязг доспеха яростно вскричав:

– Да сделай хоть что-то хорошее напоследок, идиот несчастный! Брат, помоги нам, прошу! – Ремиил мгновенно

сменил гнев на милость, склонив голову к груди опального рыцаря, заговорив глубоко и тихо. – Брат, я тебя ни в чём не виню, если что бы, ты... прости меня и знай, я на тебя зла не держу. Меня ведёт долг, который должен быть исполнен. Прошу тебя, помоги.

На мгновение безумие в глазах Андерсона исчезло, уступив осколкам здравомыслия, и голубые зеницы с потерянной жалостью и тенью раскаяния взглянули на Ремиила, а сквозь тяжёлое дыхание послышалось:

– Готовьтесь, свобода грядет. Скоро, совсем скоро, через неделю к вам явится войска освобождения и положат начало славному походу на Тамриэль. А я... моя задача проповеди окончена. Да смилуются надо мной Сангвин и Даг-он, – и договорив на последнем издыхании, Андерсон обмяк, испустил дух, уставив посмертный взгляд в глаза бывшего друга, который взмахом руки скрыл его взор, опустив веки, отпуская томный шёпот:

– Покойся с миром, брат, да помилуют тя боги.

– Это как сказать, – стал потирать руки Клинок. – Нам нужны сведения насчёт их деятельности. Такова наша миссия – обеспечить безопасность Империи и императору.

– И что вы будите делать? – обеспокоился Ремиил.

– У нас говорят даже мёртвые... и Гильдия Магов об этом необязательно знать, – загадочно ответил Клинок.

Глава 23. Упреждающий удар

Спустя два дня. Морровинд. Молаг Амур.

Небеса над головой молодого эльфа покрыты тоннами серого пепла, отравляющими воздух, от которого хочется сорваться на кашель. Тело укрывает плотный чёрный доспех из кожи, усиленный пластинами эбонита, под которым тканевая рубаха, но даже они не спасают от множества песчинок вездесущего пепла. Стоит поднять голову выше и становится видно, как впереди, небесная твердь подпирается ужающей горой, увенчанной короной из труб пепельного дыма, смрадной дланью, заставшей половину Вварденфелла. На самом конце горы маячит венец огненного буйства, готовый в любой момент излиться реками лавы по высоким склонам.

Азариэль погрузился в воспоминания и понял, что уже много времени прошло, когда в последний раз он поднимал меч против врага, не связанными сгнившими братскими узамми. Для воина это мучительное бремя, но он не падает в глубины личной бездны, не даёт поглотить себя слабости, вместо этого направляя все умения на убийство бывших братьев и сестёр.

И в эту мрачную гористо-изрезанную пепельную пустошь его привёл убийственный долг, важный приказ, отданный в

надежде остановить заразу, которую несут предатели. Для Азариэля, Молаг Амур – гористая местность, угольно-чёрная земля похожая на пепельно-серую картину, нарисованную в тенях художниками самого разрушения. В ней он видит возможность смертельного искупления для отступников и невыносимый зов проклятья для себя.

С безумно построенной, разветвлённой крыши храма, посвящённого тёмным, силам он наблюдает за процессией внизу. Неизвестно даже имени строения, на которое он под покровом плаща неведомости и заклинаний телепортационной левитации забрался. Нет того, что отзывалось бы зловещим воем в пепельных бурях, а это к лучшему. Чем меньше публики будут знать о том, что твориться в тени Тамриэля, тем славнее.

Тем временем к строению – ступенчатому невысокому храму, выполненному из малиново-багровых плит, уходящим под небольшой подгорок, приближается издали делегация. Азариэль зачерпнул ладонью горсть пепла, смотря за тем, как он утекает сквозь пальцы, пока на перчатке не осталось пара зубов скальных наездников. Юноша горестно вздохнул, мрачно кивая тому, чему предназначено свершиться. Кончики его пальцев касаются кожи и отбрасывают покров капюшона и, давая ветру подхватить серебристые локоны. Он стал готовиться к неизбежному.

Эта война, устроенная подальше от глаз всего мира, не несёт ничего хорошего. Его сегодняшние враги – вчерашние

друзья, души которых требуют избавления. Они несут с собой не свет прогресса и свободы, а настоящее сумасшествие. Окунуть Тамриэль в голодные объятия тёмных сил, называя это свободой, что есть безумнее?

В тот момент, когда Люций ступил на чёрный путь, то Азариэль думал, даже надеялся, что всё решиться само собой, что мятежники не станут идти войной против Ордена. Каким же он был наивным, ибо отмеченные печатью опасных даэдра способны только разрушать и нести зло.

В предчувствии скорой битвы Азариэль касается лица, чувствуя, как по перчатке шерстит щетина. Он чувствует, что его золотистое лицо сейчас бледно и осунулось, как у вампира, а нефритовые глаза вспыхнули углями печали. Но понимает, что его вид – отражение душевной опустошённости, глубокой отстранённости, необходимой для этого задания.

Ладонь сжимается на чёрной рукояти одноручного клинка и с тихим звоном сталь метровой фалькаты ощутила едкий воздух здешних мест. Впереди, на небольшой, словно специально подготовленной местности, чистой от камней, подле небольшого храма, собираются враги. Троих Азариэль знает, по крайней мере узнаёт знакомые очертания брони неофитов – кожаный панцирь, скрывающий почерневшую рубашку, цельные поножи и сапоги, украшенные зловещими сигилами – даэдрическими символами смертоубийства. Их руки отягощают арбалеты, а на бедре повисли короткие ме-

чи.

– Что за чертовщина? – спросил Азариэль, когда увидел, что к его бывшим друзьям приближается, устремив взгляд чуть дальше.

Там, впереди, в окружении двух существ, чья тёмная кожа скованна тонким панцирем пепла, по воздуху словно плывёт уродливое существо. Азариэль подмечает походку существа, сокрытую за полотнами роскошной ткани и приходит к выводу – оно не идёт, а реально левитирует в паре сантиметров над землёй. Навострив взгляд, юноша разглядел одеяния этого странного монстра – широкие тёмно-фиолетовые рукава скрыли мрачно-синие худощавые руки твари; над тем, что имеет очертания головы, развиваются ткани огромного капюшона, который утягивает орарь – пурпурная лента, висящая за головой и спускающаяся через плечи на тело и к земле, украшенная золотыми символами похожих на жука шалка.

– Какой же ты урод, – сплюнул Азариэль, когда смог разглядеть лицо твари, с подавленным ужасом взирая на серую морду, от которой тянутся четыре хоботка, а посередине выступает длинный крепкий хобот, на котором различимы то ли пятна, то ли дыры.

Подавив всё омерзение, Азариэль выпрямляется, крепче сжимая клинок. Другая ладонь обращена к телу, позволяя бумаге свитка раствориться в неестественном свечении и превратиться в неестественный панцирь. Время пришло и Азариэль вспомнил молитву, которую вчера прочёл в книге

о том времени, когда их Орден был под Алессианскими догматами:

– Храни нас Единый, Творец всего сущего,
Я признаю изъяны и слабости своя.
Дай мне сил нести божественный закон,
И смилуйся над отступниками.

Азариэль отдал молитву неизвестному для него Богу, подсознательно полагая, что это поможет, и выпросил для бывших братьев милость, и как только последнее слово ниспало с его уст, он прыгнул. Он летел без звука, заторможенный магией, падал, будто мстительный призрак с почерневшего неба.

Рыцарь пал на землю, оказавшись в тени двухступенчатого покошенного храма, оказавшись прямо у первой ступени лестницы, что ведёт к главному входу. Ни боевого клича, не праздного девиза, ни даже злобного рыка, рождённого из гнева сердца. Его задание – остановить люциитов прежде чем они смогут заключить страшный союз с полчищами Ура, а поэтому он исполнить миссию без страха и колебаний.

В один прыжок Азариэль подобрался к врагу и раскрыл себя одним выверенным ударом в спину – острие фалькты рассекло рёбра, и пронзило чёрное сердце человека. Хрип и стенания раздалось страшным воем смерти, но сожалений не наступило. Азариэль схватил человека, закрывшись им от шквала болтов, и перешёл в наступление. Он наступал до тех пор, пока монстр не сотряс пространство раскатом нереаль-

ного грома и альтмер швырнул тело вперёд, ощутив, как тут же его окатила волна крови и кусков брони.

Отбросив «щит», Азариэль горизонтальной дугой перед собой рассёк шею отступнику, моментально перехватив его и закрывшим им как щитом, пока его тело рассекали ледяные копья, шквалом летящие от пепельного монстра. Отшвырнув тело Азариэль увидел, как последний предатель-неофит отступает, выкидывая заряженный арбалет и опустив руку к клинку.

Но парень отвлёкся, когда почувствовал, что его тело покрылось сетью укулов и щиплющим веянием, а на языке появился электрический привкус. Разряды искр ударили по юноше, спускаемые с тёмных конечностей рабов пепла, заставив его покачнуться и пасть на колено.

Парень мгновенно поднялся и отпрыгнул, не дав шаровой молнии разбить его плоть. Азариэль понимает, что перед ним – грозные враги, но он должен быть лучше. Это его миссия, святой долг и понимание света, который он несёт, предало ему сил. Он должен сражаться дальше, чтобы «завтра» наступило не омрачённой возрастающей холодной голодной тьмой. Он должен быть лучше противника и это не гордыня. Истина предала ему сил, когда он выступил против предателей. Азариэль с теплотой в сердце понял, что рождён для этого подобно тому, как рождается рассвет, чтобы стать полднем. Даже если бы по воле Акатоша он стал бесплотным духом, его душа продолжила бы сражения, пока отступники

не падут.

Азариэль рванул вперёд, не обращая внимания, как за его пятками замелькали грозовые вспышки искр, вздымая пепел к небу. За мгновение он приблизился к последнему неофиту и лихо отбив удар колющим ударом пробил его грудь, а затем пинком заставил бывшего собрата повалиться на спину.

В один кувырок он оказывается у арбалета и, положив его на руки чувствует, как плечо заболело от отдачи, а раб пепла не в силах продолжать стоять – из его глаза торчит болт. Марая себя пеплом в ещё одном прыжке, Азариэль увернулся от магического натиска и, выходя из группировки, ловко поддевает свиток, направляя его магию. Мельком он смог увидеть, как рёв симфонии огня объял лицо второго раба пепла, сжигая его голову и заставляя мозг вскипеть. Тварь через пару секунд рухнула.

Азариэль сжал крепче фалькату, ожидая магического натиска, но существо молчит, неслышимое плавая по воздуху среди тел поверженных союзников. Тёмные мантии, где глаз выхватывает красные, тускло-фиолетовые и золотистые оттенки слабо колышется под напорами лёгкого ветра.

– Ты слуга Дагот Ура? – спросил Азариэль. – Ты пришёл заключить соглашение с люциитами?

На вопрос юноша получил сухой, но пропитанный будоражащим безумием ответ:

– Что ты делаешь? Ты понятия не имеешь. Бедное животное. Ты борешься и сражаешься, но ничего не понимаешь.

– Что ты сказал? – поддался удивлению Азариэль, прокрутив в голове мысль – «насколько это существо обезумело?»

– Ты что думаешь, в том, что ты делаешь, есть хоть малейший смысл? Ты думаешь, ты убьёшь меня, и я сразу возьму и просто умру? Это всего лишь сон и пробуждение, снова и снова, одна внешность за другой, ничего настоящего. А то, что ты делаешь, ничего не значит. И почему мы до сих пор тратим на тебя время и дыхание?

– Ты явно безумен, – Азариэль встал в боевую стойку, приготовившись к худшему, но атаки не последовало.

Вместо этого существо лишь развернулось и стало уплывать прочь от места битвы, оставив после себя лишь морок неясности намерений. Азариэль быстро метает взгляд на развороченный кусок мяса, некогда бывший его собратом, и понимает, что даже к лучшему, что они расходятся вот так. Сила этого существа непомерна, и вступить с ним в битву это благородное безумство, ибо Азариэль задачу выполнил – объединение сил Ура и люциитов удалось остановить, а значит, Орден выиграл время для себя.

Азариэль приблизился к одному из тел, рассматривая лицо. Кучерявый чёрный волос на беломраморном мужском лице овальной формы слегка окроплён кровью, а в тёмно-синих глазах отразилось пепельное небо.

– Брат Тиберий, – Азариэль коснулся открытых век, скрыв очи.

Предатели Ордена, отступники и еретики будут забыты.

Им нет места в летописях, нет места их именам в праздничных гимнах, а деяния будут вымараны из истории. Только Азариэль и пара его знакомых запомнит бывших братьев и сестёр, только в их памяти отразятся лики предателей в редкие моменты глубокой скорби.

– Храни тебя Единый, да встретит Он тебя на путях своих и убережёт от тлена даэдра, да смилуется над тобой Он и защитит от зла, – прошептал Азариэль, надеясь, что его молитва Богу из прошлого Ордена спасёт заблудшие души.

Но дело ещё не окончено. Азариэль поворачивается и видит безумство храма, его ненормальное устройство и совершенное чёрное предназначение. Он направляется к нему и начинает подниматься по невысокой лестнице, обратив внимание на бледные надписи, которые со временем едкий пепел выедет.

«Нам была послана свобода, дабы мы чтили её, уважали. Род людской и меров должен в свободе обрести возвышение и славу. Но они стали рабами поганой тирании, а посему великие лорды шлют слугу, дабы он смог принести царство освобождения и силы. И он сокрушит любого, кто посмеет встать у него на пути, а его преступления станут благостью в этом мире. Убить ради свободы – не преступление».

Азариэль тихо прорычал, когда его глаза пробежались по чёрным надписям. Враг пытается оправдать преступление благородными мотивами, стремиться выставить себя в ярком свете добрых намерений. Но преступление есть преступ-

ление, а убийство одно из худших.

За порогом простирается недлинный слабоосвещённый коридор, усеянный немногочисленными факелами. Минуя коридор, Азариэль прошёл в просторную залу, на чёрно-грубых стенах которой неумело выбиты очертания высокого мужчины, чьё лицо скрыто под золотистой круглой маской. Под каждой фигурой фраза на данмерисе – «Мутсера Дагот Ур – Гахмердон Морровинд».

В противоположных сторонах расставлены столы, образующие две параллельные линии за которыми разожгли огромные чреды костров. Тут огонь намного ярче, он лихо отбрасывает темень от столов, давая разглядеть, что там расставлены большие кувшины на пару с тарелками.

Впереди виднеется фигура и по лысому затылку и остроконечным золотистым ушам можно сказать, что это альтмер. Его лицо обращено к одной из фигур на стене и повернуто затылком к входу.

– Вот ты и пришёл, – раздался сухой голос.

– Встань! – гаркнул Азариэль, сжимая меч.

После недолго молчания пришёл ответ:

– Я так не думал, что кто-то явится.

Эльф в чёрных рясах, облачаясь в сумрак поднялся и развернулся к Азариэлю, окинув его взглядом тёмных зениц, в которых будто бы отразилась сама бездна.

– Как вы о нас узнали?

– Неважно, – отстранённо ответил Азариэль, вспоминая,

что это именно Клинки навели Ордена на странную активность у дорог Малог Амура. – Я пришёл, чтобы положить конец попытке создания культа.

– Откуда вы знаете про культы? Неужто смогли добраться до Андерсона?

Азариэль ничего не ответил на вопрос. Он лишь вспомнил важность миссии – уничтожение культа, предотвращение попытки его создания в Морровинде позволит Ордену избавить Тамриэль от тлетворного влияния Люция. А поэтому он здесь и пойдёт до конца, чтобы исполнить миссию. Но всё же есть вопрос, который его волнует и Азариэль позволяет себе его озвучит:

– Скажи, а зачем якшаться с Дагот Уром?

– Он разделяет наши мысли и идеи. Он собирается освободить свою страну от тирании Императора и дать ей свободу! – торжественно ответил бывший чародей Ордена, покосив лицо в зловещей радости. – Союз с ним – залог спасения Морровинда, да и кто нам ещё поможет в священной войне против Империи и твоего убогого Ордена?

– Можешь забыть про это, – отчеканил Азариэль.

– Дагот Ура ты не убьёшь, – покачивая головой, заговорил маг. – Его невозможно убить. Ни тебе, никому-либо из Ордена не хватит силёнок.

– Я за этим и не приходил. Но в своё время появится тот, кто это сделает, пусть его в кандалах и привезут в эту провинцию, – Азариэль приготовился к броску. – Я пришёл за

тобой, Риндил.

Азариэль рванул вперёд и ему навстречу полетел целый сноп искр, но он прошёл мимо, когда юноша отпрыгнул к столам. Яркая огненная лента, некогда свиток, прощаясь с ладонью рассекла воздух и на бешеной скорости понеслась к магу. Риндил выставил перед собой невидимый щит и чары развеялись снопом искр, а затем маг усилил напор и его разум ввоза к глубинам чародейского искусства. Ревущий поток пламени должен был окатить Азариэля, оставляя на полу следы копоти и сажи, но юноша отпрыгнул, высчитывая, что между ним и врагом два метра.

– За свободу!

Азариэль попытался заткнуть мага и отправил в полёт фалькату, чтобы выиграть время. Отступник сконцентрировал магию на ней, и массив холода заставил оружие с лязгом удариться об стену, не дав покалечить тела. Но Азариэль оказался быстрее, явив себя в прыжке прямо перед противником. Прямой нордский кинжал, сверкнув в свете кострищ, рассёк полотно ткани и врезался в грудь, жадно пробиваясь дальше. Ещё удар и острие клинка разворошило сердце. Тело мага потеряло силы и поспешило завалиться на спину.

Азариэль отошёл назад, утирая кров с лица. Его дело ещё не закончено, хоть он и нанёс ощутимый урон в маленькой войне. Он аккуратно касается пары двумерских механизмов, на подобии которых он использовал ранее. Никто не должен знать, что он тут был и что это место вообще существует...

Глава 24. Укрепление позиций

Цитадель ордена. Спустя пять дней. Утро.

На лазурном небосводе во всю силу, постепенно восходя в зенит, светит лучезарное солнце, поливая нагнетающим жарыню весь остров. Но всё палево прекрасно умерялась прохладным лёгким ветерком, игриво дувшим с востока и обвивавшим донжоны воздушной и лёгкой дланью, рождая порой еле слышимый свист.

Два эльфа обратили взгляд к небу, находя там отражение прикрас небесного могущества – и восток, и запада утонули в прекрасной голубизне, предвещая чудесный тёплый день.

– Выстроили же вы тут целый город, – с лёгким непониманием пронеслась фраза от девушки, на которой слегка развиваются длинные шёлковые одежды изумрудной расцветки, исходящие из-под нагрудных легко-серебристых пластин; по камню Цитадели шаркают её длинные кожаные сапоги, а за поясницей покоится изогнутый эльфийский ятаган.

– Лучше помолись, чтобы все эти укрепления выдержали, – донёсся строго-сдержанный ответ от второго эльфа, закованного в пластины тяжёлого мифрила, игриво сверкающего на солнце образом цельного рыцарского доспеха, лишённого шлема.

– Да ладно тебе, Азариэль. Не думаю, что этот спесивый

пёс Люций, со своими человеческими умениями, смог собрать большое войско.

Азариэль стоит на крепостной стене Великой Цитадели Ордена и наблюдает за тем, как идёт процесс укрепления внутреннего двора, вместе с этим выслушивая эльфийку, которая прибилась к имперским магам, примкнувшим к обороне.

– Гэ’эль, я честно признаться удивлён, что ты решила сюда прийти, – Азариэль перевёл взгляд с внутреннего двора на обрамлённый рыжим волосом лик девушки. – К чему такое благородство?

– Ты хотел сказать – альтмерский эгоизм? – губы девушки украсила краткая улыбка. – Я не желаю, чтобы какой-то сектант от рода людского претендовал на хоть кроху власти в этом мире. Уж лучше пусть император Септимов, нежели какой-то безумец.

– Гэ’эль, твои стремления похвальны, но оставь свою ненависть к людям. Как-никак, но ты сегодня встанешь плечом к плечу с ними.

– Оу нет, – отмахнулась девушка. – Я не питаю ненависти, и даже неприязни. Просто считаю, что их мотивы и деяния глупы и наивны, а души запятнаны властолюбием и алчностью.

– Ладно, оставим это. Как ты вообще узнала про грядущую битву?

– Вон видишь, – рука девушки вытянулась и устремлени-

ем нашла во внутреннем дворе высокую фигуру в светло-синем одеянии. – Это чародей, работавший с вашим Регентом когда-то. Он меня и позвал помочь вам... в этом военном лагере, ей богу.

– Эх, видела бы ты этот остров до его... «преображения», – скомкано завершил фразу Азариэль. – Ты бы не назвала его «лагерем».

– Да, мне рассказывали, что остров сильно изменился.

Азариэль тяжело вздохнул, поскольку весь остров на самом деле претерпел такие изменения, что его уже нельзя было назвать райским местом, каким он был ранее, что больно отражается на его эстетическом облике. Уже не играют птицы небесные трели, улащая слух, а запах цветков не наполняет лёгкие юноши, порождая благоговейное состояние мира. Всё это сменилось на звучание кузнечных и плотских молотков, вкупе с ароматами расплавленного металла, свежей древесины и едких масел, что своими запахами до рези в горле и кашля забивают лёгкие, повиснув едким облаком над всем островом.

Больше нет того прекрасного леса, который завораживал прекрасными видами, так и просившись на холст художника, оставшись навсегда только в памяти. Вот и не стало той густой травы, в которую хотелось просто нырнуть и забыть-ся, уйти от мира и его забот. Всё это сменилось траншеями и оборонительными укреплениями, башнями и баррикадами, что должны удерживать отступников и предателей, объявив-

ших войну бывшим братьям и сёстрам по Ордену. Теперь весь остров усеян самыми различными строениями, предназначенных для того, чтобы сдержат натиск тех тварей, что приведут с собой, те, кто отринул клятвы и присягнул на службу губительным силам. Окружные траншеи, баррикады и башни для лучников, поля ловушек и арканов встали место природного совершенства, сменив естественную эстетику на военную.

– Как ваше расследование? – эльфийка убрала взор со внутреннего двора, взглянув на Азариэля. – Узнали что-нибудь стоящее, после того, как нас прихлебатели императора человеческого выкинули?

– А как ты думаешь? – юноша направился к зубцам стены, устремив печальный взгляд на кипящие работы. – Нам дали знать, что пора готовиться. Дали понять, что бывшие братья и сестры – враги, которых нужно уничтожить.

– И когда ты это понял? – эльфийка сделала шаг вперёд, навстречу парню. – Когда вам объявили войну?

– Я думал, что всё это какое-то недоразумение, чистое безумие, за которым стоит чья-то злая воля. Но когда я увидел рыцаря Андерсона, его сумасшествие, то все сомнения отпустили меня.

– Ты так говоришь, будто с отступниками вашего Ордена, от тебя ушло нечто важное, какой-то смысл существования, – въелась Гэ'эль.

– Да-а-а, – тягостно затянул Азариэль. – С ними ушёл че-

ловек, важный для меня.

– Любимая?

– Нет. Я – рыцарь Ордена, нам запрещено иметь отношения. Среди них была хорошая подруга, с ней я знаком с детства. Она – бретонка.

– Вот глупая, раз ушла с Люцием, но что ещё ждать от человека?

– Гэ'эль, – поднял голос Азариэль. – Хватит. Ох, давай лучше подумаем об обороне.

Пытаясь уйти мыслями от всего, что гложет, Азариэль сосредоточился на воспоминаниях и военных образах. Парень вспомнил, что на военном совете было решено укреплять весь остров, не ограничиваясь только одной Цитаделью. Регент намерился развернуть широкомасштабную оборону, превратив весь остров в одну большую неприступную крепость, которая должна удержать отступников до возможного прихода сил Императора, которому Регент отправил просьбу о помощи.

Все понимают, что если разворачивается широкомасштабная оборона, то необходимо и соответствующее количество воинов, чтобы эффективно держать остров под контролем.

– Зачем вам столько воинов со всего континента? – удивилась Гэ'эль, делая шаг в сторону. – Мой брат сказал бы, что это глупость.

– Андолемар? Он, наверное, не знает, против кого мы сра-

жаемся, и какие легионы тьмы будут брошены на нас. Сил Ордена очень мало, чтобы подавить отступников, число которых неумолимо росло с каждым днём, ибо тьма, как магнит – притягивает зло, – хмуро ответил Азариэль.

Рыцарь Ордена не стал говорить, что Ариан, получив сведения от Клинков, сообщал о тысячах бойцах, присягнувших на сторону Люция и это не только воины Ордена, ибо за обещаниями славы и власти за ним ринулись целые легионы врагов Тамриэля. Он лишь с неприязнью отметил в памяти – среди отступников, жаждущих установить свою правду, вызванную безумными мечтаниями, мечом и огнём, идут и тысячи иных воинов, связанных с нечестивыми сущностями чёрными пактами. За предателями пошли и культисты Даэдра, желающие доказать свою верность тёмным владыкам и распространить их чёрное влияние. За Люцием шагнули на войну и наёмники, которых прельстили рассказы архипредателя о тех богатствах, которые находятся в Ордене и ведомые жаждой богатств они поставили свои души на службу тьме.

Но помимо силы из Мундуса за отступниками шагают твари и воины из всех планов Обливиона, позванные избранным чемпионом на поля мира. Порождения мрака, призванные Люцием и чёрными колдунами, шагнули в этот мир, чтобы сразиться со своим извечным противником и побороть его, стремясь распространить власть чёрных князей. Но не только живые шли за Люцием, ибо его тёмное величие при-

влекает мерзость всех мастей и рангов. Некроманты из многих ковен и сект способны запросто призвать на поле боя легион мертвецов, которые готовы молотом обрушиться на Цитадель и подтвердить власть могущественных чародеев над континентом. И всей этой нечисти шло за главным отступником не менее пяти-шести тысяч, не считая подкреплённых из бандитских лагерей, которые, подогреваемые корыстным интересом вольной жизни бегут за Люцием, уже мечтая, как его борьба приведёт их к власти.

– Да ладно, – после недолгого молчания вновь заговорила Гэ’эль. – Это не так страшно, и я не думаю, что этот человек мог много собрать под свои знамёна.

– А что против этого способен был выставить Орден? Стражу, рыцарей, укреплённых магами? – позволил себе подавленную злобу Азариэль. – Нас не так много, чтобы сразиться с нечестью его.

– Поэтому вы привали столько воителей и чародеев? – девушка слегка приподняла подбородок. – Вы признали, что без нас вам не справиться.

– Да, чёрт бы тебя побрал. Когда последний луч надежды мерк, глава Ордена вспомнил о старых союзах и договорах.

Юноша с воздушной радостью сердца погрузился в воспоминания, когда Регент воззвал ко всем возможным союзникам, до которых позволяло дотянуться время, которого, как всегда, до одури мало. Он призвал сразиться в великой битве этого мира тех, кому когда-то помогли рыцари и маги Орде-

на, дабы должники смогли выплатить свои долги или постоять за Тамриэль, отсрочив час неминуемой гибели и выступить против самих Даэдра.

Цитадель наполнилась мельканием светло-синих одеяний сильных мистиков и чародеев, ибо на зов Регента откликнулись из Гильдии Магов, которые пришли, чтобы помочь своим коллегам в деле остановки расползания даэдрической скверны, что способна адской волной захлестнуть весь мир. И сегодня они готовы встать в один ряд вместе с магами Ордена, с радостью разделив с ними мрачную участь. Умелые чародеи и заклинатели сегодня встают плечом к плечу с колдунами из Ордена, чтобы стать щитом на пути инфернального массива тёмной силы, не боясь леденящего хохота даэдрических князей.

Цитадель исполнена пересветом доспехов могучих воителей, отчищающих континент от всякого сброда. Воины из Гильдии Бойцов Тамриэля пришли в цитадель, чтобы помочь войнам своими клинками, секирами и щитами в славной битве против недюжинных сил извечного врага. Сегодня Гильдия Бойцов вместе с войнами Ордена направит оружие и сердца против врагов Тамриэля, низвергнув их обратно в небытие. Они готовы стать клинками в этой битве, которые должны пронзить плоть врага и сокрушить несокрушимые доспехи, оружием, что должно сверкнуть ярче солнца доблестью и храбростью, чтобы отогнать орды мерзости и мрака. И они готовы сегодня сойтись против сил, которые способны

опрокинуть мир.

Регент позвал на помощь рыцарей из других орденов, что раскинулись по всему Тамриэлю, на своих местах, охраняя граждан Империи. И братья-рыцари с радостью готовы были встать на защиту Тамриэля на отдалённом острове, обратив оружие и волю супротив кошмаров тьмы. Рыцари из десятков орденов встают рядом вместе с братьями по оружию, чтобы силой мастерства и веры рассеять сгущающиеся сумерки и стать залогом рассвета, который может и не наступить, если они не сдюжат.

Ну а больше всего на этом острове оказалось воинов удачи, которые за звонкий септим готовы встать на сторону Ордена в этой маленькой и тайной войне. Наёмники всех рангов и мастей сегодня собрались на острове, готовые подставить свои жизни, если им будут хорошо платить. От одиночных солдат удачи до целых организаций, готовых за деньги проливать свою кровь, переводя её в денежный эквивалент. Здесь присутствует даже неполная центурия бывших легионеров, которые за золото, серебро и медь готовы вспомнить старые годы службы в легионе и снова взяться за оружие.

Чтобы привлечь столько наёмников Регенту пришлось открыть сокровищницу Ордена, в которой хранились несметные богатства, собранные со всех уголков Тамриэля. Золото и серебро, тысячи, сотни тысяч септимов перемежаются с монетами древности, являя богатое великолепие подхода накопления. Алмазы, рубины, изумруды, сапфиры и ещё непе-

редаваемое множество драгоценных камней идёт в ход, чтобы завлечь алчную наёмничью душу.

Однако Азариэлю понятно, что больше всего надежд Регент возлагает на милость императора в виде солдат легиона, которых он попросил у повелителя Империи, в надежде, что владыка континента проникнется положением и ответит на просьбу главы Ордена. Именно имперский легион, прошедший мириад битв и сражений, да и просто закалённый в суровой солдатской жизни может стать тем самым подспорьем, что решит судьбе последующего дня. Азариэлю очень хочется, чтоб легион явился и разделил бремя сражения, ибо даже все собранные силы могут не сдержать натиск адских орд.

Однако самым странным подкреплением оказалась десятка странных воинов, облачённых в начищенные до блеска доспехи, с белыми ниспадающими плащами, чьи благородные лики скрыты за забрала барбютов. Их возглавляет некий человек с длинными седыми волосами и такой же бородой, большой напоминающий старца-мудреца, нежели главу воинов. И этого человека Регент почему-то знает лично, хотя весьма удивился такому пополнению и предложил гостям расположиться в самой главной башне Цитадели, когда все остальные войска расквартировались возле главного строения или внутри него.

Азариэль находит десятку воителей странными, ибо своим видом они не напоминают ни один орден, или наемников, походя больше на фанатичных воинов веры, или даже копи-

рую паладинов. Эти воины странные и малоразговорчивы, словно хранят какую-то тайну или же не желают общаться с кем-либо. Вся десятка практически всё время проводит вместе с Регентом в башне, и редко, когда кто-то из них показывается наружу.

Несмотря на то, что Азариэль находит их странными, но много о них не задумывался, понимая, что любая помощь в будущей битве сгодится и сейчас не время брезговать. Все его мысли забиты размышлениями о предстоящей битве и что с ними будет уже завтра, проживёт ли праведное воинство страшное и безумнее сражение. Неужто Орден, проживший пару тысяч лет тревожных, искупая грехи Тамриэля своей кровью, падёт? Но больше всего он думает, как битву переживут его друзья, и тем более Саво, так как не место обычному крестьянину в ужасающей бойне, из которой вряд ли кто-то выйдет живым.

– Что-то ты совсем загрузил!

– Да так, волнуюсь за друзей. – Азариэль приложил ладонь к зубцу стены, опершись на него. – Я не хочу, чтобы они сегодня сгнули на алтаре безумных мечтаний одного идиота.

В воспоминаниях Азариэль отыскал наиболее тягостные и одновременно возвышенно-гордые. На военном совете рассматривался вариант отправки всех крестьян и прислуги прочь от острова и битвы, дабы сохранить им жизни. Но и крестьяне, и прислуга отказались бежать с острова, изъявив ярое желание с оружием в руках сражаться за то место, в

котором они провели большую часть своей жизни. Да так ярко отстаивали право взяться за клинки, что военному совету пришлось прислушаться к голосу верных последователей Ордена и максимально вооружить их самым простым, но надёжным оружием.

– Всё будет в порядке, Азариэль, – немного помолчав, девушка подошла к юноше вплотную, согрев его душу тёплым прикосновением попыткой коснуться плеча, сокрытого под мифрилом, но только её палец дотронулся металла, раздалось недовольное. – Ай! Как тебе не жарко!?

– Особенности доспеха, – сыронизировал Азариэль.

Рыцарь подошёл к девушке, потряхивающей ладонь, снимая кожаную перчатку и взяв её ладонь в свои руки. Следом он обратился к под сумку на бедре и в его ладони оказался свиток, моментально превратившийся в ласковый солнечный свет, рассосавший ожог.

– Я бы и сама могла, – буркнула девушка, одёргивая уже здоровую руку. – А ты потратил свиток, коим мог бы спасти кого-нибудь из друзей людских.

– Он – слабый был. Как раз для таких ран.

– Скажи, а почему ты магией не пользуешься? – сошла с темы эльфийка, переменив её удивлением. – Мы же альтмеры – маги от природы, что с тобой случилось?

– У меня с роду не было навыков магии. Не знаю почему, но это так.

– Я же говорю, что у тебя душа – человеческая.

– Может и так. Воспитывали меня-то люди из дома сирот.

– Ты, – осторожно и потеряно заговорила Гэ'эль. – У тебя...

– Да, – оборвал её Азариэль, поймав в глазах цвета бури редкое сожаление. – У меня не было матери, а отец умер больно рано.

Девушка примолкла, а Азариэль перевёл внимание с огромных пространств внутри Цитадели, замечая на большинстве воинов доспехи прекрасной работы, сдобренные оружием лучшего качества. Учитывая приросшее количество солдат, необходимо было найти соответствующее количество амуниции, которой и нужно вооружить бойцов, не голыми им руками сражаться, в самом деле. Им предстоит битва с отступниками и всеми возможными тварями Обливиона, а значит, оружие и броня должны быть соответствующие и тут за дело с особым усердием взялись мастера Ордена, которым помогали маги и прислуга, искусная в обращении с кузнечным инструментом. Из-под молота и наковальни, проходя искусство чар магов, выходит новое оружие и доспехи, которые должны будут спасти своих владельцев от мерзкого и нечестивого напора тёмных сил. Но и этого не хватает, чтобы подготовить войска, способные держать оборону против всех врагов, так как подразделений очень много, а умений и сил мастеров не хватает, чтобы справиться с таким большим заказом. И тогда Регенту пришлось открыть зал трофеев с арсеналом и позволить брать многие предметы и артефакты

прямо оттуда, чтобы ускорить перевооружение союзников, хотя такая инициатива далась очень тяжело... столько всё собиралось с краёв и уголков Тамриэля, а теперь россыпью хлынуло в чужие руки.

И когда с вооружением и подготовкой амуниции практически завершено и у воинов появился хоть и призрачный шанс на победу, тогда мастера Ордена присоединились к укреплению крепости, путём создания новых механизмов и орудий, чей единственной задачей становится – остановить продвижения противника. Были созданы несколько баллист и скорпионов, которые ставились на стены, чтобы сокрушительными залпами заставить редеть вражьи ряды. Даже починена пара двумерских паровых центурионов, которые как экспонат хранились в зале трофеев и выставлены теперь как исполинские стражники. Они – титанические колоссы, чей единственный вид страшит и приводит в панику, а когда автоматы будут активированы, они обернутся гневливыми богами войны и станут сокрушать врага, как задумывалось. Но учитывая, кто были истинные хозяева механических существ и кому они служат по-настоящему, никто не осмеливается их вводить в жизнь сейчас, оставляя эту процедуру только для самых критических моментов, чтобы переломить ход битвы, когда это нужно будет.

– Да что ты опять поник?

– Я боюсь, мы не переживём этой ночи, – поникши дал ответ юноша. – Врагов слишком много.

– Ты посмотри, какая у нас артиллерия! – радостно воскликнула девушка, обводя взмахом руки баллисты и скорпионы.

– Но вся эта сила меркнет перед вооружением отступников, так, как и технического изыска они не лишены, – мрачно молвит Азариэль. – Ариан, говорил, что предатели несут больше десятка катапульта и несколько требуше. А это уже чего-то стоит и нам придётся тяжело в битве с их артиллерией.

– Так вы могли бы подвести ещё.

– Чудно было бы, но нам пришлось разрушить порт и верфи, и всё сообщение с континентом оборвано.

– Печально.

Пара переключилась с разговоров на созерцание кругов обороны. Из местного дерева и ресурсов Ордена созданы мощные и надёжные фортификационные системы, отличающиеся от стандартных имперских чертежей и больше напоминающие древненордские системы дифференцированной обороны. На берегах и при продвижении на несколько метров вглубь сооружены и расставлены множественные ловушки, от волчих ям до тщательно скрытых магических оборонительных рун, которые готовы раскидать противников, если чья-нибудь нога на них ступит. Сразу за ними идёт внешний круг обороны, центром которого стала та самая деревенька, в которой раньше жили крестьяне, сменив амплуа на военный лагерь. Теперь в деревне располагается ставка ко-

мандира первого рубежа, который должен поистрепать противника перед вторым кругом или при успехе отбить все атаки. И первый рубеж предполагает собой множественные скрытные траншеи для внезапных атак и для того чтобы прятаться от обстрела катапульта или требуше. Башни для стрелков и магов расставлены повсюду, перемежаясь с баррикадами, которые как укрепления, с которых лучше вести обстрел и которые могут остановить врага в самом неудобном для него месте. Так же на первом рубеже разместились позиции для стационарных боевых магических столбов, которые без помощи кого-либо поливают противника магией. Прототипом этого оружия послужили оборонительные сооружения в древних нордских гробницах, о которых рассказывали чародеи Ордена и по приказу Регента усеяли ими практически весь периметр обороны.

После первого рубежа устроена буферная зона, чьей задачей является стать огненным валом и прожечь в неприятельских рядах бреши или зажарить врага, если повезёт. В буферную зону влито столько масла, что можно спокойно и без лишних хлопот сжечь Рифтен, отстроить его и снова сжечь. Эта зона должна отрезать наступающих, разделив их на две части, что помогло бы первую часть наступающих быстро уничтожить, без особых потерь сил обороны. Так задумывается.

После буферной зоны идёт второй круг обороны, представленный укреплениями, посерьёзней. Второй рубеж обо-

роны стал чем-то вроде огромной деревянной стены, опоясывавшей Цитадель, с примыкающим к ней иным укреплением, в виде башен и позиций для баллист и скорпионов.

На втором круге обороны и должна будет завязаться решающая битва, где лицом к лицу сойдутся предатели и воины Тамриэля. Именно на деревянных стенах, сколоченных наспех, под градом стрел с башен и должна была решиться судьба Тамриэля, ибо там Регент планирует разместить самые сильные части обороны.

Но и если второй рубеж обороны падёт под натиском регентов, то следующим местом сражения должна была стать Великая Цитадель. И вот она уже не может пасть, ни при каких обстоятельствах, либо она выстоит и наступит рассвет, либо же для Тамриэля наступят мрачные времена, обернувшиеся для целого континента страшной эпохой.

Теперь это были не просто культовые и монументальные укрепления, которые служили домом для защитников доброй части мира, являясь красивым декором. Теперь это целая оборонительная система, которой позавидовали бы сами двемеры, или даже имперские фортификационные инженеры

Мастерами из Ордена и по совету союзников из Великой Цитадели сделали самую настоящую крепость достойную императора и инженеров сумрачного чёрного предела. Возле Цитадели вырыт глубокий ров, со щедростью набитый лесом острых, готовыми на себя принять тех отступников,

которых скинут со стен, кольев, смазанных ядом, после которого сразу идёт высокая насыпь, выполненная из щебня и усеянная шипами и маленькими кольшками, и гвоздями, чтобы стать при подъёме непреодолимой преградой для врага. Ворота укреплены дополнительными листами стали и железа, способные выдержать напор любого тарана, а также дополнительные подпорки послужат делу защиты, когда вход попытаются выбить. На донжонах варят литры раскалённой смолы, чтобы вылить её на головы тех, кто посмел посягнуть на мир в Тамриэле. Каждое здание внутри стен обкрадывается так, чтобы выдержать напор катапульта или хотя бы что б при разрушении не причинить никому вреда.

Внутренний двор Цитадели превратился в самый настоящий палаточный городок, в котором проживают те, кто готовится к грядущему сражению. И чтобы прокормить такую армию, необходимы соответствующие припасы, горы провизии разного рода. Кладовые Ордена опустошены, и полугодовой запас продовольствия практически съеден, но такова цена за содержание целой армии, которая ещё нуждается в специальных зельях. Десятки учёных-алхимиков и из Ордена, и из союзников варили волшебное варево литрами прямо снаружи, отчего стоит едкий запах, перемешавшись со сладкими благовонными мотивами. Но именно фиалы с эликсирами необходимы в грядущем бою и готовы сослужить важную службу, ибо без волшебных растворов армия долго не продержится.

Всё это Азариэль несколько часов крутит у себя в голове, не выпуская мыслей о том, что ему вскоре придётся скрестить клинок с бывшими друзьями и знакомыми. Рядом с ним Гэ'эль – высшая эльфийка, о которой он практически ничего не знает.

Но лязг металлических сапог развеяли всякие мысли, и юноша обратился к источнику звука, посмотрев, как на стену взобрался ещё один рыцарь, окутанный сиянием мифрилого доспеха.

– Азариэль, – обратился воин. – Пойдём, нас вызывают на второй военный совет.

– Да, Ремиил, – сказал Азариэль и тут же кинулся к девушке. – Гэ'эль, как только начнётся чехарда, лучше оставайся внутри Цитадели.

Глава 25. Военный Совет

Спустя двадцать минут.

Азариэль ступает по внутреннему двору, оказавшись в эпицентре всеобщей суматохи. Приказы командиров, гоняющих солдат, лязг клинков и перезвон молотов наковален – всё смешалось в единую музыку приготовления к битве. Да и самого внутреннего двора теперь не узнать, ибо он стал похож на военный лагерь, набитый войнами и магами до верха.

– Скажи Азариэль, – в твёрдом и крепком голосе, клоня-

щем к осуждению, Азариэль заметил не совсем хороший настрой друга. – Что это на тебя напало? Почему ты так заботлив к той эльфийке?

Юноша посмотрел на прекрасно-устроенные доспехи Ремиила, в которых наставник встретил его в первый день, в момент пришествия на остров. Только лицо сильно изменилось, оно стало угрюмым и больше не подражает сиянию брони.

– Ремиил, у тебя паранойя, – оправдательно твердит юноша, потирая рукоять фалькаты на бедре. – Она просто не самый плохой маг, в отличие от тех наёмников, которые мы пригласили.

– Во всяком случае, соблюдай Кодекс и его предписания. Ты не должен...

– Я понимаю, – прервал эльф, обступая очередную палатку. – Прошу, не превращайся в Сафракса.

– Просто, не сближайся с ней близко, – сказал рыцарь, едва не споткнувшись об стойку с оружием.

– В таком случае можешь успокоиться, – в натужной, рождённой под подавленностью, улыбке сказал Азариэль. – Она из тех, кто за независимость альтмерского рода, а я для неё вообще – «эльф с человеческой душой».

– Я не знаю – славно это или плохо, но прежде всего, ты должен следить за собой и своими мыслями. Орден – вот твоя семья.

– Это так, так что давай подумаем, как лучше будет его

защитить. А то... мне страшно представить, что будет, если мы не сдюжим.

Внезапно юноша краем глаза увидел, как в Цитадель прибыло пятнадцать воинов в костяной броне дома Индорил, минующих фонтан ровным строем. У широкоплечих воинов зажаты в руках алебарды, а на шлемах огромный, выделяющийся гребень, который выдаёт истинное предназначение гордых и несгибаемых рыцарей Морровинда. Ординаторы так же откликнулись на зов Регента, и пришли на помощь Ордену в предстоящей битве. Видимо у Регента, выходца из восточной провинции, где пепел тёплым одеялом покрывает землю, остались нужные связи, с помощью которых он намеревается перетянуть чашу весов на свою сторону.

– Ох, ну вот то теперь мы победим, – язвительно и недовольно заявил спутник Азариэля, показывая на воителей родины тёмных эльфов, явно показывая свою скрытую злобу, вызванную более глубоким, чем просто рутинная подготовка к битве. – Вот это я понимаю воины. Вот только где они были, когда мы их просили нам помочь мне в Морровинде?

Ремиил сохраняет устрашающее молчание. Азариэль смотрит на своего друга и понимает, почему старый рыцарь, прошедший больше сотни битв, скрестивший свой клинок со сталью обычной и металлом из Обливиона, на лицо примерил маску угрюмости и печали. Юноши и самому не по себе от того, что ему вскоре придётся скрестить клинок с бывшими друзьями и побратимами. И чтобы хоть как-то от-

влечься от будущей битвы парень решил разговорить своего друга на более приятные темы:

– Ремиил, ты когда-нибудь видел Клинков императора? – имитируя заинтересованность в голосе, спросил юноша. – До того, как мы их увидели в Чейдинхоле?

– Был случай, когда на совместной операции мы зачищали крепость магического культа Чёрной Луны, который захотел свергнуть императора и установить собственное правление, – безрадостно ответил Ремиил. – Хорошие воины.

– Ну и как тебе?

– Очень жестокая секта. Нас они заинтересовали тем, что хранили книгу, связанную с подчинением воли, а службу Клинков, что покусились на трон императора, думая, что тирания для Тамриэля будет лучше.

– Я про Клинков спрашивал, – легко возмутился юноша. – Как они в бою? Они вообще хорошие воители?

– Понял. Они – настоящие профессионалы своего дела. Их умение в обращении с оружием превосходно и думаю, они бы составили достойную конкуренцию любому из наших рыцарей, – и приостановившись, более поучительно продолжил. – Ты же понимаешь, что умения махать клинком недостаточно, чтобы защитить императора. Они превосходные шпионы и мастера добывать информацию, а это поверь, не так уж и легко. Агенты императора могут узнать о любой угрозе его величеству и ликвидировать её в любой точке континента, будь это маленькая деревушка, в которой поднялся

бунт или целая восставшая провинция.

Азариэль сильно удивлён такой завышенной оценке службы охраны императора, понимая, что есть ситуации, решить которые даже им не под силу. Своими нефритовыми очами оглядев пространство, юноша видит, как где-то в стороне тренируются два паренька из гильдии бойцов. Молодые ещё, но, сколько огня и в зеленоватых глазах юноши сверкнула искра печали от того, что они возможно погибнут сегодня или ещё хуже – пропадут души их от соприкосновения с тёмными энергиями.

Внезапно Ремиил хватает юношу за руку и одёргивает так, что Азариэль чуть не рухнул на землю, быстро поведя телом и встав более крепко. И тут возле них пронеслись крестьяне, тренирующиеся с пиками, а точнее бегу с пиками в боевом положении.

– Куда бежите, тупые животные!?! – гневно прокричал капитан наёмников, которого поставили ответственным за тренировку крестьян. – Вы так всех зашибёте!

Капитан наёмников облачён в кожаный безрукавный панцирь и без наплечников, что делает свободными руки. Белые рукава рубашки, сделанные из шёлка, практически не нагреваются на солнце. Он одет в хорошие коричневые кожаные штаны и сапоги до колен без всякого металлического элемента. На его голову ложится прекрасная и роскошная шляпа с алыми перьями, которые ласкает ветер, аккуратно теребя.

– Прошу прощения, господа, они только научились лево от права отличать, – оправдательно начал капитан. – Будь у меня месяцев пару, я бы из них сделал солдат ничем не хуже имперских легионеров.

– А это что за «бег с пиками?» – с интересом спросил Ремиил. – Я не знаю такой тактики.

– Ох, это моя метода, разработанная лично мною, – горделиво начал капитан наёмников, будто бы смакуя, продолжил. – Помогает увеличить потери личного состава противника.

– Главное, – скептически заговорил Ремиил. – Так своих не потерять. А то странная это метода, чудная какая-то.

– Понятно. Вы идёте на военный совет? – спросил Азариэль.

– Да, пойдёмте, – сказал капитан, присоединившись к двум рыцарям, предварительно крикнув своему помощнику. – Лейтенант Лесандрэс, присмотри за теми крестьяшками.

И уже два рыцаря и капитан, под шумы копошащихся вокруг воинов, магов и всех остальных, идут в главную башню, чтобы присоединиться к военному совету.

– А как долго вы командуете своей «Славной ротой?» – неожиданно спросил Ремиил.

Капитан повернул голову для ответа. Азариэль увидел утончённые черты лица главы наёмников, немного смуглую кожу, аккуратную бородку и глубокие карие глаза. Это явно

уроженец южного Сиридила или восточного Хаммерфела.

– Вот уже более пяти лет я веду своих воинов сквозь битвы, – гордо заявил капитан, явно хвалясь перед рыцарями. – И за всё это время где только не побывали.

– А как вы их набрали? – не унимался Ремиил.

– Кто-то вступил к нам после службы в легионе. Кого-то я подобрал на улице городов, сделав из бывших нищих воинов и достопочтенных членов общества. А кто-то, перестав быть одиноким волком, сам присоединился ко мне. Так под моим началом и набралась сотня храбрых и умелых воителей и воительниц со всего Тамриэля.

– Как вы думаете? – уже спросил Азариэль. – Мы переживём эту битву?

Капитан осмотрелся по сторонам и с нотками бравады ответил:

– Вы так укрепили вою Цитадель, что мало кто сможет подступить даже к её стенам. В этих стенах собралось столько умелых воинов, магов, учёных и кузнецов, что вы сможете спокойно и без страха послать на все четыре стороны императора Тамриэля и зажечь свободно.

– Честный и достойный ответ, – начал юноша. – Но мы будем сражаться и не с людьми. На поле боя выйдут не только дреморы, но и даэдроты, а может и скрещенные существа с разных планов. Надеюсь, ваши войны готовы столкнуться с кошмарами, которые не способны выдумать даже фантазии больных.

– Это вызов? – исчертив тонкие губы улыбкой, спросил капитан.

– Скорее предупреждение. – Пояснил юноша.

– Я учту его.

– Вот мы и пришли. – С нотками восторженности сказал Ремиил.

Перед ними вход в главную башню Цитадели... всё те же ворота и то же здание, только теперь оно подобно мрачному монументу жертв гордыни Люция и его безумия. Ворота охраняют два паладина с глефами в руках и горе тому, кто посмеет пойти против них. У входа свисает два светло-голубых стяга, на коих белым цветом изображён геральдический орёл, распахнувший крылья и удерживающий в когтях клинок и свиток. Азариэль вспомнил, что именно эта птичка стала боевым знаменем собравшейся в Цитадели коалиции, знаменуя чистоту и сплочённость магии и боевого искусства.

– Стоять, – грозно обратил речи паладин. – Куда вы?

– На военный совет, – начал Ремиил. – Мы с Азариэлем по приглашению Регента, а господин капитан, потому что обязан там быть.

– Хорошо, проходите, – строго сказал паладин и убрал глефу.

Азариэль, проходя вглубь башни, так и не мог понять, почему его и Ремиила призвали на совет. Возможно, это из-за того, что случилось в кельи Люция, потому что они единственные, кто стали свидетелями порочного союза между

князьями Даэдра, породившими ту жуткую тварь. У ноши на всю жизнь осталось напоминание о том дне, в виде шрама на щеке, оставленного едким гноем и ихор стал символом предательства, как старые узы верности и дружбы сгнили и рассыпались, и как прогнила душа Люция. Но размышления Азариэля тут же развеялись при виде собравшихся предводителей грядущего сражения.

Магистр рыцарей стоит в вычурно блестящих стальных доспехах бретонского типа, отделанных золотом и усиленными пластинами из эбонита. Пластинчатые укрепления на груди образуют непробиваемый панцирь, а белая юбка прикрывает колени, не давая металлу сильно нагреваться на солнце. Шлем, покрытый гравировкой, с гребнем изумителен – искусная работа мастеров. Магистр рыцарей, ведущий солдат в бой, явился для всех воплощением чести и мужества, которые должны были на славу послужить Ордену.

Там находится и архимаг, облачённая в новые прекрасные одежды чёрно–белой раскраски, каждая нить которых пронизана магической энергией. Именно этот персонаж должен недюжинными чародейскими умениями и талантами сокрушить врага массивами магии. Но он никуда не ходил без главы магического круга Ордена, который одет в боевые доспехи магов – мифриловые поножи и нагрудник, скрывающие насыщенную синюю мантию. Он обладает стратегическими навыками и способен в нужный момент повести за собой отряд в бой, будь это маги или обычные воины. Два персонажа

дополняют друг друга, создавая прекрасный тандем, работающий безошибочно и безупречно, разящий врагов наповал.

На этом совете нельзя обойтись и без лорд-командера стражи, который командует солдатами, верными стражами, на протяжении десятилетия и настолько приспособился к войне, что готов бы назвать её своей жизнью. Он закован в зачарованное железо – стандартный сиродильский доспех, усиленный мастерами для боя и пропитанный магией.

В сияющих доспехах, с серебряным напылением, на которых выгравированы странные руны и письмена, с вороньим двуручным клинком за спиной возвышаясь над остальными, стоит гранд-паладин. Его тело закрыто доспехом из крепкого малахита, который сияет как внеземной, данный Акатошем для битвы, что подтверждает благородство и святость его носителя. Этот воин, прошедший тысячи битв и столкнувшийся с лицом ожившей тьмы только светом своей веры способен был поставить на колени слуг Даэдра. Ему нет равных в обращении с клинком и знании тьмы, и именно поэтому он станет ключевым моментом в битве и встанет против мрака.

Но среди слуг Ордена ярче всех выделяется Регент. Он облачён в чёрный полный комплект эбонитового доспеха, с которого ниспадал такой же тёмный, как ночь, плащ. Нагрудник – одна большая пластина, изрисованная странными символами и гравировкой, похожей на древнеморровиндскую символику кимеров. Перчатки, сапоги и поножи так же вы-

кованы из эбонита, только края брони обиты золотом, а на правой руке символ золотого солнца. Регент готов держать оборону до последнего вздоха, понимая, что он сражается за Тамриэль и его жителей, становясь последним рубежом обороны в фантазмагории будущей резни. И сегодня, если понадобится, он готов положить жизнь на алтарь победы.

От увиденного великолепия собравшихся лидеров Ордена у Азариэля перехватило дух, и он даже ногами шевелить был не в состоянии. Столько благородных и могущественных воинов, как будто легенды сошли со страниц книг и готовятся вступить за них. От такого сочетания великолепия и силы Азариэль немеет, его дух трепещет, а зала готова залиться ярким светом. Ремиил его мягко подтолкнул, чем и вывел юношу из состояния благоговейного ступора.

Но помимо этих славных воителей в зале собралось ещё множество предводителей союзников, на которых парень не обратил даже внимания, ибо их вид меркнет по сравнению со славой и благородством святого воинства.

– Именем Талоса, пора начинать, – с явным нетерпением сказал какой-то нордлинг, предводитель одной из наёмных групп.

– Да, пора, – произнёс Регент и подошёл к карте острова, на которой были изображены все укрепления и позиции. – Сначала, я попрошу озвучить нашу готовность к битве.

Тут вышел один из иерархов и бесстрастным голосом доложил о готовности укреплений:

– Строительные работы завершены на девяносто шесть процентов. Недостроенным остаётся часть второго рубежа на южной стороне.

– Спасибо, но перед тем, как начать военный совет и планирование стратегии, озвучьте количество наших сил, – потребовал Регент.

Тут вышел другой иерарх, но уже без бесстрастия в голосе, а с чувством восхищения и вдохновлённости доложил о количестве сил:

– Помимо рыцарских сил Ордена Святого Магнуса на острове собрались союзники. Объединённое воинство орденов Тамриэля в триста рыцарей, и шестьсот пятьдесят их помощников под командованием Генриха фон Крессе, воины Гильдии Бойцов – сорок воителей под началом Мария Красса и столько же колдунов из Гильдии Магов, пятнадцать ординаторов, ведомых Улисом Индорилом.

– Наёмников? – спросил Регент.

– Около двух тысяч, – отчитался иерарх и, предвосхищая следующий вопрос Регента, продолжил ответ. – У нас восемьдесят чародеев, шестьсот стражников и девяносто рыцарей. При поддержке сводного отряда из крестьян и рабочих в тысячу душ.

– Спасибо, что ж этого я думаю, хватит сегодня. Тогда, я объявляю военный совет открытым. Прошу подойти к столу, – торжественно объявил Регент.

Все примкнули к широкому столу, на котором и лежала

расчерченная из пергамента карта местности, пересечённая десятком линий и штрихов, с флажками и пометками.

– Что докладывает разведка? – начал глава ординаторов. – Откуда заходит флот ваших врагов?

– «Наших» врагов, – поправил предводителя ординаторов магистр рыцарей Ордена. – С той поры, как вы согласились нам помочь – враг общий.

– Неважно. Так откуда?

– Мои информаторы, которые остались в живых, докладывают, что большое скопление плавающих средств продвигается со стороны Хамерффела, – вперёд подался Ариан, одетый в свою привычную чёрную одежду. – Клинки не ошибались. Наше расследование в Чейдинhole принесло плоды.

– Какие плоды, Кин тебя дери? – звучит вопрос от рыжебородого нордлинга в шкурах и стальной броне. – Выражайся яснее.

– Йориксон, будьте сдержаннее, – требует Регент.

– Ничего страшного, – чуть поднял руку Ариан. – Всё в порядке. Мы все немного на... взводе. Так, если говорить о расследовании в Чейдинhole, то нам удалось выяснить – враг готовит культы по всему Тамриэлю, а также хотел заключить губительный союз с Даготом.

– Как вы это выяснили?

– Эх, – заскрипел сердцем Ремиил. – Им пришлось использовать тело нашего бывшего собрата в некромантских ритуалах. Проклятье, так над ним надругались чёрной маги-

ей. Мы – рыцари Ордена и по-хорошему должны были за это наказать.

– Кто это такие смелые?

– Клинки.

– А как же возможная помощь Дагота? – спрашивает командир ординаторов, уходя от прошлой темы. – Вы смогли это предотвратить?

– Да, всё сделано, – отчитался Азариэль. – У них поддержки не будет.

– Чудесно. Значит, их основная атака придётся на северо-запад острова, – констатировал Регент. – Или это может быть уловка, чтобы нас отвлечь.

– Предлагаю большую часть крестьян и прислуги отправить на юг, – заговорил мужчина в доспехах начальника стражи.

– Аргументируйте, лорд–коммандер. – Потребовал палатин.

– Этот манёвр сохранит жизни многим. Лёгкая пехота вряд ли будет способна противостоять натиску предателей. В большой мясорубке их просто перебьют, а мы же этого не желаем.

– Поддерживаю, – согласился Регент. – Как остальные войска размещать будем? Ваши предложения?

– Предлагаю лучников оставить на второй линии обороны, чтобы, когда отрезало врага, они смогли перебить отрезанную часть, – выдвинул глава ординаторов.

– Врагов слишком много, – ввязался Ариан. – У нас чуть больше четырёх тысяч душ. Врагов в два или три раза больше, если верить разведке Клинков.

– Как такой огромный флот к нам подойдёт незаметным? – удивился один из наёмников. – Где Имперские Военные Морские Силы? Почему Император немедленно не пришлёт силы?

– Официально, Орденов не существует. Мы можем только надеяться, что император нам поможет. Его мотивы – нам не понятны. И нам остаётся только сражаться, опираясь на свои силы.

– Хорошо, – буркнул наёмник, укутанный в шкуры. – Что там по обороне?

– Мы должны удержать второй и третий рубеж, – Ариан согнулся над картой и стал указывать на карту. – Враг попытается окружить нас, растянуть силы, но ему придётся выбить плацдарм. Первое время мы сможем

– Что с подразделениями противника? – уточнил Регент.

– Низшие даэдра, культисты, дреморы, бандиты, наёмники, мятежники, некроманты и мертвецы при поддержке люциитов. Это логично, – шаркнул Ариан. – Что за этими тварями тянется всякая нечисть.

– У нас есть возможность определить, где сила удара вражеского молота, будет сильнее всего? – вперёд подался магистр рыцарей. – Дабы сконцентрировать оборону там.

– Нет, – безрадостно ответил Ариан. – Они попытаются

высадиться веером, рассеивая наши силы. Эти гниды не так глупы, как кажется.

– Господин Регент, – обратился Гранд-Паладин. – Что вы скажите? Вы наш лорд и господин, как вы скажите, так мы поступим, – латной перчаткой он провёл по всем собравшимся. – Мы готовы отдать жизнь за единую праведную миссию спасения нашего мира.

Регент склонился над картой и с угрюмым лицом стал водить пальцем по линиям и завиткам, которые чёрными отметками заполнили всё светло-жёлтое покрытие бумаги. Азариэль видит его напряжение, коптящее душу, но он даже не может представить, какое волнение перехватило его командира, ибо на нём ответственность за четыре тысячи душ.

– Сводный отряд крестьян и слуг пусть держит юг острова. Отправьте им в поддержку роту стражников и... центуриона.

– Но он не готов, – попыталась возразить архимаг. – Господин, нам нужно время, чтобы...

– Выполняйте, – шероховато-повышенным гласом приказал Регент. – У нас нет времени, на месте разберётесь.

– Да мой лорд.

– Генрих фон Крессе, – на зов командира подался среднего роста человек, на котором свисает накидка, разделённая на чёрный и белый квадрат, скрывающая под собой кольчугу, а светлое грозное нахмуренное лицо обрамлено кольчужным капюшоном.

– Слушаюсь мой лорд.

– Вы и Марий Красс, при поддержке нашего Магистра Рыцарей будете держать местность от деревни до разрушенного порта. К вам я приставлю «Славную роту» Рафаэля, – капитан, шедший вместе с Азариэлем, шагнул вперёд и с лёгким кивком произнёс:

– Да господин. Всенепременно я и мои ребята сделаем всё, чтобы понаделать дырок во врагах больше чем в бретонском сыре.

– Господин, я отдам жизнь ради исполнения вашего приказа, – отчеканил глава рыцарей. – Я и мои воины утопим врага в их же крови.

– Аларих, – осторожно обратился Тилис. – Твоя задача – держать до момента отступления. Не отдай понапрасну жизнь. Это приказ.

– Да, мой лорд.

– Йорксон, ты берёшь под командование остальных наёмников, и держите восточную часть острова. Отступайте за вторую линию обороны, как только почувствуете, что с врагом вам не совладать. Да и прикрывайте сводный отряд крестьян и слуг, иначе им не выстоять долго.

– Да, милорд.

– Мой лорд, что с развалинами порта? Что с западной частью острова? – спросил глава палатинов. – Они же не могут остаться без защиты?

– Ими пусть займётся наша стража. Самый сильный удар придётся на деревню и наша миссия – её держать как мож-

но дольше. А поэтому пусть она станет первичной ставкой обороны.

– Милорд, а какую мы цель преследуем в этой битве? – промелькнуло колебание в голосе нордлинга-наёмника.

– Оборона Цитадели и уничтожение противника. При возможности – первоочередное устранение вражеского командного состава, – ответить решил Ариан.

– Йорискон, – глубоко заговорил Регент. – Если мы не выдержим или бежим, то великий враг победит. Люций – бельмо на истории Ордена и не просто мятежник, а посол чёрной воли, который желает, чтобы мир погрузился в хаос. И если мы его не остановим, то хаос победит и мир погрязнет во тьме. Наша миссия – остановить его, хотя бы и ценой крови.

– Жалко конечно, – усмехнулся норд. – Эх, только золотишка нормально получил, а тут помирать за этот мир придётся. Вот дерьмо мамонта, и на кой нам это если миру наплевать? Эх, ладно, – Йориксон поднял уверенный твёрдый взгляд. – Я готов, и мои ребята готовы. Надеюсь, мы завтра увидимся.

И вот вбежал лесной эльф из Гильдии Бойцов под стук каблуков, и прервал совет, ознаменовав начало смертельной партии:

– Они на пороге! – голос многократно усилился в башне став жутким эхом, пронёсшимся по сердцам скользким волнением и чувством рока. – Враг наступает!

Глава Ордена сделался отрешённым, но в его тёмных гла-

зах не пропала тяга к жизни, а наоборот, появилось неожиданное стремление. Азариэль видит не сомнения в глазах лидера и ощущает, что его самого обуревают тепло. Долгие недели Азариэль боролся с образами этого дня, но сейчас он готов встретиться с врагом лицом к лицу.

– Мой лорд. – Воззвал Гранд-Паладин. – Битва ждёт... кровь ждёт... мир ждёт...

Регент оторвался от карты, гордо выпрями плечи, колыхнув смолёным плащом, и заговорил, неся сердцам, посыл к отваге и стойкости, чести и рвению:

– Ну, вот и настал страшный час, братья! Сегодня решится судьба не только наша, но и всех живых. Обнажим же клинки и обратим нашу ярость против кошмаров, еретиков, отступников и всего зла! Без страха братья и пусть никто не упрекнёт нас. – Закончил Регент и под громогласные выкрики предводителей обороны обнажил свой лазурный клинок. – Отправляйтесь к своим воинам, господа. Мы идём побеждать!

Азариэль, молодой эльф, воодушевлён таким призывом и готовится ступить за остальными воинами в бой, но тут рука Регента остановила парня, перехватив его за плечо.

– Постой, Азариэль.

Юноша остановился и обратил взгляд, увидев, что длинный тканевый свёрток оказался на карте.

– Да, мой лорд. – Азариэль направил взгляд, полный светлой убеждённости в алые очи Регента.

– Я хочу тебе отдать клинок первого Верховного Магистра. Он выкован снежными эльфами из мифрила и освящён в храме Единого священниками Алессианского ордена. Так же, согласно старым мифам и легендам у него есть особый секрет – в час особой нужды если с верой произнести символы на навершии, то сущность меча придаст силы в битве и исцелит раны.

– Маги-и-стра? – удивился Азариэль. – Дунхарта?

– Да. Он лежал в его комнате долгие лета и вот я решил его отдать тебе.

– Но почему именно мне? Господин Регент, чем я заслужил такую честь... или ношу?

– Азариэль, – тягостно полилась речь. – Этот клинок – воплощение древнего Ордена... его идеалов и сущности.

– Но я подобных идеалов не воплощаю в себе.

– Никто не воплощает. Тебе же я хочу вручить этот меч, поскольку вижу продолжение нашего Ордена, его целей и идей. Нам, командирам, скорее всего, предстоит погибнуть сегодня, но ты выживешь. Я знаю это. И понесёшь ты пламя Ордена, пускай в тебе сгустятся самые мрачные тучи.

Пальцы юноши обхватили чёрные ножны, и по телу хлынуло необычное и удивительное тепло, а разум избавился от волнения и скорби. Азариэль взял клинок в руку, обнажив, и по глазам ударил яркий блеск длинного прямого лезвия, как будто он сделан из полированного серебра, из его нутра идёт свет. Такая яркость меча удивительна, словно он освя-

щён самими богами и должен нести погибель тварям тьмы. Азариэль взглянул на наверхии и заметил символы снежных эльфов, образующих текст, который парень не смог понять.

– А теперь на передовую, рыцарь Азариэль. Нас ещё ждёт победа! – Хлопнув по плечу парня, сказал Регент, и надел шлем на голову. – Теперь всё готово к бою. Пошли, Азариэль, сам Акатош следит сегодня за нами.

Глава 26. Багровый прибор

Цитадель Ордена. Спустя полчаса.

Солнце постепенно восходит в светоносный зенит, поливая нагнетающей жарой остров, но массивы чёрных облаков, надвигающихся с северо-запада, пророчат ливневое окончание дня.

По всей Цитадели разносятся крики, оры и громогласные приказы, которые направляют солдат на передовую или же заставляют готовить орудия или же занять позиции. Всюду предбоевая суэта, в которой тонут все защитники крепости, готовясь к страшному бою. Командиры «Путей Повинности» доблести и знания, а также группировок Ордена, подчиняются непосредственно Регенту и стали выполнять стратегию, выработанную на военном совете неукоснительно, не отходя от малейшего слова. Главы же союзников могли действовать более вольно и располагали свои войска, ориентируясь

на два фактора: инструкция военного совета и личное мнение, выработанное опытом. Но все испытывают чувство, что нужно следовать общему плану и понимают – скоординированные действия лучше разрозненного сопротивления.

Все в Цитадели повинуются приказам, никто не отлынивает или дезертирует, и бегут, чтобы занять свои места, определённые планом. Никто не оставался в стороне, ибо план победы требует от всех полнейшей самоотдачи.

Бежит и Азариэль. На его спине висит довольно древний меч Магистра Ордена, подаренный ему Регентом. Азариэль ещё не даже не обнажал клинка, но та сила, которая в нём хранится, наливается в душу юноши, чему он и мельком удивляется. Подаренное оружие удивительней всего, ибо оно наполняет уверенностью сам дух своего владельца и дарует необычное спокойствие посреди всеобщей суматохи, собирая мысли владельца.

Но сейчас Азариэль не задумывается о чудесных свойствах оружия. В его голове только мысли о будущем сражении и о том, как он встретит отступников лицом к лицу и скрестит с ними свой меч. По плану он должен встать на берегу и встретить первую волну врагов и скинуть обратно их в море, чтобы выиграть немного времени на подготовку орудий и двумерских центурионов... хотя бы одного.

Все понимают, что первыми в бой пустят, прежде всего, всякое отребье, в виде мало обученных военному делу еретиков, слабых и плохо вооружённых бандитов и низшую ме-

лочь, призванную с планов Обливиона. И расходовать на эту шушеру ресурсы первого рубежа обороны совершенно нецелесообразно, ибо всё, что было приготовлено в первом круге было предназначено для врагов посерьёзней, а с этими можно и так справиться.

Азариэль должен встать в ряды лучников, которые займут позиции у берега и обрушат град стрел на головы врагов первой волны, топя их прямо в море, как задумывается. Юноша на секунду обратился к памяти, улыбнувшись тому, как по требованию капитана наёмников им всё же выдали отряд лучников для прикрытия, оттянув их со второй линии.

Юноша вместе с отрядом стражников выбежит за пределы цитадели и устремился в сторону берега. Всё вокруг изменилось. Прекрасные зелёные леса заменились на бесконечные вереницы валов, баррикад, башен и деревянных стен, от которых несёт плотнической работой и запахом древесины, среди которых как муравьи копошатся бойцы. Отовсюду торчат пики, ставшие подобием ошестинившейся фаланги, готовой на себя принять вражеский удар, в принципе для такой цели они и предназначены.

На башнях второго круга и первого обороны уже стоят боевые маги на пару со стрелками и готовятся обрушить массивы магической энергии на тех, кто связывает свою жизнь с губительными силами. Они, одарённые искусством магического воздействия устремляют взгляды далеко вперёд и видят, как бездна готова перед ними распахнуться и продемон-

стрировать силу.

Парень всё быстрее приближается к первой линии укреплений, представленной линиями траншей, баррикад и башен. Всюду вокруг готовятся к бою войны. И в их глазах разноцветных Азариэль видит тень страха, поедающего душу, но всё-таки в их очах полыхает огонь и готовность к жертве.

– Будь ты проклят Люций, – сорвалось с уст юноши.

Рыцари орденов Тамриэля готовили острые клинки и проверяли щиты. Они чем-то схожи с войнами из Гильдии Бойцов, которые тоже сюда пришли, однако их ведёт на битву не жажда войны и не звонкая монета, а вера в Богов и готовность отдать жизни за их постулаты. Но помимо них на первую линию выходили в основном наёмники, в том числе «Славная Рота» капитана и неполная центурия выходцев из имперского легиона.

Высший эльф с тяжестью понимает, что если они сдадут первый рубеж слишком быстро, и не нанеся существенных потерь противнику, то про победу можно будет позабыть.

Азариэль наконец-то со своим отрядом стражи, который ему дали в личное командование, выбежал к берегу, умело обойдя всевозможные волчьи ямы и всевозможные ловушки, скрытно расставленные для отступников. Теперь они стоят на самом краю обороны, и именно за ними появилось право открыть кровавый спектакль, обозначить первый акт.

Парень стоит на берегу, и устремил взгляд зелёных нефритовых туда, откуда шёл кровавый шторм тёмных сил. С

той стороны начинает дуть ледяной ветер, который чем-то отдавал могилой, возвещая о скором прибытии армады извечного врага. Юноша глядит на адскую флотилию, что стеной мрака надвигается на остров, разрывая пространство и сам факт её существование надругательство над светом. Со стороны Хаммерфела плывут десятки, если не сотни самых различных кораблей, лодок и шлюпок, несущих на себе тысячи воителей культа Даэдра, да и просто продавшихся безумцев. Над всем флотом клубятся и набухают массы чёрных, тяжёлых налитых свинцом облаков, будто бы они тянут за собой небесное смущение. Складывалось впечатление, что всю эту армаду исторгнул сам Обливион, чтобы нести мрак по земле Тамриэля, что оказалось недалеко от правды.

Каких только кораблей там не нет. Несколько захваченных имперских галеона, ставших основной флотской единицей врага в этом бою, и фрегатов, флаг которых сменился с алого цвета на тёмно-фиолетовую расцветку. Вместе с ними в той же адской ватаге и нордские массивные и неповоротливые галеоны, сделанные на верфях Скайрима – их днища раздуты, как брюхо заражённого паразитами животного, набитое личинками. Наряду с титанами морскую гладь пересекает и множество мобильных и быстроходных лодок и кораблей, которые явно находились в пиратском владении. Но больше всего, впереди всей этой стаи, будто мухами роились, множество шлюпок, нёсших с собой первую волну, и на них

видимо подоспевают к берегу первые подразделения врага, обязанные установить господство на берегу.

Но даже все эти корабли в своей совокупности являются мелкими щенками посреди огромного, невероятно большого исполина, который размеренно плывёт посередине. Своей шириной он как четыре имперских галеона, приставленных борт к борту. Его паруса представляли невероятно широкое полотнище, способное накрыть пару целых имперских кораблей. И на надутом парусе исполина зарисован странный, нигде не видимый ранее символ, ставший знаменем отступников, ярким образом режущий по глазу. На тёмно-фиолетовом полотнище красуется странный и не ведомый доселе символ, внушающий трепет. Он не был ни похож, ни на одну букву или руну Тамриэля – простое руническое око, написанное огненными полыхающими чернилами.

Юноша не знал, что значит вся эта фантасмагория геральдического абсурда. Сейчас его сердце переполнено только рвением к битве, а разум сконцентрирован на том, как может сложиться бой. Может, это явилось ещё одной магической особенностью клинка, а может все эмоции и жалость к отступникам отошли на второй план. Его это не волнует.

Парень занял место в боевом строю стрелков, готовясь обрушить ливень стрел на врага и уже начав разминать руку. В одном ряду с ним стоят стражники Цитадели, наёмники и стрелки, образуя рассеяние ряды. По всей линии от порта к северу и деревни на западе выстраиваются рыцари других

орденов, воители из Гильдии Бойцов и Аларих со своими ребятами.

Но внезапно его внимание притягивает яркое свечение телепорта и то, что он увидел дальше родило такую бурю эмоций, что медитативный эффект меча развеялся словно морок.

Из разрыва реальности в плаще из света шагнула размытая фигура, объятая тёмно-зелёным огнём. И когда магия развеялась Азариэль смог разглядеть, что «огонь» – это развивающиеся свободные одежды на подтянутом худом теле эльфийки. Спустя пару секунд рыцарь смог разглядеть и стриженный рыжий волос, и изумительные знакомые черты лица, но только это вызвало негодование.

– Гэ’эль, какого чёрта ты здесь!?! – воскликнул Азариэль, смотря за тем, как эльфийка плавной походкой становится с ними в один ряд и обращает лик к голому берегу, который вот-вот зальётся кровью. – Ты должна быть на стенах!

– Яне отдам важную часть обороны на волю людям, – уверенно высказала девушка, кратко добавив. – Меня направил мой глава. Он хочет знать, что происходит.

– О-о! – в разговор ввязался и капитан наёмников. – Печально, что вы не доверяете людям, мадам, ведь от них ваша судьба зависит сейчас.

– Гэ’эль, – обеспокоился Азариэль. – Это не место для чародеев. Отправляйся на второй рубеж, на стены. Не ставь свою жизнь в опасность.

– А тебе-то что? – кинула девушка, готовя магическое пламя на ладонях.

Ответить решил капитан:

– А то, что если тебя порубят в капусту, толку от магии будет мало. Кто нас прикроет?

– Люди...

– Азариэль, ты, где её такую нашёл? – усмешливо спросил капитан. – Прошло пару минут, а мне хочется её уже прибить.

Азариэль оглянулся. Он, капитан и Гэ'эль стоят на самом краю, впереди всех, оказавшись перед строем воинов и уткнувшись в тени леса пик, поднятых к небу.

– Ну что, парень, готов сегодня пролить крови приспешников Даэдра и... своих друзей? – бровадно спросил юношу рядом стоящий капитан наёмников. – Пара друзей мне поведали о том, что случилось в Ордене.

От такого вопроса у Азариэля едва не поник дух, ибо ему придётся сегодня скрестить клинки со своими бывшими друзьями и сразиться за будущее мира. От одной мысли, что будет, если он не справится, если все они проиграют, а Люций победит, у души начинают виться кольца апатии, слабости, душащие уверенность. Но осознание праведного долга и внутренний свет ветром бодрости исторгнули момент меланхолии. Азариэль крепко сжимает пальцы на рукояти арбалета, взводя его в боевое положение.

– Ты хоть своё имя назовешь? – Спросил у капитана Аза-

риэль, за эти дни так и ни разу не услышавший имени его.

– И кто же я? Капитан «Славной Роты» или кто-то больше? – с улыбкой и наигранным вызовом вопрошал наёмник. – Перед тобой стоит бывший легат имперского легиона, член Гильдии Бойцов и свежая кровь Соратников. Я Рафаэль де Кастело. Запомни моё имя, юноша, ибо возможно мы в последний раз общаемся, – с гордостью и театральной наигранностью и самопохвальбой твердил капитан наёмников, и далее, обращаясь ко всем, торжественно крикнул. – Поднять боевые знамёна!

– Поднять флаги! – поддержал Азариэль, вздев простой арбалет. – Поднять флаги!

– Поднимете стяги! – раздался оглушительный крик на пару с металлическим лязгом клинка Магистра Рыцарей, отразившим сияние яркого солнца.

Флагштоки, что стремятся к небу выше пик, выставленные у первой линии обороны украсились полотнами ткани, затрепыхавшимися на ветру. Светло-синие знамёна с орлом на пару с багрянцем золотого геральдического солнца распилили прибрежную зону символами вдохновения.

Азариэль ощутил, как вдохновение врывается в его душу. Десятки маленьких флагов напомнили ему о единстве и силе долга, который он несёт. Юноша направил взгляд от полотен ткани в море, находя там десятки приближающихся чёрных силуэтов. Шлюпки и маленькие лодочки, набитые врагами, постепенно приближаются к берегу и уже оказались в поле

дальности лучников и арбалетчиков. Море наполнено ими и Азариэль даже отсюда помимо напева ветра поймал ухом улюлюканье, стоны и дикий гогот.

– Ждём... ждём. Позвольте им подойти поближе, – последовал указ Рафаэля. – Не тратьте на них стрелы попросту.

А тем временем Азариэль уже мог разглядеть лица тех, кто находился в десантных шлюпках. На лицах красками ненависти выписаны гримасы ожесточения и злобы, в глазах сияет пламя бешеной жажды крови. Их броня – куски шкуры, примитивные накладки кожи, да ржавая кольчуга. Ладони от нетерпения сжимают простейшие топоры и мечи из железа и стали.

– Наизготовку! – Прокричал капитан наёмников.

Лучники положили стрелы, натянули тетиву луков и обратили оружие в сторону наступающих, изнемогая от ожидания. Арбалетчики возложили на древко новые, зачарованные болты. После того, как с этим боезапасом поработали мастера и маги, он стал разрывным, и при каждом попадании в цель бедолагу разрывало на куски изнутри.

– Выбрать цели! – Всё продолжал командование тот же человек.

Азариэль поднял свой арбалет вверх и мысленно просчитал траекторию полёта болта. Он целится в шлюпку, забитую какими-то бандитами или нищими, которые разделись в шкуры, как кучка дикарей. Наверняка это выходцы из Скай-рима или даже Коловии, а может из любого другого захолу-

стья мира, идущие за Люцием за лучшей жизнью. Но это сейчас не важно. Они отступники, а значит, автоматически им уже вынесен приговор на смерть, который обжалованию не подлежит.

– Обрушьте на них ливень! – во весь голос закричал Рафаэль и махнул рукой и тут же берег заполнил пронзительный свист.

Вся шеренга стрелков выпустила стрелы и болты в отступников, облив их металлическим ливнем от которого не спрятаться. Через пару мгновений со стороны врагов послышались стоны и крики агонии, а некоторые из отступников, в которых попал зачарованный болт, исчезли в кровавом вихре ошмётков тел. Болты, попавшие в борт, разрывали его в щепки и пара лодок мгновенно пошли ко дну с врагами. Альтмер напряг глаза и увидел, как его болт попал во врага и разорвал его в клочья, разметав шкуры и куски тела, выкинув их из шлюпки в море.

Но и атакующая сторона не оставалась в долгу. Многие отступники в свою очередь выпустили ответный залп из составных луков и простейших арбалетов.

– В рассыпную! – скомандовал наёмник и в этот же момент все постарались разбежаться или укрыться щитами, чтобы не пасть жертвой вражьей стрелы или хилого болта.

Стрелы врагов упали хилым ливнем, так и не причинив никому вреда, разве что оставив пару царапин. И как только небо опасность миновала, защитники цитадели выпустили

ли свою волну металла на голову врагов. Но тут внезапно над головами стрелков-защитников пронеслись огненные шары и разряды молний чародеев, что решились вступить в схватку. И через пару секунд шлюпки отступников стали разлетаться в щепки от напора боевой магии, лодочки стали подобны горящим факелам, несущим мучительную смерть для хозяев.

Казалось, что члены Ордена и союзники перестреляют наступающих врагов уже в море, однако судьба вражий план вносит свои коррективы. Внезапно местность на берегу окрасилась в потусторонний тёмно-синий цвет, прозвучал неистовый скрежет словно металл зарыдал или кто-то разорвал тонкую ткань пространства и из образовавшийся, сопровождаемой мистическими звуками, сферы вышло высокое существо, обряженное в даэдрические доспехи и с большим двуручным клинком наперевес.

– Проклятье! – Выругался кто-то из союзников.

Но это оказался не единственный прорыв. Весь берег стал мерцающим от разрывов между реальностью и планом тёмного мира, откуда хлынули воители в крепких чёрных доспехах, отравленных проклятым пламенем.

Они с презрением в полыхающих огнём очах оглядели ошарашенных воинов и, не дожидаясь приглашения на танец клинков, с демоническим рёвом кинулись в битву. Полсотни дремор ринулись металлическим потоком на оборону, изнемогая от желания пролить крови. После прорыва реального

пространства появились новые магические червоточины, из которых стаями повалили скампы.

Первой вступила в бой со страшным врагом Гэ'эль. На её ладонях заплясало мистическое пламя и лёд, ударившие волной по строю дремор. Азариэль лишь на секунду отвлёкся изумительным боем эльфийки, которая легко смогла рассечь нагрудник дреморе-воителю сумасшедшим огнём и пронзить его сердце копьём льда.

Но юноше пришлось перенести взгляд на то, как существо с рогами и в даэдрических доспехах набросилось на защитников, став умело размахивать клинком, старясь как можно сильнее ударить, перерубив любого, кто встанет на пути. Первым же ударом он рассёк грудь наёмнику, как бумагу разрезав железный панцирь. Второй удар насквозь проколол стражника Цитадели, проткнув ему броню, будто это лоскут ткани.

Это воин дремора-кинмашер с плана Мерунеса Дагона, один из самых сильных в воинстве лорда разрушения и готов нести его жестокую волю в любую точку Нирна. Суровый воитель, офицер войск проклятого даэдрического князя, Мёртвых Земель до полна переполнен ненавистью и злобой, которою сейчас обрушивал на своих врагов.

Азариэль выпустив болт в скампа, и откинув арбалет в сторону, вынул клинок, подаренный Регентом. Прекрасный искрящийся серебристым солнцем полоторный меч и ничего лишнего. У него длинное и прямое лезвие, сияющее как ча-

стичка солнца, а рукоять обтянута чёрной кожей, не дающей соскользнуть оружию. Навершие меча исполнено в виде шестиугольника, на котором были изображены символы давно канувшей в забвение цивилизации снежных эльфов.

Лезвие меча игриво сияет под ослепительным солнцем, и даже взгляд дреморы наполнился страхом при виде древнего клинка, как будто оно изживает сознание твари из этого мира.

Вынув меч Верховного Магистра, Азариэль уверенным шагом направляется к выходцу из плана Обливиона, под сапогами которого дрожит сама земля. Внезапно юркий скамп кидается на Азариэля, желая его повалить и загрызть. Но юноша быстро отреагировал и взмахнул клинком и в эту же секунду меч издал прекрасное мелодичное звучание и скамп разлетелся на части, разрубленный клинком. Парень ещё пару раз взмахнул, и меч продолжал издавать странные, но в тоже время завораживающие звуки, которые потрясли юношу. Но удивляться, нет времени, ибо предстоит тяжёлый бой с могучим соперником.

Азариэль вплотную подошёл к дреморе и нанёс колющий удар, из-под которого противник ушёл в сторону, и тут же на уровне головы широко размахнул двуручным мечом, со свистом разрезав воздух. Эльф отошёл назад, позволив пройти мечу противника в пару сантиметров от головы, после чего нанёс град ударов, которые враг парировал, как будто игрался с ним. В сторону дреморы неожиданно полетела стрела,

которая скользнула по его доспеху и заставила покачнуться тварь из ада. И юноша не упустил такую возможность и нанёс удар, от которого «сыну» Обливиона удалось уйти на уровне рефлекса, отреагировав на сумасшедший блеск.

– Ты меня не убьёшь! – Всё так же прикрывается рукой тёмный воин. – Я выше твоих сил!

– Посмотрим... уже сегодня ты сообщишь своему владыке о поражении.

Даэдра разгневался и пустился в битву с пущей силой и, взмахнув мечом для того, чтобы вложить всю силу в удар предательски открылся. Клинок Азариэля неглубоко вошёл в левый бок противника, пробив доспех, рассекая плоть.

– А-а-а! – Взвыл дремора и отпрыгнув как бешенный пёс стал махать мечом, не чувствуя его веса.

Азариэль уже не заметит как союзники, и члены Ордена отражают яростную атаку скампов, которые роем, набросились на обороняющихся. В его мыслях был только этот дремора, который несмотря на серьёзное ранение продолжал орудовать своим широким мечом, летающим как сумасшедшая бола.

Внезапно в поле зрения Азариэля попадает арбалет с болтом и трупом рядом, который показался юноше решением. Альтмер совершил кувырок и поднял оружие покойника, оставив острие болта на грудь противника. В ответ дремора лишь расхохотался, этим доказывая, что для подобного оружия его броня непробиваема. Азариэль спустил курок арба-

лета, и в эту же секунду вся правая часть тела противника исчезла в кровавом вихре, не выдержав напора зачарованного болта. Сначала прозвучал звук хлопка, а потом правое плечо дреморы разметало по берегу. С разорванным доспехом, орошая землю кровью, и выронив клинок, дремора ещё пару мгновений стоит ошеломлённый, пока не покачнулся и рухнул на горячий песок. Грузное тело могучего противника плюхается на золотистые пески и места раны обсыпаются им, как панировочный сухарь облепляет мясо.

Азариэль смог отвлечься и выхватил момент битвы, кипящий вокруг. Силой рыцарей, наёмников и стрелков дреморы отброшены к багряному морю. Их осталась сущая горстка и вряд ли они продержаться долго. Соскальзывая взглядом дальше, он смог разглядеть как толстый наэлектризованный прут зигзагом бьёт в голову дреморы, разбивая шлем и поджаривая мозг. Электричество рвётся сумасшедшим змеем с утончённых рук Гэ'эль, которая без жалости добивает потустороннюю тварь.

Этим временем защитники Цитадели расправились с нападающим роем скампов и снова готовы держать оборону, раскидав трупы врагов по всему побережью. Медленно, но верно она занимают отбитые позиции и перезаряжают орудия, попутно отстреливая врага в море.

Шлюпки и корабли с противниками всё ближе подходят берегу, неся на своём борту тысячи отступников, еретиков и просто врагов Тамриэля. Первая волна была только что от-

бита, но за ней надвигалась самая настоящая буря, которая готова смести всё на своём пути.

Юноша посмотрел на морские волны, бьющие о берег и увидел, что вода смешалась с кровью, и выкидывает тела и ошмётки тел отступников. Кровь, тёмная и густая, смешалась с чудесной лазурной водой, сделав из неё ужасающее предзнаменование и выкрасив берег в цвета кровавого прилива.

– Вот это я понимаю, багровый прибой. – Положив руку на плечо, Азариэлю с бравадой сказал Рафаэль.

И действительно, песок на берегу окрасился кровью из-за обилия крови, которое выплёскивалась целыми волнами из моря или обгородилась от недавней стычки. Если дело продолжится в таком же духе, то весь остров выкрасится в один багровый цвет.

– Ну как самочувствие после первого хорошего боя? – бесстрастно, спросил подошедший Андре. – Ты как, парень?

– Ничего страшного, – сдавленно ответил юноша. – Бывали бои и похуже.

– Что ж, одолеть дремору в ближнем бою это неплохо. – Констатируя, говорил Рафаэль. – Мало кто, на это способен.

Азариэль посмотрел на развороченное тело выходца из выжженных Земель. Его широкий клинок, вкусивший крови защитников, валялся где-то в стороне, а в навечно застывшем взгляде противника повисла бездна. На секунду Азариэлю стало жаль этого посланца из Обливиона, ибо он испол-

нял волю хозяина, который по своей гнусной прихоти призвал его в этот мир. Юноше не интересно, как тварь из Обливиона смогла столь долго находиться в реальном мире и как Люций создал более-менее стабильные ворота.

– Ты настоящий рыцарь Ордена, – с гордостью заявил Рафаэль. – Если среди нас таких воинов большее количество, то надежда дожить до завтра уже не кажется мечтой.

Но вдруг в глаза вонзился яркий ослепляющий свет, и среди трупов сгустилась из воздуха фигура высокого воителя. Из света проявились образы узорчатой кроваво-чёрной брони, украшенную тёмной символикой, а также возникли и черты огромного и широкого меча, выкованного из проклятого эбонита в адских печах Дагона. Физиономия, красно-тёмная, перекошено в свирепой злобе; из-под копны смольных волос растут изогнутые широкие рога.

– Мы разберёмся с этим чудилой! – похлопав по плечу товарища, Андре направился к новому врагу. – Он уже покойник!

– С-С-стой! – потянулся за другом Азариэль. – Остановись! Это Валкиназ!

Но Андре и ещё шесть стражников не услышали предупреждения. Они уверенно направились к врагу, приняв его за очередного кровожадного дремору, ополоумевшего от жажды битвы.

– Я залью вас вашей же кровью! – клинок тварь обхватила в боевое положение. – Я устрою вам кровавый прилив!

Стража атаковала. Дремора быстро отпрыгнул назад, восходящим ударом разрубив челюсть первому бойцу. Второй упал от того, что стремительным вихрем тварь обрушила град ударов, переходя в крепкий выпад и пронзая третьего.

Азариэль бросился на помощь Андре, пытаясь в мучительном беге преодолеть несколько метров. Четвёртый и пятый стражник лишились головы за один могучий удар, а шестой не успел отойти назад, за что и получил косящий удар, разрезавший грудь.

Андре вступил в битву с искусным врагом. Гвардеец Дагона прыгнул вперёд и в движении провёл кулаком. Железная перчатка рассекла губу стражнику, но он не заметил раны и прыгнул вперёд. Его стальной меч только выбил фонтан искр о броню, оставив лишь неприметную царапину на панцире врага. Валкиназ перехватил руку у запястья быстрым движением, и моментально острое грозного оружия вышло из спины Андре.

– Не-е-ет! – прокричал Азариэль.

Валкиназ выдернул меч и острозаточенными пальцами перчатки пробил грудь в области сердца, промяв нагрудные пластины. Со всей силы Азариэль ударил плечом гвардейца тёмных сил и раздался стон его наплечника. Азариэль ощутил, как металл его же брони вминается и оставляет боль в плече, но парень продолжает давить, пока враг не вынул лапу из тела Андре и не отступил.

Азариэля зарубили бы, но поток энергии огня ударил в

грудь чёрного воителя. Вспышка была такой сильной, что Азариэль рухнул на землю от волны энергии, но он вновь встаёт, только врага нет. Уверенным и грозным шагом он движется к Гэ'эль, усыпавшей его огненными стрелами и молнии, но все они растаивают при соприкосновении с даэдрическим клинком. Стрелы и болты отскакивают от толстой зачарованной брони и кажется валкиназа не остановить. Юноша поднял клинок и ринулся за ним с горящим от мести сердцем.

– Гэ'эль, уходи! – прокричал Азариэль.

– Ох, я смотрю, ты волнуешься за эльфку! – прорычал гвардеец Мерунеса, моментально развернувшись, рассекая воздух широким выпадом, изрекая противную злобу. – Знай! Я расчленю её и раскидаю требуху по всему острову!

Азариэль понимает, что такой враг ему не по силам. Он не паладин и даже не умелый рыцарь, но всё же он обязан сражаться, и святая миссия даёт ему сил.

– Эй! Урод дагоний!

Валкиназ не успевает повернуться. Если бы он был быстрее, его клинок сумел отбить коварный приём, но не в этот раз. В руках Рафаэля щёлкнул и дрогнул арбалет и свистящей лентой болт пролетел десять метров. Голова дреморы взорвалась, окропив песок и Азариэля кусками плоти и кости. Туша существа ослабела, и меч погрузился в объятия песка и травы, рухнув.

– Азариэль, – подбежал Рафаэль. – Ты как? В норме?

Юноша окинул взглядом труппы, находя среди них окровавленное лицо Андре. Увидев мёртвого друга, его развороченный доспех и уроненный меч губы Азариэля сжались от гнева и скорби.

– Какая к даэдра тут норма, – Азариэль убирает меч в ножны, измученным взглядом осматривает ряды позади, встречая глаза Гэ'эль и находя там понимание и сожаление.

Юноша перестал смотреть на воителей Ордена и тела, подняв взор на берег и заминая скорбь в сердце. Он видит, как шлюпки достигли берега, и суша пропала под ногами сотен противников. Еретики, мятежники, бандиты и наёмники: весь этот сброд волной воплей и грубого оружия хлынул на защитников.

– Мы отходим, – холодно приказывает Азариэль. – Врагов слишком много. Нам в открытом поле их не сдержать.

Внезапно со стороны вражеского флота в сторону острова полетели три десятка горящих шаров, оказавшихся снарядами катапульта и требуше. Они с грохотом взрыва ударяются в землю и укреплению, перепахивая их, ломая и опалая. Взрывы и агония ступили на остров. Несколько баррикад разлетелись кусками дерева и камня, разметав защитников.

– Ну что ж, похоже, идея дожить до завтра снова становится мечтой, – сухо констатировал Рафаэль и, повернувшись, уже всем отдал приказ. – Уходим с берега! Скорее! Отступаем на первую линию обороны!

Глава 27. В дыму и пламени

Цитадель Ордена. Спустя несколько часов.

Азариэлю в глаза бьёт дым, а смог от гари забивает лёгкие, не давая спокойно дышать. От клубов чёрных труб и жуткого присутствия гари у юноши начинает першить горло, и появилась резь в глазах. Из-за того, что всё вокруг полыхает, и наполняется звуками битвы, ориентация в пространстве сбивается абсолютно – в глазах мелькают лишь остаточные образы. Но рыцарю не до этого, ибо где-то рядом бродит могущественный некромант, укрывавшийся за языками пламя и клубами дыма, как за собственным плащом и тайнами полыхающих руин.

Тело обволакивают клубы дыма, лаская почерневшие подошвы и сапоги, а также открытую грудь, укрываемую только потемневшей рубахой, руки же защищены плотными кожаными перчатками, измазанными в крови и грязи. Нагрудник пришлось сбросить – его пластины разорваны одним ударом меча одного из дремор, который едва не рассёк грудную клетку. Но враг повержен, а броню сослужила хорошую службу.

Кости и мышцы парня наполняются усталостью и болью, становясь с каждым шагом всё тяжелее. Но Азариэль не обращает на свою усталость внимания, ибо задача требует пол-

нейшего сосредоточения и концентрации мыслей.

Юноша с обагрённым клинком наперевес бродит по разорённой и полыхающей деревеньке, которая некогда была оплотом цветущего земледелия. Теперь рыцаря окружают полыхающие огнём и почерневшие дома, продолжающие гореть и клубиться массами чёрного дыма. На некогда аккуратных и прибранных улочках валялись кучи окровавленных трупов и обожжённых тел. Раньше это были лоялисты и мятежники, схлестнувшиеся в яростной схватке и погибшие под массивами магии и в вихре клинков, секир, топоров и молотов.

Вокруг стоит нестерпимый гул мертвецов, шайками бродящие по острову и, выискивающие живых, которых пропустили наступающие еретики Даэдра или более суровые бойцы. Треклятые мертвецы подчиняются только некромантам, которые подняли их и повели в бой. Тучи мертвой плоти в этот день обрушились на защитников крепости, пущенные своими повелителями будто бы в насмешку над самой жизнью.

Но Азариэлю сейчас всё равно, сколько мертвецов бродит в тылу, его интересует только одна цель. Внезапно юноша услышал всё приближающийся гул с правой стороны и обратил свой клинок туда. Буквально через пламя на него кинулся слегка разложившийся мертвец, облачённый в клёпаную броню нордского типа. Он неумело махал грубым топором направо и влево, пытаясь задеть юношу. От этого монстра ис-

ходил противный запах разложения, который практически напрочь перебивался ароматами гари.

– Сдохни, нежить!

Азариэль отступил на два шага, мастерски ушёл из-под размашистого удара топора и отрубил кисть противнику. Мертвец диким и потусторонним голосом взревел, а его глаза полыхнули синим цветом, словно символизируя боль. Азариэль в этот же миг взмахнул клинком и в один удар отсёк мертвецу голову, чтобы избавить тварь от ненужного груза. Враг повержен, его голова откатилась в сторону полыхающего дома, там и всполохнув, как бурдюк. Но хоть мертвец пал, его хозяин остаётся жив и вновь прячется среди огня и дыма.

В этот же момент с левой стороны снова послышался нарастающий потусторонний гул, который был во много раз сильнее, чем прежнее одиночное завывание мертвеца. Складывается впечатление, что с левой стороны напирает орда поднятой из могил мёртвой плоти.

Юноша направил прекрасный сверкающий, омытый кровью и ихором, но всё ещё блестящий клинок в сторону пляшущего пламени. И тут на него набросилось сразу нескольких существ, чьи души давно отошли к Аркею в эфир. Их глаза наполнены странным потусторонним свечением, которое явилось подтверждением того, что магия и только она поддерживает жизнь в воинах. Их местами прогнившие и обвисшие лица искажены в застывшей в гримасе боли и ярости.

Их сейчас пятеро, бездумно несущихся в сторону клинка парня, который готовился принять удар. Двое из атакующих были сиро-нордами, облачёнными в прогнившую коловианскую меховую броню. В облезлых руках они тащат обычные железные мечи, местами практически проржавевших. Ещё двое оживших мертвецов являлись выходцами из Хай Рока, одетые в экипировку стражников Вэйреста. И последним мёртвым мясом, которое подняли против воли светлых сил, является обычный гоблин.

Смотря на них, у Азариэля сжалось сердце. Он не мог спокойно наблюдать на то, как эти куски мяса стонут и воют под гнётом нежизни и именно ему выпала задача освободить тела от тёмной магии. Но парень знал, что они уже не являютсяместилищем живых душ. Их поддерживает только тёмная магия того некроманта, который бродит где-то в округе.

Юноша поднял меч в боевую хватку, сжав его в двух руках. Против гоблина, который выбежал впереди всех, Азариэль применил свиток огненной стелы, за мгновение испепелив нападающего мёртвого монстра с зеленовато-пепельным оттенком кожи. Затем Азариэль проткнул мечом коловианца, повёл клинок вверх, разрезая мягкую плоть, тем самым выпотрошив противника. После того, как противник был разрезан, а его сгнившие и почерневшие внутренности рухнули на землю, неся сплошное зловоние, парень перешёл к следующему мертвецу. Он делает пару шагов назад, оставляя место для удара, лёгким выпадом выбивает из рук страж-

ника алебарду и готовится его обезглавить, как краем взгляда увидел, что на него летит ржавый меч. Сделав кувырок в сторону, Азариэль снова ринулся в атаку. Одним ударом он обезглавил живого покойника, мастерский уйдя из-под удара второй алебарды, и сразу перешёл к коловианцу. Парень отрубил ему руку и следующим ударом разрубил ключицу, разрезав мёртвое сердце. Азариэль не успел порадоваться победе, как его откинула волна воздуха, и юноша отлетел в сторону на два метра, ударившись об обугленную повозку, разбив её в труху. В этот же момент на парня обрушился последний противник. Он просто упал на него, пригвоздив руками к земле и клацая зубами, старался загрызть юношу. И сквозь жуткий смрад, доносившийся изо рта мертвеца, сильно рябивший глаза, Азариэль увидел его.

Он прошёл сквозь огонь, языки которого в ненормальном «страхе» отступили и открыли дорогу. Это существо облачено в чёрные рясы с вплетёнными красными и серыми ленточками, словно облачено в одежды диковинного культа. На его голову опускается чёрный капюшон, скрывающий лицо. Вокруг этой твари будто бы сгущается сам мрак, а пространство становилось ещё чернее. Тварь ловко вскидывает чешуйчатую руку, и сжимает её. Вокруг ладони начинает концентрироваться энергия, и задрожал от электричества сам воздух.

«Вот он и конец» – подумал про себя парень, понимая, что некромант готовит заклятье и жалость, боль зарылась в его сердце, он потерпел поражение. Но неожиданно, сквозь пла-

мя, выпрыгнул Рафаэль, явив себя единственным шансом на спасение. Он пролетел точно сквозь огонь и повалил некроманта, ударив его головой об землю. Чёрный маг рухнул на землю, и молния из его рук устремилась в другую сторону, миновав юношу. Но тут некромант хотел применить новое заклятье и уже взвёл руку, как капитан наёмников ловким движением вытащил стальной кинжал сиродильской работы и вбил его в лоб аргонианина. Ящер даже не трепыхался, он обмяк и распластался на земле, так и оставшись лежать.

В эту же секунду мертвец, нависший над юношей и готовившийся его загрызть, упал замертво и стал обращаться в пепел. Как только некромант умер, все его мертвецы, которых он контролировал, повалились вновь замертво и юноша не знал, сколько ещё таких, подчинённых чёрному магу, бродило по острову.

Азариэль, отряхиваясь от золы и гнили, стал подниматься с земли. И смотря на капитана наёмников, его ум наполнился воспоминаниями, как всё привело к этому исходу, что всё вокруг полыхает, а по острову маршируют губительные силы.

Всё началось с высадки противника. Десятки самых разных кораблей и шлюпок престоли к берегу, исторгая из себя всяческий сброд, который только можно было найти за несколько месяцев. В первую волну вошли бандиты, сепаратисты, мелкие маги, остатки группировки «Сыны Леса», пираты и ещё множество всяческого живого скарба, который

можно было отыскать и завербовать за звонкую монету. Но вместе с ними на берег ещё стали выгружать сотни трупов: свежих и прогнивших, облачённых в доспехи и одетых во рваньё. Предназначение мертвецов было узнано чуть позднее. И сойдя на берег, вся эта неорганизованная банда в хаотичном порядке стала нападать на первый круг обороны.

Однако вся эта шушера не смогла подойти на достаточное расстояние, ибо их снопами выжигали, вымораживали маги и отстреливали с баррикад стрелки. Они выли, стонали, кричали и агонизировали, но продолжали бессмысленное наступление. И только поняв, что им не подойти к первой линии обороны, остатки первой волны отступили. Радоваться первой победе не стоило, ибо враг перешёл к массивному наступлению, ощутив мощь обороны, он понял её сущность и приготовился сокрушить.

С кораблей начался массивный обстрел, принявшего форму огневого вала, который смещался в сторону Цитадели. И под всю эту артиллерийскую канонаду началось наступление второй волны, в которую входили тысячи наёмников и сотни, прекрасно обученных солдат, отличавшихся прекрасной подготовкой и оружием от преступников из первой волны. И тогда завязался первый тяжёлый бой. Защитники острова сцепились с наёмниками и чемпионами Даэдра. Воители Ордена и их союзники стойко держались, не давая пройти ни на йоту противнику, захлёбываясь лившейся кровью.

Но тут свет окончательно поник и на поле боя вышли некроманты. Применяв неограниченные магические силы, дарованными губительными силами, они смогли оживить более тысячи мертвецов и направить их против сил оно обороняющихся. И мёртвых теперь целая орда. Неважно, кто стоял в рядах трупов, будь это воин из Гильдии Бойцов или городской стражник, имперский легионер или обычный горожанин, всех объединяла «нежизнь». И они подобно саранчи захлестнули позиции нападавших, заставив оборону первого рубежа захлебнуться под весом мертвецов.

Мёртвые, несмотря на огромные потери, прорвали оборону и устремились бродить, выискивая живых защитников. Артиллерия противника тем временем не уступала. Катапульты и требуше, с позиций на кораблях, щедро месили землю, ровняя с землёй баррикады и укрепления, постоянно держа под обстрелом и Цитадель, выстрел за выстрелом, уничтожая её великолепие. И когда первая линия обороны была сметена, враг начал тотальное и массивное наступление на второй рубеж обороны, который так просто сдаваться не собирается.

И второе кольцо обороны приняло на себя массу всех отступников, ренегатов, еретиков и противников. На стены второй линии обороны устремились практически все мятежники, которые были: бандиты, пираты, наёмники, мятежные маги, некроманты, чемпионы Даэдра, еретики губительных сил, тучи мертвецов и остальные предатели порядка Тамри-

эля обрушились неисчислимыми ордами на укрепления, которые еле как, под жуткий стон и канонаду удерживают врага. Но среди них не было тех, кто несколько месяцев назад предал Орден, что многим показалось странным, однако никто не сомневается – предатели ещё выйдут.

И когда враг подошёл к стенам и укреплениям второго круга обороны, то тут же был зажжён огненный вал, отрезав наступающих противников от подтягивающихся. Но так было ненадолго, ибо в некоторых местах огненный вал был разорван, и отступники с ренегатами вновь хлынули на крепость, не давая передышки защитникам. Однако сам огненный вал превратился в один большой пожар, который пополз по острову, выжигая всех подряд, не делая разницы между союзником или врагом.

Но сейчас юношу это перестало волновать, медленно отходя на второй план, ибо он в глубоком тылу и ему необходимо прорываться к своим.

– Ты как парень, живой? – спросил подлетевший Рафаэль, чем вконец развеял воспоминания Азариэля. – Всё в порядке?

Юноша взглянул на небо и увидел, что оно чёрное как смола и вспомнил, что в последний раз он успел разглядеть всего несколько загорающихся звёзд на вечернем небосводе, прежде чем оно сомкнулось тяжёлыми, массивными и густыми облаками. Это было перед самым началом штурма первой линии укреплений.

– Да, в порядке, – тяжело ответил юноша.

– Ты что тут делаешь на этом краю деревни? Почему ты в глубоком тылу, а не на передовой?

– Командир Марон дал приказ, чтобы я отыскал некроманта, орудующего на краю деревни, и убил его, чтобы обезопасить фланг.

В ответ капитан наёмников лишь расхохотался, разведя руками в сторону, после чего опустил свою ладонь на плечо парня и с толикой смеха и улыбки сказал юноше, который стоял в недоумении:

– Командир Марон, командующий легионерами–наёмниками мёртв. Он погиб при обороне центра первой линии, когда вступил со своей центурией в неравный бой с существами Обливиона, которые напирали с запад, – и указав на некроманта, капитан с насмешкой продолжил. – Что ж, ты убил мага, обезопасил фланг, но только у нас теперь нет, ни фронта, ни тыла. Мы в окружении, для нас сейчас всё стало фронтом.

– Что будем делать тогда? – бесстрастно спросил юноша. – Куда нам идти?

– Нам нужно продвигаться в сторону резиденции первого рубежа, там сейчас собрались все те, кто остался в живых от первой линии.

– Кто там сейчас командует?

– Твой друг, – с улыбкой начал Рафаэль. – Я его помню, как достопочтенного рыцаря Ремиила.

В ответ юноша лишь легко усмехнулся, ибо обрадовался тому, что его друг всё ещё жив. И его не волнует, как он выжил в боине, лишь бы он оставался рядом с ним.

– Ну а теперь бегом до укреплений, – скомандовал капитан наёмников, и они устремились к последним защитникам острова в этой местности.

Азариэль осматривается по сторонам и ужасается тому, что стало с деревней, которая раньше была житницей Ордена. Некогда прекрасные и крепкие дома, порой вмещавшие целую семью, сейчас стоят и полыхают алым жарким и голодным пламенем, который пожирает всё вокруг. Некогда прекрасный край ныне объят огнём, который силится его уничтожить, а почти вся деревня уничтожена снарядами катапульт, которые сейчас стараются обратить в пыль укрепления второго рубежа и прекрасную Цитадель.

Но размышления парня в основном сейчас сконцентрированы на бое, который ему предстоял. За весь день он ещё ни разу не скрестил клинок со своими друзьями и товарищами, которые некогда покинули Орден, и его сердце содрогалось от того, что ему придётся сражаться с теми, кого он раньше любил и уважал. Его дух покрывает холод от того, что ему снова придётся пролить кровь бывших братьев и сестёр. Но это была за весь Тамриэль и за будущее Мундуса, а потому долг взывал парня пронзить чёрные сердца отступников, кем бы они, ни были.

– Подожди, пригнись, – неожиданно, вырвав из размыш-

лений, схватив юношу за плечо, сказал Рафаэль и силой заставил парня согнуться и укрыться за опалёнными досками, бочками и ящиками.

Перед ними простирается широкая улица, в конце которой виднеется баррикада, на которой лучники и маги отбиваются от роящихся под ними мертвецов, бандитов и сепаратистов из практически погибшей группировки «Сыны леса». Но вот среди мертвецов были только гоблины Сиродила, и их снежные родичи с острова Солтстхейм, тщетно пытающиеся прорваться к резиденции первого рубежа.

Внезапно сзади раздался звук приближавшихся шагов. Азариэль и Рафаэль мгновенно обернулись и обратили свои клинки в сторону звука, ожидая увидеть какого-нибудь дэйдра. Мельком юноша разглядел, как капитан наёмников дрожащей рукой сжимает сверкающую стальную рапиру, а потом узрел, как с части шёлковой рубашки капает густая кровь из-под мараной повязки на животе.

В эту же секунду из дыма и пламени выбежало трое воинов в начищенных блестящих и сверкающих доспехах. Каждый из них в руках несёт сияющий клеймор, который сегодня раздробил не один десяток скелетов и доспех из кузней Обливиона.

Азариэль вспомнил прекрасных воителей, ибо они отпечатались в памяти подобно яркому пятну. Это те трое из десяти странных воинов, пришедших по личному приглашению Регента. И на поле боя они вели себя более чем странно

и даже неестественно для тяжёлого положения. Там, где бы они ни появлялись, противник в страхе отступал, будто его гнали сами Боги, выжигая их волю священными ликами. Куда бы они ни пошли фронт выравнивался, а враг спешил перегруппироваться. Но больше всего юношу удивляли свойства блестящих и гладких доспехов искусной работы. Они не горели, не чернели от сажи и не портились от заклятий, оставаясь всегда такими же сверкающими, как яркая луна. Юноша лично видел, как водного из странных воителей попало ледяное копьё, но оно просто рассыпалось о броню, не причинив и вреда. И Азариэля эти воины настораживают не меньше чем странные противники, с которыми парень сегодня повстречался.

Внезапно среди этих троих выделялся один воин. На его плечи опускаются седые, но в то же время длинные белоснежные, как снежные скайримские дали, волосы, а лицо украшено татуировкой дракона. В своих руках он несёт большой сверкающий клинок, который буквально отливает сияющим серебром. С его плеч ниспадал белоснежный плащ, осквернённый сажей и гарью – единственная вещь, которая испортилась.

– Что стоим, друзья? – внезапно спросил воин в сверкающих доспехах. – Разве не видим, что прорываться нужно.

Эти воители немногословны, как и присуще их ролям. Они лишь иногда советовали, как нужно воевать и куда направлять удар. И сказав эти две реплики, они ринулись в бой,

а за ними Азариэль с капитаном наёмников.

Сверкающие ратники в бою просто великолепны, являя пик совершенства военного мастерства. Они не разили напролёт, как безумные берсеркеры севера, показывая более утончённый и складный бой. Их сражение подобно танцу, который несёт лишь смерть врагу. И сейчас они будто страшные танцоры, вертятся, режут и кромсали, окружая себя дорогой из трупов. Бандит или мертвец – никто не мог уйти из-под мастерского удара этих странных воинов.

Азариэль увидел, как где-то среди языков пламени и обугленных руин мелькнуло что-то чёрное и неведомое. Парень одернул Рафаэля, указав ему клинком на то, что среди беснующегося пожара кто-то снуёт. И они пошли окружать неведомо существо, оставив лихорадочно развернувшийся бой за баррикаду. Азариэль прошел, в какой-то сгоревший дом, как ему в правое плечо начал своё полёт ледяной шип. Парень в последнее мгновение смог уйти из-под магии и приготовиться к бою. И из полыхающих руин вышел некромант. Он облачён во всё-то же, что и первый, но в его одежду были вплетены уже синие ленточки. Некромант готовился сотворить заклятье, как ему в руку прилетел кинжал капитана наёмников, сорвавший магические приготовления, но к странности – чародей и не пикнул от боли. И в эту же секунду Азариэль в один прыжок подлетел к магу, держащемуся за окровавленную руку, и его ладонь с мечом остановилась в сантиметрах от живота некроманта. Парень ощутил, как

сквозь дым и пламя его ноздри уловили тонкий аромат розы...

– Ли-Лира!? – воскликнул Азариэль и коснулся ткани на одежде.

Внезапно капюшон откинулся, и на свет пляшущего огня предстало прекрасное женское лицо, ошарашив юношу. Её чёрные волосы опускались практически до плеч, а голубые глаза поражали своей глубиной. Но больше всего Азариэля дёрнуло за душу шрам на щеке и заметные скулы, так красиво смотрящиеся у налитых багрянцем губ. Образ этой девушки отразился желчной горечью, и этот момент Азариэль почувствовал странные и смешанные чувства, которые были схожи со стыдом, ненавистью и жалостью.

– Что такое, Азариэль? Что ты встал? – наёмник выдернул кинжал из женской плоти, и девушка слабо вскричала. – Убей её.

– Я... я не могу, – в замешательстве Азариэль опустил меч, обратившись к воспоминаниям о той милой чуть ропотной девчужке, готовой на глупость ради него.

– Азариэль, – улыбнулась Лира. – Вот мы и встретились. Как неожиданно?

– Нет... Лира... не может быть, – Азариэля замутило как пьяного. – Зачем?

– Для свободы, Азариэль.

– Ты рыцарь! – рявкнул Рафаэль. – Если не ты, то это сделаю я!

– Нет! – остановил наёмника Азариэль, преградив ему путь мечом. – Она меня как-то спасла, теперь я отплачу ей той-же монетой, – Азариэль нахмурился, и его меч устремился на девушку. – Иди Лира. Лучше уходи с острова.

– И вы идите. Сейчас я вас отпускаю, но при следующей встрече одними лишь словами не отделаешься, – девушка махнула рукой и мгновенно растворилась в пространстве, оставив после себя лишь едкий дым и жаркое пламя.

Рафаэль усмехнулся, но тут же подавил эмоция и зашагал к юноше. Его пальцы мягко коснулись плеча юноши, и наёмник призвал его не беспокоиться.

– Ей уже ничем не поможешь... она сделала выбор. А теперь нам нужно идти.

– Ты не понимаешь, – выпалил Азариэль. – Не понимаешь...

– Это война...

– Братоубийство.

– Да что ты так о ней забеспокоился!? – Рафаэль одёрнул рыцаря. – Давай, нам нужно идти! Забудь про неё!

Азариэль сглотнул и подавил все эмоции, которые в нём бушевали. Если бы тут стоял главный предатель юноша, не раздумывая на него напал и разорвал бы, но выхода для чувств нет, и парень вынужден давиться тем, что его гложет, как слезами и горем.

Они оба вышли наружу и увидели, что все мертвецы обращены в пыль, а защитники резиденции готовятся принять

неожиданных спасителей. И Азариэль с капитаном наёмников лишь пошли в сторону, где остался оплот обороны, ни проронив ни единого слова.

Азариэль и Рафаэль протиснулись через проём разобранных баррикад и вошли к резиденции – оплота первого круга обороны, точнее того, что от него осталось.

Перед ними предстал широкий двор, усеянный трупами и горелыми телами. В конце каждой улицы, которая вела к широкому двору, где образована ставка, стоит по массивной баррикаде, на которой стрелки, и лучники отбивались о нахлынувших орд противников. Шум взрывов и вонь горелого мяса стали верными спутниками над островом и этой «преlestи» до тошноты. Практически все здания вокруг двора сгоревшие или всё ещё полыхают, подобно кострам, озаряя пространство вокруг. Хоть лёгкие парня забиты ароматами угарного дыма, здесь он почувствовал, как веет слабый ветерок, наполненный ароматами луговых цветов. Азариэль увидел, что во дворе снуют несколько воинов, стоящих на страже самого главного здания – бывшего здания совета старост – постройка некогда была исполнена в стиле дорогих соли-тюдских домов. Такая же крепкая и красивая. Но артиллерия противника превратила здание совета старост в полуразрушенные руины, в которых ещё теплилась жизнь, откуда всё ещё происходит поддержка обороны.

Азариэль практически бегом устремился к резиденции, в надежде увидеть своего дорого друга, но практически подой-

дя к зданию, его остановил высокий светлый воин, с длинными белоснежными волосами и бородой, схватив за плечо.

– Обожди юноша. Мне нужно с ним сначала переговорить, – сказал воин и отодвинул парня, войдя в полуразрушенное здание.

Азариэль немного опешил от такого обращения, но перечить не посмел. Он просто встал возле здания вместе с капитаном, и стал ожидать.

Парень смотрел, как везде вокруг бегают практически изнеможённые бойцы. Кто-то ранен, а кто-то уже довольствовался разбитыми доспехами и бронёй, используя мимолётные секунды, чтобы их подлатать. Лицо каждого воина, мага или стрелка отображает огромную усталость, однако их взгляд полыхает ненавистью и отвращением к тому, что они сегодня увидели. Хоть мышцы готовы отказать, но дух подгоняет тело вперёд, заставляя его без отдыха вести сражение. И кого только парень здесь не увидел. У резиденции первого рубежа снуют воины из Гильдии Бойцов, стражники Цитадели, маги из Гильдии Магов, наёмники всех мастей, рыцари из множества орденов континента и ещё множество союзников. В обороне участвовали даже несколько отделений из крестьян и прислуги. И все они: от крестьян до рыцарей, от наёмников до высокопоставленных магов были объединены одной целью – удержать этот двор.

– Если к нам в течение нескольких часов не придёт подкрепление императора, то сегодня наши дни сочтены, –

констатировал капитан наёмников, присаживаясь на пустой ящик у входа.

– Что, по-твоему, всё так плохо? – без эмоций спросил юноша.

– Первая линия обороны практически сметена, ибо всё, что от неё осталось ты видишь здесь. – Окинув взглядом выживших сказал Рафаэль. – Второй круг еле как держится. Даже отсюда я слышу, как хрустят деревянные стены и умирают защитники второго рубежа. Ты ж видел, как первая линия укреплений была уничтожена. И если они прорвутся к вашей Цитадели, раньше, чем мы сможем отступить, то расцвет мы уже не встретим. – Пояснил Рафаэль.

– Понятно. Кстати, а что случилось с твоей «славной ротой»?

– Прежде чем я был отрезан от своих воинов, то, сквозь пламя, увидел, как они держат оборону против тварей из царства Хермы–Моры. Наверняка они рассеяны по всей линии обороны.

Они могли бы ещё долго говорить, но внутренний двор наполнился дрожащим напевом боевого горна и воплем:

– У нас прорыв обороны! Нужна помощь!

– Иди без меня! – указал Рафаэль и провёл ладонью по животу, обагрив перчатку в крови. – Я подлатаю себя и присоединюсь.

Азариэль рванул что было сил. Среди опалённых пылающих домов и разрушенных строений путь пробил враг.

Они вынесли охваченные пламенем куски строений, образовав небольшую колею, и лавиной мерзости враг хлынул во внутренний двор.

– Магов и стрелков сюда! – вскричал Азариэль, ворвавшись в ряды противника. – Не дайте им прорваться дальше!

Клинок первого и последнего Верховного Магистра впился в грудь врага, облачённого в чёрную рясу, выйдя из спины. Ещё удар и второй еретик брызнул кровью из шеи. Мгновенно крутанувшись, Азариэль рассёк плоть на ногу и повредил кость, заставив врага рухнуть, следующим ударом пригвоздив его.

Вместе с Азариэлем кинулись в пролом и немногие рыцари, среди которых сверкает доблестью Магистр Рыцарей. Его меч стал карой для врага, а воля стремилась как можно больше пожать жизнью.

Враг напирает. Еретики в чёрных рясах и масках божеств на пару с бандитами и мертвецами без конца лезут сквозь проём.

– Маги и стрелки! – отдал приказ Аларих как только образовалось свободное пространство и враг оказался как на ладони.

Болты и стрелы, огненные и ледяные копьё, молнии и шары смерти рассекли пространство и смертельным шквалом ударили по лезущему врагу. В считанных сантиметрах от Азариэля пролетело заклинание, и кожей он ощутил холодок магического мороза. Первые ряды противников рухнули, за-

хлебнувшись магией и сталью, и западный край внутреннего двора погрузнел и окрасился в жуткий багрянец от количества трупов.

Но это остановило слуг великого врага, и они продолжили наступление, бездумно и безрассудно напирая через одну щель. Но вот среди толп виднеется высокая фигура и земля трясётся под сапогом этой твари.

– А-а-а! – раздался жалобный крик и Азариэль сорвался на вопль.

Два с половиной метра чёрной воли и боевого мастерства, закованных в полный комплект даэдрической брони, неестественно пульсирующей проклятым багрянцем, выступили на битву. Одним взмахом широкого длинного меча он рассёк рыцаря, вторым ударом латной перчатки поверг на землю новенького неопита Ордена. Кожаный панцирь, укрытый кольчужной накидкой, смялся под давлением тяжёлого сапога и молодой смуглый парень, лицо которого скрыто за шлемом, елозит и дёргается, стонет и пытается вырваться, безрезультативно вонзая кинжал в броню дреморы. За массивным врагом во внутренний двор хлынули десятки меньших врагов, ликуя и радуясь скорой победе.

Меч Азариэля яркой нитью пролетел у глазниц шлема монстра, высекая сноп искр и заставляя дремору отступить. Хватаясь за руку, рыцарь помог встать неопиту и отпихнул его.

– Беги идиот! Беги Сутарак.

В один кувырок Азариэль ушёл от удара, который должен был его располовинить, покрыв себя пеленой грязи и крови.

Два воина в блистательных доспехах, в окружении остальных бойцов двора, тем временем врубались в ряды вражьей мерзости, отесняя её обратно, оставив Азариэля и Алариха одних против гротескной машины для убийства.

Магистр Рыцарей попытался поразить дремору, отвлекая его внимание на себя, но враг хитрее. Он прокрутился с мечом, давая его весу вытянуть себя на прыжок, и набросился на Азариэля. Меч вонзился в землю перед юношей, но парень был не рад, ибо ощутил, как его челюсть затрещала от удара сокрушительного кулака. Он ощутил, как боль объела голову, переходя в мучительное головокружение; ноги не в силах держать тело и Азариэль чувствует спиной шершавую и влажную землю, а ладони сжали горсти песка и в беспомощных движениях рыщут рукоять клинка.

Со всей силы Аларих врезался в дремору, выбив из его рук меч, и тот с лязгом отлетел в сторону, похоронив себя в ковре из тел. Магистр Рыцарей обрушил ливень сокрушительных ударов, каждый из которых мог перерубить кость, но осквернённый металл прочнее и толще.

– Сдавайся маленький рыцарь, и я пощажу тебя!

Дремора развернулся и с бедра дёрнулся даэдрический зубчатый меч, смахивающий на ятаган. Азариэль схватился за рукоять и, преодолевая бурю в голове и плывущие облики происходящего, он пошатываясь идёт вперёд.

Аларих отошёл назад, когда дремора сделал выпад и как только враг склонился широкой дуге, он сам выполнил взмах. Отмеченный запёкшийся кровью и гнилью клинок рыцаря лезвием уткнулся в шлем и, не пробив его, заскользил, отсекая один из рогов на шлеме дреморы.

– Никогда! – ответил Магистр, занося меч для удара в подбородок.

Когтистой лапой воин перехватил острие меча Алариха и молниеносным, лёгким как дуновение ветра, взмахом меча погрузил лезвие в шею. Кровь хлынула бурным потоком по нагруднику, и Магистр отшатнулся назад.

– Тогда умри...

Дремора не успел договорить, резко обернувшись, следуя рефлексу. Существо с простотой движения отбило неловкий выпад, перешло в удар, рассекая руку альтмеру, и одним поставленным ударом острие пронзило рубаху Азариэля, и по клинку брызнула кровь.

– И тебе конец.

Всё внутри Азариэля сжалось, он ощутил, как к нему взывает холодная голодная тьма. Пальцы на ногах и руках ощутили могильное прикосновение, и юноша ощутил, как жизнь стала оттекать из конечностей, неумолимо холодея. Дремора выдернула клинок, и поскольку жизнь утекла из ног, и он упал, из последних сил зажимая кровоточащую рану на животе. Боль обиды и поражения тернистыми цепями сжалась у сердца. Он так и не увидит победного рассвета, не поучаст-

вует в битве с Люцием и не воздаст ему по заслугам. Края взгляда уже стали тонуть в сумраке, и он слышит сердцем, как зов смерти становится всё сильнее и сильнее, а его связь с этим миром теряется.

После глубокого вздоха, которым эльф пытается цепляться за жизнь, голова поворачивается. В тёмной пелене на глазах Азариэль разглядел пятки сапог рыцаря Мёртвых Земель и как он повернёт исход этой битвы. Для защитников внутреннего двора всё решено и ещё пара минут и их попросту задавят числом.

«Но смерть может и подождать» – сказал себе Азариэль, когда у дома старосты смазанным силуэтом пролетели зелёные одежды и блеск нагрудника.

– Гэ’эль! – прохрипел Азариэль, потянувшись израненной искромсанной рукой, в сторону пляшущей с магией девушки.

Рядом с ней из иного пространства вышел дремора-помощник и по указу эльфийки устремился на рослого собрата.

– Брат. – Проговорил вражеский дремора, подняв меч.

Пока два слуги Мерунеса схлестнулись в жестокой схватке Гэ’эль шаркнув одеждой припала к Азариэлю. Судорожными движениями рук она оторвала кусок рубахи, оголяя рану.

– Держись! – единственное, что услышал парень за шевелением её сжатых уст.

Массивный столб света окутал Азариэля, бездна яркого и

ослепительного свечения окутала подобно кокону альтмера. Жизнь ликующей волной снова разлилась по его телу, а могильное касание смерти отступило и снова он чувствует силу в мышцах и его существование опять наполняется смыслом.

– Ох, – марая колени в грязи перед телом Азариэля, выдохнула девушка; тут Азариэль разглядел маленькую дорожку крови, потёкшую из носа. – Магия...

Секунды хватило, чтобы Гэ'эль не удержала себя и упала на Азариэля. Зажившим торсом юноша ощутил прохладное прикосновение пластины металла, как тёплая ладонь ложится ему на грудь. Азариэль, поднявшись, склонился над девушкой.

– Спасибо, – прошептал Азариэль, перевернув девушку, и окликнул спасённого неофита. – Охраняй её тело!

Впереди он видит страшную картину. Дремора-союзник растаял, а внутренний двор забивается всякой нечистью во главе которой могучий рыцарь Дагона, крушащий налево и право. Ещё пара мгновений, и они возьмут верх, а посему Азариэль решается действовать. Он берёт в руки с тела Гэ'эль свиток, переживая приятную щекотку наэлектризованности в руки от бумаги. В правой руке он с силой стиснул чёрную рукоять меча, выпрямляясь.

Золотистые пальцы сжимаются на бумаге, вырывая её из-под ремня пояса и вознося. Бумага пропадает, уступая место горячему сдержанному пламени, пучку маленького пожара, в котором сокрыта страшная сила. Рука становится прямой и

огонь срывается за секунду став немаленьким шаром. Взрыв. Воздух потряхнул страшный взрыв, прогремевший у сочленения шлема и горжета нечестивого доспеха, а затем по ушам саданул первобытный рёв дреморы, срывающего раскалённый шлем. Молния, с громом, высвободилась с ладони Азариэля, и электрическим копьём, светоносным хлыстом сокрушило голову воителя.

– За Орден!

Дремора сильно накренился к земле от двойного магического натиска, но тут же повален Азариэлем. Эльф забрался на грудь слуге Дагона, и, почувствовав важность момента, оставшиеся войны из последних сил оттеснили противника от поверженного чемпиона. Серебристое лезвие перебило шею, следующим ударом вошло в глаз, и работа мозга была остановлена. Дремора превратился в труп.

После скоротечной победы последовал плевок в сторону трупа. Огонь распалился ещё сильнее, и кусок здания обрушился, отрезав внутренний двор от остального пространства.

Враг повержен, но какой ценой? В рядах воинства Ордена осталось не более двух десятков боеспособных солдат, рассеявшихся по внутреннему двору и добивающих очухавшихся врагов, или держащих тех, кто пытается прорваться через баррикады, однако юноше всё равно.

Склонившись над телом прекрасной девушки Азариэль не сдержался. Его сердце возопило от гнева и хандры, а глаз вы-

давил скую слезу. Он коснулся щеки девушки, ощутив еле колышущееся тепло, как жизнь всё ещё бьётся по её жилам. Азариэль знает, что она жива, что её тело и разум погружены в глубокий сон, вызванный крайним истощением. И всё же юноша не может найти ответа на причину того, что Гэ'эль истратила весь запас магических сил, воззвав к мощнейшему заклинанию восстановления, буквально вырвав парня из лап смерти.

– Ничего, ты справишься, – шепчет юноша в надежде, что девушка его услышит.

Азариэль услышал звук тяжёлых рыцарских сапог и знакомый лязг брони. В эту же секунду он оглянулся и увидел своего старого друга. Его броня вся чёрная от сажи. Некогда сверкающие доспехи покрыты копотью и множеством царапин, потеряв былое величие. Лицо рыцаря тоже всё чёрное от рисунков пепла, который толстым слоем лег на лик друга. Но взгляд рыцаря оставался таким же несломленным и гордым, как и всегда, хоть всё лицо заляпано кровью, а седые волосы стали тёмными от сажи.

– Ты всё ещё жив, – преодолевая боль и усталость, с натянутой улыбкой высказался рыцарь. – О Акатош, как же от радно тебя видеть живым.

– Ремиил, а как я рад тебя видеть, – безрадостно сказал эльф, показав на девушку. – Если бы не она, я был бы уже мёртв.

И оба рыцаря по-дружески обнялись, ибо они не виделись

практически целую вечность, ибо именно так можно определить время во время боя.

– Где Аларих?

– Мёртв, – ответил Азариэль.

– О-о-ох, – больно взял слово Ремиил. – Это не хорошо.

Это очень не хорошо.

– Кхм–кхм, – кашлянув, желая, чтобы на него обратили внимание, воитель в сверкающей броне подошёл и спокойно-нозадал вопрос. – Ну, командир, как будем прорываться?

Ремиил отстранился от Азариэля и приложил ладонь к подбородку, задумавшись. Он стоит так минуты две, ища любой, даже тщетный способ порваться через окружение. Но тут же поднимает руку и обращается к толпе:

– Всем общий сбор! – Внезапно вскрикнул рыцарь и стал отдавать приказы, чтобы все собирались у разрушенного здания совета.

Естественно, на своих баррикадах остались те, кто не мог уйти и бросить оборону, продолжая стоять на позициях.

Азариэль не стал оставлять спасшую его эльфийку. По крайней мере, он теперь ей должен, а поэтому он аккуратно её поднимает с земли, ощутив резкую боль в пояснице. Грузом в килограмм шестьдесят-семьдесят Гэ’эль обременила руки парня, и тут же раздался металлический звон металла о землю.

– Понесёшь! – приказал Азариэль неофиту, которого спас, указав на меч эльфийки.

Через несколько минут у здания совета собрались выжившие бойцы. Их не больше двух десятков самого разного происхождения: от благородного рыцарства до наёмников–легионеров. Сердце юноши наполнила скорбь, ибо на первый рубеж обороны посылали более тысячи бойцов, а теперь их жалкая горстка храбрецов. Но даже в таком малом количестве они готовы держать оборону и бить противников до последней капли крови.

– Ну, товарищи, друзья и братья, я хочу у вас спросить – готовы ли вы свои жизни доверить мне?! – из последних сил призывал Ремиил, опираясь на меч. – Я понимаю, ваши силы на исходе, оружие затупилось, броня разбита, а враг всё продолжает напирать, но сейчас от всех требуется лишь одно – живыми добраться до второго рубежа обороны и ещё послужить Тамриэлю. Так готовы вы пойти за мной?

Все стоящие ответили согласием. Кто–то не в силах стоял и просто кивал, а кто–то громогласно и помпезно согласился, разбавив безнадёгу положения торжеством.

– Ну, тогда всем приготовиться! – Выкрикнул Ремиил и затрубил в тот рог, что висел у него на поясе.

Азариэль понимал, что это самоубийство, ибо на этот гул сбегутся все те, кто ещё не знал, что сопротивление подавлено. И многие, кто стоял во дворе были ошеломлены таким поступком и пребывали в негодовании.

– Веди нас! – обратился к воителю в сверкающих доспехах Ремиил, с надеждой в глазах.

– За мной! – кинул воин, стягивая пальцы на рукояти клинка.

Через пять минут все баррикады и укрепления опустели, и во двор всё же смогли ворваться сторонники губительных сил, наконец-то занявшие столь желанную деревушку.

Но сейчас Азариэлю нет дела до того, что кто-то занял уже ненужную позицию. Он нёсся с остальными живыми, отягощая плечи телом эльфийки, желая просто спастись и послужить ещё пару часов Тамриэлю. Улица за улицей, укрепление за укреплением, охваченные жарким пожаром, дым, бьющий прямо в лицо и забивающийся в лёгкие, они прорывались через толпы врагов, которые отвлеклись на рог. Юноша просто бежит и практически не думает. Всё его мышление скатилось к примитивным рефлексам. Азариэль несётся за остальными и видел, как их окружают, берут в кольцо, как оставшиеся в живых доблестно отбивают атаки неисчислимых толп противников, бьющих им во фланги.

Но вот наступил момент, когда они остановились. Укрепления второго круга обороны уже отчётливо видны – опаленная и покрытая стрелами, словно ёж иглами, деревянная стена так и манит очертаниями, а трепыхание прожжённых и дырявых боевых знамён на них вселяет надежду. Но они и шагу не могли сделать, ибо со всех сторон окружены бандитами, наёмниками, сторонниками Даэдра и прочими ренегатами, которые просачиваются из всех щелей. И досада от того, что они не дошли совсем немного, просто съедает душу.

Парень держал меч, так как будто он весит больше десяти килограмм, а руки налились металлом. Усталость медленно берёт своё, и обременяет тело, наливая каждую конечность свинцовой тяжестью, но всё же он готов был принять бой. И от того что они просто стоят и переглядываются с мятежниками у парня начинала бурлить злоба. Из-за всего этого у парня в ушах даже звуки вокруг кипевшего боя приглушились.

Неожиданно сквозь ряды мятежников прошёл тёмный эльф. Он придет в красные священнические одежды с чёрными символами. На его поясе покачивается дэдрического типа булава, а голову скрывает широкий капюшон. Азариэль в нём узнал одного из иерархов–предателей, по голосу и походке – переваливается с ноги на ногу, как гусь. Он пунктуально обступил своих товарищей и обратил громогласные помпезные речи в сторону защитников острова:

– Я лорд-милитарис «Дома Войны» и требую, чтобы вы немедленно сдались силам свободы, иначе мы вас выпотрошим! Вы можете сохранить жизнь и душу путём великих благостей наших повелителей, так зачем же вам сражаться? Киньте оружие и становитесь рабами свободы, она примет вас в свои ласковые объятия так же как приняла и нас.

Никто не обратил внимания на этого безумца, отдавшего свою жизнь служению тёмным силам.

– Мы лучше умрём! – ответил Ремиил, осматривая, как сгущается кольцо врагов, сочащиеся сквозь разрушенные

постройки и полыхающие руины.

Азариэль увидел, как сквозь пелену боя, через дым провались фигуры, объятые пеленой удушливого тумана, замаранные багрянцем. Они идут от стены и завидев шесть «призраков» враг попятился назад, а незнакомцы переходили на бег. Они мигнули и стремительно понеслись в ряды противников.

Шесть воителей врезались в стан врагов. За миг Азариэль разглядел их – пять воинов Трибунала, закованных в широкоплечую кость и увенчанных большим ярким гребнем и один из ратников несёт на себе груз прикрепленных к его доспеху клятв. Алебарды расчертили воздух и тут же ряды противников брызнули кровавыми красками, окропившими холст войны. Двуручный меч паладина летает будто пёрышко, потроша и рассекая плоть врагов.

Противник ничем не смог ответить, ибо из-за стен хлынул слабый дождь из стрел. Все, кто не закрылся ощутил холодный поцелуй стального наконечника, оставив сей бранный мир. Азариэль посреди битвы, держа близко меч и пытаясь не уронить тело, от усталости не может выхватить все фрагменты битвы, но всё же видит, что они побеждают. Перед паладином нет равных.

– Отступаем! – скомандовал один из командиров слуг губительных сил и хватило пары минут, что тёмные полчища рассосались среди чреды разрушенных укреплений и построек, будто их тут и не было.

Врага не осталось и двадцать измученных и усталых служителей орденового воинства подошли к насыпи со стеной, где бездушным суровым голосом их встретил паладин:

– Вы где были? Почему не отступили!?

– Нам отрезало, – ответил Ремиил. – Эти коды взяли в окружение.

– Что ж, вы не в курсе, но больше половины укреплений второго рубежа либо заняты противником, либо разрушены. Мы собирались объявлять всеобщее отступление, как услышали ваш рог. Ваше везение.

– Как!?

– Ладно, не это этого сейчас. К нам пришли подкрепления и у нас приказ их встретить!

– Имперские?

– Нет. Лоялисты из Саммерсета. Их корабли подходят к югу, и Регент приказал нам их встретить и провести в Цитадель. Нам бы не помешала помощь.

Азариэль позволил телу девушки сползти с плеч и передал его неопиту, который подхватил бессознательную девушку, не дав ей упасть.

– Береги её, – дал строгий наказ Азариэль. – Как только будешь за стеной, укрой.

– Будет исполнено, господин.

Азариэль, Ремиил и ещё пара рыцарей, присоединились к паладину в его деле. Остальные под прикрытием лучников и воинов в блистательной броне, скрылись за стенами второго

рубежа.

Отряд в декаду ратоборцев бредёт медленным бегом под покровом западной стены, полагаясь на прикрытие уцелевшего участка стены. Над головой раздаётся свист стрел и ревела магия. Отовсюду доносится удушливый смог сгоревших строений, а с запада кожу ласкает жар пожарищ, а ухо сворачивается от вражеского гогота и воплей.

– А где враг прорвался?

– Ремиил, они нас оттеснили с севера и востока, – ответил паладин. – Более-менее держалась западная и южная часть.

Отряд, перемежаясь на быстрый бег, вышел на юг для встречи помощи. Глаза Азариэля забегали по полю, отыскивая на нём ничего кроме следа смертельного побоища. Кучи тел всюду, поле завалено мертвецами от горизонта до горизонта.

Азариэль поймал звучание мертвенного напева, смотря, как вдали стелятся дурно пахнущие ковры из тел, где посреди возвышается тусклая разбитая двумерская машина смерти, выкрашенная в кровь и сажу.

Рыцари посмотрели вниз, звеня ботинками о раскроенную броню, похолодев душами от мириад безжизненных глаз врагов и верных Ордену, одинаково устремлённых на небо, подобное бездне. Если бы мертвецы могли умолять, то поле наполнилось бы стонами к Богу, чтобы Он не оставил их тела.

Азариэль, сглотнув, увидел, как на ветру полощется стяг

Ордена. Такой же рваный ми потрёпанный, как и выпотрошенный знаменосец у древка стяга. Воющий ветер стал похоронным гимном тех, кто пролил кровь, и никто об этом подвиге не узнает.

– Господин паладин, – голосом, трясущимся позвал Азариэль. – Я хотел спросить.

– Что спросить?

– А что случилось с южной частью острова? – спросил юноша, проведя острием меча по полю, усеянному плотным ковром выпотрошенных и обожжённых тел. – Тут хоть кто-то живой остался?

Азариэль знал, кто здесь был; всеми силами души он оттягивал возможность самого худшего варианта, но в глубине сознания понимает, что его надежда тщетна. Быстротечно он рыщет среди тел в поисках знакомого лица, того, кто держал эту часть острова, но глаза рябит от количества крови, слабо мерцающей от света немногочисленных кострищ.

– Их жертва позволила части войск отступить, – речь палладина холодна и бесстрастна. – Никто не выжил.

Сердце Азариэля наполнилось горем и печалью, которые притупили усталость. От такого известия он чуть не рухнул на землю, но Ремиил поддержал его. Такая боль и по ногам, что другу пришлось закинуть альтмера на плечо и помочь дойти до укрытия.

– Мне жаль, – со скорбью сказал старый рыцарь и потащил в цитадель Азариэля, который практически онемел от

переполнявшей его ярости, смешавшейся с болью утраты.

От берега ветер донёс звуки переговоров и молву.

Азариэль замер, вслушиваясь в воющий ветер. Звуки ветра доносят чей-то разговор, неся символ жизни. Воины направились туда, обступая трупы и вязнув в земле. Песок стал багровым и пропитался таким количеством крови, что уподобился тягучей трясине.

– Воины Ордена! – со стороны берега раздался крик.

Все моментально обернули голову, завидев, как с пляжа ступают альтмеры в золотистой броне и ярко-жёлтых плащах, которые подхватывает ветер. Руки эльфов заняты длинными луками, а за спинами мелькают рукояти двуручных мечей. В глазах эльфов Азариэль разглядел ужас и отвращение, когда они увидели полог из трупов.

– Мы пришли, чтобы сразиться за Орден, – вперёд вышел эльф, лицо которого утонуло в тенях. – Ваш Регент призвал нас на битву. Я Андолемар Фестхолдский.

Азариэль не смог улыбнуться тому, что воочию видит этого альтмера, о котором рассказывала Гэ'эль.

– Сколько вас?

– Пять десятков лучников, – ответил эльф паладину, тут же переходя на вопрос. – Что здесь произошло?

Перед ответом паладина послышался глубокий тяжкий выдох:

– Лучше вам не знать. Пусть дым и пламя скроют это. Нам нужно в Цитадель, времени осталось совсем мало.

Глава 28. Адский центурион

Часом ранее. Южный берег.

На юге острова всё спокойно, что аж подозрительно. Лишь ветер доносит еле ощутимые запахи гари и едкого смога, а бой напоминает о себе лишь отголосками и еле слышимым воем, перемешанными с криками агонии. Всё что творится, тот крошечный ужас, накрывший остров, на севере, западе и востоке острова по необъяснимым причинам не касается юга.

Все воины, которых кинули на юг оставались в полной сохранности и чаяли приказов из центра. Они ждут и готовят, что противник пожалует и сюда, что окружить Орден и уничтожить его воителей, но пока живы стражи юга, Орден не падёт.

В этой части острова не достроено множество укреплений, которые должны сдерживать противника, а вместо них непростительные оборонительные пустоты. Практически отсутствует первый круг бороны, предоставляя врагу широчайшие просторы для маневрирования и полномасштабного наступления. Второй рубеж изобилует пробелами в виде отсутствия баррикад, частей бастионной стены и некоторых оборонительных укреплений, предоставив врагу хороший шанс для прорыва. Но здесь и не ожидают нападе-

ния врага и держат здешний гарнизон как резерв, думая, что вот-вот их призовут к бою на севере, востоке и западе, дав схлестнуться с ненавистным врагом.

На укреплениях в основном стоят бывшие крестьяне и прислуга, которых переодели в броню и дали оружие, оттого теперь они воины, верные бойцы Ордена, поклявшиеся отдать за него жизнь. Эти крестьяне и рабочие были наспех обучены азам военного дела, но не знали его премудростей, а поэтому становились лёгкой добычей для тяжеловооруженных частей противника, но вот пыл в их сердцах и храбрость, вывившая их сюда, может стать для тёмных сил противным препятствием перед победным маршем. Но всё же они не одни, ибо им выслали для поддержки небольшой отряд стражников Цитадели, чтобы хоть как-то уравнять шансы при встрече со смертельным врагом и не дать так быстро ему утопить в крови оборону.

Всюду крестьяне засели среди оборонительных траншей и баррикад, раскиданные небольшими отрядами, меж которых поставлены части стражников. И командовать небольшим отрядом крестьян-пикенеров дали именно Саво, как человеку, который вырос в семье военного и немного обучен военному делу. Именно этому крестьянину дали под личное командование пятьдесят бойцов, наспех подготовленных и брошенных на юг, как отмашка в сторону врага. Он и его солдаты стоят по правый фланг и обязаны удерживать эту позицию ценой собственной жизни, какой-бы кошмар не шагнул

на землю и неважно, что за гнусь попытается занять позиции.

Саво встаёт на той части стены, которую всё же достроили и приготовили к обороне, чтобы проще стало наблюдать за будущим полем битвы. Он гордо взирает далеко в море и выискивает приметы приближающегося врага Тамриэля, который мог атаковать из мрака, однако кроме теней ничего взгляд не может уловить. Никого в сумерках нет, лишь освещённая часть острова играет забавной сине-красной-белой расцветкой освещающих магических светильников, заваливающих местность неестественным свечением.

Крестьянин поворачивает голову, видит своих бойцов, которые готовы были по одному приказу сняться с места. В простейшей кожаной броне сиродильского образца, с металлическими вставками им придётся встретиться с не-тамриэльскими клинками и доспехами. Кто-то читает книгу о военном искусстве, кто-нибудь полирует оружие, а кто-то тоже вглядывается в ночной сумрак и готовится к неминуемому нападению, которое вот-вот должно начаться.

– Командир, почему мы не атакуем? Почему мы не придём на помощь? – неожиданно спросил один из подчинённых Саво. – Битва ждёт нас.

– Потому что нам велено быть здесь, а посему мы исполним этот приказ, – строго пояснил командир, – если мы сейчас сорвёмся, то откроем фланг, а этого не можно.

Он и сам не может понять, почему они отсиживаются

здесь, а не воюют на передовой. Но ему хватает ума понять, что есть те, кто лучше него разбирается в стратегии, особенно того, что касается расположению войск и лучше следовать их мыслям и планам.

Командир крестьян погрузился в глубокую мысль о будущем. Он верит в победу Ордена, и строит перед собою образы счастливого будущего. Новый дом, новые поля и новая жизнь, которую он желает начать после войны.

Но внезапно, разорвав столь тёплые мысли, внимание Са-во привлекли пляшущие силуэты, замелькавшие среди деревьев и гул говора, доносившийся с тех мест, где начиналась сгущаться тьма. Он быстро приказал своим воинам готовиться к обороне и пикенеры стали готовить своё вооружение, начиная строить боевой порядок.

Неожиданно на открытую местность, прямо выходя из сумрака, повалили толпы последователей Даэдра, под жуткие завывания и религиозные гимны. Они обряжены во всякое тряпье и полурваные доспехи, при этом вооружённые всяким мусором, в виде ржавых старых клинков или отживших свой век топоров из железа. Но их прёт на позиции неисчислимое множество, ибо они из леса выползали, как крысы из канализации – без числа и огромной толпой. И вся орда естественно ведома своими могучими чемпионами, которые одарены намного более могущественным благословением своих принцев, нежели чем орды фанатиков, и больше напоминают воинов, нежели сброд нищих разбойников.

Саво взгляделся и рассмотрел, что всю фантазмагорию еретиков и последователей нечестивых культов ведут за собой трое дремор-кинмашер из Хладной Гавани, посланные лично Молагом Балом, чтобы они сокрушили позиции противника на юге и воздали хвалю князю порабощения. В их глазах горел обжигающий холод, замораживающий дух, бьющий по душе всей яростью Холодной Гавани. В руках, закованных в осквернённый эбонит, они несут достаточно массивные и широкие боевые мечи, а тела закованы в могучую броню, лязгающую на всю округу.

Выйдя они сразу стали строиться и готовиться к массивной атаке, объединения свои силы в один большой кулак, который должен сокрушить оборону во что бы то ни стало и со взглядом полным ненависти и леденящим хохотом еретики стали бесноваться, как одержимые, ожидая когда их спустят с поводка. Дреморы стали, жестикулируя, раздавать команды и пытаться образовать из сброда, который за их спинами, хоть какое-то подобие войска, но они напоминают только свору обезумевших псов и дикие оры, содрогания это только доказывают. Еретики желают только бойни и крови.

Саво сразу понял, что их задачей является быстрый прорыв на этой местности и продвижение дальше, чтобы отрезать союзников от путей отступления. И командир послал своего воина на другой фланг, чтобы постараться согласовать окружение атакующих еретиков губительных сил, но времени, как всегда, не хватает. Командир пикинеров не зна-

ет, насколько эффективным будет подобный удар, что он развивает в мыслях, сейчас ему это казалось истинно верным решением, да и просто возможностью что-то сделать ради победы.

Пока что он отдаёт приказ своим бойцам строиться и готовиться к атаке во фланг противника, ожидая, что противник окажется менее организованным, чем он пытается себя показать.

Воины Саво стали воздвигать тяжёлые длинные пики в боевое положение, щетинясь сталью в сторону врага, и создавать боевой строй, присущий только для фаланги. Они стали подобно ощетинившемуся зверю, который может промять вражьи ряды на своём пути, если повезёт.

И тут бой начался – зазвучал тяжёлый и невыносимый гул боевого даэдрического рога, ознаменовавший начало атаки:

– Во имя лорда нашего Молага Бала! – Взревел один из дремор. – Порвите их на куски!

Вся толпа противников, под собственные дикие вопли и чёрные молитвы, огромной массой, словно волна из плоти, железа и тряпья, нахлынула на центральные укрепления, одолевая желанием опрокинуть их, а защитников перерезать и пустить кровь. Стражники Ордена стали отстреливаться из луков и арбалетов, а маги выпускать огненные шары и метать молнии, но этого недостаточно, так как врагов как наступающих крыс – убиваешь одного, и на его место становятся десятка новых голов. Противник напирал своей массой и ста-

рается банально продавить телами укрепления и уничтожить рассеявшиеся силы. Настал момент, когда клинки схлестнулись о щиты стражи, и поле брани заполнилось дикими воплями и звонами металла.

Командир крестьян смотрит на завязавшийся бой и понимает, что совсем скоро противник сломит стену, прорвётся за неё и практически все они окажутся в окружении. Ни такой маленький гарнизон стражи, ни маги не смогут удержать адский звериный напор. Он обнажает старенький меч, кладёт медальон, подаренный Люсией в руку, и встаёт во главе фаланги, обращая речь к воинам:

– Ну что братцы, постоим за наши дома, время пришло! – воззвал Саво и повёл свой отряд прямо во фланг еретикам и тут же, желая укрепить храбрость своих солдат, прокачал ещё одно воззвание. – За Тамриэль! В Бой!

И пикенеры пошли. Невидимые ранее для противника, они вышли ровным маршем, словно из пустоты, прикрытые тенями, и ударили стеной стали и ярости в наступающие фаланги поклонников Даэдра. Пикенеры опрокинули ряды наступающих противников заточёнными пиками, повергая наступление в крах. Тяжёлое оружие рвёт лёгкие доспехи и потрошит врага, сталь на пиках разрывает плоть и прокалывает врагов, как шампур это делает с мясом. Дикие вопли еретиков сменялись предсмертными кряхтениями и воплями. Пики крестьян медленно прорезают себе дорогу, безжалостно прокалывая, наматывая их внутренности на оружие и по-

троша всё больше отступников, что попадались на их пути, оставляя после себя ковёр из тел мёртвых даэдропоклонников.

Внезапно командир фаланги осмотрелся и увидел, что они слишком далеко зашли, попав в окружение, созданное по приказу одного их дремор. Их медленно обступает враг, беря в кольцо. И только в этот момент Саво понял, что это была ловушка, умный и продуманный ход, хитро обдуманый противником и приведённый в исполнение.

И сквозь крики агонии врага и лязг стали, знаменовавшей начало безжалостного боя, он вовсю закричал, стараясь спасти положение солдат:

– Все строимся в ёж! Создаём круг!

Но уже слишком поздно, ибо лучники еретиков и даэдропоклонников, вышедшие их мрака и обступившие силы Саво сзади, дав залп, просто скосили часть пикинеров. Бойцы крестьянина падали один за другим, как подсечённые колося, так и не понимая, откуда пришла смерть, и снова пытаюсь укрываться от метких выстрелов. Они кричали, агонизировали, роняли оружие наземь и падали на обагрённую землю, напичканные стрелами.

Но тут на поле жестокой брани вышел высокий воин из плана Молага Бала, отличавшийся от собратьев габаритами и роскошностью брони – вся в цепочках из золота, окантованная белой медью и исчерченная странными рунами. Это вышел дремора-маркиаз, один из самых опасных предста-

вителей собственного народа, видимо ответственный за южную операцию. Он окинул своим полным льда взглядом крестьянина и двояким голосом, полного презрения начал говорить:

– Вот и твоя очередь пришла. – Демоническим голосом кинул дремора крестьянину. – Ты не хочешь сдаться? Спасёшь воинов и сам станешь верным рабом, будешь хорошей собакой для нас.

– За Тамриэль. – Прошептал Саво и вступил в неравный бой с могучим и непомерно сильным противником и крикнул ему. – Никогда, мразь!

Бой вокруг них практически замер, ибо все желают посмотреть, как их военачальник выпотрошит крестьянина. Саво поднял стальной меч, исполненный в морровиндском стиле, и приготовился к схватке. Но при первом же ударе об демонический эбонит сталь Саво раскололась, и клинок со звоном разлетелся на осколки. Тварь из Обливиона расхохоталась гулким смехом, вселявшим ужас, и практически потеряла интерес к крестьянину, зная, что победы не избежать, но Саво не собирается отступать. Он тяжело поднимет окровавленную пику с земли и зовёт к себе чудовище и пока дремора разворачивался, Саво постарался нанести удар, как можно точнее и сильнее. Удар пики пришёлся прямо в сердце слуги Даэдра, разбив демонический эбонит мощным напором. Пика с металлическим хрустом пробил броню и устремилась вглубь противника, который изо всех сил, в от-

местку, обрушил свой клинок на крестьянина.

В это мгновение Саво почувствовал, как холодный эбонит из чёрной кузни Обливиона ледяной поступью проникает сквозь плоть, касается его органов, разрезая их, и жизнь невозвратно покидает его. И крестьянин из последних сил надавил на пику, пронзив чёрное сердце врага.

Глаза дреморы расширились от удивления, вспыхнули синим пламенем предсмертной агонии, что какое-то крестьянское оружие пронзило его, разбив столь прекрасный доспех, и что его вообще кто-то смог поразить.

И простояв пару мгновений, всматриваясь друг другу в глаза, они оба замертво упали на землю, ознаменовав конец поединка. Простой крестьянин и дремора Молага Бала сплелись в последнем смертельном танце, в котором и отошли к своим хозяевам.

И Саво уже не увидел того, что он и его отряд оказался лишь приманкой, и маги Ордена начали десятками выжигать еретиков, которые практически взяли укрепления. Крестьянин не знал, что тут планировалась молниеносная и массивная атака, и сюда было кинута больше тысячи еретиков Даэдра, которых нужно как-то было подстегнуть к наступлению. Он не увидел, как практически все защитники укреплений оказались вырезаны превосходящим по численности противником, залившим местность кровью. Саво и не смог увидеть, как эти самые еретики горят и с предсмертной болью понимают, что оказались в ловушке, а маги Ордена де-

лают всё, чтобы не допустить окружения.

Он уже ничего не видит. Его обмякшее тело лежит на поле сражения, а душа устремилась к Аркею в объятия. Но позволив раскрыться противнику, он и свершил свой личный подвиг, ибо если бы не удар во фланг, спровоцировавший противника, то перестреляли бы магов Ордена, и окружения всех воинов второго рубежа было не избежать. И в этот миг наверняка решалась судьба Тамриэля. Доблестный подвиг обычного крестьянина в битве с дреморой лишил еретиков, да всех атакующих сторонников губительных сил талантливое командира из Холодной Гавани, оставив врага без умелого командования. Именно этому слуге Даэдра было поручено прорваться через стены крепости с юга и вступить внутрь Великой Цитадели первым. Но весь план проваливался из-за скоротечного боя, который навсегда решил судьбы этих двух воинов.

Саво остался лежать на пустом поле боя, усеянном только трупами. Где-то в дали не так давно протрубил знакомый рог, но перед этим был дан сигнал на отступление. Однако Саво этого уже не услышал, ибо он навсегда сплёлся в последних объятиях с противником, оставшись лежать на влажной от крови земле.

Но даже этого подвига оказалось мало для того, чтобы остановить наступающие орды противника, одураченного лживыми обещаниями чёрных покровителей. Они, не зная страха и подгоняемые дреморами, идут в бой, стремясь

устроить безжалостную резню, в которой хотели восхвалить Даэдра. И маги, насколько бы могущественны не были, не могут управиться и с мелкими еретиками, и со стрелками, и с офицерами-дреморами. И, кажется, что подвиг стал напрасным, и маги уже начинают отступать, едва ли не пускаясь в повальное бегство. Но, похоже, сегодня сами Боги не возжелали того, чтобы подвиг крестьянина пропал в никуда за ненужностью...

Сама земля начала содрогаться от тяжёлых шагов. Скрежет древнего металла и шум паровых механизмов наполнили поле брани. И от Цитадели, завиднелась огромная шагающая машина, чей металл сияет в свете сотен огней и переливается золотистыми оттенками крепкого двумерита. Огромный колосс разрушения и страданий, по милости и мастерству магов, учёных и мастеров был возвращён к жизни, шагнёт к полю сражения, чтобы остановить врагом. В бой вступил двумерский центурион.

Силы еретиков в изумлении и страхе остановились, прекратив наступление, увидев, как огромная монументальная статуя, контролируемая чародеями, выполненная из крепкого двумерита, обступая разрушенные укрепления, вышла на поле боя. По сравнению с этим металлическим чудовищем, они как жалкие и ничтожные насекомые. И тут, смотря на грозного механического солдата, нёсшего лик своих давно пропавших хозяев, еретики усомнились в своём духовном выборе...

Была дана команда чародея-оператора, наполнившая яростью и непреодолимой злобой дух древней машины, и начался страшный бой. Укрытый мерцанием магических щитов, сотрясая землю, он принёс воздаяние, месть за предательство, ордам врагов, превращая их прах и пепел огненным дыханием.

Сначала центурион выпустил вместо пара струю жидкого пламени, окатив им всех, кто стоял рядом, изжарив до корочки. Крики агонии врага пронесли адским хоралом по всему побережью, ввергнув в ужас тех, кто ещё в тылу наступления. Все те, кто смог выжить после «огненной бани», катались по земле с опаленной плотью, не понимая, что эта за тварь. Запах жжёной плоти мгновенно повис над полем боя жутким ореолом, вместе с ароматами страха. Но центуриону всё равно. Для него столетия битв сплелись воедино в войне, полыхающей тысячи лет и ему нет дела до живых. Вновь дана команда, и механизм вступил в рукопашную.

Взмахами исполинского молота он крошил черепа и дробил кости, обращая их в пыль и разбрасывая еретиков, подобно тому, как ветер раскидывает мусор. Молот с невообразимой скоростью пляшет туда-сюда, раскидывая орды диких и осатаневших врагов, превращая их в мешки с дроблёными костями. От ударов могучего молота в недалёкий полёт уходило каждый раз не менее полдесятка еретиков с раздробленными скелетами. Своей острой секирой он режет противником, раскидывая их лезвиями топора в разные сто-

роны и подкашивая их, подобно страшному житнику. И через несколько секунд весь его низ покрылся горячей стекающей алой кровью, разукрасившей его подобного праздничным краскам.

Агония битвы наполнила поле битвы, но еретики не собираются отступить и готовы идти до гибели. Но вот ещё одна струя пламени накрыла inferнальной волной полсотни врагов, и еретики забыли про штурм укрепления. Теперь они желали спасти собственные жизни от неистовой ярости. Для жалких даэдропоклонников жизнь в этот момент превратилась в жуткий хоррор.

Центуриона пытались расстрелять из луков, но стрелы всего лишь со звоном отскакивали от стрел, так не причинивших вреда.

Адский центурион словно взбесился и начал самую настоящую резню. Маг, его контролировавший, давно отступил, оставив механического колосса держать юг. Его оружия крушили и терзали всё живое. Огнемёт испепелял всё, что попадало под адскую струю, пока не кончилось топливо. Сошедший с ума адский машинный демон из древних времён окружил себя вихрем крови и облаками из праха, сделав наступление невыносимым.

И так, страшный механизм, словно отомстил еретикам за смерть Саво, обagrив поле боя кровью и пеплом и надолго замедлив наступление и продвижение гнуса Люция.

Глава 29. Последний рубеж

Те же сутки. Цитадель Ордена. Ночь.

Небеса наконец-то разверзлись, и из чёрной бездны полился липкий противный дождь, перераставший медленно в ливень. Ветер стал порывист и подул резкими и ледяными порывами воздушных масс, которые промораживают прямо до костей. Холодный противный липкий ливень погасил пожары повсюду, предоставив на обозрение чёрные и обугленные поля острова.

Азаризель стоит на стене Цитадели, в окружении золотых лучников Саммерсета, и смотрит на всё то, что происходит внизу, выискивая детали. Ветер лихо подхватывает его отяжелевшие и мокрые седые волосы, с трудом отрывая их от доспеха. По его волосам бегут струйки воды, а доспехи блестящие и играют бликами факелов и костров, которые горят магическим огнём, освещая Цитадель Ордена.

Пластины мифрила, наложенная одна на другую, спаянные в единый рыцарский панцирь, скрыли тело воина, вместе с ранениями и ссадинами.

Юноша смотрит вниз и видит целые массивы и груды разрушенных укреплений разного рода, которые ещё несколько часов назад защищали Цитадель, но теперь это прах и тлен, по которому ровными рядами маршируют враги. Глядя на

то, что стало с островом и что пришлось за последние минуты им пережить, на парня нахлынули воспоминания об отступлении.

– Акатош... помилуй нас, Мара даруй нам твоё милосердие, – взмолился Азариэль, и с исцарапанных губ соскочило облачко пара, вместе с потоком отчаяния. – Боги – вы мертвы, вас нет, если вы не видите, что тут творится.

Он, когда встретил подкрепление, отступил вместе со всеми сразу в Цитадель, не заморачиваясь на бесполезные надежды выстроить оборону второго рубежа, ибо враг прорвался повсюду и разорвал в клочья север и восток. Нет теперь им спасения, а император решил стороной обойти страшную сечу, оставив воинство Ордена в одиночке. Где-то позади юноши трепещутся флаги «союза», потемневшие от количества сажи и влаги, изорванные подобно состоянию того воинства, в честь которого подняты.

– Кому ты там молишься? – вместе с вопросом на стене Азариэль увидел и командира лучников. – Как тебя кстати зовут?

– Азариэль. А вы видимо Андолемар?

– Да, – юноша разглядел шевеление губ через маску, укрывшую лицо лучника, оставив только яркие глаза. – Гэ'эль о вас рассказывала, эльф с человеческой душой. Она поведала мне и о вашем расследовании под Чейдинхоллом.

– Много мы прошли. Хорошая эльфийка.

– Она подобна ночному светилу и имеет невыразимо кра-

сивые глаза. Можете её благородить подобно тому, как Культ славит Девять, ибо это она меня попросила прибыть к вам... ну и с Регентом вашим я знаком. Как она, кстати?

– В бессознательном состоянии. Мы её расположили в юго-восточном Донжоне. Истратила всю силу на меня.

– Странно. Я не замечал за ней жертвенности, да и о тебе она была не столь высокого мнения после Чейдинхола. Что ж, даже орку свойственно менять мнение. И неплохую же люди устроили бойню, как их боги вообще допустили до правления?

– И вы не любите людей...

– Да-а, в убеждениях мы с сестрой как два финика. Гэ'эль мне рассказала, кто затеял это побоище, – рука, облачённая в золото, простёрлась через зубец стены, показывая на выжженные дали. – Или это не результат алчности, которая таится в сердце человека? Я боюсь представить какая тьма прельстила вашего Люция, что он пошёл на такое?

– Командир! – раздалось воззвание откуда-то слева, и Андолемар отстранился от рыцаря.

Азариэлю нет дела до алчности в сердце людей, а всякие рассуждения о морали канули из него ещё утром. Всю мысль и сердце он спешит запечатать, чтобы, когда клинок сойдётся с клинком бывших друзей, его ничего не беспокоило.

Юноша обернулся, нефритовые глаза Азариэля перевели взгляд назад во внутренний двор. Десятки раненых стонали и взывали о помощи и порой на вид подавались такие ране-

ния, которые нельзя было получить ни от клинка, ни от стрелы. У кого-то были заморожены до состояния льда конечности, кто-то стонал от того, что кожа на нём начинала пузыриться и постепенно слезать. А кто-то уже превратился в безжизненный кожаный мешок с костями, навсегда замолчавший и уставивший взгляд стеклянных очей к небу. Такова была «милость» чёрной магии и милосердие её слуг. И многие места, где раньше агонизировали раненые, были накрыты кусками ткани, под которыми уже лежали холодные трупы. Практически весь внутренний двор Цитадели превратился в один большой полевой госпиталь, залитый литрами крови дея место с кладбищем. Некогда прекрасная брусчатка внутреннего двора покрылась горячей кровью, которая лилась от тяжело раненных. И этими ранеными без остановки занимались многие лекари, профессора Ордена и маги школы Восстановления в тщетной надежде хоть как-то им помочь. Однако их сил не хватало, чтобы помочь всем и некоторые так и умирали на руках прислуги, не дождавшись лучшей помощи.

Азариэль посмотрел на немногих боеготовых воинов и магов, лучников и арбалетчиков. Они, изнеможённые боем и повидавшие жуткие кошмары из глубин тёмных царств, под прикрытием ливня стрел, болтов и магической энергии отступали в Цитадель и с холодной решимостью готовы принять последний бой. Их вид удручающий, если не убогий, но чумазные лица отражают несгибаемую готовность.

– Что за даэдридовщина? – спрашивает себя Азариэль, выцепив образы мужчины, похожего на Ариана.

Парень, покрытый грязью и слоем прилипшего пепла, утонул в объятиях девушки, окутанной белоснежным свечением костюма, расшитого золотом. Азариэль мог только представить, какое тепло пронеслось между Алитией и Арианом, когда они коснулись друг друга губами.

«Почему бы нет» – произнёс себе Азариэль, отталкивая идеи Сафракса, Ремиила, да и всего Ордена о полном исполнении обета отказа от отношений. – «Всё равно к утру все мертвы будем».

Но помимо раненных воинов, магов и обнимающейся пары, внутренний двор забит стойками с оружием и наковальнями, от которых исходит приятный перезвон кузнечных молотов. И крики раненных, приказы командиров и звуки горячего сражения перемешивались со звоном десятков наковален, на которых в быстром темпе пытались чинить броню и оружие, хоть как-то пытаясь выровнять ситуацию.

Насмотревшись на то, что происходит внутри Цитадели, Азариэль решил взобраться на Донжон и посмотреть, что происходит вокруг цитадели и каково положение на поле бывшей брани, а также мельком посмотреть, что стало с Великой Цитаделью. Из последних сил он переставлял ноги, налившиеся свинцом, по лестнице, чтобы воочию узреть, во что превратился некогда цветущий остров, и что стало с его домом.

И взобравшись на самый верх, он ощутил хлад ветра и ледяной «поцелуй» дождя. Среди всех построек Ордена полыхают слабые огоньки, рвущиеся сквозь проломы и разбитые стены. Некогда грандиозные постройки превратились практически разрушенные охваченные тусклым огнём руины. Теперь всё множество построек бывших воплощением мастерства зодчества, с искусно выдержанным уникальным архитектурным стилем, стали руинами, развалинами былого величия, чьими символами стали чёрные от сажи стены и рвущиеся изнутри языки пламени.

С колкостью в сердце Азариэль не смог не посмотреть на Великий Шпиль, чтобы предаться горю ещё сильнее.

– Разве у них ничего святого нет?

У Люция нет права называть себя пророком правды. Он в жалком стремлении утвердить свои лже-истины готов сравнять свой дом до состояния груды мусора. Великий Шпиль – оплот всего управления, «пик Ордена» буквально трещит, беспрестанно издавая леденящие душу стоны материала, от того, что её утюжили из катапульта. И если её продолжат щедро массировать выстрелами из катапульта и требуше, то она не выдержит и рухнет, похоронив под собой целые эпохи, став очередным памятником спеси и гордыни.

– Сколько же тварей выкинуло брюхо небытия? – гневливо раздаётся вопросом Азариэль, на пару секунд приковав внимание десятка стражников.

Но страшнее всего было то, что творится снаружи. Всё

новые отряды дремор из самых различных каст, чемпионов принцев Даэдра и уже отступников из Ордена вступают в бой, с уверенностью опрокинуть защитников. А войска же второго сорта, в виде наёмников, бандитов, поднятых мертвецов, пиратов, мелких тварей Обливиона – скампов и алчущих, и роев почитателей Даэдра подобно стаям крыс наводнили полыхающие укрепления. Тысячи врагов обступают Цитадель Ордена со всех сторон, методически уничтожая всякое сопротивление, что осталось снаружи. Укрепления второго рубежа, представленные в виде большой деревянной стены, сделанной по подобию бастиона, внутри которого мог разместиться целый имперский гарнизон, сейчас догорает и пробивается со всех сторон. Треск сгорающего шипящего от дождей огня и его едкий дым ореолом встали над островом, медленно сменяясь на железный запах крови. Деревянные укрепления, башни и баррикады сносились обстрелами катапульта, а в проёмы, как яд в рану, врывались прислужники губительных сил, волнами омывая бастион из дерева и захватывая ключевые позиции. Хоть защитники крепости стояли насмерть и держались стойко, свершая подвиги героизма и мастерства, всё равно продвижение противника было не остановить. Количество врагов в четыре или пять раз превосходило число защитников Цитадели.

С едкой мыслью Азариэль принял – наступление сторонников губительных сил не остановить, ибо даже двумерский центурион был сломлен и уничтожен сверхусилиями дре-

мор. И приказ Регента об отступлении на последний рубеж полностью оправдан.

Пальцы юноши прикоснулись лица, стирая неприятную студёную жижу, которую называли дождём. Азариэль задрал голову и смог разглядеть, что небеса словно клубятся над Великим Шпилем, становятся массивней и готовятся высвободить тысячелетний гнев. Рыцарю показалось на секунду, что этот дождь рождён не в Тамриэле, а где-то в ужасающем потустороннем мире.

Всей душой юноша ощутил, что наступление вот-вот грядёт, а его мышцы ломит от усталости. В подсумке пальцы нащупали шершавую поверхность стекла и вытянули её. Достав зелье Азариэль мгновенно его осушил, ожидая как с секунду на секунду усталость отступит, и вновь придут силы.

Атакующие сторонники губительных сил ведут себя очень странно. Они не стремятся сейчас штурмовать Цитадель, словно чего-то выжидая. Вместо этого они ходят вокруг неё и выискивали выживших защитников, определяемых по стонам. Кого-то убивали на месте, а кого-то просто уводили во мрак, видимо, чтобы принести в жертву мерзким силам. Сотни еретиков и бандитов, бродят под стенами крепости, будто бы взывая о том, чтобы их обдали залпом стрел и магии. Но все берегут боеприпасы, болты и запас магической энергии для целей посущественней, нежели рой незначительных слуг Даэдра и слабо экипированных авантюристов, присягнувшим на службу даэдрическим силам.

В это же время целый флот выстроился у берегов острова, затмив одним видом горизонт. Десятки самых разных кораблей построился возле острова в боевые порядки, удерживая островок в блокаде. Азариэль видит, что с них стаскивают штурмовую технику: лестницы, тараны и даже катапульты снимают с кораблей, чтобы перенести их на новые рубежи. В это же время у защитников Цитадели осталось только две баллисты, которые закрепили среди руин внутри цитадели, чтобы хоть как-то удержать оборону.

– Почему же вы медлите, твари, – пробормотал Азариэль, понимая, что, скорее всего они чего-то ожидают.

– Азариэль! – юноша обернулся в поисках окликнувшего и увидел, что на Донжон взобрался капитан наёмников. – Айда на стену, сейчас самое начнётся!

– Уже бегу, Рафаэль!

Стражники протрубили тревогу, говоря о том, что последняя битва начинается. На стенах постепенно стали выстраиваться все те, кто остался в живых и может держать оружие. Рядом с рыцарями и стражниками Ордена встали потрёпанные наёмники, мудрые члены Гильдии Магов, храбрые воины Гильдии Бойцов, объединённые силы всех орденов континента и ещё множество защитников, сегодня объединившиеся в единое воинство. Внизу остаются только паладины, ординаторы, десять мистических воинов в сиятельной броне и несколько выживших командиров обороны, составив гвардию Регента. Их в совокупности осталось не более тысячи,

но даже в таком мизерном количестве они и не собираются отступить против вчетверо превосходящих сил сторонников Даэдра. Сегодня, стоя на этом последнем рубеже, они либо победят, низвергнув тьму, либо погибнут, сражаясь за Тамриэль.

Азариэль пронёсся по стене за Рафаэлем. Наёмник вёл его на северную часть, к надвратному помещению. Глазом высший эльф смог увидеть, как лучники расчехляют доселе защищённые от дождя луки, а арбалетчики кладут болты на ложе, чародеи обращаются к мудрости и знаниям в магии, чтобы продлить свою жизнь на пару ещё на пару часов.

Отступники Ордена, еретики и сектанты Даэдра, наёмники, мертвецы, дреморы, твари из Обливиона, бандиты и пираты стали строится всё плотнее, организуя линейные боевые порядки. Среди рядов врагов слышаться молитвенные напевы и религиозные гимны, воздающее хвалы Даэдра. Среди ровных рядов врага Азариэль разглядел знамёна различных верований – око и щупальца Хермы-Моры, жуткая голова Молага Бала или же руническое око Люция.

– Проклятые даэдропоклонники! Сволочи и поскуды! – обронил ругательство Азариэль, как только разглядел образы на чёрных полотнах.

Начал завывать холодный северный ветер, заставляющий трепыхаться знамёна сильнее. Отступники уже приближались, всё плотнее стягивая неполным кольцом Цитадель и готовясь стремглав броситься на стены. Они идут неумолимо,

пробираясь сквозь обугленные и сравнённые с землей укрепления. Проходят по мокрой золе, что некогда была грандиозной стеной, а сейчас обернулась чёрным промокшим песком. Лишь несколько кусков обугленных укреплений второго рубежа остались стоять, как чёрные памятники.

– Что ж. Небеса рыдают, а отступник чеканит свой шаг. Вот и наступил последний акт этой кровавой партии, – бесстрастно сказал Ремиил, стоящий рядом с Азариэлем, прохладно обратившись к юноше. – Ты готов?

– К смерти?

– Нет ничего зазорного, чтобы умереть плечом к плечу с братьями за правое дело.

Враг приближается и стягивался под Цитаделью всё плотнее. Даже со стены Азариэль видит разношёрстность брони врага, видит их перекошенные в злобе лица и чёрные лики дремор. Блеск вражеской тёмной брони и оружия смешался с мрачностью ряс и одеяния их чародеев.

– Проклятые смерды! – крикнул в недовольстве золотой лучник Саммерсета. – Как можно якшаться с нечистойю?

– Это, Андолемар, сущность тьмы. Готовность пойти на самые страшные поступки ради власти.

– Почему об этом никто не знал?

Вопрос лучника остался без ответа.

Перед стенами уже выстроились ряды отступников, образовав строгий линейный порядок, который стал интересен для Азариэля. В первой шеренге перемешали отряды ерети-

ков Даэдра, сектантов, бандитов, пиратов, мертвецов и наёмников, создав тем самым сводные штурмовые отряды, которым дали сомнительную честь первыми начать взятие Цитадели. Второй шеренгой идут тяжеловооруженные наёмники, могучие чемпионы Даэдра, одаренные нечестивым благословением своих хозяев. Это оказалась самая немногочисленная шеренга, но именно на неё отступники возложили задачу подавить оборону на стенах.

И третьей шеренгой были те самые предатели и отступники, которые некогда ушли из Ордена, продав душу тёмным силам. Их доспехи были сильно искажены: новые литании на чёрной бумаге, шипы, местами проржавевшие и подгнившие куски материала и новая символика. Вместе с ними в один ряд встали истинные слуги своих нечестивых хозяев: дреморы и твари из некоторых планов Обливиона, чьи хозяева желали однозначного подчинения Тамриэля. И где-то вдалеке, за всеми рядами висят образы катапульта и требуше, грозно обращённых к крепости.

Они встали и стали стоять подобно статуям, ожидая команды, прогнивших душой чёрных повелителей. Но вдруг их ряды, с определённой чёткостью, расступились и вперёд выступили три командира атакующих, со своей «чёрной свитой».

Первым из свиты гордо шагает рыцарь из давно прошедших времён. Он облачён в бесцветную прогнившую и проржавевшую насквозь броню, с которой скапывал могильный

ихор. Его голову венчает странный фиолетовый плюмаж, не поддавшийся течению времени и источавший странное потустороннее свечение.

Вторым идёт Фиотрэль эль Анарх. На нём гремят стальные доспехи, подражающие стилю бретонских рыцарей, показавшие в цвет дикого леса, что выглядит отчасти нелепо. Его окружила свита из пятнадцати босмеров, с длинными луками и короткими клинками. Остатки гвардии «Сынов Леса», отчаявшиеся и обезумевшие от потерь.

И третьим, кого благословили нечестивые принцы на командование, оказался Люций, чей лик показал всё омерзение, будто бы отразив сущность души. Его лицо стало белоснежным, как у мертвеца, которого припудрили, сильно обвиснув. На бровях, губах и ушах мерцает что-то золотое и стоит напрячь взгляд, чтобы увидеть, как кожа загноилась возле проколов, где гнездятся украшения. На нагруднике Азариэль видит всё то же вопящее лицо, сводя взгляд на шипастое полотно перчаток и сапог. Его броня выкрашена в крикливый фиолетовый цвет, граничащий с радужным оттенком; её подобно лианам обвили золотые цепочки и ленточки.

Медленным шагом они двигаются к воротам, не боясь ни стрел, ни магии. В глазах защитников Цитадели он находят отражение подавленного страха, умеряемого решимостью сражаться до конца. По металлическим элементам доспеха бегают отражения магических огоньков и свет множе-

ства факелов.

– Кто таков будешь!?

– Я Дунхарт Ла'Фир! – голодный рык донёлся из-под шлема в ответ на вопрос Ремиила. – Истинный правитель этих земель и Цитадели. Во имя долголетней свободы сдавайтесь на милость воинству освобождения!

– Или что?

– Не глупи Рыцарь! Я – Магистр Ордена и за мной священное право правления Орденом. Вам не выдержать этого штурма, свобода восторжествует! – боевой клич тут же подхватили тысячи последователей проклятого владыки, заполнив остров безумным воем.

Вперёд шагнул Фиотрэль эль Анарх, под утихающие вопли врага. Тем временем Регент Ордена взобрался на надвратное помещение, окинув взором поле нечестивцев и вселяя уверенности и веру в сердца защитников.

– Брат! – протянул руку Фиотрэль. – Ты слишком упрям, чтобы осознать теплоту свободы.

Эбонит брони Регента подобен черноте небес и вторит поникшему лицу предводителя Ордена.

– Фиотрэль, – с душевной хандрой прозвучало обращение, заглушаемое шумом дождя. – Посмотри, с кем ты связал жизнь. Даэдра, некроманты... нечисть.

– Разве ты не видишь, что в них наша свобода! Сдавай Цитадель богам свободы, и я покажу тебе, насколько они милосердны. Сдавайся, и покончим с этой бесполезной резнёй!

– Вспомни, во имя кого ты пошёл за тьмой! Вспомни, что с ней стало? Если твои боги и их учение о свободе столь немилосердны, то я боюсь, что они сделают с врагами.

– Брат, ты так и не понял. Она послужила предлогом к моему служению свободе. Революции, что так благословимы Дагоном – путь к свободе.

– Не обманывайся Фиотрэль. Ты сам прекрасно всё понимаешь.

– Славные защитники Цитадели! – торжественно, но с полыхающим презрением в глазах неожиданно заголосил Люций. – Отдайтесь нам, иначе ваши собратья будут казнены!

По стенам Цитадели пробежало волнение, и все устремили свой взгляд на то, как через ряды отступников провели немногочисленных пленников – обнажённых и перевязанных. Им повязали руки и бросили на землю.

– Бросайте сопротивление, иначе они погибнут! – заявил «дипломат» пока их швырнули на землю.

В глазах пленных не читается испуга или страха смерти. Они готовы принять её с честью, гордостью и Регент видит это. Глава Ордена заглянул в глаза пленных и ему последовал в ответ лишь короткий и еле заметный кивок. Этого кивка хватило, чтобы всё понять.

– Вы все здесь поляжете, проклятое племя. Мы не сдаёмся! – кинул Регент и в ответ ему, стоявшие на стенах защитники, ответили поддержкой. – Победа или смерть! – выкрикнул

– Переговоры окончены, Фиотрэль, – заскрежетал голо- сом Дунхарт. – Мы и так сделали слишком щедрое предло- жение.

– Что ж, вот им и конец, – с безумной улыбкой констати- ровал Люций и потянулся к рогу на поясе, как только он кос- нулся его своими губами, на всё поле боя разнеслось протяж- ное гулкое пение, ставшее сигналом для слуг тьмы; этот про- тяжный вой сдавил Азариэлю уши, и он скорчился от про- тивной какофонии инструмента.

– Смешаем кишки защитников с грязью! Катапульты! – Взревел Дунхарт и вместе с остальными командирами ушёл сквозь ряды.

В ту же секунду начался жуткий артобстрел. Полыхающие нечестивым пламенем камни посыпались за пределы стен, в здания, окончательно превращая их в руины. Страшный грохот донёсся до ушей Азариэля, и ему пришлось отвернуть глаза, чтобы не видеть, как его дом, тысячелетнее наследие Ордена, пропадает в вихре танца пламени и камней.

– Братья и сёстры, мужайтесь! – с хрипом обратился к во- инам Регент. – Нечестивый Магистр из былых эпох, мой быв- ший брат и рыцарь-предатель решились мстить Ордену че- рез руки великого врага. Не будем глупы – это война не раз- борка интересов! – Тилис обнажил двуручный меч с одно- лезвийной зубастой заточкой. – Мы – защитники Тамриэля, от нас зависит его судьба! Если враг победит, то поколения наших родичей проведут в цепях даэдра. Так не дадим же

этому случиться, и пусть враг убоится нашего гнева!

Шквал стрел, магии и болтов обрушился страшным дождём на наступающих врагов. Стражники и лучники с Саммерсета, рыцари и маги, воины и наёмники – разное оружие в их руках несёт смерть ордам нечестивцев.

Под непрекращающимся смертельным ливнем защитников Цитадели первая шеренга противников начала наступление, неся в руках штурмовые лестницы. Обливаясь огнём, молнией и морозом, встречая грудью десятки стрел, первая шеренга неумолимо наступает, оставляя ковёр из тел.

Через несколько минут враги уже были у стен и, напирая друг на друга, они насаживали себя на колья, что во рву у крепостной стены. Со стен на головы врага полилась чёрная раскалённая жижа. Шипение горячей субстанции моментально был заглушён дикими воплями и криками о помощи.

– Идиоты, вот идиоты! – приговаривает командир лучников, отправляя стрелу за стрелой.

Азариэль ничего не ответил. В воздухе повис аромат горелого мяса, а глаза застывает подножье Цитадели, полное трупов. Но враг не отступает. Гимны и лихорадочные песнопения на пару с криками командиров пересилили агонию боли.

– Лестницы! – вскричал Регент, и стрелки сменили оружие.

С предвкушением крови Азариэль обнажил клинок и мелодичный лязг слышали уши. Первого врага он встретил

хорошим выпадом, рассекая кость запястья и направляя удар в сердце.

– За свободу и Нактюрнал!

Одним дуговым ударом Азариэль перерезал горло сектантке, выкрикнувшей клич, и за шиворот скинул её со стены. Второй удар пришелся прямым в ключицу, распоров чёрный балахон.

Один взобравшийся наёмник неистово атаковал Азариэля огромным боевым молотом. Юноша нанёс ему рубящий удар в плечо, увернувшись от взмаха железного молота, тем самым прикончив его на месте.

Внезапно на стене появился высокий воитель. Его стальные доспехи были выкрашены в красный и чёрный цвет, со шлема свисал конский хвост, а руках этот воин держал большую секиру, выполненную из орихалка.

– Артуа! – крикнул сквозь бой рядом стоящий Рафаэль.

– Кто? – стараясь перекричать звуки боя, спросил юноша.

– Мой старый знакомый. Раньше был легионером, затем стал командиром наёмников, а потом ушёл в секту «Длань стали», поклонявшейся Мерунесу Дагону. Вот, похоже, он нашёл себе применение.

После того как капитан наёмников ответил Азариэлю он двинулся навстречу безумному нордлингу, который зарубил уже трёх стражников Цитадели. Они скрестили оружие у Донжона. Выпады капитана наёмников стали быстрыми и

неточными, как будто руку ведёт от боли, сказывалось ранение. Но каждый из выпадов Артуа парировал и переходил в контратаку. Острой секирой он стал размахивать направо и налево, стараясь поймать Рафаэля и перерубить его тело, но тот как ловкая змейка уходил из-под каждого удара и острой рапирой безуспешно пытался пробить защиту противника. Внезапно в руку Артуа прилетел нож, и конечность отсалютовала кровью, парализовавший атаку еретика Даэдра, но в этот момент Рафаэль не смог нанести смертельный удар противнику, так как отвлёкся на сектанта, который пытался спасти жизнь своему командиру. Неожиданно из горла Артуа показался меч, который повернулся по часовой стрелке, ведомый хозяином. Азариэль заметил, что какой-то рыцарь покончил с этим врагом.

Пока кипит бой на стенах, никто не обращает внимания на летящие снаряды и продолжается бешеный обстрел, который утюжит донжоны, внутренний двор и главную башню. Азариэль обернулся и увидел, как прекрасные здания практически полностью обернулись в руины, и их постепенно принимало в свои объятия пламя.

Моментально он сконцентрировал взгляд на Регенте. Его зубастый клинок сдирает и мечет, буквально разрывает плоть касанием лезвия. Золотоносные лучники отпрянули назад, давая пространство для работы главы Ордена. Зубья меча впились в грудь еретика, следующий взмах и какой-то бандит стоит рассечённым пополам. Вихри рубящих ударов

заплясали возле Регента, и его окружил зловонный багрянец и кучи порубленных обескровленных тел.

С ненавистью Азариэль замахнулся и опустил руку, обрывая жизнь наёмника врагов, отмеченного на лбу руническим оком. Единственная лестница у надвратного помещения стала источником беспрестанного наплыва противника.

– Андолемар! – закричал Азариэль, прорубая путь через волну противников, потроша и кромсая, не давая клинково-му перезвону битвы отвлечь себя. – Сожги лестницу! Скорее!

Эльфы, пять десятков альтмеров тоже потонули в битве. Их клинки с лихвой рассекают воздух и плоть врагов, луки же смолкли. Командир лучников Саммерсета оказался ближе всего к лестнице и одним взмахом руки перекинул огонь, превращая мысль в магию. С пальцев на дерево перекинулось пламя, мгновенно потушенное дождём.

– Проклятье! – взревел Азариэль, отсекая руку очередному врагу и откидывая его, добивая ударом в грудь и прорезаясь через рёбра к сердцу.

Регент краем уха поймал рык Азариэля и понял его план. Сокрушительным ударом он отсёк голову культисту в доспехах из эльфийской кости и кинулся прорубаться через толпу врагов.

Даэдрические чародеи вступили в битву, ознаменовав себя ложным громом. Приливная волна магического пламени и мороза, электричества и тьмы объяла стены, когда маги из

рода меров, людского или же дреморского вступили в битву.

Азариэлю пришлось согнуться, чтобы огненный бол не снёс голову. Его и лучников прижали, Регент отступил в предвратную башню.

– Вашу мать! Нас прижали! – раздалось недовольство.

– Нужно отойти! – предложил Андолемар, перерубив очередному врагу ногу чуть ниже колена.

– Мы не отступаем! Покончим с лестницей!

Архимаг появилась из воздуха в облаке жутко ревущего пламени. Она испепелила часть врагов взмахом руки, с которого подобно мстительному фениксу вырвался вопящий пожар. Второе движение и верхняя часть осадного орудия увязла в липком магическом пламени, которое избыточно изливается с рук чародея.

– Откуда ты такая, как комета объявилась? – Вставая у зубца стены, приготавливая лук, сказал Андолемар.

Девушка ничего, не сказав растворилась в воздухе, оставив после себя лишь яркие воспоминания и облачко магического дыма.

– Азариэль, у меня для тебя задание! – со словами послышался и стук эбонитовых шагов.

Пока Регент шёл Азариэль осмотрел стену. Куча окровавленных и обезображенных тел, среди которых сияет золото падших эльфов. «И за это сражается Люций? За кровь тела и руины? Неужто его гордыня настолько ослепила?» – спросил себя Азариэль и тут же коленопреклонённо вымолвил:

– Да, мой лорд.

– Мне нужен смелый воин, – слышался спокойный сухой тихий голос. – Врагу понадобится время, чтобы залезть на раны и перегруппироваться. У меня есть подозрение, что они попытаются прорываться через Оплот.

– Вы хотите, мой лорд, чтобы я спустился туда, где... свершилось предательство?

– Азариэль. Проверь, что там и возвращайся.

– Да, будет сделано, мой лорд.

– Насчёт помощников не беспокойся. Их тебе я выделю.

Спустя полчаса. Цитадель Ордена.

Азариэль совсем не рад тому, что ему придётся оторваться от боя, но приказ Регента требует немедленного исполнения. В окружении Ариана, Алитии, Ремиила, Ахмата и Готфрида альтмер подходит к запечатанному входу. Старые воспоминания и тяжесть прожитого в те дни, болью выются у сердца, вызывая к тревоге.

Из Келий неофитов доносится стон и плач и Азариэль быстро смекает, куда перенесли раненных, когда началось массированное наступление, где теперь развернулся полевой госпиталь. За стенами Казарм всюду, на кроватях и лежанках расположились тяжелораненные или мёртвые, которых сумели занести сюда. Прислуга и несколько магов снуют среди раненных воинов и пытаются исцелить последствия битвы,

но их усилия тщетны, и кто-нибудь да испустит дух.

– Вы готовы? – обращает к спутникам вопрос Азариэль, заряжая арбалет. – Я не знаю, что стало с Оплотом, когда его запечатали, поэтому будьте осторожнее.

Крышка со звоном отлетела, и Азариэль погрузился в полную тьму, через секунду, рассеянную заклинанием Архмага.

Отёсанные стены, изрезанные символами и рисунками, брошенные потухшие факелы и стяги, окутанные таинственным полумраком. Когда он в последний раз спускался, в эти катакомбы случилось страшное предательство и ему пришлось потерять одного из самых дорогих людей.

– Ты как брат? – раздался вопрос Готфрида. – Что-то ты совсем неладно выглядишь.

– Я в порядке, – резко ответил Азариэль в сторону нордлинга с секирой наперевес, чей рыцарский доспех измаран в чёрно-багровом покрове крови и сажи. – Давайте идти дальше.

После слов вдалеке раздался рык и звериный клочок. Азариэль медленно пошёл вперёд, держа меч перед собой, готовясь встретить слуг тьмы. Царапанье когтей о камень только нарастало, а вместе с ним и рыканье.

Архимаг плавным движением направила шар дальше и свет откинул плащ тёмной скрытности с противника. Существо высотой по грудь, с желто-бежевой кожей, смахивающее на двуногую ящерицу переростка с длинным вытянутым хвостом зарычало. Трипалые передние лапы высекли об ка-

мень пыль острыми когтями, а пасть в виде клюва распахнулась в яростном вопле. Но больше всего привлекает огромный овальный воротник из костяного гребня, обтянутого чешуйчатой кожей, растущий прямо из затылка, в чём-то уподобившись роскошному элементу одежды.

– Кланфир! – крикнула Архимаг.

Азариэль бросился на монстра, отбросив арбалет. Даэдрическое существо пыталось ударить лапой, но меч коснулся выше запястья и следующим взмахом альтмер перерубил плоть на шее. Тварь издала скулёж и завалилась на бок, подставив брюхо для последнего удара.

Ещё два существа подались из дальних коридоров. Азариэль бросился к арбалету под свист болтов друзей, поваливших монстров. За ними толпа «Ужасов Клана» неестественно синхронным роем бросилась на защитников Цитадели, и они приняли бой. Бородовидная двухлезвийная секира Готфрида рубила порождений Обливиона на куски мяса, в то время как клинки Ахмата, Ариана и Ремиила высекали на телах монстров кровавые полосы. Алитиа же отбивается от существ магией, обращая кланфигов в пепел.

Слишком большая тварь повалила Азариэля наземь, и он защитился арбалетом. Когти и сила кланфира разбили стрелковое оружие и невероятной силой альтмер отбросил тварь, ударом ноги, стряхивая осколки арбалета. Он моментально поднялся и вогнал острое клинка в глаз ящероподобного существа, выдавив хлюпанье крови и воя.

Чародейка оказалась в неопытной ситуации – магия стремительно иссякает, и заклинания становятся всё слабее и слабее. Она выдыхается, и кольцо существо сжимается подле неё всё сильнее. Её ждёт смерть страшная, лютая – быть растерзанной в бритвенных когтях «Ужасов Кана».

– Не-ет! – прокричал Ариан и бросился к ней. – Алитиа!

Она не слышит его, ибо слова пропали за бездонным воем существ. К ней подходят всё ближе и ближе, а заклинания не пепелят и не потрошат, оставляя на плоти врага увечья, которые вскоре станут не смертельными ранами. Ариан пытается преодолеть пару мучительных метров, кромсая налево и право в бесполезной надежде спасти Алитию.

Магия иссякла, и твари хлынули, рыча в предвкушении свежего мяса, щёлкая пастью и голодно рыча. В бессилии де-вушка протянула руку в сторону Ариана, смиренно говоря, ожидая смерть.

– Я тебя люблю.

Ариан прыгнул. Когти рассекли его плоть на спине вместе с кожей плотной куртки, но Ариан спас эльфийку, выхватив её из неминуемых смертельных объятий кланфира.

– А-а-а-а! – раздалась агония боли.

Они приземлились у стены, продлив жизнь на пару мгновений. Четыре даэдрических существа прыгнули в их сторону, ожидая крови. Ахмат скользнул в их сторону и лёгкий зеркальный хаммерфельский доспех дал ему это сделать быстро. Охваченная магическим пламенем сабля проткну-

ла шею первого существа, переходя в порез на морде второго. Ахмат заставил отступить от Ариана и Алитии кланфи-ров, отгоняя их под губительный шквал секиры Готфрида, покровсавшей противника.

Азариэль выполнил лёгкий практический игривый выпад оцарапав врага. Ещё удар, и он вогнал клинок по самую рукоять кланфира и тут же выдернул, чтобы не попасть под агонию когтей монстра.

Весь пол завален смердящими ещё теплыми телами, окрасившись в багровые тона. Но не это удивляет, а картина того как Ариан стонет и кричит на коленях Архимага. Она, обессиленная, чуть склонилась над ним, придерживает, обнимая ладонь.

– Тише-тише дорогой, всё будет в порядке, – падают тихие слова с губ эльфийки, когда она пытается воззвать к последним силам, дабы исцелить человека.

– Но Кодекс, Алитиа, – ошарашенно молвит Ремиил, считающая с меча кровь. – Ты нарушила Кодекс.

– Не до этого сейчас, – нервно гаркнул Азариэль. – Вы можете идти, госпожа Архимаг?

– Сейчас-сейчас. Отдохну. У меня ещё хватит сил его вылечить, – надрывистое дыхание прорвалось со словами.

– Не нужно. Как его исцелите, поднимайтесь, – тихо произнёс Азариэль, тут же сорвавшись на крик. – Прорываемся!

Дальше коридоры оказались забиты охранниками из числа культистов в мантиях цвета крови с символикой похожей

на круг с лучами. Солнце это или нет – сказать трудно, возможно просто безумный символ, намалёванный сектантами в приступе религиозного сумасшествия. Азариэль встретился с ними лицом к лицу, и ответом на его сдержанное рычание стало безмолвие сектантов.

Даром Азариэля и его собратьев была смерть, и он с мрачной радостью преподнёс её врагам. Их оружие рассекало плоть и одежду, раскрашивая стены и пол в краски битвы. Клинки и топор об кинжалы, и короткие мечи схлестнулись в неистовом побоище. Они через шторм плоти и оружия провалились в то место, которое некогда было Оплотом Ложи.

– Проклятье! – сплюнул Ремиил. – Чёртова нечисть!

Сущность помещения остались такими же, что и прежде – огромная зала с ровными стенами, и ступенчатый спуск под ногами. Даже столы остались расставленные в таком же положении. Только посредине огромного прохладного пространства пол расчерчен кровавыми рунами смертоубийства и призыва, залитый ярким светом огня. Всё помещение забито сектантами странного культа, которыми руководит чародей-предатель, который и телепортировал сюда сектантов. Из яркого пламени в свет выходят разрозненные порядки дремор, сменив кланфиоров.

– Они совершают обряд призыва, – сказал Ремиил. – Нужно их остановить!

Враг переключил внимание на рыцарей Ордена. Сектанты рассредоточились у стен, а дреморы подъяв клейморы, ри-

нулись в битву, злобно ворча и рыкая.

– Как это сделать? – быстротечно и строго спросил Ахмат.

– Нужно убить чародея, – ответил Ремиил и, взглянув на то, как маг в чёрно-синем балахоне крутит руками вокруг портала, твёрдо сказал. – Судя по всему это наш бывший со-
брат. Проклятье, как же можно так низко пасть.

Ахмат ничего не сказал. Смуглый черноволосый редгард отлично понимает, что им не пробиться через три десятка слуг Дагона, которых с каждым моментом промедления становится всё больше и больше. С обречённым лицом и пламенем в сердце он ринулся вперёд прямо в ряды врагов, а точнее в щель между толпами.

– Стой! – кинулся Ремиил.

Ахмат его не услышал, ибо позволил мысли о спасении Ордена себя полностью поглотить. Лёгкая зеркальная броня, представленная кольчугой и округлой стальной пластиной на груди с орнаментом цветка, да мифриловые поножи с сапогами позволили парню лихо увернуться от тяжёлых и неповоротливых выпадов дреморских воинов. Он ушёл вскользь и металлические наколенники оставили отметину на каменном полу.

Оставшиеся рыцари приняли неравный бой, встретившись лицом к лицу с дреморами и приковав их внимание к себе, дав Ахмату возможность.

– Я не достигаем для тебя, раб тирании! – в бахвальстве выкрикнул маг-предатель.

Но Ахмат не остановился. Его сабля ещё сильнее возгорелась пламенем, вторя огненному духу. Его сердце колотится как сумасшедшее, разум стала терзать неуверенность, но он бежит. Сектанты ринулись к нему, однако слишком поздно. Уйдя от очередного выпада дреморы, он прыгнул, и сабля сверкнула ярким зачарованием.

– А-а-а! – прохрипел чародей, когда острие вонзилось в него.

Сабля вошла наполовину, потроша и выжигая внутренности, и Ахмат надавил ещё сильнее, вогнав оружие по самую рукоять. Свечение портала захлопнулось, оставив после себя лишь мистическую алую дымку, руны на полу и тонну разочарования, вылившегося в безумный рёв и стон культивистов.

– Ахмат, уходи! – через звон клинков приказал Ремиил, отбиваясь от натиска ратников Дагона. – Отступай, это приказ!

Но приказ пропал в трезвоне мечей и стоне противника, который перешёл к мести. Ахмат выхватил саблю из трупа и парировал первые атаки сектантов, зарубив одного из еретиков, выжигая на его плоти смертельную линию.

– Пробиваемся к нему! – приказал Ремиил.

Готфрид, Азариэль и Ремиил попытались пробиться к другу и брату, продавливая ряды воющих ужасов с Мёртвых Земель. По доспехам ещё сильнее клацнули лезвия клеймор, а по чёрно-красной броне зазвенели клинки рыцарей. Три десятка дремор против трёх рыцарей – явно

бой неравный и воины Ордена не могут пробиться дальше лестницы, которая стала бесконечной вереницей обagrённых ступеней.

Тем временем Ахмат остался в центре Оплота Ложи, окружив себя пологом тел. Он понимает, что долго ему не продержаться, и его броня скоро сдаст под натиском десятков порезов и уколов в брони. Но пока он жив и может сражаться он будет это делать, без страха и сожалений.

Сабля, рассекая жарким огнём, воздух отрезала руку еретику, мгновением спустя забрав его жизнь. Культист решил зайти сзади, но мгновенно получил мучительное пламенеющее ранение в живот, а затем в грудь. Он увидел страх, дикий ужас в глазах очередного сектанта, когда пускал ему кровь.

Холод. Холод металла внутри себя ощутил Ахмат вместе с теплотой крови на губах. Его броня не выдержала коварного удара сзади, не выстояла против острия даэдрического меча. Ахмат было хотел обернуться, чтобы из последних сил дать бой, но его заклевали стальными, железными и орихалковыми кинжалами, буквально растерзав. Рыцарь пропал в своре стервятников, именующихся «последователями свободы», за считанные секунды став неразборчивым куском плоти.

– Ох, брат! – выкрикнул Азариэль, когда увидел, как свершилась месть культистов. – Сплоховал ты... сплоховал.

Ещё один друг Азариэля канул в небытие из-за спеси Люция. Со скрипом сердца и загоревшей яростью Азариэль от-

пихнул напирającego дремору с такой силой, что тот не удержался и покатился с лестницы.

– Надобно отходить! – кричит Готфрид, разбивая голову врагу и принимая следующий удар. Норд закрылся секирой, но дремора перевёл атаку и разрубил древко. Оружие посыпалось на пол, а в руках Готфрида тут же сверкнул меч.

Среди врагов Азариэля зацепил золотисто-матовый блеск комплекта северо-двимерских доспехов. Лицо скрыто за маской шлема, и только безжизненная тьма смотрит из глазниц. Противник находится у дальней стены, сгорбившись над какими-то бочками, покрытыми неприятным маслицем, видимо, перенесённых сюда магией. На поясе у противника покачивается пара двимерских механизмов, которые так хороши в разрушении строений. Судя по всему, это один из бывших мастеров Ордена, пришедший сюда с чародеем, и он готовится поднять на воздух эту часть земли.

– Они хотят взорвать всё тут!

– Мы ничего не можем сделать! – отбивая Ремиил. – Нужно уходить!

Азариэль шагнул назад и в одно движение поднял обломок секиры. Это оружие явно не подходит для метания, но выбора нет, а поэтому, отогнав толпу рычащих врагов широким размахом, Азариэль отвёл руку назад и мгновенно её выпрямил, отпуская тяжёлую часть секиры, которая сверкающим образом полетела к врагу. Спустя секунды лезвие секиры каким-то чудом угождает врагу в спину, но к великой

досаде броня выдержала такой удар и от неудачи Азариэль рассвирепел.

– Ты всё сделал, уходим!

Отряд бросился наутёк и дреморы не стали преследовать их. Первый план провалился, они не смогли атаковать из Оплота, а значит суждено свершиться второй задаче. Они лучше умрут, чем позволят опозорить имя Дагона.

Тем временем, рыцари достигли поверхности, но пока они сражались под землёй, обстановка наверху приготовила им огромный сюрприз. Безысходность охватила разум Азариэля, когда он увидел, что случилось с обороной, и вспомнил, на что они обрекли Цитадели, оставив мастера-предателя внизу. А усталость, непомерная усталость и ощущение, что доспехи стали непорядок тяжелее, вьедливой слабостью поселились в теле.

Его взгляд безудержно метался по стенам и видел, что они были сданы и на них царствовали противники, которые также продолжали погибать от ливня стрел, болтов и магии, что неустанно лились уже из Донжонов, выкашивая мерзость на стенах. Силы Ордена отступили со стен, не в силах удержать их под натиском вражеской магии. Враг не понимает, что стены всего лишь способ перехода между четырьмя огромными башнями, а сама Цитадель оказалась системой крепостей, которые состояли из четырёх Донжонов и Великого Шпиля. И именно эти твердыни сейчас удерживают отступников от полной и безоговорочной победы. Каж-

дый Донжон стал отдельной крепостью, которая могла держать осаду неделями, если не больше. Поэтому потеря стен оказалась несущественна, если исполинские башни оставались в руках Ордена.

– Какого даэдра тут случилось? – гневается Ремиил и крикнул в небо. – Боги, где ваше милосердие?!

Но самое страшное действие разверзлось во внутреннем дворе. Азариэль с чувством бессилия взирает на разбитые ворота, а точнее щепки и вспоротые доски с разбросанными кусками металла, где виднеются очертания тарана, объятого чёрным огнём. Сквозь прореху хлынули орды врагов. Даже здесь Азариэль слышит их нечестивые гимны, вой и звон металла, а также различает нечестивые полотнища.

Враги Тамриэля беспросветной толпой ударились в ряды защитников Тамриэля и схлестнулись в кровавой страшной битве свет и тьма. Рыцари и наёмники, маги и солдаты, остатки стражи – все они плечом к плечу встретили чудовищную рать, устремившиеся в кровавую жатву.

– Нам нужно в бой! – еле как сдерживает себя Ремиил. – В битву!

Положение действительно оказалось тяжёлым. Азариэль даже отсюда видит, что неисчислимые полчища врагов теснят защитников постепенно от ворот и те немногие, кто остался в строю, начинали отходить к фонтану, не в силах долго удерживать напирющую волну чудовищ.

Азариэль отвлёкся на страшный хруст, гулом пробежав-

ший над головой. Поистине, страшно смотреть на Великий Шпиль, который сильно накренился и покрылся сетью трещин и сколов и навис над полем боя, как клинок мстительного божества. Его некогда прекрасные стены стали отражением безрассудства битвы и вот-вот многотысячная история рухнет, рассыпаться как прах. Некоторые места разворошены снарядами катапульта и дыры зияют в Шпиле – от стен вырваны куски камня, валяющиеся у порога.

– Что будем делать? – спросил Готфрид, видя, что ещё немного и их сопротивление сломят.

– Мы присоединяемся к бою, ибо если сегодня мы сложим головы, то должны сделать это с честью. – Без обречённости, ответил Ремиил. – Прорежем себе путь к Регенту!

Азариэль со всей усмирённой обречённостью понимает, что при таком раскладе положения победы им уже не видать. Предательство, потеря одного из самых дорогих людей, собственноручное убийство бывших братьев, разрушение Цитадели, и смерть друзей – это несут с собой враги. Единственное, что сейчас он может сделать, что осталось у него – так это сражаться. С уверенностью Азариэль сжимает меч и делает шаг вперёд, отбрасывая осколок брусчатки.

– За честь и Тамриэль! – Гордо дал клич Рафаэль.

– За честь и Тамриэль! – Повторили за ним рыцари и ринулись в бой.

Дух Азариэля наполнился светом чести и неистовой злобой к отступникам, вспыхнувшей, как горит пожарище. Он

готовов ворваться в их ряды и устроить бойню, утопить врага в боли и ярости. Сам клинок Верховного Магистра к этому призывает.

Тем временем немногочисленных защитников, которые с отчаянием бьются во дворе, рассеивают. Ординаторы и командиры союза, при поддержке кучки стражников и наёмников не могут удержать всю массу противников, которая нечестивым скопом ломилась через ворота. И, несмотря на всё увеличивающееся количество защитников, которые выходят из Донжонов и спешили помочь своим друзьям, их силы были разделены надвое. Враг постепенно овладевает внутренним двором, и победа тёмных сил была более чем очевидной – массы, волной за волной, под победные кличи и звон боевого рога напирают жуткой ордой.

Азариэль ворвался в битву подобно мстительному вихрю, позабыв об усталости и ранах. Раскидав братьев и сестёр, он врезался в бок одному из бандитов, глубоко пронзив его мечом. Следующий удар плашмя и меч покрылся кровью и раздался противный хруст ключицы, сектант завалился на обжаренную траву, издав предсмертный хрип.

Через безумную пляску битвы, шторм клинков, магии и крови Азариэль стал пробиваться, пока не встретил прекрасного вида картину. На самом краю обороны, за её линией в пыльной и липкой от крови врагов тускло-рдяной одежде стоит Архимаг. Её прекрасное лицо превратилось в алое отражение битвы, волосы в ихоре противника, а глаза готовые

закрыться от усталости. С её рук рокочет пламя и трещит молния, отправляя слуг губительного союза во тьму через страдания. Приблизиться к ней не даёт Ариан, отгоняющий наплывы мечей, топоров и когтей. Только стоит очередному культуисту приблизиться к девушке, чтобы совершить самоубийственный выпад, так его жалкую жизнь быстро обрывает Ариан.

Высший эльф пытается пройти вперёд, но вдруг встречается с павезой цвета тёмной зелени и столь сокрушительный напор щитом опрокинул парня. Азариэль поднялся и попытался нанести колющий выпад, однако щитник выставил непроницаемую стену и в наскок снова уронил эльфа, занеся над ним клевец и тут же остановившись. Сквозь суматоху битвы и клубы дыма парень смог разглядеть знакомые черты лица и услышать жалобные слова:

– Это ведь ты мне вернул тот амулет... как же так можно...

– Гунвар Сердцелесый? – удивился Азариэль.

– Это ты нас погубил... ты – поганый лазутчик, – со скорбью твердит норд, не в силах поднять оружие на того, кто ему вернул память о брате, и Азариэль понимает, что только благодаря той побрякушке и тому, что случайно наткнулся на Гунвара, остался жив.

Только норд собрался с силами и решился прикончить Азариэля, как шквал чей-то магии объял Гунвара и ледяными осколками закружился вокруг него, впиваясь в броню и

залезая под кожу и через мгновение «Сын Леса», оказывается на земле, расставшись с душой.

Азариэль, поднявшись, стал пробиваться к своему тандему, получая удар за ударом. На него накинута дремора из плана Молага Бала, и Азариэлю пришлось отпрыгнуть, чтобы не быть зарубленным. Через пару секунд он решил его судьбу смертоносным уколом и откидывая тело демона к горам трупов под собой он приблизился к Ариану.

– Где Регент?! – спрашивает Азариэль, отекая голову ещё одному дреморе.

– Он был у главных ворот! – надрывается Ариан, рубя фанатика в чёрном балахоне. – Иди туда.

Азариэль отвлёкся на вражеского наёмника, отбивая его взмах и растерзав его доспехи множественными ударами, уложив бедолагу на ковёр из мертвецов. После, Азариэль увидел Регента.

Тилис стоит без шлема в окружении противника, и только золотые лучники Саммерсета составили ему верную свиту. В два ряда они бьются – первый синхронными ударами не даёт врагу проникнуть за золотое оборонное кольцо, а второй расстреливает оружие толпы из луков.

В это мгновение через ворота шагнул Фиотрэль, а вместе с ним десяток гвардейцев «Сынов Леса» и каждый несёт огромную зелёную павезу. Мгновенно тёмные глаза Фиотрэля встретились с алыми зеницами Тилиса, в которых запылала несусветная печаль.

– Брат, давай поговорим, – с протянутой рукой сказал Фиотрэль.

Сомнение и кручина отобразились на лице Регента, но всё же он отдал приказ, с указанием:

– Лучники, ваша цель!

Полтора десятков стрелков отпустили тетиву. Щиты вспыхнули от огненного зачарования луков и стрел, но главу «Сынов Леса» удалось защитить. Тилис поднял меч и приготовился.

Азариэль подавил ощущение гнетущей слабости и боли. В сопровождении Ремиила и Готфрида он потянулся к Регенту, прорубаясь через нескончаемые толпы врагов. Всюду льётся кровь, Азариэль чувствует, как его броня проколота во многих местах и сам он покрыт ранами, но стиснув зубы, он идёт сквозь битву, сдерживая тошноту от запаха мертвецов и жжённой плоти.

Регент направился к Фиотрэлю, а за ним в бой ринулись и альтмеры, золотом расписав ряды сражающихся. Луки эльфов больше не напевают свистящую песнь смерти, сменившись на звон мечей и две стены врезались друг в друга – золотая и зелёная. Тилис повёл лучников, и зубы его меча рассекли плоть и кость рыцаря-предателя. Азариэль с восхищением смотрит, как зубья меча пресекают жизнь врага.

Эльфы идут за Тилисом, схлестнувшись с гвардией «Сынов». Мечи бьются о щиты, золото и тёмная зелень покрылись багрянцем. Павеза ударила по эльфу, а затем клевец

проломил ему череп. Ещё один гвардеец, найдя секунду, отбил удар и отсёк кисть выше запястья, тут же превратив удар в укол. Альтмеры же разбивают громоздкие щиты гвардейцев в щепы синхронными ударами зачарованных мечей. Пространство у ворот утонуло в багряном мареве крови.

Фиотрэль вырвался из тьмы и огня. Вульж в его руках разбил альтмеру голову, и по золоту хлынула алая жидкость. Второй неаккуратный удар пронзил пластины брони на груди и откинул ещё одного воина Саммерсета, мгновенно вынув оружие и рубя им ногу высшего эльфа.

В проход главных ворот, заваленными трупами, ринулся Тилис. Зубья его меча прогрызаются к Фиотрэлю, и Азариэль видит, что и лесной эльф под защитой гвардии пробивается к «брату». Их встреча ознаменовалась ярким салютом искр, когда два оружия встретились, и кажется, что сам Единый освободил им место для встречи. Азариэль зажмурился, когда орудия заискрились, стараясь изо всех сил прийти к Регенту.

– Зачем?! – взревел Тилис, замахиваясь.

– Тилис, я пришёл, чтобы убедить тебя... я пришёл ради тебя, – вымолвил Фиотрэль, встречая оружие «брата» и Регент навис над босмером, уподобившись монументу мести.

– Нам не о чем говорить, проклятый предатель! – нанося удар, беснуется Регент и перед ним встал гвардеец, щит которого в мановении ока стал щепками, а броня и тело кучей изодранного мусора. – Посмотри, ты всё уничтожил!

– Дело в свободе. Настоящей свободе, брат.

Альтмер в золотом преградил путь Фиотрэлю. Вульж молнией отбил эльфийский меч и вошёл так глубоко, что вышел из спины. Следующим взмахом Фиотрэль нанёс страшную рану у горла. Высший мер пошатнулся и завалился на грудь тел.

– Посмотри на Цитадель! Посмотри, на что ты сделал с нашим домом!

– Это война – война справедливости, брат. Независимость, свобода – ценнее руин дома, – говорит Фиотрэль. – Сдавайся и пощади своё воинство для них!

Зубья меча устремились к Фиотрэлю, но эльф ловко ушёл в сторону, и сталь обрушилась на мёртвые тела, а босмер ловким выпадом помял броню Тилиса.

– Ты не видишь, за что воюешь, Фиотрэль, – отступил Регент.

Вульж Фиотрэля пронзил очередного альтмера, насадив его подобно мясу на шампур.

– Мы оба бьемся за будущее, Тилис. Я – за свободу, ты – за тиранию!

Тилис не смог вовремя отбить выпад, и нагрудная пластина эбонитового доспеха смялась под напором морозного лезвия.

Азариэль прорычал, и вместе с воздухом на губы вырвалась и кровь. Ремиил закрыл Азариэля от смертоносного удара дреморы, парировав удар и вонзив меч в шею. Готфрид

узколезвийным мечом заставил луркера отойти и упасть от множественных ран на ногах, и массивная туша монстра задушила трёхсектантов.

– Ты не сможешь победить, брат, – воскликнул Фиотрэль. – Пойми это! Но ты можешь выиграть, если предашься свободе!

Тилис снова атаковал Фиотрэля. Зубчатый меч лениво опустился на вульж, показывая усталость хозяина оружия. Оставшиеся золотые воины стали сжимать кольцо и всё больше и больше золота маралось кровью и присоединялось к покрову из мёртвой плоти.

– Никогда! – ответил Тилис.

– Брат... тогда покончим с этим!

Фиотрэль решил закончить бой, в котором решил переманить данмера, которого считал другом и надеялся, что тот разделит его убеждения, и они снова будут как братья. Сверкающий колким морозом наконечник устремился к Тилису, но его оттолкнул альтмер, в котором Азариэль узнал Андолемара. Вульж пробил его грудь в области сердца и тело упало. Спустя полсекунды лезвие снова вихрем несётся к Тилису и Азариэль видит, куда должен прийти выпад.

Обескровленное тело Азариэля пытается преодолеть три метра, отделяющих его от повелителя. Три метра заполненных разношёрстным отребьем, через которые не пробиться.

– Ты умрёшь, брат! Как это печально! – возопил Фиотрэль.

Вульж пробился через толстые пластины эбонита и впился в бок, коснувшись холодным поцелуем стали и магии льда плоти Регента. Тилис не отступился, а правой рукой перехватил рукоять оружия, когда оно прошло ему в доспех. На миг два «брата» встали на близком расстоянии, смотря глаза в глаза.

– Брат... – начал Фиотрэль и мир замедлился.

И Тилис левой рукой обрушил зубья меча на руки Фиотрэля. Лезвие впилось в металл и плоть выше локтя, и пилящим движением Регент рассёк мясо до костей. Его лицо измарано кровью, покрыто пеплом, но остаётся таким же холодным, как и зачарование на лезвии вульжа. Ударом ноги Регент заставил уйти от себя командира «Сынов Леса» и Фиотрэль пошатываясь отошёл. Острие широколезвийного меча Регента прорвалось через нагрудник и осталось в плоти, в считанных миллиметрах от сердца.

– Но, брат... свобода... – выдохнул упавший Фиотрэль.

Багровый цвет заблестел на дикой зелени и клинке зубастого меча. Тилис надавил и тёмные глаза Фиотрэля расширились, а горло выдавило предсмертный выдох. С губ регента сорвались слова холодной печали:

– Прощай... брат.

Азариэль пробился к Регенту, когда дремора зарубил последнего лучника с Саммерсета. Среди тёмных тел теперь сияет окровавленное золото мужественных защитников. Всюду роятся враги и четыре воина Ордена готовы уме-

реть в плотном кольце.

– Вот и конец нам, – констатировал положение Азариэль, уводя Регента от пробитых ворот.

– Так встретимся его с честью! – прорычал Ремиил, поднимая отяжеленный меч.

Внезапно пространство наполнилось светом и шумом телепортации. Рокот огня и магического грома отбросил смешанные ряды противников назад. Чародеи, не меньше двух десятков, в окровавлено-тускло-синих мантиях закрыли неистовством магии и ценой жизни Регента. Сотни ринулись на них, но встретили со смертоносным штормом магического буйства и неистовый свет затопил местность у ворот.

– Мой лорд, нужно отступать! – оттягивая за наплечник, кричит Азариэль. – Мы не выдерживаем!

Тилис словно потерянный не слышит речи Азариэля и юноше приходится тряхнуть повелителя, чтобы привести того в чувство.

– Мой лорд!

– В «Великий Шпиль»! – выйдя из ступора, приказывает Регент.

Но, словно по велению и замыслу Акатоша, башня не выдержала. Послышался страшный оглушающий хруст камня, мрамора, металла и главная башня стала всё сильнее крениться, опускаясь к земле, зависнув над ней как клинок яростного бога.

– В сторону! Скорее! – Ремиил потащил остальных как

можно дальше от ворот и как можно быстрее. За ними маги стали тоже отступать, и через несколько моментов всё пространство от фонтана до разбитых врат было заполнено нечестивой ордой.

Последние крепления, с безумным звоном лопнув, сдались, и «Шпиль», став бывшим сосредоточением не писаной роскоши и красоты, со страшными стонами материала рухнул прямо на надвратное помещение. В ходе полёта она разделилась на две части и огромные глыбы рухнули прямо на северо-западный Донжон, разворотив его на куски, перемолов, как и защитников, так и врагов.

В ушах Азариэля загрохотало и зазвенело одновременно, и он с изнеможением на лице обратил взгляд на башню, но не увидел её, поскольку каменная пыль заволокла всё. Сразу же после падения раздался оглушительный взрыв и стон камня, от которого на секунды заложило уши, а по мозгу словно ударили молотком.

В этот момент над двором поднялись клубы пыли и каменной щепки, обдавшие всех, кто стоит, кто оказался на пути пылевого облака. Каменным туманом поднявшаяся пыль затянула всю цитадель непроницаемой серой дланью. Куски башни разлетелись по всему внутреннему двору, жестоко перепачкав его, изрезав сотнями самых различных шматов бывшего величия, и обратив в кучу руин весь двор.

По счастливой случайности, или воле Аэдра, падающая башня обратила всю силу против сторонников губительных

сил, накрыв их, как меч палача накрывает шею. Вся древняя красота, обратившись в неистовую ярость, словно принесла кару тем, кто посягнул на неё. Тяжёлый камень обрушился на головы нечестивцев, принеся справедливое воздаяние, ибо даже лучшая броня не может устоять перед бешенством сотен или даже тысяч тонн.

– Не-ет, – на выдохе с болью произнёс Ремиил, потянувшись к башне.

– Идём Ремиил, теперь у нас есть наде...

Второй взрыв оборвал Азариэля на полуслове. Юго-западный Донжон вместе Кельями неофитов и тамошней стеной стал невидим из-за поднявшегося облака пыли и редкого огня в том месте, где был Оплот Ложи. Новый взрыв возмездия Люция покончил с Донжоном, который, стряхнув с себя каменную пыль, просел, провалившись под землю. И ещё через пару мгновений он накренился и рассыпался на десятки осколков, вызвав разрушение всей западной стены, превратив её просто в кучу камня. Стена, блок за блоком, камень за камнем, в сопровождении оркестра разрушения, рассыпалась подробно мозаике, стряхнув воцарившихся там врагов.

– Сколько раненных умерло... сколько наших было в том Донжоне, – на мгновение предался скорби Готфрид.

– Проклятый мастер, проклятого Люция! – прорвало Ремиила. – Чтоб вы все сдохли, падлы!

– Не время скорбеть! – в неистовом рыке воскликнул Ти-

лис, когда его меч обрушил зубья на дремору.

Этим ошеломлением противника воспользовался Регент. Он, вырезая любого, кто встанет у него на пути, начал продвижение в юго-восточную часть цитадели, где остался единственный не разрушенный и безопасный Донжон. За ним тут же ринулись и все защитники, оставляя позади врагов, которые только стали приходить в себя и осознавать, что произошло.

Побежал и Азариэль. Он настолько ошеломлён боем, что даже и не услышал стонов тех раненых, что сейчас умирали под обломками строений. Им сейчас двигал только инстинкт выживания, а на остальных... плевать.

Чёрное небо заволокли клубы дыма из каменной пыли, но она спешит осесть из-за дождя. Врагу понадобилась минут пять, чтобы перегруппироваться и бросить свежие силы в новую битву.

В последние моменты перед боем Регентом определён кусок земли, где закрепились силы обороны, в надежде прожить ещё несколько часов. Последние защитники Цитадели и всего Тамриэля заняли оборону в юго-восточной части конечного рубежа. От разрушенной башни и до конечного Донжона, который оставался в руках защитников, располагалась линия второго рубежа.

Запыхавшийся Азариэль с подобранным арбалетом занял позицию среди разрушенных стен Академиона, которые ещё стоически держался. Его броня заляпана слоем грязи, пыли

и крови, как и лицо, отмеченное кровоточащими ранами. Он ощущает слабый жар костров, разведённых в Академионе, но его беспокоит только враг, виднеющийся через ложе арбалета.

– Сколько же нас осталось? – кто-то спрашивает из стрелков, так же подходящих к разрушенной стене.

– Не более пятисот.

Азариэлю всё равно на числа. Усталость брала с двойной силой, и казалось, что надежды нет. Уже различимы силуэты отступников, которые обтекая развалины разрушенных построек, всей массой пробираются сквозь руины и готовятся к последнему, как им кажется простому бою. Но пока защитники сил света живы, они будут стоять до последней капли крови и не дадут так легко взять их жизни.

Регент скомандовал, чтобы выжившие образовали защитную линию, которая сдержит натиск врага. Изнеможённые, израненные и уставшие душами воители, поковыляли, для того, чтобы образовать шеренгу. В оборонительном построении встали все: от наёмников до рыцарей, от стражников до ординаторов. Встали и те десятеро мистических воинов в блестящих доспехах, ровно по центру, образуя клин.

В глазах Азариэля всё плыло, от этого он не может спокойно прицелиться из арбалета. Его руки дрожат и тяжелеют, а взгляд начинал подводить. Юноше то и дело приходилось себя вздёргивать, чтобы удерживать твёрдость руки.

Отступники быстро приближаются. Их рёв, перемешан-

ный с безумными молитвами, невероятно оглушительен и омерзителен для слуха. Надвигающееся безумие наступало штормом и сумасбродством – сотни клинков и копий неорганизованной волной бегут на выживших. Оставались считанные метры до столкновения со стеной защитников. Тут прозвучал приказ Регента и стрелы, болты и магия полетели в отступников.

Первыми бежали оставшиеся в живых из первой шеренги, которых вели несколько предателей-неофитов из Ордена. Когда их настигла смерть, у Азариэля не сжалось сердце, ибо им настолько овладела усталость и праведная ярость, что ему просто всё равно. Он машинально перезарядил арбалет и снова приготовился к выстрелу.

Ренегаты и сторонники губительных сил с рёвом и кликами врезались в шеренгу защитников, как морская волна ударяется об камень, и завязалась страшная бойня. Отступники вошли в бой всем составом, но их напора не хватает, чтобы прорвать шеренгу, и атака завязла. Да и стрелки умело косят слобовооружённых противников, вышедших на открытую местность. Последнее наступление врага грозило захлебнуться и потонуть в собственной крови – они застряли и не могут продвинуться, теряя с каждой минутой всё больше нужной крови.

Внезапно Азариэль отлетел от стены, когда огненный шар раскрылся в грохоте и пламени. Затылок ощутил что-то твёрдое, каменистое и тьма прорвалась в разум, окружив

парня, и последнее, что он услышал прежде мрака:
– Лекаря сюда! Поставим на ноги и снова в бой!

Глава 30. Молот императора

Цитадель ордена. Спустя три часа.

Азариэль добивает атакующего сектанта Мефалы. Он взмахнул клинком, который слабо сверкнул мрачным серебром, и разрубил грудь атакующему еретику. Поклонник заговоров и лжи пал, сбросив с лица маску. Из глубокой раны отступника хлынула алая кровь, заливая грязную землю.

Это действие происходило на автомате. Разум юноши уже практически отключился, а тело изнывает от дикой усталости. И убив еретику в руинах, парень сделал пару шагов назад и подставил своё испачканное лицо под непрекращающийся дождь, который спал практически до обычной мороси. В области затылка он ощутил боль, коснулся его, и голова запульсировала дикой болью, сглаживаемой ледяным воющим ветром.

– А-а-а, – болезненно выдохнул парень.

Азариэль оглядел поле боя. Его помутневшие от усталости глаза увидели лишь тысячи трупов, которые усеяли перепачканный и обращённый в осколки бывшего величия внутренних двор.

Юноша, не в силах стоять, отчего его ноги подкашиваются

ся, но меч не даёт упасть, и парень опёрся на кусок главной башни, который сейчас валялся в его ячейке. Да, всё что осталось от защитников, было разбито на оставшиеся ячейки сопротивления.

Азариэль попытался расслабиться, но внезапно вновь напрягся всеми мышцами, чтобы не провалиться в сон. Разум трепещет где-то на грани отключения и мог мыслить только короткими фразами. Парень, дабы не провалиться в объятия сна, задумался, сколько идёт этот бой, и чего они добились.

Его подсчёты сбились на первых моментах попытаться это сделать. «Пускай будет три часа» – говорит себе Азариэль. Страшная и смертельная битва шла часа три, прежде чем враг отошёл на перегруппировку, заняв позиции за Цитаделю. Но хоть противник отступил, юноша понимал, что положение было катастрофическим, и, наверное, до утра никто из них не доживёт. От некогда прекрасной Цитадели не осталось и следа, ибо практически всё обратилось в прах, который лёг на могилу истории Ордена. Всюду, куда ни кинь взгляд, душу режут разбитые руины, из которых слабо и практически невидимо полыхает огонь. Стоять остался только юго-восточный Донжон, который продолжает находиться во владении сил защитников, став их последним прибежищем.

У сил защиты Цитадели осталось очень мало воинов. Их в совокупности не больше пятидесяти воителей и магов, тех, кто способен был дать отпор противнику. Но вот противни-

ков, после того как к ним подошли свежие резервы сектантов и еретиков Даэдра, оказалось в двадцать раз больше. Сейчас враг отступил на перегруппировку, и новой атаки осталось ждать совсем не много. А силы обороняющихся защитников оказались рассеяны на ячейки, в которых оставались маленькие группки, оставшиеся после кровавого штурма.

Азариэль понимал, что прежний штурм оказался отбит чудом героизма, который проявили защитники и смогли откинуть противников, прежде чем к ним подойдёт подкрепление. В голове его терзает боль и мучительные моменты бессознательного состояния, после которого он смог вырваться из Академиона и присоединиться к битве. Но сейчас силы защиты уже ничего не спасёт и последний недолгий бой за Донжон их просто добьёт.

Усталость Азариэля настолько овладела им, что ему уже неважно – умрёт он или выживет. Он был просто горд, что сегодня прольёт кровь за Тамриэль и за его жизнь, лишь простоять ещё пару часов и унести как можно больше жизней врагов.

Голова выглянула из укрепления, и Азариэль увидел, что немногие защитники ковыляют к Донжону, ставший прибежищем главы Ордена, который стоит на поле боя и с пустым взглядом осматривал его. Рыцарь тут же устремил свой уставший взгляд на него, пытаясь понять, что думает их командир, что он чувствует после смерти «брата». Его вид настолько удручающий, что Регент уподобился статуи печаль-

ного воина или воплощению горести.

– Мой лорд, – прозвучал через завывание ветра шёпот Азариэля, но его не услышали. Сам юноша через секунду забыл, что хотел сказать.

В юго-восточной части внутреннего двора бродит Регент, а его пальцы сжимают какую-то тряпицу. Его лицо поглощено в тени ночи и только рой маленьких огоньков слабо освещает помятый доспех. Широкий регентский меч отброшен в сторону и валяется где-то посреди тел и кусков камня, лишённый зубов.

Азариэль перевёл взгляд на внутренний двор. Местность завалена трупами от стены до стены. То, что раньше было огромным свободным пространством с роскошным фонтаном, стало перепаханным полем, где смешалось всё – руины и тела, люди, меры и дреморы. Стяги... множество флагов, среди которых вздымаются маленькие огоньки, растерзаны и слабо колышется под ветром.

Ухмылка боли скривила губы эльфа, и он присел за укрытие, не в силах больше сражаться. Но ранения и усталость тела не идут, ни в какое сравнение со шрамами на душе, которые за последние часы получил Азариэль. Практически все кого он знал сегодня пали на поле брани, защищая жителей Тамриэля от скверны губительных сил. Сердце, успокоенное смирением и отсутствием сил, тлеет жадной мести.

– Война, – слышится умеренный шёпот.

Всё что Азариэль видит, всё, что он потерял – результат

войны. Но за что? Это не война за золото или территории, не за сказочную красавицу. Смотря на влажную от крови, гноя, липкого дождя и потустороннего ихора землю, ставшую жижей, Азариэль понимает. Тысячи лиц, уставленных к небесам, и их пустые глаза говорят о том, что есть войны страшнее других. Почерневшие руины эпохи былого могущества вопят о том, что нет страшнее войны, чем та, которая развязана за самое пьянящее. Власть и идея – вот предлог, под стягом которого Люций собрал под своим крылом тысячи нечестивцев, но сам он – пешка даэдрических сил, для которых власть над Тамриэлем – внутренняя убежденность. По крайней мере, для некоторых из принцев.

С самого момента объявления войны Азариэль надеялся, что всё обойдётся. Но когда они ступили на остров, он понял, что нечестивая идея как кислота – может вьесться очень глубоко в души, разъедая их и со временем растворяя в себе.

Внезапно парень уловил краем уха говоры, которые развернулись за разрушенными стенами, отвлекаясь от своих мыслей. Парень понял, что это разговоры врагов, доносившиеся до него гулким эхом. Отступники расположили ставку за разрушенной стеной и там решили формировать новые порядки, которыми снова пойдут в бой и сметут обескровленное сопротивление. Но временем, какой, то фанатик еретик или группа отступников пойдёт в атаку, под свои гнилые песнопения. Неизвестно, что вело их на прямую смерть, может желание получить благословение Даэдра, а может, они

просто лишишь разума, но как только еретики выходили на открытое пространство их сразу расстреливали из арбалетов и луков, оставляя лежать среди ковра из тел, но болтов, как и стрел оставалось катастрофически мало.

Азариэль оторвался от переговоров отступников, ибо услышал звук приближающихся шагов, и как подошва мнётся об камень. Юноша тяжело оторвал голову от груди и сквозь пелену, повисшую на глазах, увидел, как к нему сквозь морось приближается размытый силуэт. Это был парень, похоже. Он подковылял к убежищу Азариэля и буквально рухнул рядом с ним, зазвенев металлом доспеха о руины.

– Ох, Готфрид, – упал рядом с ним Азариэль. – Как я рад, что ты не умер.

– Вот, держи, – буркнул подошедший и протянул небольшой флакон, в котором плескалась густая алая жидкость. – Это последние зелье.

– Ох, Готфрид, – с некоторой радостью начал Азариэль. – Что это?

– Это эликсир из капеллы, – немногословно отвечает норд.

– Что с ней стало?

– Её сожгли враги. Если был на Донжоне, углядел, как от неё только стены остались.

– Что, совсем так плохо? – откупорив флакон, спросил Азариэль, почувствовав бодрящие ароматы зелья.

– Хуже, чем ты думаешь.

Юноша хлебнул бардовой гутой жидкости из сосуда, обтянутого жёлтой тканью, и начал чувствовать, как волна тепла и энергии пробежалась по пищеводу, а через пару мгновений это ощущение лёгкости и внутреннего света начало проникать в мышцы, даруя неполное освобождение от усталости и боли.

– Как думаешь, мы переживем эту ночь? – спросил Готфрид.

Юноша не него бросил взгляд и увидел, что раньше белое лицо северного нордлинга покрылось толстым слоем чёрной смольной сажей. А голубых очах горит пламень безысходности, перемешанный с усталостью.

– Я не знаю. Нас осталось слишком мало, а к тем ублюдкам подошли резервы. Брат мой, наверняка мы сейчас в последний раз с тобой разговариваем.

– Надо крепиться и не падать духом, – вдохновлено и пытаясь поднять боевое состояние своего побратима, сказал Готфрид и выглянул из укрытия, устав взор на поле. – Один... три... четырнадцать. О, идут вроде двадцать еретиков, сейчас от них останется только месиво. – Желая отвлечь от положения, с задором говорил Готфрид, чем обратил внимание Азариэля.

И через секунду в еретиков полетели последние зачарованные болты и наточенные стрелы, оставившие от них только шмотья мяса, оросившую и без того липкий двор кровью.

То, что от сектантов не осталось даже памяти, порадовало Азариэля, ибо юноша считал, что этим тварям будут мягки кошмары Холодной Гавани. Что тем, кто отдал свои души тёмным силам, не нужно проявлять не единой толики милосердия и пощады, как бы тяжело это не было.

Азариэль убрал горький взгляд очей и оторвался от созерцания того, как дождь полощет то, что осталось от еретиков, и обратил внимание на приближающегося мужчину в почерневших доспехах.

По сердцу Азариэля пробежала волна облегчения и радости, ибо это оказался Ремиил, и только счастье могло родиться в уставшей душе от понимания, что старый друг выжил. И юноша узнал его даже с растрёпанными запотевшими и намокшими волосами, которые падали на изнеможённое лицо. Но то, что у него читалось в глазах тревога и беспокойство, совсем не радовало парней и Азариэль, опираясь на клинок, сквозь кряхтения и боль, смог подняться, чтобы поприветствовать друга, но старый рыцарь проигнорировал порыв юноши.

– Господин Ремиил, – поднялся Готфрид.

Рыцарь встал возле братьев. Его отяжелённый взгляд сверлит двух парней и прошло секунды две, прежде чем раздался голос грубый, сдержанный:

– Крепитесь, братцы. Это конец.

– Что случилось? – забеспокоился Азариэль и, опираясь на клинок, поднялся во весь рост. – Расскажи нам.

– У нас ничего не осталось, да и поговаривают, что войнство врагов возглавит сам Дунхарт.

– А баллиста? – безнадёжно спросил Азариэль, предполагая, какой будет ответ.

– Порвалась тетива, – холодно и без эмоций ответил старый рыцарь. – Но не это самое страшное, как вы поняли. Ни стрел, ни свитков, ни зелий... ничего.

– Ты отчаялся?

– Нет. Смирился. До завтра мне уже не дожить, – медленно говорит Ремиил. – От меня теперь завит, сколько я заберу с собой врагов.

– Ты не видел Сафракса? – спросил Готфрид.

– Он мёртв. Его убили.

– Кто вообще остался из рыцарей? – отчаялся в вопросе Азариэль. – Кто в живых остался из командиров?

– Только Регент, – речь Ремиила на удивление Азариэля спокойна и сдержана. – А остальные? Они либо потеряны, либо мертвы.

Внезапно ночной сумрак со стороны врага сменился пленением десятков факелов. Звонкий гул боевого рога Регента, подобный грозному завыванию нордского орудия призыв, прервавший беседу трёх рыцарей. И Азариэль обернулся к источнику пронзительного звучания, подсчитывая последние минуты в своей жизни.

– За Орден умрём! – кричит Ремиил, поднимая друзей.

– Вставайте! Враги идут! – призывает во весь голос Ре-

гент, держа фальшион и жестикулируя им над собой и призывая всех на последний бой.

Все оставшиеся члены Ордена встали как один, выйдя из рассеянных ячеек, постепенно обходя трупы и руины башни, с осколками перепаханного внутреннего двора, стали стекаться к тому месту, где готовится к бою глава Ордена. Никто не оставался в укрытиях, ибо их честь взывала к тому, чтобы сложить голову на последнем поле боя и унести на тот свет, как можно больше служителей губительных сил. Заковылял и Азариэль, опираясь на лезвие меча.

Постепенно собравшись возле Регента, защитники образовали небольшую однолинейную шеренгу, численностью не более пятидесяти. И кого только среди выживших защитников не было, но сейчас они отбросили своё происхождение, свои ранги и статусы, ибо те, кто встал на защиту Тамриэля, сейчас едины. Изнеможённые, израненные и обессилившие духом стояли и смотрели в лицо приближающейся смерти. Некоторые из обороняющихся от усталости волочили своё оружие, но их честь настолько в них взывала к битве, что им было проще и приятней погибнуть, нежели отсиживаться в укреплении.

И впереди всей шеренги стоял последний полуживой командир, готовившийся за собой повести в последний бой тех, кто оказался чист сердцем и отринул искушения Даэдра. Регент стоял как военачальник: гордая осанка несломленного бойца, прекрасное оружие в руках, завёрнутый стяг в дру-

гой руке. Он в этот же момент повернулся и осмотрел всех тех, кто остался под его командованием. В глазах главы Ордена промелькнуло понимание и сожаление, которыми он не поделился, Регент развернулся к шеренге и заговорил, стараясь поднять дух бойцов:

– Вот и настал наш последний миг, друзья, но есть ли у нас повод бояться его? Сегодня мы заслужили того, чтобы быть благословлёнными на вечную жизнь славными богами. Сегодня они нас примут как своих детей. Сегодня мы храбро сражались за то, чтобы народ Тамриэля спал спокойно. Так давайте сделаем так, чтобы он смог проснуться в мире, в котором будет заря и рассвет, а не царство вечного мрака! Круши проклятых мразей! Уничтожим их!

Вражеские орды, представленные набором выжившего отребья, от культистов до дремор, возглавляет рыцарь смерти, бывший Магистр Ордена. Его доспехи окутаны ночным мраком, пеленой хаоса, через которую расплываются черты доспеха. Он поднял руку, и армия за его спиной остановилась, встала как вкопанная.

– Сложите оружие! – раздаются слова и каждое подобно рыку, рождённому в страшном голоде. – Я гарантирую вам пощаду. Вам не победить в этом сражении – вы обречены! – массивный двуручный меч Дунхарта описал дугу, обведя всё пространство. – Посмотрите, как вы жалки! Вы не смогли защитить Цитадель, и теперь она – пыль на теле свободы!

Чувствуя лёгкими холод воздуха, ощущая, как он напол-

няет грудь, а зелье растворяет усталость, Азариэль поднял меч и сию секунду почувствовал взгляд Дунхарта на нём.

– Никогда! – ответил Тилис.

После ответа Регент распахнул старое знамя, зажатое до-селе в руках. В этот же миг махровое бардовое полотно, на котором странным светом сияло геральдическое солнце, затрепетавшее на холодном ветру. И как только Азариэль увидел этот старый штандарт, его душу наполнила отвага и уверенность, а усталость испарилась из тела, и он снова был готов без устали разить отступников.

– Победа или смерть! – закричал Регент.

За ним повторили этот клич оставшиеся в живых воины, обратив клинки в сторону стены врагов, наступавших безумной волной. Путь в битву указало золотое сияющие геральдическое солнце на алом полотне и кажется, что зажглось маленькое светило. В бойцах от одного вида знамени появились силы биться дальше, и, смешавшись со святой решимостью защищать свой Орден и континент до последней капли крови, они в единый голос прокричали за Регентом боевой клич.

– Победа или смерть!

– Как пожелаете! – прорычал Дунхарт и резким движением указал на ряды лоялистов. – Принесите их головы!

Отступники наступают. Азариэль увидел стройные ряды тысячи прислужников губительных сил. Их в последнюю битву ведут рыцари-предатели, облачённые в чёрные доспе-

хи и с молотами из кузниц Обливиона. За ними прутся толпы выживших сектантов, дремор-офицеров, бандитов, предателей из Ордена и отступников всех мастей, что сегодня продались тёмным силам.

– Приготовьтесь воины! – подбадривает Регент, – боги ждут нас в своих чертогах! А эти? Их столько мало, что Империя с ними разберётся, так сократим их число!

Враг продолжает неумолимо напирать, обступая руины и осколки некогда прекрасной Цитадели, обходя и горы тел. Они идут медленно, будто смаковали жуткий момент, как маньяк предвкушает секунды расправы над жертвой. В окровавленных руках сектанты порой несли знамёна, отражающие принадлежность к культуре или тёмному принцу.

– Мы – свет Тамриэля, и мы не знаем страха! – Регент обхватил свой меч сильнее и нацелил его в ряды нечисти. – Так пусть познают они страх!

– В последний бой! – поддержали рьяным многоголосьем выжившие, подняв оружие к небу.

Шум копошения привлёк Азариэля и альтмер обернулся к последнему Донжону и увидел, как за их спинами на стенах замелькали фигуры в тени, занимавшие боевые порядки. Легковооружённые солдаты неведомым образом заняли позиции на стенах и разбредаются по ним, укрытые плащом сумрака и ночи. Другие же в доспехах потяжелее небольшой группой заходи позади регентской шеренги и Азариэлю кажется знакомым этот властно-сиродильский вид брони.

– Ремиил, – одёрнул Азариэль рыцаря. – Посмотри назад.
– Не сейчас!

Оставались считанные метры перед отступниками, издававших молитвенный гул, сильно давящий на само сознание и песнопения, чей бредовый текст слышался всё чётче. Уже можно было узреть искажённые в гримасе злобы, ненависти и злобе лица отступников, что продолжают наступать неумолимой стеной. Азариэлю на секунду показалось всё конечно, но внезапно за спинами защитников прозвучала чёткая имперская команда и со стены, на которой расположились лучники легиона, полились волны стрел накрывших отступников:

– Отделения, огонь! – ветер донёс армейский приказ вместе со шквалом стрел.

Свист острых снарядов внезапно перебил молитвенные песнопения еретиков и сектантов, обозначив их кровавое завершение. Тепло и безнадёжная радость на секунду осветили душу Азариэля, а его угрюмое измаранное лицо расписала улыбка.

– Легионеры! – за спинами шеренги отдал приказ имперец. – Наступайте!

– Легион с нами! – устало зародовались рыцари.

Отступники не готовы тому, что император придёт на помощь Ордену и стоят в ошеломлении от того, что волна стали накрыла их.

– Что встали псы!?! – заревел Дунхарт. – Зарубим при-

хвостней тиранов!

Гул бывшего Магистра был перебит вихрем нового свиста – имперские лучники скосили ещё один ряд врага, остановив его продвижение. Ненависть и предвкушение лёгкой победы сменились страхом.

Это только начало столь славной операции по уничтожению противника и пришёл черед второго этапа, начало которого донесли ветра:

– Легион, окружайте!

Наступающие шеренги противников со всех сторон стали окружать, ринувшиеся из тени, имперские солдаты, ведомые теми самыми мистическими воителями в блестящих доспехах, которых юноша видел ранее. Со всех сторон стали доноситься торжественные и громогласные кличи легионеров, призывающие к торжеству правосудию императора:

– За императора и Тамриэль!

Азариэль почувствовал, как подул лёгкий и приятный восточный ветер, освежающий его лёгкие. Парень понял, что обстановка меняется и с помощью Ордена сейчас всё может решиться окончательно.

Пока защитники цитадели Ордена и враги пребывают в ступоре и наблюдали за стратегическим мастерством воинов императора, легионеры в тяжёлых доспехах Империи, в полном вооружении, с дисциплинированностью достойной имперской муштры, пришли в активное наступление со всех сторон. Три сотни легионеров под шквальное прикрытие

тие лучников взяли врага в щипцы.

– «Молот императора» с нами! – торжественно крикнул Регент. – Сокрушим отступников! – И окончив призыв, глава Ордена с развивающимся штандартом ринулся в бой, одолеваемый желанием кровавого возмездья.

В это время, войны Ордена, вдохновлённые примером Регента и преодолев усталость, с боевыми кличами и разными воинственными призывами ринулись в бой.

Но враг так легко не собирался сдаваться, ибо численное превосходство было всё ещё на его стороне. Прислужники губительных сил с крайним рвением цеплялись за свою жизнь и продолжали разбредаться во все стороны, стараясь разорвать всех подряд. Во внутреннем дворе встал неистовый вопль, смешавшийся с командами легионеров–командующих, рёвом отступников, возваниями, свистом стрел и завываниями ветра, смешавшись в единую песнь войны. Внутренний двор снова обагрила горячая кровь, в которой все рискнули просто утонуть.

Азариэль без жалости прорубал себе путь через еретиков и сектантов. Его стиль боя потерял всякую утончённость, превратившись просто в одну большую кровавую пляску, сподобившись дикарям-берсеркерам. Его разум застлал багровый туман, подчинивший и разум. Юноша просто купал свой клинок, в крови отступников разя всех подряд. Он потерял счёт времени и утратил чувство усталости. Всё, что его сейчас волновало – это сколько врагов ещё осталось и сколь-

ких он сможет утопить. Парень потерялся в вихре боя, став его кровавым воплощением. Азариэль разрубил шею еретика, сделал отскок и тут же пронзил грудь бандиту в области сердца. В этот момент он сделал отскок, взмахнул мечом и лишил головы пирата. Кувырок и клинок вновь упивается кровью некого наёмника. И в это же мгновение клинок уже потрошит сектанта Мерунеса Дагона.

Двор превратился в кровавую баню: повсюду реками лилась кровь и доносились крики безумия и боли, рыцари-отступники уже не напоминали бывших братьев. Юноша в них видит только фанатиков, одержимых безрассудностью и беспристрастной верой в Даэдра. Их доспех осквернён, а лица исказила жуткая гримаса войны и умопомешательства. Их удары тяжелы, а скорость многократно возросла, ибо они получили благословение губительных сил, тем самым осквернив себя на всю жизнь.

Битва продолжает свой безумный ход. Реки крови орошали обломки некогда могущественной Великой Цитадели. Две армии сейчас готовы были уничтожить друг друга в вихре войны, и требовалась какая-то развязка, чтобы склонить чашу весов на чью-нибудь сторону и покончить с битвой.

– Во имя Даэдра и их освобождение! Во имя вольностей и распущенностей я покараю врага! – раздался дикий страшный рык на весь внутренний двор.

Понимая тяжесть положения, в бой решается ввязаться чёрный лидер. В самое пекло, исторгая металлическим го-

лосом проклятья, желая переломить ход боя, ворвался Дунхарт, скидывая пелену хаоса. Его доспехи напоминали чем-то экипировку западных рыцарей Хай Рока от ножных лат до шлема-барбюта. Однако вся его броня исписана нечестивыми литаниями и источает, сочащийся из порезов, едкий и зловонный гной, а оружие сияло странным ядовито-зелёным светом.

– Сдохни, имперский пёс! – большим мечом Дунхарт разрубил легионера, переводя удар и разбивая доспех другого и мигом позже его меч расколол нагрудную пластину третьего легионера.

Ворвавшись в смертельную битву, Дунхарт кромсал и рубил в разные стороны не щадя никого. За несколько секунд боя он перебил трёх стражников, рассёк пополам одного наёмника и обезглавил рыцаря Ордена. Его клинок окропила горячая кровь лоялистов, но он не собирается умирать смертельного шествия, продолжая прорубать себе путь сквозь шеренгу обороняющихся воинов.

Азариэль окропил меч кровью еретика и, отшвыривая тело, взглянул на Дунхарта. Его взгляд тут же пал на древнего архиотступника, врага всех живых, который облачён в гноящиеся, старые доспехи. И парень метнулся к нему, зная, что если он отрубит голову проклятой змее, то удастся опрокинуть наступление или задержать его, но вряд ли этот зверь ему по зубам.

На кровавом пути Дунхарта встал Туриил, преградив ему

путь чёрной бронёй, и они без слов в это же мгновение сцепились в жестоком поединке. Азариэль, понимая, что рыцарь не выдержит один в смертельной дуэли, изо всех сил стал пробиваться к ним. Старый воин, пускай и рыцарь, не мог ничего противопоставить архиотступнику, чьё мастерство нельзя превзойти только сталью и умением.

– Парень, – грузная рука легионера остановила Азариэля. – Отвлеки того монстра, а мои маги сделают всё остальное.

– Что? – в недоумении спросил Азариэль.

– Скорее, он сейчас одного из ваших убьёт.

Первый удар рыцарь еле как отбил, но тут же второй взмах меча нанёс ему порез на щеке. После второго удара, мастерский обходя выставленную защиту последовал третий, разрубивший доспех. Четвёртый удар сломал ногу, а после пятого архиотступник выбил меч из рук рыцаря. Дунхарт пятью точными и быстрыми ударами пробил броню рыцаря и поставил Туриила на колени и, закончив биться, предатель остановился, вознеся при этом клинок для отсечения головы мужчине.

– Умри, сторонник тирании! – взревел Дунхарт, занося меч. – Ты не ту сторону выбрал!

– Плевать, – сплюнул Туриил. – Ты не больше гноящегося куска дерьма и гнить тебе ещё тысячу лет.

– Сдохни!

Азариэль не желает такого исхода для Туриила и из по-

следних сил он пробился к брату-рыцарю, выходя в неумелый стремительный выпад. Его клинок умело проходит через броню отступника и прорубает локоть врагу – блестящее лезвие со звоном проходит сквозь руку, обогревшись не кровью, но вонючей бардовой жидкостью, от которой в нос ударил запах гноя. Сквозь разрез шлема на Азариэля посмотрели два светящихся, словно светлячки в ночи, кроваво-огненных ока. Парня сразу обдало могильным холодом, когда архиотступник повернулся и посмотрел прямо в душу Азариэлю.

– А–а–а, – двояким грубым голосом обратился к альтмеру предатель в два с половиной метра ростом. – Узнаю этот клинок, как давно я его не видел... это же мой старый друг. Кажется, он не тебе принадлежит.

– Ты его недостойн! – выпалил Азариэль. – Я отправлю им тебя в небытие.

– Ты никто и не можешь мне противостать. Ты обычный зарвавшийся щенок, который пойдёт на корм адской мельнице Обливиона! Что ж, неважно кто ты, ибо сегодня я стану твоей смертью.

– Ты всего лишь предатель, предавший своих братьев, – дерзко и с упрёком сказал Азариэль. – Ты никакая не смерть, скорее жалкий даэдрапокклонник.

– Ха! Да они ничего не стоили. Могущество и власть, вот в чём суть. Ты не знаешь истинной природы силы, глупец, – с еле сдерживаемой злобой задрожал голос мятежника. – Из-

менись, как прежний владелец этого клинка или пади.

– Посмотрим... оглянись, твои воины умирают, ещё немного и от твоего воинства останется лишь память.

– Аргх! Сдохни, глупец! – В безумстве вскрикнул Дунхарт.

После этих слов, в руке у Дунхарта засиял фиолетовый шар, который он направлял на Азариэля и никакой меч или щит не остановит это копьё тёмной энергии, но внезапно клинок Туриила, что поспешил спасти юношу, пробил нагрудник Дунхарта, облепленный гнилью острием выйдя из груди.

– Я бессмертная тварь, идиот!

Отступник даже не шелохнулся, как будто ничего не было, оттого, что вирус Сангванаре Вампирис вкупе с чернейшей магией сделал из него машину смерти. Клинок рыцаря не причинил урона гнилой плоти архиотступника, и враг неразличимым вихрем сумел развернуться и направить шар в Туриила.

Копьё тёмной энергии пронзило душу рыцаря, расщепив её, и Туриил упал замертво, распластавшись на камнях и трупах, лишившись бессмертной души, которая отойдёт на суд Единого, как помыслил Азариэль, неожиданно для себя подумав о старом Боге, которому поклялись в Ордене некогда.

– Ах-ах-хах! – расхохотался Дунхарт. – Я непобедим!

Шары неистового тёплого света утопили в один момент,

архиотступника и Азариэль отошёл назад. Маги, десяток чародеев легиона обступили Дунхарта, взяв в кольцо лидера тьмы. Заклинания, дар боевой магии, сила солнца – с такой сущностью заволокли панцирь Дунхарта, и святая магия заставила кожу Ла’Фира обугливаться и гореть, сиять оттенками тлеющего угля.

– Не теряй момента, парень! – орёт легионер в окружении имперских магов. – Руби его!

Меч Азариэля, издавая мелодичное звучание ударил в нагрудник и рассёк его как опалённую бумагу, и новый удар, направленный в сердце со звоном пробил ржавый доспех и разорвал гнилую плоть великого предателя. Дунхарт отступил и массивным двуручным мечом попытался зарубить Азариэля, но вместо этого меч опустился на пустое место и раздробил камень. Светящееся, как начищенное серебро, лезвие меча прошло по забралу и заставило отойти Дунхарта, который прокрутившись старался срезать голову юноше. Враг накинулся всей массой, вонзив меч в землю и выдернув его, направил по дуге. Альтмер присел и меч со звоном рассёк воздух над головой, словно разрезав его, окропляя парня едким гноем из осквернённого клинка. Азариэль выпрямился и направил лезвие клинка подобно рапире – сверкающий кончик врезается в металл и с хрустом рассекает лицо. Дунхарт яростно взвыл и отступил, а парень, достав бумагу, пропитанную магической энергией, интуитивно выпрямляет руку и с его пальцев срывается ревущее и жаркое пламя вол-

ной жара ударившись о ржавый доспех нагрел его до красна и заставив шипеть металл под дождём.

– Я! Убью тебя! – Беспомощно кричит Дунхарт, лишившись зрения и левой рукой пытаюсь нащупать глаза, которые выжжены.

Азариэль перешёл к методическому уничтожению древнего ренегата – отсёк ему ногу и Дунхарт встал на одно колено, став заносить руку для удара мечом. Но тут юноша отрубил руку и на землю полился смердящий до тошноты гной с кровью, обливая густым потоком, камни и отчего клинок с лязгом упал на липкую от крови и дождя поверхность, и нанёс удар по шее. Оттуда сразу же брызнул едкий ихор, попавший на броню Азариэля, и стал её разъедать, как кислота металл. Но парню всё равно. Меч Верховного Магистра кромсал бывшего хозяина, будто бы утоляя жажду древней мести, оставляя только изрубленное месиво.

Азариэль остановился. Перед собой он видит разбитого и кряхтящего воителя. Долгие столетия он прожил в ожидании момента грядущей славы, великого возвращения, но этого не случится. Азариэль может только представлять, какое горе разъедает мёртвую душу Дунхарта.

– Давай, – прошептал Дунхарт. – Закончи начатое. Я не боюсь умереть ради свободы и дела всей жизни.

– Посмотри... твой дом, в который ты желал вернуться, твои последователи... всё мертво! И ради чего?!

– Всё это прах перед смыслом нашего существования...

ритуальная жертва, за которую шестнадцать нам воздадут щедро.

– Как пожелаешь.

И Азариэль свершил давнишнее правосудие, которое взывало несколько веков к исполнению. Клинок Азариэля пронзил предателя в области спины, и позвонки захрустели должным образом, не в силах удержать наточенное лезвие, разрубая броню и смягчённо-изжаренное заклятьями света тело надвое. Его тело безжизненно, отдав душу Молаг Балу, пало на мокрую от дождя и крови землю, тучными и искромсанными кусками мяса оставшись лежать.

– Дунхарт мёртв! – это воззвание сломило хребет еретикам.

Кровавая пляска во внутреннем дворе продолжалась до тех пор, пока юноша не увидел, что творится на море. За несколько минут битвы он добрался до осколков западной стены, разрубая и кромсая супостатов, орошая их кровью и без того багряную землю, и вскарабкавшись на них взглянул в морские пучины.

То, что он там увидел, поразило его до глубины души и этим же вдохновило на дальнейшую бойню. Десятки кораблей сил имперского флота и наёмные эскадры окружили флотилию ренегатов и в одночасье готовы отправить её на дно. Всевозможные корабли: от тяжёлых имперских галеонов до ловких эльфийских яликов приготовились свершить имперское правосудие. Некоторые корабли имперского фло-

та таранили отступников, отправляя их на дно, или брали на бордаж. Азариэль даже отсюда чувствует и слышит, как трещат мачты, рвётся парусина, хрустят щепки и кричат предатели-матросы. Эскадре губительных сил пришёл конец.

Оглядевшись по полю битвы до мозга Азариэля дошла мысль, что победа за ними, но какой ценой? Юноша повернулся к пространству, на котором медленно утихает бой и увидел, что отточенные и отлаженные ударные действия легионеров, вкупе с яростью и гневом защитников Ордена проредили ряды отступников, всё больше оставляя их лежать на влажной от крови и противного дождя крови земле. Многие сторонники даэдрических сил, сохранивших разум, старались прорваться через окружение, но это оказывалось тщетно. Всё было кончено.

Шум. Не стихающий гул агонии всё ещё стоит в ушах Азариэля, когда он спустился от обломков стены к центру внутреннего двора, точнее тому, что осталось от него. Вдалеке он видит, как происходит казнь над последним врагом, но не желает смотреть на это, отворачиваясь и ковыляя. В нём нарастает ощущение тьмы и всепоглощающей пустоты, а глаза налиты таким свинцом, что вот-вот закроются.

И когда голова врага отделилась от тела, и долгий бой за Цитадель окончился, Азариэль выдохнул от облегчения и чуть ли не выронил свой клинок от усталости. Его разум практически не соображал и готов был отключиться в этот момент, но юноша находил силы контролировать себя. Он

заметил, как делегация из имперских легионеров, воинов в сиятельных доспехах, которые только чудом не покрылись сажей, и имперского командира подошли к оставшимся в живых защитникам Цитадели. Увидев, сколько их осталось, Азариэль чуть не разрыдался, пав на землю от бессилия. Возле Регента стояли не более двадцати выживших защитников. Выжили только два десятка из четырёх тысяч вступивших в бой. От осознания этого факта юноша чуть не дал волю эмоциям и удержал себя от того, чтобы бесцельно закричать в небо. Вместо этого он подковылял и встал рядом с выжившими.

Сгорбленные от усталости, утомлённые душами они гордо стоят и смотрят, как к ним идёт делегация. Двадцать перед тремя сотнями, а возле них, посреди них – поле трупов и осколков крепости, покрытых чернотой пепла и тёмным багрецом.

Перед ними выстроились несколько легионеров в тяжёлых доспехах, все десять странных воителей и имперский командир, облачённый в красивые доспехи высших офицеров, который вёл делегацию. А за ними пытались выстроиться остальные солдаты Империи, образовав тридцать отделений и выставив их в шахматном порядке.

– Рыцари-протекторы, разбейте легионеров на тактические группы и проведите зачистку острова. Уничтожьте любого, кто попадётся на вашем пути, – без эмоцийскомандовал командир Империи и тут же десять воителей в прекрас-

ных блестящих доспехах отправились к остальным войскам и стали отдавать команды.

Из строя побитых и изнеможенных воинов вышел еле держащийся на ногах Регент. Его броня была черна от сажи и крови, местами пробита и помята так, что с неё буквально были содраны куски металла.

– Почему... почему? – Взмолился глава Ордена едва не зарыдав. – Почему вы не пришли раньше? Мы... мир мог кануть во тьму.

– А вы кто? – спросил глава делегации. – Представьтесь.

– Сначала вы.

– Я Легат Гай, прибывший сюда для выполнения плана «молот». Я здесь, чтобы оказать дружественную и договорную поддержку, а также для выполнения задач, данных мне императором, Советом Старейшин и имперским правительством. Теперь вы, – сдержанно и вежливо предложил имперец, чьё лицо для Азариэля неразличимо из-за пляшущих теней и тьмы, окутавшей его глаза.

– Я – Тилис из Садрит Мора – Регент Ордена.

– Ах, – отмахнулся легат, – тактические трудности, проблемы с логистикой.

– Что?! – почуяв неладно, не стерпел Тилис, но его голос сошёл на шероховатый упрёк. – Ты со своим императором, что ли совсем ополоумел? Мы могли тут погибнуть. Тамриэль мог пасть.

– Это – дело императора и его прошу не оскорблять, Ти-

лис из Садрит Мора. Движения его войск, приказы его – дело владыки-государя и не нам их обсуждать, – потирая рукоять меча, холодно говорит легионер и продолжает. – То, что сделано императором априори верно и в обсуждениях не нуждается.

– Но...

– Когда пришли – тогда пришли. Радуйтесь хотя бы этому, – оборвал Регента легат, подняв голову к чёрному небу. – Если сможете.

Кажется, сейчас Азариэль ощутил второй укол. Их предали. Империя, преследуя свои алчные интересы, не пришла вовремя, а решила присоединиться лишь в конце. «Но почему?» – вопит в себе Азариэль. И в этом он находит ответ. Зачем вмешиваться в кровавую бойню, если всё можно разрешить руками Ордена? Зачем лить свою кровь, если пролить её готов Орден и Империи нет нужды в этом? Помимо всего прочего Империя избавила себя от свидетелей политических заказов и хранителей множества тайн порочных союзов и нечестивых соглашений. Но всё же имперским солдатам стоит сказать спасибо – если бы не они и оставшиеся двадцать воинов сейчас глотали пыль, а враг торжественно ликовал на окровавленных руинах.

– Что вам нужно? – хрипло спросил Регент, опираясь на меч и древко флага, как на трость.

После вопроса легат достал бумажку желтого оттенка, на которой в свете кострищ мелькнули чернильными буквами

короткие записи. Он взглянул в бумажку, внимательно всё про себя зачитал, убрал бумагу и заговорил:

– Во-первых, я должен изъять все артефакты, зачарованные предметы всех форм и классов и иные вещи, которые могут повысить личные качества, способности и атрибуты владельца.

Регент с печалью осмотрел всё вокруг и его взгляд встретил только тотальное разрушение и горы трупов. Тяжело подняв руку и указав в сторону руин лидер павшего Ордена дал ещё более печальный ответ, в котором читалась вся глубина безнадёжности:

– Всё что найдёте – всё ваше.

– Хорошо. Мы так и поступим. Во-вторых, как вы оцениваете возможность восстановления Ордена, и в какую сумму золотых септимов?

– Восстановление? – бессильно попытался воскликнуть Регент. – Здесь больше нечего восстанавливать.... Орден наш погиб... Нет, душа Ордена погибла.... Это всё. Это его конец, – с ещё большей болью дал свой ответ глава Ордена.

– Если ваш Орден распущен, то мы поступим по инструкции: мы должны забрать всё, что представляет ценность для Империи и предоставить вам немного припасов для двух дней проживания и дать лично вам два документа на подпись. В первом вы подтвердите, что складываете полномочия главы Ордена и передаёте его имущество во владении Империи. А второй документ, который подтвердит конец со-

глашения между Империей и Орденом, и утвердит, что всё произошедшее сегодня останется тайной.

После того, как легат холодно и бесстрастно произнёс эти слова, он вынул из сумки два пожелтевших пергамента и предоставил их главе Ордена, подав ему и перо.

Лицо Регента очутилось безжизненно и отражает все глубины и уровни бессилия и отсутствия надежды. Он вынул меч из ножен, взглянул на него и кинул на обгаренную кровью землю. После того как звон упавшего клинка спал, глава Ордена двумя росчерками пера поставил конец в долгой истории великого и славного Ордена. Теми и Азариэлю в том числе, кто стоит рядом, хочется упасть на землю и просто зарыдать от того, что славная история и гордость тому чему они служили, в этот момент попрана историей. Что сегодня они больше не служат чести, силе, вере и благородству, ибо теперь у них нет целей в жизни, а все их подвиги будут забыты. Они, сам Орден, оказался сегодня за гранью забвения и о нём более никто не узнает, а само его существование будет вычеркнуто из всех хроник или документов. Двумя росчерками пера был ознаменован конец целой эпохи, которая так и останется неизвестной всему Тамриэлю.

И подписав документ, Регент без единого слова, и бездонной пустотой во взгляде, в этот же момент пошёл к развалинам юго-западного донжона, откуда и он командовал боем, когда стены пали, и башня обрушилась. Глава Ордена, собрал несколько вещей и переполненный печалью ушёл за

пределы Цитадели, скрывшись в сумраке.

Азариэль отвлёкся от Регента и посмотрел вокруг. Весь двор был усеян трупами с разных сторон конфликта вкупе с осколками и руинами некогда восхитительного творения. На лицах мёртвых застыли каскады эмоций, выражавшие, что чувствовали перед смертью: негодование и ярость, страх и ненависть. Юноша увидел, как на ветру слабо развивались падшие знамёна, ставшие призраками прошедшей битвы.

В руинах Цитадели, выжившие защитники стали строить себе ночлег. Ничего замысловатого никто не старался придумывать: сымитированный и самодельный спальник, немного мешковины и куски тканей вместо подушки.

И обессиливший, лишённый понимания юноша шёл устроить в руинах ночлег, как на его плечо упала тяжёлая ладонь. Обернувшись, юноша увидел потрёпанного Ремиила и израненного Рафаэля.

– Пойдём, Азариэль, я знаю, что нам поможет. Я уже нашёл место для ночлега, – с тяжелой усталостью обратил речь старый рыцарь.

И они вместе поковыляли в сторону руин Академиона, где и был приготовлен ночлег. Их шаг тяжёл и неуклюж. Ремиил вёл Азариэля, поддерживая его подмышкой, чтобы юноша не рухнул раньше времени. И как только голова Азариэлю коснулась мягкой мешковины, то все чувства моментально перестали работу, и парень провалился в глубокий сон.

Глава 31. Конец эпохи

Цитадель ордена. Следующий день.

– А-а-а-ох! – бедственный вздох прозвучал перед тем, как свинцовые веки распахнулись и морозный утренний ветер наполнил лёгкие. Вместе с воздухом в желудке вспыхнул жгучий голод, заставивший альтмера подтянуть ноги к себе, чтобы ощутить защищённость живота, но всё произошло не так легко. Конечности прикованы к земле страшной колкой болью в мышцах и свирепой усталостью. Поножи из мифри-ла кажутся тяжеловесными гириями, сдавившими плоть.

– Ты уже проснулся? – донёсся вопрос откуда-то со стороны и альтмер обернулся, чтобы увидеть говорящего, но ничего кроме полотна сине-опалённого потолка он не увидел. Разбитый и помятый нагрудник, исчерченными пятнами крови и сажи, стал подобен тяжеловесной плите на груди.

– По-помо-помогите, – залепетал эльф и заводил руками, ощутив, как каменистый песок шуршит под покровом перчаток.

– Сейчас-сейчас, – слышались слова помощи. – Эх, ну и славная же выдалась битва.

Юноша почувствовал, как кто-то копошится у правого бока и через пелену на глазах видит размытые черты смуглого лица, затемнённого широкополой шляпой. Тело парня ощу-

тило невероятную лёгкость, когда товарищ расцепил на боку пластины и высший эльф смог выползти из доспеха. Торсом он ощутил весь мороз и по телу пробежала сеть холодно-игольных поколов, из-за того, что нижняя часть рубахи сожжена.

– Ах, – закричал Азариэль, став махать руками и пытаться подняться. – Ах, ох.

– Ох, Азариэль, как-то ты себя не очень чувствуешь, – Рафаэль подал юноше руку, за которую тут зацепился, как за канат, едва не стянув перчатку.

– Действительно! – рыкнул Азариэль, схватив Рафаэля за изрезанный шиворот, багряно-чёрной рубахе и тут же боль дала о себе знать и юноша едва не пал, но капитан наёмников его поддержал за локти.

– Давай лучше присядем, а то ты так голову можешь раскроить.

Прохладное и колко-шероховатое прикосновение камня пришлось на спину, когда Азариэль сел. Его липкие и грязные седые волосы слегка продуваются сверху, ибо целый кусок разнесён на осколки, открывая вид наружу. Уставшие глаза спешат снова закрыться, но силой воли Азариэль не даёт себе вновь впасть в сон, сжимая горсть осколков.

Тепло ладони на затылке заставило Азариэля чуть податься вперёд, а губы присосались к стеклянному горлышку. Ни вкуса, ни запаха зелья он не ощутил, только теплоту напитка, который попал в желудок, обогрел его. Незамедлительно по

мышцам лучом теплоты расплескался тонус, а сонливость и усталость ушли. Распахнув шире глаза, он смог увидеть чёрную бородку, смольный волос под шляпой и утончённое лицо с глубокими карими глазами.

– Раф-Рафаэль, – зацепился за человека эльф, потянув его на себя. – Это ты?

– Да я. Отпусти меня уже, а то порвёшь на мне всё!

Азариэль позволил себе расслабиться и на удивление себе он не впал вновь в бессознательное состояние. Разбитый мозаичный сине-белый пол завален осколками стен, деревяшками и прочим мусором. Среди глыб камней положены тусклые тканевые лежанки из мешковины. Все они пусты и это натолкнуло Азариэля на вопрос:

– Где все? – в изнеможении спросил юноша. – Где?

– На улице. Они встали получасом раньше, тебя же решили оставить отлежаться, – Ответил Рафаэль, смотря в зияющий разлом, где раньше была стена. – Давай, пошли, нас уже все заждались.

– Не-ет! – устало вырвался протест, а измученное лицо выдало гримасу боли, глаза же налились слезами, а душа возгорелась адской тревогой. – Я... я... не хочу видеть того. Рафаэль, оставь меня.

– Надо, – Рафаэль поднял Азариэля и потащил его вперёд.

Двое парней вышли из руин Академиона и Азариэль почувствовал, как у него сдавило грудь и дышать становится тяжелее с каждой секундой, в глазах показалась тьма. Мни-

мая слабость прокатилась волной по телу, когда Азариэль увидел, что стало со внутренним двором. Под сводом серо-печальных небес юноша ощутил, как его кожу холодит касание небесного плача, смешав его слёзы со слоем сажно-кровоавой слякоти на лице.

Всё перепахано снарядами катапульта и требуше. Море зелёной травы сожжено, вытоптано и обогрено разнородной кровью и тем, что текло по жилам вместо крови. Внутренний двор и весь остров превратился в выжженную пустыню, над которой похоронным гимном запеваёт воющий ветер. Фонтан Цитадели стал грудой камней, через которые слабо пробивается ручеёк воды, измаранный алым. Слабо трепещут разорванные и сожжённые полотна ткани, на которых символика уже не различима. Здания Цитадели стали глыбами камней и руинами, а их части осыпали подножье разрушенной гряды строений. Великий Шпиль рассёк огромный двор пополам и ныне возвышается небольшой каменистый хребет, рассёкший поле пополам.

Тела, кучи тел завалили пространство и одного вида поля, полного трупов, хватило альтмеру, чтобы дух колыхнулся, а глаза резко устремились к земле, в голосе дрогнула тревога:

– Нет! Нет! – завопил Азариэль и вмиг почувствовал, как правая щека вспылала болью, а ощущению предшествовал смачный шлепок ладони.

– Тихо! – рявкнул Рафаэль. – Возьми себя в руки! С ними уже ничего не будет, а ты от такого поведения тронуться

можешь.

Азариэль пришёл в себя, но всё же неприятное ощущение в животе поселилось у него, и он чуть сторбился. Он смог посмотреть на поле, ощутив опустошённость внутри себя. Нет больше врагов или союзников, есть только мёртвые и каждый погиб вчера за идеал, по воле долга или же за золото.

– Откуда они? – спросил Азариэль, показав на фигуры, облачённые в лёгкие имперские доспехи северного типажа, носящих и складывающих трупы. – Что они делают? Почему они таскают тела моих братьев и сестёр? Кто им позволил? – в Азариэле разыгралась ранее неведомая раздражительность.

– Это санитарные команды, – ответил Рафаэль. – Тебе нечего бояться, они здесь, чтобы собрать тела и похоронить их.

– Где, даэдра бы тебя побрал? Крипта была под Академионом, теперь его нет, что б его.

– На месте вашей капеллы, – спокойно ответил наёмник. – Идём, нас уже заждались.

– Где?!

– В последнем... м-м-м... Донжоне, как вы их называете.

Азариэль шагнул вперёд, как ему на глаза попала картина печали и истинного горя. Он вместе с Рафаэлем прошёл ещё несколько метров, обходя груды неубранных тел, пока не достиг разбитых и изломанных ступеней Великого Шпиля, заваленным останками того, чем была башня. У невообразимо огромной горы мрамора, гранита и камня виднеется

живой человек – под изодранной чёрной курткой, края которой спешно подёргиваются на ветру, видна человеческая кожа. Волос, цвета вороньего крыла, волнами скрыл человеческие уши и лицо.

– Ариан, – сомнительно обратился Азариэль, но вместо ответа лишь напряжённое молчание.

Азариэль подошёл ещё ближе и его истомлённый дух получил ещё одно неприязненное уязвление, не такое сильное, как от смерти друзей и краха дела всей жизни, но всё же неприязненное.

На ступенях возле Ариана разбросаны тела ординаторов – все тут и мельком Азариэль подсчитал втрое больше тяжело экипированных дремор, с рублеными и жжеными ранами. Среди них лежит одно тело, отличное от воина. Это молодая девушка, по меркам высших эльфов, и её укутывает потускневшее белое одеяние, украшенное золотыми вычурными узорами, на которых размазана кровь. Прекрасные безжизненные глаза распахнуты и устремлены в небо, в них же отразилась серая монолитная печаль сегодняшнего утра, а на лице застыла слабая улыбка. В области живота колотая рана, из которой торчит наконечник обрубленного даэдрического копья.

– Это же... – выдохнул Азариэль, склонившись над мёртвой девушкой. – Госпожа Архимаг.

Её левая рука зажата в ладонях Ариана, который склонился над бездыханным телом. Альтмер неожиданно смог раз-

глядеть мелькнувшие солёной влагой «дорожки» на щеках Ариана.

– Алитиа, – прохрипел Префектор. – Прости... прости... я не смог.

– Долго он так? – поднялся Азариэль.

– Он только её нашёл, – ответил Рафаэль. – За полминуты как мы вышли. Ох, бедный же парень.

Азариэль только мог представлять, какие эмоции рвут душу Ариана на части. Возможно, он потерял за эту битву больше, чем юноша и поэтому парень отступился от своего гнева и горечи, придя к хрупкому смирению, подавив в себе каждую вспышку болезненной ярости. Он понимает, что мёртвым криками и клятвами возмездия не поможешь.

– Они... эти твари... украли кольцо, – тяжело молвит Ариан, теребя руку девушку. – Эти падлы его стащили. Поганое ворьё.

– Ариан, – положил ладонь на плечо человека, Азариэль. – Как она умерла?

После десятисекундного молчания, за которые нора сглотнул калечащую боль, явился ответ:

– Меня и её разделили враги. Их оттеснили к Академиону, – низкой подавленной речью, периодически всхлипывая, начал Ариан. – Я же отступил к Донжону. Все попытки к ней пробиться... провалились. Под прикрытием ординаторов они ждали помощи. Никто не пришёл, как видишь. Алитиа... я не спас её... не спас... подвёл, – после сдавленных

слов, мужчина поднял голову в небо и прокричался. – Лю-ю-юци-ий, будь бы проклят!!!

Они пережили запреты Ордена, пережили долгие болезненные лета сокрытия, не пошли на поводу у Люция, который обещал им признание и свободу. И ради чего? Чтобы потом быть убитым из-за амбиций ревнителя лже-свободы?

Спустя непродолжительный момент томительного безмолвия Азариэль, похлопав, одёрнул руку, и раздался голос Рафаэля:

– Я смотрю, ты сильно её любил? И это даже не смотря на то, что в вашем Ордене запрещено было.

– А-а-а, – болезненно выдохнул Ариан. – Нам было плевать на запреты, да и некоторые знали. Да, любил. Она была единственной радостью.

– А когда вы... начали? – неумело спросил Азариэль. – Ну, это?

– Спустя год, как я стал Префектором. После задания под Сентинелем нас обвенчал капеллан Рыцарей Мары. Тайно естественно.

На мгновение Ариан дал свободу воспоминаниям. Перед глазами появился красочный образ того далёкого дня, едкой болью резанувший по сердцу, заставив Ариана ещё сильнее приклониться к земле. Чистый ясный день, наполненными непорочными помыслами двух сердец. Наступил день, когда их души воспарили над брэнной сущностью бытия. У самодельного алтаря у осколков дорожного святилища, куда был

повешен герб Мары, капеллан зачитывал светлые речи. На традиционный вопрос они ответили ликующим согласием, а затем Ариан и Алитиа почувствовали вкус поцелуя. Это – грубое нарушение Кодекса, попрание священных постулатов Ордена, но то, что должно было быть трещиной в его обороне, превратилось в силу особого толка.

– А затем? – выбил вопрос Азариэля мужчину из воспоминаний. – Как вам удалось скрывать так долго?

– Это уже не важно, – отрешённо произнёс Ариан и сел на ступени, не выпустив руки Алитии. – Не важно...

– Удивительно, что ты и она не встала на сторону Люция в вашем безумном конфликте, – говорит Рафаэль, тут же развейвая тень смущения в глазах. – Да, мне поведали о том, что произошло в Ордене.

– Он – безумец. Ты посмотри, что он вытворил. А было ли с ним нам хорошо? Из-за Люция и его спеси Алитиа мертва... мертва, а с ней и закончилась моя прежняя жизнь, – поник совсем Ариан. – Священник! – крикнул Ариан в сторону лысоватого худого имперца, в чёрной рясе. – Священник!

Имперец, обходя и минуя тела и обломки зданий, подошёл к ним.

– Что вы хотели?

Со скрипом на сердце, Ариан выпустил руку девушки, и встал со ступеней. Не отводя с её тела глаз, он

– Прочитай что-нибудь... поминальное.

– Я... я не могу совершить полное богослужение, – тон

голоса священника стал оправдательным. – Слишком много... работы, – но увидев растущее недовольство в источенных глазах Ариана, он смягчился. – Я могу прочесть краткую погребальную литанию.

– Давай.

– Секунду, – имперец с худощавым лицом повернулся в сторону разворошённого поля и крикнул в ту сторону. – Служитель Юлиан, служитель Марро, ко мне. Как имя рабы божий?

– Алитиа, – выдавил Ариан.

На зов откликнулись двое юношей-бретонцев, один худой черноволосый, другой полноватый блондин, с промокшими длинными волосами. Их одежда несколько иная – она лишена почтенного ораря, но цветом такая же. Как только подошли служители, священник склонился над девушкой, встав на колени, поднял руки и зажатые в правой ладони чётки постучали. Донестись до уха глубокое восхитительное пение:

– Хоть наши сердца преисполнены скорби, возблагодарим Девять за все блага, которыми они одарили усопшую Алитию, и возгласим: слава тебе Аркей, слава. Прими усопшую на всех путях своих.

– Благодарим тебя, Аркей, – пропели служители.

– За все годы и дни, которые Алитиа прожила с нами.

– Благодарим тебя Аркей, – на этот раз поёт и Ариан.

– Помолимся Аркею, чтобы он не оставил душу Алитии на путях своих и спас её от тёмных сил.

– Просим тебя, Аркей.

– Пусть то, что она делала – не будет забыто.

– Просим тебя, Аркей.

– Прости ей грехи, которые она совершила

– Просим тебя Аркей.

– Пусть память о ней живёт в наших сердцах.

И глубоко вдохнув, священник закончил:

– Акатошу великому, Аркею хранителю душ, Маре любящей, Стендару справедливому, Дибелле сердечной, Зенитару трудолюбивому, Кинарет дающей удачу, Джулианосу мудрому мы воздаём хвалу. Смилуйтесь над Алитией и даруйте покой души.

Священник поднялся и кивнул в сторону служителей, чтобы они шли. Как только парни убежали, церковнослужитель кратко сказал:

– Это всё. Крепитесь и молитесь, пусть боги смилуются над вашими утратами.

«Нет никаких богов» – гневно подумал Азариэль с чувством существа, потерявшего опору – «Старые... лживые боги... они взрастили в нас гордыню и слепоту. Если бы они были бы добры и заботились о тех, кто исполняет волю свою, то не дали бы так нам пасть. Нет... богов нет», – безрадостно мыслит Азариэль. – «Если бы они были, то остановили предателя Люция... где они были, когда мы просили милосердия и просветления сердец мятежников? Мы потеряли Истину, потеряли свет, который бы не дал нам распасться. Нет

никаких богов». – Уныло заключил Азариэль, печально посмотрев на Префектора разведки.

Ариан выглядит безрадостнее могилы и пасмурнее этого дня. Азариэль видит это, но ничем не может помочь, не может обратить время вспять и породить другой конец кровавого похода Люция, отчего рождается удручающая беспомощность.

– Что ж, хоть отпели её, – изрек Рафаэль. – И на том спасибо.

Префектор шагнул с места и припал к телу. Он выдернул обломок копья из тела и швырнул его в сторону, секундой позже подняв тело Алитии, золото волос и кровь её мигом пали на руки Ариана. Мужчина с девушкой на руках направился в сторону.

– Ты куда, Ариан? – потянулся Азариэль. – Что ты делаешь?

– У неё будет своя могила, – на лице Ариана промчался призрак садни. – Я не дам ей покоится в общей... не могу дать.

– Прощай Ариан. Удачи тебе.

– Бывай Азариэль. Надеюсь, твоя судьба будет радостнее, чем моя.

– Пойдём Азариэль, – толкнул за плечо Рафаэль юношу. – Посмотрим, что там обсуждают.

Они пошли дальше. Впереди высится горя обломков Великого Шпиля и Рафаэлю с Азариэлем пришлось карабкаться-

ся через навалы каменно-мраморно-гранитного «кургана». Пройдя над ним, они увидели такую же картину – тела и обломки строений, среди которых сную санитарный команды, только Арсенальный Палаты более-менее целы.

– Нам туда, – указал Рафаэль на небольшой задний двор, устроенный между Донжоном и Арсенальными Палатами.

Пробираясь сквозь израненное поле битвы Азариэль шагнул через сквозной коридор Арсенальных Палат, проходящий сквозь всю постройку. Идя сквозь тёмный проход и слушая тишайший стон камня, одевшего сеть трещин, двое парней вышли под большой навес, закрывший от мороси сидящих под ним.

– Всех рад видеть живыми, – сухо произнёс Рафаэль.

Азариэль рассмотрел, кто и что перед ним. На вспоротой снарядом катапульты брусчатке разведён маленький костёр, ставший приятным источником тепла, для всех в сей прохладное утро. Возле костра поставлен большой ящик, с метр высотой и два в ширину, сколоченный из досок и белой отметиной трёхмачтового корабля. На деревянных лавках, вытасненных из Донжона, расселись выжившие, среди которых Азариэль увидел и неопита, которого спас вчера.

– Азариэль, ты жив! – со сжатой радостью поднялся Ремиил и Азариэль увидел одежду прежнего рыцаря – дублет из кожи, сапоги да простые штаны. – Что-то поздно пришёл. Мы тебя ждали раньше.

– Брат, ты как? – спросил Готфрид, в такой же одежде, что

и Ремиил. – Ты чернее вчерашних туч.

– Я в порядке, – ответил Азариэль, присаживаясь на лавку вместе с Ремиилом. – Есть что одеть?

– Накинь на себя, – швырнул в Азариэля длинный камзол из ткани, лысый человек, северных кровей, облачённый в новый комплект кожаной брони. – А то простудишься ещё.

На округлом лице человека, покрытого свежими ранами, выписывается выражение глубокой злобы, вторящее ненависти в глазах цвета льда. В руках он сжимает ножны, расцветки ночи, из которых торчит столь знакомая рукоять.

– Что мой меч делает у тебя? Да кто ты такой?

– О, какой нашёлся, – стал ерепениться воин. – Я – стражник Цитадели... был им. А меч этот не твой теперь, ибо стал нашим достоянием и послужит великому делу.

– Либо ты мне его отдашь, либо я тебя окуну харей в костёр! – вспыхнул Азариэль, застегнув зелёный парчовый камзол.

– Отдай ему меч, говорю тебе! – раздался в приказном тоне голос от высокого черноволосого мужчины, в четырёхклетчатом красно-чёрном табарде с короткими рукавами и поясом. Ноги же покрыли светлые штаны и короткие шнурованные сапоги.

– Господин Йорик Элдерсон, – с насмешливой бравадой заговорил Рихард. – Гранд-Пладин... в прошлом. И почему я должен тебя послушать?

– А потому, что если ты сейчас не исполнишь, следую-

щие, кому ты будешь объясняться, станут санитарные команды имперцев. Ты меня понял?

– Хорошо-хорошо, – швырнул меч Рихард Азариэлю, и юноша поймал клинок, перекинув его за спину. – Ну, хоть пускай он послужит нам.

– Кто-нибудь расскажет мне, что происходит? – спросил Азариэль. – Я ничего не понимаю. Имперцы, ящик, великое дело. Вы о чём? Битва на вас так отразилась?!

– Расскажите ему, и мне будет интересно это послушать, – Азариэль услышал, как слова донеслись слева от него, и он обернулся посмотреть, кто к ним присоединился.

Ранее блестящая нагрудная пластина измята и превращена в кусок металлолома, обрызганный алым и маранный чёрным. Поножи и наручи такого же удручённого вида, а тёмно-синяя мантия, которой гордились все маги Ордена, похожа на тряпку, повешенную на человека. Капюшона нет, а посему Азариэль созерцает изведённое лицо с правильными чертами и глубокими карими глазами, окружённое длинным чёрным волосом.

– И где же ты был, Аик’Аран? – разлился едкостью Рихард. – Где твой ленивый зад носило вчера ночью, пока нас резали как свиней? Может, ты ответишь, поскуда ты вшивая!? Ты понимаешь, что из-за тебя мы практически проиграли!

– Я был на задании от Регента. Нам нужно было нанести упреждающий удар вражеской чародейской группе в городке

под Гринхартом.

– У Гринхата? – взволновался Азариэль. – Там?

– Да, но сейчас там ничего нет. Враг собирался там устроить опорный лагерь и вошёл в городок. Никто кроме меня не выжил.

– Проклятые твари, – плюнул в костёр Рихард. – Азариэль, мы тут затеяли дело, ты не хочешь к нам присоединиться? Если откажешься, то предашь память друзей.

– Что за дело?

– Орден... его больше нет, и вместо него будут «Гончие». Мы хотим начать охоту за теми предателями, которые спаслись и Люций среди них. Так как, ты готов пролить отступнической вражеской крови?

– Тише-тише, не губи яростью душу, – предупредил Айк'Аран.

– Своей мезтью и жаждой проклятой крови я спасу свою душу от божественно позора.

– Ты не сможешь спасти душу или память Ордена, если будешь жить только одной мезтью. Пойми, рано или поздно она съест тебя или того хуже. Ты привлечёшь своими сильными эмоциями к себе нежелательное внимание со стороны внешних миров. Ты не паладин, и даже не рыцарь, чтобы умело сдерживать свои порывы. Ты не сможешь долго противостать им, если они захотят тебя сломить.

– И что ты предлагаешь, чародей? Не начинать охоту? – вспыхнул Рихард, сплюнув в сторону, – может ты забыл тех,

кто канул в забвение? А возможно ты не помнишь, как мы вчера погибали под стенами собственного дома, от которого ничего не осталось?

– Совсем нет! Я лишь говорю о том, что необходимо осторожнее относиться тебе к этой охоте. И если ты её вершишь сугубо из мести, а не из-за того, чтобы весь Тамриэль пребывал в безопасности, то тебе лучше оставить эту погоню.

– Что?! Что бы я, Рихард, стражник Цитадели завершал погоню за теми, кто предал меня и разорил мой дом? Да я лучше сдохну в вихре этой самой погони, нежели позволю предать собственные идеалы.

– Ты только послушай себя. Ни Ордена, ни Цитадели уже не существует. Ты гонишься за призраками во тьме. Ты можешь стать жертвой не только собственных амбиций, но и тех существ, которые придут за ней. Остановись, Рихард, не дай жажде мести затуманить твой рассудок. Ты не знаешь, как всё это может кончиться. Я прошу тебя, будь благоразумен.

– Слушай сюда, колдун, – уже на пике еле сдерживаемого гнева говорил воин. – Я не поддаюсь скверне Люция не тогда и не предамся впредь. У меня нет повода, чтобы бояться тёмной стороны. Я тот свет, который её рассеет. Я не отступлюсь от охоты, несмотря на то, что тебе может показаться или почудиться в глубинах твоей безумной фантазии. Никогда.

– Ты в шаге от безумия, – запротестовал негодованием и

сердитым удивлением чародей. – Если ты сейчас не остановишься, то всё для тебя кончится более чем плохо. Ты сам себя толкаешь в руки тех сил, с которыми борешься. Обуздай собственный гнев, Рихард, прошу тебя, иначе ты станешь ничем не лучше тех еретиков, которых мы убивали под цитаделью.

Только Рихард собирался продолжить, как всех приврал ор Йорика:

– Заткнулись все!

Пока Йорик собирался с мыслями, Азариэль позволил себе на мгновение задуматься. Ему предлагают путь возмездия, путь кровавой мести, о которой он так грезил. Это шанс поквитаться с Люцием и воздать ему за руины дома и кровь друзей. Меч, дух и душа взывают к долговому пути возмездия, где в конце оно сам повелитель раздора.

«Но» – убеждает себя Азариэль. Со всей тяжестью на сердце Азариэль смотрит на то, кем он может стать. «Второй Рихард, потерянный в жажде мести». С него достаточно крови и сражений, да и друзей не вернёшь никак, а вот потеряться в безумии преследования можно. Это конец и Азариэль чувствует... понимает это. Смысл жизни он потерял, но вот обрести его в сумасбродной погоне не желает... юноша не хочет, чтобы путь мести стал его жизнью.

– Конец нашей прошлой жизни сказался на всех, Азариэль, – глубоко заговорил Йорик, взирая на всех взором глубоких небесно-голубых зениц. – Ордена теперь нет и поте-

рян наш смысл существования, а посему кто-то пытается его найти в мести. Пускай, боги их рассудят. Что касается меня. Я ухожу.

После сказанного Йорик встал и пошёл прочь от них. Паладин, глава сияющего воинства Ордена, без тяжести и слёз попрощался с прошлым, что удивило Азариэля. Юношу пугает неизвестность и неопределённость, но мысли спутываются, когда прозвучало его имя:

– Азариэль, – нервно обратился Рихард. – Почти память друзей пиром крови предателей. Они отступники и должны умереть.

– Оставь его, – поднялся Айк'Аран. – У него есть дела поважнее твоей мести. Если тебе так угодно, я присоединюсь к тебе, а то угробишь и себя, и народ.

– Ну а ты Ремиил. Разве рыцарская честь не зовёт тебя обратить меч против супостата?

– С меня хватит... честно. Десятилетия битв и крови. Я хочу покоя. Возможно, я понимаю Йорика, – устало ответил Ремиил, потирая глаза и зевая. – Мне нужен отдых.

– Ну, коли же Ремиил не идёт, я могу присоединиться к вашей рати, – поглаживая лезвие меча, говорит Готфрид. – Пока заняться всё равно нечем, так что какое-то время побуду с вами.

– И меня в ваш отряд запишите, – с силой воткнув рапиру между разломанной брусчаткой, заявил Рафаэль. – Ваш Люций... в общем, вся моя рота полегла тут, все мои ребята,

храни их Аркей.

– Вот это дело! – обрадовался Рихард, потирая ладони.

Спустя полминуты полного молчания, Азаризель заговорил:

– Объясните мне, что творится и где сейчас Регент? Вчера я был не в состоянии что-либо слушать.

– Ордена больше нет, – прохрипел Ремиил, потирая горло, и дальше говорил уже нормально. – Регент подписал документы о его упразднении и передал остров, руины и все наши артефакты, которые можно найти, во владение Империи. К тому же, Совет Старейшин и император засекретили... эм... постановили об уничтожении всех сведений о нашем Ордене и войне с люциитами. Так что нас нет, и никогда не было.

– А Тилис куда ушёл?

– Он ушёл, как ты, верно, казал, – решил ответить маг. – Куда, мы не знаем и зачем тоже.

– А... эльфийка? – беспокойство вырвалось с вопросом. – Сюда должны были принести рыжеволосую эльфийку в зелёных одеждах, где она?

– Ишь нынешнее племя, – заёрничал Рихард, – только пали обеты, он уже за эльфийкой слюни пускает.

– Заткнись, и без тебя тошно!

– Да, помню такую, – спокойно ответил Аик'Аран. – Перед отправкой на континент приносили одну девушку. Со всем изнеможённая девочка, даже жаль её. Ты, если хочешь, можешь проведать её. Она в Донжоне.

– Как она? – поднялся Азариэль.

– Я наложил на неё заклинание медленного восстановления, ибо она потратила всё на мощнейшую магию восстановления. Я за ней присмотрю, пока мы всё тут уладим.

Азариэль больше ничего не стал слушать. С трепетом в сердце он направился в Донжон, перелетев через скамейки и почти не запнувшись о ящик, чем вызвал небольшой смешок со стороны Рихарда.

Внутри просторного помещения сыро, прохладно и темно, ибо единственный источник света – большой вход, окна да несколько свечей, слабо отгоняющих мрак. Откуда-то сверху доносятся гулкие звуки бурного разговора, слабо различимые для понимания.

На койке, у самой стены и тумбы, Азариэль увидел её. На не пачканном лице девушки пляшут пульсирующие тени, отбрасываемые из-за свечи на тумбе. Её лик так же прекрасен, как и прежде, и особенно изумителен явными скулами; через рыжий волос виднеется два острых длинных уха, подтверждающих эльфийскую сущность.

– Гэ’эль, – соскочил тихий угнетённый шёпот с губ Азариэля.

Парень взял руку эльфийки, почувствовав, как внутри неё томится тепло, он увидел, как над телом блестит эфемерный покров заклатья. Он улыбнулся тому, что ещё не всё кончено и у неё есть шанс прийти в себя.

– И всё же ты...

– Нет, Ремиил, – оборвал юноша мужчину, вошедшего за ним. – Не то, что ты подумал. Если бы не она, то мы бы с тобой не разговаривали. Что ж, теперь я её должник.

– И куда же ты теперь отправишься, Азариэль? Имперские лодки долго ждать не будут.

– А ты, Ремиил, ты, куда будешь путь держать? – сдерживая слёзный ком, вопрошал Азариэль. – Где мне тебя потом искать?

– Если захочешь меня найти, то ищи в одной неприметной деревушке под Норт Пойнтом, – бесстрастно сказал мужчина. – Это на севере Хай Рока.

– Тебя там хоть ждут?

– Всё может быть... а ты куда собираешься?

– Я даже не знаю, куда мне отправиться, – сокрушённо ответил юноша, освобождая руку эльфийки, но не отпуская взгляда с её лица. – Всё ради чего я жил и сражался... всё во имя чего были даны клятвы. Я... мои друзья мертвы... моё дело погрязло, – у Азариэля перехватило у сердца, и он замедлил речь, успокоившись. – Знаешь, я бы прямо сейчас отправился в первую попавшуюся таверну и напился бы.

– Тогда можешь подождать с пьянством кутежом. Вчера удалось... поговорить с одним из твоих друзей-неофитов из числа предателей.

– Что?! – встрепенулся Азариэль. – Как? Когда?

– Вчера. Перед сном. Он поведал, что часть неофитов после предательства Ордена сбежала. Десять братьев и сестёр

покинули Орден Ложи, и в их числе была твоя подруга.

– Аквила! – вскрикнул юноша не в силах удержаться от вспыхнувшей бури эмоций, разрывающей душу. – Где она?!

– Он, прежде чем издать дух по воле имперского правосудия в лице солдат, поведал о том, что они от них откололись где-то в Нибеней. Это всё.

– Аквила, – прошептал Азариэль.

Новая надежда возгорелась в нём, подобно геральдическому солнцу на тканевом багрянце знамени Ордена. Новый смысл наполняет его существование и холод заброшенности, ненужности и обречённости отступает назад, а на его место приходит цель.

– Ты будешь её искать? – настойчиво спросил Ремиил.

Мгновения Азариэлю хватило, чтобы дать уверенный ответ:

– Она – мой друг детства... спасший меня. Я хочу всё выяснить, что произошло между нами и, если мне соблаговолит удача, снова сдружиться. Она не самый плохой человек, чтобы оставить её одну, и я её объясню, что она ошиблась, – в Азариэле на мгновение выиграла гордыня и спесь. – Да-да, я ей покажу, как она ошибалась в своём выборе стороны Люция, наставлю на правильный путь.

– Я не буду спрашивать, где ты будешь её искать. Я всего лишь желаю тебе удачи, и найти её раньше Рихарда.

– Спасибо, Ремиил, – речь Азариэля стала тяжела. – Орден это последнее, что нас с ними связывало, и теперь его

нет.

– Да-а, целая эпоха с ним уходит и нам суждено растворится в забвении вместе с ней. Хотя думаю, его наследие ещё напомнит о себе, – в серебряных глазах Ремиила сквозь бездонный мрак мелькнул свет. – За что нам это, Азариэль?

– Не знаю. Думаю, за то, что мы отвергли наше предназначение и Люций ощутил это. Большинство были ведомы добрыми намерениями, но они стали лишь инструментом для Люция.

– Ладно, теперь отправимся на корабли. Дорога нас ждёт долгая...

Единственная оставшаяся эмоция у Азариэля, после долгих лет службы и тайной войны, после кровавой бани и потери всего дорогого – мука. Его терзает пламя сожаления, что после себя он оставляет лишь выжженные поля, орошённые кровью.

«А конец ли это?» – спрашивает юноша сам у себя, не находя ответа.

Примечание

В обложке использовано изображение с сайта <https://coolwallpapers.me> распространяемое свободно по лицензии ССО, а также рамочное изображение с сайта <https://pngtree.com>, распространяемое свободно по лицензии ССО.

Текст на обложке – «Сеющий ветер, пожнёт бурю» из Кни-

ги Пророка Осии, глава восьмая, стих семь, написанный символикой снежных эльфов.